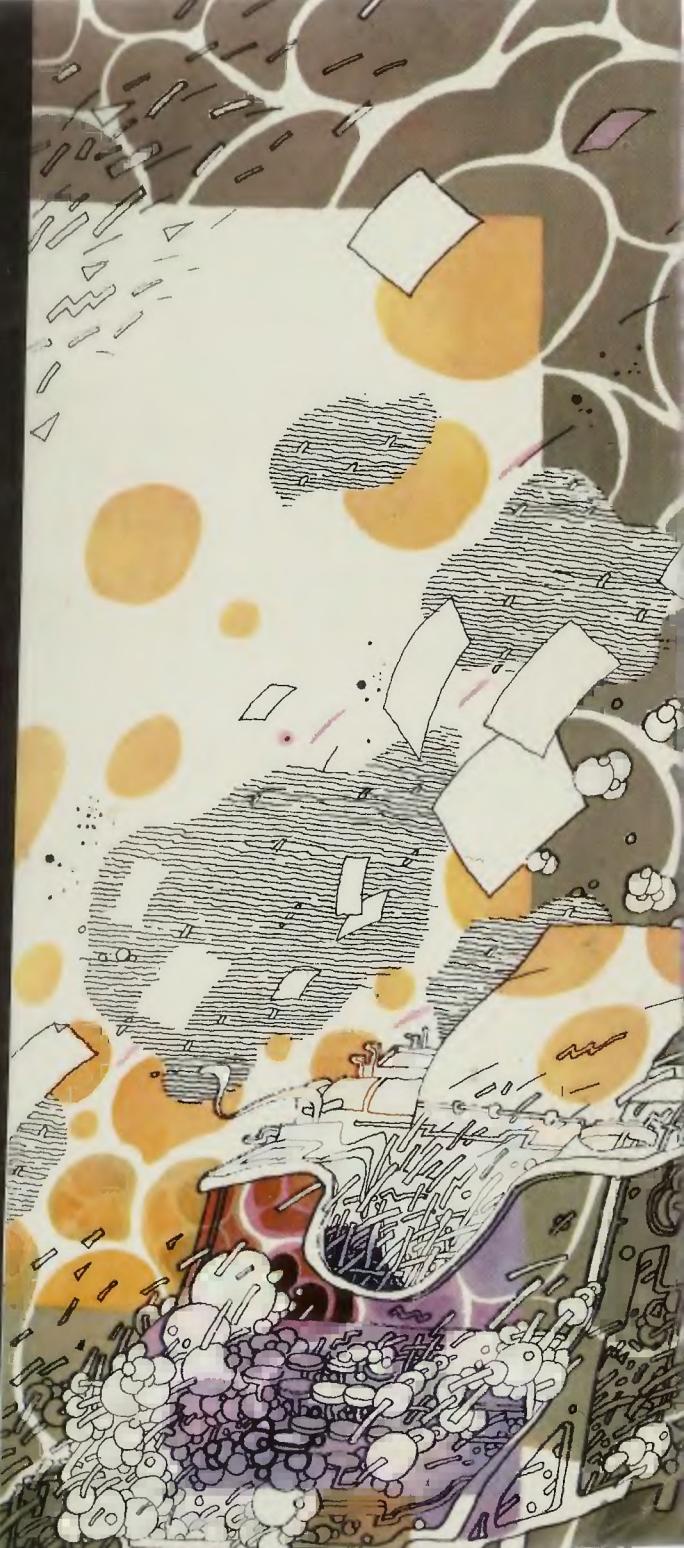

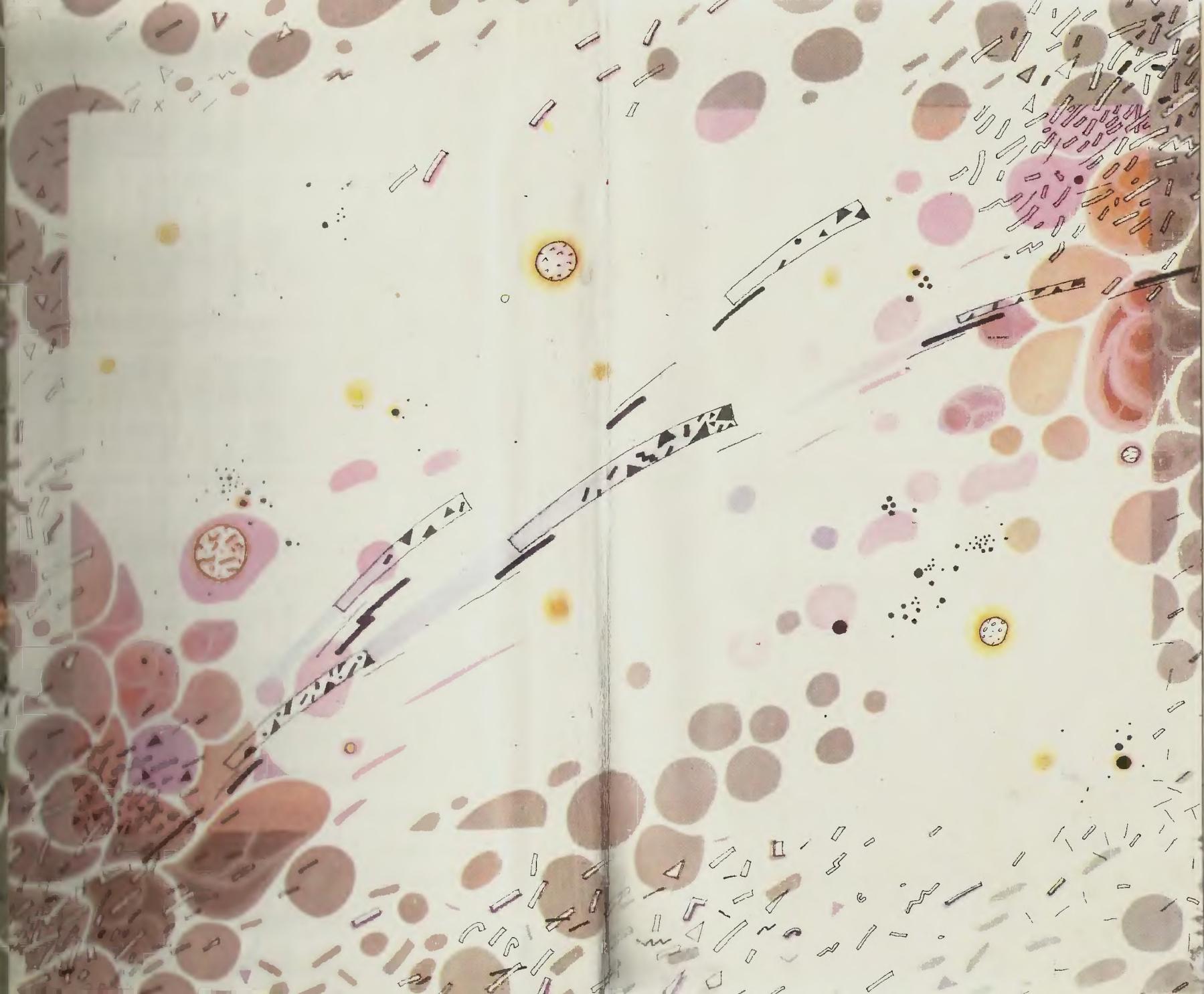
Советская
фантазия 80-х годов

СОВЕТСКАЯ
ФАНТАЗИЯ 80-х годов

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАЗИИ

08/1

«Библиотека фантастика» в 24 томах

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ
1/80

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. П. Казанцев

(председатель)

Ю. Т. Грибов

Д. А. Жуков

А. А. Леонов

Н. П. Машовец

Е. И. Парнов

Л. В. Ханбеков

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА

80-Х ГОДОВ

Книга I

Москва «Дружба народов» 1994

**ББК 84Р7
С56**

**Составитель
Е. Гуляковский**

**Предисловие
В. Севастьянова**

**Иллюстрации
П. Перевезенцева**

ISBN 5-285-00008-4

© Е. Гуляковский, состав, 1993
© П. Перевезенцев, иллюстрации, 1993
© В. Севастьянов, предисловие, 1993

Школа Ефремова

В 80-е годы в советской фантастике сформировалось литературное направление последователей, как они себя называли, Ивана Ефремова.

«Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Таис Афинская», «Час Быка» — эти и другие произведения снискали заслуженный интерес поклонников литературы к личности Ивана Антоновича Ефремова (1907—1972) — ученого, путешественника, философа, историка, фантаста, энциклопедиста. Достаточно сказать, что за девятнадцать лет, прошедших со дня смерти Ефремова, его книги выходили более семидесяти раз в сорока странах общим тиражом свыше полутора миллионов экземпляров.

В чем причины такого успеха? Прежде всего это — внимание к факту науки и документам истории, скрупулезное изучение первоисточников. Отмечу также его веру в то, что цивилизация благополучно одолеет подводные камни проблем экологии, народонаселения, накопления запасов оружия массового уничтожения и т. д. Наконец, еще одна причина, о которой сам Иван Ефремов писал:

«Прекрасное служит опорой души народа. Если сломать, разбить, разметать красоту, то ломаются устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизнь. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастает любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своем славном прошлом, люди превращаются в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо.

Поэтому важнее всего для судьбы людей и государства — нравственность народа, воспитание его в достоинстве и уважении к предкам, труду, красоте».

У писателя еще при жизни появились ученики. Сибиряк Геннадий Прашкевич вступил в переписку с Ефремовым прежде всего как с основателем науки тафономии. Потом он несколько раз приезжал в Москву, приходил в музей палеонтологии, где Ефремов заведовал кафедрой низших позвоночных, даже ночевал в музее, среди скелетов мастодонтов, вымерших миллионы лет назад. (Места в гостинице не нашлось, а Иван Ефремов в ту пору сам ютился в коммуналке.) Такие встречи порой определяют всю биографию человека. Кто знает, не тогда ли родилась у Прашкевича идея повести, представленной в нашем сборнике. Миллионолетняя древность, застывшая в окаменевших скелетах, как это ни странно, часто уносит воображение человека к звездам.

Заботой о будущем, предвидением продиктованы отношения Ивана Ефремова и с никому тогда еще не известным геологом Евгением Гуляковским, роман которого, включенный в сборник, переведен сегодня на пять европейских языков.

«Сезон туманов» интересен яркой разработкой проблемы человеческого общежития в мировом масштабе: как ужиться разным людям, сообществам, политическим системам с их зачастую противоположными целями, устремлениями, постулатами. Действие романа перенесено в систему далекой звезды Альфа Гидры. Читатель попадает в круговорот непонятных, жестоких событий, грозящих взаимоистреблением двух враждующих сторон. Философская концепция романа, надо заметить, полностью укладывается в систему нового мышления, которое несет в себе перестройка, — слово, звучащее теперь без перевода на многих языках.

В нынешней геополитической ситуации, когда наша страна на предпринимает усилия наладить дух взаимопонимания, добра, добрососедства, особенно остро встает вопрос о «космической этике» будущего. Ее принципы, утверждающие, что цель жизни и деяний любого разумного существа должны служить прогрессу всего космического целого, преодолению закостенелых форм и традиций, были сформулированы еще К. Циолковским, позже развиты в творчестве самого Ефремова, теперь их осмысляют его ученики.

В последние годы все чаще появляются литературовед-

ческие работы, обосновывающие связь современной научной фантастики с фольклором, мифологией, выявляющие родословную многих фантастических идей. Только ли пустая выдумка — мир причудливых существ дохристианской мифологии, все эти лешие, русалки, мавки, оборотни, злые и добрые духи четырех земных стихий? Почему так пленились этим причудливым миром выдающиеся наши писатели Пушкин, Гоголь, А. К. Толстой, Достоевский, Брюсов, Булгаков и другие мастера слова?

Основательной разработке фольклорных образов посвящена повесть красноярца Олега Корабельникова «Башня Птиц». Введение в сугубо реалистическую прозу элементов необычного, иррационального помогает автору ощутить нашу планету как заповедник Добра, Красоты. Все должно быть дорого нам в этом звездном заповеднике: каждая пядь земли, каждый миг на геологической и астрономической шкале времени, и как апофеоз земному бытию звучит завещание главного героя, пожелавшего, чтобы после смерти «его тело отправили в космос, где бы оно, постепенно приближаясь к солнцу, упало бы на его поверхность, и сгорело бы в его недрах, и превратилось бы в поток фотонов, летящих во все концы Вселенной, живой и бессмертной». Мысль о живой и бессмертной Вселенной неоднократно встречается в произведениях и высказываниях Ивана Ефремова.

При всем разнообразии жанров и направлений внутри Школы Ефремова всегда можно обнаружить некие связующие нити, протянувшиеся от автора к автору. Суть этих внутренних связей хорошо выразил сам Иван Ефремов:

«Красота — это светозарный мост в будущее, по которому художник-фантаст должен совершать свои странствия в грядущие времена. Его призвание — по крупице, по зернышку собирать все то прекрасное, что рассеяно ныне по лицу нашей планеты, собирать, обобщать, концентрировать, помятуя о героической симфонии завтрашнего дня. Изображение будущего — это колossalный труд собирания красоты. Из окружающего нас космоса. Из души человеческой. Из отражения солнца на воде. Из звезд. Из облаков».

Этот завет Ивана Ефремова отразился и в творчестве одного из его ближайших учеников Юрия Медведева, чья проза своими корнями уходит в историю родины, черпая там окоемные глубины фантазии.

У читателя могут возникнуть естественные вопросы: почему в сборнике представлены одни авторы, а нет других? почему выбраны именно эти произведения?

Чтобы представить всю Школу, не хватит и двадцати четырех томов нынешней библиотеки фантастики — ведь Школа Ефремова разрослась на всю страну. В одной только Сибири более пятидесяти молодых писателей-фантастов, объединившихся в постоянно действующий семинар под творческим руководством С. Павлова, Е. Гуляковского, Ю. Медведева, В. Щербакова, выпускают свои первые коллективные сборники.

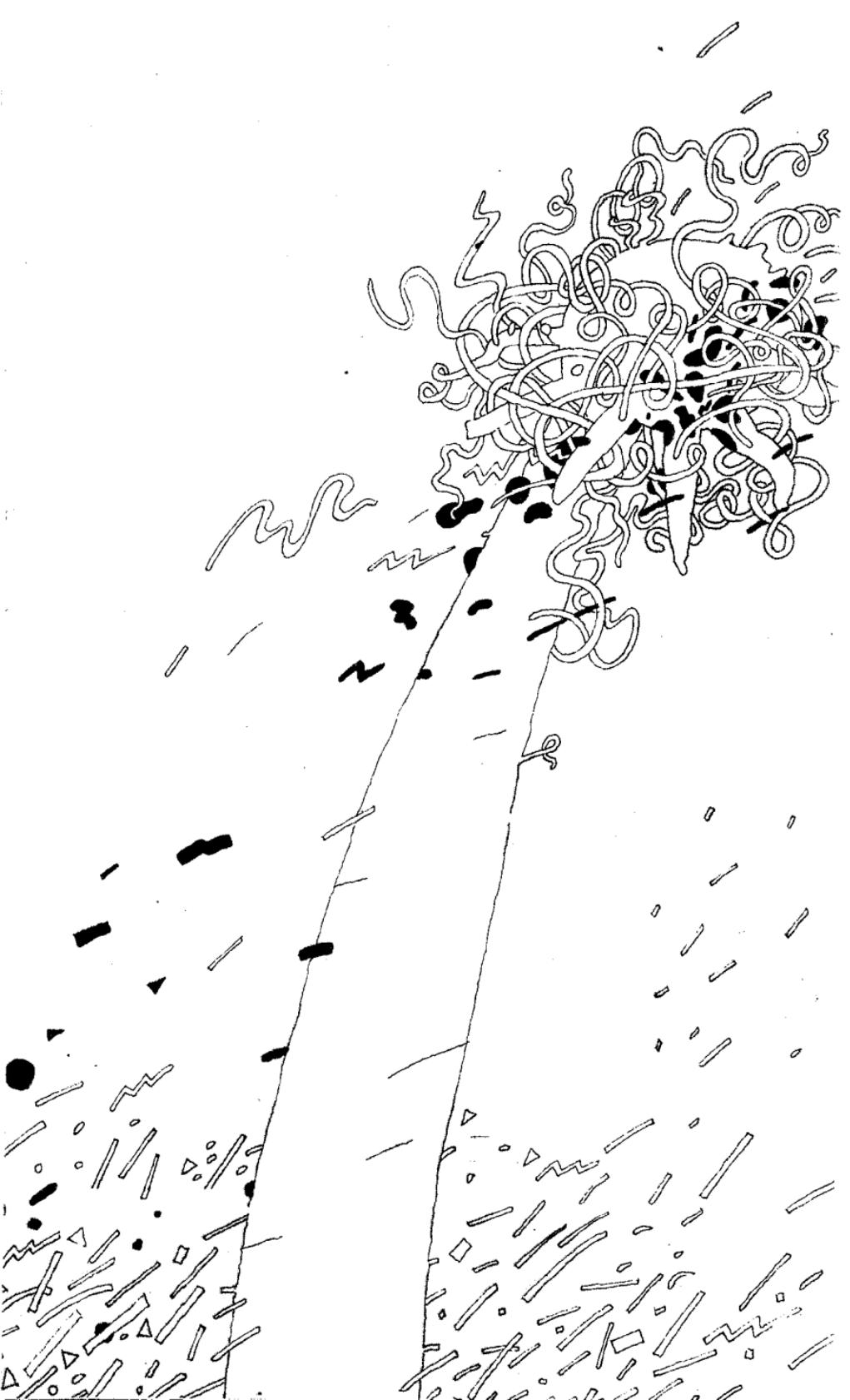
Составитель попытался представить в одном томе жанры, характерные для фантастической прозы 80-х годов от романа до рассказа, различные направления внутри самой Школы: фольклорную фантастику О. Корабельникова, романтическую прозу Ю. Медведева, космический вестерн М. Пухова, фантастическую восточную сказку Ю. Харламова...

Насколько это удалось — пусть судит читатель.

*Виталий Севастьянов,
летчик-космонавт СССР*

**Евгений
Гуляковский. Сезон туманов. Роман**

Часть первая

Белые колокола Реаны

1

Колония расположилась в долине Трескучих Шаров. Только раз в восемь лет набирали силу для цветения эти странные растения. Раз в сезон наполнялись соком их могучие стебли, несущие на шестиметровых венчиках огромные мягкие баллоны спороносов, и тогда без маски нельзя было выйти из коттеджа. Одуряющий запах непостижимым образом проникал сквозь биологическую защиту и сложную систему химических фильтров. В такие ночи Дубров плохо спал. Не помогала даже система аутогенной тренировки. Пронзительный тревожный запах забирался в его сны и звал из коттеджа в долину, туда, где ветер, разогнавшись в ущелье, сталкивал друг с другом огромные белые погремушки. Ему снилось, что это звонят колокола его далекой родины. Белые колокола.

Высоко в небе Реаны прочертilla свой след падучая звезда. Она летела медленно, роняя колючие искры, словно капли голубой воды. Дуброву казалось, что он видит звезду сквозь плотно сжатые веки и потолок коттеджа. Галлюцинации в период цветения шаров обладали резкой убедительной силой, к тому же они всегда имели прямую связь с реально происходящими событиями.

Дубров рывком поднялся с постели и нашупал выключатель радиции. В шестом квадрате чуткие усики локаторов нашупали ракетную шлюпку... Дубров вздрогнул и, не поверив себе, сравнил цифры, появившиеся на информационном табло, с данными компьютера. Ошибка исключалась. Это был все-таки ракетный шлюп. Радиограмма достигла Земли поразительно быстро. Из этого следовало сразу

три вещи. Во-первых, его немедленно отстранят от должности. Во-вторых, в ближайшие дни он навсегда покинет Реану, а следовательно, никогда больше не увидится с Вельдой. Было еще и в-третьих... В-третьих означало, что загадка Трескучих Шаров никогда не будет разгадана. Любому человеку для того, чтобы подойти к решению так близко, как это удалось сделать ему, потребуется не меньше восьми лет. Сезон цветения шаров кончится через два месяца, а до следующего сезона колония на Реане наверняка будет свернута.

Инспектор внеземных поселений был сух, официален и почти скучен. На его острых скулах выступила рыжая щетина, и Дубров неприязненно подумал, что для инспектора Реана — всего лишь глухая провинция.

В руках инспектор вертел маленький серебряный карандаш. Дубров пристально следил за мельканием блестящей палочки, стараясь взять себя в руки и подавить неуместное сейчас раздражение.

— Вам известно правило, запрещающее контакт с биоценозом чужих планет?

— Я знаю наизусть тридцать второй параграф колониальной инструкции.

— Прекрасно.— Инспектор устало растер виски.— В таком случае я хотел бы выслушать, чем вы руководствовались, нарушив его.

— Вряд ли вы меня поймете. Для того чтобы понять, нужно прожить здесь лет десять. Параграф нарушен. Я согласен принять на себя всю ответственность, разве этого не достаточно?

— Мне необходимо знать мотивы, которыми вы руководствовались. Не всегда инструкция отражает объективные условия конкретной планеты. В таком случае, если доводы обоснованы, мы изменяем инструкцию. Итак, ваши мотивы?

Дуброву стало скучно. Разговор потерял смысл. Мотивы... Как будто он мог рассказать об этом, как будто это можно было понять, не испытав самому.

— Масло трескучек не наркотик.— Он произнес это тихо и убежденно, не надеясь, что ему поверят.

Ротанов закончил расследование поздно вечером. Он сложил кристалограммы с записью показаний очевидцев в сейф, выключил автоматического секретаря и про-

шел в тамбур. Загорелось табло с надписью: «Наденьте маску». Противный привкус ментола, пробившись через мундштук, вызвал у него легкий приступ тошноты. Двойная дверь со скрипом ушла в сторону, и он шагнул на тропинку, ведущую к коттеджу совета старейшин. Ему предстоял еще один неприятный разговор. Он прошел через площадку, сплошь забитую зеленой ботвой огурцов и редиса. Земные овощи легко освоились с непривычной почвой. В этой долине все росло удивительно бурно, хотя остальная поверхность планеты представляла собой бесплодную пустыню. Собственно, именно этот фактор определил судьбу колонии. Десять лет люди топтались в долине трескучек, так и не сумев сделать ни одного шага наружу. Резервация — вот что это такое. Резервация, не имеющая никаких перспектив, к тому же слишком дорогая. Ротанов остановился и зачерпнул из-под ног горсть сухой голубоватой пыли. Смесь песка и глины. Такая же, как в пустыне. Ничем она от нее не отличается, ну абсолютно ничем. Анализ делали по крайней мере раз десять, и вот, поди ж ты, растения здесь растут как на дрожжах, стоит лишь дать им немногого воды и минеральных удобрений, а в пустыне они не растут... Ротанов пропустил сквозь пальцы сухую струйку песка и задумался. Ему не хотелось идти к коттеджу старейшин, ему не хотелось выполнять такую очевидную и необходимую миссию. Все дело в том, что это на Земле казалась она такой уж очевидной и необходимой. На Земле, а не здесь.

Они собрались в тесной комнате все четверо. Трим было не больше сорока, и только Крамов мог похвастаться седыми висками.

В дальних колониях срок человеческой жизни отмеряют иные, чем на Земле, факторы. И, подумав об этих украденных у них годах жизни, Ротанов обрел наконец необходимую твердость.

— Я должен сообщить вам решение Главного Космического Совета. Поселение на Реане решено ликвидировать.

Собственно, это было его решение. Для того и существовали инспектора внеземных поселений. Совет не мог оценить всех местных факторов, и последнее слово всегда оставалось за инспектором. Почему-то он не мог сказать им прямо в глаза: «Я решил». Он даже понимал почему. Хотя они ждали от него именно этих слов, готовились к ним, он сразу увидел, как замкнулись, посу-

ровели их лица, резче обозначились скулы. Так уж устроен человек, вложив в кусок чужого пространства годы своего труда, надежды и планы, он превращает это пространство в дом, в маленький кусочек родной планеты, и чем труднее дается борьба за этот клочок земли, тем он ему дороже, и ничего с этим не сделать, за сотни лет ничего не изменилось... Но освоение далеких, не приспособленных к жизни планет обходится слишком дорого. Развитие таких вот оторванных от человечества маленьких колоний чаще всего проходит неблагополучно. На Реане смертность превысила рождаемость, колония с каждым годом уменьшается, попросту вымирает, и он обязан увести их отсюда. Им уже подготовлено место для нового поселения на Регосе. И, понимая все это, он все же отвел взгляд в сторону, прикрыл свое решение именем Главного совета и теперь слушал их ледяное молчание, в котором ворочались тяжелые, как валуны, возражения и даже обвинения в адрес совета и в его собственный адрес. Он не сомневался, что через минуту они соберутся с мыслями и все ему высажут. Что совет далеко, что он не понимает, что это лишь временное отступление, что они собирают данные, анализируют причины. Что годы изучения и освоения планеты не прошли даром, что именно сейчас они готовятся к решающему броску... Все это он уже слышал. Чтобы опровергнуть все их доводы, достаточно простого компьютерного расчета, и все же он чувствовал себя виноватым, словно это он сорок лет назад послал их на Реану, словно это по его вине десять лет они ломились сквозь пространство к своему малоисследованному, новому дому, открытому автоматическим зондом. Но раз ему дано право принимать решения, то вместе с этим нелегким правом на человека автоматически ложится и все бремя ответственности за прежние ошибки, совершенные другими и породившие в конце концов условия, приведшие к сегодняшнему нелегкому разговору.

Первым поднялся председатель совета старейшин Крамов и молча положил перед Ротановым пачку фотографий.

— Что это?

— Развалины.

— Что, что? — не поверил Ротанов.

— Развалины. Остатки кладки. Очень древние, не меньше десяти тысяч лет.

Ротанов разложил перед собой пачку так, как раскла-

дывают пасьянс. Это уже третья находка. Остатки стен, где ничего не сохранилось, кроме этих древних камней. Нельзя будет даже установить, что это такое. Скорее всего и здесь был лагерь какой-то чужой экспедиции. Если бы на Реане была своя древняя и вымершая цивилизация, она бы оставила больше следов. Ротанов задумчиво перекладывал фотографии и не спешил с ответом, понимая, что теперь у Крамова появились основания требовать от совета исследовательской экспедиции, что до ее завершения колонию сворачивать нецелесообразно... Вряд ли совет санкционирует такую экспедицию. От развалин почти ничего не осталось, к тому же это не первая находка, две другие так ничего и не прояснили, хотя там было потрачено впустую много сил. Тысячелетия назад кто-то строил в космосе стены из камня, строил на разных планетах — вот все, что они узнали об этих развалинах.

— Археология за десять светолет — для нас это сейчас дороговато, может быть, в будущем...

— А мне кажется, я понимаю, в чем тут дело! — перебил его самый молодой из членов совета старейшин, геолог Миров.

— Да? — заинтересованно спросил Ротанов.

— Совет не хочет поддерживать поселения на дальних планетах, потому что в своем развитии они выбирают самостоятельный путь, слишком независимый от Земли!

— Хорошо,— неожиданно для себя согласился Ротанов.— Я посмотрю эти развалины. Если окажется, что они представляют интерес, я буду голосовать в совете за исследовательскую экспедицию.— В глубине души он был уверен, что это бессмысленная затяжка времени, что он все равно не отступит от первоначального решения. Когда все стали расходиться, он задержал Крамова.

— Я хотел бы знать ваше мнение об этой истории с Дубровым. Он утверждает, что сок трескучек не содержит наркотических веществ. Образцы сока исследовали лучшие лаборатории Земли. Результат исследования мы вам сообщали...— Крамов задумчиво покачал головой.

— Тут все не так просто. Полностью законсервировать сок не удается, он начинает изменяться уже через несколько минут после того, как его извлекут из плодов трескучки. В нем происходят сложные химические реакции, а уж через год... Одним словом, Земля исследовала не сок трескучек, а то, что от него остается. Какие-

то кислоты образовались, какие-то эфиры разрушились — словом, здесь он совсем другой, и его действие на человеческую психику очень сложно, гораздо сложнее простого наркотика. К тому же, учтите, к наркотику надо привыкнуть, только тогда появится побудительный стимул для его приема. У нас все получается наоборот. Как вы знаете из наших отчетов, два человека уже погибли, попробовав сок трескучки. И все же нашелся третий... Я не знаю, почему он выжил и что теперь с ним будет. А тем более, я не знаю, почему он это сделал... На Земле вам все кажется проще, чем оно есть на самом деле.

— Возможно, вы правы... — Ротанов задумчиво катал маленький бумажный шарик. — Но здесь может быть и другое объяснение, ведь Дубров работал с трескучками, как и те двое?

— Да, конечно.

— В таком случае можно предположить, что наркотик действовал постепенно, малыми дозами проникая через фильтры вместе с запахом. Он накопился в организме в достаточном количестве, и родилось острое желание попробовать его в большой дозе...

— Вместе с ним над трескучками работало еще человек десять, и только один из них... — Ротанов пожал плечами.

— Возможно, у них лучше работали фильтры.

Они надолго замолчали. Крамов нервно комкал пластиковую скатерть на столе.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Полная изоляция и жесткий карантин не менее года в лучших клиниках Земли.

— Он может не согласиться.

— Даже в том случае, если работы здесь будут свернуты? Ведь без карантина возврат на Землю для него исключен.

— Даже в этом случае.

— Я не думаю, что у него останется право на свободу поступков. В случае повреждения психики человек может быть лишен такого права.

— Это жестоко, Ротанов.

— Я обязан думать прежде всего о безопасности всех остальных. Вместе с соком трескучки он мог заразиться каким-нибудь неизвестным вирусом, воздействие чужих биогенов на человеческий организм непредсказуемо. В конце концов, он может стать попросту опасен. И потом,

мы должны выяснить, как действует на человека сок этих проклятых растений! Хоть это мы увезем отсюда...

— Слишком дорогую цену вы готовы заплатить. Но я думаю, у вас ничего не получится.

— Уж не вы ли мне помешаете?

— Нет. Но я предупредил — все гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Когда вы намерены осмотреть развалины?

— Завтра на рассвете. Приготовьте вездеход.

— Вы знакомы с археологией?

— Кладку Рэнитов я узнаю! — уже не скрывая раздражения, ответил Ротанов.

— Хорошо. Я распоряжусь насчет вездехода. За вами зайдет Нита и проводит в подготовленный для вас коттедж.

— Я мог бы остаться здесь. Все коттеджи стандартны.

— Как хотите.

Глухая тоска навалилась на Ротанова сразу же, как только за Крамовым захлопнулась тяжелая двойная дверь наружного тамбура. Ну почему он вынужден натягивать на себя непробиваемую носорожью шкуру в разговоре с этими отличными ребятами? Что за проклятая должность! И ведь нельзя иначе. Прежде всего он обязан быть объективен. Любые эмоции, личные симпатии — все это не должно вмешиваться в его работу. Тоска от этих рассуждений не стала меньше. Он знал, что никто к нему не придет, даже эта симпатичная девушка Нита, которую наверняка попросили быть к нему предельно внимательной. В конце концов, долг вежливости они выполнили, параграф соблюден, хоть в этом они имеют право быть с ним на равных.

Оборотной стороной его работы было полное одиночество и отчуждение во всех инспекционных поездках. Он привык к этому и не ждал ничего другого.

Дубров вышел из коттеджа часа в два. С минуту он стоял на пороге, вслушиваясь вочные шорохи. То, на что он решился, делало для него одинаково опасным и людей, и все остальное. Он не смог бы подобрать более точного определения для этого «остального». Определения попросту не существовало в человеческом языке. Осматривая лагерь, скруто освещенный ночными фонарями, он еще раз проверил поклажу в своем рюкзаке. Здесь были мощный и легкий фонарь, нож, веревка, винтовой

пресс, герметический пузырек. На поясе у него болтался тяжелый футляр с излучателем. Дубров проверил заряд, искренне надеясь, что ему не придется пользоваться оружием. Вообще говоря, на Реане не было животных, вот только в период цветения шаров это оказывалось не совсем верным...

Вечером в своем коттедже, он слышал разговор старейшин с Ротановым так отчетливо, словно в их комнате стоял передатчик. С ним это уже бывало, и он знал, что слуховые галлюцинации скорей всего соответствуют истине. Во всяком случае, рисковать он не мог. Времени у него оставалось очень мало. Только до рассвета, часов шесть, не больше.

Поселок колонии располагался у самого края речной долины. Поля и огороды врезались в заросли трескучек, отняв у них порядочный кусок плодородной почвы.

«Словно мы у себя дома, — подумал Дубров. — Словно это лес, который можно корчевать... Но только это не лес». Он сплюнул в песок, растер сапогом пыль, еще раз проверил фильтры и только теперь натянул маску. Снизу пробрался ветер. Большой мягкой лапой он прошелестел в проводах, поднял с тропинки блеснувшее в лучах фонаря облачко пыли и умчался за изгородь к холмам, на которых росли трескучки. Почти сразу же оттуда донесся оглушительный хлопок, словно кто-то взорвал там петарду.

«Началось», — сквозь зубы проворчал Дубров и пожился. Он понял, что если немедленно не уйдет, то скрепя всего вернется обратно в коттедж, решимость его улетучивалась как дым. Он вспомнил серебряный карандашик в руках инспектора, зло выругался, подтянул рюкзак и шагнул в темноту. Еще минуту-другую его фигура смутно маячила в неярком свете фонаря, потом она исчезла у ограды поселка.

Тревога не дала Ротанову уснуть всю первую половину ночи. Особых причин для этого вроде бы не было. Все шло как обычно. Ликвидация не оправдавшей себя далекой колонии всегда связана со столкновением различных интересов и нервотрепкой. Скорее всего на него так сильно подействовал необоснованный упрек Крамова в жестокости. А может быть, была другая причина? Ощущение опасности, к примеру? Нет, это не то. Чувство непосредственной опасности было ему слишком хорошо знакомо.

Ротанов терпеть не мог прибегать к услугам химии и предпочел встать. Он смочил виски холодной водой — от бессонницы у него слегка разболелась голова и решил немного пройтись. Процедура надевания маски прогнала остатки сна. Он пожалел о своей затее, но отступать было поздно.

Странные колючие растения, привезенные не то с Земли, не то с Марса, оплели весь балкон. В полумраке их мясистые стебли казались щупальцами подводных чудовищ. Небо затягивала легкая облачная пелена, такая прозрачная, что сквозь нее неясными размытыми шариками проглядывали звезды. Где-то у самого горизонта вставала одна из двух лун Реаны, и ее призрачный зеленоватый свет окрашивал горизонт на востоке.

Всякий раз, прилетая на чужие планеты, Ротанов испытывал странное чувство — ожидания скрытой здесь от людей тайны и еще удивление. Удивление тому, что стоит сейчас в таком месте, где его не должно быть. Не может быть. В месте, заведомо скрытом, запретном для людей. Отделенном от них бесчисленными километрами пустоты, и вот, поди ж ты... они сажают здесь салат и эти колючие никчемные стебли.

Возможно, это чувство постоянного удивления помогало сохранить ему остроту и свежесть восприятия, способность замечать детали, столь необходимые в его работе. Но оно же и мешало ему порой, отвлекало, уводило в сторону от сиюминутной, конкретной задачи, правда, потом почему-то чаще всего оказывалось, что этот неожиданный поворот открывает перед ним новые горизонты, выводит из тупика, помогает раскрыть какую-нибудь сложную загадку, решение которой лежало за пределами обычных проторенных дорог. Возможно, именно это называлось интуицией...

Человека у ограды он заметил не сразу. Кому-то еще не спалось в этот поздний час... Вначале он почувствовал всего лишь удивление, но уже через секунду его насторожила странная, крадущаяся походка человека. Он хотел его окликнуть, но мундштук маски во рту помешал это сделать, и человек успел скрыться. Там не было никакой калитки. В той стороне за оградой начинались дикие заросли, и пойти туда ночью мог решиться всего лишь один человек, и если он не ошибся, то эта ночная прогулка Дуброва многое могла прояснить в запутанной истории с соком трескучек...

Замаскированный пролом в ограде он нашел не сразу, к тому же свет далеких теперь фонарей уже не мог ему помочь, и, хотя взошла луна, ее призрачный отсвет не пробивался сквозь плотную зеленую подушку листвьев, висевшую у него над головой. Ротанов остановился и прислушался. Заросли были полны непрекращавшейся ни на секунду мешаниной непонятных звуков. Что-то шуршало, потрескивало, скрипело и пищало у него над головой. Неожиданно впереди раздался оглушительный взрыв. Рвануло совсем близко и без единого проблеска пламени. Ротанов бросился на звук, выставив вперед руки, стараясь уберечь лицо от хлещущих, плотных, словно вырезанных из железа, листвьев. Неожиданно он услышал, как на самом верху, в кронах растений, родился новый непонятный звук. Впечатление было такое, словно кто-то разорвал у него над головой мешок с песком, и целые потоки этого песка хлынули вниз со свистом и щелестом, подминая под себя листву. Ротанов рванулся в сторону, но опоздал. Сухой шелестящий поток обрушился ему на плечи и сразу же, не задержавшись на одежде, скользнул вниз. Почти в ту же секунду Ротанов споткнулся о корень растения и растянулся на земле.

Удар был достаточно силен. Секунду-другую у него перед глазами плясали огненные искры. И лишь окончательно прия в себя, он увидел впереди, в нескольких шагах, неподвижное пятно света. Источник света загораживала от него плотная щетина молодой поросли трескучек. Стебли казались такими плотными и толстыми, словно их сделали из твердой резины. Все же ему удалось ползком продвинуться вперед на несколько метров и осторожно раздвинуть последний ряд растений, отделявших от него источник света. К несчастью, луч фонаря, валявшегося на песке, оказался направленным прямо в лицо Ротанову и на мгновение ослепил его.

Дубров втиснулся в пролом изгороди и очутился в зарослях трескучки. Он знал здесь каждую тропку и знал, что нужно искать. Он не заметил преследования и все же очень спешил. Ему предстояло выбрать достаточно зрелое растение, в то же время оно ни в коем случае не должно было быть полностью созревшим и готовым к выбросу спор. Определить это в темноте, да еще снизу, не видя спороносов, было достаточно трудным делом. В конце концов он остановил свой выбор на толстом щершавом стволе и полез вверх. За долгие годы у него выработалась

в этом деле приличная практика. Чтобы не повредить растения, он никогда не пользовался механическими приспособлениями и взобрался на шестиметровую высоту по совершенно гладкому стволу с помощью связанной кольцом веревки, особым образом перекинутой вокруг ствола и служившей опорой для ног. Колючки начались на уровне кроны, и здесь понадобилась вся его осторожность и весь предыдущий опыт, чтобы пробраться сквозь опасную зону.

Наверху, как только он миновал нижний пояс листвьев, сразу стало светлее, здесь ствол раздваивался, и Дубров выругался сквозь зубы. Двойной ствол на этой высоте означал, что растение имело два спороносса — случай довольно редкий и достаточно опасный, поскольку спороносы хоть и созревали практически в одно время, все же оставалось небольшое индивидуальное различие, и оно могло окончиться трагически, если второй споронос достиг стадии зрелости раньше первого. Дубров взобрался теперь почти к самой чашечке, увенчанной огромным двухметровым белым шаром со сморщенной оболочкой. Ощупав его, он почти безошибочно смог определить степень зрелости, но второй споронос... Он раскачивался где-то рядом, всмотревшись, можно было различить за спиной бледное белое пятно. Дубров зажег фонарик и теперь смог рассмотреть чуть желтоватую, изрезанную глубокими складками поверхность оболочки. Все равно это ничего не дало. Конечно, можно было спуститься до развилки и вновь подняться к этому второму спороносу. Но, во-первых, определение на ощупь никогда не было особенно точным, все равно приходилось рисковать, а, во-вторых, Дуброва с самого начала, с того момента, как он решился на этот поход, не покидало ощущение, что времени у него в обрез, что он опаздывает и дорога каждая секунда... Он не мог бы объяснить причину этого чувства, но в последнее время привык доверять своим ощущениям и предчувствиям.

Секунду поколебавшись, он решил не тратить время на второй споронос и достал нож. Самым трудным и опасным моментом было вскрытие оболочки. Дубров знал, что если споронос созрел, то на прикосновение он отреагирует взрывом, он помнил, как погиб Кольцов... Взрывом его сбило со ствола и швырнуло вниз на колючки... Можно было, конечно, привязаться к стволу, но он знал, какой силы может быть взрывная волна, и из двух зол выбрал меньшее... Рука с ножом осторожно прибли-

зилась к оболочке, и лезвие медленно, сантиметр за сантиметром, стало погружаться в рыхлую массу. Лоб Дуброва мгновенно покрылся испариной, он чувствовал себя так, словно надрезал ножом корабельную мину, да так оно, в сущности, и было. Конец ножа уперся в преграду. Это была внутренняя твердая пленка. Если споронос не созрел, то давление газов в нем еще не достигло опасного предела... Весь сжалвшись, ежесекундно готовый к сокрушающему удару, Дубров изо всех сил надавил на рукоятку ножа. Раздался легкий треск, и нож, проломив последний твердый слой, ушел в споронос по самую рукоятку. Ничего не произошло.

«Когда-нибудь я все-таки ошибусь...» — подумал Дубров. Если это случится, его похоронят без всяких почестей. Он нарушал закон, то есть попросту был обыкновенным преступником. «Но ведь они не знают...» — подумал он. — Не знают и не хотят знать...» — Он вспомнил свою единственную попытку объяснить совету колонии действие масла трескучки. Результат был прост и печален — «галлюцинации, отравление растительными ядами». Таково было официальное заключение на его докладную записку. Наверное, нужно было все оставить, вернуться к нормальной жизни, сделать вид, что ничего не произошло, но для тех, кто попробовал сок трескучки, обратного пути уже не было. На этот раз ему повезло и не стоило заглядывать слишком далеко в будущее.

Оставшаяся процедура уже не представляла никакой опасности. Он легко вырезал в спороносе отверстие достаточное, чтобы внутрь можно было просунуть руку. Нащупал венчик незрелых спор и в самом центре пустое углубление для семени. Оно всегда было пустым. Может быть, на тысячу растений одно завязывало в процессе своего развития это таинственное семя, о котором среди колонистов было сложено так много легенд. Дуброву ни разу не довелось увидеть его самому. Он опустил руку ниже и нащупал расположенные вокруг мясистого семяложа масляничные железы. Никто толком не знал, для чего нужны трескучке эти железы, выделяющие остро пахнущее, одуряющее масло. Биологи считали их атавизмом, остатком органа, который помогал переносу спор в те далекие времена, когда здесь существовали какие-то огромные, исчезнувшие ныне насекомые. Страшно подумать, как много тысячелетий пронеслось над планетой с того момента, как на ней зародились эти могучие зеленые великаны, увенчанные белыми шарами спороносов. Ступ-

ни ног у Дуброва затекли, веревка, обхватывавшая ствол, врезалась в подошвы, и все же он решил проделать всю процедуру по добыче масла в этой неудобной позе, не спускаясь со ствола на землю. Почему? Вряд ли он мог это объяснить. Возможно, им руководило все то же единственное предчувствие, шепнувшее, что так будет лучше всего. Как бы там ни было, он закрепил на поясе фонарь и, вырезав достаточное количество масляничных желез, не стал спускаться, пока не набил ими емкость пресса, не завернул его до отказа и не заполнил склянку маслом до нужной отметки. Только после этого, завернув пробку на драгоценной теперь склянке, он начал спуск. Но, увлеченный выжимкой масла, он начисто забыл о втором спороносе у себя за спиной. От неосторожного движения стебель качнулся под его тяжестью, и Дубров почувствовал, что его спина на мгновение уперлась в мягкую податливую поверхность. В ту же секунду оглушительный взрыв хлестнул по нему сзади. Страшная сила оторвала руки от ствола, приподняла его в воздух и швырнула вниз. Удар был так силен, что на несколько секунд он потерял сознание, а придя в себя, понял, что лежит плашмя на спине, сжимая в руках свою драгоценную склянку. Кости, кажется, не пострадали, впрочем, теперь это уже не имело значения. Фонарь отлетел далеко в сторону, но не разбился и не погас. Дубров хотел до него дотянуться, однако резкая боль в пояснице вновь опрокинула его навзничь. Собравшись с силами, он оперся на руки и сел, превозмогая боль, пронзившую теперь уже все его тело. Оставалось только отвернуть пробку...

Когда наконец глаза Ротанова вновь обрели способность что-либо различать, он увидел сидящего на песке Дуброва. Песок, на котором тот сидел, показался Ротанову не совсем обычным. Он был значительно темнее остального песка, и это темное пятно плотным кольцом опоясывало мощный ствол трескучки, оперевшись о который сидел Дубров. Казалось, что весь песок вокруг него обильно посыпали черной сажей. Но это было еще не все. Внимание Ротанова было направлено на Дуброва, а все, что произошло затем, заняло не более нескольких секунд. Все же боковым зрением он заметил, что песок словно бы шевелился под Дубровым, будто на него волнами налетала рябь от ветра, хотя никакого ветра здесь не было. Фонарь, который в первое мгновение ослепил Ротанова, валялся в нескольких шагах от Дуброва и осве-

щал его руки, рюкзак и нижнюю часть лица. Их разделяло теперь не больше двух метров, и Дубров, несомненно, увидел высунувшегося из зарослей Ротанова. Нехорошо усмехнувшись, он медленно поднес к губам стеклянный пузырек.

— Не делайте этого! — крикнул Ротанов и, оттолкнувшись обеими ногами, бросил свое тело вперед. Но было уже поздно. Склянка выпала из рук Дуброва, плотные маслянистые капли жидкости стекали по его щекам. Секунду они, не двигаясь, смотрели в глаза друг другу. Постепенно лицо Дуброва начало бледнеть, кожа словно становилась прозрачнее. Одновременно Ротанову показалось, что вся его фигура приобрела какую-то странную мешковатость. Исчезли плечи, подбородок безвольно свесился на грудь. На глазах у Ротанова одежда Дуброва стала съеживаться, словно она превратилась в оболочку проколотой футбольной камеры, из которой выходил воздух.

Через минуту одежда лежала рядом с рюкзаком бесформенной пустой кучей. Фонарь отбрасывал на песке резкие тени. Ротанову показалось, что он сходит с ума. Он бросился к одежде и схватил ее, словно надеялся что-то удержать. Потом выпустил куртку осторожно, словно она была стеклянной. Перевернул штаны и заглянул в пустые ботинки, будто надеялся обнаружить там разгадку бесследного исчезновения Дуброва. Вся обратная дорога слилась для Ротанова в бесконечный хлещущий поток ветвей и листьев. Когда он добежал наконец до ограды, одежда на нем висела клочьями, а на исцарапанной коже выступили капельки крови. Теперь придется пройти полный цикл дезинфекции и профилактики... Куда он так спешил? Его руки сжимали рюкзак. Прежде чем уйти, он механически сунул в него одежду Дуброва. Он не верил больше собственным глазам, и единственная трезвая мысль помогала ему сейчас сохранить рассудок. Все, что он видел, могло быть лишь галлюцинацией, навеянной ядовитыми испарениями трескучек... Ноги сами собой принесли его к коттеджу, в котором жил Дубров. В ответ на звонок автомат любезно отодвинул перед ним дверь тамбура. Обычно это означало, что хозяин дома...

Дубров лежал в постели. Увидев Ротанова, он стремительным движением поднялся на ноги. Так встает человек, еще не успевший заснуть и лишь за минуту до этого прилегший в постель. Так встает человек, привыкший к постоянному ожиданию опасности. Не скрывая иронии и

неприязни, Дубров пристально разглядывал стоявшего на пороге Ротанова.

- Чему обязан столь неожиданным вторжением?
- С вами ничего не случилось?
- Как видите. А что должно было со мной случиться?

Ротанов уже взял себя в руки.

- Зачем вы выходили из поселка час назад?
- У вас галлюцинации, инспектор. В период цветения шаров это бывает.

— Может быть, вы будете утверждать, что это не ваша одежда? — Ротанов вывалил из рюкзака на пол подобранные в зарослях тряпки. Дубров встал и распахнул шкаф. На плечиках в строгом порядке была развезена обычная рабочая одежда колонистов. Ротанов не мог определить, вся ли она на месте, но это ничего не меняло. История начинала смахивать на какой-то чудовищный фарс.

2

Сразу за поселком речная долина, раздвинув цепочку из невысоких холмов, исчезала, растекалась вширь, полностью терялась в песчаных и каменистых нагромождениях пустыни. Голубовато-зеленый цвет почвы не радовал глаз, выглядел мертвым.

Приземистое тело вездехода, накрытое выпуклым прозрачным колпаком, перевалило через гребень последнего холма и погрузилось в бескрайнее до самого горизонта марево реанской пустыни. Кроме водителя, в кабине сидели Ротанов и Крамов. Кондиционеры работали нормально, и все же каким-то непонятным путем ощущение удушающей жары проникало в кабину. Разговаривать не хотелось. Слова будто запекались на губах. Казалось, вездеход не движется, он словно стал частью пустыни, вплавился в ее поверхность, намертво и навсегда, даже толчки и тряска не могли развеять этого ощущения. Гидравлические рессоры работали с полной нагрузкой. Перевозданное лицо планеты так и не пересекли дороги, сделанные руками людей. Хаос, неупорядоченный тысячелетней работой воды, царил на Реане. Вода здесь была, но так глубоко, что на поверхность не проникла. Она отсутствовала везде, кроме одного-единственного места. В долине трескучих шаров.

Вообще говоря, Ротанов хорошо знал, что такие

странные исключения из правил только кажутся случайным капризом природы. За ними почти всегда стоит неизвестная людям закономерность.

Одна-единственная живая долина, один-единственный холм с этими развалинами на всей планете, а остальное вот эта пустыня... Тут было над чем задуматься. Вчерашнюю историю с Дубровым Ротанов старался загнать в подсознание, вычеркнуть из мыслей. Она мешала ему работать, мешала сосредоточиться и, непроизвольно врываясь в строгий ход его рассуждений, изнутри взрываля все построения. Полное отсутствие логики могло означать лишь одно — на поверхность выплыла какая-то ничтожная часть неизвестной и сложной системы, думать об этом сейчас было бесполезно. В галлюцинации он не верил. И оставалось лишь накапливать новые факты.

С каждым километром, приближающим их к цели, характер пустыни менялся. Спрятались под песчаными наносами выходы скальных коренных пород, исчезли трещины и выбоины, дорога стала ровнее. В конце третьего часа на горизонте появился холм. Ротанов сразу же узнал его по фотографии, хотя самих развалин отсюда еще не было видно. На фоне фиолетового неба Реаны даже издали этот единственный на сотни километров равнины холм казался величественным, и не нужно было обладать особой фантазией, чтобы представить, как строго и пропорционально выглядели бы на нем зубчатые стены, ныне почти исчезнувшие под тысячелетними пластами пыли.

Восхождение на холм началось задолго до того, как они приблизились к нему вплотную. Холм состоял из широких пластов древнего песчаника, наслоенных друг на друга и представляющих собой некое подобие лестницы с многокилометровыми ступенями. Переход со ступени на ступень был довольно плавен, порой было трудно заметить, когда вездеход преодолевал очередной подъем. Наверно, сверху все это природное сооружение походило на стопу блинов различной величины. Самый маленький блин лежал на вершине. До него оставалось не менее двух километров, когда Ротанов попросил остановить машину и вышел наружу. Всплеск раскаленного воздуха был похож на удар, и все же он снял маску и вдохнул воздух Реаны. Здесь, вдали от цветущих трескучек, это было вполне безопасно, хотя горячий воздух и обжег ему легкие. Теперь он смог полнее ощутить обстановку этого места, его настроение. Ему хотелось сделать это прежде, чем они увидят развалины. Минуты три он стоял непод-

важно, слушая такую ватную и плотную тишину, какая бывает лишь в космосе, даже дыхание ветра не нарушало ее сейчас. Ротанов повернулся спиной к вездеходу и ушел в сторону от проложенной им колеи. Ему хотелось вычеркнуть из пейзажа все внешнее, искусственно привнесенное людьми. И тогда ему показалось, что тишина и ощущение мертвого покоя в этой пустыне были, пожалуй, слишком полными и от этого чуть театральными.

Последние километры уже не вызывали в нем никакого интереса. До самых развалин он сидел, откинувшись на подушках и нахмурив свое скуластое лицо, рассеченное глубокими складками обветренной кожи. Наконец, подняв целое облако пыли, вездеход затормозил возле развалин. Как и предполагал Ротанов с самого начала, развалины не произвели на него особого впечатления. От стен почти ничего не осталось, а то, что осталось, было скрыто под слоем песка. Неудивительно, что их проглядели во время разведки планеты.

Они привезли с собой универсального кибера, и теперь водитель торопливо навинчивал на него необходимые приспособления. Надо было расчистить песок метра на два в глубину, чтобы обнажить кладку. Ее характер, размеры блоков, качество цемента могли немало рассказать опытному археологу. Ротанов не был археологом, но в каких только ролях не приходилось выступать инспекторам внеземных поселений! Их знания были универсальны, а мнение ценилось зачастую выше мнения экспертов, возможно, потому что обширная практика работы на удаленных планетах освобождала их мысли от готовых шаблонов и стандартов.

Наконец кибер был готов приступить к работе. Со своими навесными лопатами и скребками он стал похож теперь на большого жука, распустившего крылья и вставшего на задние лапы. Водитель подключил к нему кабель питания, и жук решительно двинулся вперед, повинуясь командам выносного пульта. Работа требовала осторожности, и пришлось отказаться от автоматической программы.

Постепенно лопаты кибера углублялись в песок, отбрасывая его назад и в стороны. Траншея вдоль холмика, обозначившего стену, становилась все глубже. Неожиданно мотор кибера противно заурчал. Кибер рванулся в сторону и вдруг стал стремительно погружаться в песок, словно проваливался в какую-то трясину.

— Выключите его! — крикнул Ротанов, но водитель

и сам уже догадался это сделать. В полной тишине, с остановившимися двигателями кибер продолжал погружаться. Вокруг него образовалась небольшая воронка, казалось, песок под машиной просыпался в какую-то внутреннюю полость. Водитель раздвинул лапы кибера как можно шире, стремясь заклинить машину в провале. Это ему удалось, кибер остановился, и теперь в немом молчании они смотрели, как песок вокруг машины продолжает просачиваться, утекает как вода, постепенно обнажая стены трещины. Впрочем, это была не трещина. Уже сейчас можно было различить правильный прямоугольник отверстия, ведущего куда-то вниз.

Помещение напоминало ящик. Три метра ширины и два высоты. Когда кибер снял со стены толстый слой грязи и включил дополнительное освещение, кто-то заметил, что одна из стен не совсем обычна. Она была сложена маленькими восьмигранными блоками, плотно пригнанными друг к другу и почти не поддававшимися разрушительной работе времени. Даже в том месте, где стена обрушилась, внутренняя часть блоков сохранилась. Восьмигранные призмы, сделанные из какого-то очень твердого белого материала, уходили в стену на всю ее толщину. Несмотря на необычность кладки, Ротанов отнес ее к рэнитовскому периоду, и только когда кибер начал чистить соседнюю стену, они заметили наконец, что при определенном боковом освещении ровный белый цвет блоков начинал меняться...

Им потребовалось не меньше часа для того, чтобы протянуть дополнительные кабели и установить по бокам стены все осветители, какие только нашлись на вездеходе. Водитель снаружи замкнул рубильник и спросил, все ли в порядке. Но ему никто не ответил. Они стояли рядом, плечом к плечу и не могли произнести ни слова. Казалось, минуты текли как тысячелетия, смотревшие на них сквозь эту стену... Еще раньше, до того, как включили освещение, Ротанов с помощью радиоизотопного анализатора определил возраст материала, из которого были сделаны призмы. Едва он нажал кнопку, как в окошечке прибора зажглись цифры: пятьдесят тысяч лет.

Картина проявлялась постепенно, как фотография, по мере того, как водитель регулировал свет. Многое зависело от места расположения источников и от силы света каждого из них. Когда удавалось найти нужный угол и

отрегулировать силу света, где-то в глубине шестигранников, а иногда у самой поверхности их цвет едва заметно менялся, словно какой-то невидимый художник трогал их мягкой цветной пастелью. Границы между различными цветовыми оттенками были нечетки, расплывчаты, и потому картина не имела определенных сюжетных контуров, это был просто набор цветовых пятен. Но в их сочетании угадывалось скрытое настроение, какой-то музыкальный, неполно выраженный тон. И чем дольше Ротанов всматривался в эти цветные пятна на стене, тем яснее понимал, что это не абстракция, что на стене изображено нечто вполне конкретное. Они просто еще не поняли, не нашли способа понять, что именно хотел им поведать неизвестный художник через тысячелетия... Отчего-то Ротанова не покидала уверенность, что картина адресована именно им, что она, возможно, несет какую-то важную информацию. Это было нелепое предположение, но совсем недавно он столкнулся на этой планете с еще более невероятным фактом...

— Мне кажется, картина не в фокусе,— сказал водитель.

— Как вы сказали? Не в фокусе?!

— Я хотел сказать, она не резка, размыта, наверно, время...

— Нет. Вы сказали «не в фокусе»! — Ротанов на секунду задумался.— Нам нужна планка, линейка, все равно что, нужна достаточно большая ровная поверхность!

Через несколько минут они уже знали, что поверхность стены имела плавную, незаметную для глаза кривизну. Стена представляла собой часть огромной правильной сферы, и теперь уже нетрудно было рассчитать ее фокус. Через час, убрав обломки породы и песок, они обнаружили, что помещение удлинилось на добрых четыре метра. Кривизна была рассчитана так, чтобы фокус находился на уровне глаз человека, стоящего вплотную к противоположной стене. Только один человек одновременно мог видеть картину, словно она несла в себе некую тайну, не предназначенную для посторонних глаз...

Почему-то никто не решался первым встать в это заранее рассчитанное бортовым компьютером место. Нечто величественное и тревожное угадывалось в том, с каким упорством, последовательностью и целеустремленностью была задумана неведомыми конструкторами эта стена, задумана так, чтобы пронести через тысячелетия некий

образ, поведать потомкам о чем-то таком, ради чего стоило создавать все это сооружение...

Нужно было сделать всего лишь шаг, один шаг. Ротанов вздохнул, провел по лицу рукой, словно прогоняя неведомое сомнение, и шагнул к точке фокуса.

Картина не была объемной. В первую секунду Ротанову показалось, что она не была даже цветной, и только потом он различил очень блеклые, едва уловимые цветовые оттенки. Зато здесь, в точке фокуса, картина наконец стала резкой. Отчетливо простирали все линии, штрихи, детали... Впечатление разбивалось, дробилось на отдельные, не связанные сюжетно части. Вначале он увидел кусок планетного пейзажа, в центре картины, это, несомненно, была Реана. Реана в глубокой древности, когда здесь еще не было пустынь. Все пространство заполняли огромные, гордые, словно летящие навстречу небу шары трескучек... Планета трескучек? Кто же тогда создал это полотно, какой неведомый художник? Вдруг он заметил в правом нижнем углу картины знакомый холм, на котором они нашли развалины. Он сразу же узнал его, может быть, потому, что башни и зубчатые стены строений на фоне блеклого фиолетового неба выглядели так, как он пытался их себе представить еще там, в пустыне.

Весь холм и эта старинная, защищенная высокой стенной крепость выглядели в пейзаже чужеродным телом. Они смотрелись как остров в зеленом море со странными белыми гребешками волн... Трескучки окружали замок со всех сторон, жались к стенам, гнездились в расселинах скал. Когда Ротанов едва заметно менял угол зрения, часть картины сразу же тускнела, словно гасла, зато высвечивалась новая часть, и он никак не мог найти положения, в котором мог бы увидеть ее сразу всю целиком. Впрочем, такое разбитое на отдельные фрагменты впечатление его пока устраивало, оно помогало полнее усваивать информацию. Неожиданно для себя он установил, что светлое округлое пятно над поверхностью планеты вовсе не солнце, а человеческое лицо. Лицо женщины с огромными, чуть разнесеными глазами, смотрящими пристально и тревожно. Чуть позже он увидел ее руки, словно простертые над планетой в немом призывае, в попытке защитить, спасти раскинувшийся под ней зеленый мир от какой-то угрозы. Пожалуй, это было его собственное, субъективное впечатление. Проследив за направлением ее рук, он заметил на поверхности планеты еще одну

человеческую фигурку, совсем маленькую и как бы устремленную навстречу женщине. Несколько мгновений Ротанов никак не мог поймать в фокус лицо этой фигуры, по общему облику он не сомневался, что это мужчина, и невольно удивился диспропорции в размерах: огромное летящее над планетой лицо женщины, а на поверхности под ней крошечная фигурка мужчины... Он все еще старался поймать в фокус лицо мужчины, когда заметил у его ног целую шеренгу каких-то загадочных и совсем уж маленьких лохматых существ. Он долго старался понять, что они собой представляют. И вдруг забыл о них, потому что после какого-то непроизвольного движения вся картина стала наконец резкой. Ощущение тревоги и безысходной тоски навалилось на Ротанова с неожиданной силой. За спиной женщины появились пятнышки звезд, они сплеились в незнакомые созвездия. Казалось, женщина летит откуда-то из темных глубин космоса, летит к планете, хочет обнять ее, защитить от неведомой грозной опасности и не успевает... На ее лице ясно видны отчаяние и почти безнадежная мольба о помощи. Какие-то темные могучие силы сминают, разрушают перед ней поверхность планеты. В открывшуюся взору Ротанова воронку голубоватой грязи рушатся скалы и самые стены замка, в ней без следа исчезают белые шары трескучек и беспомощные лохматые существа, сбившиеся у ног мужчины. Ротанову казалось, он слышит некую грозную мелодию разрушения. Мелодию, не затерявшуюся в бедне веков, грозящую неведомой опасностью им самим... Сегодняшнему дню планеты... На самом краю воронки, наполненной голубой грязью, стояла фигурка человека с поднятыми навстречу женщине руками. Но грязь, растекаясь по всей поверхности планеты, отделяла их друг от друга. В лице мужчины Ротанов ясно видел отчаяние, и вдруг это лицо показалось ему знакомым... Ротанов узнал тяжелый разлет бровей, широкий лоб с характерной сеточкой морщин... Картина обладала поразительной способностью передавать мельчайшие детали. Но лица людей часто бывают похожи, к тому же картина ничего общего не имела с фотографией, это было прежде всего художественное произведение, и все же... Сознание отказывалось принять противоречащий логике факт, упорно подыскивало более правдоподобное объяснение. Хотя он больше уже не сомневался в том, что узнал человека, изображенного на картине.

Пока водитель готовил вездеход к обратной поездке, Ротанов и Крамов спустились метров на сто по склону холма. Они шли рядом молча довольно долго. Ротанов был благодарен Крамову за то, что тот дает ему время обдумать все произшедшее и не пытается навязать собственных суждений, не задает ненужных вопросов, просто ждет решения, и все.

Солнце клонилось к закату, и в цвете пустыни наступило странное изменение. Может быть, оттого, что лучи фиолетового светила падали на землю слишком ко-со, они окрасили ее в голубоватый цвет, очень похожий на тот, что так поразил Ротанова на картине.

— Голубая грязь... Вам не кажется, что в почве планеты все еще есть ее остатки, и именно поэтому она так безжизненна?

— Но ведь анализы...

— Анализы! Анализы не всегда улавливают нюансы, да и химики не всегда ищут то, что нужно. Это придется проверить. Во всяком случае, место то самое... Где-то здесь прямо под нами был центр воронки.

— За десятки тысячелетий слишком многое изменилось.

— Да. Кроме Дуброва, пожалуй.— Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Вы его хорошо знали? С самого рождения?

— Да. Мальчишкой он был непоседливым, энергичным, довольно способным, а взрослым... Даже не знаю, что сказать... Была в нем одна черта. Я бы назвал ее повышенным чувством справедливости и еще, пожалуй, замкнутость.

— Сейчас я хочу знать другое. Были ли такие периоды, когда Дубров оставался вне сферы вашего наблюдения? Оставался один на достаточно долгий срок?

— Мы здесь не следим друг за другом. Планета безопасна. Такие периоды бывают у каждого из нас. Конечно, и Дубров вел самостоятельную работу. Мне кажется, ваша версия ошибочна. Даже сейчас в нем мало что изменилось.

— Я обязан проверить любые возможные версии,— сухо возразил Ротанов.— Надеюсь, вы поняли, насколько все стало серьезней после этой картины. Меня не покидает мысль о самом помещении. Это не зал для демонстрации. Это вообще не зал. Просто каменный параллелепипед. Он чересчур функционален. С одной-единственной задачей — нечто вроде почтового ящика...

— И в нем послание, адресованное именно нам?

— Вполне возможно... Эвакуацию вашей колонии придется отложить до прибытия специальной экспедиции. Хотя я не буду настаивать на такой экспедиции.

— То есть как?

— Я считаю, что у вас в колонии есть все необходимые специалисты. Вам просто нужно перестроить работу. Ориентировать людей на совершенно новые задачи и сделать это немедленно, еще до прибытия транспорта со специальным оборудованием. Меня не покидает мысль, что у нас очень мало времени, может быть, слишком мало... Мы должны разобраться в ситуации, прежде чем она полностью выйдет из-под контроля.

— Вы предполагаете такую возможность?

— Во всяком случае, обязан ее учитывать.

Они надолго замолчали. Ротанов почувствовал, что Крамов что-то хочет сказать ему, но почему-то не решается. Наконец он начал, глядя в сторону:

— Не знаю, поможет ли вам это. Но после истории с картиной самые невероятные вещи кажутся мне заслуживающими внимания.

— А вы знаете еще что-нибудь из этой серии?

— Не знаю, из какой это серии. Думаю, вам лучше всего посмотреть на них самому. Это недалеко. Каких-нибудь двадцать километров в сторону от прямой дороги в поселок. Нам нужно успеть часам к шести. Раньше они все равно не выходят. Только после заката.

Двадцать километров в сторону от проложенной колеи вездеход проделал за полчаса, и перед самым закатом они очутились в русле сухой речки. Еще в дороге, сориентировавшись по фотокарте, Ротанов понял, что долина этой пересохшей речки тянется от самой рощи трескучек. Отсюда до поселка было всего километров восемь. Крамов попросил остановить вездеход и первым скрылся в нагромождении скал, закрывших долину. Когда Ротанов его нагнал, Крамов жестом попросил его не шуметь, хотя сам шел довольно неаккуратно, то и дело задевая толстыми подошвами ботинок за камни. Внизу он выбрал большой гладкий валун, уселся на нем и достал пакетик с орехами. Не скрывая раздражения от его слишком загадочного и несколько театрального поведения, Ротанов остановился рядом.

— Вы бы объяснили, чего мы здесь ждем?

Крамов только пожал плечами.

— Это нужно увидеть самому, наберитесь терпения, до заката осталось всего несколько минут.

Действительно, Гамма, звезда этой далекой системы, уже коснулась горизонта. Ее диск неправдоподобно распух, сплющенный толстым слоем атмосферы. Свет переходил из фиолетового в синий и постепенно сходил на нет. Наконец звезда скрылась за горизонтом, и над пустыней во всю ее необъятную ширь повисли серые сумерки, полные тишины и запахов нагретого за день песка.

Можно было подумать, что во всей этой огромной и мертвой пустыне еще жили и двигались лишь они двое. Неожиданно Ротанов понял, что это не совсем так. Прямо на них, с той стороны, где был расположен лагерь, двигалась какая-то темная масса. Ротанов, привыкший к тому, что любое непонятное движение на чужих планетах предвещает опасность, потянулся к оружию, но Крамов остановил его.

— Они совершенно безопасны. Главное — не двигайтесь, постарайтесь подпустить их как можно ближе, иначе вы ничего не увидите. — Сумерки сгущались, трудно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии, и все же Ротанову казалось, что темная масса, двигавшаяся вдоль русла, распадается на отдельные пятнышки. Их было не так уж много — штук десять. Какие-то движущиеся предметы. Почему-то пятна казались именно предметами, а не живыми существами. Позже он понял, что в этом виновата их форма. Сейчас их разделяло всего несколько десятков метров, и Ротанов должен был признать, что никогда еще не встречал чего-нибудь более странного, чем эти движущиеся треножники. Три ноги соединены в одной точке. Не было ни головы, ни глаз, ни туловища — только эти три ноги. И по тому, как мягко изгибались эти ноги, как осторожно ощупывали почву, прежде чем сделать очередной шаг, Ротанов понял, что, несмотря ни на что, они все-таки живые... Ни один механизм не мог бы обладать столькими степенями свободы, как эти гибкие лапы, в них не было и намека на шарниры, не было места для каких-то скрытых двигателей, вообще ничего не было, кроме соединенных вместе лап... Рост каждого существа не превышал полуметра, лапы толщиной с человеческую руку заканчивались не ступнями, а какими-то круглыми подушечками или присосками.

Не дойдя до застывших людей метров двадцать, существа все разом остановились. Но они не стояли неподвижно, как это сделали бы механизмы. Передние су-

щества переминались с ноги на ногу: то делали маленький шажок вперед, то отступали, словно в нерешительности. Сейчас они производили трогательное и беспомощное впечатление. Те, что шли сзади, остановились не сразу. Натолкнувшись на передних, они отступили назад. Ротанов подумал, что скорее всего они ничего не видят, но все же каким-то образом ощущают присутствие людей. Потоптавшись с минуту, существа начали расходиться в разные стороны.

— Следите за каким-нибудь одним,— прошептал Крамов.— И не двигайтесь.

Одно из существ, пробежав совсем рядом, начало карабкаться на крутой склон. Ротанов только теперь оценил, как хорошо приспособлено их тело к движению по неровной поверхности. Живой треножник сплюснулся, прижался к самой земле и, широко расставив лапы, цеплялся за малейшие трещины и выступы камня. Взобравшись на пологую часть террасы, он остановился, приподнял одну лапу и вдруг начал быстро вращаться на одном месте, как это делают балерины. Вокруг него появилось облачко пыли, одна из лап треножника начала зарываться в мягкую породу, образуя в ней небольшую лунку. Раздался треск, и в том месте, где только что стоял треножник, сверкнула электрическая искра. Существо исчезло.

— Это все,— сказал Крамов.— Теперь вы можете попытаться поймать любого из оставшихся. Бегают они довольно плохо.

Не дожидаясь повторного приглашения, Ротанов бросился к ближайшему существу. Оно тут же пустилось от него наутек. Расстояние между беглецом и преследователем быстро сокращалось, и, когда Ротанову оставалось лишь протянуть руку, раздался уже знакомый треск электрического разряда и существо рассыпалось у него на глазах, превратилось в облачко темноватой пыли, медленно оседающей на землю. Порыв ветра подхватил часть этой пыли и унес в пустыню. Пораженный Ротанов обернулся, но увидел только одинокую фигуру Крамова, неподвижно стоявшего на месте. Нигде не было видно больше ни одного треножника.

— Со всеми произошло то же самое?

Крамов молча кивнул.

— Почему вы ничего не сообщали о них в своих отчетах?

— Они появились недавно, всего несколько дней

назад. Их появление непосредственно связано с цветением трескучек.

— Интересно. Каким же образом?

— Пыль, которая остается после разряда, на самом деле вовсе не пыль. Это зрелые споры трескучек. Собственно, все тело треножников состоит из этих спор, связанных между собой неизвестной нам энергией. Когда заряд энергии оказывается израсходованным, они распадаются. То же происходит при малейшей опасности. Наши биологи предполагают, что эти образования несут одну-единственную функцию — разнести как можно дальше пыльцу трескучки.

— Ну да, простой и экономичный способ. Как они устроены? Откуда получают энергию? Как получают и каким образом перерабатывают информацию об опасности?

— Этого мы не знаем. Никто еще не держал в руках самого треножника, они всегда распадаются. Установлено, что образуются они в зарослях трескучки сразу после взрыва спороноса и тут же пускаются в путь, стараясь как можно дальше уйти от места рождения. Иногда их встречали в пустыне за десятки километров от дома. Это все, что мы о них знаем.

— Пусть этим займется специальная группа биологов. Необходимо выяснить, как они образуются. Единственная ли это форма спороносителя, или возможны другие, и самое главное вот что... Нужно выяснить пути их миграций. Определить места, в которые они стремятся, если только их миграции подчинены какой-то системе... — Ротанов надолго задумался, стало уж совсем темно, и Крамов зажег мощный фонарь. Луч света сразу же сгустил темноту вокруг них и словно прорубил в ней узкий голубой коридор.

— Вы ничего не заметили знакомого в их облике?

— Знакомого? Они похожи на штатив, на треножник бусоли.

— Я имею в виду не это... Мне показалось, что они очень похожи на те лохматые существа, что мы видели на картине у ног Дуброва, только здесь они гладкие.

— Да. Пожалуй... Дубров. Снова Дубров. Одно из двух: или этот человек проник в загадки Реаны гораздо дальше любого из нас, либо он...

— Вы хотите сказать «нечеловек»?

Ротанов ничего не ответил. Еще с минуту они стояли

молча, слушая, как ветер, усилившийся после заката, свистит в трещинах скал у них над головой.

— Пойдемте,— сказал Ротанов.— Дубровым я займусь сам.

3

Ротанов сидел за своим рабочим столом в отведенном ему коттедже. Стол был абсолютно пуст, если не считать открытого чистого блокнота и его любимого серебряного карандашка. Прямо перед ним светился экран дисплея главного информатора колонии, на котором то и дело появлялись слова: «Канал свободен».

Наконец Ротанов потянулся к клавиатуре и отстучал задание: «Все данные о колонисте Дуброве по форме 2К». Ему пришлось набрать специальный шифр, так как эта форма выдавалась только в случае официального расследования. Набрав шифр, он словно поставил некую невидимую точку в своих собственных рассуждениях. Проматывая информацию, поступающую на экран, он делал пометки в блокноте и, когда закончил, удивился тому, как мало их получилось. Родился в колонии тридцать лет назад. Прошел полный курс обучения на биолога. Нет семьи. Это он подчеркнул: для колониста в возрасте Дуброва это было необычно. Специализация: агробиолог. Тема: «Активные химогены в масле трескучек».

Интересующих Ротанова сведений оказалось на удивление мало. Прожил человек тридцать лет, учился, закончил самостоятельную работу — вот и все, что можно о нем узнать из картотеки. Впрочем, Ротанова никогда не удовлетворяли официальные сведения. В личную карточку вносились лишь основные, определяющие события в жизни каждого человека, а его сейчас интересовали нюансы, черты характера, странности, срывы — словом, все то, чего машина знать не могла... Правда, оставился еще медицинский бюллетень. Здесь ему повезло больше, в графе «Приобретенные болезни, связанные с местной фауной» он нашел знакомую запись: «Отравление растительными ядами, галлюцинации», а чуть ниже еще одна строчка: «Описание галлюцинаций соответствует тесту Романовского». Описание... Вот как, описание... Кто же их описывал? Врач или сам больной? Это необходимо выяснить и разыскать эти самые «описания». Первая встреча с Дубровым прошла на удивление бестолково. Он не мог простить себе того, что не подготовился к ней как

следует. И конечно, Ротанов не мог знать, что теперь, тщательно готовясь к предстоящей встрече с Дубровым, он совершает вторую, еще большую ошибку, расходуя попусту последние, еще оставшиеся у него часы...

В медицинском коттедже его встретил рыхлый человек со светло-русой бородой и большими голубыми глазами. По всему было видно, что он рад приходу Ротанова. Было очевидно, что пациенты не досаждали ему своими посещениями. Выслушав Ротанова, он долго колпался в папках и наконец щелкнул замком дисплея, опустив в него магнитную карточку, но в ней не оказалось нужных инспектору сведений. Человек, описавший галлюцинации Дуброва, месяц назад покинул Реану с очередным транспортом и не оставил этих записей. Почему? В конце концов Ротанову удалось выяснить, что основой для медицинского заключения был личный отчет Дуброва о своих «видениях», переданный впоследствии в медицинский сектор. С отъездом бывшего врача колонии следы его также затерялись. Все это было достаточно странно и наводило Ротанова на тревожные размышления. Должны быть какие-то весьма веские причины, заставившие бывшего врача, лицо официальное, нарушить правила и увезти с собой документы, если только они вообще не были им уничтожены... Но почему, почему? Ответить на этот вопрос можно, пожалуй, лишь вернувшись на Землю и разыскав этого самого Гребнева. А сейчас он вынужден был довольствоваться обрывками сведений.

Встретившись со школьным учителем, с научным руководителем и еще с двумя-тремя людьми, знавшими Дуброва лично, он наконец вернулся к себе, выключил всю аппаратуру связи, запер двери коттеджа и вновь уселся за пустым столом. Пора было подвести какой-то итог. Знал он примерно следующее: месяц назад по неизвестной причине Дубров попробовал сок трескучки. Он не стал этого скрывать. Напротив, написал какой-то рапорт на имя председателя совета. На основании этого рапорта его сочли больным и временно отстранили от работы. О характере действия самого сока пока что выяснить не удалось ничего. У Ротанова сложилось впечатление, что колонисты упорно избегали разговоров на эту тему, словно между ними существовало некое тайное табу по поводу всего, что касалось трескучек. Следующий бесспорный факт — его личная встреча с Дубровым, во время которой тот заявил, что сок трескучек не наркотик, и отказался

что-либо объяснить... Потом это ночное преследование и исчезновение Дуброва. Ротанов невольно поежился. Это было, пожалуй, самое необъяснимое место во всей истории с трескучками. Если бы не рюкзак с одеждой, он мог бы, пожалуй, поверить в собственные галлюцинации, наконец, в то, что Дубров стал временно невидимым. Но подобранная одежда сделала эти предположения неправдоподобными, приходилось признать, что Дубров именно исчез, испарился, перестал существовать в данное время и в данной точке пространства и одновременно появился в какой-то другой точке. У себя в коттедже или, быть может, где-то еще?

Ротанов почувствовал, что впервые с начала расследования он наконец напал на какую-то действительно ценную мысль. Ценную потому, что она давала какую-то нить для объяснения этих невероятных фактов.

Парадоксальные факты требовали такого же объяснения. Если принять это как рабочую гипотезу, то следовало дальше предположить, что неизвестные художники много тысяч лет назад встретились именно с Дубровым... От одной этой мысли его лоб покрывался испариной. Если продолжать рассуждать в том же духе, то можно додуматься черт знает до чего... А тут еще эти треножники и вообще вся картина... Он тут же прервал себя: «Стоп. О картине пока не будем. Слишком мало данных. Не надо отвлекаться от Дуброва». Казалось, чего проще — встретиться с ним еще раз... А почему бы и нет? Почему не попробовать честно сказать человеку, что произошла ошибка, что его рапорт неверно поняли, что теперь ему верят и просят помочь. Даже если Дубров откажется, уже само по себе это будет значить немало. Тогда можно заняться второй версией, попытаться доказать, что под личиной Дуброва скрывается кто-то чужой... Пока для этого не было ни малейших оснований.

Еще раз перебрав в уме все доводы, взвесив все полученные заново факты, Ротанов наконец решился еще на одну попытку откровенного разговора с Дубровым. Несмотря на поздний час, он потянулся к селектору. Теперь, когда в его мыслях появился намек на какой-то порядок, не хотелось ничего откладывать. Экран селектора замигал жёлтым огоньком. Абонент не отвечал на вызов... И когда через полчаса без предупреждения к нему ввалился Крамов, он уже догадался, что опоздал, что встречи с Дубровым не будет...

— Дубров ушел. Совсем ушел.

В минуты сильного волнения Ротанов всегда говорил медленно, тщательно подбирая слова. Вот и сейчас спросил с расстановкой, нарочито спокойно.

— Он ведь и раньше самостоятельно покидал поселок. Может быть, сейчас?..

Крамов отрицательно покачал головой.

— Я думаю, теперь он не вернется обратно. Во всяком случае, пока...

— Пока я здесь?

Крамов кивнул.

— Почему вы это допустили? Как вообще это могло случиться?

— Дубров свободный человек. Я не могу приставить к нему охрану. Для того чтобы лишить человека права на свободу поступков, необходимо решение Высшего Совета Земли.

— Не будьте формалистом, Крамов! Вы отлично знаете, о каких серьезных вещах идет речь. Вы не имели права выпускать его из поля зрения!

— Не видел в этом необходимости. Я верю Дуброву. Мне кажется, он знает, что делает.

Ротанову приходилось прилагать все больше усилий, чтобы не сорваться, не высказать Крамову всего, что он думал о его поведении в истории с Дубровым. Не имело смысла ссориться с этим человеком, единственным, на кого он мог здесь опереться.

— Почему вы решили, что Дубров не вернется?

— Он взял с собой полный рабочий комплект полевого снаряжения, месячный рацион, ну и еще кое-что...

— По крайней мере, из этого следует, что искать его нужно здесь, на Реане.— Ротанов мрачно усмехнулся.— Когда вы мне говорили, что с Дубровым все обстоит не так просто, что мне не удастся изолировать его, вы имели в виду именно это?

— Не только. Человек, попробовавший сок трескучки, становится уже не просто человеком. Во всяком случае, не простым человеком. Мне кажется, вы и сами это поняли.

— Да, кое-что я понял, к сожалению, без вашей помощи...— не удержался от упрека Ротанов.— Вначале вы умолчали о живых спороносителях, теперь чего-то не договариваете о Дуброве. Я ведь не к теще на блины приехал!

— Здесь наш дом. Наши дела. Земля далеко отсюда, а в своих делах мы разберемся сами. Вы здесь гость.

Ротанов отвернулся. Он с трудом подавил в себе гнев. Его полномочия на этой далекой планете стоили не так уж много. В основном они зависели от него самого, от тех взаимоотношений, которые складывались с колонистами. Почти никогда Ротанов не пользовался чрезвычайными правами инспектора, старался даже не напоминать о них. Вот и сейчас одну-единственную вещь сказал он Крамову, не мог не сказать...

— Все мы здесь гости, Крамов. Все люди. И дом чужой. Мы даже не знаем, чей он. Подумайте об этом.

«Чтобы понять до конца, нужно испытать самому» — старая истинка. Старая, как мир. Ротанов сидел, опервшись спиной о толстый ствол трескучки, как совсем недавно в этом самом месте сидел Дубров. Казалось, непостижимым образом время сделало полный круг и вернулось к первоначальной точке. Только на месте Дуброва теперь сидел он сам... Капля за каплей сочился из прессы маслянистый, остро пахнущий сок. Он не хотел рисковать и решил повторить все, что делал Дубров, во всех деталях. Другого пути у него попросту не осталось. Шестидневные поиски Дуброва не увенчались успехом. Конечно, он мог сообщить на Землю о своей неудаче, о том, что расследование, в сущности, зашло в тупик, что сюда необходимо выслать хорошо оснащенную экспедицию... Но пока она прибудет, цветение трескучек закончится и придется ждать еще восемь лет. К тому же в глубине души Ротанов не сомневался, что не количество исследователей и качество снаряжения определяют успех в поисках истины, что-то другое... может быть, умение принимать такие вот решения?

Все. Пожалуй, это последняя капля. С каждой секундой сок изменялся на воздухе, и он не знал, сколько времени он сохранит свои первоначальные свойства. Лучше всего не терять ни секунды. И все же он в последний раз перебрал в уме, не забыл ли чего на тот случай, если не вернется из этого нереального путешествия в никуда... В сейфе заперты его записи, выводы. Оставлено письмо Крамову с просьбой вскрыть сейф через неделю после его ухода... Еще что? Он неплохо экипирован, вооружен. Все необходимое в дальней дороге здесь с ним, в этом потрепанном вещмешке. Осталось поднести к губам пузырек... С чем? В том-то и дело... Двое погибли... Погибли или не вернулись, как Дубров? Чего-то Крамов не договаривает, но это теперь неважно. Скоро он все будет знать сам, без посторонней помощи.

Он говорил и говорил себе разные обыденные слова, пытаясь заглушить самый обыкновенный человеческий страх. Не раз ему приходилось рисковать жизнью в обстоятельствах, гораздо менее значительных, но ни разу еще ошибка не стоила так дорого. Нелепая тайная смерть от растительного яда неземного растения... Что о нем подумают друзья? Поймут ли? Смогут ли оценить все обстоятельства, взвесить их так, как взвесил и оценил он сам? Или скажут, что действие наркотика непредсказуемо, и запретят людям подходить к этой роще? А может быть, и вообще закроют планету... Слишком многим он рисковал. Слишком многоеставил на карту. «Памятник тебе не поставят, это уж точно. Жаль, что Олега здесь нет, посоветоваться толком и то не с кем. Ну, хватит. Довольно сантиментов!» — оборвал он себя.

У жидкости был резкий, ни на что не похожий вкус. Отдаленно она напоминала, пожалуй, смесь каких-то пряностей. Ванили, корицы, еще чего-то знакомого, но забытого в детстве, может быть, вкус туалетного мыла. В следующее мгновение Ротанова оглушила волна подавившего все ощущения тошнотворного запаха. И он не смог уловить момент, когда сознание полностью вышло из-под контроля и все заволокла серая непробиваемая пелена. Это была именно пелена, а не полный мрак, какой бывает, например, в анабиозе или под наркозом. Сквозь эту пелену Ротанов ощущал какое-то движение, словно мир вокруг него начал быстро вращаться. Или это вращался он сам? Таким ли бывает головокружение? Ему трудно было разобраться в своих ощущениях, потому что голова походила на ватный шар. Он почти полностью утратил способность воспринимать окружающее.

Следующим ощущением, поразившим его своей определенностью, было сознание того, что в лицо ему бьет яркий солнечный свет. Он пробивался сквозь плотно зараженные веки и почти насильно вытягивал рассудок Ротанова из серого болота небытия. Несколько мгновений Ротанов лежал не шевелясь и не открывая век. Прислушивался к своему телу. Сердце билось часто и мощно, словно он только что бежал в гору. Дышал он легко, не чувствуя никаких запахов. Потом он услышал звуки и поразился их количеству и разнообразию. Все его существо переполняла простая радость. Он жив. Жив! Он прошел через это и все-таки остался жив!

Наконец он открыл глаза и понял, что лежит в чем-то отдаленно напоминающем траву. Со всех сторон его окру-

жали яркие зеленые заросли, а прямо в лицо было утреннее солнце. Пожалуй, самым впечатляющим был именно этот мгновенный переход от ночи к ослепительному сияющему дню. Он еще не способен был анализировать произошедшее и мог только по-щеняччи радоваться солнечному свету и яркой зелени, укрывшей его со всех сторон, как в колыбели. В следующую секунду Ротанов обнаружил, что сравнение с колыбелью пришло ему в голову отнюдь не случайно. Поскольку он был наг. Совершенно наг. Рывком протянув руку к рюкзаку, который лежал рядом, он не обнаружил в этом месте ничего. Даже трава не была примята.

Итак, в этот мир приходят нагими и безоружными... Он должен был догадаться об этом еще раньше, когда подбирал одежду Дуброва... Благодушное настроение мгновенно покинуло его, уступив место ощущению беспомощности. Он рывком сел и, с трудом поборов головокружение, осмотрелся. Он сидел в чаще трескучек. Была примерно середина дня, и вокруг росли не те трескучки. Спороносы у них определенно казались выше и мощней. Стебли толще и раскидистей. Кроме того, между их корнями не гулял ветер, выдувая пыль и песок, как это было на Реане. Здесь все оплела собой пружинистая трава, какие-то незнакомые кусты. Это была другая Реана... Все еще не решаясь до конца поверить в произошедшее, он уже подыскивал подходящее объяснение случившемуся, потому что не мог иначе. Сок трескучек... Наверно, это всего лишь запал, включающий самую сложнейшую систему перехода сквозь время... Ведь для этого нужна энергия. Уйма энергии... И конечно, не в соке дело. Он вспомнил бегущие по щелью спороносы. Энергии им не занимать, недаром в районе рощи изменяются магнитные и гравитационные поля планеты... Уцепившись за ствол трескучки, Ротанов поднялся на ноги. Прямо перед ним, буквально в десятке метров, заросли пересекала дорога. Самая обычная сельская дорога, не покрытая ничем, кроме пыли.

— Вообще, все не так уж плохо,— успокоил он себя.— Ты очутился там, куда стремился, конечно, без снаряжения, одежды и запаса пищи долго здесь не прятанешь... Нужно срочно что-то предпринять. Прежде всего необходимо одеться.— Он вспомнил стереофильм о дикарях острова Пасхи. Они прекрасно обходились пальмовыми листьями... Правда, здесь нет пальм, но на первое время сойдут листья трескучек. Он сплел из них что-то вроде набедренной повязки. Получилось не очень кра-

сиво, зато прочно. Покончив с этим, Ротанов вышел на дорогу. Буквально через сто метров заросли кончились и перед ним открылся холм, на который взбиралась дорога. На самой его вершине темнели знакомые крепостные стены. Сомнений больше не осталось. Он попал в мир, изображенный на картине рэнитов. И хотя он ждал чего-то подобного, оглушение от этого открытия не стало меньше.

К стенам замка ему удалось подойти скрытно, прячясь в густых зарослях, вползавших на самую вершину холма. Колючки жестоко царапали его незащищенную кожу, но это приходилось терпеть. Он должен был соблюдать осторожность. Чем ближе пробирался он к замку, тем больше признаков говорило за то, что древнее строение обитаемо. Дымок над крышей, следы повозок, наконец запах хлева, долетающий с задних дворов. Строение трудно было назвать замком. Это был скорее ряд жилых построек, защищенных мощной высокой стеной. Еще издали Ротанов понял, что стену строил архитектор, хорошо усвоивший законы пропорций и особенности местности. Причем это был именно архитектор, а не военный инженер. Северным крылом крепостная стена вплотную примыкала к скальному выступу, с которого осаждающие в случае необходимости могли бы легко перебросить лестницы и помосты. Но были ли осаждающие в этом диком краю? К чему тогда строить такую мощную стену?

К замку вела одна-единственная дорога, и, пока Ротанов пробирался в зарослях, он не заметил на ней ни малейшего движения. Заросли, наполненные криком невидимых птиц, жили своей собственной жизнью. В них не было ни малейших следов деятельности человека. Наконец Ротанов очутился у самой стены. Она была сложена из массивных каменных блоков, размер которых внушал невольное уважение. Поверхность камня, обращенная наружу, оказалась почти не обработанной, и грубые выбоины позволяли, цепляясь за неровности, подняться довольно высоко, может быть, до самого верха... Еще одна небрежность строителей?

Ротанов не стал испытывать судьбу. Взбираясь на стену, он станет отличной мишенью для охранников в угловых башнях, если там были охранники. Благоразумней казалось подняться на вершину скального выступа, с которого наверняка откроется вид на внутренний двор замка. Почти целый час Ротанов пролежал на вершине

скалы, разглядывая пустой двор. И за все это время он не заметил в замке ни малейшего движения. Ничего не стоило перебраться на стену и спуститься во двор. Но он пришел сюда как гость и не хотел придавать своему визиту с первых шагов сомнительный характер. В конце концов, существовали ворота. Те, кто построил этот замок, вряд ли сильно отличались от людей.

Ворота, сбитые из целых стволов трескучек, оказались заперты, но снаружи имелось огромное металлическое кольцо из какого-то красноватого металлического сплава. Ротанов взялся за него и несколько раз дернул. Внутри гулко отзывался колокол, и через минуту ворота неторопливо поползли вверх, открывая вход.

Внутренний двор оказался совсем небольшим. Сверху он казался ему гораздо больше. Едва Ротанов переступил порог, как ворота с грохотом опустились за его спиной. Впереди на стене главного здания возвышался балкон, красиво украшенный резными балюстрадами. Прежде чем Ротанов решил, что делать дальше, дверь на балконе распахнулась, и четыре мужские фигуры, одетые в свободные плащи темного цвета с синей и золотой оторочкой, вышли на балкон и остановились, молча разглядывая Ротанова.

Текли секунды, никто не шевелился, казалось, прошла целая вечность в немой неподвижности. Ротанов жадно вглядывался в их лица. Это были человеческие лица. И они были совершенны, словно их всех четверых изваял один и тот же гениальный скульптор. Так вот какие они, рэниты. Больше двух метров роста — настоящие великаны. У того, что был выше всех, волосы серебрились на солнце. Была ли это седина, Ротанов не мог сказать, ни одна морщина не смела коснуться их лиц. Ни волнения, ни любопытства не отражалось на них, словно это и впрямь были лица статуй. В конце концов Ротанов почувствовал беспокойство. Так не встречают гостей. Во всяком случае, так их не встречают люди... И вдруг он словно бы посмотрел на себя их глазами. Полуголый, исцарапанный дикарь в набедренной повязке стоял во дворе... Зачем он пришел, откуда, что ему здесь надо? Не эти ли вопросы скрывались сейчас за их бесстрастными лицами? Только теперь он ощутил всю невероятную сложность первого контакта. С ним не было его верных электронных помощников, они не поймут друг друга, ни одного слова. Он ничего не сумеет объяснить... И вдруг, разрушая его сомнения, ясный и громкий голос на чистейшем

интерлекте, на котором вот уже два столетия разговаривали все народы Земли, спросил:

— Кто ты такой?

Это было настолько неожиданно, что Ротанов произнес первые пришедшие в голову слова:

— Я человек с планеты Земля.

Прозвучало это торжественно и нелепо.

— Это мы знаем. Твое звание и имя?

— Вы знаете интерлект? Откуда?

— Вопросы здесь задаем только мы.

И сразу же Ротанов почувствовал, каким непростым будет этот разговор.... Инспектор внеземных поселений обязан быть дипломатом, и он ничем больше не выдал своего волнения.

— Вы можете считать меня представителем правительства Земли. Я осуществляю контроль за внеземными поселениями, созданными людьми.— Ему очень мешало отсутствие одежды, и этот дурацкий балкон, возвышавший собеседников настолько, что ему все время приходилось задирать голову. То ли акустика во дворе была такой, то ли голос говорящего был чрезмерно громок, но Ротанова буквально оглушали величественные раскаты, несущиеся с балкона. Долгая дорога через заросли утомила его, солнце жгло исцарапанную кожу, пот заливал глаза, не очень подходящие условия для первого дипломатического контакта с иной цивилизацией. «Ничего, обойдешься,— сказал он себе,— ты сам заварил эту кашу. И если сейчас ты провалишь дело, тебе этого никогда не простят, да и сам ты себе этого не простишь, так что держись и смотри в оба, что-то здесь не так, что-то ненормально. У них даже любопытства нет. Только эта спесь, не многовато ли ее для затерянного на пустой планете замка? Нужно выяснить как можно больше». Ему нужна была информация, за ней и шел, не считаясь ни с каким риском. Стоящие на балконе о чём-то переговаривались между собой, очевидно, звание Ротанова произвело на них некоторое впечатление. Сейчас до Ротанова не долетало ни звука, словно во дворе выключили громкоговоритель. Но вот самый высокий мужчина обернулся, и вновь над Ротановым загремел знакомый голос:

— Зачем ты пришел к нам?

— Я ищу землянина. Его зовут Дубров. Валерий Дубров.

— Его нет здесь.

— Но он был у вас?

— Был и ушел.

— Был и ушел... — Как эхо отдались эти слова в голове Ротанова. Значит, все было напрасно. И вдруг подумал, что погоня за Дубровым постепенно превращается для него в самоцель, что Дубров в конце концов найдется и дело вовсе не в нем. Неизвестно, сумел ли он до конца раскрыть загадку Реаны, что именно узнал, как глубоко проник в тайны планеты... Теперь, когда он сам был здесь, в далеком прошлом Реаны, он обязан был попробовать пройти этот путь самостоятельно.

— Чего еще ты ждешь? — прервал его мысли голос с балкона.

— Я хотел бы получить информацию... — Слово произвучало отчужденно, оно не отражало того, что он хотел сказать, и Ротанов поправился:

— Я хотел бы получить знания.

— Мы не раздаем наших знаний даром. Они стоят дорого.

— Земляне не станут торговаться с вами. И нам не нужны одолжения. Мы предоставим в обмен знания и открытия, сделанные людьми.

— Мы не нуждаемся в них. Мы не знаем, что делать с собственными.

— В таком случае мы найдем чем заплатить за ваши знания. Человечество достаточно богато.

— Никакие материальные ценности нельзя пронести сквозь время. Все ваши богатства здесь не имеют цены.

— Что же вы цените, в таком случае?

— Только труд. Ты согласен трудиться в обмен на знания?

— Что именно я должен буду делать?

— Все самое необходимое. Ковать железо, возделывать землю, ткань, ухаживать за животными.

— В таком случае я хотел бы знать цену.

— Цена стандартна. Год работы за час.

— За час чего?

— За час ответов на любые вопросы, которые ты сумеешь задать.

Год работы... Совсем недавно он готов был заплатить за это жизнью.

Комната, отведенная Ротанову, оказалась светлой и чистой. Хотя и совсем небольшой. В ней помещался грубо сколоченный топчан, накрытый кошмой. Стол же грубо сделанный стол с табуретом. На вешалке висела толстая полотняная рубаха и что-то вроде рабочего комбинезона. Дверь за ним закрыли, но Ротанов не слышал ни скрежета засова, ни щелчка замка... Как только стихли шаги сопровождавшего его рэнита, он попробовал открыть дверь. Она легко поддалась его усилиям, и он вновь увидел коридор, ведущий во двор. Ну что же, по крайней мере, рэниты сразу же начали выполнять одно из условий договора, он совершенно свободен и в любую минуту может покинуть замок.

Успокоившись на этот счет, Ротанов более подробно исследовал комнату. На топчане в кошме образовалась вмятина, формой напоминавшая человеческое тело. Он измерил примерный рост того, кто лежал до него на этой постели. Рэниты были выше...

Воды и пищи ему не предложили, очевидно, здесь ее сначала нужно заработать, а возможно, просто еще не наступило время трапезы. Он сел за пустой стол и глубоко задумался. Какие-то едва уловимые признаки указывали на то, что здесь до него жил другой человек. Эта вмятина на топчане, потертости на рубахе, словно специально сшитой на рост землянина... Но в таком случае должен быть и более явный след. Он сам, прежде чем покинуть эту комнату, наверняка захотел бы оставить здесь хотя бы знак о своем пребывании... Где-нибудь в таком месте, чтобы он не сразу бросался в глаза, и в то же время так, чтобы его можно было обнаружить... Человек часто садится за стол... Он осторожно опустил руку и провел ладонью с внутренней стороны. Вскоре пальцы нашупали неровные царапины. Ротанов опустился на пол и прочел выцарапанные острым предметом две буквы: В. Д. Но почему только эти буквы? Не захотел написать больше, или не смог, или не надеялся, что эта надпись найдет адресата?

Ну что же... Очевидно, ответы на все вопросы ему придется искать здесь самому.

Рано или поздно они встретятся с Дубровым, встретятся на равных, и тогда они поговорят... Сейчас даже трудно представить, каким будет этот разговор.

Ротанов прилег на койку, чувствуя, как каменная ус-

талость этого невероятно тяжелого дня навалилась на него. Но сон не шел, в голове, как на замкнутой кольцом кинопленке, продолжали прокручиваться события этого дня, он вновь видел себя в роще трескучек, держал в руках пузырек с жидкостью, которая могла оказаться обычным ядом. Вновь лежал в зарослях незнакомого мира, входил в ворота замка... Разговаривал с рэнитами. Он почти не сомневался, что встретил именно рэнитов и заключил с ними первый в истории человечества договор о сотрудничестве, нет, не первый, первым наверняка был Дубров... Возможно, были еще и те, кто не вернулся отсюда... Вот откуда они знают интерлект. Договор... Странный получился договор. Кто же они такие, рэниты? Торговцы знаниями? Случайно попавшая на Реану экспедиция? И как могут сочетаться высокие знания, о которых они говорят даже с некоторым пренебрежением, со всей этой примитивной жизнью, с натуральным хозяйством, тяжелым физическим трудом?.. Он не сумел додумать мысль до конца, потому что мгновенный каменный сон наконец сковал его. Ему казалось, что проснулся он почти сразу, но по тому, как сильно смешилось к закату солнце, понял, что прошло не меньше трех часов. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, есть только хотелось еще сильнее, и по-прежнему мучила жажда. С этим нужно было что-то решить. Едва он встал с твердым намерением заняться поисками пищи и воды, как над замком проплыл глубокий мелодичный звук. «Гонг или колокол... Может быть, это и есть сигнал к ужину?» Ротанов натянул рубаху и комбинезон, очевидно, вечернего фрака здесь не полагалось.

Пустой двор, пустая лестница... Местное общество не блистало многочисленностью, но не четверо же их здесь? Или все-таки четверо? Тяжелая двустворчатая дверь, ведущая во внутренние покой замка, оказалась гостеприимно распахнутой. Ротанов не стал ждать специального приглашения и вошел. Здесь было что-то вроде центрального зала для приемов или трапезной. Вероятно, самое большое помещение в замке. В центре зала стоял длинный обеденный стол, накрытый к ужину. Четверо знакомых рэнитов молча сидели у своих приборов. Ротанов отметил, что свободны еще два места, в центре стола и с краю. Решив, что центральное место вряд ли предназначалось ему, он скромно устроился с краю. Никто не произнес ни слова и никак не реагировал на его появление. Все продолжали молча и неподвижно сидеть на своих

местах, не прикасаясь к пище. Несмотря на мучивший его голод, Ротанов не стал нарушать приличий и терпеливо ждал вместе с хозяевами, только осторожно втянул носом воздух, стараясь по запаху определить, насколько съедобны местные блюда. Еще раньше он заметил, что все предметы в замке: посуда, утварь — носили на себе следы ручного изготовления. Очевидно, серийное машинное производство рэнитам неведомо. Это выглядело довольно странно, если вспомнить, на каком уровне художественного мастерства и техники была выполнена сделанная ими картина. Ротанов знал, как часто ошибочны бывают поспешные выводы. Он провел в замке всего несколько часов.

Кого же все-таки они ждут? От запаха горячей пищи Ротанов испытывал мучительные спазмы в желудке. Пахло довольно аппетитно, чем-то вроде вареного гороха. Большой медный поднос в центре стола наполняло зеленоватое пюре явно растительного происхождения. «С этого я и начну», — решил Ротанов. Он уже собрался, игнорируя приличия, положить себе на тарелку этого самого пюре, как все поднялись. В дальней стороне зала открылась внутренняя дверь, и в комнату вошла женщина. Ротанов забыл о еде. Он узнал ее сразу же, с первого взгляда. Ее и невозможно было не узнать. Там, на картине, огромный, до висков разрез глаз казался ему художественным преувеличением. Но глаза и на самом деле были такими. Если не считать этих глаз, во всем остальном ее лицо было той правильной, старинной формы, какими рисовали иногда древнегреческие художники лица своих богинь...

Неожиданно для себя Ротанов обнаружил, что все еще стоит, в то время как все остальные давно уже начали ужин, не обращая на него ни малейшего внимания. Женщина ни разу не взглянула в его сторону, впрочем, она вообще ни на кого не взглянула. Не сказала даже обычного, принятого за столом приветствия. Странным казался этот ужин в немом молчании. Может быть, между рэнитами существовали какие-то другие средства общения, кроме звукового языка? Иногда они обменивались быстрыми, едва уловимыми взглядами, и это было все.

Ротанов не понимал, что именно ел. Обстановка за столом с приходом женщины стала казаться ему почти оскорбительной. Рэниты определенно как-то общались друг с другом. Оказывали друг другу за столом какие-то мелкие услуги. Ротанова же просто никто не замечал.

Вокруг него словно сгустился некий вакуум. Так, наверно, чувствовал себя слуга в далекое феодальное время, если бы за какую-то чрезвычайную услугу ему разрешили сесть за один стол с господами. Возможно, приход женщины попросту обострил его чувство самолюбия. Несколько раз он бросал в ее сторону быстрые заинтересованные взгляды и невольно, забываясь, вновь и вновь любовался ее лицом, движениями, одеждой... Она вся казалась произведением искусства. Тяжелые распущеные волосы перехватывала чуть выше лба массивная, из чеканного серебра диадема. На ней были изображены неопределимые Ротанову символы и знаки, а в самом центре, отражая блеск светильников, недобрый алым пламенем вспыхивал какой-то камень — не то гранат, не то рубин... Руки женщины, обнаженные до самых плеч, украшали тонкие серебряные браслеты, которые звенели, как маленькие колокольчики, при каждом движении.

Ротанов повидал на своем веку немало красавиц. После того как на Земле стал работать универсальный институт красоты с отделениями на всех континентах, любая женщина могла придать своему лицу тот облик, какой ей нравился. И возможно, от этого в лице каждой красавицы ему невольно чувствовалось нечто искусственное. От лица рэнитки веяло древностью, словно оно вместе с диадемой было отчеканено из старинного потемневшего от времени серебра... Такими бывают подлинные произведения искусства. Подделку бы он узнал сразу. Ему хотелось уловить в ее глазах хотя бы намек на недовольство его откровенным разглядыванием, но она его не замечала до такой степени, словно он не отbrasывал в этом зале даже тени. В очередной раз ощущив укол уязвленного самолюбия, Ротанов поспешил закончить трапезу и первым покинул обеденный зал. И опять никто не остановил его, хотя, возможно, следовало остаться и хотя бы убрать за собой посуду. За столом никто не присуживал. Похоже, в замке вообще не было слуг. Но не могли же эти пятеро сами вести все натуральное хозяйство, одевать и кормить себя, лечить и развлекать и до такой степени оставаться равнодушными к новому члену их сообщества! Чего-то он здесь определенно не понимал.

Выходя из трапезной, Ротанов обследовал двор и обнаружил в углу у стены хорошо оборудованную мастерскую с горном и приличным набором инструментов. Правда, их качество из-за полного отсутствия машинного производства оставляло желать лучшего. Он не сумел найти ни

одного напильника. Очевидно, их в какой-то степени заменяли бруски из точильного камня.

С самой первой минуты, очутившись в этом мире, он остро ощущал не только отсутствие одежды. Ему не хватало оружия, всегда служившего надежной защитой на чужих неисследованных планетах. Теперь у него появилась возможность в какой-то степени восполнить этот пробел. Конечно, бластер ему не сделать, но в юности он увлекался арбалетным спортом. Изготовление самодельного арбалета было там обязательным условием... Покопавшись в груде металлического хлама, он обнаружил гибкую упругую пластину из хорошей стали, это его удивило. Рэниты каким-то образом освоили литейное дело, а вместе с ним и тепловую обработку металлов высокого класса, несмотря на отсутствие машин. Пластины он использовал в качестве основного упругого элемента, без которого невозможно изготовление арбалета. Он старался придать оружию небольшие размеры. Мощная стальная пластина позволяла это сделать. Нужно было лишь найти подходящий кусок древесины для ложа. В этот вечер никто не интересовался его делами, и вскоре в маленькой кузнице жарко запылал горн.

Арбалет был полностью готов через две недели. В тот день, когда Ротанов надел на стрелы тяжелые стальные наконечники, грубые, но хорошо отточенные, он решил предпринять небольшую экспедицию за пределы замка. За две недели он так ничего и не узнал о загадочных существах, бок о бок с которыми прожил все это время. Они вели натуральное хозяйство. Работали не покладая рук с утра до вечера, причем Ротанову редко удавалось видеть, как они это делали. С ним общались по мере необходимости и всегда давали дневное задание там, где не работал ни один из рэнитов. Вечером у него принимали дневную работу и давали задание на следующий день. Во время традиционного ужина он мог сколько угодно плясать глаза на прекрасную, как статуя, рэнитку — этим все его контакты с рэнитами и ограничивались. Возможно, вне замка он найдет какие-то следы, проливающие свет на загадку появления рэнитов на этой планете в далеком прошлом? Кроме того, его интересовали трескучки. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — здесь встречаются виды и формы, которых он никогда не видел на Реане... Не с ними ли связана загадка обратного перехода? Неплохо было бы заранее подготовить себе дорогу к возвращению без помощи рэнитов. Причин пред-

принять экспедицию во внешней мир у него было достаточно. В первую же неделю он установил, что один день здесь полностью посвящается отдыху — сегодня был как раз такой день, и он решил не откладывать своего предприятия. Ворота никем не охранялись. Подъемный механизм приводился в действие простым нажатием рычага. Для того чтобы ворота открылись, достаточно было дернуть кольцо. Ротанов закинул за плечи арбалет, котомку с небольшим запасом продуктов, которые взял в кладовке, ни у кого не спросив, давно убедившись, что спрашивать что-либо у рэнитов бессмысленно. Его снаряжение дополняла еще фляга с водой и грубое подобие ножа, приличное лезвие он так и не сумел выковать. Зато рукоять получилась на славу. С некоторым волнением он вышел за ворота, ежеминутно ожидая оклика и приказа вернуться. Никто его не окликнул. Вскоре дорога сделала поворот, и замок скрылся из виду.

Прежде всего Ротанов решил осмотреть место, в которое попал при переходе. Он хорошо помнил карту Реаны и сейчас безошибочно установил, что планета та самая, что никакого пространственного «сдвига» не было, и каким бы невероятным это ни казалось, оставалось лишь одно правдоподобное объяснение. Он попал в прошлое Реаны, очевидно, в то самое прошлое, когда была нарисована картина. Пятьдесят тысяч лет отделяло его теперь от людей. Человеческая цивилизация на Земле еще не успела родиться... Его воображение не способно было вместить тот гигантский отрезок времени, через который легко, почти буднично, перебросили его вот эти странные зеленые растения... Да полно, растения ли они? Может быть, нечто гораздо более сложное, нечто такое, с чем людям еще не приходилось сталкиваться, и потому мы даже не в состоянии определить, что они такое?..

Взбравшись на ближайший холм, он осмотрел рощу трескучек сверху и вдруг с удивлением заметил, что в сплошном океане зелени, затопившем планету, знакомая ему реановская роща сохранила свои прежние границы. Впечатление было такое, будто кто-то специально укоротил растения, подстриг их вершины гигантскими ножницами с одной-единственной целью — обозначить границы зеленого острова, сохранившегося в песках Реаны через пятьдесят тысячелетий. Кто и зачем мог это сделать? Спустившись в рощу, Ротанов, к величайшему своему удивлению, установил, что стебли растений вовсе не были срезаны. На определенной высоте они постепенно стано-

вились невидимыми. Сантиметров десять их стебли еще можно было нащупать, дальше они исчезали совершенно... Ротанов вспомнил, в одном из отчетов биологов он читал о том, что трескучки на Реане не имеют корней... Здесь корни были в полном наличии, зато не было цветов и плодов... Впрочем, нет... Это не совсем так, потому что цветы в виде огромных трескучих погремушек здесь тоже были, но только за той границей, где кончалась роща, сохранившаяся на Реане в далеком будущем... Во всем этом была какая-то неясная ему закономерность. Ротанову казалось, что вот сейчас, в эту самую секунду, он поймет нечто очень важное. Известные факты уже сами собой выстраивались в некую еще не совсем ясную систему. «Нет корней в будущем, но зато они есть здесь, в прошлом. Никто никогда не находил настоящих плодов трескучки, споры — это не плоды, он столько слышал о легендарном семени трескучки, все о нем слышали, и никто не видел...» И в эту самую секунду, когда, казалось, он уже ухватил убегающую мысль, прямо над его головой с оглушительным грохотом лопнул зрелый споронос. Лавина спор хлынула на землю и покрыла ее толстым темным ковром. Буквально в двух шагах от Ротанова лежал этот толстый шевелящийся ковер. Казалось, упав на землю, он все никак не мог успокоиться. Заинтересованный Ротанов подошел еще ближе. У него на глазах происходило образование живого спороносителя. Вся масса спор теперь стянулась в тугую плотную массу, напоминающую разлитую по земле ртуть. Она была так же подвижна и, очевидно, так же тяжела. Постепенно из нее вверх начал медленно расти какой-то предмет. Но это не был знакомый и безобидный треножник, что-то другое, достаточно грозное в своей неожиданности, стало обретать жизнь, становилось выше, массивнее, и вдруг он понял, что это такое... Помогла аналогия с хорошо известным ему неземным растением. Мощный темный стебель на глазах вытягивался вверх. Он уже был выше его головы, и на самом верху образовалось утолщение величиной с хорошую тыкву. Оно округлилось, в середине появились широкие глянцевитые лепестки. Потом они раздвинулись, приподнимая укрытое в самом центре массивное образование. Что там было? Тычинки? Пестики? Этого он не помнил, зато хорошо помнил, что цветок этого растения при малейшем прикосновении к тонким, как шнуры, щупальцам выбрасывал в воздух миллионы ядовитых иголок. Яд растения убивал все живое, а иглы иногда пробивали даже

силиконовую броню скафандра. Сейчас на нем не было скафандра...

Ротанов почувствовал, как у него пересохло во рту, потому что вокруг, спереди и сзади, уже шевелился темный ковер растущих из стебля щупалец. Извиваясь, они обтекали его, замыкали кольцо... Отступать уже было некуда. Слишком поздно он понял, что это такое... Но откуда, откуда он здесь? Ведь ничего не было, кроме спор!..

И вдруг сзади налетел порыв ветра. Неожиданно цветок сморщился, словно собирался чихнуть, потом медленно стал съеживаться, уменьшаясь в размерах. Закрылись лепестки, втянулись внутрь стебля щупальца-ловушки. Словно кто-то прокручивал перед Ротановым киноленту в обратном порядке. Утончился и закачался высокий стебель, потом с сухим шелестом обрушился вниз, рассыпаясь в темную тяжелую пыль, из которой только что возникла эта грозящая смертью ловушка. Сейчас она исчезла, у него на глазах растворилась в ковре тяжелых спор, только что родившем ее. Почти сразу же из него один за другим стали выпутливаться, как цыплята из яйца, уже знакомые Ротанову треножники живых спороносителей. Они тут же разбегались в разные стороны и исчезали в зарослях. Через несколько минут ничто уже не напоминало о происшедшем. Потрясенный Ротанов достал флягу с водой и смочил пересохшее от волнения горло. Потом разрядил арбалет, тяжело опустился на песок рядом с тем местом, где только что раскачивался, грозя ему гибелью, стебель растения. Песок в этом месте казался нагретым. Ротанов набрал его полную пригоршню и медленно пропустил между пальцев.

Так что же произошло? Вначале его явно собирались атаковать, но, как только ветер донес его запах, запах человека, цветок стал сворачиваться и в конце концов превратился в эти безобидные треножники. Масса спор не обладает собственной энергией. Это просто микроскопические кирпичики, подчиняющиеся формирующему полюм. Из них, наверно, много чего можно построить, не только этот ядовитый цветок...

Энергию и соответствующие команды споры наверняка получают от своего родителя... Ротанов долго задумчиво смотрел на толстый ствол растения с разорванным спороносом. Свесившись набок, он сейчас еще больше походил на белый колокол... «Что же ты такое? — тихо спросил Ротанов.— Твои корни уходят в глубокое

прошлое. Они растут здесь уже тысячи лет, потом распустятся колокола цветущих спороносов... И только в далеком будущем образуются плоды, оттого никто и не нашел легендарного семени трескучек... Растение, подчинившее себе время или приспособившееся к его течению настолько, что время стало не властно над ним? Его сок, проникая в живые клетки человеческого тела, способен перенести их хозяина в далекое прошлое, к самым истокам... Так растение ли это или нечто значительно более сложное и, может быть, даже более важное, чем найденные им в прошлом остатки рэнитской цивилизации?»

Ротанов перебросил через плечо ненужный арбалет, потому что вдруг понял: ничто ему не грозит в этой роще. Трескучки прекрасно могут отличать врагов от друзей, а он пока что не сделал ничего такого, чтобы стать врагом этих существ. Здесь у трескучки наверняка есть враги. За одного из них его и приняли вначале. Ротанову вдруг стала понятнатолщина и высота стен рэнитского замка...

На этот раз дром был огромен. В два раза больше предыдущего. Четыре гибкие лапы мелькали так быстро, что отдельных движений не было видно. Над ними возвышались массивные челюсти, утыканые острыми, как кинжал, зубами. Вельда знала, что ей не уйти. Джар, везущий ее повозку, устал, к тому же он не боялся дрома и не очень спешил. Всего несколько метров отделяло ее от дрома, она видела, как аспидным блеском отливают его широкие черные клыки. Вельда изо всех сил хлестнула Джара, но было уже поздно. Дром вытянулся и в последнем броске дотянулся до повозки. Его тяжелые челюсти сомкнулись на ободе колеса. Оно хрустнуло, и во все стороны полетели обломки, повозка накренилась на один бок и остановилась, от резкого толчка Вельда выплетела из нее, откатилась к обочине. Дром, занятый повозкой, не обращал на нее внимания. Она видела, как он в ярости крошит дерево, рвет сыромятные ремни креплений, словно повозка была живым существом.

Вельда знала, что теперь у нее оставалось всего несколько секунд. Покончив с повозкой, дром в любом случае настигнет ее. У него не было глаз, но он хорошо улавливал запахи. Повозка пахла ее телом и именно поэтому вызвала в дроме такую ярость. Вельда вскочила на ноги и бросилась к зарослям. Отчаяние придало ей сил. Но

дром уже почуял неладное, он приподнял свою тяжелую, словно выкованную из стали, голову и устремился за ней. Она не заметила, когда из зарослей выскочил человек. Увидела его уже рядом, он оттолкнул ее и встал на пути у дрома. В руках у него было какое-то странное оружие, похожее на рогатину. Раздался резкий свист, и тяжелая стрела мелькнула в воздухе. Дром продолжал бежать, но что-то в его движениях изменилось. Угловатые формы начали вдруг округляться. Дром словно стал ниже. Тяжелая голова опустилась и как будто смазалась.

Только теперь Ротанов позволил себе взглянуть на девушку. Волосы, заплетенные в несколько мелких косичек, отсутствие всяких украшений, простая запыленная одежда, эта повозка... Ничто не напоминало вчерашнюю принцессу из старинной сказки, разве только глаза... Ротанов нагнулся, протянул ей руку и помог встать на ноги. Она оказалась примерно одного с ним роста. И он с удовольствием почувствовал, какой сильной и гибкой оказалась ее рука. Несколько секунд она ее не отнимала, и они молча стояли рядом, разглядывая друг друга. Наконец она отняла руку, отступила на шаг, неловким жестом отряхнула с одежды пыль и вдруг лукаво, совсем как земная девчонка, улыбнулась. Улыбка была такой мимолетной, что Ротанов засомневался, не почутилась ли ему она. Потом рэнитка произнесла несколько слов на певучем непонятном языке, чем-то похожем на язык древней Полинезии. Звучали эти слова примерно как «ларанго тало ароно». Девушка прижала к груди левую руку и чуть наклонила голову. Этот жест, наверно, был бы понятен на любой планете.

Ротанов обругал себя за недогадливость, он считал, что все рэниты должны знать человеческий язык. Конечно, его изучил кто-то один, и возможно, именно поэтому за столом царит молчание. Наверно, они просто не хотят разговаривать при нем на своем языке, считая это невежливым.

Ротанов помог девушке собрать разбитую повозку. Ему удалось даже связать сыромятными ремнями рассыпавшееся колесо. Девушка вновь запрягла странное животное, больше похожее на огромную толстую гусеницу, чем на лошадь. Ножки у животного были коротенькие, и, пока Ротанов обвязывал вокруг них сложную упряжь, все время путаясь в многочисленных ремешках, он насчитал этих ножек, по крайней мере, пар восемь. Прежде чем уехать, девушка показала на себя рукой и

сказала: «Вельда, Арома-ла.— И еще раз повторила:— Вельда». Ротанов церемонно кивнул головой и представился сухо, как на официальном приеме: «Ротанов».

— Ролано? — переспросила девушка.

Ротанов молча кивнул. Пусть будет «Ролано», какая разница...

Повозка, переваливаясь с боку на бок, медленно отъехала, он долго еще смотрел ей вслед, потом перебросил через плечо арбалет, нашел в кустах кетмень и пошел заканчивать выделенную ему в качестве дневной нормы делянку. В одном он мог поклясться — стрела, выпущенная им в дрома, прошла мимо цели...

Вернувшись после ужина в свою комнату, Ротанов лег на топчан не раздеваясь. Прошел почти месяц с того момента, как он появился в замке. Мышцы от физической работы окрепли, и он уже не чувствовал отупляющей усталости, которая заставляла его буквально валиться с ног первые дни. Теперь у него оставались силы и время, чтобы лучше изучить мир, в котором он очутился. Он собирая образцы пород, описывал новые виды растений, уходил довольно далеко от замка, уделял основное время и внимание зарослям трескучки, раскинувшимся на многие десятки километров вокруг. Никто ему не препятствовал, никто не вмешивался в его дела, попросту никто не интересовался им. Лишь бы он выполнял дневную норму работы... Первое время это вполне устраивало. Но сегодня вдруг навалилась тяжелая гнетущая тоска, скрутила его, лишила всякого желания продолжать начатую работу. Он вспомнил причину, вызвавшую приступ ностальгии именно сегодня, но это мало помогло. Во время ужина девчонка, которую он спас сегодня, не взглянула на него ни разу. Но, видимо, была еще и другая причина для тоски. «Командировка,— утешал он себя первые дни.— Это просто такая командировка...» Но из командировки можно вернуться. Из любой, самой дальней экспедиции в конце концов возвращаются, а отсюда? В том-то и дело, что этого он не знал. Дубров умел возвращаться. Он надеялся найти здесь Дуброва и вернуться с ним вместе и ничего не нашел. Он заключил с рэнитами странную сделку, с одной-единственной целью: узнать о них побольше, наладить обычный человеческий контакт, из которого рано или поздно рождается взаимопонимание, и ничего не добился. Ничего, кроме оглушающего одиночества и чувства безнадежности своей затеи. Кому нужны все эти минера-

лы, образцы растений, описания животных, давно ставших на этой планете палеонтологическими курьезами? Разве что его открытия, связанные с трескучками, имеют настоящую цену, но их еще нужно проверить, а главное — надо суметь донести эти данные до Земли... Рэнниты ему в этом не помогут. На какое взаимопонимание можно рассчитывать, о каком контакте может идти речь с существами, лишь внешне похожими на людей? Несспособных испытывать простого чувства благодарности, сумевших отгородиться от него стеной ледяного безразличия... Сегодня он спас девчонку от верной гибели, он сделал это совершенно рефлекторно, как сделал бы на его месте любой землянин, и не нуждался он в ее благодарности! Но и привычного ледяного молчания за ужином не ожидал. Не ожидал, что она вновь превратится в надменную аристократку, увешанную драгоценностями. А он в своей запыленной и изодранной рабочей одежде вновь почувствует себя в обществе рэннитов существом низшего разряда. Он валялся на топчане и думал, какой замечательный человек Крамов и насколько секретарь председателя колонии на Реане симпатичней этой надменной рэннитки. Он убеждал себя в том, что огромные глаза, если разобраться в этом получше, попросту безобразны. Он достиг в этом почти полного успеха, как вдруг заметил на столе маленький листочек бумаги, которого здесь не было раньше...

5

Небо здесь казалось черней. Звезды крупнее и ближе. Огрызок луны висел у самого горизонта. Его свет не мог притушить даже свет звезд. Словно кто-то посадил на небосводе огромный фиолетовый синяк.

Ночью холод легко пробирался под тонкую одежду, и Ротанов продрог, ожидая на площадке башни назначенного в записке часа. Ночи здесь тянулись бесконечно. Может быть, оттого, что ночью никто не измерял время. Не звонили часы на башнях, ни один звук не нарушал мертвую глубокую тишину. Наконец вдали на стене мелькнула чья-то фигура.

Женщина приближалась медленно, вся закутавшись в толстое белое полотно, чем-то похожее в этой мертвой夜里 на саван. И все же даже сейчас, сквозь эту толстую, скрадывающую одежду, он угадывал, как величественна ее походка, как гордо откинута под капюшоном

голова... Древние легенды говорили о том, что принцессой нужно родиться. Может быть, они были правы. Еще издали он заметил у нее в волосах сверкающую рубиновым огнем диадему. Камень в ней слегка светился.

Рэнитка остановилась от него в двух шагах, откинула капюшон, ее длинные волосы, чуть окрашенные кровавым светом камня, свободно заструились по плечам. Очень долго они стояли рядом совершенно молча, словно погрузившись в ночное безмолвие, во всю эту мертвую нереальную ночь. В ночь, которая прошла тысячи лет назад... Ротанов не мог поверить, что это та самая женщина, которая везла в повозке мешки с зерном и которую он спас не далее как вчера... Ему казалось, с тех пор прошло много лет и, наверно, минуло не меньше столетия, пока они молча стояли друг подле друга.

Женщина заговорила медленно и печально, ее лицо оставалось странно неподвижным, невыразительным, точно слова, которые она произносила, не имели к ней ни малейшего отношения. Ротанова поразило, что сейчас она свободно говорит на его языке. Словно угадав его мысли, рэнитка пояснила:

— У нас не принято женщине разговаривать с чужеземцем на его языке. Но закон иногда нарушают.

— Да. Я знаю,— сказал Ротанов.— Чтобы очутиться здесь, мне тоже пришлось нарушить закон.

И снова они надолго замолчали, луна наполовину спряталась за горизонт, сместились на небосклонеочные созвездия, а Ротанов все стоял неподвижно, не чувствуя холода, и всматривался в черты ее лица, такие прекрасные и чужие, словно хотел запомнить их навсегда...

— Почему ты ничего не спрашиваешь? Люди любят задавать вопросы, много вопросов...

— Я хотел бы задать лишь один. За что дромы так ненавидят вас?

Женщина отступила на шаг, словно отшатнулась, и присела на край холодной каменной балюстрады.

— Ты умеешь выбирать вопросы. Чтобы ответить, мне придется рассказать тебе все. Не знаю, поймешь ли, но все равно слушай...

Она говорила медленно, тщательно подбирая слова, словно проверяя их цену. Ночь сомкнулась вокруг них еще плотнее, еще мохнатей и холодней стали далекие созвездия. Ротанову казалось, что он не слышит слов, ему казалось, это он сам спускается к только

что открытой планете на гигантском корабле рэнитов...

— Нас было двадцать человек, мы летели быстро, как свет...

Они летели с огромной скоростью, и время для них замедлялось. Всего год полета, и они преодолели гигантское расстояние, прилетев сюда с другого конца галактики. Пока длился полет, на их родной планете прошло много тысяч лет. И все же они собирались вернуться, увидеть родных и близких, принести добытые экспедицией знания своему поколению. Это была уже четвертая экспедиция к звездам. Три первые прошли успешно и вернулись обратно в свое время. Их учёные придумали хитроумную штуку... В конце полета они выбирали безжизненную планету, сажали на нее корабль и потом с помощью разряда хронара, в котором хранилась энергия, накопленная еще на родине рэнитов, отбрасывали это небесное тело в точно рассчитанную точку четвертого временного измерения. Благодаря такой операции корабль возвращался к родной планете в то время, из которого он вылетал... Все эти операции проделывали с такой точностью, что две межзвездные экспедиции вернулись через месяц после вылета и привезли ценнейшие сведения о дальних окраинах галактики. Казалось, ничто не предвещало неудачи четвертой экспедиции.

Они опустились на Реану примерно за десять тысяч лет до того, как туда прилетели люди. Корабль рэнитов опустился в северном пустынном полуширье...

— Тогда оно не было пустынным. Тогда там кипела жизнь.

— В северном полушире нет никакой жизни! Там кратеры, следы извержений и мертвая пустыня!

— Это не извержения... Наши правила запрещали использовать для хронара планеты, на которых есть жизнь. Но поблизости не оказалось звезд с другими планетными системами. Топлива оставалось в обрез, только на обратный бросок... Мы хотели вернуться домой...

— И решили погубить планету...

— А что бы люди сделали на нашем месте?

— Не знаю,— честно сказал Ротанов.— Этого я не знаю.

— Мы решились не сразу. Долгое время изучали

планету, старались установить, может ли здесь возникнуть разумная жизнь, и ничего не поняли, как выяснилось потом... Наши ученые установили, что на планете преобладает один вид растений. Мы называли их белыми шарами. Этот вид подавил развитие всей остальной биосферы, каким-то образом подчинил ее себе. Ископаемые остатки этих растений почти полностью совпадали с их современным видом. Ученые решили, что бросок во времени на десятки тысячелетий почти ничего не изменит в жизни планеты... Когда очень хочешь получить определенный результат, всегда находится подходящая научная теория... — В голосе женщины звучала неподдельная горечь. — Я одна была против, я говорила, что они недооценивают местную биосферу, что белые шары не простые растения, что может произойти несчастье... Никто не прислушался к моим доводам. Хронар был подготовлен к пуску, и в точно назначенный час его включили... — И вновь она надолго замолчала.

— Что произошло потом?

— Потом случилось несчастье... Мы до сих пор не знаем, как именно это им удалось. Корни этих растений уходят в глубокое прошлое, в настоящем расцветают их цветы, те самые, что зовутся у вас белыми колоколами, и лишь в далеком будущем вызревают иногда плоды, содержащие в себе тайну бессмертия...

— Что случилось с планетой?

— Не знаю, как назвать их, существа? Растения? В момент импульса хронара включилось противоположно направленное временное биополе планеты. Чтобы противостоять импульсу хронара, энергия его должна была быть огромной, растянутой во времени и точно рассчитанной... Очевидно, не во всех точках им удалось полностью погасить энергию импульса, начались разрывы пространства, извержения вулканов, планетный катаклизм захватил все материки, но планета уцелела, осталась в настоящем. Правда, они сами почти все погибли...

— Не все... — тихо прошептал Ротанов. Но она услышала.

— Да, уцелела одна маленькая рощица, но и она вымирает. Пустыня наступает на нее со всех сторон. За последнее столетие не прижилось ни одного нового растения, а старые постепенно погибают, кольцо пустыни смыкается вокруг них, и вскоре на планете, кото-

рую они отстояли ценой своей жизни, останутся одни пустыни.

Она помолчала, потом тихо продолжала:

— Почва расползлась, превращалась в грязь, затопляла целые материки... Мы ничего не могли сделать. К тому времени нас уже не было на планете. Вернее, не было в ее настоящем... До сих пор мы не знаем, виноват в этом импульс нашего хронара, или это биополе планеты зашвырнуло нас в прошлое, которого мы хотели добиться такой дорогой ценой?

— Вы пришли в этот мир голыми и безоружными,— тихо проговорил Ротанов.

— Да, все снаряжение, оборудование, наш корабль — все это осталось на северном материке, на том самом, где катаклизм достигал наибольшей силы. Видимо, там произошел чудовищный взрыв. Не сохранилось ничего, даже пыли...

В неверном красноватом свете камня он заметил слезы, стоящие у нее в глазах.

Ротанов отошел в сторону, отвернулся, чтобы не видеть ее лица и не мешать ей плакать... Ночь, казалось, придинулась еще ближе и села, как лохматая черная птица, на зубцы крепостных башен. Ничто не нарушало тишину, даже дромы угомонились. Звезды чуть смеялись к востоку, возвещая близкий рассвет.

— Сколько же лет вам понадобилось, чтобы голыми руками построить этот замок? И сколько мужества? — тихо добавил он.

— Рэниты живут долго... Слишком долго,— еще тише прозвучал ответ. Тогда он повернулся, отыскал в темноте ее руку и осторожно погладил ее:

— А знаешь, девочка...

— Я не девочка, Ролано.

И все равно она казалась ему маленькой заблудившейся девочкой, девочкой, которой надо помочь. Он не стал с ней спорить. Он словно думал вслух...

— Я побывал на разных планетах, бывают безвыходные ситуации, бывают ситуации, из которых невозможно выбраться, но так только кажется, поверь мне! Теперь вы не одни, люди помогут вам вернуться.

— Есть законы, перед которыми бессильны и вы и мы. Это вечные нерушимые законы жизни. Те, кто восстает против нее, сами становятся мертвецами, им уже ничто не поможет.

Но он не слушал ее, он торопливо, почти лихорадочно искал выход.

— Вот посмотри: мы можем послать экспедицию к вашей звезде, не пройдет и года, как рэниты прилетят за вами!

— Пока мы летели сюда, прошли тысячелетия. Не забывай об этом, Ролано. Мы знаем свое будущее. Вся наша цивилизация давно погибла.

— Но ведь Дубров возвращался отсюда!

— Ты тоже вернешься. Уже очень скоро.

— Значит, и вы могли бы!

— Вернуться, куда? В ваше время? Оно чужое для нас. Стать вашими нахлебниками? Это не для нас, Ролано. Рэниты — гордая раса.

— Я знаю.

— Плохо ты нас знаешь, если предлагаешь такое!

— Но ведь не можете вы оставаться здесь одни! Без помощи! Мы могли бы оставить вам всю планету, завезти сюда необходимое оборудование, машины...

— Опять ты о том же... Не такие уж мы беспомощные. Тысячелетние древние знания нашего народа помогли нам выстоять в самое трудное время, теперь наш дом здесь. Другого нет и не будет. У каждого народа свой путь. Теперь ваша очередь летать к звездам. Может быть, вы будете счастливее нас...

— И все же хоть что-то можем мы для вас сделать? Неужели люди не имеют права помочь друг другу в беде?

— Возможно, у вас есть такое право, только вот мы не люди...— Она замолчала, и в ее молчании он угадывал нечто недосказанное, может быть, просьбу, которую не выражают словами, может быть, он должен был понять это сам, но в ту минуту ничего не понял, только почувствовал, что разговор окончен, что истекают последние секунды этой фантастической, невозможной ночи. Не все умеют мириться с неизбежным. Он крепче сжал ее невидимую в темноте руку.

— Послушай... Вельда, мы могли бы вернуться вместе...

— А ты знаешь, сколько мне лет?

— Какое это имеет значение?!

— Имеет, Ролано. Имеет. В первую сотню лет чувства притупляются, отмирают. Остаются лишь память и долг...

— Я не могу поверить, что ваша цивилизация исчезла бесследно. Ваше знание о таком далеком будущем

щем могло оказаться неточным. Люди должны это проверить. Где находится ваша звезда?

— Чужой дом иногда охраняется, Ролано, даже после ухода хозяев. Это может быть опасным.

— Каждый полет к звездам опасен. И все же рэйнты и люди летают.

Он заметил, что она взволнована, и не мешал ей думать. Иногда надежда на невозможное ломает самые строгие запреты. Рэнитка отвернулась к каменному парапету и торопливым движением, словно боялась передумать, начертила в пыли целую россыпь точек.

— Это ваше небо.

Ротанов узнал рисунок знакомых созвездий и молчакивнул.

— Вот здесь.— Она обвела кружком одну из точек. Ротанов узнал и эту звезду.

— Альфа Гидры.

— Мы звали ее Делой... Если ты кого-то найдешь... Они знают, как пройти сквозь время. Они могли бы найти нас... Но там уже никого нет. А теперь прощай. Я и так сказала тебе больше, чем могла.— Она резко повернулась и не оглядываясь пошла прочь. Темнота почти сразу же растворила ее фигуру.

Ротанов решил вернуться на следующее утро. Он еще не знал, как это сделает, но чувствовал, что время настало и что обратный переход пройдет без труда. Он тщательно убрал комнату. Единственная вещь, с которой он не хотел расставаться, был арбалет. Он понимал, что не может взять его с собой, и не хотел, чтобы эта вещь затерялась в зарослях. Ротанов погладил отполированное ложе и повесил оружие на стену. Кому-нибудь пригодится. Он не мог взять с собой ни образцов, ни собранных с таким трудом гербариев местной растительности. Вообще ничего материального, никаких доказательств... Сейчас он очень хорошо понимал Дуброва и знал, как беспомощен может быть человек, не сумевший подтвердить своих слов. Галлюцинация от растительных ядов... Весь этот мир, со слов Дуброва, показался бы ему сплошной галлюцинацией. Теперь ему самому придется убеждать других. Впрочем, доказательства могут появиться. Цивилизации не исчезают бесследно. Пусть людям пока неподвластно время, но пространство они научились преодолевать неплохо.

Дверь за его спиной тихо отворилась, и вошел Гарт — единственный из рэнитов, снисходивший до общения с ним, ограничивая его, правда, лишь самыми необходимыми словами.

— Ты уходишь совсем? — В который раз Ротанов удивился их проницательности, но не показал виду и лишь утвердительно кивнул.

— Ухожу.

— Мы должны тебе кое-что.

— Я узнал больше, чем заработал. Узнал все, что хотел.

— Нет. Для тебя лично.

— Мне ничего не надо.

— Я не так сказал. Знания, которые ты должен получить, могут принести пользу. То, что ты узнал, бесполезно и для тебя, и для твоего народа.

— Как знать. Я так не считаю. Остальные знания мы добудем сами. Люди тоже гордая раса. Прощай.

— Останься хотя бы на завтрак. У тебя долгий путь.

Ротанов отрицательно покачал головой и прошел мимо посторонившегося рэнита. Он уже знал, что всякие прикосновения как выражение симпатии у них не приняты, и потому не протянул ему руки.

В центре стриженого пятна, обозначившего границы сохранившейся в будущем рощи, было одно растение, отличавшееся от остальных. Ротанов заметил его еще в колонии. Здесь же, среди своих укороченных собратьев, оно сразу бросалось в глаза. Его ствол был толще, крона пышнее и «подрезалась» — исчезала из виду, как будто выше, чем у остальных. Кроме того, ствол этой трескучки расчленялся на сегменты, словно перед Ротановым рос гигантский бамбук толщиной в добрый бочонок. Он постучал по глянцевитой коре, звук казался глухим, очевидно, ствол внутри был полым. Он обернулся и долго сквозь редкие заросли смотрел на дорогу, на которой два дня назад увидел повозку с Вельдой. «Странное создание человек, — подумал Ротанов. — Он упорно добивается истины, ищет ее, не считаясь ни с какими трудностями, а настигнув ее наконец, иногда не может сдержать чувства горечи. Всегда так бывает, почти всегда. Наверно, поэтому древние считали плод познания... горьким». «Мне пора...» — тихо произнес он вслух. И ничего не произошло. Он не почувствовал никакого волнения. То, что должно было произойти, произойдет обязательно, без малейшего уча-

стия с его стороны. Он не мог бы объяснить, откуда у него такая уверенность. Он нашел в корнях большой трескучки углубление, сел в него поудобней и стал ждать восхода солнца, только сейчас почувствовав, как устал от этой бесконечной ночи и накопившейся горечи.

Уйдя от рэнитов, он вдруг испытал облегчение, словно все это время нес на плечах вместе с ними непосильную тяжесть утрат, разочарований и безнадежности. Теперь он многое видел иначе, иной меркой судил их. Кем они были? Торговцами, продававшими крупицы своих знаний за чужой труд? Мечтателями, покорявшими звезды? Учеными, подчинившими себе само время? Или всем этим понемногу? Их эпоха прошла. Навсегда скончала в бездну прошлого, только память осталась, и не стоит тревожить прах этих воспоминаний, вторгаться в их склепы... Потому что здесь, на Реане, осталось от них только прошлое, мертвое прошлое. Впрочем, и на Гидре, наверно, тоже...

Первые лучи солнца согрели его, и он задремал, продолжая слышать шорох листвы над своей головой. Потом его качнуло, легко, как это бывает в кресле гайдера, когда тот идет на посадку. Ротанов открыл глаза, увидел солнце, клонившееся к западу, взглянул на свое обнаженное тело и, поднявшись, серьезно сказал, обращаясь к трескучке:

— Спасибо, друг.

В десяти шагах он нашел свой рюкзак и одежду в том самом месте, где расстался с ними. Значит, в колонии до сих пор не обнаружили его отсутствие... Вот почему он нашел Дуброва в своем коттедже в ночь его исчезновения. Очевидно, все его двухмесячное путешествие заняло по времени Реаны не больше нескольких часов.

Ротанов торопливо оделся и вдруг услышал странный звук, словно за его спиной загудел большой шмель. Ствол большой трескучкиibriровал и слегка раскачивался. Ротанов подошел ближе, он был уверен, что минуту назад ствол был совершенно неподвижен, что бы это могло означать? Раздался резкий звук. Ротанов от неожиданности отшатнулся. Ствол растения расколола снизу доверху продольная трещина. Ее края развернулись, и прямо на глазах Ротанова в совершенно пустом пространстве ствола вдруг появился какой-то предмет... Ротанов смотрел на него долго, не смея двинуться с места, не веря собственным глазам.

Когда робот закончил постройку стандартного коттеджа и возвел вокруг новых владений Дуброва небольшую изгородь, Дубров выключил его и отсоединил от аккумулятора клеммы питания. Это был его личный универсальный робот, такой же, как у каждого колониста. Сегодня он в последний раз воспользовался его услугами. Набор самых простых земледельческих инструментов, немного консервов — вот все, что ему могло пригодиться.

Место он выбирал тщательно. Его не должны были найти, прежде чем он осуществит задуманное. Проще всего было укрыться в горах, где было множество пещер, завалов, ущелий. Но горы его не устраивали, ему необходима была голубоватая почва Реаны. Одинокая скала образовала в этом месте нечто вроде большого грота и закрывала его новое жилище вместе с участком огороженной земли от наблюдений с воздуха. С трех сторон участок скрывала скала, с четвертой робот набросал высокий песчаный вал, и обнаружить укрытый под скалой коттедж можно было, лишь подойдя вплотную. Скалу он нашел года два назад, когда много путешествовал по реанским пустыням в одиночку, пытаясь найти в них следы былой жизни. Еще тогда подумал, что это место идеально подошло бы для небольшого поселения, если бы люди могли добывать здесь для себя пищу... Все дело было именно в земле. Он надеялся, что, если ему удастся удалить из нее частицы ядовитой голубой глины, земля вновь обретет плодородие... Он знал, что колония трескучек приживается лишь в том месте, где может вырасти маточное растение. Не было у него почти никаких шансов на успех, но он все же решил попробовать, потому что иного пути не было. Жизнь на этой планете была возможна лишь там, где росли трескучки. В одном инспектор был, безусловно, прав — не могли они рассчитывать на сокращавшуюся с каждым годом резервацию. Если его попытка не удастся, люди навсегда оставят эту планету, и тогда пустыни сокнут свое смертоносное кольцо над последним живым пятном. Были у него и личные причины, заставившие пойти на этот отчаянный шаг. О них он не стал бы рассказывать никому.

Дубров зачерпывал землю лопатой, рассыпал ее на куске брезента и пальцами зернышко к зернышку перебирал сухую почву. Для этой работы не годилось ни одно механическое приспособление, только человеческие

руки могли отобрать ядовитые крупинки. Правда, трескучки каким-то образом росли на этой почве. Вот только новые ростки на ней не приживались. Каждый сезон спороносители уходили в пустыню, сеяли свои споры, из которых ничего не вырастало, и ветер нес по мертвой земле черную пыль.

Каждый вечер, когда новое ведро земли было готово, он шел в свой огород, высыпал землю в заранее подготовленное место, выравнивал и обильно поливал, словно в пустой земле могли быть зародыши какой-то жизни... На что он рассчитывал? Для чего проделывал эту бесконечную и бессмысленную работу?

Каждый вечер, отворив калитку своего огорода, он садился на крыльце дома и ждал, до рези в глазах всматриваясь в пустыню. Человек был так же терпелив, как эта пустыня, много столетий ждущая своего часа, чтобы затянуть петлю вокруг последнего пятна жизни, еще оставшегося на планете. И однажды вечером человек дождался. Вначале на горизонте появилась черная точка. Она постепенно приближалась, увеличивалась в размерах. В глазах человека сменилась целая гамма чувств. Вначале в них было удивление, потом разочарование и затем отчаяние. Это было совсем не то, что он ждал. К его владениям приближался обыкновенный вездеход, и рычание его мотора уже вторглось в величественное молчание пустыни. Его тайное убежище раскрыто.

Из вездехода вышел всего один человек. Больше и не надо. Дубров устал в одиночку нести свой непосильный груз. Им вдруг овладело полное безразличие. Пусть делают что хотят, пусть выполняют инструкции, он пальцем больше не шевельнет, пускай все катится к чертовой матери! Он не двинулся, когда инспектор вытащил из вездехода какой-то мешок и молча прошел мимо него к калитке. Он не произнес ни слова, когда Ротанов вернулся, подобрал лопату, лежащую у крыльца, и снова ушел в огород.

Постепенно им овладевал глухой гнев. Посторонний человек распоряжался в его владениях как у себя дома. Какой-нибудь очередной карантин, какие-нибудь анализы, запреты! Инспектор посреди его огорода копал большую круглую яму. Дубров видел, как его шипатые ботинки рвут и топчут землю, над которой он работал все эти долгие дни, которую отсеивал по крупице. И все-таки он не произнес ни слова. Когда яма была готова,

инспектор высыпал в нее мешок земли, привезенной с собой. Выровнял края, сделал в середине небольшое углубление и вернулся к Дуброву. Долго молча он стоял подле него. Дубров не смотрел на инспектора, он смотрел на свой искалеченный огород, в котором по-прежнему не было ни одного ростка. И, только услышав какой-то непонятный шорох, Дубров перевел взгляд, но так и не взглянул в лицо Ротанову, а лишь посмотрел на его руки, большие, ловкие руки, не привыкшие к грубой физической работе, покрытые теперь свежими мозолями и ссадинами. Дубров слишком хорошо знал, откуда на этой планете у человека могут появиться такие мозоли, и почувствовал, как сердце у него замерло. И только потом он увидел, что они не пустые, эти руки. В ладонях Ротанова лежал какой-то предмет, завернутый в выгоревшую мятую тряпку, и инспектор медленно эту тряпку разворачивал. Как зачарованный, следил Дубров за его пальцами, снимающими еще и внутреннюю обертку из мягкой бумаги. Потом Дубров на секунду закрыл глаза и отвернулся, боясь ошибиться. Когда он снова взглянул на руки Ротанова, в его ладонях, соединенных вместе, лежал освобожденный от оберток выпуклый коричневый предмет, покрытый глянцевитой кожей. Форма предмета чем-то напоминала человеческое сердце. Но это было не сердце. Дубров медленно поднялся с крыльца и протянул к предмету руку, словно хотел погладить его, но так и не решился. Он проглотил комок, застрявший в горле, и глухо спросил:

— Откуда это у вас? — Он все еще боялся ошибиться.

— Это оно, старина. Ты все подготовил как надо. Теперь, если хочешь, посади его сам.

Семя было большим и тяжелым, оно казалось просто огромным, наполненным свежими соками, его прохладная оболочка приятно холодила кожу. Дубров долго держал его на вытянутых ладонях перед собой.

— Биологи оторвут нам голову, когда узнают. Они ищут его много лет. Говорят, оно лечит от всех болезней, говорят, в нем скрыта тайна бессмертия. Ты слышал легенду? — Ротанов молча кивнул. — Оно не вся комудается в руки, только раз в столетие вызревает это семя...

И вновь Ротанов услышал, как гудел и вибрировал ствол растения, словно звал его из какого-то неимоверного далека.

— Наверно, у них есть оснований доверять нам. Наверно, мы оправдали это доверие, ведь они знают будущее...

И однажды вечером они дождались. Далеко на горизонте появилась крохотная точка. Она росла, приближалась, и ничего чужеродного, ничего механического не было в ее движении. Небольшой мохнатый треножник на секунду остановился перед калиткой, словно раздумывал, нужно ли входить. Два человека затаили дыхание. Но вот мягкая лапа сделала пробный шаг, осторожно ощупала взрыхленную, обильно политую почву, и существо вошло в огород. Там, в его центре, победно устремлялся к фиолетовому небу Реаны мощный зеленый росток. Существо обошло его вокруг, склонилось, словно обнюхивая, и вдруг завертелось на грядках в радостном танце и почти мгновенно превратилось в пушистое облачко спор, а на горизонте уже появилась новая точка...

— Наверно, их привлекает запах, а может быть, они просто знают, что здесь уже нет пустыни.

— Да, мы разорвали кольцо. Это лишь первый шаг, но кольца уже нет.— И Ротанов вдруг вспомнил руки женщины на картине, руки, которые так и не сумели защитить планету. Кажется, теперь он понял, о чем она хотела его попросить. Кажется, теперь он знал...

А в огороде уже взорвалось новое облако спор. И он увидел, как ряд за рядом поднимается из земли зеленое воинство, как тесна становится для него ветхая ограда и, перешагнув ее, сплошным зеленым потоком оно устремилось в пустыню.

Часть вторая

Гидра

1

Здание Главного Космического Совета Земли напоминало гигантский куб, одним торцом обращенный к морю. Верхние этажи сплошь покрывала зелень террас. Архитектура здания отличалась той особой строгостью, когда рациональность всего замысла переходит в изящество.

Чем ближе подходил Ротанов к зданию, тем больше усиливалось впечатление колоссальной мощи от этого огромного куба, заставившего отступить океан.

Референт Мартынов, приславший ему вызов, сразу же поднялся навстречу, едва Ротанов переступил порог.

— Садись. Извини, что вызвал по официальному каналу. Не было времени для обычной встречи.— Он крепко пожал ему руку и грузно опустился в кресло.

Стола между ними не оказалось. Ротанов знал, что в большинстве комнат совета не было столов, и каждый раз этому удивлялся. Конечно, записи велись автоматически, а все нужные документы и материалы автоматы демонстрировали на экранах, но все же без стола комната выглядела пустовато и как-то не очень серьезно. Возможно, на этот неофициальный эффект она и была рассчитана.

То ли Мартынов действительно спешил, то ли оказалась какая-то другая причина, определившая некоторую сухость их встречи, но референт не стал интересоваться делами Ротанова, как это было в прошлый визит, когда совет рассматривал отчет его экспедиции на Реану.

— Мы получили твою докладную записку. Предварительная разработка вопроса поручена мне. Нельзя ли узнать, чем вызван твой повышенный интерес к Альфе Гидры?

— На Реане некоторые косвенные данные позволили мне сделать вывод, что на Гидре мы сможем найти разгадку многих наших находок, связанных с рэнитами.

Мартынов поморщился.

— Надеюсь, все же не только страсть к археологии тобой движет?

— Там может оказаться кое-что поинтересней. Есть основания предполагать, что именно Гидра была колыбелью рэнитской цивилизации.

— Смелое утверждение. А что это за косвенные данные?

Ротанов не спешил с ответом. Ни в своем отчете, ни в докладной записке он ни словом не обмолвился о том, что побывал у рэнитов. Ему совсем не хотелось повторять опыт Дуброва. Даже намек на то, что он попробовал масла трескучек, мог лишить проект экспедиции к Гидре всякой надежды на успех. Он не собирался держать в тайне свои открытия. Вот только данных для большого настоящего разговора о рэнитах пока не хватало.

— Как вы помните, я первый познакомился с картиной рэнитов,— начал Ротанов, осторожно подбирая слова.— Информация, которую она содержит, значительно больше, чем могут передать самые совершенные фотографии. Нельзя ли...

Мартынов, угадав его просьбу, нажал кнопку, и перед стеной кабинета вспыхнуло цветное объемное изображение картины.

— Видите там, за спиной женщины, пятнышки звезд? Рисунок созвездий нам незнаком. Он и не мог быть знаком, потому что этому небу десятки тысяч лет. Так вот, при определенном ракурсе рисунок этих звезд слегка менялся, а вокруг одной из них как бы вспыхивал ореол. Ничего этого на фотографии не видно. Но вот та, третья слева звезда, это Альфа Гидры. Именно она была отмечена на картине. На мой взгляд, здесь важнейшая часть информации, которую нам хотели передать в этой картине.

— Допустим. Но ты, конечно, понимаешь, что все это не слишком серьезно, для того чтобы предлагать экспедицию за сорок светолет?

Ротанов угрюмо молчал. Все возможные доводы он уже изложил в своей записке. Все данные, какие смог собрать в архивах о Гидре, все мало-мальски значительное было там. И он знал, что этого будет недостаточно. Во всем, связанном с Гидрой, ощущалась некая недоговоренность и непонятная таинственность. Создавалось впечатление, что какие-то материалы специально изымались из архивов, и он так и не смог их отыскать, несмотря на свою форму 2К, открывавшую ему доступ к любой секретной информации. Он ждал от совета всего лишь официального отказа, для того чтобы получить право обратиться в Высший Совет Земли. Но вместо стандартной бумажки с отказом вдруг пришел вызов к референту, и это еще больше укрепило его в мысли, что с Гидрой все обстоит не так просто.

— Тебе нечего добавить к своей записке?

Ротанов пожал плечами.

— Раз вы меня вызвали, значит, основания были?

— Не хитри, Ротанов. Что тебе известно об экспедиции к Гидре?

— Первый раз об этом слышу.

— Так. Я предполагал утечку информации. Но не понимаю, каким образом... Впрочем, теперь это неважно. Я вижу, ты хочешь, чтобы я начал с самого начала?

Ротанов утвердительно кивнул, вовсе не желая показать свою полную неосведомленность. Сейчас самым важным было получить новую информацию о Гидре. Нюансы своих взаимоотношений с референтским отделом он сможет выяснить и позже.

— Два столетия назад в район Альфы Гидры отправили экспедицию. В то время расстояние наши предки, очевидно, оценивали не совсем верно. Им ничего не было еще известно о сфере Горюнова. Только поэтому, очевидно, стала возможна нелепая затея с отправкой поселенцев за сорок светолет. С тех пор они молчат. Земля не получила ни одного сообщения. Сто лет назад почему-то было принято решение засекретить все данные по этой экспедиции. Потом эти материалы как потерявшие значение сдали в «мертвый архив».

Ротанов мрачно усмехнулся.

— Еще бы. Совет не любит признавать поражений. За сто лет он так и не нашел нужным выяснить, что же случилось с этими людьми.

— Не было такой возможности.

— Как вы понимаете, теперь я имею право обратиться в Высший Совет с требованием послать к Гидре повторную экспедицию.

— Ну и что это даст? В совете слишком большое значение придают сфере Горюнова. И не без оснований.

Ротанов хорошо знал теоретические исследования группы Горюнова. Трудности с колониями начались с момента основания первого поселения землян за пределами солнечной системы. Дело было не в самих расстояниях, а в той изоляции, которая создавалась в колониях из-за времени, затраченного на каждый рейс. Даже радиосообщение до ближайшего поселения шло не меньше четырех лет. Запаздывали новости. Запаздывала самая необходимая техническая информация. Земля лишена была возможности в нужный момент вмешаться и помочь. Фактически колонии были предоставлены сами себе, и это сильно сказалось на характере тех, кто провел вне Земли долгие годы, не говоря уже о тех, кто родился и вырос на внеземных поселениях, они попросту были оторваны от материнской культуры.

Трудности увеличивались с каждым новым шагом. Чужие звезды не всегда оказывались гостеприимны, и, хотя возможности техники двадцать третьего столетия были велики, само время поставило на пути людей невидимый и непреодолимый барьер. Метод рэнитов го-

дился лишь для исследовательских экспедиций — он не давал возможности основать устойчивые поселения за пределами своей системы. Людям еще только предстояло найти собственную дорогу к дальним звездам.

Теоретические, социальные и экономические исследования, проведенные группой Горюнова, установили предел, за которым начиналась полная изоляция человеческих поселений и, как следствие, постепенный регресс, упадок и возможное вырождение, гибель колоний. Эта теоретически рассчитанная сфера в двенадцать световых лет и была названа сферой Горюнова. В нее входило не так уж много звезд и еще меньше планет, пригодных для заселения.

Проверить выводы Горюнова на практике не представлялось возможным. Земля с трудом поддерживала существование тех шести колоний, которые расположились в ближайших звездных системах. Никто уже не мечтал о новых. Не раз возникал вопрос о сворачивании и эвакуации наиболее отдаленных поселений, но они пока еще держались. Слишком нужны были человечеству, численность которого перевалила за десять миллиардов, новые жизненные пространства. Колыбель солнечной системы стала тесной, а сил оторваться от нее еще не хватало. И вот теперь Ротанов узнал об этой экспедиции. Значит, попытка проникнуть к дальним звездам была! Что, если она удалась? Если колония не погибла? Сообщения через такую даль могли попросту не проходить.

— Но ведь туда улетели люди! Мы должны, обязаны выяснить, что с ними случилось!

— И принести для этого новые жертвы? Не забывай, что прошло двести лет. Самое большее, чего ты добьешься, это отправки автомата-разведчика. Если он долетит благополучно, ответ придет через восемьдесят лет. Тебя это устраивает?

— Меня это не устраивает. Но я не совсем понимаю вашу позицию. Для чего вы меня вызвали?

— Сегодня мы стоим перед проблемой: сворачивать колонии или идти дальше? Слишком многое зависит от того, сумеет ли человечество освоить пространство за пределами сферы Горюнова. Ты знаешь, что мнения в совете на этот счет разделились примерно поровну. Есть достаточно влиятельная группировка, настаивающая на сокращении внеземных поселений. Ты только что отстоял поселение на Реане. Теперь тебе нужна

Гидра. Ты беспокойный человек, Ротанов. Беспокойный и не очень удобный. После Реаны не считаться с твоим мнением уже трудно, и кое-кто в совете полагает, что сейчас тебе лучше находиться где-нибудь подальше. Этим можно воспользоваться и пробить для тебя экспедицию к Гидре. Она, правда, будет не совсем обычной.

Ротанов все никак не мог уловить, чего хочет от него Мартынов и на чьей он, собственно, стороне. Поэтому он молча ждал продолжения, понимая, что теперь Мартынов уже сказал слишком много и должен будет как-то закончить свое странное предложение.

— О сфере Горюнова попросту забудут, если Земля получит надежную базу за пределами сорока светолет.

— Я не понимаю, при чем здесь база?

— Сейчас поймешь. Сверхпространственный двигатель. Вот что нам может помочь.

— Да. Я о нем наслышан.— Ротанов скептически усмехнулся.

— Твой скептицизм, конечно, оправдан. Мы ждали от него полной победы, а получили практический нуль. И все же теория сверхпространственного перехода существует, несмотря на то, что все экспериментальные корабли с этим двигателем исчезают бесследно. Пока ты был на Реане, пространственникам пришла в голову довольно простая идея. Наряду со сложнейшей автоматикой, которой нашпигованы их экспериментальные корабли, они снабдили свой последний корабль предельно простым и потому надежным автономным устройством с одной-единственной задачей — отправить после перехода мощный энергетический импульс. Нечто вроде бомбы с часовым механизмом.

Ротанов весь напрягся и почувствовал, как подлокотники кресла до боли врезались ему в ладони. Мартынов кивнул головой на его немой вопрос.

— Они получили ответ. Доказано, что переход в принципе возможен.

Эти слова оглушили Ротанова. Может быть, потому, что все так долго ждали, так надеялись победить эту бездну пространства, отделившую одну звезду от другой, а потом уже перестали ждать. Слишком много усилий было затрачено, слишком много надежд похоронено.

— Сколько же времени...— начал он и не смог продолжать, потому что слова получились хриплыми, нераз-

борчивыми, и ему пришлось начать сначала.— Сколько времени занимает переход с разгоном?

— Да погоди ты радоваться. Этот корабль тоже не вернулся. И по-прежнему никто толком не знает, что с ним произошло.

— Это уже неважно.

— Еще как важно! Не выдерживают автоматы. И никто не смог доказать даже теоретически, что человек выйдет живым из этой математической мясорубки. Ведь обычным языком нельзя даже описать, что происходит с материей во время перехода.

— Что-то все же остается, раз приняли сигнал. Какое расстояние? Куда они его послали?

— Хороший вопрос,— устало улыбнулся Мартынов.— Быстро ты с этим справился. Именно здесь и завязалось все в один узел. База на Гидре и двигатель. Выход в обычное пространство после перехода возможен только за пределами тридцати светолет. Ближе нельзя. Теоретически нельзя.

— Так вот для чего нужна дальняя база...

— Да. Корабли не возвращаются. Что-то там выходит из строя. Автоматика управления или сам двигатель. Никто точно не знает. Необходимо, чтобы корабль в конце перехода кто-то встретил. Чтобы ему было куда сесть, чтобы он мог отремонтироваться, если нужно. Только в этом случае появляется реальный шанс на успех. Сам понимаешь, создание базы на таком расстоянии, когда никто не уверен в результате,— проблема слишком сложная, да и времени у нас нет. Никто не станет ждать сорок лет, пока туда долетят автоматы. В общем, Гидра подвернулась как нельзя кстати. И хоть неясно, уцелела ли там колония, я думаю, при благоприятном стечении обстоятельств что-то ты найдешь. Хотя бы пригодные для работы автоматы, оборудование. Во всяком случае, на такой риск совет может пойти, и если ты согласен...

— А могли они долететь? Все-таки пятьдесят лет полета. Дряхлые старики?..

— Долететь-то они долетели. Экспедиция была прекрасно подготовлена. Ушло сразу три корабля. Хоть один должен был добраться до Гидры. Другой вопрос, что с ними произошло потом. Прав Горюнов или нет. А что касается пятидесяти лет полета — у них были гибернаторы.

— Гибернаторы?! Но ведь уже тогда было извест-

но, что после гибернизации не остается ни одного здорового человека. Кто же им разрешил?!

— Летели только добровольцы. Они знали, на что идут, и не нам их судить. Это был подвиг. И если они долетели, основали колонию, значит, во всем этом странном и героическом предприятии все-таки был смысл. Быть может, именно благодаря им Земля выйдет наконец в дальний космос.

Ротанов справился с первым волнением и теперь выжидающе, почти холодно смотрел на Мартынова.

— Что молчишь?

— Жду, что ты скажешь еще. Мне кажется, ты не полностью высказался, и я пока не знаю, с чем, собственно, должен соглашаться.

— Ну и хитрый ты, Ротанов!

— А ты меня и пригласил, потому что я хитрый.

— Твоя правда... Ну, ладно. Значит, так. Мы посылаем один корабль, с одним пилотом. Его задача испытать двигатель. Только это.

— А Гидра?

— Гидра остается на крайний случай, если после перехода нужно будет совершить посадку, не останется другого выхода, вот тогда — Гидра. При малейшей возможности возврата без посадки пилот обязан вернуться.

— Значит, побывать рядом и без посадки вернуться? А колонисты на Гидре?

— Ну что ты заладил: «Гидра, Гидра», — как будто неясно, что, если у нас будет пространственный двигатель, мы сможем послать туда любую экспедицию? Один ты там все равно ничего не сделаешь. И вообще, ты еще не давал согласия. Тебе еще надо встретиться с пространственниками, изучить все детали, и только потом мы с тобой войдем с этим предложением в совет.

Слишком просто Мартынов хотел уйти от ответа. И сразу поднялся, давая понять, что разговор окончен. Но Ротанов продолжал сидеть вытянув ноги и, прищурившись, смотрел на Мартынова.

— А почему бы вам не пригласить для этого профессионального испытателя, наверняка у пространственников есть для этого специально подготовленные люди?

— Конечно, есть люди! Конечно, мы могли пригласить испытателя. Но ведь ни один корабль не вернулся! Почти наверное придется садиться на планету, а там

уже нужен совсем другой специалист. Кроме всего прочего, у тебя диплом навигатора первого класса. Не каждый испытатель имеет первый класс.

Трансатлантический лайнер выплюнул посадочную кабину на высоте двенадцати тысяч метров, даже не замедлив скорости.

Прозрачный пластиковый кокон некоторое время летел по инерции, потом начал медленно падать. На высоте трех тысяч метров его подхватил силовыми полями диспетчер местной линии и медленно повел по пеленгу. До дома оставалось меньше десяти минут полета. Ротанов откладывал нелегкую для себя встречу с Олегом и дотянулся до самого последнего дня. Дел во время подготовки экспедиции в Центробордаде было невпроворот, и он подумал с горечью, что оправданий у него сколько угодно. С Олегом они вместе учились в навигаторском, потом Ротанов поступил на курсы инспекторов, а Олег не прошел по конкурсу и остался простым навигатором. Студенческая дружба, несмотря на разную работу, сохранилась, с годами окрепла и превратилась в холостяцкую мужскую привязанность. Каждому из них, возвращаясь из дальних экспедиций, приятно было сознавать, что дома кто-то ждет. Так получалось, что мимолетные знакомства с женщинами в промежутке между двумя экспедициями не выливались ни во что прочное, а дружба с Олегом оставалась. И каждый год они собирались улететь вместе в очередную экспедицию. Уезжая в Центробордад пробивать экспедицию к Гидре, он твердо пообещал, что уж на этот раз... Олег знал, что Ротанов не бросал слов на ветер, и теперь, конечно, спокойно сидит дома и ждет вызова.

Кабина пробила слой облачности, и под ней, насколько хватало взгляда, раскинулось зеленое лесное море. Тут и там мелькали маленькие домики одиноких коттеджей. При современном транспорте люди селились где хотели, проблемы расстояний практически не существовало. Перелет с другого полушария с доставкой на дом занял у Ротанова не больше трех часов.

Капсула ткнулась своим округлым носом в зеленый куст и раскололась надвое. Ротанов прихватил сверток с модной курткой из ренилана, привезенной в подарок Олегу, не забочась о кабине, направился к дому. Кабину поднимут к очередному рейсовому лайнеру.

Дом встретил его запахом некрашеного дерева. Заскрипели рассохшиеся доски крыльца. Ротанов остановился перед дверью и с минуту стоял неподвижно, вдыхая густой аромат хвои. Он любил этот лесной дом. Может быть, потому, что бывал здесь так редко...

Колодец с журавлем во дворе без всяких там автоматических насосов и силовых подбросов. Настоящий колодец. Интересно, наносил ли Олег воды? Наверно, и печь, как всегда, не топлена. Чрезмерная привязанность Олега к старинному укладу жизни имела все же некоторые неудобства. Из последнего робота-уборщика Олег сделал, кажется, ручной пылесос, и с тех пор их совместное холостяцкое жилище было покрыто изрядным слоем пыли. Ротанов усмехнулся, стараясь вспомнить, когда в последний раз они сдавали ключ в бюро обслуживания. Кажется, в прошлом году... Скрипнула дверь. Показалось заспанное лицо Олега.

— Ты чего топчешься на пороге?

— Воздух наш после столицы располагает к раздумьям.

— Ага, понятно. Но ты все-таки проходи. Мне Ирина звонила. Сказала, какой у тебя рейс. Я даже печь исстопил. Запомни, теперь твоя очередь.

— Ирина? Она-то откуда знает?

— Это ты у нее спроси. И, между прочим, можешь не мучиться угрызениями совести. Я все уже знаю про твою экспедицию.

— Тоже Ирина?

— У меня свои источники информации.

Можно было избежать нелегкого разговора, но все же чего-то Ротанов не понимал. Слишком просто Олег все это принял. Бряд ли при всем желании ему удалось бы так хорошо разыграть равнодушие. Что-то здесь другое. Интересно, что?

В комнате, заставленной грубой деревянной мебелью, топилась огромная русская печь. Печь — детище Олега. Он сделал эту диковинку по музейным чертежам. К нему даже приезжали какие-то специалисты смотреть на это чудо. В огромном овальном отверстии пыпал огонь. Можно было сесть на широкую деревянную скамью и помолчать. За долгие годы, проведенные в космосе, они научились молчанию. Но там оно было другим. Нашелся котелок душистой вареной картошки, рассыпчатой, с салом. Сало, правда, было вроде синтетическим. Ротанов не стал уточнять.

После ужина образовалась неловкая пауза. Оба понимали, что разговора об экспедиции им все равно не избежать. Ротанову хотелось узнать, что скрывается за показным равнодушием Олега, но спрашивать об этом не мог, чтобы не причинить другу лишнюю боль. Чтобы сразу со всем покончить, Ротанов наконец сказал:

— О том, что полетит один человек, было решено заранее, еще до того, как меня пригласили.

— Я знаю.

— Ну вот и отлично. Я, правда, не понимаю, откуда тебе все известно. И не знаю поэтому, что бы ты хотел от меня услышать.

— Что ты будешь делать после перехода, когда откажет двигатель или управляющий центр корабля?

— Ты хочешь сказать, если откажет?

— Я сказал то, что хотел.

— Ну, в таком случае мне разрешается сесть на планету.

— Я так и думал. Какой класс корабля?

— Исследовательский. Второго класса.

— Почему второго?

— Первый слишком тяжел для экспериментального двигателя. И команды на борту для первого будет мало...

После этого опять надолго замолчали. Хорошо, что хоть тишина у них в доме никогда не бывала полной. Все время что-то шуршало, вздыхало, двигалось. Скрипели половицы, щелкали бревенчатые стены. Казалось, дом живет своей, отдельной от них жизнью.

Ротанов проснулся глубокой ночью. Синий неправдоподобный свет тихо лился в открытые окна дома. Почему-то на Земле иногда бывают такие яркие ночи, словно целый день копится невидимая красота, чтобы ночью щедро выплеснуться этой голубоватой прозрачной тишиной.

Ротанов лежал на толстом слое искусственного меха, покрывавшего лежанку на печи. Всегда ему было здесь слишком жарко. Всегда он просыпался среди ночи и лежал потом подолгу в темноте, слушая, как шумит за окном ночной ветер, запутавшийся в кронах деревьев. Он думал о Дуброве, оставшемся председателем совета на Реане. О том, как мало, в сущности, времени отведено в жизни человека на общение с друзьями. Чуть только повстречашь хорошего человека, а дорога уже свернула в сторону, и опять ты один пробираешься

сквозь колючие заросли. И вот уже мысли сами собой сворачивают на запретную тропу, возвращаются к гордой рэнитке, не пожелавшей принять его помощи. Он еще только начинает путь и не знает, куда приведет дорога. Дождется ли она помощи? Гидра была ее домом. Но прошли тысячелетия. На планете, возможно, ничего не осталось — ни памяти, ни пыли. А он все-таки думает о ней и не в силах себе запретить.

Снизу до него донеслось отрывистое нервное дыхание Олега, и Ротанов подумал, что Олег, наверно, тоже не спит и думает о чем-то своем, сокровенном. Неожиданно, без всякой подготовки, словно продолжая недавно прерванный разговор, Олег сказал:

— Ирина очень хотела тебя видеть.

Ротанов не ответил. Лишь беспомощно пожал плечами, словно Олег мог видеть в темноте этот его жест.

— Ты знаешь, какой у тебя срок?

— Срок чего? — не понял Ротанов.

— Если через шесть месяцев ты не вернешься, вылезает второй корабль.

От неожиданности Ротанов привстал на своей лежанке.

— Так. И полетишь, конечно, ты.

— Ты правильно догадался. Вытаскивать тебя из этой дыры на Гидре поручено именно мне.

Наступил наконец день, когда, простившись с командами крейсеров сопровождения, Ротанов подошел на ракетном шлюпе к своему «ИЗ-ДВА». Черная труба пространственного конвертера, словно удав, обхватила тело корабля, сделала непривычными для глаза обтекаемые прежде формы. Ротанов подумал, что корабль уродлив, как первый автомобиль. Придет время, и новый, только что созданный двигатель станет сердцем корабля, а не придатком, как сейчас. Отработаются формы, пространственные корабли станут красивее сегодняшних. Но это случится еще не скоро, а пока маленькая неказистая машина — самое совершенное из всего, чем располагает Земля.

В рубке, рассчитанной на четырех пилотов, было просторно. Но это, пожалуй, единственное просторное помещение, оставшееся на корабле. Все остальные, за исключением одной небольшой каюты, переоборудовали под склады и хранилища. Слишком многое нужно было

взять с собой. И прежде всего — топливо. Его должно было хватить на обратный бросок к Земле. Ротанов пристегнул амортизаторы и включил бортовой компьютер. Из динамика сразу же раздалось монотонное тиканье хронометра.

— Тринадцать, двенадцать... одиннадцать,— бормотал компьютер. В последний раз замерцал экран связи. На нем показалось озабоченное лицо оператора, а потом руководителя полета. Что-то он хотел сказать, но не успел. Экран отключился. Слишком велика была нагрузка в эти последние секунды перед броском через бездну пространства, и компьютер автоматически отсекал все лишнее, не имеющее прямого отношения к делу. Очевидно, ничего серьезного все же не произошло, потому что отсчет продолжался.

— Девять, восемь... семь...

Вдруг Ротанову стало не по себе. Он подумал о том, что через несколько секунд его сознание исчезнет, растворится в гигантском энергетическом всплеске, возможно, навсегда... Рука непроизвольно потянулась к аварийному выключателю. Но медленно, слишком медленно!

— Пять... четыре... три...

Почему же рука так медлит? Осталось несколько сантиметров, одно движение — и перестанут, как глыбы, падать на него монотонные, равнодушные цифры:

— Два, один, ноль!

2

Ротанов сидел в полной темноте. На пульте не светился ни один огонек. Протяжно свистел воздух в респираторе скафандра, и это был единственный звук. Лицо заливал пот (или кровь?). Он никак не мог сообразить, где находится и почему сидит в скафандре, пока не вспомнил слово «ноль» и вспышку, оборвавшую сознание. Из этого немудреного умозаключения, из самого факта существования памяти, скафандра, пульта, на котором он уже искал тумблеры аварийного освещения, из всего из этого следовало, что он жив и что переход удался...

«Стоп,— оборвал он себя,— могло что-нибудь не сработать в последний момент...»

Наконец над головой вспыхнул мертвенным светом аварийный люминесцентный фонарь.

«Ноль времени... Ноль расстояний... Ноль энергии»,—

считывал он показания приборов и измерителей. Скорее всего это означало, что ни один измеритель не работал. Тут же он убедился, что не работают и локаторы. Вообще ничего не работало, даже карманный калькулятор. Корабль был похож на консервную банку. Надо было снять заслонки с перископов... Но он все медлил с этим последним, окончательным действием, наверно, потому, что боялся увидеть за бортом пустоту. Наконец решился... Механизмы ручного действия, не связанные с электронным управлением, слушались безотказно. Гидравлические усилители сдвинули в сторону тяжелые броневые заслонки. Это произошло слишком резко, он даже не успел подготовиться и чуть не вскрикнул, когда по глазам ударили сквозь линзы оптики колючий живой свет далеких звезд. Сомнений больше не оставалось, почти сразу он узнал знакомые по тренингу силуэты чужих созвездий. Корабль находился в районе Альфы Гидры. Трудно, почти невозможно было представить, что за несколько кратких мгновений между ним и Землей легла бездна пространства в сорок светолет... Это расстояние было так огромно, что не укладывалось в его сознании. Почему-то он представил его в виде гигантской черной стены, перерезавшей дорогу за его спиной.

«Так оно и есть, если корабль серьезно поврежден, если ты не сможешь отремонтировать его здесь, обратной дороги не будет».

Понадобилось всего полчаса на предварительный осмотр, после которого он уже знал самое основное. Мощные электромагнитные поля разрушили все активные элементы электронных устройств и вывели из строя центральный компьютер. Очевидно, теория не учла это действие полей. Произошел тот самый случай, который невозможно учесть ни в каком теоретическом исследовании, для которого и нужен был экспериментальный полет... Никто не мог предвидеть, что остаточные поля разрушат все транзисторы на всех устройствах корабля... Он понимал, что защита от этого явления не была предусмотрена, что та же самая участь постигла все запасные устройства и блоки на складах корабля и то же самое произойдет с кораблем Олега, когда тот выйдет к планете через шесть месяцев...

«Вот ты и выяснил, почему не возвращались экспериментальные корабли,— сказал он себе.— И теперь остается только одно — найти колонию и отремонтировать компьютер, вернее, смонтировать новый... Непро-

стая задача... Все зависит от состояния техники и промышленности колонистов, если здесь вообще они есть. Главное я установил — переход возможен, теперь надо создать здесь надежную техническую базу и вернуться, во что бы то ни стало вернуться, чтобы донести до Земли свое открытие».

Он позволил себе потратить еще несколько минут на обдумывание предстоящей работы по переводу всех систем корабля на ручное управление.

Всякий раз при подходе к новой звездной системе в конце долгого пути Ротанов не переставал удивляться тому, как менялись масштабы окружающего мира. Пока корабль находился далеко от звезды, космос казался необъятной черной бездной без конца и края. Редкие россыпи звезд совершенно терялись в его просторах. Но стоило приблизиться к какой-нибудь звезде, и она становилась центром своего собственного мироздания.

Так случилось и сейчас с Альфой Гидры. Лохматое багровое светило пригасило звезды своей короной, заполнило пространство светом и жестким рентгеновским излучением. К счастью, экранировка корабля была вполне надежна. Ротанов знал, что, как только он удалится от звезды на достаточное расстояние и приблизится к нужной ему планете, масштабы мира опять изменятся. Звезда превратится в заурядное светило, а невидимый сейчас шарик планеты станет его новым миром, может быть, домом или последним пристанищем, с которого ему не удастся вернуться...

Корабль вышел слишком близко к Альфе, гораздо ближе, чем предусматривали расчеты. И он потерял целых два часа, переводя реактор главного хода и все рулевые системы на ручное управление. Теперь его корабль больше походил на музейный экспонат, чем на современный звездолет. Мощное притяжение звезды значительно увеличило скорость падения корабля. Его траектория все больше искривлялась, словно сгибалась под непосильной тяжестью гравитационного поля звезды. Еще час, и он не сумел бы вырваться из ее цепких лап, да и сейчас уходить приходилось на форсаже, бросив навстречу звезде всю мощь двигателей. Но, и вырвавшись из ее объятий, он решил всего лишь часть задачи, причем даже не самую трудную. Если в поединке со звездой все решала мощь двигателей, то теперь для выхода к планете, для выравнивания скорости корабля с ее скоростью нужен был сложнейший и точный рас-

чет, выполнить который без компьютера он был не в состоянии, и, следовательно, придется выходить к планете визуально. Хорошо, хоть в системе Альфы была всего одна планета земного типа, и ему не придется дважды повторять сомнительный маневр со сложной траекторией и с колоссальными перегрузками. С каждым новым маневром он подходил к планете все ближе и ближе. Бледный диск превратился в голубоватый шар, постепенно заполнивший горизонт. Планета лежала почти на боку.

Это его удивило. Такие планеты были, как правило, мало пригодны для жизни. На полюсах летом раскаленный ад, а зимой ледяная тундра, и только вдоль экватора должна была тянуться полоса, пригодная для жизни. Очевидно, двести лет назад ракета колонистов вышла в этот район, и выбирать им не приходилось... Хорошо, хоть сужалась зона поисков. Колония могла быть только в экваториальной зоне.

Планета еще больше увеличилась, накренилась и закрыла горизонт. Он выполнил маневр последнего разворота, вышел на линию экватора и еще больше снизился. Мелькали жилы рек, синие пятна морей. Океанов не было. Хотя водой планета богата. Реки тянулись далеко в зону рыжих пустынь, покрывавших полюса. Экватор ощетинился плотной и довольно широкой — в несколько сот километров — лесной полосой. Найти здесь колонию будет непросто. Радиопеленгаторы не работают, а поселение людей на этой дикой планете занимает, наверно, лишь маленький пятачок...

Только теперь он понял, как непроста была его задача. Корабль раскручивал четвертый виток над экватором, а в оптических системах по-прежнему тянулась то фиолетовая, то рыже-зеленая полоса непроницаемых лесов... Вельда оказалась права. Если здесь когда-то и родилась цивилизация рэнитов, то сейчас от нее не осталось ни малейших следов. «По крайней мере, видимых», — тут же поправил он себя. Наконец ему повезло. Одна из редких случайностей, которые выпадают на долю тех, кто не сидит сложа руки. Прямо по курсу в разрывах леса на солидной проплешине, желтой или даже скорее коричневой, он увидел город. Он увидел его настолько ясно, что не оставалось никаких сомнений — это именно город, построенный людьми! И, хотя скорость была все-таки слишком велика и город мелькнул в его телескопах всего на какую-то долю секунды, он уловил

в его облике что-то тревожное. Он не мог с уверенностью сказать, что именно. Пришлось ждать следующего витка. Ротанов еще больше снизился, и вокруг корабля то и дело теперь вспыхивали сполохи раскаленных газов. Они его мало беспокоили, потому что обшивка была рассчитана и не на такие температуры, вот только сильно мешали наблюдениям, а снизить скорость он не рискнул и так шел на пределе.

Как только впереди показалась знакомая проплешина, рука механически потянулась к тумблеру фиксатора, и, конечно, он не услышал стрекота кинокамер — все никак не мог привыкнуть к тому, что на корабле не работала автоматика. Он вглядывался так, что на глазах выступили слезы. Город промелькнул и исчез. Лицо Ротанова посуворело и будто окаменело. Этого он не ожидал: город покрывали сплошные развалины. Рэ-ниты? Нет. Это наш, человеческий город. Что же получалось? Долетели, основали здесь поселение, а потом погибли? Значит, прав Горюнов? «Не спеши с выводами», — оборвал он себя. Помощь, во всяком случае, получить здесь будет нелегко. Что у них произошло? Эпидемия? Война? Стихийное бедствие? Теперь это не имело значения. Выбора у него не было. На следующем витке придется садиться поближе к городу, потому что если кто-то и уцелел, то искать нужно именно в городе. По опыту он знал, что поселения людей на чужих планетах всегда концентрировались в одном месте.

Сел он километрах в двадцати от города, на той самой рыжей проплешине, оказавшейся пустырем, сплошь покрытым коркой высохшей глины. Пыль от его посадки заволокла все вокруг и окончательно испортила небольшой обзор, который давала оптика. Он выключил реактор, перевел в режим консервации все энергетические системы корабля. Теперь оставалось ждать, пока осядет пыль. Если в городе кто-то уцелел, они не могли не заметить его посадки.

Он должен вернуться вопреки всему... Не бывает так, чтобы большие колонии погибали полностью даже во время серьезных катастроф. Они начнут все сначала, если нужно, построят заводы... На корабле достаточно механизмов... Пусть это потребует немало лет, прилетит Олег, и вместе они как-нибудь с этим справятся, только бы здесь уцелели люди...

Когда пыль рассеялась, рядом с кораблем стоял какой-то странный продолговатый экипаж. И два челове-

ка... Один оставался за рулем, другой ждал у открытой дверцы и, казалось, не проявлял ни особого нетерпения, ни даже интереса к кораблю... Ротанов растерялся. Он ожидал увидеть все, что угодно: толпы инопланетных чудовищ, поглотившие людей, отряд вооруженных до зубов головорезов. Толпу восторженных колонистов. Но только не этот прозаичный экипаж с двумя сопровождающими. «Похоже, за двести лет они не очень соскучились... Или вообще забыли, что такое Земля?» Он наблюдал за ними в перископ минут пять: полное отсутствие любопытства. Даже не переменили поз, так и стояли как истуканы. Может, это рэниты? Нет. Те были выше, другое строение черепа. Перед ним люди. Обыкновенные люди. «Неужели прав Горюнов, и всех их здесь поразило психическое расстройство?»

Ветер нес от города к кораблю облако рыжей пыли. Этот экипаж, облако пыли и два человека выглядели слишком буднично, слишком по-земному... Казалось, не было ни пространственного перелета, ни чужой планеты, ни двухсот лет, отделявших его от этих людей... Ротанов вздохнул, расстегнул замки скафандра и пошел к выходу.

Дверь шлюза бесшумно ткнулась в мягкую почву. Те двое так и не сдвинулись с места. Молча ждали, пока он сойдет вниз, и даже тогда не сделали ни шага на встречу, не протянули руки... Настолько забыли обычай Земли? Ротанов не стал подходить вплотную. Небольшая дистанция могла ему пригодиться.

— Здравствуйте. Моя фамилия Ротанов.

Это звучало глупо, но ничего более умного не приходило ему в голову. Нелепо протекала вся их встреча с самого начала. Важно было услышать, что они скажут в ответ. Может, уже и язык родной планеты забыли за двести лет?..

Нет, язык они не забыли.

— Мы посланы, чтобы вас встретить, вас ждут. Просим садиться.

— Кто вас послал?

— Координатор Лор Брэг. Садитесь.

Не слишком ли настойчиво это «садитесь»? А что ему оставалось? Он сел, все еще чувствуя себя слегка оглушенным от этой встречи. Ровные круглые затылки, одинаковая короткая стрижка. Их аккуратные голубоватые рубахи при желании можно было принять за форму. Оружия, правда, не видно. Впрочем, его необязательно

выставлять напоказ. Хорошо, хоть уступили заднее сиденье. Он терпеть не мог, когда в неясных ситуациях вплотную к нему садился человек, которому он не совсем доверял.

Экипаж плавно тронулся с места. По звуку двигателя Ротанов не мог определить принцип его работы — скорее всего электрический. Если так, то за двести лет они недалеко ушли. А впрочем, даже колонии, имеющие постоянный контакт с Землей, отстают в развитии. У них тут вообще должно быть натуральное хозяйство, наверно, все роботы постепенно вышли из строя, и они не сумели наладить производство запасных частей... Да, в таком случае с компьютером дела обстояли не блестящие...

Самое странное — их поведение. Сели на переднем сиденье и как ни в чем не бывало покатили вперед, словно они каждый день подвозят к координатору космонавтов, прибывающих с Земли, и те им настолько надоели, что они просто не знают, что с ними делать по дороге. Ни одного вопроса. Что это — полное отсутствие любознательности или такая дисциплина?.. Тогда дело плохо. То, что сохранился старый титул координатора, ровным счетом ничего не значит. За этим понятием может скрываться совсем другой смысл.

Неуклюжий экипаж обладал завидной проходимостью. Он пер вперед без всякой дороги, перепрыгивая через встречные рытвины и кусты. Альфа палила нещадно. Ее багровый диск занимал добрую четверть горизонта, и, пожалуй, только вид этого непривычного светила напоминал ему о том, где он теперь находится. Дышалось легко, ветерок приятно холодил кожу. «Едем с комфортом. И совершенно ничего нельзя понять», — со злостью подумал он.

— Что случилось с городом? — резко спросил он.

Его спутники даже не обернулись.

— Обо всем узнаете у координатора.

— А вы сами не умеете говорить или вам запретили?

— Нам поручено только доставить вас к координатору.

Примерно такие же ответы он получил на все последующие вопросы. Оставалось дождаться, когда экипаж въедет на улицы города. Их внешний вид, лица встречных людей о многом могли рассказать его опытному глазу, но и тут его ждало разочарование. Экипаж оста-

новился у неказистого строения, напоминающего како-
то сарай, километрах в четырех от города.

— Уж не здесь ли резиденция координатора? —
с вызовом спросил Ротанов, не собираясь выходить из
машины.

— Нет. Это станция подземной городской маги-
страли.

Он с трудом поверил своим ушам. Но его не обманы-
вали. Двери сарая распахнулись, и он увидел транс-
портную кабину... Не такую, как на Земле, но все же и
это было слишком для города, состоявшего из сплош-
ных развалин. Кабина оказалась узкой. В ней с трудом
поместились три человека. Один из сопровождавших его
парней набрал на небольшом диске цифровую комби-
нацию и нажал кнопку. Пол кабины загудел, потом ее
понесло вниз и в сторону. Они двигались минут два-
дцать. У человека, стоявшего напротив Ротанова, были
маленькие, словно приклевые усыки. Ротанов чуть
насмешливо разглядывал его в упор, но тот не обращал
на это ни малейшего внимания и ни разу не отвел
взгляд. Он словно бы смотрел сквозь Ротанова. Пахло
сухой пылью, травой и едва заметно плесенью, словно
кабиной очень долго не пользовались.

И вдруг Ротанов почувствовал острое чувство опас-
ности. Он хорошо знал это почти инстинктивное пред-
упреждение, оно его никогда не обманывало и не раз
выручало в трудных обстоятельствах. Двое напротив
него не шевельнулись, он с трудом подавил желание рез-
ко обернуться, потому что знал: за спиной ничего нет,
кроме стены кабины. Тем не менее должна была быть
какая-то вполне реальная, конкретная причина! Он ли-
хорадочно искал ее и не находил и все же знал, что ин-
туиция не могла его подвести. Он бы обязательно в этом
разобрался, но кабина неожиданно резко остановилась,
двери распахнулись, и у него не осталось времени. Так
он и не понял, что там могло быть угрожающего в этой
фанерной, тесной, плохо покрашенной кабине.

Они шли через большой двор, отделенный от улицы
высокими каменными стенами, словно здесь была сред-
невековая крепость. Вдоль стен росли колючие, непо-
хожие на земные растения кусты, и вновь Ротанов по-
думал, как далеко он от дома... Попадались какие-то
кучи железного хлама, обломки камня. Вообще двор
выглядел так, будто его никогда не убирали. Они вошли
в коридор, и Ротанов постарался сосредоточиться на

предстоящей встрече. У него был большой опыт делового общения с представителями колониальной администрации, он знал, какой своеобразный отпечаток накладывает на людей долгая изоляция и слишком большая власть. Разговор предстоял не из легких.

Кабинет координатора Бэрга выглядел по-спартански просто. В нем вообще ничего не было, кроме стола, двух стульев и самого Бэрга. Стиль спартанской простоты редко сопутствовал людям, развращенным бесконтрольной властью, да и сам Бэрг мало походил на диктатора. Это был круглицый, жизнерадостный человек, пожалуй, слишком простоватый для того, чтобы можно было безоговорочно поверить в эту его простоту. Он вышел из-за стола навстречу, но руки не подал, скорее всего этот земной обычай был здесь не в ходу, однако во всем остальном Бэрг просто излучал любезность. Он усадил Ротанова, достал из ящика стола бутылку какого-то прохладительного напитка и, когда Ротанов отказался, с видимым удовольствием опорожнил подряд два стакана. Казалось, он никуда не торопится и рад новому собеседнику. Все выглядело так, словно Ротанов приехал в отпуск к деревенским родственникам, о которых давно и незаслуженно забыл в далекой столице, а теперь вдруг неожиданно вспомнил...

— Вот уж не ждали! Корабль с Земли через столько-то лет! Как же вы долетели?! Неужели специально решили нас навестить, или это, так сказать, вынужденный визит?

Глаза его новоявленного дядюшки хитровато щурились, и Ротанов почувствовал прилив раздражения, может быть, от того, что только сейчас почувствовал, как сильно он устал за эту долгую и нелегкую дорогу, к тому же хотелось пить, и он жалел, что отказался от предложенного стакана.

— Земля систематически проводит проверку всех своих внешних поселений,— устало сказал Ротанов, все еще не зная, какого стиля нужно придерживаться в разговоре с этим круглым, все время ускользающим от него человеком.

— Что вы говорите?! Надо же... Но мы улетели так давно! Последнее поколение почти ничего не знает о Земле. Боюсь, что вы зря проделали столь долгий путь.

— Вы хотите сказать, что вас не интересует ни Земля, ни контакт с ней?

Видимо, Бэрг понял, что несколько переиграл. Он

перестал бегать по кабинету, сел за стол и секунду молчал, растирая ладонями свою лысую шишковатую голову. Потом заговорил совершенно другим тоном, словно перед Ротановым очутился новый человек.

— В течение двухсот лет Землю не интересовала наша судьба. Мы давно стали самостоятельным обществом, не считающим себя чем-то обязанным или как-то связанным с планетой, с которой расстались в свое время навсегда. С ее стороны было не очень этично отправлять нас в подобное путешествие. Во время него погибло больше половины всех участников экспедиции, а оставшиеся... Ну, в общем, это неважно. Иными словами, мы не считаем себя ничем обязанными Земле. И ваш, так сказать, дипломатический визит несколько запоздал.

— Он мог бы быть не только дипломатическим. Уверен, что у вас возникло немало трудностей. Надеюсь, вы не станете это отрицать?

Бэрг промолчал, и Ротанов подумал, что беседа становится все более трудной.

— За это время Земля накопила большой опыт по освоению новых планет, у нас есть соответствующая техника, знания, и многие ваши проблемы давно уже решены.

— То есть вы хотите меня убедить, что через двести лет, несмотря на расстояние, Земля решила протянуть нам материнскую руку помощи?

— Что у вас произошло? Давайте поговорим откровенно и перестанем играть в дипломатов с солидным стажем. Что тут стряслось? Эпидемия? Война? Почему разрушен город? Сколько людей осталось?

— Нет. Так дело не пойдет.— Бэрг отрицательно покачал головой.— Сначала я должен все узнать о цели вашего визита, о возможностях, которыми вы располагаете, о задачах, которые были вам поручены. Поймите меня правильно. За вами стоит колossalная мощь Земли, за мною только горстка усталых людей, мечтающих лишь об одном: чтобы их оставили в покое. Поэтому ваш призыв к откровенности не совсем равноправен.

Ротанов почувствовал, что разговор окончательношел в тупик. Давно нужно было сказать о том, что расстояние перестало быть проблемой и что Земле нужна здесь база, не такая уж и сложная, техническая база, для ремонта этих проклятых компьютеров. Тогда бы у них пошел совершенно другой разговор. Но что-то его все время удерживало, мешало говорить откровенно.

Что же это было? То самое непроходящее ощущение опасности, возникшее еще по дороге сюда в кабине подземки, или что-то другое? Слишком много странного было в их встрече. Словно он попал куда-то в другое место... Не к людям, двести лет ждавшим помощи, и не к рэнитам, отвергавшим саму идею помощи. Что-то здесь было не так. Он решил начать все сначала. Еще раз сыграть в предложенную ему утомительную игру.

— Ну, хорошо. Допустим, я согласен. Готов ответить на любые ваши вопросы первым. Начинайте.

— У меня не так уж много вопросов. Цель визита?

— Решили наконец выяснить, что случилось с пропавшей экспедицией.

— Неубедительно. Пятьдесят лет полета только в одну сторону. В лучшем случае вы бы послали автоматический транспорт.

— Но Земля решила послать инспектора! Не транспорт, а инспектора с определенными полномочиями. То есть меня, и в конце концов вам придется ответить на все мои вопросы! — Он тут же пожалел, что сорвался, но было уже поздно. Бэрг задумчиво покачал головой.

— Вот это уже ближе к истине. С этого нужно было начинать. С ваших полномочий, с силы, которая за вами стоит.

— Не будем спорить. Каким образом могу я получить интересующую меня информацию?

— Боюсь, я сейчас не готов к беседе в подобном аспекте. Да и вам не мешает отдохнуть с дороги. Она ведь была неблизкой. Пятьдесят лет, а выглядите вы всего на сорок, недурно сохранились.— Бэрг вызывающе улыбнулся.

— Послушайте, координатор, я ведь все равно выясню все, что меня интересует.

— Никто и не собирается вам препятствовать. Но на помощь с нашей стороны вы можете не рассчитывать. Наши небольшие преимущества в данный момент состоят как раз в том, что на Земле не знают некоторых обстоятельств, и мы постараемся сохранить это положение как можно дольше.

— Ну хорошо. Тогда еще один, последний вопрос. Кого вы здесь представляете? Какую часть общества?

Бэрг не торопился с ответом, но было видно по напряженному взгляду, что он решает нелегкую задачу.

— Я представляю, как принято говорить в таких

случаях, подавляющее большинство нашего общества.

— Хорошо, хоть не всех.

— Вам это ничего не даст. Сила, которой располагает противостоящая нам группа людей, ничтожна. Впрочем, вы получите возможность лично убедиться в моей правоте. Как я уже сказал, вам не будут препятствовать в получении информации. Я прошу вас подождать всего один день.

На этот раз Ротанова даже не проводили во двор. Коридор в том же самом здании, ощущение жаркой душоты и сознание ошибки. Он проиграл по всем пунктам этому ловкому администратору. Первый раунд был явно не в его пользу. Не удалось выяснить самого главного — существует ли принципиальная возможность для создания базы? Не в Бэрге же дело, в конце концов с Бэргом он как-нибудь справится. Лишь бы у них сохранились производственные мощности, чтобы можно было наладить выпуск хотя бы простеньких компьютеров и автоматов, способных управлять кораблем в режиме перехода в тот момент, когда отключается сознание пилота...

Неважно, если они не смогут вывести корабль точно к Земле. Его засекут наблюдательные станции на любой из освоенных планет, выйдут навстречу патрульные корабли... Лишь бы пробиться сквозь безмерную толщу пространства, вставшую между ним и домом... А что касается Бэрга, одного он, пожалуй, все-таки не учел: передышка, однодневная отсрочка в их переговорах выгодна прежде всего именно ему, Ротанову. Даже находясь в полной изоляции, он узнает к их следующей встрече гораздо больше того, что мог бы себе представить этот Бэрг, не имевший ни малейшего понятия о сложных методах исследований, позволявших в незнакомой обстановке по самым незначительным признакам распознать и предотвратить нежелательные, зачастую еще только намечавшиеся сдвиги в социальных структурах таких вот изолированных немногочисленных человеческих поселений.

Комната, в которой его поместили, оказалась просторной и даже с окном. Ротанов заметил, что окон они здесь не любят. Во всяком случае, в кабинете координатора окна не было, и освещался он сверху через стеклянную крышу.

Окно закрывала толстая стальная решетка. Хорошо, хоть декоративная. С литыми украшениями. Услышав, как щелкнул дверной замок, Ротанов усмехнулся. Вряд

ли они догадывались, что он пробудет здесь ровно столько, сколько сам найдет нужным. Если понадобится, он разогнет эти прутья и даже разорвет. Конечно, стрессовое состояние, вызванное самогипнозом, никогда не проходит бесследно, но если очень уж понадобится... Ладно. Это не к спеху. Один день можно подождать. Он подошел к окну и внимательно осмотрел двор. Ничего нового. Разве что крыша очень старого здания виднелась из-за забора. Когда-то его покрывали листы лириона, а теперь пластик весь покоробился, съежился грязными рваными валиками. Для этого нужна была солидная температура. Градусов двести, не меньше... Однако здесь у них бывает жарковато...

Он отошел от окна и внимательно осмотрел комнату. Толстые стены — полметра камня. Что они, осаду здесь собираются выдерживать? В комнате не было никакой мебели, ничего лишнего. Кровать с тощим матрацем, накрепко прикрепленный к полу стул и столик с дымящимся ужином. Они старались быть по возможности вежливы. Ну что ж, попробуем разобраться в этом ужине. Ротанов внимательно осмотрел посуду и пищу. Пища говорила, как он и предполагал, о натуральном хозяйстве и отсутствии развитой пищевой индустрии. Посуда тоже, несомненно, кустарного изготовления... Ему пришлось напомнить себе о скоростных подземных магистралях. Как-то одно с другим не вязалось... Есть он не стал. Завтра потребует доставить корабельные консервы и все его личные вещи, а пока лучше подождать...

Ротанов почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы спины. Кто-то за ним наблюдал. Он никогда не ошибался в этом ощущении. И хотя в двери не было ни единой щелки и само ощущение чужого взгляда шло совсем не от двери, он не мог ошибиться. Медленно, стараясь ничем не выдать своего открытия, повернулся. Четыре стены без единой щели. Такая же дверь... Тогда он закрыл глаза и постарался сосредоточиться. За ним определенно наблюдали. Он решительно подошел к противоположной от окна стене, постучал по ней пальцем. Стена ответила глухим тяжелым звуком. Сплошной камень так же, как и у окна. Все же это здесь... Он внимательно осмотрел стены. Чуть выше его головы слегка отстал кусочек штукатурки. Едва заметно отстал. Стены давно не ремонтировали, кругом мелкие трещинки, подтеки. И все же его заинтересовал именно этот кусочек

штукатурки; нисколько не сомневаясь в том, что именно он является самым интересным в этой стене, Ротанов осторожно подцепил его ногтем. Под ним было маленькое углубленьице, не шире вязальной спицы. Оптический датчик, притаившийся в нем, оказался совсем крохотным. Ротанов с трудом выковырнул его из отверстия.

Нисколько не беспокоясь о том, что они об этом подумают, он разорвал тоненькие проводнички, уходившие от датчика в стенку, и, зажав в ладони свою драгоценную находку, медленно прошел к столу. Он едва сдерживал радость, потому что это был такой подарок, на который он даже не смел рассчитывать, уже и надеяться перестал, и вдруг, на тебе, этот датчик... Ротанов разжал ладонь. Да, все правильно. Там не было никаких световодов. Устройство не больше спички содержало в себе оптический интегратор, превращавший световой поток в систему электрических импульсов. Нечто вроде крохотной телекамеры. Это «нечто» и было для него самым важным. Из него следовало, что колония располагала совершенным электронным оборудованием, и не просто располагала таким оборудованием, но и могла его производить, потому что датчик был местного производства. Такое узкоспециализированное устройство не могло входить ни в один экспедиционный комплекс, к тому же небольшой срок службы подобных миниатюрных устройств говорил сам за себя — его сделали здесь, и недавно. А из всего этого следовало, что теперь проблема с ремонтом его корабельной электроники перестала существовать, и все сразу упростилось, стало почти банальным. Договориться тем или иным путем с этими людьми он всегда сумеет. «Ну что тут у них, диктатура? Рабовладельческое общество? — почти весело думал Ротанов.— Не верю я в это, несмотря на все теоретические изыскания Горюнова. Люди двадцать третьего века не могли до этого докатиться, и даже если предположить самое худшее, все равно в любом человеческом сообществе всегда есть противоборствующие течения, столкновения интересов. Стоит поискать, и я найду тех, кто захочет мне помочь. И раз теперь известно самое главное, принципиальная возможность такой помощи, то беспокоиться просто не о чем. Срок у меня достаточный. Из шести месяцев, о которых говорил Олег, я пока что израсходовал всего три дня».

Ротанов лег на кровать, все еще сжимая в руке

свою находку, блаженно улыбаясь и даже не представляя, насколько он далек от понимания истинного положения вещей. Он заснул почти сразу, но спал недолго и плохо.

3

Ему снились непрерывные кошмары. В конце концов Ротанов проснулся, но неприятное, похожее на удушье ощущение осталось.

Он слышал, как за темным окном шумит дождь. В комнате было прохладно и сырьо. Постарался вспомнить, что ему снилось. Что-то липкое и вонючее его душило. Оно не имело ни формы, ни лица.

Потом он куда-то падал. Пытался всплыть с большой глубины, рвался наружу к поверхности и все время задыхался от недостатка воздуха. Даже сейчас тело покрывал липкий пот. Всегда так бывает на новой планете, два или три дня, пока привыкнешь к новому климату. Адаптация. Иногда скрутит так, что человек неделю ходит как сонная муха. И всегда снятся какие-нибудь кошмары. Правда, с удушьем что-то уж больно реально, словно он в самом деле едва не задохнулся.

Он поднялся. Все тело ломило как после продолжительной болезни. Медленно прошел к окну. Был тот самый ранний предрассветный час, когда в небе уже можно уловить первые отголоски будущей зари, приглушенные унылым дождем. И еще туман... Он заполнял весь двор белесой мглой, подкрался к самому окну. На секунду ему даже показалось, что белые полотнища у самой решетки дрогнули, когда он приблизился, и отползли дальше.

Не хватало только галлюцинаций. «Завтра надо сказать, чтобы с корабля принесли аптечку. Прививки прививками, но я что-то совсем расклеился». Постоял у окна минуты три, вдыхая сырой промозглый воздух и постепенно приходя в себя. Потом снова лег. Остаток ночи прошел спокойно. Проснувшись утром, с трудом вспомнилочные кошмары.

В окно светило бешеное огромное солнце, не было даже намека на дождь. Может быть, он ему приснился вместе с туманом. Ротанов еще раз выглянул в окно. Под самым карнизом темнела узкая полоска влажной

почвы: значит, дождь ночью все-таки был. Он пригладил волосы, потом решительно постучал в дверь.

Туалет вместе с умывальником и набором бритвенных принадлежностей оказался в соседней комнате. Побравшись, он почувствовал себя более уверенно и почти сразу его провели к Бэргу.

На этот раз Бэрг казался чем-то озабоченным. Он не стал тратить время на дипломатические любезности и сразу же перешел к делу.

— Я хочу сделать вам вполне конкретное предложение, но прежде мне нужны некоторые сведения. Они носят, так сказать, чисто теоретический характер, и, я думаю, вы сможете ответить на мои вопросы без всякого риска.

— Давайте попробуем,— ответил Ротанов, улыбнувшись. Он чувствовал себя отдохнувшим и вполне готовым для нового поединка. Но Бэрг не принял вызова. Ротанов заметил, что он украдкой внимательно разглядывает его, словно видит впервые.

— Предположим, вы, вернувшись на Землю, сообщите, что колония на Альфе полностью погибла. Какаянибудь эпидемия. Вам подберут вполне убедительные материалы и все необходимые данные. Что за этим последует? Будет ли организована еще одна экспедиция, или Земля этим удовлетворится и нас оставят в покое?

— Трудно сказать... Какое-то время вы, конечно, получите. Но почему вы решили, что я соглашусь на подобную фальсификацию?

— Об этом позже. Давайте сначала рассмотрим второй вариант. От вас никаких известий. Вы ведь можете не вернуться. Несчастный случай на планете или неполадки с двигателем. Неисправность компьютера... Мало ли что?

— Вы осматривали корабль?

— Корабли всегда осматриваются после посадки. Таковы старые правила, и мы не считали нужным их изменять. А вы что, против досмотра?

Это была правда. Досмотр прибывших кораблей, их технический и медицинский контроль действительно общепринятая вещь в любой колонии, и спросил он об этом скорее для того, чтобы убедиться в том, что они теперь знают.

— Нет, я не против досмотра. Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Естественно предположить, что через какое-то

время после вашего исчезновения будет послана вторая экспедиция. Как велико это время?

— Мне кажется, оно не будет слишком велико.

— Ну а если не вернется и вторая экспедиция, что тогда?

— Тогда скорее всего сюда вышлют эскадру специально оснащенных кораблей, с которой вы уже ничего не сможете сделать.

— Я так и думал. Постарайтесь меня понять. Сейчас вас просят только об одном — не вмешивайтесь, оставьте нас в покое, хотя бы на время. Поверьте мне, лучше всего, если вы улетите, приняв мое предложение. — В голосе Бэрга звучала неподдельная горечь. Он словно понимал уже всю бесполезность этого разговора и предвидел все, что последует дальше. Почему-то Ротанов не сомневался в его искренности. Наверно, из-за этой горечи.

— Для кого лучше?

— Что? — не понял Бэрг.

— Для кого лучше, если вас оставят в покое? Для вас лично? Для всех колонистов? Для кого?

— Прежде всего для землян.

— Вот как... Ну, земляне в состоянии позаботиться о себе сами.

— Прежде всего для землян, — настойчиво повторил Бэрг. — Потом уже для нас. Большего я не могу сказать, и вы мне, конечно, не поверите. Вы сейчас броситесь все вынюхивать, выворачивать наизнанку, инспектировать. Блестяще выполните свое задание, и пройдет немало времени, пока поймете, что я был прав. Но тогда уже будет поздно... Скорее всего вам не позволят получить никаких сведений.

— Почему бы вам не попробовать еще один вариант?

— Какой же?

— Поверить в мою доброжелательность, позволить самому во всем разобраться и решить, как поступить, но не с завязанными глазами, как вы мне предлагаете, а со знанием всех факторов. Может быть, я и соглашусь с вашим предложением.

— Наверно, я бы так и поступил. Собственно, вчера так и собирался сделать. Но с тех пор кое-что изменилось. Я убежден, что, получив все данные, вы все равно не сможете правильно их понять. Это неизбежно.

— Мы все время ходим вокруг да около. По-моему, наша беседа давно потеряла всякий смысл.

— Ну что же... Я вас не задерживаю.

— Я ведь мог согласиться хотя бы для виду. Мне от вас нужен только компьютер.

— Я знаю. Но вы этого не сделали, и поэтому мне особенно жаль, что нам не удалось договориться. То, что последует теперь, будет одинаково трагично для всех. Для вас, для нас, для всех людей. Я вас не задержу, и вы выйдете отсюда, если вам повезет. Это уже будет зависеть не от меня. Но даже если вам повезет...

— Мне повезет.

— Тем хуже, потому что тогда вы сделаете все, чтобы ускорить прилет следующей экспедиции, и это будет главной ошибкой. Попросту катастрофой. У меня к вам последняя просьба — постарайтесь не спешить с выводами.

— Я постараюсь.— Ротанов поднялся и с минуту стоял прислушиваясь. Где-то очень далеко, скорее всего вне дома и даже вне двора, может быть на окраине города, родился грозный и могучий звук, от которого мелко-мелко завибрировали стены дома. Звук оборвался так же внезапно, как и возник, потом кто-то огромный хлопнул над городом в ладоши, и со стен посыпалась штукатурка.

— Что это такое? — Бэрг пожал плечами.

— Теперь вам все придется узнавать самому. И уверяю, это будет непросто.

Ротанов стиснул зубы, поднялся и вышел. С минуту Бэрг задумчиво смотрел ему вслед, потом повернулся к скрипнувшей за его спиной внутренней двери. Вошел высокий подтянутый человек, его возраст так же, как и возраст Бэрга, трудно было определить даже приблизительно. На моложавом, без единой морщинки лице поблескивали маленькие, глубоко запавшие глаза.

— Ну что?

— Все очень плохо, Лан. Мне пришлось его отпустить.

— Куда он денется, пусть походит.

— Да нет, ты не понимаешь... Он... Видишь ли, он не поддается воздействию...

— То есть как?! Не было воздействия, и ты его отпустил?

— Воздействие было, но безрезультатно.

— Это невозможно!

— Выходит, возможно... Один датчик он уничтожил, но мы все равно контролировали все циклы... Может быть, иммунитет. Я не знаю, в чем здесь дело.

— Надеюсь, ты понимаешь все последствия?

— Еще бы... Нам не удастся его использовать. Я попытался его убедить сотрудничать с нами...

— Это просто смешно!

— Да, ты прав. Очень скоро этот человек станет для нас серьезной проблемой.

— Ну, это мы еще посмотрим. Проблему можно просто устраниТЬ.— Он рванулся к выходу, но его задержал усталый голос Бэрга.

— Не торопись, Лан. Инспектор с Земли не может исчезнуть бесследно. Вспомни двигатель на его корабле. Боюсь, что его ликвидация только ускорит следующий визит.

— Возможно. Но у нас нет выбора. Надеюсь, ты понимаешь, что будет, если он ускользнет от нас и найдет тех.

— Что значит, в конце концов, один человек!

— Ты же сам сказал, что он не поддается воздействию! Что будет, если он узнает?.. И потом, следующий корабль может сесть у них... Нет, Бэрг, убрать его необходимо.

На улице дул сухой ветер. Ротанов стоял, прислонившись спиной к стене дома, из которого только что вышел. Двор лежал перед ним как огромное пустое ущелье, требовалось определенное усилие, чтобы оторвать спину от стены здания и пересечь этот двор. Он еще не понял, почему это так, и поэтому не спешил. Что-то уж сильно легко отпустил его Бэрг и слишком неожиданно. Если вспомнить вчерашнюю встречу, его планы изменились довольно круто и достаточно было скрытых угроз... Пожалуй, он поспешил. Нужно было еще потянуть, продолжить дипломатическую игру, собрать новую информацию, а он полез на рожон, обострил ситуацию, дал им в руки ненужные козыри.

Что с ним такое случилось? Почему он сорвался в кабинете у Бэрга и пошел напролом? Что он там такое почувствовал? Какое ощущение подняло его со стула и повело к двери?

Вдруг он вспомнил руки Бэрга. Они лежали на столе как два бесполезных предмета, ни одного движения,

словно бы не принадлежали хозяину. Кажется, по правому пальцу проползл какой-то жучок, но палец не отодвинул, не дрогнул, не попытался смахнуть назойливое насекомое... Во всем этом было нечто такое, что заставило его на секунду утратить обычную рассудительность, хладнокровие... Он до сих пор не мог подавить в себе ощущение брезгливости и холодного, никогда раньше не испытанного ужаса. Самое неприятное, что он толком не мог объяснить, в чем, собственно, дело...

Наконец он оторвал спину от стены и медленно пошел через двор. Ему прищлось совершить над собой почти насилие, и, только поравнявшись с воротами, он понял, в чем дело. Сзади что-то неожиданно хлопнуло, и на него посыпалась кирпичная крошка.

Екнуло сердце, и, еще не сообразив, что произошло, он стремительно бросился вперед и в сторону, за толстую арку ворот. Второй выстрел поднял облако пыли на том месте, где он только что стоял...

Вот, значит, как... Что же, по крайней мере теперь все стало на свои места и позиции определились. Одно оставалось неясным, почему они так долго медлили? Стрелять нужно было гораздо раньше, когда он шел через двор, и проще было вообще его не выпускать. Что-то у них там не ладилось, не сходилось, не было единого мнения. Они не знали, как поступить, ударились в панику. Он воспользуется этим. И раз уж с первых шагов на этой планете определились его враги, то и друзья найдутся.

Если только удастся уйти отсюда... Они долго медлили, но если впереди, на улице, есть посты, ему несдобровать.

Может быть, ему осталось сделать всего несколько шагов, чтобы они добились своего. Выстрел мог прозвучать из-за любого угла. А может быть, это будет не выстрел, энергетический разряд или огненный зрачок лазера?.. Какая разница?

Солнце по-прежнему низко висело над горизонтом. Оно словно не сдвинулось с места с того самого момента, как Ротанов проснулся. «Долгое утро... Оно останется все таким же потом, после выстрела, а я так ничего и не успел узнать, предотвратить... И Олегу будет еще труднее, если я не сумею уйти из этого двора».

Сзади сверкнул ослепительный зайчик, и вокруг, царапая кирпичную кладку, противно взвизгнули осколки. Все: оставаться здесь больше нельзя. Ротанов сжался

перед броском, и в этот момент ему навстречу с улицы шмыгнул какой-то человек в плотной, облегающей одежде мышного цвета. Он, видимо, не понимал, что здесь происходит. РаSTERянно смотрел на Ротанова и нерешительно тянул из футляра на поясе какой-то параллелепипед. Тащил неуверенно, словно не знал, что ему с ним делать. Ротанов ударил его по руке, человек споткнулся, выронил оружие, и блестящий квадратик упал впереди Ротанова. Он подхватил его и, не останавливаясь, бросился под арку ворот. Над головой опять что-то свистнуло, в лицо брызнуло каменное крошево.

По тому, как был сделан этот выстрел, он сразу же понял, что шутки кончились и игра пошла всерьез. Они слишком долго раздумывали и дали ему возможность добраться до ворот, но это еще ничего не значило, если впереди на улице у них есть посты... Он мельком глянул на параллелепипед, зажатый в руке. Это был тепловой пистолет старого образца. В школе их обучали обращаться с музеинм оружием, и, кажется, не зря... У него солидная мощность, но заряда хватит всего на несколько выстрелов... Придется экономить.

Он осторожно выглянул из-за арки. Узкая пустынная улица горбом взбиралась на небольшой холм. Неряшливые низкие стены строений без единого окна убегали в обе стороны. Никакого транспорта, ни одного пешехода. Спрятаться здесь практически невозможно. Дурацкая ситуация, он даже не знает толком, против кого вынужден будет через секунду применить оружие. Кто бы они ни были — убивать он не имеет права, даже если придется защищать свою жизнь, и, значит, сейчас ему нужно скрыться во что бы то ни стало. Не устраивать здесь баталии, а скрыться. Вот только куда? В противоположной от подъема стороне улица упиралась в грязную сточную канаву с высоким каменным парапетом. На первый взгляд ему показалось, что там не пройти, но, еще раз внимательно присмотревшись, он понял, что если сумеет добежать до перекрестка, то у него появится шанс.

Давно он так не бегал. Ветер свистел в ушах, то и дело приходилось бросаться из стороны в сторону, чтобы не стать мишенью для очередного выстрела. Стрелять они начали слишком поздно, иначе бы ему не сдобривать. И все же несколько секунд не хватило, чтобы добежать до угла.

Очевидно, они применяли не только тепловое ору-

жение, потому что над крышами строений, мимо которых он бежал, что-то гулко ухнуло, выбросило ядовитые облака дыма, и сейчас же со всех сторон, как осы, заужжали осколки. Пришлось ничком броситься на землю. К счастью, теперь между ним и преследователями оказалась бетонная эстакада, пересекавшая улицу по перек метрах в пяти над мостовой. Он заметил ее сразу, как упал, и тут же понял, что нужно делать. В той стороне улицы, откуда он бежал, уже можно было рассмотреть темные фигуры преследователей. Они жались к заборам, опасаясь выстрела, и не очень спешили. Как только от них до эстакады осталось несколько метров, он дважды выстрелил, подрезая эстакаду тепловым лучом с обеих сторон. Еще в воздухе она разломилась на несколько частей и рухнула со страшным грохотом, перегородив улицу грудой обломков. Все вокруг заволокло пылью и дымом. Теперь у него появилось достаточно времени, чтобы завернуть за угол. Вряд ли они могли заметить, в какую сторону он свернул. Он не собирался долго бежать по пустынному проулку. Его план состоял в том, чтобы незаметно, свернув за угол, перелезть через забор и попытаться укрыться в каком-нибудь строении. Если ему повезет и он сразу же не наткнется на жилой дом, возможно, удастся выгадать еще полчаса или час, пока они будут прочесывать улицу в обе стороны, и за это время продумать следующий ход.

Забор был довольно низкий, без всяких там колючих проволок и прочих каверзных штук. Спрятавшись на усыпанный ржавым железом двор, он прислонился к стене и несколько секунд стоял неподвижно, жадно хватая ртом воздух. Немного отышавшись, двинулся вдоль строения, стоявшего почти вплотную к забору. Одноэтажное длинное здание тянулось бесконечно. Он слышал с той стороны забора крики и топот ног. Но здесь, во дворе, все пока было тихо. Кажется, ему наконец-то повезло. Строение ничем не напоминало жилой дом. Скорее это барак, склад или мастерская. Похоже, тут никого нет. Окончательно он в этом убедился, когда обнаружил на широких, как ворота, дверях висячий замок. Это последнее препятствие показалось ему непреодолимым. Если торчать здесь, на открытом месте, его сразу же обнаружат, перелезать еще через один забор опасно. Нужно попробовать сорвать замок... Он стал торопливо шарить вокруг в поисках подходящего куска железа, переворачивал обуглившиеся обломки дерева и разбитые кирпичи. Было

похоже, что кто-то переломал на этом месте все, что здесь было раньше построено, и воздвиг потом это унылое строение без окон, с висячим замком на дверях.

Ничего подходящего, чтобы справиться с замком, ему так и не попалось, и только тогда он вспомнил про тепловую пистолет. Ему не хотелось оставлять следов, но другого выхода не было, каждую секунду его могли обнаружить.

Сунув ствол пистолета под самую дужку, он направил его вверх, так, чтобы не задеть крыши строения, потом отвернулся и нажал спуск. Вместо хлопка раздалось протяжное шипение. Видимо, он израсходовал на эстакаду слишком много энергии. Все же дужка раскалилась почти добела, потом размягчилась и осела, он подцепил ее снизу куском арматуры и разорвал размягченный металл.

Закрыв за собой дверь, Ротанов очутился в темноте. Не было слышно ничего, кроме его собственного прерывистого дыхания. Постепенно глаза привыкли к полу-мраку, и он понял, что в вентиляционные отверстия над крышей проникает достаточно света. Широкий проход вел от дверей в глубину. По обеим его сторонам до самого потолка высались ряды полок, довольно беспорядочно заставленных грудами ящиков и бочек. На улице он успел заметить, что квартал застроен одинаковыми бараками, так что, возможно, весь этот район отведен под склады. Пока он в относительной безопасности.

Пахло гнилью и чем-то незнакомым, пряным, как корица. Он думал о том, что хорошо бы найти в ящиках что-нибудь действительно полезное. Продовольствие или оружие. Концентраты не требуют для хранения холодильников. Очень жаль, что он с самого начала не сделал запаса пищи. Однако самым необходимым в ближайшее время для него станет вода...

Ротанов несколько раз сглотнул, стараясь избавиться от сухости в горле. «Даже напиться не успел». Впрочем, откуда ему было знать, что события в это утро развернутся столь стремительно. Ну ладно. Придется ночью пробираться к той канаве, которую он заметил в противоположном конце улицы. Там они наверняка выставят посты, а ему нечем обороняться, так что неплохо найти бы здесь бочку с квасом или ящик пива. Мысли возникали простенькие, о насущных проблемах. И это правильно. Он старался пока не думать о том, что произошло на планете, откуда тут появились люди,

непохожие на людей... Достоверной информации у него очень немного, а стоит начать строить догадки, им числа не будет, и потом, когда информация появится, будет труднее в ней разобраться. Лучше уж думать о пиве... Кстати, раз тут есть бочки, наверняка в них какая-нибудь жидкость. Вполне возможно, что это продовольственный склад. Прямо перед ним на полу стоял контейнер необычной многогранной формы. Словно кто-то вытесал из пластика фигуру около метра в по-перечнике для урока школьной геометрии. «Ну что же, с него и начнем».

Контейнер оказался неожиданно легким. Ротанов без всякого труда сдвинул его с места и повернул. Нигде не было видно ни малейшей щели или намека на дверцу. Пластмасса отзывалась на стук глухим звоном и оказалась слишком твердой. «Нужно поискать тару попроще», — подумал он и решил вскрыть ближайший деревянный ящик, привлекавший своими размерами. Подцепил крышку все тем же куском арматуры. Она отскочила сразу, словно ждала, чтобы ее открыли. Но внутри не было ничего интересного. Тяжелые слитки блестящего металла. Титан, а может, вольфрам. Он перешел к ряду огромных, под стать ящикам, бочек. Из пробитого отверстия медленно, словно нехотя, ползла струя вязкой смолистой жидкости. От нее шел знакомый пряный аромат, который он почувствовал сразу, как вошел. По-видимому, сок какого-то местного растения. Без анализа пить его нельзя, и он с огорчением пошел дальше.

Ротанов работал десятый час подряд. За это время ему удалось обследовать лишь небольшую часть склада. Очень много сил отнимала крепко сколоченная тара. Ничего полезного так и не нашел. Склад мог принадлежать кому угодно. Упакованные для отправки или длительного хранения минеральные и сырьевые ресурсы планеты. Здесь не было технических изделий или продуктов сельского хозяйства. Возможно, ему не повезло. В конце концов, продукцию должны сортировать по отдельным видам, и если это действительно так...

Вдруг он вспомнил про тот странный пластмассовый контейнер, на который наткнулся в самом начале. Необычная тара могла содержать что-нибудь интересное. Правда, он был слишком легок и, пожалуй, пуст... Он осмотрелся, в дальнем углу склада на отдельной полке стоял еще один такой же контейнер. Он подошел к не-

му, раздумывая, чем можно вскрыть неподатливую пластмассу, и уже протянул было руку, но вдруг застыл на месте.

Что-то там блеснуло в темноте за ребром призмы. Что-то едва различимое, тоненькое, как паутинка. Но паутины здесь не было. Целые тонны пыли и ни одного паука... Лучше всего оставить этот контейнер в покое... Но если там действительно сигнализация, значит, в контейнере что-то важное, нуждающееся в охране, и если он хочет узнать хоть что-нибудь, вскрывать придется именно этот. Больше он не думал о холодном пиве, хотя во рту пересохло. Ради того, чтобы выяснить, что они считают достойным такой защиты, стоило рисковать.

О том, насколько сложная система прикрывала контейнер, ему стало ясно уже через полчаса кропотливой, осторожной работы. Помогло хорошее знание корабельной электроники. И хоть он не знал общей схемы и даже не пытался разобраться в управляющем блоке, в конце концов ему удалось обнаружить и обезвредить основной узел сигнализации, снабженный многочисленными датчиками тепловых и механических воздействий. Система оказалась хорошо замаскированной, и спасло его только то, что за ней, очевидно, долгое время не было ухода. Подгнившая доска в стене раскрошилась и обнажила тонкий, как паутинка, проводок. Возможно, впервые он отыграл хоть одно очко в опасной игре, которую ему здесь навязали.

Ротанов осторожно провел рукой по стенке контейнера. Как будто все в порядке, но если он не обезвредил хоть один датчик... Об этом не стоило думать, потому что он не собирался отступать. Достал тепловой пистолет, подбросил на ладони, словно проверяя вес. Потом приставил к боковой грани и нажал спуск. Уже через несколько секунд стало ясно, что в пистолете еще достаточно энергии для того, чтобы хорошенъко разогреть пластмассу. Только она почему-то не желала плавиться, даже раскалившись добела. К счастью, он повредил механизм запора, внутри массивной стенки звякнуло, и неожиданно толстая крышка на шарнире выскочила наружу, больно ударив его по руке.

Потирая ушибленную руку, он задумчиво смотрел на контейнер. Не нравилась чрезмерная толщина крышки. «Сантиметров двадцать, при такой-то прочности... Похоже на радиационную защиту. Только этого не хватало...» Он вытянул ладонь и быстро провел над крыш-

кой. При большой интенсивности излучения он почувствовал бы тепло, но ничего не было, и это ни о чем еще не говорило, потому что все зависело от характера излучения. Наконец ему надоело топтаться около контейнера. Он уже не сомневался, что влипнет из-за него в неприятную историю, и именно поэтому следовало кончать поскорее.

Отшвырнув бесполезный пистолет, в котором не осталось уже ни капли энергии, он сунул руку в контейнер сразу по самое плечо. И ничего не обнаружил. Впрочем, нет, на самом дне было несколько округлых и скользких предметов. Он попытался ухватить один из них и сразу же выпустил, потому что ему показалось, что где-то совсем рядом громко засмеялся ребенок. Его даже передернуло, таким нелепым и неуместным показался детский смех в этом пустом грязном складе. Он мог бы поклясться, что звука не было. Смех он слышал словно бы внутри себя, в голове, но слышал совершенно отчетливо. Такое возможно при галлюцинациях, но он слишком хорошо знал, что у него не бывает галлюцинаций.

Очень осторожно, сантиметр за сантиметром, он снова приблизил руку к неизвестному предмету. Сначала ощущил только легкое покалывание, как от разряда тока, потом рука заныла, и, когда коснулась поверхности предмета, он ее уже не чувствовал. Перед глазами все поплыло. Очень неясно, едва заметными контурами на стены сарай накладывалась какая-то картина...

Чтобы не отвлекаться, он закрыл глаза, и картина стала отчетливей. Комната... Большая комната, залитая солнечным светом, окно распахнуто... Ребенок стоит на пороге, держит в руках пластмассовую игрушку... И что-то колышется у окна, что-то знакомое, какие-то грязные полотнища... Дым от пожара? Остатки занавесок? Картина была неподвижной. Ничто не менялось. Он чувствовал, что онемело уже все плечо. Дальше не стоило рисковать. Стиснув зубы, одним точно рассчитанным движением он подхватил таинственный предмет и рывком выдернул его из контейнера.

По форме эта штука походила на свернутый восемьмеркой тор, сантиметров двадцать в диаметре. Она казалась прозрачной и довольно тяжелой. Внутри что-то переливалось. Какое-то жидкое, холодное пламя. В такт с его мерцающими переливами Ротанова бросало то в жар, то в холод, все его чувства необычайно обострились. Это был бешеный коктейль из радости, беспри-

чинного смеха, невыразимой безысходной тоски, острого прямого страха, в голове что-то гремело и грохотало, словно били в древние негритянские тамтамы, казалось, еще секунда — и он не выдержит чудовищного напряжения, а рука намертво вцепилась в эту дьявольскую штуку и не желала разжиматься. Вдруг, словно пройдя через усилитель, в его сознание ворвались слова: «Эй, ты! Брось это!» Рука разжалась сама собой, сосуд упал в глубину контейнера. Шатаясь, будто только что выбравшись из-под обвала, Ротанов медленно обернулся. Напротив него в конце прохода стоял высокий, давно не бритый человек в рваном комбинезоне, с тяжелым блестевшим от смазки пистолетом в руках.

4

Пистолет, направленный прямо в живот Ротанова, медленно двигался, словно отыскивал подходящую точку, чтобы всадить в нее пулю или чем он там стреляет...

— В чем дело? — как мог осторожнее спросил Ротанов. — Может, вы сначала объясните?

— Жаль, шума поднимать нельзя, а то бы я тебе объяснил...

Ротанов не шевелился.

— Может, все же поговорим? — предложил он, не сводя глаз с пистолета.

Казалось, это предложение развеселило его противника, во всяком случае, тот презрительно улыбнулся.

— О чем можно говорить с синглитом? Лицом к стене!

Ротанов не двинулся. Он совсем не собирался терять из виду ствол пистолета.

— Я не синглит.

— Ты повернешься к стене или нет? — Пистолет перестал рыскать из стороны в сторону и замер, словно нашел наконец точку, которую искал так долго.

— К стене я не повернусь. Можете стрелять так.

Его противник снова усмехнулся, на этот раз скорее удивленно.

— Первый раз встречаю синглита, который так много говорит. Ладно, черт с тобой, можешь не поворачиваться. Иди вперед. Дистанция пять шагов. И запомни: остановишься — выстрелю.

Это уже было кое-что. Не следовало перегибать палку. Ротанов медленно пошел к выходу, надеясь, что в конце прохода, пропуская его вперед, противник допустит ошибку, сократит между ними расстояние. Но тот, видимо, прикончил на своем веку не один десяток этих таинственных синглитов и хорошо знал им цену. Он отступил в самый конец прохода, пропустил Ротанова и теперь был у него за спиной. Нельзя позволять вывести себя из склада, потому что здесь у него сохранилось некоторое преимущество. Он запомнил, что в центральном проходе, недалеко от двери с левой стороны, стоял целый штабель тяжелых ящиков. Ящики эти еле держались. Ротанов пошел по левой стороне и, как только они миновали штабель, изо всех сил ударили ногой по нижнему ящику.

Весь штабель с грохотом рухнул, многие ящики раскололись, и десятки непонятных предметов раскатились по всему полу. Его противник успел увернуться и не выстрелил... Ротанов опасался, что от неожиданности тот нажмет собачку и поднимет тревогу. Но этого не случилось.

Сейчас их разделяла гора рухнувших ящиков, и можно было спокойно уйти. Склад тянулся метров на семьсот, и найти здесь затаившегося человека практически невозможно. Но Ротанов все медлил, стараясь понять, почему не было выстрела... «Он говорил о каких-то синглитах, что это — секта, партия? Люди, захватившие власть? Судя по всему, сам его противник не принадлежал к этой группе, и уже только поэтому нельзя его упустить... Возможно, с его помощью удастся встретиться с теми, кто противостоит Бэргу. Придется рисковать, он ведь тоже может уйти, затаиться...»

— Я сейчас выйду! — громко сказал Ротанов. — Подожди со стрельбой.

Никакого ответа. Но, в конце концов, не выстрелил же он, когда рухнули ящики... Ротанов вышел на середину прохода и остановился.

Теперь он был отличной мишенью, а главное — не видел своего противника.

Несколько секунд стояла напряженная тишина, потом в углу за ящиками шевельнулась неясная тень. Наконец в проходе показался его противник, впервые с опущенным пистолетом.

— Ну? Чего тебе?

— Нуждаюсь в собеседнике... — проворчал Ротанов.

нов.— Да спрячь ты свою игрушку. Есть серьезный разговор.

Он сделал пару шагов навстречу Ротанову, но пистолет все же не убрал.

— Здорово вас здесь напугали.

— Кто ты такой?

— Что, непохож на синглита?

— Синглит давно вызвал бы охрану. Так кто же ты?

— Про корабль что-нибудь слышал?

Противник тихо свистнул, спрятал пистолет, но ближе не подошел.

— А чем ты докажешь, что ты с корабля?

— Я об этом не думал, не собирался доказывать. У меня есть документы.

— Документы можно подделать... Ну хорошо. Меня специально послали, чтобы разузнать про корабль. Двое наших видели посадку, но им не очень-то поверили, думали, какие-то штучки синглитов. Им ничего не стоит сделать корабль. Не настоящий, а так... Ладно, придется мне тебя забрать на базу. Там у нас хорошие специалисты. Разберутся, и если ты синглит...

— Да не синглит я, не синглит! Я пилот с этого корабля. И давай выбираться отсюда. Мы тут нашумели, а меня наверняка ищут. Слышал утром стрельбу?

— Так это из-за тебя?

— Сначала они меня вроде бы отпустили, а потом почему-то передумали. Здесь не очень надежное место.

Словно подтверждая его слова, у наружной двери послышался шум. Шаги, скрип засова.

— Ну вот, дождались...

Видимо, его противник наконец принял решение. Он махнул рукой, приглашая Ротанова за собой, и нырнул в боковой проход.

В противоположном от входа конце склада оказался замаскированный хламом лаз. Из него широкая сточная труба вела в соседний двор... В этом городе у его недавнего противника были свои собственные, известные только ему дороги.

Открылась крышка канализационного люка, скрытая под слоем дерна, и они очутились в узком подземелье. К удивлению Ротанова, здесь не ощущалось никаких неприятных запахов и было относительно сухо. Очевидно, канализация давно не работала.

Долгий путь по туннелям, задним дворам и закоулкам вывел их в конце концов в маленький тихий дво-

рик. Здесь они впервые остановились и перевели дух. Они стояли вплотную друг к другу, втиснувшись в узкую щель между стеной здания и забором. Почему-то Ротанову вспомнилась кабина подземки. Там пахло пылью, плесенью, чем угодно, только не человеческим потом, он вспомнил об этом, и, может быть, поэтому несвежий запах от рваного комбинезона его спутника показался ему приятней любых духов.

— Как тебя зовут?

— Вообще-то Филом. Но наши окестили Филином. Так и ты можешь звать.

В щель забора, за которым они притаились, хорошо просматривалась довольно оживленная городская улица. Транспорта не было совсем, наверно, его полностью вытеснила в городе подземка, зато пешеходы шли довольно часто.

— Чтобы выбраться из города, нам придется пересечь здесь улицу. Другого пути нет. А это очень опасно, потому что, если ты сказал правду, по всему городу объявлена тревога и здесь нас ждут.

Филин достал пистолет, пересчитал заряды и снова сунул его в карман. Ротанов хмуро слушал его и все никак не мог оторвать взгляд от огромного, вполнеба красноватого чужого солнца, висевшего над крышами человеческих жилищ.

— И давно вы так ходите по городу?

— Как? — не понял Филин.

— Да вот так, с оружием.

— Все вас ждали. Когда вы там про нас вспомните, на своей Земле... Лет пятьдесят и ходим. Не больно вы спешили... Мне доктор говорил, что рано или поздно вы прилетите, только я нешибко верил...

Ротанов почувствовал скрытый упрек в его словах, но промолчал. Не пришло еще время для объяснений... Он по-прежнему не знал, чьи интересы отстаивал этот человек, против кого и почему взял в руки оружие...

С того места, где они стояли, хорошо просматривалась улица в обе стороны, и ничего подозрительного на ней не было, вот только Ротанов вообще не знал, что здесь считается подозрительным, и потому полностью положился на Филина. А тот все не спешил выходить и продолжал разглядывать одиноких прохожих. Ротанов отметил, что люди шли быстро, не обращая внимания друг на друга, и как-то слишком уж отчужденно. Обычно в таких изолированных маленьких городках толпа

разбивается на небольшие, объединенные общим разговором группы. Здесь этого не было. Филин тронул его за рукав.

— Как только выйдем на улицу, ни в коем случае не спеши. Иди быстро, как все здесь ходят, но не спеши. Ни к кому не подходи, ни на кого не обращай внимания, но самое главное — не спеши и не смотри по сторонам, иначе тебя сразу заметят. Ко мне не подходи ближе трех шагов, что бы ни случилось, даже если начнется стрельба. Ну, пошли! Да, и запомни на всякий случай, мало ли что, если выйдешь из города один, к нашим нужно идти все время на север, километров сорок. Выйдешь на посты, скажешь, тебя Филин прислал. Ну, давай.

— Подожди, минута дело не решит, а там мало ли что... Скажи мне сначала, что там было, в контейнере на складе?

Из всех вопросов вертевшихся на языке, Ротанов выбрал этот и теперь с напряжением ждал ответа. Но Филин только покачал головой и посмотрел на него неприязненно.

— Этого я тебе не скажу. И у наших ты об этом лучше не спрашивай. Раньше нужно было прилетать, вот что. Пошли! Некогда нам разговаривать! — Он сунул пистолет за пазуху и сразу преобразился. Во всем его облике появилась деловая сосредоточенность. Плечи он откинул назад, и в походке появилась та целестремленность, которая была свойственна большинству прохожих. Стоило ему шагнуть на улицу, и он сразу же затерялся, слился с толпой.

Выждав немного, Ротанов пошел за ним следом, стараясь в меру сил подражать Филину. Но у него получалось плохо, не было многолетней практики, и вообще он не понимал, почему нельзя проскочить улицу с ходу. Филин зачем-то дошел до перекрестка, потоптался на месте и, неожиданно юркнув между прохожими, сразу оказался на той стороне. Боясь потерять его в толпе, Ротанов прибавил шагу, но перед перекрестком ему на плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Стой!

Не оборачиваясь, Ротанов пригнулся и резко рванулся в сторону. Почти сразу Филин выстрелил в кого-то с противоположной стороны улицы, человек за спиной Ротанова упал. Сбившаяся на перекрестке толпа бросилась врассыпную. Когда она рассеялась, Филина нигде не было видно. Понимая, что нельзя терять ни се-

кунды, Ротанов шагнул в ближайший подъезд, не раздумывая, поднялся по лестнице примерно до середины и рванул первую попавшуюся дверь. Он был почти уверен, что никто не заметил в сутолоке, как он вошел в подъезд. Занявшись Филином, на какое-то время они потеряли его из виду. Филин выстрелил специально, чтобы отвлечь внимание на себя...

Дверь подалась без всякого сопротивления, от неожиданности он с силой захлопнул ее за собой. Несколько секунд стоял в полумраке, тяжело дыша и с горечью думая о том, что, пока он не разберется во всем, что здесь произошло, он будет обузой, слепым котенком, и кому-то, чтобы вызволить его из беды, придется представлять себя под удар... Он дал себе слово, что это не продлится слишком долго, и первым делом он разыщет Филина... Наконец глаза немного привыкли к полумраку коридора. Он увидел, что потолок кое-где обвалился. Там зияли темные дыры, а обои выглядели так, словно кто-то драл их когтями.

Квартира казалась нежилой, но почти сразу из комнаты женский голос спросил: «Кто здесь?» Ротанов молчал, и женщина вышла в коридор. Она словно только что сошла с картинки модного журнала прошлого века. Какая-то немыслимая пушистая шаль, платье из блестящего материала в обтяжку — все это выглядело так нелепо на фоне грязных обоев, что Ротанов буквально остолбенел. Она смерила его спокойным, чуть высокомерным взглядом:

— Что вам здесь нужно? Кто вы?

— Ротанов.

— Ах вот как, Ро-та-нов.— Она произнесла его фамилию с легким акцентом врастяжку.— И что же дальше?

Он пожал плечами.

— Вы слышали шум на улице?

— Это из-за вас?

Он кивнул.

— Хорошо, проходите.— Она не испугалась и даже, кажется, не удивилась. Только плотнее закуталась в свою шаль и пошла вперед, показывая ему дорогу.

Они вошли в гостиную, если можно было назвать гостиной комнату, где не было даже стульев. Валялись какие-то обломки мебели, книжные полки без книг, рама от картины. Ротанов молча смотрел то на женщину, то на эту кучу хлама.

— Вы здесь живете?

— Конечно. Ах, это... — Она перехватила его взгляд.— Это осталось от людей.

— То есть как это осталось от... Вы хотите сказать, что вы сами не... — Он почувствовал себя так, словно кто-то схватил его за горло и не давал дышать. Еще в кабинете у Бэрга он почти догадался... Даже раньше, в транспортной кабине. Но мозг отказался верить очевидным фактам. А потом этот мальчишка с пистолетом совершенно сбил его с толку... Она смотрела на него совершенно равнодушно и не сделала попытки помочь.

— Надеюсь, вы догадываетесь, что я...

— Что вы человек? Конечно. Это любопытно. Я уже давно не встречала здесь людей.

— Послушайте! — сказал Ротанов, опускаясь на то, что когда-то было диваном. У него голова шла кругом, он был слишком потрясен, чтобы сказать что-нибудь вразумительное. Но она ждала, и было похоже, что она вообще способна простоять, не делая ни малейшего движения, целую вечность.

— Послушайте... Даже на Земле никто не мог бы предположить, что это возможно... Создание таких совершенных моделей немыслимо! Таких роботов не существует!

— А кто вам сказал, что я робот?

— Так кто же вы?!

— Просто нечеловек.

— Ах ну да... конечно... просто... просто нечеловек... — Ротанов почувствовал, как внутри него что-то взорвалось. Он вскочил и несколько мгновений не мог протолкнуть в себя ни глотка воздуха. Наверно, все вместе действовало на него так, что на какое-то время он перестал отдавать отчет своим действиям.

Нечеловек здесь, в человеческом жилище! В человеческом обличье, в человеческом платье!.. Она перестала кутаться в шаль, и Ротанов вдруг заметил царапину на ее шее. Царапина была довольно глубокой и свежей, но вместо засохшей крови под кожей обозначилось что-то белое, и это «что-то» не было похоже на человеческую плоть. Ротанов отвернулся, чтобы скрыть от нее невольную гримасу.

— Вы хорошо держитесь. Другие обычно выпрыгивали из окна или сразу начинали стрелять.

— Их можно понять... — пробормотал Ротанов, он уже почти взял себя в руки.— Ладно. Может, вы объ-

ясните, откуда у вас... почему вы так похожи на человека?

— Вы хотели спросить, откуда у меня это тело? Ведь так?

— Ну, допустим.

— Этого я, к сожалению, не знаю. Однажды утром я проснулась в лесу такой, какая есть. Все было немного непонятно, но, в общем, мне было все равно. Что-то я смутно помнила — лицо старой женщины, например. Не знаю, почему именно это лицо я так долго не могла забыть. Какой-то дом... Только это все было так... Ну, неважно, что ли... К людям меня не тянуло. Когда здесь, в городе, поселились наши, я тоже перешла сюда. Вначале здесь было очень неспокойно, часто приходили люди. Они всегда очень громко кричат и всегда начинают стрелять... И знаете, почему я догадалась, что вы хотите спросить меня об этом теле?

— Нет, — хрипло ответил Ротанов.

— Потому что временами мне кажется, что оно не мое. Словно надеваешь чужое платье, только это сложней... Мне давно хотелось спросить об этом, узнать почему. Но наши никогда не говорят. Это считается неприличным. А потом мне стало безразлично. — Она устало вздохнула.

— А эта комната... Как вы тут живете?

— О, мне совершенно все равно, где быть. Здесь или в лесу. Холода я не чувствую. В вещах не нуждаюсь. Иногда меня тянет в лес. Мне нравятся его прохлада и запахи. Но в лесу мне тяжело, все мешает, давит и снова хочется в город... Не знаю, почему я говорю вам все это...

Ротанов почувствовал вдруг огромную усталость, словно все эти двое суток лез в гору и на ее вершине обнаружил, что все напрасно, дальнейшего пути не было. Может быть, и Филин тоже? Удачная подделка, не больше... Он надеялся найти здесь людей, а не чужой враждебный разум. Весь расчет строился именно на этом, и, если людей не осталось, все сразу теряло смысл.

— Чего же вы медлите? — устало спросил Ротанов. — Вы ведь, наверно, должны сообщить о моем приходе? Куда там у вас положено сообщать?

— Это их дело искать вас. Меня это не касается.

— В таком случае дайте хотя бы напиться.

— Воды?.. Я не знаю... Сейчас посмотрю, но, кажется, водопровод давно не работает...

— Как же вы сами обходитесь?

— Мне не нужна вода.

Она вышла из комнаты. Он услышал, как заскрипел кран, потом она пошла к двери и вышла на лестницу. У него не было ни малейшего желания выяснять, куда именно она отправилась. Пусть делают, что хотят. Он сбросил с просевшего дивана обрывки старых бумаг, мусор от обвалившейся штукатурки и растянулся, чувствуя, как усталость постепенно овладевает всем телом, каждой его клеточкой. Сейчас бы выпить чего-нибудь холодного и заснуть. Может быть, на свежую голову он сумеет разобраться в сумасшедшей ситуации, в которой оказался, но не сейчас.

Она вернулась минут через пятнадцать с большой глянциной кружкой, в ней плескалась темная жидкость.

— Я вспомнила, что в подвале остались какие-то бочки. Вот это, по-моему, годится, я видела, как люди это пили.

Он не стал раздумывать. Жидкость по вкусу слегка напоминала пиво, но пахла хвоей. Кружка была огромной, литра на полтора. От жидкости по всему телу разливалась теплота, хотя сама жидкость казалась холодной, даже запотела кружка. Он выпил ее всю до дна и снова развалился на диване.

— Садитесь куда-нибудь. Что вы маячите как столб перед глазами?

— Я хорошо знаю ваш язык, но многие понятия не имеют для меня смысла. Например, я не знаю, что такое «сидеть», то есть я знаю, что это такая поза, но для чего ее принимают, не знаю. И не знаю, что означает слово «столб».

— Оставим в покое столб. И если я сейчас засну, то постарайтесь меня не будить.

— Хорошо. Я постараюсь,— послушно сказала она и неподвижно застыла в совершенно немыслимой для человека позе. Им овладело некое блаженное безразличие ко всему, глаза закрылись сами собой.

Проснулся он полностью отдохнувшим, с четкой, ясно работавшей головой. Проснулся без всякого перехода и сразу же вспомнил все, что с ним произошло. В комнате ничего не изменилось. Полоса света от окна почти не сместились. «Сколько же я спал?» — попытался сообразить Ротанов, но сон был глубоким и полным, у него не осталось ни малейшего представления о времени, хотя обычно, просыпаясь, он всегда точно знал, который

час. Женщины в комнате не было. Он позволил себе еще минуту повалиться, чувствуя непривычную легкость во всем теле. «Хороший был напиток», — почти весело подумал Ротанов и рывком поднялся.

Он прошел на кухню и здесь увидел женщину. Она стояла спиной к окну, широко и как-то неловко расставив ноги. Было в ней все же что-то от механического манекена и еще что-то такое, что невольно вызывало жалость. Он должен был бы чувствовать брезгливость, ужас, но ничего этого не было. Только легкая жалость. И еще ему очень хотелось узнать, откуда она взялась, почему она и все те, другие, так похожи на людей. Он подумал, что сейчас самое время заняться выяснением этой загадки.

— Вы что же, никогда не устаете? Почему вы даже не присядете?

— Так вот почему так часто люди садятся... Нет. Усталости я не чувствую.

— И никогда не спите?

— Не знаю, сон ли это. Когда наступит ночной сезон, меня не станет.

— Вы хотите сказать, что ночью...

— Нет, не той ночью, которая сменяется днем, а тогда, когда ночь длится несколько месяцев по вашему времени, когда наступает холод. Вот тогда...

— Ах да, я совсем забыл, что у вас тут даже на экваторе бывают полярные ночи...

Только теперь он рассмотрел ее как следует. Черные, как воронье крыло, с синевой волосы обрамляли бледное худое лицо с удивительно правильными чертами. Если бы можно было забыть, что она собой представляла, он бы нашел ее красивой. Красивой той безликой стандартной красотой, которая так мало места оставляет для индивидуальности. Он затруднялся определить, сколько ей лет. Кожа была неестественно бледной и, пожалуй, чересчур гладкой. Ни одной морщинки.

Кухня выглядела под стать всей квартире. Ржавые водопроводные трубы кто-то завязал узлом, над покореженной электрической плитой висел небольшой куб морозильника. И хотя разорванная проводка, зачем-то выдернутая из стены, валялась рядом с плитой, к морозильнику она не имела отношения. Эта марка должна была действовать от автономного питания. Такими аппаратами до сих пор пользовались в некоторых колониях. Он открыл крышку, и морозное облачко пара косну-

лось плеча женщины. Она дернулась, как от боли, и отодвинулась.

— Зачем вы?..

— Я хочу есть. А здесь, кажется, что-то сохранилось.— Он испытывал зверский аппетит с той самой минуты, как проснулся. В холодильнике лежали куски покрытого инеем неестественно розового мяса и еще банки. Именно на них он и рассчитывал. Этикеток не было. Он взял первую попавшуюся. Там оказалось гороховое пюре со свининой. Он ел его холодным, как едят мороженое. Сейчас ему было не до гастрономических тонкостей. Пережевывая эту ледяную массу, от которой ломило зубы, он продолжал искоса наблюдать за ней.

— Весь этот город, его построили люди, ведь так? — Он спросил это как можно небрежнее, чтобы она не догадалась, какое значение имел для него следующий, уже подготовленный вопрос.

— Конечно. Они все здесь бросили, потом несколько раз приходили, но это было очень давно.

— И с тех пор... Я хочу сказать, в последний раз когда вы видели человека?

Ему не удалось полностью скрыть волнение.

— Насколько я знаю, людей здесь больше нет. Они все ушли в лес. Потом много лет были стычки между ними и нашими. Если кто-то еще и остался, то только там, в лесу.

Если предположить, что Филин сказал правду, у него оставался шанс найти людей. Но искать их надо не в городе... Он старательно припомнил всю свою встречу с Филином; конечно, все это можно было подстроить специально: и стрельбу на улице, и все остальное. Он не очень-то верил, что они его отпустили без каких-то особых планов, что-то им было от него надо, и тогда этот Филин мог быть подставной фигурой, пешкой в той игре, которую с ним вели. Но он бы наверняка заметил хоть что-то, какую-то деталь, мелочь вроде того жучка... Но ничего не вспоминалось. Жаль, что тогда он был не слишком внимательным. Не было для этого особых причин, да и сама обстановка, темный склад, бегство по улицам, потом стрельба... Все-таки он мог ошибиться, и если Филин один из них... Когда они стояли в подворотне, что-то такое было... Запах... Запах человеческого пота. Вряд ли они и его догадались подделать.

Возможно, у него есть надежда. Нужно найти место,

о котором говорил Филин. Наверно, там сохранился последний укрепленный плацдарм, место, где люди сражаются до последнего с этой враждебной планетой...

— Скажи, почему вы воевали с людьми? Чем они вам мешали?

— Мы? Мы никогда не воевали с ними. Только обронялись, потому что люди хотели нас уничтожить.

— Вас уничтожить?! Как они могли этого хотеть, когда их была здесь горстка, а вас...

— Нас было еще меньше... Это сейчас нас стало больше, а вначале, когда началась война... Нет, я не знаю, почему она началась, но начали ее люди. Люди, наверно, очень злые.

Он смотрел на нее, не пытаясь скрыть изумления. Меньше всего он ожидал услышать что-нибудь подобное. По ее неподвижному лицу невозможно было понять, что она чувствует. Даже глаза ничего не говорили, они оставались холодными и пустыми, словно там застыли два кусочка льда.

— Но в таком случае, если все, что ты говоришь, правда, ты должна была бы ненавидеть людей и меня в том числе. Ведь так?

— Почему? Все это не имеет никакого значения. Наверно, нашим было интересно победить, но на самом деле это совсем неважно. Мы не чувствуем боли. Ненависть, горе, страх — все это чуждо для нас. Мы же не люди, я тебе уже говорила. Только внешне... Поэтому нам было все равно. Дневной сезон слишком короток, за ним приходит ночной, и нас всех не станет. Поэтому, мне кажется, война забавляет наших. Я не уверена, что нашла именно то слово, чтобы ты мог понять. Во всяком случае, им интересно. Но ненавидеть? Почему? За что я должна ненавидеть? Раз это всего лишь игра...

— Но люди?! Для них это не было игрой! Наверно, они по-настоящему умирали и обливались кровью, которой у тебя нет! — Он почти кричал.

— Это их дело. Они сами начали войну.

Он замолчал. Чувствовал, что все время натыкается на какую-то стену, тупик, за которым всякое понимание обрывалось и начиналось нечто совершенно чуждое ему, какая-то черная яма. Он даже не заметил, когда они перешли на «ты». Было совершенно бессмысленно возмущаться и что-то доказывать. Человеческая этика не имела ни малейшего значения в ее мире. Она и сло-

ва-то для этого подбирала с трудом, чтобы попонятнее ему объяснить. До конца он не сможет в этом разобраться, наверное, никогда, но кое-что поймет, когда узнает, с чего все началось и откуда появились на планете эти человекоподобные существа, так непохожие на людей.

- Тебе, наверно, пора?..
- Куда пора?
- Ты же хотел выбраться из города?

Ротанов готов был поклясться, что он ей этого не говорил.

— Сейчас самое время — видишь, солнце почти зашло. Все наши уже на местах, но энергию в подземке еще не выключили, и если хочешь, я покажу тебе дорогу.

- Это тоже игра?
- Я не понимаю.
- Ну то, что ты решила помочь мне?
- Ты не такой, как остальные люди. Ходишь без пистолета и умеешь не показывать своих чувств. Мне это нравится, но все равно ты, наверно, прав. Игра — самое точное слово. Все, что происходит вокруг, все это игра. Меняются только правила, иногда сами игроки, часто игру ведут законы природы, суть от этого не меняется. Так ты идешь?

Она провела его по лестнице на задний двор. Кабина подземки оказалась в соседнем доме. Она набрала под схемой линий комбинацию из нескольких цифр. Он ни о чем не спрашивал, решив полностью положиться на нее. Ему хотелось узнать, какое она выберет направление. Он хорошо понимал, что от этого будет зависеть и то, как ему следует относиться ко всему, что она говорила.

Когда она молчала, ее можно было принять за статую. Не шевелился ни один мускул, даже грудь не приподнималась, словно не дышала. Почему-то он не решался спросить об этом. В кабине опять пахло старым деревом, машинным маслом, пахло чем угодно, только одного запаха он совершенно не ощущал, как и в тот первый раз — запаха человеческого пота... Духов она тоже, конечно, не употребляла, ей они просто ни к чему. Он чувствовал, что скоро кабина остановится, и начнется, по ее определению, «совсем другая игра». Возможно, он ее больше не увидит. Странно, он не испытывал от этой мысли ни малейшего облегчения, словно ее

общество не было ему в тягость, хотя он прекрасно понимал, что это противоестественно, и понимал тех, кто сразу хватался за пистолет, встретившись с таким вот подобием человека. Чем больше человеческого в чужом, тем это страшнее. Уж лучше гигантские жабы с Арктура... Но если иметь в виду только разум, логику, тогда конечно... И еще, пожалуй, едва заметную, хорошо замаскированную печаль... Несмотря на все ее рассуждения о полном отсутствии всяких чувств, на старательно подчеркнутое равнодушие, а может быть, как раз по-этому...

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени.

— Как это?

— Когда ко мне обращается кто-нибудь из наших, я и так знаю, что он имеет в виду именно меня. А с людьми мне не приходилось общаться. Но ты можешь назвать меня как угодно, сам придумай имя, если оно тебе необходимо.

— Это, пожалуй, лишнее. Мы ведь не увидимся больше? — полуутвердительно спросил он.

— Не знаю. Все зависит от того, как сложится игра, которую вы, люди, называете жизнью. Ну вот, мы уже приехали.

Двери кабины распахнулись, и он увидел рыжеватую пыль. Зеленые подушки леса километрах в трех и широкое пустое пространство вокруг. Определенно они были не в городе. Он сделал шаг к выходу и, видя, что она не двигается, тоже остановился.

— Ты возвращаешься?

— Конечно. Здесь мне нечего делать.

— Если понадобится... Я хотел бы знать, как мне найти тебя?

— Это невозможно. Я сама не знаю, где буду находиться завтра.— Она повернулась и нажала кнопку. В последний раз мелькнуло перед ним ее лицо, полузакрытное рассыпавшейся волной волос, потом двери кабины захлопнулись, и он услышал глухой шум включившихся механизмов. Он даже не успел попрощаться и только сейчас, когда она уехала, ничего больше не сказав, понял, насколько это неважно.

Он осмотрелся. Фиолетовое солнце наполовину опустилось за горизонт.

«Слишком долгий день,— подумал Ротанов.— Всего один день, но, пожалуй, слишком долгий...»

Далеко на юге горные вершины разорвали зеленую шкуру леса и тянулись вверх, словно клыки огромного зверя.

Междур лесом и предгорьями пролегла полоса ничейной земли, и, хотя настоящего фронта не было и никто не объявлял войны, полоса была здесь. В редких зарослях усатых перекрученных растений расположились передовые посты колонии. Если смотреть вниз со склона, оттуда, где начинались первые пещеры, пикетов не было видно. Многолетняя, повседневная опасность приучила людей к осторожности.

У выхода одной из пещер стоял высокий седой старик. Ветер развевал его длинные спутанные волосы, играл бородой и полами короткой кожаной куртки. Старик думал о том, как много бесполезных для жизни вещей узнали люди за те годы, пока он медленно старился. Он вспомнил своих родителей, давно уже умерших. Они пересекли бездну, отделявшую звезды друг от друга, чтобы найти здесь новый дом. «И что же? Мы столкнулись здесь с неведомым...

Где-то в глубине души мы считали, что мир создан специально для нас, для нашего удобства, даже далекие звезды... Но это не так, и мы не сразу поняли это. Сожгли за собой все мосты. Когда случилось несчастье, обратного пути уже не было, и нам пришлось принять навязанную битву».

Этот мир со всеми его горестями и ужасами, несмотря ни на что, стал его домом. Ведь он здесь родился и жалел сейчас о том, что с каждым годом пятак земли, принадлежавший людям, уменьшался все больше, словно смыкался круг...

Когда он был молод, границы колонии проходили далеко на севере, за лесом, но сейчас дела идут все хуже, и он не знает, где выход. Раньше здесь ничто не обходилось без его участия, но сейчас, хотя звание председателя совета осталось пока за ним, со всеми вопросами обращались к другому человеку. Он старался не думать об инженере плохо, потому что боялся оказаться несправедливым, и все же невольно укорял его за ненужные схватки, приводившие порой к новым потерям. Если прислушаться, то снизу, из второго яруса, доносится неумолкающий рокот станков, производящих оружие... Оружие — вот и все, что им осталось.

Земля о них забыла... Несколько раз, в самом начале, пока еще не были потеряны город, энергостанции и корабельная рация, они пытались послать сигнал... Ответа не было. Инженер говорит, что на Земле хватает своих забот, что они должны рассчитывать только на себя. Но инженер слишком молод, откуда ему знать, какими были те, кто когда-то отправил их сюда завоевывать новые звезды...

Он глянул на часы. Скоро шесть. Совет назначен на семь. Каждый раз перед заседанием с тревогой сжималось сердце, потому что не знал, какой новый неприятный сюрприз ждет его на этот раз. Инженер не пропускал ни одного случая, чтобы укрепить свои позиции, добиться от совета новых уступок. Зачем ему нужна полная власть? Что он собирается с ней делать? Ускорить их поражение? У него не было фактов, только чутье старого, много повидавшего человека. «Этого, в сущности, мало, чтобы осуждать того, кто сменит тебя на посту...»

Он медленно брел по тропинке вверх к седловине совета. Нужно подняться метров пятьсот, и с каждым годом дорога давалась ему труднее, словно склон становился круче, а расстояние длиннее. Здесь, на большой высоте, растительность поредела, но дышалось так же легко, как внизу. Огромная и плотная атмосфера вдоволь насыщена кислородом. Он часто думал о планете как о хлебосольном доме с лесами, богатыми деревом, с реками, полными пресноводных креветок, с воздухом, перенасыщенным кислородом... Словно дом этот ждал хозяев долгие годы и дождался... Приходите, живите с миром... Они пришли в этот дом, сели за стол, забыли только, что дом чужой... Забыли... и дорого заплатили за свою доверчивость.

Кольцо пещер кончилось. Тропинка шла теперь через редкую рощу карликовых кустов, сквозь которые тут и там виднелись беспорядочно разбросанные бревенчатые домики молодоженов. Люди постарше считали пустой тратой времени строить дом на один сезон, до прихода туманов. Да и молодежь все реже могла себе позволить такую роскошь.

Как только тропинка перевалила через выступ, перед глазами открылась знакомая картина. Широкая каменная чаша уступами сбегала вниз, и там, среди живописно выветренных глыб, около холодного родника стояли скамьи совета. Здесь все дышало суровой про-

стотой первых лет походной жизни, когда победа казалась делом ближайших месяцев, а эпидемия и последовавшая за ней война всего лишь печальным недоразумением. Старик спустился вниз, к самому ручью. Он пришел сегодня, как всегда, раньше времени, чтобы посидеть одному. Но на скамье уже расположился доктор. Так коротко все звали руководителя научной группы, может быть, потому, что в его обязанности входил и уход за редкими ранеными и немногочисленными больными, число которых с каждым годом все сокращалось. С поля боя этой странной войны редко возвращались раненые.

Доктор был сухопар, желчен и неряшлив, в руках он вертел суковатую палку, которой рисовал на земле перекошенные рожи, но старик знал, что таким он был не всегда, в молодости это был общительный, подающий надежды ученый, но, когда из очередной схватки не вернулся его единственный сын, доктор стал вот таким. Не сразу, постепенно. Сначала он пытался потопить отчаяние в работе, в лихорадочных поисках кардинального решения многочисленных проблем. Но постоянные неудачи добавили еще одну ношу, и постепенно он сдал. А может, так только казалось? Вообще-то доктор странный человек. Иногда он думал, что в нем скрыта натянутая пружина, которая ждет своего часа, чтобы выбросить на волю скрытую силу.

Председатель подошел и сел рядом с доктором. Они не обменялись приветствием, не сказали друг другу ни слова. За долгие годы совместной работы и борьбы молчание говорило им иногда больше слов. Доктор продолжал ковырять своей палкой жесткую, словно сделанную из стальной проволоки щетку короткой травы, а председатель смотрел, как со склонов гор рушится вниз голубой водопад плотного густого воздуха.

Подошли еще трое членов совета. Заведующие секторами производства, заготовок и охраны. Не было только Филина и инженера. Но Филин редко приходил на заседания. Охотники вели кочевой образ жизни и в промежутках между вылазками скрывались в лесах и болотах, окружавших город. Инженер задержался. Так он делал довольно часто, наверно, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, какое огромное бремя дел и ответственности ему приходится нести.

Опоздание стало как бы психологической подготовкой, и председатель пожалел, что на заседании не будет

Филина. Мнение Филина значило немало. Производственный сектор подчинялся инженеру, недавно инженер добился, чтобы ему передали фактическое управление охраной. Остается доктор и заведующий заготовками, подчиненный Филину, но в его отсутствие и здесь распоряжался инженер... Три голоса против трех, если Боран, заведующий заготовками, сохранит нейтралитет... Все зависит от того, что инженеру потребуется на этот раз...

Наконец на тропинке появилась знакомая сухопарая фигура. В который раз председатель спросил себя, чем неприятен ему этот человек?

Среднего роста, подвижен и деловит, шрам на левой щеке, темные очки: в одной из схваток ему обожгло лицо, и теперь он их не снимает. Резкие складки около губ придавали лицу инженера неприятное выражение брезгливости. Но ведь не во внешности дело...

Заседание началось спокойно с обсуждения обычных текущих вопросов. Долго решали, как переправить очередную партию материалов, захваченную охотниками. Как всегда, очень плохо было с транспортом, не хватало людей... И это послужило для инженера трамплином, с которого он начал свой очередной выпад против научного отдела.

— Сколько у вас человек? — обратился он к доктору.

— Все столько же, как будто вы не знаете? Мы еще не научились создавать гомункуловсов.

— Но может быть, вы добились успехов в какой-нибудь другой области? Я хочу знать, чем занимаются ваши люди и почему мы должны кормить бездельников в то время, как...

Спор разгорался, и, не слушая, председатель думал о своем: «Хотел бы я знать, чего он хочет на самом деле. Ведь не председательское же место само по себе? Он человек дела и прекрасно понимает, что колония не продержится долго, что-то тут не так... И каждый раз одно и то же. Он грозит остановкой завода. Как дамоклов меч висит над нами этот завод, и нечего возразить, потому что этот довод неопровергим. Если завод встанет, то колония погибнет, не завтра, не через год или два, а просто немедленно... Нам так и не удалось ни разу создать достаточный резерв боеприпасов и вооружения, но почему? Почему после каждой небольшой передышки все запасы бесследно исчезают?»

Вот и сейчас разговор вертелся вокруг последней

стычки в ущелье. Еще минуту назад председатель не собирался ничего предпринимать, но совершенно случайно он знал точное количество израсходованных боеприпасов. «Поймать бы его на прямом обмане хоть раз! Но инженер слишком умен, он вовремя сманеврирует, найдет какое-нибудь объяснение...» Все дело в том, что никто не поверит в злой умысел. Он и сам в него не верит. Не может человек желать собственной гибели, а предательство невозможно, потому что синглитов не интересуют предатели, они, наверно, даже не понимают, что это такое. Но куда же все-таки делись боеприпасы?

— Скажите, Келер, были в эти два дня еще какие-нибудь стычки, где вы расходовали дополнительные припасы? Постарайтесь быть предельно точным. Это очень важно,— вдруг сказал председатель.

«Он и сам понимает, что важно... Ну давай же, давай, ловушка расставлена, рано или поздно это должно было случиться, кто же ты на самом деле, инженер Келер?»

— Расходы... Были, конечно, расходы, у меня все записано, точно я не помню.

— Нет уж, пожалуйста, точно. Где, сколько, когда. Все до последнего ящика.

— Хорошо. Я дам вам полный отчет. Но предупреждаю, я не стану терпеть на совете вместо дела... Я должен сходить за документами.

Инженер ушел, члены совета растерянно молчали. Вряд ли кто-нибудь знал, как развернутся дальнейшие события. Воспользовавшись паузой, доктор пересел к председателю. Никто не смотрел в их сторону, многие опустили головы. Все понимали, что через несколько минут произойдет окончание многолетнего поединка между председателем и инженером.

— Если он принесет документы, все пропало.

— Я знаю. Но он их не принесет. Или принесет фальшивые.

— Но это еще хуже, потому что он вернется с охраной.

— Слишком рискованно. Этого ему не простят. Но даже если так, нужно наконец все поставить на свои места. Это первый случай, когда я могу поймать его с поличным.

— Нас не поддержат. У него в руках жизненно важные центры, снабжение, охрана, производство...

— Я часто думаю, как это могло случиться?..

— Что именно?

— Как этому человеку, которого все недолюбливали, удалось сосредоточить в своих руках такую власть?

— Он энергичен, жесток, находчив. В сложных условиях, когда идет схватка, у людей нет выбора, они считают, что подчиняются необходимости...

Члены совета по одному, по два покидали свои места, не желая участвовать в том, что должно было произойти через несколько минут. Снизу донесся звук ролера. Было видно, как машина, раскачиваясь на поворотах, стремительно понеслась вниз.

— Инженер уехал!

— Я так и думал, что сейчас он не решится ничего предпринять. Почти все его люди на третьем посту.

— Завтра утром вернется.

— Да, и если Филин не найдется к тому времени, нам несдобровать.

Закончив работу, Анна торопливо шла к выходу по длинному подземному ходу. Сегодня их десятка дежурила в швейной мастерской. Однообразная работа утомила девушку, и она спешила поскорей выбраться на волю, чтобы не потерять драгоценные часы, оставшиеся до захода солнца.

Вместо ламп на низких подземных сводах были размещены светящиеся плоды кустарников. Их желтоватый свет едва освещал пол, зато крупные грани кристаллов в стенах вспыхивали бесчисленными таинственными огнями. Плоды приносили снизу охотники, а ей еще ни разу не удалось побывать ниже охранного яруса. Только через две ступени, когда она сдаст экзамены, ее впервые возьмут в нижний дозор. В колонии не было различий между мужчинами и женщинами, все пользовались одинаковыми правами, и на всех лежали одинаковые обязанности. Но старшие старались уберечь неопытных юнцов от бесчисленных опасностей, которыми грозил Синий лес. Правила были строги, и никто не смел их нарушать. Еще два бесконечно долгих сезона туманов ей придется прорвать в наглухо замурованных подземельях, постигая сложную военную науку, прежде чем она хоть что-то узнает об огромном и ярком мире, широко раскинувшемся вокруг. А пока ее крохотный мирок ограничивался подземными переходами, площадкой возле пещеры да еще тропинкой к высокогорному озеру, в котором они ловили креветок. Скоро и этого не станет... До сезона туманов осталось не больше двух недель... Уже сейчас с наступле-

нием темноты закрывались все входы. Мощные излучатели и силовая защита прикрывали людей как панцирь. Все длиннее становились ночи, все короче дни... Через две недели солнце в последний раз выглядит из-за горизонта, и здесь, в южном полушарии, наступит долгая шестимесячная ночь... Сезон туманов.

Узкая тропинка вывела девушку к озеру. Его длинная зеленая чаша лежала перед ней в кольце рыжеватых скал. На их вершинах кое-где появились уже белые проплешины снега. Воздух становился все холоднее. До захода осталось часов пять, у нее было достаточно времени, чтобы наловить креветок и искупаться. Анна хорошо плавала и любила короткие купания в обжигающей ледяной воде.

Девушка отвязала пластмассовую плоскодонку и резко оттолкнулась. У правого берега под самыми скалами виднелось несколько лодок, но ей хотелось побывать одной. За долгие месяцы ночного заточения в тесных подземельях люди научились дорожить короткими часами одиночества. Лодка шла быстро и легко слушалась двухластного весла. Она направила ее к завалу в самом конце озера, туда, где начинался Белый каньон. Его называли Белым не зря; перевалившая через перемычку вода становилась седой от пены на своем стремительном пути вниз. Шум потока заглушал здесь все другие звуки, и нужны были большое искусство и точный расчет, чтобы удержать легкую лодку на той невидимой грани, где сила устремлявшейся через перемычку воды окажется непреодолимой. На сильном течении брали наживку самые крупные креветки. Она швырнула снасть далеко в сторону, резким толчком весла развернула лодку кормой к перемычке и стала выгребать против потока. Течение отнесло снасть к самому порогу, и вскоре она почувствовала первый рывок добычи.

Больше всего креветка походила на толстую колбасу, составленную из находивших друг на друга сегментов. У нее не было ни ног, ни клешней. Только мощный хвост и большая зубастая пасть. Весила такая колбаска не меньше двух килограммов, и стоило немалого труда перетянуть ее через борт одной рукой, одновременно удерживая лодку на месте. Она еще дважды забросила снасть, и вскоре на дне лодки забилась вторая креветка. На третьем забросе снасть зацепилась. Анна ослабила леску и попробовала рывком в сторону освободить крючок — ничего не вышло.

Еще несколько безрезультатных попыток, и пришлось достать нож, чтобы перерезать леску. В лицо ударили резкий порывистый ветер, погода портилась. Рыбалка явно не удалась. С досадой Анна перерубила леску. Несколько сильных взмахов, но лодка осталась почти на месте...

Вначале это ее не встревожило. Девушка ниже пригнулась, чаще заработала веслом. Но через пять минут продвинулась едва ли на метр. Для того чтобы вырваться из стремнины, нужно было пройти по крайней мере метров десять, и она поняла, что сил преодолеть эти десять метров у нее не хватит. В лодке был небольшой, но мощный электрический мотор. Она не любила им пользоваться, предпочитая весла. Но здесь, у перемычки, с течением шутить не стоило. Щелчок тумблера, нос лодки приподнялся, и суденышко рванулось вперед. Но лишь на секунду... Почти сразу гудение сменилось протяжным свистом, потом щипением, и наступила короткая страшная тишина. Лодку несло к завалу... Анна боролась отчаянно, но теперь это было бесполезно. Она потеряла слишком много времени, запуская мотор. Через несколько секунд яркая лодочка, мелькнув в последний раз на гребне перемычки, понеслась вниз вместе с ревущей водой. Почти сразу Анна поняла, что удержать лодку на поверхности не так уж трудно. Нужно лишь держаться подальше от берегов. Здесь не было ни подводных камней, ни перекатов, слишком велика была сила воды, несущейся по дну каньона.

Она не успела как следует испугаться, не осталось на это времени. Все внимание поглощало управление лодкой. Вспомнила, что некоторые охотники пользовались этим путем, когда очень спешили. Внизу русло потока постепенно распрямлялось. Вода замедляла свое движение, стены ущелья становились не такими крутыми. Если ей удастся удержаться на середине стремнины, не разбить лодку на первых, самых опасных метрах, все еще может обойтись... Она старалась не думать о том, что Белый каньон кончался далеко внизу, в самом центре Синего леса...

Оставшись один, Ротанов определился по солнцу. Возвращаться к кораблю было бессмысленно — там на верняка засада. Теперь у него оставалась только одна дорога, та, которую указал Филин. Сорок километров, конечно, многовато, к тому же скоро наступит ночь, а он ничего не знает об этом лесе... Жаль, у него нет ни-

какого оружия. С ним в чужом лесу чувствуешь себя уверенней. По данным автоматических разведчиков, обследовавших планету задолго до первых поселенцев, здесь не было крупных животных. Но Ротанов не привык полностью доверять отчетам, к тому же таким старым. Чужой лес всегда таит в себе немало опасных неожиданностей.

Вот и здесь с первых шагов начались неприятности, трава подлеска не желала сгибаться под его весом, предпочитала впиваться в подошву. Он представил, каково по такой травке пробежаться босиком. Подлесок почти весь состоял из знакомых «войлочных» кустов, словно связанных из стальной проволоки. Сами же деревья по своей конструкции напоминали земные пальмы. Короткий чешуйчатый ствол и огромные листья, уходящие далеко вверх. Он задрал голову и долго рассматривал эти листья, похожие на крылья летучих мышей, пронизанные фиолетовыми жилками, с полупрозрачной перепонкой. Солнечный свет, просочившись через них, приобретал неестественный фиолетовый оттенок, и, наверно, от этого все вокруг казалось немного ненастоящим, как декорация в театре. Ротанов пожалел, что он выступал не в роли зрителя, потому что хорошо знал, какие «актеры» время от времени появляются на такой сцене.

Проще всего было двигаться сквозь заросли вдоль реки, у берега они всегда реже. Отыскать реку нетрудно при таком обилии влаги. Нужно только определить общий рельеф местности, найти водораздел. Растительность ограничивала обзор. Тогда Ротанов выбрал дерево покрупнее. На чешуйчатый ствол взобраться нетрудно. Интересно, выдержат ли его листья? Он накинул на толстый водянистый черешок пояс и повис на нем всей тяжестью. Лист даже не наклонился. Ну что же, можно попробовать... Хотя чужие деревья иногда выкидывают фокусы, но если соблюдать осторожность... Деревоказалось вполне миролюбивым. Он поставил ногу на толстую чешуйку ствола, как на ступеньку, и осторожно подтянулся, готовый прыгнуть в сторону. Ничего не случилось. Еще шаг вверх, и новая остановка — все шло благополучно. Минут через пять он добрался до нижнего яруса листьев и только тогда почувствовал запах. Пахло чем-то сладковатым, противным, но запах был несильным. С минуту Ротанов раздумывал, потом полез дальше. Оставалось совсем немного подняться, метра два, и он сможет осмотреться. Запах шел какой-то въедливый, приторный и все время едва

заметно менялся. Ротанов не мог с точностью сказать, чем именно пахло, но пахло чем-то определенно знакомым. Может быть, падалью или порохом, а может быть, кровью... У него слегка закружилась голова. Кажется, пора спускаться, но он уже достиг цели, последнее движение — и в широкой развилке между листвами справа блеснула река, совсем близко. Он засек направление и, стараясь не дышать носом, начал спускаться. Проклятое дерево... Запах проникал сквозь стиснутые зубы, просачивался во все поры его тела. Он видел толстые, как нарывы, узлы на листвах, полные желтоватого сока. Запах шел именно от них. Теперь пахло железом. Ржавым железом. Краской. Металлом и порохом. Запахи шли волной друг за другом в строгом порядке, выстраивались в определенную картину. Словно дерево что-то хотело сказать... Чушь... Просто кружится голова, и нужно скорее вниз на землю, осталось совсем немного, метров шесть, но он уже видел: стальная громада тяжело присела на лапах гусениц, распялив свою широкую глотку в синее безоблачное небо. Густо смазанное, ухоженное металлическое чудовище, до отказа набитое кровью и смертью... Около него застыли маленькие человеческие фигурки, они неподвижны, как и вся картина.

Порыв ветра, и стальная громада заколыхалась, разлетелась клочьями... Он висел на одной руке, пальцы закостенели, голова гудела. Рванувшись, преодолел последние метры, спрыгнул и отбежал в сторону. Ноги плохо слушались, голова кружилась, и к горлу подступала тошнота. Несколько минут приходил в себя. Картина была слишком четкой, слишком реальной... Картина, нарисованная запахом? Дерево — художник? Или фотограф? Скорее всего последнее... Для того чтобы изобразить эту неуклюжую штуку, ее надо было увидеть. Старинная реактивная пушка... Вот, значит, что там такое рявкало, над городом... Да у них здесь настоящие боевые действия, с применением тяжелой техники... Постой, не могло же дерево видеть, у него нет глаз, или могло? Передача видеинформации с помощью запахов? Для этого нужен сложный приемник, очень сложный... Такой, например, как человеческий мозг, только тогда это дерево имело смысл, и вряд ли оно возникло в результате простой эволюции... Эволюция никогда не создает ничего бесполезного. Все здесь было сложным, слишком сложным, стоило чуть-чуть глубже проникнуть сквозь то, что лежало на поверхности, с виду совсем простое...

Всего через сорок метров он наткнулся на ржавый искореженный остов реактивной пушки. Судя по толстому слою ржавчины, она стояла здесь не один год, и если бы не картина, увиденная с дерева, он не смог бы даже определить тип этого устройства. Кто-то с ожесточением искромсал ее металлическое тело, разбросал во все стороны листы обшивки, расплавил и согнул направляющие полозья. Но, разглядывая эти ржавые металлические останки, он все еще видел ухоженное металлическое жерло, направленное круто вверх... Похоже, эта планета обладала незаурядной памятью... Кто их поставил, эти деревья, зачем? Он еще раз обошел место давнего боя. Время и влага уничтожили все следы... Лет через десять и этот остов превратится в желтый порошок, его развеет ветер, а дерево будет помнить, хранить в своих пахучих недрах некогда полученную информацию... Для кого?

Он пошел дальше. Теперь до берега оставалось совсем немного.

Огромный золотистый жук жужжал слишком громко. И все время назойливо вертелся почти рядом. Анна пыталась отогнать его камнями, но он не обращал на ее усилия ни малейшего внимания, тупо кружась вокруг ведомой ему одному чересчур близкой от нее цели... Прошло не больше пяти минут, как она выбралась из потока. Ее унесло далеко. Слишком далеко... Она промокла до нитки, и теперь от пронизывающего холодного ветра ее всю колотил озноб. Она стояла у самого берега, рискуя снова свалиться в стремнину и не смея сделать лишнего шага, потому что вплотную к берегу громоздились гигантские, усаженные фиолетовыми листьями деревья... Синий лес... Даже самые опытные охотники не смели нарушать его покой в это время. Нет человеку отсюда возврата. Никто не возвращался из леса ночью, накануне сезона туманов... Значит, не вернется и она. До заката оставалось не больше двух часов...

Она оглянулась. Нос лодки плотно заклинило в расщелине. Бесло сломалось. Да и сама лодка треснула от последнего удара. Там должна быть сумка... Нужно разжечь костер, обсушиться и хоть немного согреться.

Пропитанные смолистым соком ветви занялись ровным коптящим пламенем. Охотники говорили, что особенно опасен в лесу огонь, но она совершенно закостенела от холода... Теперь жаркое пламя высушит ее одежду... Она чувствовала, как живительное тепло посте-

пенно обволакивает ее, и продолжала подбрасывать сучья. В сумке, кроме сухих лепешек и зажигалки, лежали три ребристых стальных цилиндра. Тяжелые и вполне надежные с виду... Протонные гранаты, ее последняя защита. Она подумала, что держится в общем неплохо, почти спокойно готовится к неизбежному и сразу поняла, отчего это. Она просто не верила, что мир для нее может исчезнуть навсегда, не верила, что последний раз видит сегодня закат солнца. Лес притаился совсем рядом, молчаливый и равнодушный, даже жук улетел, отпугнутый дымом костра. Эти деревья стоят здесь, наверно, не меньше тысячи лет. Они появились задолго до того, как люди прилетели на планету, и будут стоять так же, когда нас не станет. Незванные гости, пришельцы — вот кто мы такие для этого леса. Он ждет своего часа, и теперь уже скоро... Скоро здесь не останется людей, и все вернется на изначальный круг. Почти сразу же ей вспомнились леса далекой Земли. Она видела их только в кино. «Конечно, это только красивая выдумка, про земные леса... Там можно развести костер и сидеть у него ночь напролет, никого не надо бояться...» Она сильнее стиснула в руках свою последнюю защиту — сумку с гранатами — и подбросила в огонь новые ветки. Пламя костра порождало иллюзию безопасности, дальше отодвигало круг постепенно сгущавшейся темноты.

Красноватое зарево, видное за много километров на открытом берегу реки, встало над лесом как вызов. Может быть, лес удивился впервые за тысячу лет наивной дерзости человека? Или леса не способны удивляться ни на одной планете? Во всяком случае, что-то шевельнулось в его глубине, что-то вязкое и бесформенное, похожее на липкий клубок тумана дернулось и опало, запутавшись в цепких руках кустов, рванулось раз, другой и снова бесильно опустилось на колючую подушку травы, растеклось по ней, мелкими ручейками просочилось вниз до самой земли и медленно неотвратимо поползло туда, где горел огонь.

Второй час Ротанов шел вдоль берега. Иногда заросли непроходимой стеной подступали к самой воде, и тогда ему приходилось делать далекие обходы, но в общем двигаться вдоль реки стало легче. Река постоянно петляла. Какое-то время она сохраняла общее направление на юг, потом резко свернула в сторону. Ротанов по-прежнему шел вдоль берега, надеясь, что река вновь

изменит направление. Но этого не случилось, и он уже совсем было собрался покинуть реку, когда заметил на листьях дальних деревьев красноватые блики, похожие на отблески костра... Он прошел еще немного, осторожно раздвинул колючие кусты и увидел сидящую у огня девушку. «Почти идиллия. Такой мирный, земной пейзаж. Не меня ли она тут поджидает?» После встречи в городе он уже ничему не удивлялся. Если она ждет его, то прятаться тем более глупо... Ротанов медленно вышел на открытое место. Она сразу же вскочила и прижала к груди маленький черный шарик.

— Не подходите!

Он остановился. Смотрел на ее побелевшие пальцы, стиснувшие черный цилиндр.

— У вас тут так принято? Всех встречать оружием? Отпустите чеку! — почти зло крикнул Ротанов, и она послушалась. Может быть, на нее подействовала усталость и злость в его голосе. Он даже не пытался выяснить, какого дьявола она тут делает одна у этого костра, посреди замершего перед закатом леса. Ему начинали надоедать все эти штучки, все эти девицы, похожие на роботов, с человеческой кожей, под которой не было плоти...

Он прошел прямо к костру, присел на корточки и протянул к огню озябшие руки. По крайней мере, огонь настоящий, без подделки. Краем глаза он заметил, что она попятилась при его приближении, и рука ее вновь напряглась, потянулась к цилиндру.

— Не делайте глупостей. Вас же не за тем сюда послали, чтобы устраивать взрывы.

Наконец он оторвал взгляд от огня и посмотрел ей прямо в лицо. Его просто обдало волной ужаса, который исходил от ее побелевших губ и расширенных застывших глаз. Те, кого он встречал в городе, не проявляли подобных эмоций, разве что Филин... Вдруг его взяло сомнение.

— До сих пор меня еще никто здесь не боялся...

— Ну чего вы ждете?! — вдруг крикнула она.— Только у вас ничего не выйдет! Это протонная граната, и я выдерну чеку прежде...

— У вас тут все походили с ума. Давно. Сумасшедший дом, а не планета. Что у вас с ногой? — Его вопрос слегка сбил ее с толку, он именно этого и добивался. Прежде всего нужно было разрядить обстановку, от страха она и в самом деле в любую секунду могла сорвать чеку.

— Это... Это неважно, царапина, какое это имеет...

— Имеет. Кровь? Ну конечно... Мне надо было сразу догадаться, чего вы так боитесь. Вот смотрите.

Он встал и показал ей руку, которой только что раздвигал кусты. На коже отчетливо проступали следы свежих царапин. Ее глаза потемнели, безвольно опустились и разжались руки. Граната выпала и покатилась по песку.

— Но этого не может быть... Я всех знаю, всех наших, их не так уж много...

— Меня вы не знаете потому, что я прилетел совсем недавно.

— Прилетели?! Откуда?

Он услышал, что ее голос прерывается от волнения, от желания поверить в чудо. Сейчас только чудо и могло ее спасти.

И тогда, усмехнувшись, он просвистел мотив старой песенки о зеленой планете, которая была когда-то своеобразным гимном тех, кто улетел завоевывать новые звезды. Она резко отрицательно замотала головой, и он заметил, как у нее на глазах проступили слезы.

— Не надо! Этого не может быть! Не может!

— Ну вот наконец-то меня встретили как надо. Девушки всегда плачут, когда прилетает корабль с Земли, только они плачут от радости...

И вдруг она ему поверила, поверила потому, что лишенные всего, забитые, загнанные, все еще не сложившие оружия, но почти потерявшие надежду, они мечтали об этом корабле, ждали его, искали вечерами маленькую огненную точку, прокладывающую среди звезд свой собственный маршрут... И сейчас наступила реакция. Анна почувствовала, как слезы хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Ну, ну, полно... Расскажите лучше, как вы здесь очутились.

— Я сейчас, подождите... — Она всхлипнула еще раза два, отвернулась, вытерла лицо. И вдруг резко без всякого перехода спросила: — Постойте! А где ваш корабль, почему вы один?

— Корабль? Корабль далеко. Его захватили те, из города. Я прилетел один.

— А оружие, скафандр? Впрочем, скафандр не поможет... Вы же ничего не знаете! — В голосе ее звучала тревога, невольно передавшаяся Ротанову. Теперь она была по-деловому сосредоточенна, готова встретить опасность

лицом к лицу, как умели они все, дети этого жестокого мира.

— Потушите костер, скорее... Возьмите гранату, ту, на песке. Вы знаете, как с ней обращаться?

— Может, вы сначала объясните, в чем дело?

— Потом. В сумке есть карта, как я сразу не догадалась... Ведь третий пост совсем близко, километров десять. Туда еще можно добраться. Самое трудное — переправиться: нужен плот, потому что от моей лодки почти ничего не осталось.

— Объясните наконец, что вы задумали, зачем нам плот?

— Наша база далеко, там, в горах.— Она махнула рукой в сторону далеких вершин, уже скрытых синевой сумерек.— Меня унесло потоком. Но здесь поблизости есть временная база охотников, мы зовем ее третьим постом. Да не стойте же! Ищите дерево для плота!

Древесина была легкой, как пробка, оказалось достаточно всего двух бревен. Прежде чем оттолкнуть плот, она внимательно осмотрелась.

— Приготовьте гранату, но кидайте, только если я скажу. Если что-нибудь случится, вот здесь в сумке карта и компас, азимут я отметила. Через десять километров вы увидите отдельно стоящую скалу, в ней пещера охотников. Будьте осторожны при подходе к пещере. Ночью они стреляют во все, что движется. Вы должны дойти, слышите? Должны!

— Успокойтесь. Мы вместе дойдем.

Он почувствовал, как ее горячая шершавая ладонь сжала ему руку и тут же отпустила.

— Ну а теперь вперед. И молчите! Мне нужно слышать малейший шорох. Иногда их выдает шум...

Она резко оттолкнулась шестом, и течение сразу же подхватило плот. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и заря почти сразу поблекла. Чуть слышно журчала вода под ногами. Ротанов молчал и думал о том, как много мужества нужно людям на этой планете, для того чтобы остаться людьми...

Плот словно растворился в сумерках. Берегов не было видно, река текла бесшумно и плавно, казалось, они никуда не движутся. Плот пронирался сквозь плотную серую вату, в которую превратилось окружающее пространство. Но вот резкий толчок едва не сбросил их в воду, и сразу же Ротанов увидел противоположный берег в двух шагах от себя. Девушка спрыгнула и ждала его, повернувшись

лицом к реке. Сзади послышалось резкое шипение, словно кто-то стравливал пар под высоким давлением. Ротанов резко повернулся, но ничего не увидел, кроме плавающего над рекой плотного тумана. Но, наверно, все-таки там что-то было, потому что Анна широко размахнулась и бросила в реку гранату. Ослепительный синий протуберанец взметнулся вверх, и стало светло как днем. Но и тогда Ротанов ничего не увидел. Он все еще стоял на плоту. В разные стороны летели разорванные взрывом клочья тумана, клубился пар, и это было все. Горячая волна воздуха толкнула его в грудь. Толчок был гораздо слабее, чем он ожидал после такого взрыва.

— Да прыгайте же наконец! — крикнула Анна, и он почти сразу очутился на берегу рядом с ней.

— По-моему, ничего не было. Зря израсходовали гранату.

— Скорее. Теперь они нас догонят.

Минут тридцать они молча с ожесточением продирались через колючие заросли. Ротанов чувствовал, что задыхается. Все его силы уходили только на то, чтобы не отстать от нее, а ведь он шел вторым... Он уже хотел попросить ее идти потише, наплевав на мужское самолюбие, но, к счастью, заросли расступились, выпустив их на небольшую поляну.

Анна обернулась, и в эту секунду он перестал ее видеть, потому что глаза закрыла мутная завеса. Впечатление было такое, словно ему на голову опрокинули ведро с молоком. Он услышал, как вскрикнула девушка, рванулся к ней, но не смог двинуться с места. Руки и ноги слушались, но каждое движение стоило огромных усилий, словно на него надели плотный мешок из резины. Он не знал, удалось ли ему продвинуться хоть на метр, потому что больше ничего не слышал и не видел. Потом в ушах раздались ритмичные глухие удары, словно включили метроном, сдавило виски. Но пока он еще контролировал все свои движения, а в ушах просто стучала от напряжения кровь.

Он вновь изо всех сил рванулся, стараясь вырваться из этой непонятной вязкой массы, облепившей все его тело. Ее плотность и давление все время менялись. Она вся пульсировала и то поддавалась его усилиям, то будто застыла в сплошной монолит, и тогда он не мог шевельнуться. Он не знал, сколько времени это продолжалось — минуту или час. Но после очередной попытки освободиться заметил, что пелена вокруг глаз редеет, и

почти сразу увидел звездное небо. Что-то беловатое, похожее на клубы пара стекало с его плеч на землю, рас текалось по ней плотным слоем метровой высоты и уползало прочь. Анны нигде не было видно. Он вспомнил про гранату, которую она ему дала. Последние хвосты белесой дряни уползали с поляны в заросли кустов. Он метнул им вслед гранату. На несколько секунд стало светло.

Девушка лежала посреди поляны, неловко подогнув руку. Пульс прослушивался очень слабо, а лицо в отблесках догорающих кустов показалось ему смертельно бледным. Ротанов беспомощно шарил по карманам, заранее зная, что аптечки с ним нет. Он подхватил ее на руки, почти автоматически отметил по звездам нужное направление и пошел вперед.

6

Из города Филин выбрался подозрительно легко, и это его не радовало, потому что после такой упорной уличной схватки так просто его не могли выпустить, и, значит, что-то готовилось. До сих пор сингллы не решались преследовать их дальние окраины. Они были мастерами по части неожиданностей и сюрпризов.

Взять хоть историю с пилотом, как ловко они организовали засаду... Даже он со всем своим опытом не заметил сразу, и они сумели отрезать пилота и почти наверняка захватили. Теперь придется его выручать. Будь это пораньше, задача не была бы такой трудной. Летом подавляющий перевес в уличных схватках сохранялся за ними. Другое дело сейчас, накануне сезона туманов, когда ночью из пещер носа не высунешь. Он не стал долго над этим раздумывать, потому что практические задачи привык решать по ходу дела, действием, а не сложными рассуждениями. Знал, что, как только доберется до своих и вернется в город с отрядом, пилота они выручат.

Рыжеватая пыль под ногами сменилась россыпью гладких полупрозрачных камней. В вечерних лучах солнца они были красивы. Бесчисленные цветные зайчики прыгали по полированной поверхности словно подсвеченные изнутри камней. Он терпеть не мог этого места, скользкие камни разъезжались при каждом шаге, и нужна была недюжинная ловкость, чтобы пройти здесь.

Теперь уже скоро должен был показаться четвертый пост. Россыпь кончилась, он стал проридаться сквозь

кустарники, окружавшие уже самый пост. Такие посты опоясывали весь город радиусом в десять километров и служили опорной базой для дневных операций. На ночь людей там не оставалось. Четвертый пост поставили совсем недавно, за два дня до его последней вылазки в город. Им еще не пользовались, а Филин всегда предпочитал выбирать для возвращения такие вот резервные, наверняка неизвестные синглитам посты.

Долгие годы войны научили его осторожности.

Пост представлял собой маленькую бревенчатую хижину в глубине леса. Там должны были дежурить три человека. Всех он не помнил. Только старшего назначал сам, и это был Гэй, молодой парень, которому Филин втайне симпатизировал, хотя и не подавал вида, так как считал всякие сантименты между мужчинами не только излишними, но и вредными для бойца. Хижина показалась среди зарослей, и он предвкушал уже вкусный обед, короткий отдых и откровенную радость Гэя, которую так и не научил его скрывать.

Однако пора часовому обратить на него внимание. Филин нарочно шел, шумно ломая ветки, чтобы часовой заметил его издали. Пятьдесят метров, сорок... Фил остановился. Что-то не так. Цепким внимательным взглядом он окинул пространство вокруг хижины, отметил про себя полную неподвижность окрестных зарослей, приоткрытую дверь, консервные банки, валявшиеся около самого порога. Гэй никогда не оставил бы здесь банок. Никто из них не оставил бы... Слишком они заметны. Филин медленно и бесшумно опустился в траву, растворился в ней, исчез. Теперь его нельзя было заметить даже в метре от того места, где он лежал. Сине-зеленая пятнистая куртка, такая нелепая в городе, здесь совершенно сливалась с окружающей растительностью.

Прошел час. Казалось, ни в хижине, ни в ее окрестностях нет ни одного живого существа, но Филин уже знал, что это не так. Золотистый навозник, жук величиной с добрую курицу, никак не хотел улетать от кустов, в трех метрах правее хижины. Он то и дело садился на эти кусты, взлетал, описывал короткие круги и садился снова. Там было для него что-то привлекательное. И не трудно было представить себе, что это такое... Сжав кулачи так, что побелели кисти рук, Филин медленно пополз среди зарослей. Он оставил хижину далеко в стороне и подполз к месту, где сидел жук, с противоположной

стороны. Гэй лежал в траве ничком, прикрыв голову руками. Как всегда, на теле не было ни малейшей ранки. Полный упадок сил, потом шок. Они выкачали из него все, что недавно было Гэем, осталась только эта непонадобившаяся оболочка... Какое-то время жизнь еще теплилась в ней. Сейчас тело было уже мертвое, а сам Гэй умер гораздо раньше...

Горечь и боль заставили его забыть об осторожности. Он дважды выстрелил в навозника из теплового излучателя. Яркие вспышки были заметны с большого расстояния, но ему стало все равно. Взяв на руки тело юноши, он вошел в хижину. Никого. Повсюду валялись разбросанные вещи, переломанная мебель. Он беспомощно огляделясь — Гэя некуда было положить. От стола ничего не осталось. В конце концов он положил его прямо на пол и долго стоял рядом. Рано или поздно он сам будет лежать точно так же, и хорошо, если кто-то из товарищей сможет с ним проститься. Они редко находили тела погибших в этой борьбе, конца которой не видно.

Постепенно Филин стал выбираться из своей непролазной горечи, потому что мысли непроизвольно все время цеплялись за что-то важное, за что-то такое, о чем он не имел права забывать... Пост, ну, конечно, пост. О нем никто не знал, почти никто. Случайно наткнулись? Нет. Это исключено. Для того чтобы захватить пост врасплох, надо знать, где его искать, нужны точные сведения о том, когда именно бывают здесь люди, потому что делать засаду в самом посту бесполезно и опасно. Там оставались мины, ловушки, приборы обнаружения, и они это знали... Кроме всего прочего, для того чтобы захватить людей живыми, а они всегда стремились только к этому, потому что убитые в схватке теряли для этих проклятых пауков всякую ценность. Так вот, для того чтобы захватить их живыми, нужно было знать точные места, в которых выставляются наряды. А об этом, кроме него и тех, кто стоял в этих самых нарядах, знали еще только два человека...

За последнее время все чаще стали погибать их передовые посты. Слишком часто появлялись засады и ловушки именно там, где должны были пройти люди. Слишком часто. Об этом он подумает потом. Когда похоронит Гэя и догонит тех, кто побывал здесь сутки назад. Вряд ли они ушли далеко. Для такой операции им нужно было тащить с собой много баражла. Ему придется действовать вдвойне осторожней, база должна получить известия о пилоте во

что бы то ни стало. Он знал, что не имеет права рисковать, и ничего не мог с собой поделать, не будет ему покоя, пока те, кто убил Гэя, ходят по этому лесу.

Трижды он обошел хижину и нашел след. Они не особенно прятались. Кажется, они совсем перестали бояться. Значит, знали, что сюда в ближайшую неделю никто не придет. Он и сам выбрал этот пост в последний момент перед возвращением. Проложенная в кустах тропинка уходила к югу, но ему ничего не стоило находить след даже потом, когда тропинка исчезла.

Он нагнал отряд синглотов незадолго до заката. Времени оставалось в обрез. Двенадцать сгорбленных фигур с тяжелыми заплечными мешками пробирались через заросли. Их было слышно метров за двести. Те, что шли впереди, несли тяжелое реактивное ружье и куб электронного искателя. Нужно было кончить все сразу, одним ударом, потому что, если они уцелеют до темноты, ему несдобровать. Он достал излучатель, опустил предохранитель до отметки максимальной мощности и ударил по ним сзади расширенным до предела лучом. Но он немного опоздал. Тот, что шел впереди с искателем, уже издал предостерегающий крик. И прежде чем он успел опустить излучатель на нужный угол, шестеро или семеро из них лежали в траве. Он срезал четверых, но тех, кто лежал на земле, луч не достал — мешали мокрые плотные кусты. Он ничего не мог сделать. Пришлось отступить. И теперь они сами оказались у него за спиной. В искателе наверняка была кассета с образцом его запаха. Они знали, кто на них напал, и могли следить за всеми его маневрами. Ситуация сразу стала для него чрезвычайно опасной. Теперь это походило на поединок зрячих со слепым. Они могли контролировать каждый его шаг на расстоянии не менее ста метров, он же в быстро сгущавшихся сумерках терял последние возможности ориентироваться и вынужден был прекратить преследование, свернуть к базе, времени уже не оставалось, вот-вот должны были появиться люссы...

Он нырнул в узкую ложбинку, переходившую в глубокий овраг, и побежал по его дну, стараясь оторваться от преследователей. Но овраг вскоре кончился, и, прежде чем подняться на его верх, он замер прислушиваясь. Справа от него, на краю склона, слышался какой-то шорох. Значит, они догадались, опередили, и он проиграл еще одно очко в этом поединке, может быть, последнее... Теперь ему придется подниматься под их выстрелами, и,

если он промедлит еще хотя бы секунду, они его накроют прямо здесь. Он рванулся вверх по левому склону. «Только бы успеть выбраться из этого проклятого оврага, прежде чем они начнут стрелять!» Но он не успел. Первый выстрел настиг его метрах в трех от края. Снаряд реактивного ружья ударили чуть ниже, и волной его подбросило почти до самого верха. К счастью, он не потерял сознания от этого удара. Одним прыжком он выбрался из оврага и сразу упал.

Оставляя за собой длинный шлейф дыма, над головой с воем пронесся снаряд и ударили в деревья где-то в стороне. Теперь его не достать. Теперь им самим придется сначала перебраться через овраг, и они, конечно, не такие дураки, чтобы лезть напролом под его выстрелы. Значит, пойдут в обход.

Он прикинул, что минут пять у него есть в запасе, и расстегнул куртку. Вся правая сторона предплечья превратилась в багровый синяк. Боль от последнего удара только сейчас навалилась на него со всей силой. Он пошарил в своей видавшей виды котомке, достал с самого dna тряпичный узелок с корнем красаны, смешал сухой порошок с горстью воды из фляги и тщательно растер ушибленное место. Боль стала отступать. Красана действовала почти мгновенно, без нее не выходил в путь ни один охотник.

Теперь нужно было что-то придумать, найти какой-то выход за те немногие оставшиеся у него минуты. Если он этого не сделает, если и дальше будет действовать вслепую, с ним очень скоро покончат, не они, так люсы... Времени у него нет, в этом все дело. Поздно он ввязался в драку, перед самым закатом... И еще этот искатель с его запахом... Он не ускользнет от них, не сумеет затаиться, спрятаться, придется принимать последний бой. Не зря он ждал какой-нибудь пакости, когда так легко ушел из города. У них была кассета, и откуда-то они узнали о его намерениях. Разгромленный пост был хорошей приманкой. Похоже, он попался на этот раз. Не помог весь его опыт.

Он осторожно приподнялся, осмотрелся, стараясь угадать, с какой стороны они подойдут. Боли не было, но зато он чувствовал слабость. В ушах звенело, и подступала тошнота, контузия не прошла даром. Наверно, из-за этого звона он не услышал шума за своей спиной. И когда из кустов на него бросился первый из них, было уже поздно. Его-то он отшвырнул, сбросил с

себя, но они все были здесь, подошли раньше, чем он ждал, и теперь на него смотрели со всех сторон ощерившиеся, короткие стволы лучеметов.

Терять было нечего. Единственно, что ему осталось, спровоцировать их на стрельбу, чтобы его не взяли живым, как Гэя. Он прыгнул в сторону, упал и покатился в кусты, каждую секунду ожидая жгущего последнего удара лучемета. Но они не стали стрелять, его расчет не оправдался. На него набросили веревочную сеть и затянули концы. «Все у них предусмотрено. Выходят, как на зверей». Он рванулся пару раз, увидел перед лицом терсиловое волокно сети, которое не поддавалось даже автогену, расслабился и закрыл глаза: «Ну все. Недалеко я от тебя ушел, Гэй. Вот и мой черед настал».

Каждый вечер из лесу выплывали густые облака тумана. Наступало их время пока только ночью. Позже, когда повысится влажность воздуха, понизится температура и наступит непрерывная шестимесячная зимняя ночь, они станут безраздельными хозяевами планеты. А сейчас, пока сезон туманов полностью не вступил в свои права, им хватало и ночи.

Слоистые полотнища то расползались по земле, то сливались друг с другом. Издали они напоминали огромную голодную амебу, протянувшую во все стороны щупальца своих ложноножек. Знакомый запах давно не давал ей покоя. Он был где-то здесь, совсем близко. Из каждой щели одиноко стоявшей на опушке леса скалы сочился запах людей. Амеба окутала своим теплом всю скалу снизу доверху. Она искала малейшую щель и в конце концов нашла ее. Входная дверь закрывалась недостаточно плотно. Но люди приняли здесь дополнительные меры предосторожности. В коридоре нежное парообразное тело наткнулось на безжалостный поток нейтронов, мгновенно уничтоживший миллиарды живых частиц, проникших в пещеру. Амеба дернулась от нестерпимой боли, на несколько секунд ее тело потеряло устойчивость, расползлось на отдельные, разбегавшиеся в разные стороны клочья, но вот словно неслышный приказ одновременно остановил их движение. Медленно, точно нехотя, клочья поползли обратно, влились в основную массу тумана, окружавшего скалу. Часа три туман оставался совершенно неподвижным, и теперь уже ничем не напоминал живое существо. Не-

обычным было лишь само расположение плотного густка, равномерным слоем покрывающего всю скалу от подножия до вершины. Внутри скалы в небольшой пещере на двух десятках квадратных метров пространства, отвоеванных у каменной тверди, спало вповалку человек двадцать.

Двое дежурных, сидевших за столом у входа напротив распределительного щита генератора нейтронов, сразу же заметили скачок мощности, но не увидели в этом ничего необычного. Нападение повторялось каждую ночь. Проникнуть в скалу снаружи, пока работал генератор, было невозможно. Обязанность дежурных как раз и состояла в том, чтобы следить за его бесперебойной работой. Они хорошо знали, что после неудачной попытки прорваться противник будет ждать до утра. Раньше, когда у них была лишняя энергия, люди могли позволить себе ответную атаку. Сейчас они вынуждены ждать наступления утра, когда солнце загонит луссов обратно в их норы.

Оба дежурных обменялись взглядом и поудобнее устроились у своих пультов. Ночь едва наступила, до рассвета не меньше шестнадцати часов, а эта липкая мразь, что растеклась сейчас по поверхности скалы, будет ждать всю ночь, и все последующие, ждать бесконечно долго и терпеливо, раз за разом повторяя свои бесполезные на первый взгляд попытки, но это только на первый взгляд, потому что рано или поздно что-нибудь да случится... Откажет какой-нибудь блок генератора, замешкается дежурный, не хватит энергии в накопителях...

— Может, разбудить инженера? Длительная атака сегодня, хорошо бы врезать этой гадине...

— Он все равно не позволит.

— Зачем вообще он приехал?

— А кто его знает... Он мне не докладывает, но только я слышал, будем возвращаться на основную базу.

— Что-то рано в этом году, синглиты перекроют дороги.

— Что ему синглиты, у него свои планы... Ему ни своих, ни чужих не жалко.

— Да... Совсем ожесточился человек. Филина бы дождаться, он нас в обиду не даст.

Сигнальная лампа на щите ярко вспыхнула и не желала гаснуть. Это означало, что генератор непрерывно забирает из накопителей всю мощность, превращая

ее в жесткое излучение. Обычно хватало секундного укола излучения, но на этот раз, не успев погаснуть, лампа вспыхнула снова. Сомнений не оставалось: снаружи происходило что-то из ряда вон выходящее. Оба, не сговариваясь, вскочили со своих мест, включили сирену и бросились к выходу.

Узкий проход сворачивал почти под прямым углом, за поворотом в темное жерло пещеры по направлению к выходу смотрели раструбы резервных излучателей. Стены пещеры еще не остывали от теплового удара и светились в темноте вишневым светом. Узкое ответвление от основного хода заканчивалось небольшой кабиной. Здесь располагалась аппаратура наружного наблюдения. Ее специально вынесли подальше. Провода локаторных антенн и трубы перископов ослабляли естественную защиту скалы, здесь опасность прорыва была особенно велика, и потому сразу же за поворотом располагался третий, резервный, ярус излучателей, который в случае прорыва включится автоматически и отрежет им обратный путь. Но сейчас они не думали об этом. Оба бросились к приборам.

На экранах локаторов плясали одни помехи. Это означало, что люсс полностью экранировал своим телом antennу. На самой вершине скалы были установлены оптический перископ, прожектор и дополнительный излучатель. Им пришлось воспользоваться всей этой аппаратурой, и только через минуту, когда пространство вокруг перископа очистилось, стали видны контуры окружающих предметов. Они не успели включить прожектор, надобность в нем неожиданно отпала: ослепительная вспышка у самого подножия скалы вспорола ночь. Пламя поднялось вверх широким голубым протуберанцем, и в его расширяющемся свете их глазам предстала невиданная доселе картина.

Из ночного леса выходил человек... Он шел медленно, сгибаясь под тяжестью второго, которого нес на руках. В первую минуту они приняли его за синглита. Но синглиты не ходят ночью. Впрочем, и люди тоже...

Атака возникла сама собой, стихийно. Никто не ждал команды. Люди словно вознаграждали себя за долгие ночи бездействия.

От входа до самого подножия скалы пролегла огненная река, выжженная в тумане тепловыми излучателями. В эту ночь не жалели энергии.

Тропинка, ведущая к пещере по уступу скалы, так раскалилась, что ее пришлось охлаждать водой. От входа до самого низа протянули энергетическую арочную защиту.

Минут через пятнадцать после взрыва последней гранаты Ротанов увидел вокруг себя смутные, в облаках пара силуэты людей. Со всех сторон к нему протянулись руки, помогая преодолеть последние метры до защитного коридора.

7

Комната, куда его ввели, походила на рубку корабля. Небольшая каменная ниша, вырубленная в скале, была сплошь забита аппаратами контроля и наружного наблюдения. Здесь едва умещался крохотный рабочий стол. Человек, вставший ему навстречу, был одет в просторную кожаную куртку. Из-под нее выглядывала парусиновая рубаха очень грубой выделки, несомненно, местного производства. Усталому лицу придавали угрюмое выражение розовые пятна от недавних ожогов. Еще больше усиливали неприятное впечатление черные очки. Словно понимая это, он сразу их снял и протянул руку. Ротанов задержал его ладонь чуть больше, чем нужно. Приятно было почувствовать живое человеческое тепло этой руки. Теперь, когда очков не было, лицо инженера, казалось, осунулось еще больше. Вместо бровей виднелась запекшаяся корочка недавних шрамов, но воспаленные глаза смотрели зорко и холодно.

— Келер. Инженер и руководитель боевых групп.

Возникла пауза. Инженер, очевидно, ждал, что Ротанов представится по всей форме, и тот невольно усмехнулся. Он терпеть не мог официальных процедур и еще с Арктура усвоил, что их обилие особенно в начале знакомства с местными руководителями, как правило, ничего хорошего не обещает.

— Ротанов. Пилот корабля ИЗ-2.

— Мы получили сведения о вашей посадке. С вами был кто-нибудь еще?

— Нет.

Возникла новая пауза.

— В таком случае вы, очевидно, не только пилот?

— Если для вас это так важно, то я еще и инспектор Главного управления внеземных поселений.

— С этого нужно было начинать. Нельзя ли познакомиться с вашими официальными документами?

— Вот так сразу начнем с документов?

— Поймите меня правильно. Хотя, конечно... Вам это кажется странным. Эта планета преподносит нам слишком много дорогостоящих сюрпризов, здесь бывают и неприятные загадки. Короче говоря, я хотел бы знать, с кем говорю, прежде чем начать беседу.

— А знаете, я здесь новичок, и у меня больше оснований опасаться неожиданных сюрпризов после всего, что я видел в городе. И тем не менее мне в голову не пришло подозревать в вашем лице подделку. По-моему, такую подделку, если заранее знать, в чем она состоит, не так уж трудно обнаружить. Так что давайте рассставим все знаки препинания. Не нужно делать вид, что вы принимаете меня за кого-то другого, за синглита, например.

— Да, вы правы, но есть одно обстоятельство, которое заставляет быть меня осторожным.

— Можно узнать, что именно?

— Конечно. Дело в том, что еще ни один человек не мог ночью пройти через лес. Нас попросту загнали в щели.— Он обвел рукой тесное пространство рубки, словно приглашая Ротанова убедиться в своей правоте.— А вы свободно разгуливаете по лесу ночью, накануне сезона туманов. Исходя из нашего опыта, вас уже не может быть в живых. Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю... И что же, за все эти годы ни одного случая иммунитета? Никто не смог справиться с нападением этого... Кстати, как вы его называете?

В ответ на его первый вопрос инженер только отрицательно покачал головой.

— Эти существа, хотя мы еще не вполне уверены, что это живые существа, короче говоря, эти образования зовут у нас люссыми. Но вы мне не ответили...

— Мне трудно ответить, потому что я сам не знаю, в чем тут дело. Нападение было, и оно оказалось неэффективным. Поскольку ни зубов, ни когтей не было...

— Зубы! Да если бы у них были зубы... Ну ладно. Давайте ваши документы.

Ротанов протянул ему небольшой пластиковый квадрат со сложной системой выдавленных на нем знаков. Инженер повертел его в руках и нахмурился.

— Это все?

— Ах, да, простите... Я забыл, сколько лет у вас не было связи с Землей. Это личная карточка, ее нужно

вставить в ваш компьютер с идентификационной приставкой. Подделка абсолютно исключается.

Инженер криво усмехнулся.

— Действительно, так просто. Только у нас тут нет подходящего компьютера. Или вы его захватили с собой?

Ротанову не понравилась его ирония. Вообще весь разговор складывался неудачно, все время вертесь вокруг второстепенных деталей. Но он больше не мог действовать вслепую, пора было установить, что произошло на планете. Вообще ему надоели загадки, слишком их было много для одного дня.

— Есть и другая документация,— сухо проговорил он, протягивая инженеру листок элана со светящимися старинными буквами и печатью Всемирного совета.— Специально для таких вот случаев.

Инженер долго изучал бумагу, и Ротанов терпеливо ждал. Наконец отложил бумагу в сторону и смотрел теперь задумчиво, как бы сквозь Ротанова. Казалось, он вообще забыл о нем.

— Где же вы были раньше?

Этот вопрос он уже слышал сегодня от Филина и отвечать на него вторично не собирался. Вообще решил, что настала пора ему самому задать некоторые вопросы.

— Что произошло на планете?

Но инженер словно и не слышал его.

— За все эти годы... Две сотни лет... Ни одного корабля, ни одного сообщения, и вдруг к нам присылают инспектора... Вы не находите, что это странно?

— Нет, не нахожу. Как только это стало возможным, Земля сразу же выслала корабль. Хотя считалось, что колония погибла, что ее попросту не существует. И я попрошу вас наконец ответить на мои вопросы. Когда вы впервые столкнулись с люссами? Как все это началось и почему? Откуда появились синглиты и что они собой представляют?

— Слишком много вопросов и все непростые... Я попробую вам ответить, хотя и сомневаюсь, что вы правильно все поймете. Для того чтобы верно оценить или хотя бы иметь возможность объективно судить обо всем, нужно было здесь родиться, на этой планете. Но я все же попробую.

Он откинулся, усталым жестом протер свои темные очки и тут же отложил их в сторону. Было видно, что ему нелегко начать, и Ротанов терпеливо ждал, думая

о том, что в своей первоначальной неприязни к чужаку все колонисты примерно одинаковы.

— Внешне все выглядит довольно просто. Лет пятьдесят назад... Нет, немного больше, шестьдесят или семьдесят — никто не устанавливал точной даты и никто не знает, когда это случилось впервые, стали исчезать люди. Планета считалась абсолютно безопасной, абсолютно надежной. То есть что значит считалась? Мы были просто уверены в этом, потому что на протяжении почти ста лет ничто не мешало свободному развитию колонии. Мы довольно подробно ознакомились за эти годы с флорой и фауной. Фауна здесь небогата, крупных животных на суше нет, только насекомые. О том, что существует еще один вид, мы тогда не подозревали. И немудрено. Если ночью в лесу появляется туман, вряд ли кому-нибудь придет в голову принимать его за живое опасное существо.— Он устало потянулся, достал очки, снова протер их и надел. Ротанов был ему за это признателен, потому что все время непроизвольно отводил взгляд, чтобы не видеть его изуродованного лица.— Так вот, примерно в это время, около шестидесяти лет назад, стали исчезать люди... Вначале все объясняли несчастными случаями, искали и не находили. Не так уж это часто случалось вначале...

— Подождите! Получается, вы тогда еще ни разу не встречались с синглитами?

— А вы не спешите. Дойдем и до синглитов. В то время их на планете просто не было. А те, кому пришлось встретиться с этой дрянью, уже ничего не могли рассказать.— Он неприятно усмехнулся и снова надолго замолчал. Темные стекла очков холодно мерцали, отражая свет неоновых трубок, кое-как закрепленных на потолке. Ротанов был уверен, что глаза, притаившиеся за этими очками, все еще продолжают недоверчиво ощупывать и оценивать его. «Кажется, он меня просто боится,— подумал Ротанов,— вот только не пойму, почему? Нападение люсса и мое спасение здесь наверняка ни при чем. Он сразу же поверил, что в этом смысле со мной все в порядке, иначе вообще не стал бы разговаривать...»

— Ну так вот. В конце концов, рано или поздно это должно было обнаружиться. Однажды люсс напал на группу людей, двое или трое видели все и уцелели. Так нам стало известно, что происходит. Люсс обволакивает человека, несколько минут тот дергается, словно

задыхается, старается вырваться, потом падает. Кстати, вы не почувствовали удушья?

— Нет.

— Странно... Нападение длится недолго, пять минут, может быть, шесть. Потом люсс уходит, и остается недвижно лежащий человек. Кстати, мы далеко не сразу установили причину смерти. На теле после нападения нет никаких следов, вскрытие тоже ничего не дает. Никаких патологических изменений. Ну, об этом вас подробней проинформируют в научном отделе. Общее впечатление такое, словно полностью подавлена активность мозга. Отсутствует альфа-ритм. Сначала мы думали, что это следствие каких-то неизвестных повреждений, тончайших нарушений структуры в организме или, может быть, в самом мозгу, но потом было доказано, что человек умирает оттого, что у него погашен мозг.

— То есть как это «погашен»?

— Может быть, это не совсем научное определение, но зато вполне точное. Полностью парализуется деятельность нейронов, разрываются все связи, исчезает энергетический потенциал мозга.

— Получается, что люсс ничего не берет от своей жертвы, а нападает, так сказать, для развлечения?

— Я этого не говорил. И вообще не спешите с выводами, пока я вам просто излагаю установленные факты. Люди стали осторожнее, выходили из города только вооруженными группами, надевали защитные скафандры, но все это оказалось неэффективно. К тому же активность люссов возрастила во много раз после каждого нападения. Особенно ночью. Днем они вообще малоподвижны. Зато ночью... Однажды город подвергся масированной ночной атаке. Можете представить себе, как это было. Люди метались по улицам, и их как бы обволакивал туман. Там были женщины, дети... Конечно, они выставляли дежурных, дозоры с лучеметами и энергетическую защиту... Но в то время еще не было найдено ни одного эффективного средства борьбы с люссыми. Фактически город был уничтожен за одну ночь. Люсс способен менять свою форму, у него вообще нет постоянной формы, он может просочиться в любую щель... Немногие, оставшиеся в живых, бежали из города. К счастью, город расположен почти на экваторе, всего несколько километров отделяло его от дневной стороны. Инстинктивно люди бежали к солнцу, и это многих спасло. Люссы не стали выходить на дневную сторону,

им вполне хватало ночной. Казалось, что все оставшиеся в живых спасены. Планета двигалась вокруг солнца очень медленно, и не представляло большого труда перейти вслед за солнцем с одной стороны экватора на другую. Были построены временные базы по обеим сторонам экватора. Когда люди смогли вернуться в город, прошло уже шесть месяцев, они даже не нашли останков своих близких.

Оборудование, инструменты, снаряжение и оружие — все было вывезено на базы. В городе никто не решился оставаться. Да и не хотел... Было решено строить укрепленные базы, зарываться в землю, в скалы... Вначале казалось, что опасность преувеличена, но после всего, что произошло... В общем, люди уже не могли жить в городе.

Какое-то время никто нас не трогал. Лет десять, пожалуй, прошло спокойно. Мы уже начали надеяться, что самое страшное позади. Постепенно забывался весь этот ужас. Начали рождаться новые дети, и вот тогда... — Было видно, что ему трудно продолжать разговор. Он словно старался что-то проглотить и никак не мог. Ротанов смотрел в сторону, делая вид, что ничего не замечает. Ему хотелось стиснуть руку этому много пережившему человеку, найти слова ободрения, но он понимал, что не имеет на это права. Он был для него всего лишь инспектором, чужаком, прилетевшим с Земли для того, чтобы холодно и спокойно оценить все их беды. Найти правых и виноватых. Инженер уже взял себя в руки.

— Да, так вот, именно тогда группа разведчиков обнаружила при дневной вылазке в город, что там кто-то есть. — Он снова замолчал и долго рассматривал рукоятку какого-то отключенного прибора.

— Это были синглиты?

Инженер кивнул.

— С этого момента мы уже не знали покоя ни днем, ни ночью...

— Откуда они взялись?

Инженер пожал плечами.

— У научного отдела есть много теорий на этот счет. Они с вами охотно поделятся.

— Ну а вы сами что об этом думаете? Должен же быть у вас собственный вывод.

— Свои выводы я предпочитаю держать при себе. Готов поделиться только известными фактами, а что

касается выводов, то, думаю, за этим дело не станет, очень скоро у вас появятся собственные.

— Хорошо, давайте вернемся к фактам. Что собой представляют синглты?

Инженер встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я думаю, для первого раза достаточно, да и времени у нас уже нет. Скоро рассвет, пора готовиться и выходить на основную базу. В научном отделе вам расскажут остальное.

В отряде было сорок человек. Шли плотной группой, щетинившись стволами лучеметов. Ступали след в след, не было никаких команд. Каждый знал свое место, знал, что ему нужно делать. Само собой получилось так, что в этой плотной массе слитых в одно целое людей Ротанов оказался инородным телом. Вначале он попытался идти в голове колонны. Но очень скоро понял, что мешает, сбивает строй, лишает его монолитности. Никто не сделал ему замечания, все шли молча, стиснув зубы, напряженные до предела, похожие уже не на живых людей, а на хорошо запрограммированные автоматы, настроенные на малейшую опасность. Чтобы не мешать, он вынужден был вернуться в центр группы, туда, где на нескольких карах везли поклажу и где, запакованная в целлофановый пластиковый кокон, лежала Анна. Она так и не пришла в сознание...

Идти было трудно из-за изнуряющей жары и влажного душного воздуха. Желтовато-фиолетовая расцветка местных растений чем-то напоминала земной лес глубокой осенью, но это впечатление сразу же исчезало, стоило взглянуть на дерево вблизи. Собственно, эти пружинистые образования, не имеющие центральных стволов, нельзя было даже назвать деревьями. Бесчисленные тонкие усыки беспорядочно росли во все стороны, образуя плотную упругую подушку. Пробираться сквозь подобные заросли было просто невозможно. К счастью, деревья росли довольно редко, между ними оставалось достаточно свободного пространства. Через четыре часа они сделали первый привал у небольшого ручья. Больше всего Ротанова поражала молчаливость этих людей. Они все делали сосредоточенно, почти угрюмо. Он не раз ловил на себе их изучающие любопытные взгляды, но никто не подошел к нему, не задал ни одного вопроса. Даже теперь, когда все, кроме часовых, позволили себе расслабиться, умыться, отложить оружие. Они словно бы избегали его... Что же это такое — приказ, сила

дисциплины? Нет. Здесь было что-то другое, потому что в них вовсе не было той забитой приниженности перед начальством, которой обычно сопутствует муштра. Может быть, они считают его виновным в несчастье, случившемся с Анной? Или близкое знакомство с люссоем наложило на него какое-то негласное табу?

Короткий привал кончился, и они двинулись дальше... Узкие платформы каров сильно замедляли движение. Благодаря силовой подушке они легко преодолевали мелкие неровности почвы, но их длинные корпуса то и дело запутывались в узких проходах между деревьями. Приходилось останавливаться и вручную вырубать их из жестких, словно сделанных из железа пружин.

Характер местности постепенно менялся. Густые заросли сменились редкими группами отдельных растений, тут и там появились невысокие холмы, поросшие короткой щетиной травы, такой же жесткой и невзрачной, как деревья. Гряды скал, к которой они шли, теперь приблизилась. Ее уже не скрывал лес. Люди приободрились, повеселились. Как понял Ротанов из разговоров, до передовых постов, прикрывавших основную базу колонии, осталось не больше часа пути. И вдруг в кроне дерева, которое только что начали огибать кары, мелькнуло что-то яркое. «Ложись!» — крикнул инженер, но Ротанов замешкался и увидел, как на дереве распустился огненный цветок, тут же превратившийся в вертящийся шар огня с черными разводами дыма по краям. В ту же секунду хлестнула ударная волна. Ротанов не устоял на ногах, сверху сыпались горящие сучья. Он все ждал гула разрыва, но его не было, только тяжело, со свистом ухнуло, словно какой-то великан выдохнул воздух, и сразу же справа и слева появились еще два таких же огненных шара. Они вертелись слишком далеко, на них можно было не обращать внимания, важно было понять, откуда по ним стреляют. Но прежде чем он успел разобраться в обстановке, сразу несколько лучеметов в руках людей выплюнули свои огненные капсулы куда-то вперед и вверх. На вершине ближайшего холма завертелись такие же огненные смерчи, там, пригибаясь, бежали маленькие согнутые фигурки. Оттуда, сверху, отряд должен был быть виден как на ладони. Следующий залп накроет их почти наверняка.

Но шесть огненных шаров развернулись почему-то впереди отряда, и почти сразу же несколько капсул лопнули справа и слева. В пыли и дыму стало трудно

что-нибудь рассмотреть. Когда порыв ветра унес дым в сторону, Ротанов понял, что разрывы берут отряд в кольцо, прижимают его к земле, сбивая кроны деревьев над головами, но ни одна капсула не ударила вниз, в центр невидимого круга, за которым лежали люди. Это его так поразило, что он, забыв об опасности, приподнялся на колено, чтобы лучше видеть. На втором дальнем холме что-то происходило. Инженер махал ему, предлагая лечь, но Ротанову было не до него. Показалось, что он узнал очертания предмета на вершине дальнего холма. Предмет напоминал клок ваты, и вокруг него бегали, суетились маленькие фигурки, похожие на людей. Холм был слишком далеко, но Ротанов видел, что несколько стрелков пытаются достать его во что бы то ни стало. Они задрали стволы лучеметов высоко вверх и выпускали капсулу за капсулой. Внизу, у подножия холма, кипело огненное озеро, но ни одна капсула не доставала даже до склонов.

Ротанов бросился к инженеру, сорвал у него с груди бинокль и, оттолкнув вцепившиеся в него руки, побежал вверх. Он приметил плоскую каменную глыбу и надеялся до нее добраться, прежде чем его заметят. Впрочем, он уже почти не боялся выстрелов, очень уж все происходящее походило на какую-то странную игру, а не на бой. И действительно, огненные хлопушки брали его в кольцо, сбивали с ног, но он добрался-таки до своего камня невредимым и прилип к нему. Стоило приставить бинокль к глазам, как окружающее перестало для него существовать. Он весь превратился в зрение.

Это был, конечно, люсс. Он узнал его сразу, но все происходящее на вершине холма было для него совершенно непонятно. Люсс, необычно плотный, с какими-то темными полосами и пятнами, бешено вращался в центре небольшой поляны. Он то расширялся, то опадал и с каждой такой пульсацией съеживался все больше. Вокруг него неподвижно стояли пять или шесть синглитов. Ротанов догадался, что это синглиты, а не люди, по неудобным для человека позам. Когда они двигались, их невозможно было издали отличить от людей, но стоило им остановиться, как они застывали в полной неподвижности и, казалось, были способны прервать начатое движение в любой точке. Замереть с занесенной для шага ногой, например, или остановиться с наклоненным вперед туловищем. Словно им ничего не стоило поддерживать тело в любом неустойчивом равн-

весии. Еще несколько синглитов вышли из-за деревьев и присоединились к стоящим вокруг этого бешено вращавшегося люсса. Казалось, они совершают какой-то тайный обряд. Вдруг люсс слегка подскочил, вытянулся вверх и быстро утек в сторону. На поляне оставалась только группа синглитов и еще что-то на том месте, где только что был люсс, какой-то предмет...

Бинокль был с электронным умножителем. Подкрутив регулятор, Ротанов смог рассмотреть, что там такое было, хотя почти уже догадался, прежде чем тронул верньер настройки. На поляне в небольшом углублении лежало яйцо... Точно такое же, какое он видел в том странном контейнере на складе. Форму этого предмета невозможно было спутать с чем-нибудь другим. И хотя яйцо, лежавшее на поляне, было матовым, даже каким-то белесым, а то, с которым довелось ему познакомиться раньше, все переливалось радужным свечением, тем не менее он его узнал... И почти не сомневался в том, что последует дальше.

Из группы синглитов двое отошли в сторону и вскоре вернулись со знакомым шестигранным контейнером. Они поднимали яйцо осторожно, словно это был какой-то горячий хрупкий сосуд. Двое других развернули кусок холста и аккуратно упаковали в него яйцо, прежде чем опустить в контейнер. Почти сразу из-за деревьев показался кар, точно такой же, как тот, на котором лежала Анна... Они поставили на него контейнер, водитель долго не мог запустить мотор, что-то у них не ладилось с этим каром. Но вот он тронулся наконец, на поляне никого уже не было. Кар качнулся последний раз и исчез из поля зрения. Больше ничего не было видно. Ротанов опустил бинокль. Бой, по-видимому, кончился несколько минут назад. Отряд собрался у вездеходов и теперь дожидался его. Никто больше не прятался и никто не стрелял. Ротанов встал и пошел вниз. Когда он подошел к инженеру, чтобы отдать бинокль, тот выглядел так, словно был в чем-то виноват перед Ротановым. Он взял у него бинокль, глядя в сторону, только что не извинился, хотя извиняться нужно было, по существу, самому Ротанову. Он помнил, как грубо оттолкнул инженера и почти вырвал бинокль, когда заметил люсса.

— Ну так вот,— сказал Ротанов, потирая ушибленное плечо.— Я хотел бы знать, что это значит.

— Вы видели?

— Да.

— Это яйцо.

— Я так и думал. Для чего оно синглитам?

— На Земле был такой вид комара, кажется, анофелес... Я читал о нем в учебнике биологии. Так вот, этот анофелес, прежде чем снести яйцо, обязательно должен был напиться человеческой крови...

— То есть вы хотите сказать, что люссы, прежде чем... Нет, это невозможно! Здесь не было раньше людей, даже крупных млекопитающих. Этот цикл развития не мог возникнуть. Он предполагает сложный симбиоз, комплекс организмов, а мы здесь чужаки, на этой планете, и не могли войти в эволюционный ряд такого сложного симбиоза.

Инженер пожал плечами.

— Мы не так уж хорошо знаем, что здесь было раньше. И потом, это ведь только мои предположения. Вы, кажется, хотели их услышать...

— Мне нужно осмотреть это место.

— Ничего нового вы там не увидите.— Инженер по-прежнему избегал смотреть на него, и это укрепило Ротанова в его решении.

— Все-таки я посмотрю.

— Ну, если вы настаиваете...

Прежде всего Ротанов с двумя сопровождающими взобрался на холм, с которого по ним стреляли. Как он и предполагал, место, где был обстрелян отряд, отсюда просматривалось как на ладони. Отчетливо виднелся выжженный черный круг, за которым недавно лежали люди.

— Могли бы вы отсюда попасть в центр круга? — спросил Ротанов своих сопровождающих.

Высокий человек в потрепанной кожаной куртке, весь обвешанный какими-то фляжками и ящичками, с двумя вещевыми мешками за плечами, хитровато прищурившись, смотрел на Ротанова.

— Это может сделать любой мальчишка, ни разу не державший в руках лучемет.

— Синглиты всегда так плохо стреляют?

— Если бы они плохо стреляли, половины из нас не ушло бы оттуда из-за случайных попаданий.

— В чем же дело?

— Убивать нас им ни к чему... Не так уж много людей осталось, каждый из нас ценится на вес золота. Мы им нужны живыми.

— Вы думаете, они действуют заодно с люссами?

— А они и есть одно. И сейчас напали только затем, чтобы нас задержать. Мы ведь могли помешать... — Он кивнул на соседний холм.

Ротанов не стал спорить. Он чувствовал, что в предположении инженера что-то неверно, хотя, казалось, новые факты подтверждают его правоту.

Этот самый анофелес, о котором говорил инженер, прежде чем превратиться в комара, проходит несколько стадий. Из яйца выплывает не комар, а что-то другое... какая-то личинка... Что, если синглиты?.. Нет, оборвал он себя. Рано делать выводы. Сейчас он будет собирать факты, как можно больше фактов и никаких предвзятых мнений...

Что-то в нем сопротивлялось простым и очевидным выводам, что-то связанное с городом и с той женщиной. Слишком много было в ней человеческого для того, чтобы быть только разновидностью этого чужого, словно пришедшего из кошмара существа.

На втором холме действительно не оказалось ничего интересного. Поляна с утоптанной, словно на ней танцевали, землей, небольшое углубление в центре воронки, где лежало яйцо. Следы тяжелых ботинок. Отпечаток платформы кара, где тот стоял с отключенной подушкой. Ротанов и сам не знал, что он здесь ищет.

— Этот кар, кто его делал? — спросил он хитроватого лучеметчика.

— Синглиты. У нас не осталось заводов и материалов. Едва справляемся с производством зарядов и самого простого оружия.

— Значит, и наши тоже?

— Конечно. Трофеиные. Хорошие машины. У синглитов каждый раз бывает что-нибудь новенькое. Заводы им достались сильно потрепанные, но они там все переделали и наладили свое производство.

Это сообщение не понравилось Ротанову: выходило, что главной производительной силой на планете в настящее время являлись не люди и даже не люссы, ее законные хозяева, если признать за ними наличие какого-то интеллекта, а кто-то третий... И если верны его первые впечатления, люди постепенно сдавали позиции, уступали первенство почти во всех областях. Можно было признать и принять временное поражение, отступление человека под давлением обстоятельств. Наконец, он готов был примириться, если бы человек встретил в космосе разум, равный себе, или даже превосходящий

человеческий, каким и был, возможно, разум рэнитов, и отступил в поединке с ним... Но ведь произошло что-то совсем другое, что-то не укладывающееся ни в одну из этих схем... На планете хозяйствуют синглиты, почти полные копии людей внешне и интеллектуально; мало того, до появления человека их, судя по всему, здесь вообще не было, с кем же мы тогда воюем? С собственными тенями?

Они начали спускаться с холма, так и не обнаружив ничего интересного. У самого подножия, где совсем недавно рвались их протонные заряды, все обуглилось от высокой температуры. Кое-где дымились и чадили остатки искореженных кустарников. Земля была горячей и смрадной, от нее поднимался пар, пахло чем-то отвратительно зловонным. На самой границе обожженной зоны они наткнулись на обломки. Похоже, здесь взрывом разнесло кар или какую-то другую машину. В оплавленных кусках обшивки трудно было угадать даже общее очертание того, что они собой представляли до взрыва. Вдруг Ротанов заметил на уцелевшем кусте обрывки материи... Больше там ничего не было, только эти обуглившиеся клочки.

— От них никогда ничего не остается. Один туман. Даже если пулей зацепит как следует, повредит внутри что-то важное, синглит сразу начинает распадаться, только облачко пара поднимется, и все.

— Конечно, так и должно было быть, ничего, кроме тумана, ничего вещественного — так, чтобы после побоища не в чем было себя упрекнуть, словно и не было ничего... Один туман... — Ротанов пнул ногой какой-то обломок, железо жалобно скрипнуло. Хорошо хоть это осталось. Он решил взять с собой небольшой обломок, толком еще не зная зачем, просто чтобы что-то противопоставить этому туману, какой-то след, почти улику... Наверно, инженер все-таки был прав, не совсем доверяя ему. Не мог он быть полностью на его стороне. Возможно, потому, что у него в ушах до сих пор звучали слова: «Люди, наверное, очень злые...»

Несмотря на то, что у них не было другого выхода, несмотря на то, что на них предательски напали ночью, они не имели права ожесточаться, слепо хвататься за оружие и бить без разбору во все чужое именно потому, что они люди...

На том же кусте, где висели куски обгоревшей материи, что-то тускло блестело, наверно, обломок, клочок

металла... Почему-то он не хотел брать его на глазах у своих спутников, и, только когда они отвернулись, пошли вперед, он протянул руку и быстрым, почти вороватым движением снял железку с куста. Она оказалась неожиданно ровной. Цепочка гладких квадратиков, похожая на браслет. Не раздумывая, Ротанов сунул ее в карман и догнал своих спутников. Они шли спокойно, закинув лучеметы за спину. Былого напряжения не было и в помине, словно знали, что повторного нападения не будет...

Ротанов вошел в помещение медицинского сектора. От стен тянуло промозглой сыростью, большинство приборов стояло зачехленными, без проводки. Даже большой диагностический, судя по всему, работал лишь на половине своих блоков. Доктор сидел сгорбившись и что-то торопливо писал на большой желтой карте. Его халат, давно не стиранный и местами прожженный кислотой, был под стать всему кабинету.

Ротанов со школы не любил врачей, инстинктивно, как всякий здоровый человек, старался избегать контакта с ними, но сегодня, впервые за долгие годы, он вошел в этот врачебный кабинет по собственной инициативе.

— Ну, что там? — спросил он как мог равнодушнее.

— Не торопите меня! — вскинулся доктор.— Я не электронно-счетная машина. Сядьте и подождите, мне надо еще обработать данные.

Ротанов вздохнул и уселся на холодную металлическую табуретку перед диагностическим аппаратом, другого стула здесь не было. И сейчас, пока томительно тянулись секунды в затхлой тишине этого кабинета, нарушаемой лишь монотонным шумом капель, разбивавшихся в тазу, да скрипом пера доктора, Ротанов задумался над тем, почему решился на полное медицинское обследование, которому подвергают космонавтов только после возвращения с планет, признанных зараженными опасной микрофлорой, или еще в каких-нибудь чрезвычайных случаях. Неужели он поверил намекам инженера и всем этим разговорам о том, что человек после контакта с люссы теряет свою индивидуальность, изменяется психика, мотивы поступков?.. Нет. Он чувствовал: ничего в нем не изменилось, все осталось прежним. И все же...

После посещения города и того нелепого боя по до-

рого на базу он не мог полностью разделять точку зрения колонистов на все происходящее на планете.

Создать бы здесь базу для флота и посадить на карантин всю планету, пока ученые не разберутся во всей этой чертовщине. Взглянув на ржавый корпус диагностического аппарата, он тяжело вздохнул. Судя по всему, эту самую базу не удастся создать так просто. А решение придется принимать уже сегодня на совете. Ему дали два дня на изучение обстановки, но они пролетели слишком быстро. Больше нельзя откладывать, колония находится в чрезвычайном положении, если немедленно не принять каких-то мер. Все люди могут погибнуть... И следовательно, через несколько часов, вольно или невольно, ему придется принять участие в решении вопросов, связанных с судьбой и колонии, и города, потому что инженер, как он понял из документов, вот уже второй сезон подбирается именно к городу, вынашивает какой-то план, связанный «с кардинальным решением проблемы», как было сказано в одном из документов. И то, что он держит в секрете все подробности этого своего «кардинального» плана, тоже не обещало ничего хорошего.

Чтобы быть полностью объективным, ему и понадобился этот кабинет. Прежде чем принять решение, он должен был знать совершенно точно, откуда эта двойственность, неуверенность в себе — от недостаточного знания обстановки, или все же виноват люсс?

Доктор отложил перо и несколько секунд массировал затекшую кисть правой руки. Ротанов терпеливо ждал, ничем не выдавая своего волнения.

— Вы абсолютно нормальны. Абсолютно, — сказал наконец доктор и недовольно пожевал губами, словно нормальность Ротанова чем-то его раздражала. — Этого, в принципе, не должно быть, потому что встреча с люссоm не может пройти бессследно, и тем не менее это так. Я проверил все три ваши управляющие системы. Подсознание, кора, биохимическая регуляция — все в абсолютной норме. Никаких сбоев, разве что утомляемость повышенена, но это тоже нормально после таких стрессовых напряжений. Так что даже не знаю, что сказать. Это противоречит всем нашим наблюдениям, всем выводам о природе и характере контакта с люссоm.

Ротанов слушал не перебивая. Самое главное он уже знал, и внутреннее напряжение спало, теперь он мог позволить себе не торопиться.

— До сих пор при каждом контакте... Кстати, вы знаете, что собой представляет люсс?

— Наслышан, но вы все-таки объясните еще раз.

— Это молекулярная взвесь сложных небелковых молекул, управляемая и формируемая энергетическим полем, возникающим при достаточно плотном сгустке. Энергию они берут извне. Но не от солнца. Для этого их консистенция слишком разрежена. Больше того, солнечная радиация, как и всякая лущистая энергия, губительно действует на их структуру, нарушая сложное и хрупкое взаимодействие молекул сгустка. Отсюда ночной образ жизни. И ничего похожего на интеллект. У нас тут возникло немало нелепых теорий, их легко объяснить, учитывая все, что натворили люссы, но на самом деле тут нет никакой злой воли. Эта молекулярная взвесь не обладает ни волей, ни разумом. Может быть, есть простейшие инстинкты, примерно такие, как в стае мош카ры. Их привлекает запах человека, движение, вообще все, что нарушает привычный фон среды обитания. И тогда происходит контакт. Благодаря своей незначительной величине молекулы люсса беспрепятственно проникают в ткани человеческого организма, на какое-то время они перемешиваются с молекулами, из которых состоит тело человека, его мозг. Энергетическое поле люсса в этот момент взаимодействует со всеми электрическими потенциалами клеток, разрушает связи между нейронами. В результате — мгновенная смерть для человека... А с люсом происходят после контакта вещи более чем странные. Его структура полностью сохраняет структуру объекта, с которым он контактировал. Расположение молекул, их связи повторяются в структуре люсса. Вся невероятная сложность человеческого организма, вся сумма информации, содержащаяся в нем в момент контакта, я имею в виду информацию на молекулярном уровне и даже, может быть, еще более тонкую, переносится в структуру люсса, как бы отпечатываясь в ней.

Доктор надолго замолчал. Он взял со стола толстую пачку перфокарт, перетасовал ее и стал раскладывать на столе. Казалось, он забыл о Ротанове.

— Что же дальше происходит с этой информацией? Ведь пока она существует, смерть нельзя считать полной?

— Информация, существующая отдельно от тела, — это уже не есть жизнь... Хотя, может быть, это и не так. Тут все дьявольски сложно. Человек, во всяком случае,

погибает, это бесспорно. Хотя и это не бесспорно, если учесть ваш случай и случай с Анной.

— Что с ней?

— Шоковое состояние. Есть надежда на улучшение.

— Послушайте, доктор. Здесь меня очень охотно посвящают во все тайны, связанные с люссами. Но дальше начинается какое-то табу. Все почему-то избегают говорить о том, что собой представляют синглиты, вот и вы тоже...

— Нас можно понять... — Доктор устало вздохнул. — У каждого есть близкие, друзья, превратившиеся в эту самую информацию, так что говорить об этом действительно нелегко.

— Согласен. Но, чтобы хоть что-то исправить в этой кошмарной ситуации, надо прежде всего понять...

— Да, конечно.

— Я хотел бы знать все.

— Я предоставил в ваше распоряжение отчеты нашего отдела за все годы работы. Там есть все данные.

— Для того чтобы в них разобраться, даже для того, чтобы просто их прочитать, нужно несколько недель, я не универсальный специалист, многое вообще не понимаю. Но сегодня... Да, уже сегодня нам с вами придется взять на себя всю полноту ответственности за решения, которые будут приняты на совете.

— Ну хорошо... Я попробую объяснить... Только это непросто понять, особенно вам...

— Потому что я чужой?

— И поэтому тоже. Но главное потому, что тут для нас самих многое неясно, многое из того, что я скажу, лишь интуитивные догадки, не больше. Эксперименты и наблюдения чрезвычайно затруднены, пока происходят эти события... И все же кое-что удалось установить. Лет двадцать назад мой предшественник Халиновский выяснил, что информация, оставшаяся после контакта с человеком в структуре люсса, не поддается немедленному смешению. Возникают какие-то энергетические потенциалы, сохраняющие эту скопированную, чужую для люсса структуру. Затем она начинает уплотняться...

— И возникает яйцо?

— Так это у нас называют. На самом деле это, конечно, не яйцо. Это сгусток информации, если хотите, своеобразная матрица, и она никакого отношения не имеет к размножению самих люссов. Они размножаются простым делением.

— Что же дальше? — Ему все время приходилось подталкивать доктора. Тот говорил с трудом, преодолевая немалое внутреннее сопротивление, хотя для него как ученого проблема должна была хоть отчасти сохранить отвлеченный академический характер.

— Ну так вот, это яйцо... Какое-то время оно неактивно. Должен пройти определенный инкубационный период. Как видите, у него действительно много общего с обыкновенным яйцом. Нужна определенная температура, влажность... Наверно, поэтому первые контакты люссов с людьми так долго оставались для нас неизвестными и не привели ни к каким видимым последствиям. После инкубационного периода яйцо созревает и может находиться в таком подготовленном состоянии неопределенно долго. Оно становится нечувствительным к внешним воздействиям.

— К чему оно подготовлено? Что происходит дальше?

— Вы нетерпеливы... Со стороны это все выглядит, наверно, чрезвычайно интересно... — Доктору не удалось скрыть горечи в этой реплике, и больше Ротанов не перебивал его до самого конца.

— Когда яйцо созрело, оно, как я уже сказал, полностью подготовлено для вторичного контакта с люсом. Если он произойдет, вещество люсса, взаимодействуя с веществом яйца, начинает уплотняться и видоизменяться. Информация, заложенная в яйце, становится основополагающей во вновь образующейся структуре. Примерно через два часа возникает образование, которое мы называли синглитом... Раньше его называли проще и понятней — копией. И это название было неверно, потому что никакая это не копия. Даже внешне возникший объект никогда не похож на человека, с которого была снята первоначальная информация, к тому же очень часто образование расслаивается. Вещества, содержащегося в самом люссе, чаще всего больше, чем нужно для создания одного объекта, и тогда возникают четыре, пять, до десяти...

Доктор снова надолго замолчал.

— ...Синглит не является копией и по своей внутренней структуре. У него отсутствует, например, система кровообращения, пищеварения. Энергоснабжение ведется через кожу, в отличие от люсса, непосредственно солнечной радиацией. Синглит скорее видоизмененный люсс, чем копия человека. Вещество люсса фактически

не меняется, изменяется только его организация, строение...

Ротанову хотелось понять другое, то, о чем доктор упорно избегал говорить. Что происходит с человеческим интеллектом, с разумом, насколько сохраняется во вновь возникшем существе человеческая личность? И что оно собой представляет: мыслящую модель человека, нечто вроде биологического робота или что-то гораздо более сложное?.. Обладает ли синглит психикой, памятью... Может ли он чувствовать боль, радость, страдание?

На некоторые из этих вопросов он мог бы ответить сам, на основании собственного опыта, ответить утвердительно, со всеми выводами и последствиями...

Ротанов поднялся. Крепко пожал доктору руку.

— Спасибо. Мне нужно подумать. Встретимся на совете.

— Вы уверены, что этого достаточно? Что вы правильно все поняли?

— Я ведь был в городе... Насколько я знаю, до меня мало кому удавался непосредственный контакт. А если и удавался, так через прорезь прицела не так уж много можно увидеть.

— Вы несправедливы...

— Возможно. Потому и сказал, что мне нужно подумать.

На этот раз совет собрался точно в назначенное время. Не было только Филина. Даже председатель, два последних дня не отходивший от постели больной дочери, сидел на своем месте. Он еще больше осунулся и постарел за эти два дня, чувствовалось, что присутствие на совете стоило ему немалых сил.

Инженер начал с обычного отчета о положении дел. Все это было давно известно присутствующим и говорилось для Ротанова, но тот неожиданно для всех прервал инженера и попросил перейти к утверждению программы мероприятий на ближайший месяц. Сразу же вышла заминка. Инженер не подготовился для решительной атаки, не хотел немедленно раскрывать все карты. Сказал, что программа не может рассматриваться без учета того, что предложит Земля. Все повернулись к Ротанову.

— Конечно, я имею в виду не то, что вы можете предложить нам через пятьдесят лет, когда прибудет очередной корабль. Нас интересует, что вы можете предложить

сегодня, в крайнем случае завтра,— закончил инженер свое выступление.

И тогда поднялся Ротанов. Он решил, что скажет им все, еще раньше, до выступления инженера. Скрывать и дальше открытие, с которым он прилетел сюда, не имело смысла. Здесь он был среди людей, на чью помощь и поддержку рассчитывала Земля, отправляя его в этот опасный экспериментальный полет, и поэтому, помедлив еще секунду, он начал рассказ о пространственном двигателе.

Сообщение о том, что расстояние в пятьдесят светолет больше не является проблемой, поразило их как громом. Доктору показалось, что он ослышался, чего-то не понял. Все смешалось, все вскочили с мест, что-то одновременно кричали. Он видел, как толстый непроницаемый и невозмутимый заведующий отделом заготовок вдруг заплакал и не скрывал своих слез, как инженер сорвал очки и уставился на Ротанова. В это мгновение было сметено все, что их разделяло, потому что неожиданно, на секунду, они поверили в то, что их маленькая колония вдруг перестала быть островом, обреченной крепостью, а превратилась в форпост человечества. Они не могли сразу осмыслить всей громадности этого события, но, как только установилась тишина, как только вернулась способность рассуждать трезво, сразу же сам собой выпал из общего молчания основной, главный вопрос — где же они, корабли Земли? Чего они ждут?

И Ротанов ответил:

— Все теперь зависит от нас самих. Во время пространственного перехода полностью разрушается компьютер и вся электроника в остальных механизмах корабля. Пробиваются переходы всех транзисторов, диодов, выходят из строя от воздействия мощных полей все микросхемы. Как только мы сможем оснастить прибывший корабль новым управляемым блоком, переход Земля — Альфа станет немногим сложнее поездки в соседний город.

Тишина после этих слов показала, как сильно было разочарование только что получивших надежду людей.

— Иными словами, вы сами не можете вернуться, и на новые корабли рассчитывать пока не приходится,— подвел итог инженер.

— Не совсем так,— возразил Ротанов.— В принципе я могу вернуться, и корабли могут быть здесь уже через месяц. Нужен всего лишь компьютер!

— Ну да, всего лишь компьютер... — с горькой иронией подхватил инженер. — Всего лишь корабельный компьютер с его сложнейшей программой! Да где вы найдете здесь специалистов, способных рассчитать межзвездные трассы? И не просто рассчитать, но и перевести эти расчеты в программный машинный язык! Где вы собираетесь делать этот компьютер? На нашем заводике? Так там водопроводные трубы не могут выпустить второй год!

— Есть ведь и в городе заводы.

— Их еще надо захватить! И даже если захватим, кто там будет работать? У нас нет техников, не говоря уже о мастерах и программистах этих автоматических комплексов!

— Конечно, их нет, откуда им быть, если все эти годы вы обучали своих людей одной-единственной специальности!

Наверно, Ротанов не сразу понял, какую сделал ошибку. Тишина, повисшая теперь, была полна отчуждения, почти враждебности. Что он мог знать о том, как они здесь жили все эти годы, какое право имел судить их? Ну да, у них осталась одна-единственная специальность... Словно они этого хотели, словно у них был выбор! Ничего не было сказано. Члены совета молча смотрели на Ротанова.

Он попытался исправить ошибку.

— Я ни в чем не хочу упрекнуть вас. Знаю, что не от вас зависело положение, которое сложилось сегодня. Знаю, что люссы напали первыми и что вы должны защищаться. Но теперь на нас лежит ответственность не только за наши собственные жизни и за жизни ваших близких, теперь мы отвечаем перед Землей за судьбу базы на этой планете, за принципиальную возможность идти отсюда дальше к другим звездам! Поэтому так важен этот компьютер и производственный комплекс, способный его создать. Давайте вместе об этом думать, это сейчас главное, только это! Все остальное, все ваши проблемы решатся, если удастся наладить регулярное сообщение с Землей.

Ему не удалось убедить их. Они остались холодны и равнодушны к его призывам. Теперь он был для них чужим. Они не верили уже ни в этот компьютер, ни в сам переход, ни в скорую помощь Земли. Все его обещания превратились в пустые фразы. Он, как

детям, подарил им красивую коробку, внутри которой они не нашли ничего и не смогли ему этого простить.

— Все это прекрасно,— сказал председатель.— Давайте все же перейдем к текущим делам. Нам нужно решить вопрос с энергией, потому что иначе защитные комплексы встанут посреди зимы.

— В этот раз мы не сможем обеспечить полный запас. Нужно идти на дневную сторону и там переждать зиму.— Они уже не обращали внимания на Ротанова, целиком уйдя в обсуждение своих насущных проблем. И он больше не пытался изменить ход совещания. Не вмешивался, не вставлял реплик, только внимательно, нахмурившись, слушал каждого выступавшего и делал в блокноте какие-то пометки.

Доктору казалось, что инженер выходит из всей этой неразберихи окончательным победителем. Если ему удастся настоять на походе, они лишатся последней стационарной базы, и все руководство автоматически перейдет к нему в руки, они целиком попадут в зависимость от отрядов охотников и превратятся в кочующее дикое племя... Это будет началом конца... Доктор не пытался возражать, он понимал, в первую очередь такое решение автоматически покончит с научным отделом и с другими жалкими остатками их «цивилизованности», но он устал бороться в одиночку. На серьезную поддержку со стороны председателя рассчитывать сейчас не приходилось, он слишком потрясен несчастьем с Анной. Оставалось проголосовать за поход, а поскольку все, кроме доктора и Ротанова, высказались именно за это, в результате голосования не приходилось сомневаться.

И вдруг, когда инженер поставил вопрос на голосование, снова поднялся Ротанов. Он заговорил очень спокойно, с какой-то скрытой ironией и, наверно, именно поэтому снова заставил себя слушать.

— Поход — это прекрасно. Кочевые племена на Земле охотились на медведей. Здесь, правда, нет медведей. Но можно обойтись растительной пищей и носить шкуры каких-нибудь других животных. Главное не в этом. Энергии у нас больше чем достаточно. Хватит лет на десять не только для того, чтобы снабдить ваши комплексы. Вы могли бы этой энергией залить сорок таких городов, как тот, что уже потеряли.

— О чём вы говорите? — В тоне инженера впервые прозвучали металлические враждебные ноты.

— О корабле, на котором сюда прилетел. Его энергетические установки в полном порядке. И нет никакой нужды в кочевых экспедициях. Нужно лишь вернуть корабль. Он стоит в стороне от города, вряд ли за такое короткое время синглиты смогли там организовать серьезную оборону. Надеюсь, с этой операцией ваши отряды справятся?

— Он очень большой, будто железная гора упала с неба. Я не думал, что он может быть таким огромным.

— Рон не видел корабля раньше. Первый раз это всегда так. Человек просто не может опомниться. Мы все слышали или читали про него, но чтобы он стоял вот так, совсем рядом...

Ротанов молча кивнул. Для него корабль был обычной машиной. Массой хорошо сработанного металла, за которую придется теперь отдать немало жизней. Шесть человек вместе с ним плотно сидели в открытой кабине роллера.

С опушки, густо заросшей кустами, открывался хороший обзор. Металлическая мачта корабля торчала посреди выжженной при посадке поляны. Теперь опаленная земля начала зарастать низкой травой. Не видно было ни малейшего движения внутри этого пустого километрового кольца травы. Никаких укреплений, никаких построек. Вообще ничего постороннего. Если и была охрана, то укрытия глубоко зарыли в землю и тщательно замаскировали. Еще хуже, если их ждали внутри корабля. Внешнюю силиконовую броню не смогут пробить ни излучатели, ни тепловые пистолеты.

Операция началась на рассвете, но теперь солнце стояло уже высоко, заливая все вокруг липким влажным зноем. Сигнала все не было. Ротанов оторвал бинокль от уставших глаз и посмотрел на часы.

До контрольного времени оставалось полчаса. Только когда охотники перекроют подступы к кораблю, окружат его со всех сторон, перережут дороги, идущие к городу, придет сигнал, и их маленькая группа захвата вступит в дело.

Невооруженному глазу громада корабля на фоне рыжих холмов представлялась чем-то неживым, посторонним и нереальным. Его нижняя часть в слое разогретого воздуха слегка изгибалась, словно корабль был всего лишь миражом... Стоило сесть на сорок километров

южнее, и все сложилось бы иначе... Но его привлекал город, город, давно утраченный людьми. Конечно, он не мог ничего предвидеть. И теперь вот его первое решение в качестве инспектора Земли привело их всех на эту поляну.

Ротанов думал о том, что предстоящий бой не будет походить на инсценировку, с которой столкнулся отряд инженера по дороге на базу. Из рассказов охотников он уже знал, что, когда нужно, синглиты умеют за себя постоять, они отличные бойцы, не знающие страха, и прекрасно понимают, что может означать для колонии корабль.

Рубашка прилипла к телу. Душно. Даже дышать трудно. В тягучем ожидании, казалось, остановилось само время. Ни шороха... Ни выстрела...

— Что они там, вымерли? Где же ракета?

Ему никто не ответил. Тишина словно придавила лес. Ничто не выдавало присутствия сотен людей, затаившихся в редких зарослях. Инженер бросил на эту операцию все силы, которыми располагала колония. «...Чересчур щедро. И чересчур охотно ухватился он за предложение захватить корабль».

Ротанов почувствовал еще раньше, что этот человек ведет хитрую, сложную и пока не совсем понятную игру. Он и не собирался разбираться во всех ее тонкостях. Если они захватят корабль, положение в колонии сразу изменится, он сумеет покончить со всеми хитростями инженера и сделает все, чтобы прекратить эти бессмысленные стычки, которые, похоже, нравятся инженеру... Ну, не то чтобы нравятся, скорее в них он видит самодель, словно мирная жизнь потеряла для этого человека всякий смысл.

Ротанов плохо представлял, каким именно способом удастся прекратить эту долгую, въевшуюся во все дела и мысли колонистов войну. Но твердо знал, что сделает для этого все, что сможет.

Ракета вспыхнула на дневном небе маленьким тусклым шариком. Вспыхнула тогда, когда ее уже перестали ждать.

Этот первый сигнал к ним еще не имел непосредственного отношения, он лишь означал, что дороги наконец перекрыты и три отряда охотников могут начинать атаку, расчищая дорогу их группе для последнего броска. Несколько секунд над опушкой все еще висела тишина. Потом долетел многоголосый, усиленный эхом крик.

Ротанов видел, как десятки людей поднялись во весь рост и бросились к кораблю. Они бежали сразу с трех сторон, на ходу стреляя из лучеметов. Вокруг корабля плясали маленькие с такого расстояния фонтаны земли. Вспыхивали игрушечные шарики тепловых разрывов. А корабль словно вымер. Ни одного выстрела, ни малейшего движения на всей огромной поляне, по которой бежали люди... Вот уже второй раз на его глазах бой превратился в непонятный фарс, словно противник задался целью всего лишь поиздеваться над всеми усилиями людей. Не могли же они без боя отдать корабль! Должны же были синглиты понимать хотя бы, каким мощным оружием может оказаться корабль!

В чем-то он просчитался, и этот его просчет грозил обернуться бедой, потому что бой в обстановке, в которой не все понимаешь, это уже наполовину проигранный бой... А люди все бежали. Им оставалось сорок метров до корабля, тридцать, двадцать... Постепенно замедлялся темп атаки. Никто уже не стрелял. Опустив оружие, они медленно, даже не пригибаясь, шли к кораблю. Все. Теперь они стояли вокруг плотным кольцом, и достаточно было включить двигатели...

— Вперед! — крикнул Ротанов. Но водитель лишь недоуменно посмотрел на него. Все еще не было условленной для их атаки второй ракеты.— Вперед, немедленно к кораблю!

Наконец водитель подчинился приказу. Роллер сорвался с места и понесся на предельной скорости. Машина раскачивалась, перепрыгивая через кусты и неровности почвы, двигатель рычал на предельных оборотах, но Ротанов понимал, что это не поможет, потому что из корабля противник отлично мог видеть, что происходило вокруг.

Они дождутся, когда роллер подойдет ближе, и тогда уничтожат всех сразу... Секунды растянулись как в замедленной киносъемке. Роллер полз словно большое жужжащее насекомое. «Вот сейчас, самое время...» И ничего не случилось. Ничего. Они остановились. Их окружили люди. Кто-то спрашивал, почему не дождались сигнала, водитель что-то объяснял инженеру... Ротанов смотрел на корабль. Смотрел не отрываясь. Он все еще ждал огненного всплеска двигателей и вдруг понял, что его не будет. Не будет, как не было выстрелов, трупов вокруг корабля. Словно синглиты лишь играли в войну, которую люди вели так серьезно и обстоятельно.

Подчиняясь приказам, отряды медленно начали отходить от молчаливого, точно присевшего перед прыжком корабля. По просьбе Ротанова отошли все три отряда. Осталась только группа захвата — всего пять человек. И они теперь стояли один на один с этим металлическим чужим зверем, в который превратился корабль в результате их странной атаки и долгого, изнурительно-го ожидания. Что-то должны были им здесь приготовить. Что-нибудь достаточно неожиданное... «Мины, засаду, ловушки? Нет. Это все из арсенала нашей войны, которую ведем мы, люди. Они наверняка приготоят что-нибудь свое, то, чего мы не можем предвидеть и ждать. И нужно идти навстречу неизвестности».

Дверь шлюзовой камеры оказалась открытой, словно их любезно приглашали войти. До нее было метров десять, потом начиналось мертвое пространство, где им уже не страшны будут двигатели. Ротанов шел эти десять метров медленно, осторожно и слышал за собой тяжелое дыхание пяти человек. Ничего не случилось. Они вошли внутрь шлюзовой камеры. Ротанов чувствовал вместо радости какое-то глухое раздражение. Наверно, оттого, что вместо схватки, победы или поражения он превратился в пешку. В простую пешку в игре, правила которой ему были неизвестны.

Если так будет продолжаться до самой рубки, он все же уравняет шансы. Вряд ли они смогли изучить корабль за короткий срок так, как знает его он сам. И если они позволят закватить управляющую рубку... «А что, если они вообще не собирались защищать корабль? Не считали его своим?» Это было слишком неправдоподобно. Таких подарков не делают во время войны. И тем не менее они беспрепятственно вошли в рубку. Последние метры по коридору перед дверью рубки они бежали и теперь, задыхаясь, стояли на пороге пустого помещения. Даже дверь не была заблокирована. Кресло перед управляющим пультом чуть развернуто влево к выходу. Именно так он оставил его неделю назад, когда покидал корабль. Да, всего лишь неделю... На приборах толстый слой пыли. Их будто старались убедить в том, что здесь вообще не было посторонних. Никто не собирался захватывать корабль, оборонять его. Словно они не знали, что двигатели главного хода в одну секунду могут смести с лица планеты остатки города или испарить целое море... Словно они не понимали, какой грозной и опасной ма-

шиной может стать корабль, если его использовать для войны...

Он сел в кресло и секунду сидел неподвижно, стараясь умерить бешеный ход сердца. Потом руки сами собой потянулись к управляющей панели. Вспыхнуло аварийное освещение приборов, щелкнули страховочные ремни. Правая рука привычно легла на плоскую граненную рукоятку главного выключателя реактора. Возможно, его остановил скрип двери за спиной или мысль о том, что все идет слишком уж просто даже для той неизвестной игры, которую ему навязали. Он чувствовал себя так, словно шел по шаткому мосту через пропасть. Шел с завязанными глазами. Но эта дорога касается только его одного. Собственные ошибки надо исправлять самому, он не имеет права рисковать чужими жизнями и обязан предвидеть самую невозможную ситуацию. Например, синглитам могло показаться заманчивым сделать так, чтобы он сам взорвал корабль, своими руками. Технически это не так уж сложно, достаточно отключить магнитную рубашку реактора...

Как бы там ни было, прежде всего он должен оставаться на корабле один и осмотреть все, что может осмотреть человек в этом металлическом лабиринте. Никто ему в этом не поможет. Он один знает корабль и один будет отвечать перед Землей за все, что здесь случится.

Он и сам не знал, что именно нужно искать в бесчисленных помещениях корабля, забитых техникой, предназначенней Землей для колонистов. Отсеки, в которых он ни разу не был с самого старта, встречали его запахом плесени и промозглой сырости. Вентиляция не работала с того дня, когда отказалась автоматика, и механизмы, заполнившие отсеки, уже начали покрываться ржавчиной.

Проверил машинное отделение, отсек реакторов, штурманскую рубку и не смог найти никаких следов... Ничего постороннего. Часа через четыре, совершенно измученный, он добрался до своей каюты. Швырнулся в мусоропровод грязную изодранную одежду и прошел в душ. Стоя в облаке горячих брызг, со всех сторон упругой волной обдававших тело, он думал о том, что с него, пожалуй, хватит крысиной возни. Сейчас он оденется, пройдет в рубку, включит реактор и начнет обычную стартовую процедуру. В конце концов, он придет именно к этому, не хватит и десятка лет, чтобы одному человеку осмотреть корабль достаточно детально. Если здесь и

спрятано что-то чужое, ему придется познакомиться с этим по ходу дела...

Рука медленно, миллиметром за миллиметром сдвигала рукоятку включения реактора. Послышался знакомый щелчок, затем толчок, и по стенам переборок волной прошла вибрация. Низкий гул под югами рубки означал, что реакция освобождения нейтронов началась. Вспыхнули огоньки на приборной панели, качнулись стрелки приборов. Реактор входил в рабочий режим... Ротанов вытер пот, заливавший глаза, и чуть тронул стартовую рукоятку, проверяя, пойдет ли топливо к планетарным двигателям. Оно пошло. Корабль мелко задрожал. Он увеличил подачу топлива и включил двигатели. Сейчас внизу бушевало зеленое пламя, сжигая все вокруг. Захотел увидеть, как это выглядит. Потянулся к тумблеру оптического перископа, но и после щелчка линзы остались матово-серыми. Это был первый сюрприз. Не работала оптика. Корабль ослеп. Совершенно машинально он повернул тумблер выключателя локаторов, хотя отлично помнил, что они не работали с того момента, как отказалася вся электроника. На стенах рубки мягко вспыхнули голубоватым светом четыре глубоких овала. Это было так неожиданно, что он отдернул руки от рычагов управления, но почти сразу его вдавило в кресло, а на оживших экранах уже прорастало изображение. Он увидел, как пламя внизу под кораблем сузилось, набрало силу и поверхность планеты медленно пошла вниз, словно корабль проснулся, обрел собственную волю и выходил теперь на свой, одному ему известный курс. На приборной панели вспыхнуло табло, предупреждавшее пилота о включенной автоматике.

На корабле не было никакой автоматики! «То есть ее раньше не было», — тут же поправил он себя и, уже ничему не удивляясь, рванул рукоятку, отключавшую автоматику. Рукоятка шла ровно, без всякого сопротивления, и он уже знал, что это бесполезно. Так просто ему не удастся подчинить себе вышедшую из повиновения машину. Начался тот самый поединок, без выстрелов и погонь, которого он ждал с самого начала. Поединок, в котором выиграет тот, кто быстрее разберется в обстановке, на мгновение раньше найдет правильное решение...

Значит, в компьютере появилась новая программа? Но для этого им пришлось бы восстановить заново весь компьютер... Нужны десятки специалистов, сотни слож-

нейших машин... Даже на Земле создание корабельного компьютера требовало не меньше месяца, что-то здесь было другое... Но корабль, словно опровергая все его доводы, продолжал набирать высоту и медленно поворачивал влево, в сторону от центральной базы...

Он чувствовал по изменившемуся режиму двигателей, по тяжести, вдавившей в кресло, что перегрузка достигала уже четырех единиц и встать с кресла будет теперь непросто. Неожиданный толчок двигателей может швырнуть его на пол. И все же вставать придется. Только так он сможет добраться до этого проклятого компьютера, осмотреть который ему не пришло в голову. Слишком хорошо он помнил, что там не было ничего, кроме сгоревших при переходе блоков...

Он вставал медленно, как боксер на ринге, только что получивший нокаут. Шаг, еще шаг. Ноги точно напились свинцом, подгибаются колени. Корабль продолжает набирать скорость: пять «же», шесть... Хорошо, что плавно, с этим он еще может справиться, только бы не было резких толчков... Вот наконец перед ним стена рубки. За ней панель компьютера, его внутренности. Чтобы снять панель, нужно отвернуть четыре винта. Совсем простая задача. Вот только нужна отвертка... Еще несколько секунд, а взбесившийся корабль продолжал набирать скорость, пер вверх на полной мощности планетарных двигателей. Последние два винта он не стал отворачивать, просто рванул панель на себя и сломал край обшивки.

Четыре светлых небольших куба сразу бросились в глаза. Они притаились среди зеленых блоков компьютера. Словно четыре инородных чужих блока. Их даже не посчитали нужным замаскировать, окрасить под цвет остальных ячеек. Были уверены, что он не полезет в компьютер? Нет, скорее всего где-то есть дублеры... Даже если он найдет способ справиться с этими, включатся резервные... А кстати, как с ними справиться, отверткой? Нужен инструмент, что-нибудь солидное, плазменный резак, например, но он в другом отсеке. При шести «же» уйдет не меньше двух минут, и тогда уже, может быть, будет поздно. Корабль выйдет на курс, отключит двигатели. Неизвестно, включатся ли они снова...

Нужно что-то придумать немедленно, сейчас. Придумать, а не бегать по отсекам. Плазменным резаком он с ними не справится, он чувствовал, что грубые ме-

тоды будут в этом поединке так же бесполезны, как бесполезны оказались лучеметы и все другое оружие еще в начале атаки.

Сколько у него времени? Корабль пробьет атмосферу минуты через две, если режим разгона не изменится. И потом скорее всего начнет разворот. К тому времени он должен быть в кресле. Каждая проигранная секунда вела его и корабль к неизвестной цели, которую уготовили его противники.

Какое-то время ему казалось, что выхода нет, что он не успеет ничего придумать, что он проиграл и корабль никогда не вернется к людям... Четыре пластмассовых ящичка его доконали... Вдруг он подумал, что они маленькие... Ничтожно маленькие по сравнению с тысячью блоков компьютера, заполнивших всю поверхность ниши за переборкой. Как же они сумели втиснуть в такой объем сложнейшую программу управления кораблем? И вдруг он вспомнил, что автоматика включилась только после того, как он случайно повернул рукоятку локаторов... Тут что-то было, какая-то связь. Автоматика и локаторы... Антенны! Ну, конечно, антенны! Как он сразу не догадался! Нет там никакой программы. Приемник команд, вот что там такое! Кораблем управляют снаружи. А раз так, то корпус должен быть надежным экраном, и если отключить антенны... Он бросился к креслу. Вряд ли его неуклюжие движения под прессом перегрузок походили на бросок. Все же через несколько секунд он втиснулся в кресло, застегнул страховочные ремни. Трудно было предугадать, как поведет себя корабль после отключения антенны. Сможет ли он им управлять? И что они предпримут в ответ?

Шелкнул тумблер, погасли экраны локаторов... И ничего не случилось. Наверное, им потребуется какое-то время для того, чтобы понять, что произошло, и принять новое решение. Этим надо воспользоваться... Он осторожно, буквально по миллиметру потянул на себя рукоятку ручного управления. Корабль слушался! Теперь слушался! Он тут же включил боковые двигатели и сразу до отказа повернул рули, заваливая корабль набок, настолько круто, насколько могли выдержать перегрузочные амортизаторы и он сам. Его прижало к креслу, мысленно он видел, как нос машины очерчивает в пространстве пологую кривую параболу, постепенно возвращавшую его к планете. Уже через несколько секунд он начнет снижаться, но сейчас скорость корабля упала,

и для них это самое удобное время что-нибудь предпринять... Чего они ждут?

И тут он понял. Для того чтобы сориентироваться, чтобы правильно закончить маневр и хоть приблизительно направить машину в нужное место, ему придется хотя бы на секунду включить локаторы, не зря его лишили оптики. Этим они и воспользуются.

Выбора у него не было. Как только на альтиметре появилась цифра восемь тысяч метров, он переключил двигатели и бросил корабль вниз к поверхности планеты по крутой траектории с такой перегрузкой, что в глазах потемнело. Исправлять курс, доворачивать он будет потом, у самой поверхности. Им потребуются считанные секунды, чтобы рассчитать его маневр. Как только они поймут, последует немедленная атака, потому что иначе они вообще не успеют. Он взглянул на секундомер. Все, больше медлить нельзя. Он вырубил двигатели и включил сразу все локаторы. Прежде чем экраны прогрелись, корабль содрогнулся от серии взрывов.

Вокруг него в пространстве лопались металлические хлопушки ракет. Ротанов почувствовал удовлетворение, потому что это означало, что они растерялись, не смогли выдержать до конца правила игры, которые сами же предложили, не сумели достичь неизвестной ему цели, ради которой и была затеяна вся эта сложная инсценировка. Теперь они пытались попросту уничтожить корабль и тем самым признавали свое поражение.

«Ну, это мы еще посмотрим... Противометеорная защита ближнего действия работает без локаторов, так что прямые попадания мне не грозят, только и для них это, конечно, не секрет. Сейчас они двинут чем-нибудь посолидней».

Экраны наконец прогрелись, и он увидел стремительно приближавшуюся поверхность планеты. Маневр был рассчитан правильно. Ему нужно выиграть еще минуту, не больше, потом им придется бить по поверхности планеты. Вряд ли они рискнут применить там что-нибудь действительно мощное, а обычные ракеты ему не страшны. Так что они постараются врезать ему именно сейчас в эти самые считанные секунды. Нельзя терять из виду ни одного экрана. Снизу идут обычные ракеты, целых пять. Эти не страшны. Вон она... Сверху... Эту хорошо бы перехватить на дальних подступах... Он толкнул плечом турель противометеорной пушки и нажал педаль. Экраны горели ровным, немигающим светом. Выстрела не после-

довало... Тогда вниз еще круче, это все, что ему остается... Двигатели не включаются!.. К черту локаторы! Ничего с ним не случится, если он не увидит, как врежет по нему эта штука... Вот так, теперь двигатели включились! Пожалуй, достаточно, испульс был сильным. Придется снова включать локаторы...

Он включил их ровно на одну секунду. За эту секунду он успел убедиться в том, что идущая на него сверху ракета проскочит над кораблем. Даже если она с самонаведением, не успеет скорректироваться, слишком велика у нее масса, и только потом, развернувшись, снова пойдет на корабль. Но тогда уже будет поздно, он успеет приземлиться... Прежде чем он выключил локаторы, двигатели дали дополнительный импульс без всякого его участия. Теперь он не знал, сможет ли затормозить. И даже если успеет погасить лишнюю скорость, сесть без локаторов невозможно. А стоит их включить, управление полностью выходит из-под его контроля... Похоже, они все же его прижали... Он закрыл глаза, чтобы не отвлекаться, и вызвал в памяти изображение поверхности планеты, виденное на экране секунду назад. Мысленно он как бы продолжил ее движение, сам себе пытаясь заменить локатор... Вот! Именно в это мгновение темное пятно радиусом в несколько километров должно было заполнить весь носовой экран. Он толкнул вперед сразу оба тумблера носовых двигателей. Разворачиваться для посадки кормой вперед уже не было времени. Двигатели взревели, и почти в то же мгновение корабль содрогнулся от страшного удара по корме, пробившего поле противометеорной защиты. На секунду он, кажется, потерял сознание, но даже не заметил этого, потому что, прежде чем корабль завалился на правый бок, он успел его выровнять коротким ударом боковых двигателей и еще раз принял всю массу корабля на носовые, сам удивляясь тому, что они еще работали и держали машину корабля на своем огненном столбе. Секунду он висел неподвижно неизвестно на какой высоте, потому что альтиметр как будто взбесился после того удара. С отчаянием он понял, что это последняя секунда, что больше ему не справиться с машиной, не удержать равновесия.

И тогда он плавно потянул на себя рукоятку остановки реактора, миллиметр за миллиметром подтягивая ее к себе, почти физически ощущая, как падает мощность, уменьшается тяга носовых и все ближе, ближе невидимая поверхность планеты. Выбросив носовые опоры, рванул

красную рукоятку аварийной посадки. Почти сразу по бокам хлопнули четыре пиропатрона, открывая дюзы резервных двигателей разового действия.

Они выровняли раскачивающийся корабль, повели его вниз. Но их действия хватит на сто метров, и если он просчитался, если до поверхности окажется чуть больше этого расстояния, то корабль всей массой навалится на опоры, сомнет их и рухнет набок... Даже десяти метров будет достаточно, чтобы превратить машину в груду металлома. Но почти сразу он почувствовал мягкий толчок, двигатели отключились автоматически, как только опоры коснулись поверхности, и все стихло. Еще секунду-другую скрипели амортизаторы, легкая дрожь пробегала по переборкам, потом смолкла и она. Корабль прочно стоял на опорах, и, значит, ему удалась эта немыслимая слепая посадка на искалеченном корабле. Он подождал еще секунд десять, ожидая продолжения обстрела. Взрывов больше не было.

Когда Ротанов распахнул дверь входного шлюза, лес вокруг корабля горел. Он горел как-то нехотя, чадящим красноватым пламенем. Странно выглядел с высоты сорока метров этот горящий под ногами лес. Деревья прикрывали только опоры, вся остальная громада корабля вздымалась высоко над ними и была отличной мишенью. Чего они ждут, почему не стреляют? Тишина, нарушающаяся только треском пожара, показалась ему оглушительной. Пожалуй, нет им резона стрелять... Если он просчитался и посадил корабль далеко от базы, они доберутся до него первыми и попытаются захватить корабль, а не разрушать его. Надо готовиться к встрече...

Задрав голову, он осмотрел корму, принявшую на себя тот единственный, прорвавшийся сквозь защиту удар. Сильно помятое хвостовое оперение, возможно, смещены кормовые дюзы. Это все мелочи. Главное — уцелел пространственный реактор... Защита заставила ракету взорваться в стороне от корабля и приняла на себя основной удар.

Пожар постепенно стихал. Чужой лес горел молча и глушил огонь в лохмотьях жирного черного дыма. С востока в пожаре уже появились просветы, похоже, через час-другой огонь вообще сойдет на нет. Но все же вокруг корабля выгорело достаточное пространство, и никто не сможет перейти его незаметно.

Занятый проверкой немногих оставшихся в его распоряжении сторожевых и защитных систем, не связанных

ных с центральным компьютером, Ротанов не переставал думать о том, зачем синглитам понадобилась такая сложная и хитрая процедура. Может, они хотели заставить его запустить пространственный конвертер? Это, пожалуй, всего вероятней. Ведь они незнакомы с принципом пространственного перехода, и конвертер наверняка показался им бессмысленной трубой. Они хотели узнать, для чего служит этот неизвестный механизм. Это была не такая уж нелепая попытка, они не могли знать, что конвертер включается только на околосветовых скоростях в глубоком космосе... Вряд ли он поймет истинные причины, которыми они руководствовались, важно то, что он выиграл поединок, посадил корабль. Теперь все зависело от колонистов. Если бы только их отряды подошли первыми! Может быть, удастся не устраивать здесь баталии, а поднять корабль, например, ночью и отвести его к базе.

Наверно, от дыма пожара Альфа казалась фиолетовой, почти красной. Она уже касалась горизонта, когда он заметил движение на дальних подступах к кораблю. По тому, как свободно, не прячась, шли люди, он почти сразу догадался, что это отряд колонистов.

Они радовались кораблю, как дети новой большой игрушке. Разошлись по всем отсекам, разглядывали каждый механизм. Пришлось временно перекрыть управляющие отсеки и все другие помещения, где незнакомые с устройством корабля люди могли попасть в опасную ситуацию. Он едва успевал отвечать на расспросы. Когда немного утихла радость от благополучного исхода сложной операции, стали думать, что делать дальше.

Охотники захватили на окраине города три ракетные установки, обстрелявши его корабль, и вывели их из строя. Но могли быть другие, еще неизвестные разведчикам. Поэтому решили подниматься с наступлением полной темноты. До базы оставалось всего десять километров. Ротанов надеялся выполнить этот последний подскок с включенными локаторами.

По сведениям охотников, с наступлением темноты всякая деятельность синглитов прекращалась. Это было как-то связано с их биологией, и в этом еще предстояло разобраться, сейчас же важно другое: управляющие передатчики синглитов не смогут помешать. Ночью страшны только люссы, но ни один люсс не сможет пробиться сквозь поле корабельной защиты.

Через час после наступления темноты корабль плавно опустился на площадку совета около основной базы колонии.

Это было немыслимо! Ротанов отбросил очередной блок. Он сидел перед большим чертежом. Линии прыгали перед глазами. Десятый день он сидит на площадке перед кораблем, стараясь разобраться хотя бы в основном принципе, на котором работала чужая аппаратура, набитая в четыре пластмассовых куба. Примерно девятьсот контактных точек обнаружил он на поверхности. От них вглубь уходили тонкие, как волос, проводники. На экране электронного искателя он мог просматривать все содержимое блока слой за слоем, хоть на молекулярном уровне и все равно ничего не мог понять. Там не было ни одного активного элемента. Ничто не усиливало электрический ток, никуда не подходило питание, и все-таки ток был внутри этой сумасшедшей схемы. Целые потоки электронов шли в различных направлениях, усиливались, ослаблялись, словно бы сами собой, по щучьему велению, меняли направление движения... Мало того, вся схема этого чертового куба не была постоянной. Она менялась и там, где недавно были накопленные на невидимых емкостях электрические потенциалы, при следующем просмотре того же самого места он мог обнаружить все, что угодно, начиная от индуктивности и кончая односторонней проводимостью кристалла. Куб выдавал из своего непостижимого нутра все те команды для исполнительной аппаратуры корабля, которые едва не кончились катастрофой, и сейчас он тоже что-то выдавал на все свои выходные точки, дикую смесь непонятных электрических сигналов...

В этом куске кристаллической массы был ключ к основной проблеме, к возвращению домой земных кораблей... Между прочим, и его корабля тоже... Прежде чем разработать план дальнейших действий, он должен был знать, способна ли их электроника заменить земной компьютер... В том, что она способна на многое, он уже не сомневался, но ему нужно было установить порядок сложности задач, которые может разрешить один такой блок, и узнать хоть приблизительно, сколько блоков понадобится для решения задачи пространственного перехода, возможно ли принципиально решение подобных задач с помощью этой электрической абракадабры.

Два человека спускались к нему по тропинке. Он просил не беспокоить его без крайней необходимости и сейчас с раздражением смотрел на приближавшихся людей. Прежде чем они подошли, он уже взял себя в руки. Само раздражение говорило о том, что пора сделать в работе основательный перерыв.

К нему подошли доктор и председатель совета. После посадки корабля без его участия не решалось ни одно важное дело. Корабль стал как бы центром, вокруг которого сосредоточились все надежды колонии на ближайшее время. Он был еще и символом... символом Земли. Без корабля Ротанов, несмотря на все полномочия и документы, был всего лишь пилотом, и только теперь, когда высоко над зазубренной вершиной хребта вздыбились сверкающие фермы и четкие линии звездолета, он стал для них представителем Земли.

Началось обсуждение текущих дел. Заканчивалась прокладка бронированных кабелей из пещер к энергосистемам корабля, велись работы по освоению техники, привезенной им для колонии. И, хоть большинство аппаратуры вышло из строя во время перехода, все же многое сохранилось, и теперь колония располагала хорошим парком станков для литья из сверхпрочного пластика любых деталей. Можно было не беспокоиться о запасных частях для механизмов и оружия. Трудный ночной сезон впервые пройдет без особых проблем. По настоянию Ротанова заканчивалось проведение подземного хода из пещер к корабельному шлюзу. Как только он будет готов, корабль превратится на всю долгую зиму в главный форпост колонии. Корабельными энергетическими установками и силовыми полями можно будет прикрывать любые опасные участки, если только он сможет восстановить хотя бы простейшие функции корабельной электроники. Все упиралось в электронику. Без нее сложнейший организм звездолета превращался как бы в старинный паровоз, могучий, но тупой и неуклюжий. Хорошо хоть предусмотрели ручное управление главного реактора. Сколько ему пришлось за это биться! И вот теперь они располагают энергией.

Когда с делами было покончено, доктор отвел Ротанова в сторону.

— Одна моя пациентка хотела бы поговорить с вами...

— Какая пациентка? — не сразу понял Ротанов.— Неужели Анна?

— Вот уже третий день... Просила не говорить вам,

ждет, что вы сами догадаетесь о ней спросить и придете...

Дорога вниз к жилым пещерам была довольно долгой. Ротанов шел рядом с доктором и думал о том, что повезло только ему да вот еще Анне. Главной проблемой, даже подходов к которой пока не видно, оставалась единственная защита от люссов.

— Как вы считаете, у нас с Анной природный иммунитет?

— Трудно что-нибудь сказать определенно, мы мало знаем о механизме воздействия люсса. То, что я вам рассказывал, это только догадки. А что касается иммунитета... Гибернация ослабляет наследственность, а мы все потомки тех, кто много лет провел в корабле в замороженном состоянии. Первое время люди сильно болели. Часто рождались калеки. Так что не знаю, с Анной все очень сложно. Может быть, постепенно наследственность стабилизировалась, может быть, она одна из тех, кто пришел в норму.

— Вы хотите сказать, что воздействие люсса на здорового человека с неповрежденной наследственностью безвредно?

— Я не знаю. Это только предположение. Когда прилетят другие люди, можно будет сделать выводы, пока мы имеем всего два случая. Ваш и Анны. Пуще всего их объяснить природным иммунитетом. Как у вас дела с электроникой, удалось в чем-нибудь разобраться?

— Нет.

— Я так и думал.

— Почему? — с интересом спросил Ротанов.

— Чужой разум, чужая логика. Чем дольше они развиваются, тем меньше в них человеческого.

— Меня в них поражает совсем не это... Вот вы говорите, чем дольше, тем меньше в них человеческого. Но возьмите ту же электронику. Ведь это творчество, доктор, и какое! То, что они создавали до сих пор все эти роллеры, механизмы, это все они взяли готовым из наших чертежей, книг — повторять могут и роботы. Только творчество — свойство разума. А вы говорите — мало в них человеческого.

— Вы меня не поняли. Разум может принадлежать не только людям. Вы же не собираетесь утверждать, что возможен лишь человеческий разум или только наша логика, наша мораль?

— Ну уж вы и о морали заговорили. Конечно, с этим невозможно спорить. Они другие.

— А знаете, почему? Надкорка, кора — это все они копируют с человека. Мало того, все, что есть в самой коре в момент снятия копии, принадлежит одной конкретной личности. Но только в момент снятия копии. Дальше все меняется, вновь созданная система динамична.

— То есть появляется свой опыт, свои воспоминания?

— Не только это. Дело в том, что подсознание у них вообще не копируется. Я подозреваю, что эту область они целиком наследуют от люссов. И все инстинкты, их способность телепатического общения — это все оттуда... В общем, возникает новая личность, и чем дальше она развивается, тем меньше похожа на первоначальную...

— Я все время думаю, что эти события — результат трагической ошибки.

Доктор с интересом посмотрел на него.

— Вы первый, от кого я это слышу. Но вам легче судить. Над вами не довлеют наши обстоятельства, наши беды.

— Возможно. Мы оставляем планету даже в том случае, если не можем ужиться с местной фауной, если возникает угроза уничтожения какого-нибудь вида, даже тогда люди предпочитают уйти, а здесь разум! Пусть даже он возник в такой странной, неожиданной форме, пусть сами люди явились причиной его возникновения...

— Гибель людей...

— Да. Простите. Но это все равно не меняет сути дела. Войну пора прекращать.

— У вас есть какой-то конкретный план?

— А как вы думаете, они способны соблюдать взятые на себя обязательства?

— То есть можно ли с ними вести дипломатические переговоры? Ну знаете, у нас это никому не приходило в голову!

— А жаль... Надо бы попробовать.

— Вряд ли они вообще поймут вас. В их представлении люди только материал для создания новых синглитов. Они предназначены на эту роль самой судьбой, может, вы и с люссами собираетесь договориться?

Ротанов ничего не ответил. Он думал о том, что они

уже проиграли. Если бы не его корабль, предстоящая ночь стала бы для колонии последней.

— Где инженер?

Доктор пожал плечами.

— Последнее время я его редко вижу на базе, наверно, готовит очередную операцию.

— Без этого ему скучно, что ли?

— У него дочь погибла и жена. Я его понимаю.

— А я нет! — резко сказал Ротанов, и вдруг из охватившего его чувства возмущения и гнева неожиданно родился план. Сразу весь, целиком, со всеми деталями. Он резко остановился, так что доктор, идущий сзади, от неожиданности налетел на него.

— Что случилось?

— Ничего. Пока ничего, но, кажется, я знаю, что делать дальше.

В палате, где лежала Анна, тихо гудел кондиционер. Сухой прохладный воздух шевелил колючую рыжую ветку, торчавшую у изголовья ее постели. Ротанов пожалел, что не догадался захватить с собой семена земных цветов. Вместо электронного хлама, который пошел на свалку, нужно было привезти горсточку семян.

Он сидел у ее изголовья и молчал. Не хотелось говорить банальные фразы, которые принято говорить больным, а других, нужных слов у него не находилось. Анна тоже долго молчала, словно понимала, что слова сейчас не нужны. Ротанов потрогал ветку, точно проверяя, остры ли колючки.

— Скоро мне разрешат выйти. Я не хотела, чтобы вы приходили сюда.

— А доктор сказал, что...

— Это ему так кажется. Они все думают, что мне скучно. Но это не так, мне бывает грустно, но только оттого, что я боюсь опоздать и не увидеть солнца в эти последние дни, потом его придется ждать так долго.

— Я вам обещаю сделать подарок, когда вы выздоровеете.— Он старался не смотреть на нее, так сильно похудело и заострилось лицо девушки.

Анна улыбнулась.

— Мне все делают подарки. Вот даже инженер раздобыл где-то коробку конфет. Это большая редкость у нас. Почти реликвия...

Ротанов улыбнулся, услышав о конфетах. В плане, который он продумал, спускаясь к Анне, не хватало одной маленькой детали...

— Мой подарок будет совсем другим. Я подарю вам мир.

— Весь, целиком? — шутливо спросила Анна, словно не понимая его.

— Нет. Пока только дневную половину, но зато это будет настоящий мир, без подделки! Без войны, можно будет бегать босиком, ловить рыбу, уходить из дома в походы на десятки километров, разжигать костры... и не надо будет бояться...

— Вы шутите...

Он видел, как заледенели, расширились ее глаза, как секунды две она боролась, но все же показались слезы.

— Не надо так шутить... Это жестоко...

— Я не шучу, Аня! Я вам обещаю, чего бы это ни стоило, так и будет!

Слезы застыли у нее в глазах, а сами глаза на бледном лице показались Ротанову двумя огромными черными озерами. И вдруг она ему поверила сразу, без оглядки, как тогда у ночного костра... Что-то дрогнуло у нее в лице, она нашла его руку и сжалла.

— Мне трудно представить, как это будет, Ротанов. Никто из наших не сможет даже вообразить такой жизни.

— Ничего. Постепенно привыкнут.— Он поднялся, но все никак не мог преодолеть неловкость. Оставалось еще одно небольшое дело, и он не знал, как к нему подступиться.

— Я хочу попросить вас об одолжении, Аня...

Она смотрела на него выжидательно, чуть удивленно.

— Подарите мне вашу коробку конфет. Она мне понадобится для очень важного дела...

К счастью, она ничего не спросила. Вряд ли он сумел бы объяснить, для чего ему это нужно.

Солнце стояло в зените, когда Ротанов миновал последний сторожевой пост и вышел на тропинку, ведущую к городу.

Труднее всего было уговорить председателя отпустить его без охраны и оружия. Он и сам понимал, насколько это опасно. Хотя сингллы стремились избегать кровопролитных стычек и без нужды не применяли оружия. Многие считали, что это происходит вовсе не из их

гуманности, просто они «берегли материал», как выражался один из охотников, и, вместо того чтобы убивать пленных, оставляли их связанными в лесу, предоставляя все завершать люссым. На тех же, кого считали особо опасными, синглиты устраивали настоящую охоту и проявляли немало изобретательности. Так что на гуманность рассчитывать не стоило, скорее уж на благоразумие... Должны же они сообразить, что теперь, после угона звездолета, после восстановления связи колонии с Землей соотношение сил изменилось не в их пользу.

«Гуманность, благоразумие... Слишком много я им приписываю человеческого. Мне просто фантастически повезло в тот раз, когда я благополучно выбрался из города. Так нет, меня несет туда снова... Ну почему не дождаться прилета Олега и не попытаться самим наладить компьютер? Сверкнет огненный глазок, вон хоть из-за этого кустика, и все на этом кончится. Радиосвязи у них нет, видите ли. Блоки для корабельных компьютеров у них есть, а связи у них нет, и нельзя предварительно ни о чем договориться. Писем они не читают, в плен не сдаются, остается выступить в качестве мишени. Нет другого выхода...»

Выход, может, и был, но он выбрал самый короткий путь, разработал план, который обещал в случае удачи покончить с войной, и не собирался от него отказываться.

«Вот вернусь на Землю, возьму годовой отпуск, и пусть провалятся все эти Альфы, Гидры, синглиты, люссы...»

Но он совершенно точно знал, что никуда отсюда не денется. Раз в жизни выпадает человеку удача наткнуться на чужих планетах на что-нибудь по-настоящему невиданное, на такое, ради чего, собственно, люди стремились к звездам... Визит к рэнитам по сравнению с этим казался ему теперь пустяковым развлечением.

Горячий ветер догнал его сзади со стороны леса и, подняв облачко пыли, понесся по дороге дальше к городу. Рыжая тропинка, рыжая трава на ее обочинах, даже ветер от пыли кажется здесь рыжим. Стрелять они определенно не собирались. Он дошел до самой окраины, так никого и не заметив, хотя наверняка миновал не один их дозорный пост.

Все заброшенные развалины выглядят одинаково, но в облике города было нечто говорящее о том, что жизнь не окончательно покинула его руины. Наверно, это впе-

чатление создавала белая башня, взметнувшаяся метров на пятьдесят над центральной частью города. Что у них там — локаторные станции? Труба вентиляции от подземных цехов? С исчезновением Филина колония перестала получать сведения о жизни города. Он один из всех разведчиков умел безнаказанно проникать в город.

Интересно представить, как будут выглядеть города на этой планете лет через двести. Если развитие пойдет дальше своим естественным путем без вмешательства людей, то, пожалуй, города исчезнут вовсе. Синглита не нужны здания, разве что для производственных цехов. Но их лучше располагать под землей. Сами же они не нуждаются в домах. И не только в домах, одежда им тоже не нужна, она мешает их коже поглощать энергию солнца, так что одежда и здания для них — атавизм, остатки прошлого. Им все равно, где жить, здесь или в лесу. И держатся они за город потому, что в нем сосредоточены их производственные ресурсы.

Как знать, не война ли явилась причиной такого бурного развития их промышленности? Нужно ли будет им производство в мирных условиях? Есть ли вещи, в которых они нуждаются по-настоящему? Даже этого люди не знают, а для успеха его плана было чрезвычайно важно определить какие-то предметы производства или технологические процессы, найти малейшую запеку, чтобы предложить что-нибудь, с их точки зрения, стоящее, в обмен на их фантастическую электронику...

Печальный скрип и последовавший за ним грохот заставили его резко обернуться. Соседнее здание накренилось, упало несколько обломков, секунду стена колебалась в неустойчивом равновесии, да так и осталась, словно раздумала падать.

«Что-то я слишком беспечен... — подумал Ротанов. — С чего бы? Город словно вымер, но это впечатление обманчиво. Надо быть внимательней».

Первого синглита он заметил, когда прошел всю окраину. Синглит стоял у здания, похожего на замок, в котором прошлый раз была резиденция их координатора, назвавшего себя Бэрром. Похоже, это часовой. Синглит стоял у входа в здание неподвижно, положив тяжелый раструб излучателя на сгиб локтя. С виду обыкновенный парень лет двадцати, в коротких шортах и без рубахи. Когда Ротанов подошел шагов на тридцать, он уже так не думал, потому что кожа этого существа вовсе не походила на человеческую. На ней не было

ни одной морщинки, ни одного волоска. Атласная ровная поверхность темного, почти шоколадного цвета казалась искусственной, почти неприличной. Так, наверно, будет выглядеть манекен, если его без одежды поставить посреди улицы.

— Мне нужно видеть Бэрга,— четко, словно разговаривал с глухим, произнес Ротанов.

— Бэрг занят.

— Скоро ли он освободится?

Часовой молчал. Может быть, не рассышал или не желает отвечать?

— Мне подождать?

— Бэрг занят. Можете говорить со мной.

Это неожиданное предложение его не устраивало. Возможно, у них так принято и нет никакого координатора, все равно к Бэргу он привык, приготовился к беседе именно с ним и не желал решать важные вопросы, стоя посреди улицы, с первым встретившимся синглитом.

— Мне нужен Бэрг.

— Бэрг занят.— Часовой даже интонации не переменил. Но Ротанову почудилась в его взгляде скрытая насмешка, и он ощутил глухое раздражение. Но тут же напомнил себе, что пришел в чужой дом и, следовательно, нужно было принимать чужие правила такими, какие они есть.

— Хорошо. Я приду позже.— Он повернулся и пошел дальше по улице, все время ощущая на спине холодок, оттого что излучатель был в боевом положении и оттого, что не знал, каким будет следующее правило.

Он прошел своей мягкой, но напряженной походкой до самого переулка. Ни звука, ни шороха не раздалось за спиной. По-прежнему нещадно палило солнце, с него градом катился пот, когда он завернул в переулок, хотя минуту назад вовсе не ощущал жары. Нужно было сразу решить, что делать дальше, потому что самым глупым было вот так расхаживать по улицам, где за каждым углом таилась неизвестная опасность. Еще опасней было бы сейчас прятаться, потому что он пришел открыто, без оружия и не желал без нужды лишать себя этого небольшого преимущества. Часа два нужно чем-то заняться, прежде чем попытаться еще раз увидеть Бэрга.

Ротанов все еще раздумывал, что делать, когда сзади послышались шаги. Он повернулся и стал ждать, стоя так, чтобы тот, кто выйдет из-за угла, наткнулся на него неожиданно. В то же время он не прятался, просто стал

вплотную к углу дома. Все его предосторожности оказались напрасными, потому что тот, кто шел по улице, отлично разгадал его маневр, словно видел сквозь стены, и остановился, не доходя до угла дома нескольких шагов.

— Ротанов! — позвал его знакомый голос. И сердце вдруг ударило быстрее всего два раза, не больше. Наверно, из-за того, что он только что думал о ней... Об этом существе, похожем на земную женщину...

Она стояла за углом, вытянувшись, словно по стойке «смирно». Он все никак не мог привыкнуть к их неестественным для человека позам.

— Зачем вы прячетесь? — спросила она.

— Я вовсе не прячусь. Услышал шаги и ждал.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Снимите куртку.

Ротанов послушно снял куртку. Достал из внутреннего кармана небольшой сверток и положил на землю.

— Что это?

— Это для вас. Поговорим об этом позже, можете взять сверток себе.

— Ладно. Оставьте. Мне поручено выслушать вас. Зачем вы пришли?

И опять он не знал, что ответить, потому что не хотел сложные вопросы обсуждать на ходу, посреди улицы, под дулом излучателя в сорока шагах.

«Как сильно они нас боятся и как мало знают», — с горечью подумал он, мучительно ища выхода из создавшейся нелепой ситуации.

— Неужели обязательно вот так, здесь?.. Может быть, пройдем к вам? Разговор будет долгим и непростым.

— Нет. Говорите сейчас.

— Но почему, ведь раньше...

— Раньше вы не крали у нас корабли. Теперь вы враг, но мы готовы вас выслушать. Говорите!

— Я не крали у вас корабля. Не забывайте, этот корабль не принадлежал вам, я на нем прилетел.

— Это правильно. Если бы вы улетели на этом корабле. Но вы передали его нашим врагам. Мы этого не забудем.

— Не забывайте также, что ваши враги — мои соотечественники. Но я передал им корабль не для продолжения войны. Только для обороны против нападе-

ния люссов. Я обещаю, что корабль не будет использован в войне против твоего народа! Но вслед за этим кораблем прилетят другие. Вам все равно придется рано или поздно вести переговоры с людьми. Не лучше ли начать сейчас? Зачем лишние жертвы? Планета большая, здесь хватит места и вам и людям, зачем уничтожать друг друга?

— Люди сами начали войну. Людям нравится война, а сейчас ты пытаешься нас убедить, что вы хотите мира. Я не знаю, зачем ты лжешь. Люди любят прятаться за углами и нападать из засад, не надо только считать нас простаками. Мы не верим тебе.

— Проще всего не верить... Думаешь, мне легко было убедить наших согласиться на прекращение войны? Но они согласны. Я принес вам их согласие на мир, они готовы забыть все годы войны, им нелегко это сделать, но они обещают, а люди всегда держат свое слово. Вы ведь ни разу даже не пробовали заключить с ними договор, почему бы не попытаться сейчас?

— Пусть ваши корабли прилетают. Мы сумеем подготовиться; к их приходу здесь не останется людей. Нам не о чём говорить.

Он чувствовал себя так, словно все глубже погружался в трясину. Они не понимали друг друга. Наивно было надеяться на легкий успех. Прав был доктор, предупреждая его, что взаимопонимание невозможно. Слишком различны цели, различны критерии в оценке средств, которыми они достигаются. Все напрасно, он проиграл... Груз войны оказался тяжелее, чем он думал. Ничего не даст даже прилет Олега. Они останутся на этой планете на долгие годы, может быть, навсегда... «Ведь мы для них только средство, просто живой материал для размножения себе подобных, они даже не знают другого способа, это просто такие вампиры, разновидность люссов!..» Так ему говорили, а он не поверил... Не верил и сейчас, несмотря ни на что, дорога оказалась дальше, чем он думал, труднее... Ротанов медленно повернулся, прошел шаг, другой и обернулся снова. Она все стояла — точенная, неподвижная статуэтка.

Тогда он вернулся и протянул ей сверток, неловко зажатый под мышкой с самого начала разговора.

— Это тебе подарок. От одной земной девушки. Она любит солнце, любит разжигать костры, любит бегать по траве босиком, не знаю, можешь ли ты это понять... Однажды ты помогла мне... Я никогда этого не забуду.

И все равно не позволю вам убивать друг друга, чего бы это ни стоило.

Она взяла коробку, он подавал осторожно, чтобы не коснуться ее холодных пальцев, и заметил, что на запястье у нее блеснуло что-то очень знакомое, какие-то металлические квадратики тусклого матового цвета, почти сливающиеся с кожей.

— Ротанов... Ты не должен больше приходить в город. Больше тебя не пропустят.

Он кивнул ей в знак того, что понял, и пошел прочь, уже не оглядываясь.

Филин проснулся на рассвете. Несколько секунд он тупо рассматривал куст, под которым лежал. Длинная фиолетовая пружина, вся усыпанная холодными каплями росы и ворсистыми пупырышками, раскачивалась над самым его лицом. Он точно помнил, как его несли, завернутого в сетку. Это было вечером, а сейчас утро, и он не знает, когда уснул и как оказался под этим кустом.

С зудящим жужжанием мимо пронеслась стреконожка, похожая на рогатую летающую змею. «Интересно, куда девались синглты, которые меня схватили?» — вяло подумал Филин. Ему совершенно не хотелось вставать и выяснять обстановку. Было приятно лежать так, лениво расслабившись, смотреть на застылый под росой куст и ждать, когда первые лучи солнца коснутся его обнаженной кожи... Эта мысль показалась странной, он чуть шевельнул рукой и убедился, что на нем, кроме коротких шорт, не было никакой одежды. Но ему совершенно не было холодно. Может быть, они бросили его здесь недавно или попросту потеряли? К чему утруждать себя сложными рассуждениями, ему хорошо и так. «Вернуться не вернуться... Какая разница».

— «Пим», — сказал кто-то отчетливо. Он точно знал, что этот звук идет словно бы изнутри, и, лежа с закрытыми глазами, был совершенно уверен, что вокруг никого нет и нечего бояться. А сам этот звук к нему не имеет пока отношения и не будет иметь, прежде чем солнце не коснется его голодной кожи... «Кожа не бывает голодной... — возразил он себе, — ну хорошо, холодной... Зачем цепляться за какие-то пустяки?» Очень хочется спать, он проснулся слишком рано... Нужно было подождать, пока солнце спустится пониже... Далось ему это солнце...

Когда он ел последний раз? Вообще, сколько прошло времени с тех пор, как он так нелепо попался?..

«Спать,— сказал он себе.— Не нужно ни о чем думать, нужно только спать и ждать солнце». Но сон не шел. Мешала странная тревога, совершенно неуместная в таком уютном и спокойном месте. Для того чтобы покончить с ней, он решил пойти на уступки и спросил себя в упор: «В чем дело? Чего тебе надо?» И кто-то маленький внутри него, маленький и совершенно незначительный, но все же дьявольски упрямый, сказал:

«Мне надо знать, какого черта ты валяешься посреди леса голый, вместо того чтобы идти на базу, выручать пилота, и вообще, что, собственно, произошло?»

Вопрос требовал ответа, а его не было. Филин ворочал вопрос как каменную глыбу и чувствовал, что чем сильнее он хотел ясности, тем больше становилась глыба, словно тяжелая рука опускалась на лоб, глушила сознание. Тогда он рассвирепел окончательно, и это помогло ему сесть. Солнце поднялось достаточно высоко, он лежал на самой вершине холма и заметил это только сейчас, когда приподнялся.

Теперь его голова и плечи попали в полосу солнечного света, но он не ощутил тепла. Однако гложущий голод стал его отпускать, исчезли навязчивые мысли о пище и думать становилось с каждой минутой все легче. Но вместе с этим облегчением росла тревога, он будто постепенно приходил в себя после долгого тяжкого забытья и сразу же ухватился за эту мысль, потому что она хоть что-то объясняла.

Они могли ударить его и не рассчитать удара. Решили, что с ним все кончено, и бросили здесь, в лесу... «Ну да, вечером, накануне сезона...» Он тут же отогнал прочь эту ледяную, хватавшую за горло мысль. В конце концов, ему могло повезти, никому не везло, а ему повезло, что ж здесь такого?..

«Ведь я же прекрасно чувствую, знаю, что со мной все в порядке...» — успокоил он себя, и потому, что ему приходилось себя успокаивать, ледяная рука на горле сжалась крепче. «Нет, этого не может быть! В этом так просто убедиться! — Он ощупал голову, потом лицо. Это ему ничего не дало. Ровным счетом ничего он не обнаружил. Не было следов удара и не было бороды. — Выходит, они меня побрили...» Он понимал, что эта последняя дикая мысль его уже не спасет. Брился он последний раз на базе дней десять назад. Чтобы не сойти

с ума от нарастающего ужаса, он запретил себе думать об этом, запретил анализировать и выяснить. Решил поступать и действовать так, как должен был действовать сейчас Филин, словно оттого, что он не будет думать о том, что произошло, и будет вести себя так, будто ничего не случилось, он сможет отодвинуть этот кошмар, уменьшить его последствия...

— Фил,— сказал голос.— Тебе пора. Мы давно тебя ждем.

— Да, да,— ответил он машинально,— я сейчас...— Значит, нужно встать.. Сориентироваться. Местность не знакома, но это ничего, если идти на двадцать градусов левее солнца, он так или иначе выйдет к реке и уж она выведет его к базе...

— Перестань дурить, Фил, тебе надо не на базу, а в город. Работы давно начаты.

— Я знаю. Я иду в город.— Он почти бежал, словно можно было убежать от того, кто приютился у него под черепной коробкой, от этого голоса...

Он бежал минут сорок, все время сверяясь по солнцу, стараясь не ошибиться в отсчете тех двадцати градусов, которые должны были вывести его к реке, и когда взобрался на высокий холм специально, чтобы осмотреться, то увидел прямо перед собой, не больше чем в трех километрах, город и понял, что проиграл. Тогда он сел на вершину холма. Перед глазами все смазалось, поплыло. У него не было даже ножа, чтобы убить себя.

— Не надо, Фил,— сказал голос.— Ты еще ничего не знаешь. Пойдем.— Он встал и медленно пошел к городу.

Выйдя из города, Ротанов первым делом разыскал роллер, который спрятал в кустах, километрах в двух от первых постов. С роллером, как он и надеялся, ничего не случилось. Он проверил и запустил двигатель. Машина запрыгала по ухабам. Им владели тупое безразличие и усталость. Ничего не вышло из его дипломатической миссии. Теперь придется искать какие-то другие, более сложные и долгие пути. Он ехал медленно, не обращая внимания на хорошо знакомую дорогу и не приглядываясь к окружающему.

До базы оставалось не больше получаса езды. Впереди показалась большая поляна, и он совершенно механически затормозил. Сработал рефлекс. На чужих планетах, прежде чем выехать на открытое простран-

ство, следовало осмотреться и прислушаться. Почти сразу он обнаружил присутствие посторонних. Кто-то затаился в кустах по бокам и сзади роллера. Это была хорошо организованная засада. Он чувствовал присутствие нескольких человек и знал, что они слишком близко, для того чтобы дать задний ход и пробовать прорваться обратно. В том, что там засада, он уже не сомневался и не ждал для себя от нее ничего хорошего, потому что, если бы здесь был какой-нибудь неизвестный ему пост, выставленный инженером в его отсутствие, они бы уже не прятались. У них было достаточно времени, чтобы узнать его роллер.

Тихо в лесу. Почему-то здесь всегда становилось тихо в момент напряжения или опасности, словно лес приподнимался на цыпочки, замирал и напряженно ждал, что будет дальше. Даже ветер не шумел в листвах, а только тихо и печально свистел, рассекаемый спиралью местных растений.

Если они хотели начать стрельбу, так уже пора, чего ждут? Незаметным движением он передвинул вперед рычажок включения резервных батарей, чтобы иметь в двигателе лишний запас мощности.

Минут пять они ничем не выдавали своего присутствия, и это ему не нравилось, потому что за эти пять минут он так и не смог определить, что собой представляет их засада. Он понимал, стоит ему двинуть роллер, как они откроют стрельбу, и потому ждал, предпочитая, чтобы они сделали первый шаг. За шумом мотора он ничего не услышит, а так у него все-таки оставался шанс уклониться от выстрела. Шанс очень незначительный, потому что из-за своей беспечности он подпустил их слишком близко. Передний пластиковый щиток прикрывал его от лобового удара, но он хорошо понимал, как ненадежна эта защита, и все же щиток заставит протонную гранату лопнуть чуть впереди, оставляя ему доли секунды для броска в сторону. Это был своеобразный поединок нервов: проигрывал тот, кто начинал первым... Наконец из раздвинувшихся кустов вышел человек. Он шел слишком уж спокойно, словно знал, что Ротанов не вооружен. Ротанов не удивился, узнав инженера. Рано или поздно этот человек должен был решиться на открытые враждебные действия против него. Все шло к этому.

Келер остановился в двух шагах.

— Я ждал вас.

— Это я понял. Что-нибудь еще?

— Да, я хотел бы знать, чем кончились ваши переговоры в городе?

— А почему вы надеетесь, что я стану отвечать, вместо того чтобы...

— Не делайте глупостей! Вы отлично знаете, что я здесь не один и что вы не успеете даже встать.

Он был прав, и Ротанов, расслабившись, вновь опустился на сиденье. Собственно, он и не собирался ничего предпринимать, только хотел проверить, как далеко зайдет инженер. По его ответу можно было не сомневаться в том, что на попятную он уже не пойдет и дела обстоят совсем скверно. Теперь, даже если они о чем-нибудь договорятся, обратного пути на базу инженеру не было. И он это прекрасно понимал. Его попросту арестуют. Сколько у него может быть верных людей? Десять человек? Пятнадцать? Их количество не имело особого значения, потому что после удачной операции с кораблем авторитета Ротанова было достаточно для того, чтобы покончить с авантюрами инженера. Именно это делало их встречу на лесной тропинке особенно опасной.

— Почему вас так интересуют результаты переговоров? — Ротанов старался отвлечь его, затянуть время, надеясь найти выход.

— С самого начала вы стали разрушать то, что я создавал так долго и с таким трудом...

— Что же это? — насмешливо спросил Ротанов. — Упоение собственной властью, возможность безнаказанно проливать кровь своих людей и уничтожать синглитов? Что еще у вас было? — Он специально старался разозлить его, чтобы вызвать на полную откровенность. Терять ему было нечего, в такие минуты человек излишне откровенен, надеясь на то, что его противник не успеет воспользоваться полученными сведениями.

— Нет, Ротанов. Не то. Я не поверил доктору с самого начала. Я был убежден, что после контакта с люсом ваша психика повреждена, в ваших действиях появилась скрытая враждебность к людям, опасность для всех нас, и я решил вам воспрепятствовать. Если бы не захват звездолета... Это перевернуло все мои планы, на какое-то время я даже усомнился в собственной правоте. Но ваш «миротворческий» поход в город убедил меня окончательно. Ждать больше нельзя, и я решил действовать. У меня давно уже был разработан

хороший план. Я начал его готовить задолго до вашего появления.

«Он просто маньяк,— подумал Ротанов.— Опасный маньяк. Как я этого не понял раньше? Нужно было давно изолировать его, обезопасить, а теперь слишком поздно...»

— Мне едва не помешали. Председатель, этот выживший из ума старик, стал подсчитывать израсходованные на операциях боеприпасы, взрывчатку. Он чуть меня не разоблачил, но тут появились вы, и всем стало не до меня.

— Зачем вам понадобилась взрывчатка?

— Вы слишком много хотите знать. Последний раз спрашиваю, есть у вас договор?

— А если нет?

— Это было бы печально. Но я надеюсь, что он у вас есть. И постараюсь в этом убедиться. Арон!

И тут Ротанов ошибся. Он решил, что инженер позвал кого-то из своих людей, но это было не так. Из кустов никто не вышел. Ротанов услышал лишь протяжный свист, и, прежде чем понял свою ошибку, тонкая металлическая игла вонзилась ему в запястье. Сразу же он выдернул ее, рванулся, но было поздно. Земля поплыла у него из-под ног, и почти мгновенно он потерял сознание.

Филин стоял у станка. Он точно знал, что нужно делать. Одновременно он чувствовал состояние всех сорока человек, находившихся в огромном подземном цехе. В воздухе плыли запахи разогретого пластика. Тихо ворчали моторы автоматических станков. Пластиковый куб появлялся из щели станка. Филин осторожно брал его, вставлял в коробку контроля и тут же словно превращал самого себя в чуткий измерительный прибор. Если все параметры изготовленной детали соответствовали норме, чувство приятного удовлетворения от хорошо сделанной работы усиливалось. Если же в детали был хотя бы незначительный дефект, он ощущал огорчение тем более сильное, чем серьезней была неисправность. Но такое случалось редко, потому что все сорок человек, работавших вместе с ним в цехе, прекрасно знали свое дело. Он получал возможность пользоваться умением и навыками каждого из них. В любую минуту мог получить дельный совет, не произнеся ни слова, лишь испытав надобность в таком совете или почувствовав затруд-

нение в работе. День подходил к концу. Филин не чувствовал ни усталости, ни тяжести. Его тело теперь не знало усталости. Исчезли мелкие боли, всю жизнь гнездящиеся в человеческом организме. Каждый орган, каждая мышца его обновленного тела функционировали четко и слаженно, без единого сбоя. Он мог бы работать без перерыва несколько суток с небольшими промежутками для облучения и пополнения запасов энергии, но этого не требовалось. Его ждали еще неизвестные удовольствия, которыми может вознаградить себя каждый, хорошо проведший свой трудовой день. Он с нетерпением ждал окончания рабочего дня, потому что чувство любопытства и желание узнать, что еще ждет его, были достаточно сильны. После четырех часов работы каждый мог поступать как ему вздумается. Большинство оставались в цехе еще часа на два-три, но он еще так мало знал о своем новом мире, что вышел из цеха сразу же, как только истекло его рабочее время.

На улице в этот час было много прохожих. Когда кто-нибудь попадал в его телепатическую зону, он чувствовал волну доброжелательства или равнодушия, чаще доброжелательства, потому что встречные каким-то образом узнавали в нем новичка и старались ободрить его, поддержать. Среди прохожих встречалось немало красивых молодых женщин. Ему доставляло удовольствие смотреть на их гибкие стройные тела. Если он слишком пристально вглядывался в какую-нибудь молодую женщину, он чувствовал волну неудовольствия с ее стороны и сразу же отводил взгляд. Жаль, нельзя было понять, что они думали о нем. Только общий эмоциональный фон. Он мог воспринимать конкретные слова и мысли лишь в том случае, если они были обращены к нему непосредственно. Он уже знал, что семей здесь не бывает, потому что не бывает детей. Хотя почти каждый находит себе пару. Отношения людей слишком коротки — всего один сезон. Все кончается вместе с приходом сезона туманов. Он толком еще не знал почему. Но это его сейчас не волновало.

Пластриум размещался в здании бывшего городского театра. Снаружи такое же запущенное, как и остальные здания города, внутри оно поражало строгой rationalностью отделки. Блестел свежий пластик стенных панелей, никелированные поручни лестниц. Ни одного лишнего украшения, ни одной ненужной детали. Только необходимое. Здесь ничто не должно было отвлекать

или рассеивать внимание. Эти залы требовали глубокого сосредоточения, собранности, и уже у входа нужно было создать у тех, кто сюда приходил, соответствующее настроение. Из прихожей в глубину помещений вели два прохода с черной и белой дверьми. Филин впервые пришел в этот зал, но уже знал о назначении дверей, как знал многое другое, не затрудняя себя особенно выяснением источника новых для него сведений. Можно было выбрать только один зал. Слишком сложной оказывалась психологическая настройка. Поскольку он толком не знал, что его ждет за дверями, он остановился в прихожей и стал наблюдать за посетителями. В черный зал входили задумчиво, сосредоточенно и молчаливо. Не было ни групп, ни пар. Туда вели два отдельных входа — для мужчин и женщин. Зато белый зал казался более гостеприимным. Сюда шли вперемежку мужчины и женщины. Шли группами, чаще вдвоем. Наверно, это и определило его выбор.

В зале не оказалось мебели. Стены смыкались в большую ровную полусферу, окрашенную в мягкий кремовый цвет. Стояла абсолютная тишина. Он все никак не мог привыкнуть к этому полному отсутствию разговоров, органически присущих каждому человеческому сорищу. Синглты все время обменивались информацией. Но услышать телепатический поток мыслей мог только тот, к кому он был обращен. Впрочем, не всегда. Свет в потолочных панелях постепенно стал меркнуть, и вскоре зал погрузился в полный мрак.

Какое-то время тишина и темнота были настолько полными, что он потерял представление о том, где находится. Ему стало неприятно, захотелось выйти — удержало лишь любопытство. Филин чувствовал, что напряжение в зале все возрастает. Все чего-то ждали в этой черной тишине. И вот оно появилось! Это был всплеск, какой-то всполох света. Он родился из темноты, пронизал ее из конца в конец.

Одновременно со световой гаммой зазвучала долгая музыкальная нота. Постепенно Фил становился как бы дирижером неведомого оркестра, и нота, звучащая у него в ушах, превратилась в причудливую мелодию, отразившую его настроение. Мелодия стала частью его самого, и, как только он понял это, родилось ощущение полета. Пол словно провалился из-под ног, исчез, и он понесся сквозь обрывки тьмы на певучем красочном змее. Уголком сознания он понимал, что и мелодия, и

световые всполохи, и самый полет — всего лишь иллюзия, созданная коллективным творчеством находящихся в зале, а он сам один из участников этого иллюзиона. Однако это знание не мешало ему испытывать огромное, никогда раньше не изведанное наслаждение. Но вот рисунок мелодии сменился. В ней прозвучали печальные, почти грозные нотки. Сверкающая молния пробила радужные крылья змея в тот момент, когда он вспомнил о маленьком робком существе, притаившемся где-то на дне его теперешнего сознания и представлявшем собой часть другого, прежнего Филина... Мелодия становилась все мрачнее. Сполохи света бились, рушились, старались взвиться вверх и бессильно опадали, разрушенные потоком его воспоминаний.

Вот он стоит на пороге пещеры, и за руку его держит незнакомая женщина... Потом он в классе, на доске учитель пишет слово... Он не может вспомнить, какое именно, очень хочет вспомнить и не может... Сполохи света становятся все слабее, гаснут. Смолкает мелодия. Зажигаются потолочные панели. Публика медленно начинает расходиться. Какая-то женщина с пышной, небрежно взбитой копной волос обратилась к соседу:

— Напряжение телеформации было очень высоким, но кто-то все время мешал. Не понимаю, зачем новичкам разрешают посещать общественные места! Вечно одно и то же! На самом высоком взлете они словно нарочно начинают свои занудные воспоминания! — Наверно, она специально сказала это вслух, чтобы услышал Филин. Он постарался скорее смеяться с толпой. И долго еще не мог опомниться от только что пережитого волнения. Никогда раньше не приходилось ему задумываться над тем, что каждому человеку, лишенному в силу обстоятельств возможности творчества, приходится всю жизнь тяготиться этим, придумывать какие-то суррогаты, и вдруг сегодня... И тем не менее острая, возникшая в зале тоска стала сильнее. Маленький, притаившийся в нем человечек неожиданно вырос, словно то, что произошло в зале, освободило его от невидимых пут. И сразу навалился груз неразрешенных вопросов. Почему он здесь? Почему не вышел к реке, как собирался? Кто привел его в город, и может ли он, как прежде, определять сам свои поступки? Сможет ли увидеть своих ребят? Пусть издали.

Он вышел на улицу. Было пустынно. Торопливые прохожие расходились. У него не было здесь дома.

Холодные лучи закатного солнца уже не грели. Теперь, выйдя из зала, он вспомнил слово, которое писал на доске учитель: ЧЕ-ЛО-ВЕК.

На окраине обломки зданий перегородили улицу. Здесь уже никто не жил. Стиснув зубы, Филин шел все дальше, несмотря на нарастающую тревогу и ощущение опасности. На этот раз они его не остановят. Он обязательно выйдет к реке и найдет базу, найдет во что бы то ни стало. Чем бы ни закончился поход! Голос внутри него молчал.

Предметы постепенно обрели резкость, и Ротанов увидел склоненное над ним лицо доктора. Он вновь закрыл глаза, стараясь восстановить контроль над ватным бессильным телом.

— Вам лучше? Что с вами произошло? — спросил доктор.

Ротанов хотел приподняться, но из этого ничего не получилось. Мышцы еще не слушались. Зато теперь он смог осмотреться и понять, что лежит в подземной палате базы.

— Давно я здесь?

— Вас привезли полчаса назад. По остаткам в игле я определил наркотик, и мне удалось привести вас в сознание. Синглты никогда раньше не применяли такого странного оружия.

— Синглты здесь ни при чем. Что там было? Я имею в виду наркотик.

— Ничего серьезного. Лошадиная доза бруминала из группы барбутантов. Наркотик не имеет остаточных эффектов, но без моей помощи вы бы не смогли прийти в сознание. Теперь вам придется полежать.

— Кто меня нашел?

— Рация роллера оказалась включенной, но на вызовы не отвечала, и председатель выслал поисковую группу выяснить, что произошло.

— Значит, их подвела радиация... Простая случайность. Они сделали все, чтобы я не вернулся.

Доктор медленно упаковал инструменты, смахнул со стола остатки ампул и тяжело вздохнул.

— Судя по всему, ваша миссия не имела успеха?

— Если бы только это... — Ротанов ощущал, как тело постепенно наливается прежней силой, и вместе с тем чувствовал странную усталость и безразличие. Может быть, виной тому был вопрос доктора.

Доктор взял свой саквояжик и направился к двери.

— Отдыхайте. Вам теперь нужен покой.

— Сядьте, доктор. Давайте поговорим. Я уже в порядке, только не знаю, что делать дальше...

— Чем я могу помочь? Я предвидел, что из ваших переговоров ничего не выйдет. Хорошо еще, что удалось вернуться.

— Да не в переговорах дело! Вернее, не только в них. Когда я решил встретиться и договориться с синглами, я не ждал, что сразу достигну конкретного результата, но противодействия, открытой враждебности со стороны людей тоже не ждал. Получается, мир нужен мне одному...

— Кого вы, собственно, имеете в виду?

— Прежде всего инженера и тех, кто думает так, как он, кто не может жить без войны.

— У инженера мало сторонников.

— А ему и не надо много. Он задумал что-то серьезное, раз решился на открытое выступление.

— Вот даже как...

— Да, доктор, дела обстоят неважно. Больше всего меня беспокоит то, что он сжег за собой все мосты. Он не сможет теперь вернуться обратно в колонию. Чтобы решиться на такой шаг, нужны серьезные причины. Очень серьезные. А я их не понимаю и не знаю, что он задумал.

— Ну это скоро выяснится. Жаль, что с нами нет Филина, он помог бы распутать хитрости инженера. Но я думаю, вы преувеличиваете значение той роли, которую может сыграть инженер. Десять — пятнадцать человек... Нет. Не верю, чтобы они были способны на что-то серьезное. Я считаю ваше нынешнее настроение и эти опасения результатом действия наркотика. Такая встряска для психики не проходит бесследно.

— Эх, доктор, вашими бы устами...

— Как только вы отдохнете, вы убедитесь в моей правоте. А сейчас вам не помешает другое общество.

Через несколько минут после ухода доктора в палату вошла Анна, катившая перед собой маленький столик на колесах. Она была в белом халате. Из-под салфетки, накрывавшей столик, вырывались ароматные клубы пара. Палата наполнилась аппетитными запахами мясного бульона и пряностей. Ротанов только теперь почувствовал, как он голоден.

Уплетая румяные куски хорошо прожаренного мяса

с хрустящей корочкой, которую он так любил, и запивая его бульоном, он искоса поглядывал на девушку. Сегодня Анна выглядела печальней, чем обычно. Смотрела в сторону, с ним почти не разговаривала. И Ротанов подумал, что вот и это веселое милое существо он успел уже обидеть.

— Здесь я принесла варенье, вы же любите сладкое... — нерешительно сказала она, открывая какую-то баночку.

— Нет, Аня, вы правильно догадались, конфеты я взял не для себя. Только обиделись напрасно.

— А я и не обиделась. Я понимаю, вам нужен был подарок. Такой маленький сувенир для мужчины.

— Ого! Вы, оказывается, не такая уж добрая, как кажетесь вначале.

— Я совсем недобрая. С чего мне быть доброй? Вы мне ничего не говорите, а я так ждала...

— Ждали? Чего?

Глаза у нее стали совсем круглыми от обиды.

— Вы даже не помните?.. Не помните, что мне обещали?

— Ну, такие обещания не выполняются быстро...

— Я и не ждала быстро... Но мне казалось, мы друзья и что вы хотя бы расскажете, как там у вас все получилось. А это правда, что на вас напали люди инженера?

— Правда.

— Я так и думала! Понимаете, перед уходом... Там есть такой неуклюжий Каров. У нас не так много женщин, и он... Только не подумайте, что я говорю вам это специально!

— А я и не думаю, — ответил Ротанов, пряча улыбку.

— Без этого вы не поймете! Ну так вот, этот Каров, он со мной говорил перед тем, как инженер ушел со всеми своими людьми. Он словно бы хотел проститься.

— Подождите, Анна, это очень важно, постарайтесь вспомнить все, что он говорил. — Ротанову больше не хотелось улыбаться.

— Точных слов я не помню. Да он и не говорил ничего определенного. Просто у меня сложилось впечатление, будто он навсегда прощается и может не вернуться больше, а еще раньше до этого я слышала от него про какие-то штольни под городом. О них никто не

знает, и там они прячут оружие или что-то другое, что-то такое, что им очень скоро понадобится, и еще он сказал, что я о нем услышу, что мы все еще о них услышим и пожалеем, ну что не ценили их по-настоящему...

— Первый раз слышу об этих штольнях! — Председатель открыл круглый металлический сейф рядом со своим столом и стал доставать какие-то папки.

Ротанов на секунду прикрыл лицо рукой. Он все еще не справился с остатками наркотика. Но после разговора с Анной не мог остаться в постели.

— Инженер что-то такое говорил мне о вашем конфликте по поводу взрывчатки. Что у вас произошло?

— А вот смотрите сами. — Он протянул ему папку. — Здесь у меня анализ расхода. Видите, не хватает почти ста килограммов люзита, это только на одной операции! Я все время пытался выяснить, что он делает с этим люзитом. Если бы я раньше знал о штольнях...

— Вы думаете, он может решиться взорвать заводы?

— Не только заводы...

— Сколько же у него... Какова мощность? Я незнаком с люзитом.

— Это старая взрывчатка, ее рецептуру привезли первые колонисты, они вели с ее помощью горные и подземные работы... — Председатель пожевал губами, что-то подсчитывая. — Если он использует все сразу, от города ничего не останется.

— Неплохой выход, да? — жестко спросил Ротанов, чувствуя, как у него сводит скулы. — Одним ударом избавиться от всех проблем!

— Это ничего не даст. — Председатель покачал головой. — Появятся новые синглиты. Проблема в люсах. Синглиты только производная, и потом заводы... Если он взорвет вместе с городом заводы, колония лишится основного источника снабжения. Вот уже который год наша техника существует в основном за счет трофеев.

— Вы еще не все сказали. Я могу добавить, что если мы лишимся заводов, то исчезнет последняя надежда на ремонт прибывающих кораблей, ни один земной звездолет не сможет вернуться обратно. Мы не сможем наладить связь с Землей. В конце концов, это моя задача, — жестко сказал Ротанов. — Я обязан его остановить. Сколько у вас людей?

— Не так уж много осталось тех, кто может носить

оружие. Часть людей в караулах... Но вы его уже не догоните. Слишком много времени прошло.

— Я и не собираюсь его догонять.

— Что же тогда?

— Нужно предупредить синглитов.

Он увидел, как побледнел председатель.

— Вы понимаете, что говорите? Узнав об этом, они не остановятся ни перед чем...

— Инженер тоже не остановится.

— С ним еще четырнадцать человек, юнцы, которые ему слепо верят и вряд ли понимают, на что идут, они могут погибнуть.

— Вы знаете другой способ предотвратить взрыв заводов и города? — одними губами спросил Ротанов. Он уже знал, что пойдет до конца.

Роллер вылетел на знакомую опушку. Дальше, до самого города, лежало свободное от леса пространство. Отряд сопровождения, выделенный председателем, остался далеко позади. Ротанов приказал им ждать его возвращения. Он хорошо помнил о предупреждении: больше его не пустят в город. Так она сказала... Ну что же, посмотрим. Может быть, считанные минуты отделяют момент, когда серые полуразрушенные здания города превратят в прах предательский взрыв.

Не раздумывая больше, он двинул роллер вперед. В ту же секунду машина подпрыгнула от удара. Двигатель взорвался сразу, и это его спасло. Взрывная волна сорвала всю верхнюю часть платформы и подбросила ее вверх вместе с Ротановым. Выбравшись из-под обломков, он несколько секунд разглядывал дымящиеся остатки машины. На этот раз они не шутили. Первым же выстрелом роллер разнесло в клочья.

Не отрываясь, он смотрел на город. Ему казалось, что где-то рядом тикает невидимый часовой механизм, отсчитывая последние мгновения жизни города... В хаосе огня и дыма исчезнет все... И та женщина, которая укрыла его, вывела из города. Хотя и женщиной она не была в обыкновенном человеческом понимании, а все же...

Она стояла у него перед глазами такой, какой он видел ее последний раз, в своей полыхающей красной юбочке с шоколадной кожей плеч, с тонкими запястьями рук...

— Постой,— сказал он себе.— Там что-то было, что-то знакомое на ее руке...— Он почувствовал, как сохнут губы от внезапного волнения потому, что уже почти

догадался, для чего она носила вместо браслета сероватые кубики металла. Рука сама собой торопливо шарила во внутренних карманах куртки. Вот они здесь, на месте, не понадобились никому, даже инженеру... Его маленький талисман, военный трофей... Пальцы лихорадочно ощупывали знакомую до мелочей поверхность. Где-то на третьем квадрате есть выступ. Он уходит вглубь, если его как следует придавить. Раньше он думал, что это просто замок. Но это не только замок. Ничего не случалось, когда он десятки раз придавливал этот выступ. А все дело, может быть, в том, что браслет нужно сначала надеть на руку...

Не может сложная техническая организация синглитов существовать без дальней связи. Он ощутил легкое покалывание запястья. Какие-то мелкие искорки забегали внутри сероватой металлической поверхности браслета, а потом Ротанов услышал голос. Это был всего лишь дежурный оператор, хотя он надеялся... Но это не имело значения, потому что теперь он знал уже наверняка — взрыва не будет.

За далекими холмами, за лесом, у горизонта висел незаходящий, багровый, распухший до чудовищных размеров кусок чужого светила. Все вокруг: скалы, реку и само небо — он окрашивал в неправдоподобный мертвенно-кровавый цвет. Почти закатившееся светило казалось Ротанову гигантским комом фиолетовой грязи. Никакие законы природы и силы тяготения не могли оторвать от горизонта вспухший уродливый ком. Еще двадцать дней он будет висеть над планетой, постепенно уменьшаясь, словно осьминог втягивая уставшие за лето щупальца, и потом над всем этим чужим, враждебным человеку миром наступит долгая шестимесячная ночь — сезон туманов.

Несколько дней Ротанов провел в помещении научного сектора, разбирая старые архивы и отчеты. Не сумев до сих пор разрешить ни одной проблемы, он теперь вынужден был фактически начинать сначала и все еще не видел выхода.

Что искал он в запыленных, пожелтевших от времени кипах бумаги? Ответа на какой вопрос?

Отряд инженера не вернулся. Сама возможность установления мира и ремонта корабельной электроники с помощью синглитов перестала существовать после

попытки инженера взорвать город. Его предупреждение ничего не изменило. Синглиты усилили активность, увеличили количество засад, число нападений. Все больше людей не возвращалось из дозоров и постов.

Через две недели, с наступлением сезона туманов, стычки закончатся сами собой, чтобы вспыхнуть с новой силой следующей весной... А все долгие зимние месяцы они будут сидеть, как крысы, в своих подземных норах и ждать... Чего? Прилета Олега? А что он изменит? Ведь Олег со своим кораблем попадет в те же условия, в ту же самую ловушку... Земля ничего не узнает, высылка следующей экспедиции может быть задержана на неопределенное количество лет, и по всему выходило, что он обязан что-то предпринять именно сейчас, в эти оставшиеся двадцать дней...

Ротанов стоял на площадке перед пещерами. В последнее время он избегал общества колонистов, словно нес незримый груз вины за тех четырнадцать человек, что ушли с инженером и не вернулись...

Он мысленно перебирал бесчисленное количество фактов, которыми теперь располагал о жизни синглитов. Искал малейшую зацепку, чтобы сдвинуть с мертвый точки сегодняшнее положение дел, и ничего не находил... Возможно, прав был инженер, и другого выхода не было. Совместное существование людей и синглитов по-просту невозможно.

Из отчетов научного отдела он узнал, что люссы размножаются простым делением, как амебы, а синглиты не размножались вообще... Именно этот факт сводил на нет все его надежды на мир, ибо цивилизация синглитов, если данные отчетов верны, могла существовать лишь за счет человеческих жизней и, следовательно, должна быть уничтожена... Изолированная, она попросту начнет регрессировать и все равно погибнет через короткий срок, лишившись смены поколений. Конечно, синглиты понимали все это, какие уж тут переговоры о мире...

Оставалась надежда, что данные об их биологии ошибочны или неполны. В теле синглитов нет некоторых групп клеток, так что человеческий способ размножения им не подходит, хотя у них сохранилось все, что необходимо для нормального функционирования центральной нервной системы, в том числе и биотоки. Да что толку, если не было детей. Он не встретил ни одного ребенка или подростка ни в городской толпе, ни в домах... Отчеты говорили о том же, но, возможно, у них

есть какой-то скрытый, неизвестный людям способ размножения... Это бы надо выяснить... Слишком многое зависит от ответа на этот вопрос, но как выяснить? Вся дневная фаза существования синглитов изучена достаточно хорошо и не оставляет надежды. Зато ночная... «Вроде бы на ночь они засыпают, но кто это проворял? Ночью наблюдения невозможны из-за люссов... До сих пор, во всяком случае, были невозможны. Но если у меня действительно иммунитет, и раз уж я позволил себе быть достаточно жестоким с другими, то мне и предстоит все это выяснить до конца».

Ротанов поднимался по тропинке туда, где сквозь пелену тумана проступали неясные контуры корабля.

Если смотреть с тропинки вниз, казалось, где-то у самой кромки леса, несколько ниже вершин деревьев, колыхалось фиолетовое озеро. Скала совета, ближайшие холмы да и сам лес плавали в этом огромном озере тумана, словно большие неуклюжие острова. С каждым днем становилось холоднее, воздух пропитывался влагой, капли росы покрывали одежду, холодным дождем слетали с кустов, деревьев на неосторожного путника, а туман поднимался все выше... Он уже перекрыл тропинки, отрезал друг от друга холмы и лес. Сделал невозможной связь с ближайшими постами. Радиоволны сквозь эту маслянистую густую пелену не проходили, в ней бесследно терялись предметы и люди...

Прежде чем окунуться в это ночное враждебное людям озеро тумана, он обязан был подготовиться к худшему варианту, к тому, что его иммунитет окажется ошибкой или не устоит при повторных многократных встречах с люссами.

Рубка встретила его привычным запахом резины и пластмассы. В воздухе чувствовалась легкая затхлость, которая бывает только в нежилых помещениях. Слишком долго не включалась система корабельной очистки воздуха. Слишком редко бывал он на корабле, предпочитал работать на открытом воздухе. А корабль тем временем, соединенный с пещерами туннелем, превратился в часть подземной крепости. Если удастся вернуться, жить он будет в своей каюте, до самого прилета Олега. Он старался не думать о том, как мало шансов у него вернуться.

Достал кассету с корабельным журналом, секунду

подумал и положил ее в аварийный бокс. Так надежнее. Прежде всего Олег вскроет этот бокс и сможет ознакомиться с обстановкой. Неровным почерком, торопливо набросал на двух отдельных листах свои последние наблюдения, предварительные выводы и рекомендации. Олегу это может пригодиться в том случае, если они не встретятся. Ротанов невесело усмехнулся. Слишком ему везло последнее время, так не могло продолжаться бесконечно.

Еще раз перебрал документы, положенные в бокс. Достал из нагрудного кармана браслет синглитов. В который уж раз надел его на запястье и щелкал выключателем. Связи не было. Скорее всего они выключили его браслет из своей системы. Вряд ли он пригодится Олегу, разве что устройство микропередатчика поможет разобраться в блоках управления. Схема как будто простая, но все равно она оказалась ему не по зубам... Подумав еще с секунду, он вздохнул и опустил браслет в бокс вслед за документами.

«Ну вот, теперь, пожалуй, все...» Закрыв бокс, он прошел в свою каюту, разделся и лег в постель. Нужно было хорошо выспаться перед уходом. Сон долго не шел. На стене перед кроватью висела большая фотография: два человека летели на гладиерных досках по крутыму снежному спуску. Фотограф поймал их в тот момент, когда Олег резко свернул в сторону, чтобы обойти его на повороте. Лица не было видно. Его скрывали очки и низко надвинутый шлем. Но все равно и под этими очками он знал, как выглядел Олег.

«На этот раз ты, пожалуй, не успеешь вытащить меня отсюда...»

Проснулся от резкого звонка зуммера. Четыре часа сна промелькнули как одна секунда. Прежде чем лечь, он закончил почти все, осталось последнее небольшое дело. Наверху, в управляющей рубке, рядом с аварийным боксом была стальная дверь со специальным кодовым замком. Дверь открылась не сразу, наверно, механизм замка слегка заржавел от влажного воздуха. Наконец она со скрипом ушла в стену рубки. Здесь хранилось личное оружие инспектора, пользоваться которым он имел право лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Ротанов внимательно осмотрел арсенал, по сравнению с которым лучевые и тепловые излучатели, бывшие в ходу на планете, казались детскими игрушками. На этот раз ему могло понадобиться что-то по-настоящему мощное. Он

остановился на пульсаторе Максудова. Контрольное устройство нейтрализовало внутренний заряд при попытке воспользоваться им кем-нибудь, кроме Ротанова. Весил излучатель килограмма два. Не так уж много для такого вида оружия. Ротанов примерил его черную ребристую ручку, включил активатор. Пожалуй, с помощью этого оружия он справится с люссами.

На складе подобрал себе просторный брезентовый рюкзак с жесткими широкими лямками, положил в него месячный запас концентратов, флягу с водой и надувную палатку. Оставалось перевести реактор на автоматический режим, чтобы колония могла использовать энергию корабля, даже если он не вернется.

Последний раз прошел весь корабль сверху донизу. Закрыл замок на двери шлюза. Теперь в корабль можно было попасть только через подземный ход. Едва вышел наружу, как за воротник куртки попали первые капли росы. Ветер смахнул их откуда-то сверху, наверно, с обшивки. Борт корабля уходил круто вверх, терялся в дымке тумана, он был холодным и влажным на ощупь. Не задерживаясь больше и не оглядываясь, Ротанов пошел прочь. Излучатель на слишком длинном ремне больно колотил по спине при каждом шаге. Пришлось останавливаться и привязывать его к рюкзаку.

Навстречу ему по тропинке поднималась целая толпа. Его сразу же поразило то, как молчаливо шли эти люди. Лицо того, кто был впереди, показалось ему знакомым. Узнав его, Ротанов закинул рюкзак за плечи и медленно пошел навстречу, ему стало тоскливо оттого, что не хватило какого-то получаса. Теперь ему скорее всего не дадут уйти, и он ничего не сделает, чтобы им в этом помешать. Человек, который шел впереди, был Свен. Тот самый охотник, что ушел с инженером в его последний поход.

Охотник остановился в двух шагах от Ротанова, и толпа расступилась, образуя вокруг них круг. «Ну вот,— подумал Ротанов,— вот я и дождался тех, кто имеет право судить меня. Не инспектора Ротанова, потому что инспектор поступил так, как и должен был поступить. А просто меня самого...»

Он окинул взглядом бледный круг человеческих лиц — здесь не было ни доктора, ни председателя, ни Анны. Почему-то от этого ему стало легче.

— Я слушаю вас,— сказал Ротанов, и сам не узнал своего казенного официального голоса.

— Не вернулось тринадцать человек.

После этой фразы повисло долгое тяжелое молчание.

— Но вас было пятнадцать,— сказал наконец Ротанов.

— Инженера я не считал, он нас обманул. Мне сказали, что ты предупредил синглитов. Это правда?

— Да, это так,— сказал Ротанов.— И если бы все повторилось, я опять сделал бы то же самое. Они обещали не причинить вам вреда.

Никто ему не ответил. Они старались не смотреть в его сторону.

— Прежде чем вы решите, что делать дальше, я должен знать, как все было. Это мое право.

Соглашаясь, Свен кивнул головой.

— Мы спустились в шахту, инженер сказал, что нужно забрать там трофеиное оружие...

Он рассказывал долго, сбиваясь, останавливаясь и начиная сначала. Ротанов словно видел, как медленно шли эти люди по бесконечному подземному штреку, как метались по стенам тени от их фонарей. Вот дорога на конец кончилась. Они забрали оружие, не спеша пошли обратно, сгибаясь под тяжелой ношей. Инженер задержался и что-то сделал с оставшимися ящиками, потом догнал их, и они молча пошли все вместе, потому что о чем говорить, если дело сделано, а дорога известна... Под ногами у них хлюпала вода... Она сочилась из стен штрека... Инженер посмотрел на часы и предложил сделать привал. Он все время смотрел на часы и словно прислушивался, но ничего не происходило. Потом они пошли дальше, инженер то и дело отставал. Он шел, понурив голову, целиком уйдя в свои мысли. Выход из штрека оказался замурован. Инженер даже не удивился, словно ждал этого. Они опять пошли в глубину подземных переходов искать другой выход. Сворачивали в боковые штреки, теряли дорогу, теряли товарищей... Постепенно гасли фонари, не рассчитанные на такое долгое время работы. Они не знали, сколько времени продолжались блуждания под землей. Надежда покинула их. Когда погас последний фонарь, они увидели синглита. Он стоял у поворота из штрека с ярким фонарем в руке и помахивал им, словно приглашал идти за собой. Они пошли. Шли долго. Не помнили, сколько поворотов было в этом подземном лабиринте. К штрекам и штолням, которые построили люди, прибавились бесчисленные новые горизонты. Им уже было все равно

куда идти, многие отставали или терялись при поворотах. Никто не останавливался, не ждал отставших. Те, кто еще шел, давно потеряли всякую надежду. К концу пути их осталось пять человек. Инженер первым вышел на поверхность. Может, это было время короткой ночи, а может, остаток солнца прятался за верхушками деревьев, закрывавших горизонт. Тусклый свет едва пробивал густую дымку тумана, затянувшую все вокруг. Синглит поставил на землю фонарь, повернулся и ушел назад в подземелье... Мы остались в лесу одни.

— Именно это они мне обещали... — сквозь зубы про-бормотал Ротанов. — Отпустить вас на все четыре стороны...

— Инженер достал излучатель и выстрелил себе в голову. Почти сразу же мы услышали сухой шелест и увидели, что сквозь пелену тумана со всех сторон на нас ползет что-то плотное, белое, как пар. Тот, кто стоял дальше всех, закричал, все бросились врассыпную... Дальше я плохо помню... Бежал через лес... Стрелял... В общем, повезло.

— Другие тоже стреляли?

— Нет. Я не слышал выстрелов.

— Вас преследовали? Была хоть одна попытка нападения?

— Нет. Я почти сразу влез на скалу и стал стрелять вниз. Может быть, поэтому...

— А потом в дороге? Ни одного нападения?

— Нет. Лес словно вымер... Вы хотите сказать, что я... Что они специально выпустили меня?.. Чтобы я рассказал?

— Возможно. Теперь это не имеет значения. Так что же вы решили?

На некоторое время после его вопроса вновь повисла гнетущая тишина. Потом Свен заговорил, глядя в сторону:

— У нас тут не бывает суда. Тот, кто совершает преступление, попросту уходит в лес ночью.

— Собственно, это я и собирался сделать...

Ротанов поправил рюкзак и пошел вниз. Люди расступились заранее, так что перед ним образовывался широкий коридор.

Подошвы тяжелых ботинок скользили по мокрым, поросшим мхом камням. Он шел медленно и с каждым шагом словно все глубже погружался в воду. Сначала в тумане исчезли выступы пещер, площадка, на которой

стояли колонисты. Потом не стало видно корабля, исчезли его бортовые огни, долго провожавшие каждый его шаг, словно глаза живого существа. А внизу из белесого марева, в которое он погружался, доносились протяжные вопли. Это орали цыки — гигантские перепончатые мухи, похожие на летучих мышей. Всегда они так орут накануне сезона туманов.

Формально синглиты выполнили свое обещание. Наверно, с их точки зрения, ему не на что обижаться. Он и не обижался. Не чувствовал даже гнева. Только тоску и горечь. И еще с каждым шагом, удалявшим его от людей, все сильней наваливалось одиночество...

Часть третья

Сpirаль

1

Никто не остановил Филина ни в городе, ни потом, в лесу... На этот раз ему удалось выйти к реке. Отсюда уже рукой было подать до базы. Он пошел вдоль берега вверх по течению. Река блестела под солнцем, словно зеркало, она то и дело меняла направление, пробираясь сквозь густые заросли и завалы. Совершенно неожиданно, выбравшись к широкой заводи, он наткнулся на кучи белья, разложенные на берегу... Филин остановился, чувствуя, что от волнения кружится голова. В реке, в каких-то десяти шагах, купались его недавние товарищи. Он узнал Гема и Рона. Забыв обо всем, что с ним произошло, он побежал к ним, крича, что-то неразборчивое, нелепое, и вдруг остановился, словно налетел на стену. Они от него медленно пятись в ледяную воду все глубже и глубже, и в глазах у них был ужас.

— Оборотень! — крикнул кто-то.— Это же оборотены!

Так они называли синглитов, не прошедших целого цикла и больше других походивших на людей.

— А ну пошел отсюда!

Они махали на него, плескали воду, словно он был курица, и теперь уже он медленно пятись от них, а они так же медленно, осторожно наступали, и он видел взгляды, которые они бросали на лежащее у берега ору-

жие, и понимал, что, как только они смогут дотянуться до него, сразу же начнут стрелять. Понимал это и тем не менее продолжал отступать все дальше и дальше, позволяя им с каждым шагом приближаться к оружию. Наверно, он заплакал, если бы мог, но в глазах не было ничего, кроме сухого жжения. И вдруг голос в его голове, молчавший с тех пор, как он сбежал из города, впервые пробудился и шепнул: «Беги!» Он повернулся и побежал. Почти сразу за его спиной раздались первые выстрелы. Стреляли они неточно, и, убегая, он успел заметить и навсегда запомнил, как постепенно страх в их глазах переходил в брезгливое, почти животное отвращение.

Оно было хуже всего... Филин бежал по лесу, механически путая след, петляя, как бегал совсем еще недавно, когда его преследовали синглиты. Острые иголки кустарников рвали одежду, вонзались в тело, но он не чувствовал боли, не чувствовал усталости и мог увеличивать скорость все больше и больше, словно не было пределов возможностям его нового тела. Ноги мелькали так быстро, что он не замечал уже отдельных движений. Ветер свистел в ушах, густой кустарник он пробивал с ходу, и долго еще в воздухе кружились обрывки веток и листьев. «Как же сердце выдерживает такое напряжение?» — подумал он, прислушался и не услышал его ритмичных ударов — у него попросту не было сердца. «А легкие? Почему они не разрываются от натуги, силясь протолкнуть очередную порцию воздуха?» И тут же понял, что дышит по привычке, что может вообще не дышать. «Неудивительно, что они испугались. Я бы и сам испугался, встретив такого монстра...»

— Ты не монстр, — сказал голос.

— Кто же я? Я ведь мыслю так, как будто я и есть прежний Филин, у меня его память, его желания. Но Филина нет. Он погиб, уничтожен люссым. Так кто же я?

— Ты — это ты, и не надо забивать голову чепухой. Тебе хочется жить?

— Да.

— Ну вот и живи. Радуйся жизни. У тебя будет долгая жизнь.

— Но ведь этого мало, чувствовать себя здоровым и неутомимым, радоваться солнцу и жизни... — сказал

он и сам усомнился в том, что этого так уж мало. Но голос не стал возражать.

— У тебя будет не только это.

— Что же еще?

— У тебя будет искусство, недоступное людям. У тебя будут друзья настолько близкие, что в человеческом обществе ты не мог об этом мечтать. Люди всю жизнь стремятся к близости и вечно выдумывают себе барьеры — одиночество, тоску, ничего этого не будет у тебя теперь. Ты сможешь жить равным среди своих братьев. Будешь знать все, что знают они.

— Вы отпустили меня к людям специально, чтобы я сам убедился в том, что возврата нет?

— Ты можешь поступать так, как хочешь. Я могу лишь советовать.

— Кто ты?

— Твой наставник. Через много циклов, когда твое знание сравняется с моим, ты сам сможешь стать наставником.

— Что такое цикл?

— Ты хочешь знать все сразу. Цикл — это рубеж времени. Ты не поймешь, если я стану объяснять словами, но очень скоро, как только наступит сезон туманов, ты сам узнаешь, что такое цикл.

Голос умолк. С удивлением Филин вспомнил, что почти забыл о преследователях, перестал думать о направлении, так увлекла его беседа. Теперь он был далеко от реки. Кустарник встречался все реже, местность стала знакомой. Он знал, что за низкими холмами вскоре откроется город...

«В городе мы работаем и воюем, но живем мы не здесь», — сказал ему голос невидимого наставника. И вот теперь он ехал в странном подземном поезде, о существовании которого раньше не подозревал. Прямой как стрела туннель пронизывал планету по хорде и выходил на поверхность за много тысяч километров от города, построенного когда-то людьми и превращенного много-летней войной в груду унылых развалин. Закрыв глаза, Филин мог видеть схему туннеля, устройство этого необычного поезда, не нуждавшегося для своего движения ни в какой энергии, кроме притяжения планеты. В машинном отделении машинист потянул тормозной рычаг. Поезд тронулся, несколько суток он будет теперь лететь в безвоздушном пространстве туннеля все быстрее и быстрее, чтобы потом, минуя середину, ту точку, где

он будет ближе всего к центру планеты, начать замедляться, и совсем остановится у противоположного выхода, словно гигантские качели, завершившие свой единственный мах. Но стоит отпустить тормоза, и он поедет обратно, вновь постепенно набирая скорость.

Самым необычным в его путешествии была, пожалуй, способность участвовать в разговорах с различными собеседниками в противоположных концах поезда. В любой момент он мог отключиться, замкнуться в себе, обдумать услышанное или какую-то собственную мысль. Еще он научился видеть все, что видели его собеседники, как бы смотреть на окружающее их глазами. Отраженная картина увиденного транслировалась непосредственно из их зрительных центров. Однако, попытавшись расширить сферу, в которой мог присутствовать, Филин понял, что она ограничена поездом. Только слова его наставника проникали к нему, словно бы откуда-то извне. Но сам он не мог ни увидеть его, ни даже обратиться к нему без того, чтобы тот первым не начал разговор. Способность видеть окружающее чужими глазами забавляла Фила, он не сразу освоился с этой новой особенностью своего существа и развлекался путешествиями по вагонам всю дорогу.

Поезд, вылетев на небольшую эстакаду, резко затормозил. С коротким щипением открылись автоматические двери вагонов. Путешествие окончилось. Фил с любопытством огляделся. Первое, что бросалось в глаза, был ослепительно сверкающий на солнце полупрозрачный купол какого-то здания, единственного в этом месте. Здание казалось огромным и занимало, наверно, не меньше нескольких квадратных километров. Длинная белая дорожка вела от него к эстакаде. Еще десятки других дорожек ответвлялись в стороны, теряясь в зарослях незнакомых ему мясистых деревьев голубоватого, почти синего цвета. Здание расположилось на самом берегу моря. Фил долго стоял неподвижно, пораженный красотой открывшейся ему местности, он и не подозревал, что на этой планете могут быть такие уголки. Золотистый песок пляжа, упругое журчание набегавших волн, солнце, высоко висевшее над горизонтом и обдававшее кожу ласковыми сытными лучами.

«Ну вот, даже о солнце я начал думать словами синглитов,— подумал Фил с горечью.— Скоро я совсем забуду, что недавно был человеком. К этому они меня и ведут, словно за руку. Наверно, и этот райский уг-

лок создан специально для этого. Они контролируют все мои мысли...»

— Ты не прав. Можно научиться полностью закрывать свой мозг от всяких воздействий, у нас считается невежливым надоедать занятому или ушедшему в себя человеку, а на того, кто закрылся, вообще не принято обращать внимания. И ты уже не человек. Чем скорее забудешь о прошлом, тем лучше.

— А если я не хочу забывать? — с вызовом спросил Фил.

— Я выразился неточно. Мы так устроены, что ничего не можем забыть, но сейчас воспоминания о твоей утраченной человеческой сущности занимают слишком много места в сознании, приводят его в болезненное состояние, из-за которого ты не способен объективно воспринимать действительность. Позже эти воспоминания займут подобающее им место, ты будешь вспоминать о своем прошлом с легким сожалением, как иногда вспоминаешь о том, что было в детстве. Помнишь, как ты открыл мальчишкой новый цветной мир, посмотрев сквозь осколок стекла? Он ждет тебя здесь.

— Ты и об этом знаешь?..

— Я буду знать о тебе все, пока ты не научишься закрывать свое сознание от посторонних воздействий, а это случится не скоро, и будет означать, что ты стал взрослым в нашем, новом для тебя мире.

— Оставь меня сейчас, я хочу посмотреть и подумать, оценить все, что здесь увижу без твоей помощи.

— Хорошо, — коротко сказал голос. Мышленно он позвал его, но голос не отзывался. Фил усмехнулся. Правила игры соблюдались полностью, но он все равно не верил в то, что наставник ушел совсем.

Мимо него не спеша шли пассажиры, только что сошедшие с поезда. Они шли отдельно друг от друга, не было веселых компаний, никакой разбивки на отдельные группы, как это обычно случается в большой человеческой толпе. Фил подумал, что у них нет необходимости близко подходить к собеседнику, чтобы перекинуться парой фраз. Еще его поразило, что в толпе не встречались дети и старики.

Филин дождался, пока поезд не спеша втянулся в туннель, и, только убедившись, что вокруг никого нет, медленно побрел по дорожке. Большинство приехавших исчезли в бесчисленных дверях гигантского здания. Филин решил здание оставить напоследок и свернул в парк.

Казалось, парку, раскинувшемуся вдоль побережья, нет конца. Кустарников не было, не было и колючих, похожих на проволочные матрацы деревьев. Мясистые сочные стволы здешних растений походили скорее на абстрактные статуи, чем на деревья. Листья на них отсутствовали, очевидно, деревья обходились бугристой морщинистой поверхностью самих стволов. «Людей в парке немного». Он все никак не мог привыкнуть называть синглотов иначе. Они ходили по дорожкам, лежали на солнцепеке, сидели под деревьями. Больше всего его поражало отсутствие всяких предметов, которыми так любили окружать себя люди даже на отдыхе. Не было ни зонтиков, ни полотенец, ни шезлонгов, ни даже книг... «Где они живут? Неужели все вместе в этом огромном здании?» И тут он подумал, что приехавший на новое место человек прежде всего ищет место, где он может приткнуться, какой-то своей конуры, пусть небольшой, но его собственной. Место, где можно положить вещи, где есть кровать, чтобы отдохнуть с дороги. «Но мне не нужна кровать, потому что я не устал, и вряд ли когда-нибудь устану. У меня нет вещей, похоже, их больше не будет. И значит, дом мне не нужен... Дом для человека — это не только место, где он укрывается от непогоды и растит детей... Дом — это нечто большее — кусочек пространства, принадлежащий тебе одному, крепость, защищающая от врагов, основа семьи...» Дом вплетался в человеческую психологию тысячами незримых нитей, обрастал традициями и неистребимыми привычками, нельзя было человека лишить дома, не нанеся ему глубокой психологической травмы. А раз так, то либо он чего-то не понимает, либо они не все учли в этой хорошо продуманной системе превращения человека в синглита... А может, наоборот, может быть, как раз отсутствие собственного дома составляет основу этой системы?

Он вышел на берег, волны накатывались на песок, обдавали его брызгами. Краем глаза он заметил, что слева под большим скрученным узлами деревом расположилась компания из нескольких синглотов. Никогда нельзя было понять, чем они заняты. Сосредоточенные лица, блуждающие улыбки, сидят словно лунатики, каждый сам по себе... Он уже знал, что это не так, что таков их способ общения. И ничего не мог с собой поделать, все время отыскивал в них чужое, враждебное себе. Это получалось само собой. Вдруг женщина из этой

группы поднялась и пошла к нему. Она была высокой и стройной. Фил боялся высоких женщин, может быть, потому, что сам не отличался особым ростом, и поэтому же, наверное, только такие женщины ему и нравились. У нее были рыжие, почти огненные волосы и огромные глаза неправдоподобного изумрудного оттенка. «Как кошка,— подумал Фил.— Рыжая кошка с зелеными глазами».

— Ну, спасибо! — сказала женщина, не разжимая губ.

И он ощутил мучительную неловкость оттого, что каждый мог заглянуть в его черепную коробку, словно она была стеклянной.

— Ладно уж, не стесняйтесь. Я не сразу догадалась, что вы новичок.— Она остановилась рядом, совсем близко от него и, прищурившись, смотрела на море. Ветер шевелил ее волосы. Фил изо всех сил старался не думать о ней, вообще ничего не думать и, чтобы справиться с этой непростой задачей, быстремко стал повторять первую пришедшую на ум детскую песенку: «Жили у бабуси два веселых гуся...»

— Да будет вам! — сердито сказала женщина и вдруг лукаво улыбнулась: — Слушайте, «бабуся», хотите посмотреть наше море?

— Как это «посмотреть», что я, его не вижу, что ли?

— Ничего вы еще не видели! — Она схватила его за руку и потащила за собой прямо в воду. Он инстинктивно сопротивлялся, но это было все равно что пытаться остановить трактор. Его ноги прочертят по песку две глубокие борозды, и почти сразу же он по пояс очутился в воде. Потом их с головой накрыла прибойная волна, женщина нырнула, и, чтобы хоть как-то сохранить остатки своего мужского достоинства, он нырнул вслед за ней. Фил плохо плавал и знал, что дыхания надолго не хватит, а она уходила от него все дальше в синеватую глубину, и тут он вспомнил, что ему не нужен воздух...

Погружение, стоявшее ему на специальных занятиях по плаванию стольких усилий, теперь проходило на редкость свободно... То ли вода здесь не такая плотная, то ли его тело стало тяжелее. Раскинув руки, он медленно погружался. «Вот сюда, левее, здесь карниз!» — сказала женщина, не оборачиваясь, и он подумал, что прямой способ обмена информацией иногда может быть удобен. Опустившись рядом с ней на карниз, он осмотрелся. Зрение сохранило под водой свою обычную четкость,

словно он нырнул в маске для подводного плавания.

В его комнатке, в далеких и навсегда чужих теперь пещерах, хранилась маленькая старинная статуэтка из прозрачного цветного стекла. Никогда нельзя было точно определить, какой оттенок таился в глубине ее стеклянного тела. Согретая в ладонях, она становилась темно-желтой, почти золотой, прямые лучи солнца рождали в ней глубокий синий цвет, пламя свечи или костра — фиолетовый... Он вспомнил о ней сейчас, чтобы зацепиться за что-то знакомое в этом фантастическом водопаде красок, обрушившемся на него из хрустального волшебного сада, в котором они очутились.

Он так и не понял, были то прозрачные водоросли или минералы. Длинные полупрозрачные ленты, нити и целые колонны этих удивительных образований сверкающей анфиладой закрывали все дно перед ним и полыхали всеми цветами радуги. Как только вверху проходила волна, тональность окраски резко и ритмично менялась, словно на экране цветомузыки. Но никогда не мог экран дать этого ни с чем не сравнимого ощущения огромного простора, по которому гуляли цветные протуберанцы.

Они стояли молча, забыв обо всем. Женщина взяла его за руку, и не нужно было вспоминать этих глупых гусей, потому что в голове у него ничего не осталось, ни одной мысли, кроме безмерного восхищения совершенной, никогда не виданной красотой. Он не знал, сколько прошло времени — час или два? Ритмичность огненного цветного калейдоскопа завораживала, таила в себе почти магическую, колдовскую силу.

Когда вышли на берег, их уже связало это совместно пережитое глубокое восхищение, слова были бедны по сравнению с их чувствами...

«Стоп,— сказал себе Фил.— Остается встать на четвереньки и завыть от восторга. Довольно».

— Что с тобой? — удивленно спросила женщина.— Что тебя тревожит, чего ты все время боишься?

— Я хотел бы остаться человеком,— тихо сказал Фил.— Понимаешь ты это?

Она внимательно посмотрела на него.

— Я слышала, что такое бывает. Очень редко, но все же бывает. Был случай, когда тоска по утраченной человеческой сущности не оставила одного из нас и после третьего цикла... Мой наставник объяснял это тем, что

многие из нас слишком рано становятся синглами, гораздо легче проходит переходный период, если человек приходит к нам в пожилом возрасте. С тобой это случилось слишком рано. Но тоска скорей всего пройдет после первого же цикла. Ты о ней забудешь.

— А если нет? Ты говоришь об этом так, словно перестать быть человеком — это всего лишь сменить одежду. И потом этот цикл... Я столько о нем слышал... Можешь ты объяснить, что это значит?

— Почему бы тебе не спросить о нем своего наставника?

— Я попросил его удалиться. Вежливо попросил. Она улыбнулась.

— Я бы с удовольствием... Здесь нет никакой тайны, но это так же трудно описать словами, как то, что мы с тобой только что почувствовали на дне моря. Через месяц начнется сезон туманов, и ты все узнаешь сам. Зачем спешить? Пойми, пока лишь одно — никто здесь не собирается тебе навязывать ни своей воли, ни чужих мыслей.

— Да, конечно... Только вот забыли меня спросить, хочу ли я стать синглитом...

Она повернулась и молча пошла прочь, словно он ее оскорбил. Филин долго смотрел ей вслед, стараясь узнатъ ее мысли, и ничего не чувствовал, кроме глухой стены. «Придется и мне научиться выращивать эту стену, — с раздражением подумал он и медленно пошел прочь. — Вы подождите, ребята... Я научусь... Я здесь многому научусь... Это ничего, что вы меня испугались там у реки, это совсем неважно. Пусть так. Будем считать, что у меня задание без права на возвращение... Я должен найти их слабое место... Должно быть такое место, не может его не быть, точка, на которой держится вся конструкция. Жаль, не успел спросить, что случилось с тем парнем, который не захотел стать предателем и после этого их третьего цикла. Где он сейчас? И вообще неплохо было бы найти среди них тех, кто думает так же, как я...»

Ротанов заметил люсса секунды за две до броска. Наверняка он успел бы за это время вскинуть пульсатор и нажать спуск. Но что-то его удержало. Люсс выглядел как клуб плотного пара. Казалось, верхушку дерева уку-

тала большая снежная шапка. Но вот это уплотнение тумана дрогнуло и потекло к Ротанову. Подавив щемящее чувство опасности, он ждал. Иммунитет? Сейчас я это проверю...

Наконец люссы прыгнули. Больше всего это походило на снежный обвал. Что-то вязкое, плотное, отвратительно пахнущее свалилось ему на плечи, окутало непроницаемой мглой и почти сразу же исчезло; он видел, как стремительно, вытянувшись в длинную вертящуюся трубу, уходил люссы, теряясь среди ветвей отдаленных деревьев. «Значит, я вам не нравлюсь... Не подхожу по вкусовым качествам». Вдруг это не только иммунитет? Вернее, не просто иммунитет, а что-то другое, гораздо более значительное? Что, если люссы вообще не в состоянии напасть на здорового человека? Тогда прав доктор. Тогда за всеми бедами колонистов, за этой войной, за бредовым обществом синглитов стоит одна и та же трагическая случайность — наследственные изменения после гибернизации... Иными словами, все колонисты не совсем здоровы... Во всяком случае, не здоровы с точки зрения люсса. Все это надо еще проверить, пока это лишь предположения, догадки. Фактов ему не хватало. За ними и шел.

Люссы не повторяли нападений до самого города. Как только начались окраины, он повесил пульсатор на грудь и сдвинул предохранитель. После взрыва роллера не хотелось позволять стрелять в себя, да и не парламентером шел он на этот раз в город, он чувствовал, что все мосты сожжены, что после гибели тех тринацати человек, жизнь которых они обещали ему сохранить, он уже не будет вести переговоров, вряд ли он мог сейчас сказать, как поступит.

С запада город начинался кварталом восьмиэтажных одинаковых зданий унифицированного образца. Строительные работы отливали их по единому проекту из силикобетона во всех колониях. Даже целыми такие кварталы смотрелись довольно уныло. На вновь осваиваемых планетах приходилось жертвовать красотой ради удобства и быстроты. Сейчас же, с выбитыми стеклами, с сорванными переплетами, с уродливыми язвами пробоин в облицовке стен, здания выглядели мрачно, почти враждебно. Казалось, сам город ополчился против покинувших его людей, затаил на них обиду за нанесенные раны.

Ротанов решил собрать данные о ночном периоде

жизни синглитов, заполнить пробел в наблюдениях, а также выяснить все, что возможно, об их семейном укладе, если такой уклад у них вообще существовал. С наступлением сезона туманов активная деятельность синглитов, судя по отчетам научного отдела, прекращается.

Он знал по опыту, как часто ошибаются те, кто пишет такие отчеты, и был готов к любой неожиданности. Первые квартиры выглядели так, словно их покинули много лет назад. Наверное, никто не заглядывал сюда. Огромный город, казалось, вымер. Нигде не светилось ни малейшего огонька, не слышно было ни звука. Туман, забивавший улицы, обложивший старые здания слоем клейкой влажной ваты, сделал весь город похожим на театральную декорацию.

Среди охотников существовало поверье, что с наступлением сезона туманов синглиты уходят в лес... Зачем? Этого никто не знал. Напряжение постепенно спадало. Он уже не ждал выстрела из-за каждого угла. Ближе к центру начинались административные и производственные кварталы города. Где-то здесь была резиденция их координатора. Пропутав около часа, он наконец нашел нужную улицу.

Здание было так же пусто, как и весь город. Старое охотничье поверьеказалось правдой. Теперь во что бы то ни стало ему придется узнать, зачем и куда уходят синглиты. Но это потом, сначала надо воспользоваться случаем и провести тщательную разведку в самом городе.

Четыре часа он провел в комнатах со стальными решетками на окнах, с толстыми, в метр толщиной, стенами. Трудно было сказать, кто построил это мрачное здание — люди или синглиты. Во всяком случае, здесь он нашел то, что искал. Место, где до ухода постоянно находились синглиты...

Вначале он был осторожен, опасаясь какого-нибудь подвоха, ловушки или даже засады, но синглиты, очевидно, были уверены, что в это время люссы — лучшая охрана, и не особенно беспокоились о своем оставленном имуществе. Имущества было много, самого разнообразного... Вскоре он понял, что безобидный с виду кабинет Бэрга на самом деле — центр управления какого-то сложнейшего комплекса, со скрытой в стенах аппаратурой. К сожалению, на этот раз его интересовала совсем не электроника... Жилых комнат попросту не было. «Не могли же тысячи синглитов все время, сво-

бодное от работы, проводить на улицах! Или могли?» Он надеялся, что, проникнув ночью в неохраняемый город, сможет хоть что-то понять. Но, похоже, запутался еще больше. Вопросов прибавилось; и не было ни одного ответа...

Куда идти дальше? Как найти дорогу или хоть приблизительное направление, по которому ушли синглиты? Где их искать? Ничего этого он не знал.

Филин вошел в здание через одну из многочисленных дверей. Никто ему не препятствовал, не спросил, что ему здесь надо. Прямой узкий коридор вел к центру. Справа и слева бесчисленные одинаковые двери без единой надписи. Учреждение или общежитие? Стеклянное, почти прозрачное сверху здание изнутри было рассечено глухими перегородками, отделено дверями... Что там за ними? Войти? Почему бы нет, раз ему никто не запрещал, вот хоть в эту. Огромная комната. Что-то вроде оранжереи: маленькие растения, большие растения, части растений, казалось, все это растет прямо на полу или на широких пластиковых столах. От веток шли провода, на стволах примостились датчики. Было влажно и душно. Под потолком гудел кондиционер. Где-то в глубине двигалось несколько человек в голубых пластиковых халатах. Они не обратили на Фила ни малейшего внимания. «Здесь ничего интересного, возможно, оранжерея. Здание может быть жилым комплексом, заводом, институтом, оранжерея ни о чем не говорит».

В соседнем помещении в огромных аквариумах плавали местные чудища. В большом центральном бассейне он увидел кедвота, мясо которого считалось у колонистов лакомством. По огромному количеству проводов, опущенных в бассейн, по многочисленным циферблатам и экранам расположенных на столах и развешанных по стенам приборов он уже почти догадался, что это такое... «Центр... Научно-исследовательский центр планеты... О таком мечтал доктор. Только мечтал. Люди не могли себе позволить здесь ничего подобного... Но почему, ведь начинали с одного уровня? — И вдруг он понял,— только начинали, а потом людей становилось все меньше, а синглитов все больше...»

— Ты не знаешь, почему кедвот есть только голубых креветок? Чем они лучше розовых? — спросил его кто-то из исследователей.

— Не знаю! — угрюмо буркнул Фил и повернулся, чтобы уйти. Совершенно случайно он знал ответ, слышал от доктора, что в крови голубых креветок содержится больше меди, необходимой кедвоту для постройки защитных иголок. И не успел подумать об этом, как голос, только что задавший вопрос, произнес у него в голове короткое «спасибо». Он вздрогнул, все никак не мог привыкнуть к тому, что каждая его мысль прослушивалась. «Вот так они и узнают про нас все. Все, что им нужно,— подумал он, закрывая за собой дверь.— Неудивительно, что с каждым годом люди все больше отступали. Все наши знания, любые военные секреты, вот они, пожалуйста. Никого не надо допрашивать, расположи к себе пленника, поговори с ним ласково, назначь наставника, объясни еще, что нет обратной дороги — и вот он уже готов. Потом, стоит только спросить, даже если тот и не захочет отвечать, никто не станет настаивать, рано или поздно случайно подумает, и все сразу станет известно врагу...» Он мучительно старался вспомнить, не спрашивал ли кто-нибудь его, например, о расположении постов перед базой, о времени патрулирования, о запасе оружия... Но ничего подобного вспомнить не мог и на всякий случай торопливо прогнал эти мысли, неизвестно какую штуку выкинет с ним собственный мозг.

Нужно быстрее отвлечься. Он прошел по коридору мимо нескольких дверей. В голове что-то глохо стучало, он чувствовал себя так, словно много часов провел в душном помещении, и ему не хватало воздуха. Он понимал — дело не в этом, воздух ему не нужен. Сказалось напряжение последних дней, мозг с трудом справляется с повышенной нагрузкой. Сколько можно идти по этому бесконечному коридору? Вот боковой проход, еще одна дверь... Огромный зал, не меньше футбольного поля. В центре гигантское сооружение из стекла, стали и пластика. Водопады труб низвергались к этому стальному чудовищу. Ущелья, стены которых выстилали шкалы и экраны неизвестных ему приборов, сходились к центру зала. Стальные леса помостов вздымались на несколько этажей, и среди этого хаоса копошились крошечные фигурки в оранжевых халатах. Их мысли и фразы, обращенные друг к другу, гудели у него в голове, смешивались, уничтожали остатки смысла в том, что он видел.

Бред, сумасшедший дом.

Новый зал. Тишина и покой, длинные ряды раскаленных печных зевов. Он устал... Дьявольски устал... Тело синглита незнакомо с физической усталостью. Усталость засела у него в голове и грызет и гложет мозг, как крыса... Даже у собаки есть своя конура, даже у робота. У него нет.

Новый зал. Колоннады сверкающих шаров. Пахнет озоном, прыгают стрелки приборов, прыгают электрические искры, прыгают, скачут, словно взбесившиеся мысли у него в голове. Ему нужно так немного, всего несколько метров пространства. Кровать, чтобы можно было с головой зарыться в подушку, дверь, чтобы можно было ее закрыть. Четыре стены, чтобы можно было остаться одному... Длинный коридор и снова дверь... Распахнув ее, он остановился, словно налетел на стену. Там была комната. Обыкновенная человеческая комната с картиной на стене. С глиняным горшком на столе, из которого веером растопырились зеленые листочки растения, семена которого привезли с Земли сотни лет назад. Знакомая железная кровать с подушкой, в которую можно зарыться...

Секунду он стоял неподвижно, стараясь понять что-то важное, какую-то мысль... Ведь это была не просто комната, знакомы были не только картина и эта кровать, но что-то еще, что-то такое же милое и близкое, как эти зеленые листочки на столе... И вдруг он увидел. На полке у самого изголовья стояла стеклянная статуэтка девушки... Второй такой не было. Не могло быть на этой планете... Он взял ее в руки, согрел ладонями, заглянул в глубину, где медленно рождались золотые искры. Это была *его* комната.

Широкое окно во всю стену без рам и переплетов свободно пропускало солнечный свет и не пропускало взгляда. В пещере, где он жил, не было окон и не было пластиковых голубоватых стен. Но все равно эта комната принадлежала ему, ждала его. Со вздохом глубокого облегчения он опустился на кровать. Не разжимая ладоней, поднес к лицу маленькую вещицу, значившую для него так много, закрыл глаза и вслушался в странную мысль, которая тут же всплыла из каких-то мрачных глубин его сознания. В этом здании были сотни коридоров, тысячи залов, миллионы комнат; каким же образом безошибочно, без долгих поисков нашел он именно эту, предназначенную для него, в тот момент, когда больше всего в ней нуждался?

Кто этот невидимый слуга или господин, ни на минуту не оставляющий его в покое? Все тот же наставник? «Ну отзовись же, слышишь! Отзовись! Я сдаюсь. От тебя не спрячешься, не уйдешь, потому что ты сам — часть меня...»

Голос молчал.

Ротанов брел через путаницу улиц, не обращая внимания на бесчисленные повороты, тупики, груды разбитого бетона и тлетворного гниющего хлама. Еще один поворот, покосившаяся стена здания. Знакомый забор... Он вздрогнул, потому что видел уже однажды фасад этого дома и не раз потом вспоминал... Так просто взбежать по лестнице на второй этаж, отыскать дверь под номером шесть... И остановился перед ней, не в силах повернуть ручку, потому что слишком хорошо знал, никого там не было. Но можно ведь и проверить...

Перекошенная дверь никак не хотела отрываться от косяка, наконец, подняв целую тучу пыли, она уступила его усилиям. Багровые отсветы солнца с трудом проридались сквозь разбитые грязные стекла и окрашивали стены комнаты в неправдоподобный кровавый цвет. Ну вот, он и увидел то, что хотел: грязную, усеянную обломками и заставленную полусгнившей мебелью комнату. Даже место, где они встретились, не стоит того, чтобы о нем помнить, а уж все остальное... Вдруг он услышал шорох. В пустой квартире шорох раздался резко, как грохот, и Ротанов сорвал с плеча пульсатор. Секунда, вторая, третья пронеслись в полной тишине, и снова шорох, звук шагов по коридору, ведущему на кухню. Мороз продрал его по коже. Слишком уж не ожиданы были эти шаги в заброшенном городе, в пустой квартире, слишком уж хотел он их услышать, хотел и боялся одновременно...

Она остановилась у входа в комнату, небрежно опершись на притолоку, на ней было то самое темное платье, даже наспех сделанный шов сохранился... Он стоял, сжимая в руках свой дурацкий пульсатор, и не знал, что сказать.

— Долго ты, Ротанов. Я уж думала, не дождусь. Все наши давно ушли, а я все жду, жду... Мне хотелось с тобой проститься.

— Как ты могла знать?.. — Голос у него сел, он все никак не мог протолкнуть застрявший в горле предательский комок.

— Да уж знала... Я многое про тебя знаю. Я даже могу смотреть твои сны.

Он отбросил пульсатор, медленно, словно в трансе шагнул к дивану, на котором когда-то, не так уж давно она стерегла его сон. Ротанов обхватил голову руками, будто хотел удержать рвущуюся наружу боль. Боль разрасталась толчками, словно внутри кто-то упорно долбил ему череп.

Несколько секунд она молча смотрела на него. Потом подошла и села рядом, чуть в стороне, сохраняя небольшую дистанцию, словно понимала, что случайное прикосновение может быть ему неприятно.

— Вот ведь как все получилось, Ротанов... Если разобраться с помощью вашей человеческой логики во всей этой истории, то ее попросту не может быть. Потому что меня не существовало раньше...

Было заметно, как трудно ей говорить, она выдавливалась из себя слова, точно роняла стальные круглые шарики.

— Тебе трудно понять и еще трудней объяснить. Та девушка... Она ведь была не такой, до встречи с люссоm она не была еще мной.

— Ты ее помнишь, ту девушку?

— Я ничего не могу забыть... Иногда это так мучительно и не нужно, но это так. Когда-то я была ею, потом стала вот такой, и я уже не она. Но самое главное... Для тебя главное,— вдруг уточнила она,— что и такой, как ты меня узнал, я останусь недолго...

— Как это — недолго?

— Время кончается, Ротанов. Собственно, оно уже кончилось. Кончается цикл, начнется новый, в нем уже не будет меня... Не будет такой, как ты видишь меня сейчас... Останется только память... Все, что было, все, что ты говорил мне, все, что я думала о тебе, останется, не пропадет. У нас ничего не пропадает, все ценное идет в общую копилку и принадлежит всем... Во время смены циклов все уходит в эту общую память, и из нее возрождаются потом другие личности. Так что я не увижу тебя больше, вот я и хотела дождаться, чтобы ты не искал меня и никого не винил... Потому что я знаю, ты думаешь обо мне иногда... Я даже знаю, когда во сне ты ищешь меня и находишь не такой, как я есть... Не нужно, Ротанов, это все бессмысленно, чудовищно. Я не знаю, как найти слова, какие нужны слова, чтобы тебя убедить, чтобы, когда я ушла, у тебя не осталось ни тоски, ни гнева, потому что никто не виноват в том,

что так случилось, что мы встретились и полюбили друг друга... Хотя это и невозможно.

Она была потерянной девчонкой, с холодным бескровным телом манекена в их первую встречу.

Она была суровой посланницей врагов с сухими беспощадными фразами, не оставляющими никакой надежды... И она же, оказывается, могла быть вот такой, какой была сегодня,— попросту влюбленной женщиной.

Он жадно вглядывался в нее, словно старался запомнить навсегда, и вдруг ему показалось, что он уже видел это лицо... Нет, не тогда, когда нашел ее в этой комнате. Раньше, гораздо раньше... Если удлинить разрез глаз, взбить волосы, на которых когда-то сверкала серебряная диадема... Этого не может быть! Все смешалось в нем, заволоклось туманом. Одно только оставалось совершенно очевидным, отчетливым: она сейчас уйдет. Навсегда уйдет из его жизни. Снова он ее упустит и на этот раз уже навсегда. Только поэтому, да еще потому, что она вытащила на свет из потаенных уголков его сознания все мысли, в которых он боялся признаться самому себе. Он понял, как ему нужна эта женщина, и понял, что, если ко всей его горечи прибавится еще и эта потеря, он может просто не выдержать, сорваться...

Пульсатор валялся в углу, он видел, как в полумраке зловеще поблескивает вороненый металл короткого ствола, и думал о том, что инженер, наверно, был близок к его теперешнему состоянию, когда неделю назад ушел в город, чтобы не вернуться. Инженер хоть верил, что может кому-то отомстить за смерть своих близких, она же позаботилась о том, чтобы у него не осталось даже этой горькой возможности... Потому что ведь это правда: та девушка, которая погибла от люссов, не была ею. И следовательно, даже за ее гибель он не может мстить, наоборот, только благодаря этой гибели возникло холодное облако тумана, уплотнилось, принесло с собой частицу памяти о совсем другой женщине, жившей на этой планете тысячи лет назад. Вот откуда это странное сходство с гордой рэниткой. Вот опять, как все нелепо, не было злой воли. Кошмарный бред... Не бывает таких безысходных ситуаций... И наверно, единственный выход — уничтожить все это сразу, весь этот бредовый мир... Казалось, так просто сжать в руках тяжелую ребристую рукоятку и утопить в потоках пламени всю свою тоску и горечь...

— Мне уже пора...

— Я не отпущу тебя!

Он протянул руку и нашел ее ледяные пальцы. Впервые прикосновение к ней не вызвало ни отвращения, ни страха. Он чувствовал только глухое глубокое отчаяние. Он крепко сжал ее руку и потянул к себе. Но холодная, мягкая, почти безвольная ладонь незаметно, без всякого напряжения выскоцила из его руки. Она встала и медленно неуверенной походкой пошла к выходу, остановилась только у самой двери.

— Не так уж все безнадежно,— тихо сказала она.—

Мы живем очень долго, я могла бы подождать...

— Но тебя ведь не будет!

— Это зависит от меня... Дело в том, что я смогла бы стать опять такой же, восстановить все таким, как сейчас, такой, какой ты меня видишь и помнишь...

— При чем тут моя память? Объясни же наконец! — почти закричал он.

— Хорошо, я попробую. Если в наше общество приходит новый человек, его память будет использована и учтена. В следующем цикле ты мог бы встретиться со мной... У нас нет такой устойчивой индивидуальности и тем более внешности, как у людей. Но именно поэтому возможна наша встреча. После своего ухода я узнаю, какой ты меня видишь, помнишь, и я захочу стать именно такой и тогда это так и будет. Мы очень сильно меняемся во время перехода... Твоя память как бы смешается с моей, твоя воля с моей, возникнут два новых существа, дополняющих друг друга, полностью гармоничных, ты и я... Не такие как прежде, может быть, лучше... Что-то исправится, откорректируется в следующем цикле. Вся наша индивидуальность, черты характера — все будет зависеть от нас самих и не будет требовать для своего изменения таких гигантских усилий, как это нужно людям. Поэтому пары у синглов никогда не расстаются, многие сотни лет они совершенствуются, изменяются, растут вместе — от цикла к циклу... Если хочешь, я тебя подожду...

— Вот ты о чём... Нет, даже это невозможно... Даже если бы я захотел, люссы меня не трогают. Но я и сам никогда не соглашусь... Я ведь человек и даже ради тебя... Нет!

Она кивнула головой, помолчала.

— У меня к тебе просьба. Не ходи за мной.

Тихо скрипнула дверь. Тишина навалилась на него как обвал, только кровь стучала в висках.

Шли дни, и постепенно Фил привыкал к своему новому состоянию. Он по-прежнему не чувствовал себя синглитом, все еще тосковал по товарищам, по всему, что принадлежало ему, когда он был человеком. Но его новый приобретенный взамен мир был достаточно разнообразным и интересным.

Каждый день этот мир был к его услугам, и постепенно тоска по прежней жизни становилась глупе. Приспособиться, пережить первые самые трудные дни помогала ему комната, заботливо восстановившая кусочек его старого мира. Вскоре он заметил, что все реже чувствует необходимость в уединении. Слишком много интересного ждало его снаружи, в многочисленных залах-лабораториях, в огромном красочном парке. Новые знания, которые он мог тут же проверить в лабораториях, постепенно изменяли его интересы, рождали новые мысли. Появились и первые товарищи среди синглитов. Вместе с Эл, как назвал он свою рыжеволосую подругу, они часто посещали зал образных гармоний. Фил научился не выдавать во время сеансов своих истинных чувств, чтобы не мешать другим делиться друг с другом радостью. Долгие прогулки по дну моря еще больше сблизили их с Эл. Если бы он мог быть до конца объективным, то, пожалуй, признал бы: его теперешняя жизнь была, по крайней мере, не хуже той, которую он навсегда потерял. Вот только его постоянно мучили мысли о том, что это всего лишь передышка. Подготовка. Рано или поздно из него сделают солдата врагов. И он все время напоминал себе, что за стенами этого прекрасного стеклянного здания шла жестокая, кровопролитная война с его недавними товарищами.

Если бы не эти мысли, не страх, что его попросту завлекают, он бы, наверно, не так тосковал, и его адаптация в мире синглитов прошла бы намного безболезненнее и быстрее. Но с этим он ничего не мог поделать, ему оставалось попросту ждать и стараться сохранить в себе память, остатки прежней ненависти, чтобы в решающий момент не отступиться, не стать предателем...

Человек он или синглит, уважать он себя перестанет, если возьмет в руки оружие и направит его против воспитавших и вырастивших его людей. А раз так, нельзя расслабляться, нельзя забывать... И он старался. Больше всего тяготила неизвестность, связанная с таинствен-

ными превращениями, ожидающими каждого синглита во время перехода в новый цикл. Он подозревал, что именно тогда произойдет с ним то, чего он так боялся. Судя по всему день этот приближался. Перестали приходить поезда с новыми партиями синглитов. Жизнь огромного города-дома постепенно замедляла свой ритм. Однажды утром он обнаружил, что все лаборатории центра прекратили работу. В коридорах и на дорожках парка встречались сосредоточенные, спешащие к вокзалу синглиты. О Филе словно забыли... Он пошел на станцию и проводил несколько поездов. Никто не пригласил его участвовать в этом массовом исходе, никто не заставлял и оставаться. Им словно не было до него никакого дела. Он не мог больше уловить ни одной их мысли. Фил подумал, что война, может быть, перешла в какую-то новую фазу. Люди получили подкрепление, связались с Землей, и теперь синглитам грозит полное уничтожение, его новый мир будет уничтожен, разрушен, и он, перестав быть человеком, не станет и синглитом... Будет существом без прошлого и будущего. Эта мысль обдала его холодным страхом, и сразу же он сказал себе: «Вот оно, начинается. Они сумели показать тебе, чего ты можешь лишиться. Теперь нужно совсем немного усилий, и ты побежишь спасать свою новую конуру. Ну нет! Этому не бывать!»

Он повернулся и решительным шагом направился прочь от станции. Нужно попытаться разыскать Эл, пока она не уехала, и узнать, что произошло.

Он вспомнил, как бежал через лес. В конце концов, этот выход у него останется всегда. Он сможет выйти на передовые посты перед базой. Это будет естественным и справедливым концом. Вспомнил, как однажды на рассвете он стоял в дозоре и из лесу прямо на него вышел какой-то одинокий синглит. Вышел и пошел напролом, не останавливаясь, не обращая внимания на окрики. Ослепительная вспышка пламени прервала его долгий путь... Только теперь Фил понял, как долг и нелегок был этот путь...

Обычно они встречались на пляже, у Эл не было своей комнаты, она объясняла это тем, что тяга к одиночеству проявляется только в первом цикле.

На пляже никого. Волны моря набегали на пустынный берег, покрытый шелковистым ласковым песком. Много часов провели они здесь вместе и чаще всего молчали. У них еще не было общих воспоминаний, а

своим прошлым она не любила делиться, так же, впрочем, как и он сам. Он заметил, что все связанное с человеческой жизнью стало у синглитов своеобразным табу. Не то чтобы говорить или думать о ней запрещалось, но это было невежливо, потому что причиняло собеседнику невольную боль. Только теперь он начал понимать, что синглиты гораздо более ранимы, чем казались с виду, и что никакие циклы полностью неправляются с болью и тоской по оставленному человеческому прошлому...

Эл работала в биологической лаборатории центра. Она не считала свои занятия там работой. И он понимал ее, сам невольно увлекаясь опытами, которые она ставила. Наверно, этой увлеченности способствовало отсутствие всякого определенного времени занятий, их необязательность, они как бы стали своеобразной игрой, развлечением, а не работой.

Все двери оказались открытыми. Они и раньше не запирались, кроме тех, что вели в опасные помещения или личные комнаты новичков.

Пока Фил бродил по пляжу, здание полностью опустело. Ему казалось невозможным, чтобы она уехала, не попытавшись его увидеть!

Но вся аппаратура, зачехленная и обесточенная, была подготовлена к длительной остановке и хранению чьими-то заботливыми руками. Казалось, здание уснуло. Он еще с полчаса бродил по его коридорам и залам, невольно вспоминая день, когда метался из одного перехода в другой, как загнанная бездомная собачонка... Теперь у него есть хоть комната, и ничего другого ему не оставалось, как снова спрятаться за ее дверью от собственного страха и одиночества.

За столом сидел незнакомый светловолосый синглит и задумчиво вертел в руках стеклянную статуэтку. Фил попятился. У синглитов не принято без разрешения входить в чужую комнату. Грубое вторжение не предвещало ничего хорошего.

4

Ротанов словно плыл в расплывчатом море, у которого не видно берегов.

Уходя из города, он на что-то надеялся, что-то искал... Что именно? Этого он уже не помнил. Хотя если хорошенъко подумать, то можно вспомнить, что еще совсем

недавно у него была вполне определенная цель: настигнуть синглитов, покинувших город, найти то место, куда они уходят для каких-то неизвестных, тайных от людей дел... Но постепенно, с каждым часом цель становилась все неопределеннее, словно окружающий туман проникал даже в мысли, путал их. Он ведь искал не просто место... Не ответ на загадки планеты... Он искал женщину, вернее, синглитку. Он выполнил ее последнюю просьбу, позволил уйти, навсегда затеряться в белесом болоте и, похоже, заплатил за это слишком дорогой ценой. Обрея себя на дорогу, у которой нет ни конца ни края. Всю жизнь он будет теперь идти вот так, увязая в тумане, не зная, куда и зачем.

Постепенно усталость давала о себе знать. Он все чаще спотыкался, терял представление о времени и пространстве. Иногда ему казалось, что он бредет в этом однообразном сером месиве с самого рождения и будет идти еще долгие годы, без всякой надежды на конец дороги. Чтобы вернуть ощущение реальности, Ротанов сорвал с плеча пульсатор и выстрелил.

На секунду ему показалось, что в тумане чужой планеты взошло обыкновенное земное солнце. Его желтоватый жаркий свет разметал враждебные щупальца тумана, горячий ветер ударили в лицо, смел остатки липкой дряни, а отсвет горящих деревьев высветил склон холма, по которому он шел. Сознание вновь обрело знакомую ледяную четкость, мысли уже не прыгали и не путались. Все упростилось, стало до конца ясным. Он инспектор. У него есть инструкции, там можно найти ответ на самые сложные вопросы. Простой и доступный ответ. Уголком сознания он понимал, что с ним не все в порядке. Он слишком долго шел, слишком устал. Многократные нападения люссов не могли пройти бесследно...

Ротанов достал флягу с водой, но не успел сделать ни одного глотка. Сверху по склону холма ему навстречу спускалась маленькая фигурка, издали очень похожая на человеческую. По походке он сразу же понял, что это синглит. Спрятаться? Пойти за ним следом? Попробовать заговорить? Сейчас все эти очевидные решения казались ему слишком сложными.

Ствол пульсатора описал короткую дугу, ловя в перекрестье прицела тропинку, по которой шел к нему синглит. Оставалось подождать, пока он сделает шагов двадцать, выйдет на эту открытую тропинку, и нажать спуск.

Посетитель поставил статуэтку на место и сразу же поднялся навстречу Филину.

— Ну вот мы и встретились. Ты ведь хотел этого с самого начала. Раньше это было бессмысленно, теперь ты готов к разговору. Я твой наставник.

«Вот оно! — обожгла сознание мысль. — Я знал, что они от меня не отступятся, никогда не оставят в покое! Им нужны солдаты...»

— Подожди, Фил. Не надо спешить с выводами. Я пришел не за тем, о чем ты думаешь. Слишком многое зависит от того, поймешь ли ты меня сейчас, поверишь ли, поэтому не спеши и хорошенько подумай, прежде чем примешь решение. А сейчас сядь и послушай.

Филин почувствовал, как его охватывает знакомое щемящее чувство, которое, как он знал, появляется у него накануне боя или в момент сильного нервного напряжения; оно длилось недолго, и на смену ему всегда приходили спокойствие и трезвый расчет, не раз выручавшие его в сложных запутанных ситуациях. Он сел к столу совсем близко от посетителя и пристально посмотрел ему в глаза.

— Я слушаю, хотя и не понимаю. Если ты действительно мой наставник, то, наверное, мог бы внушить мне любое желание, любую свою мысль без этих долгих разговоров. Я уже знаю, что такое твой мысленный контроль.

— Контроль допустим лишь в начальной стадии обучения, ты ее уже прошел. То, что мне от тебя нужно сегодня, не заменит никакое внушение, мне понадобится твоя собственная воля, все твое желание, чтобы добиться успеха.

— Я слушаю.

— Ты помнишь зал пластации?

— Да, я туда не пошел.

— В тот день было еще слишком рано, и ты ничего бы не понял. В этом зале мы можем изменять свою внешность и не только внешность — все тело. Его строение целиком подчиняется нашей воле, желанию; ну так вот, мне очень нужно, Фил, просто необходимо, чтобы ты вернул свою прежнюю внешность, ту, которая была у тебя, когда ты был человеком. Этого никто не сможет сделать, кроме тебя самого, я могу только помочь.

— Зачем это нужно?

— Ты помнишь пилота, Фил?

— Того на складе? Конечно. Конечно, я его помню.

— Мне кажется, этот человек подошел очень близко к решению самой главной задачи...

— Какой задачи?

— Он может прекратить войну, Фил... И не только ее. Кажется, он может найти способ, объединяющий несовместимые вещи — наше общество и общество людей...

— Как же он это сделает?

— Если бы я знал... — В голосе наставника прозвучала неподдельная горечь. — Над этой проблемой работали не один год наши лучшие ученые. Было доказано, что выхода нет. Что наше развитие целиком зависит от захваченных в плен и насильно обращенных в синглотов людей... И все же я никогда до конца в это не верил. Видишь ли, есть древние знания, сохраненные в наследственной памяти самих люссов и переданные теперь нам, мы не можем разобраться в них полностью, потому что родовая память — это только основные инстинкты, законы поведения, так все страшно запутано, неясно. Множество позднейших наслоений, и все же можно сделать вывод о том, что когда-то, чрезвычайно давно, тысячелетия назад, люссы уже имели контакт с другими мыслящими существами. Похоже, им удалось создать объединенное гармоничное общество, я даже подозреваю, что возникновение самих люссов как-то связано с этими навсегда оставившими планету в глубокой древности существами. А потом пришли люди, и произошла какая-то трагическая ошибка, случайность или что-то еще, может быть, за тысячи лет эволюция исказила первоначально заложенные в люссах инстинкты, они одичали, превратились в тех ужасных вампиров, которых вы, то есть люди, так боитесь сегодня. Это все мои догадки — не больше. Но они дали мне право подозревать, что какой-то выход из создавшегося положения возможен, но мы его не знаем. Если бы его знал кто-нибудь из нас, эти стычки, принесшие так много горя и нам и людям, давно бы прекратились.

— Вам-то от них какое горе? Одна польза...

— Ты несправедлив, Фил. Не забывай, что ты сам давно уже наш, и твое личное горе — трагедия всех тех юношей, которые становятся новыми членами нашего общества, сохранив навсегда след насилия над собой, душевного надлома, тоски по оставленному человеческому дому — все это наша общая трагедия. И когда

нам приходится брать в руки оружие, чтобы наше новое общество могло продолжить свой род,— это ведь тоже трагедия, Фил... Не зря же ты больше всего боишься именно этого.

— Я никогда не стану предателем!

— Не ты один, Фил. Не ты один. В том-то и дело. Война порождает неразрешимые противоречия. Многие предпочитают уйти совсем. А ты говоришь — польза... До прилета инспектора мы еще могли надеяться, что она кончится нашей победой, превращением всех людей в синглотов. Конечно, это ничего бы не дало, потому что сразу же прекратилось развитие нашего общества, неспособного к размножению. Несмотря на долгую жизнь каждого нашего члена, ничего, кроме регресса и упадка, постепенного вымирания, нас не ждало после нашей победы на планете. Теперь же, с установлением контакта с Землей, все противоречия еще больше обострились.

— Что может с этим сделать пилот?

— Не знаю... Во всяком случае, над ним не тяготеют предрассудки, порожденные во всех колонистах многолетней войной. Он может быть объективен. К тому же он официальный представитель землян на нашей планете. В общем, мне кажется, он имеет право решать. И надо ему в этом помочь. Предоставить все данные, все, что от нас зависит. Во время перехода, или «цикла», как ты его привык называть, наше общество становится практически беспомощным, если бы не люссы, люди давно уже воспользовались бы этим. Я хочу предоставить пилоту такую возможность.

— Какую именно?

— Возможность выбора, свободу действий и право принять окончательное решение. Я верю в этого человека. Мне уже приходилось с ним сталкиваться, я ведь не только твой наставник, я выполняю еще и другие функции в нашем обществе. Пилот знает меня как координатора, хотя такой должности у нас не существует, но он хотел встретиться с представителем власти, с руководителем, и мне пришлось сыграть эту роль. К сожалению, во время нашей встречи у него не возникло по отношению ко мне ни доверия, ни добрых чувств. Поэтому сегодня я вынужден обратиться к тебе. Кое-что вас связывает с пилотом, пусть немногое, но все же для человека, его склада характера этого может оказаться достаточным, чтобы тебя выслушать.

— Какова будет моя роль, в чем именно предстоит убедить пилота?

— Тебе не надо его ни в чем убеждать. Ты должен будешь привести его на поляну, где проходит цикл. Ты ее найдешь автоматически, инстинктивно. Он ее может не найти вообще — лес для него чужой. И самое главное, если возникнет такая необходимость, если наше предприятие удастся, ты сможешь быть посредником между нами, поможешь мне передать пилоту всю необходимую информацию.

— Или завлечь его в ловушку... — чуть слышно пробормотал Фил.

Наставник сделал вид, что не услышал этого, а может быть, и в самом деле не рассыпал, занятый своими мыслями.

— Видишь ли, Фил... Я должен тебе сказать и еще кое-что. Встреча с пилотом — это мое личное решение. Очень многие не разделяют моего оптимизма, не верят в положительное решение наших проблем, предпочитают теперешнее существование. Меня же и еще некоторых, не очень многих в нашем обществе, это не устраивает. Пусть уж лучше решает пилот, и если он не найдет выхода, ну что же. Все кончится сразу, без долгой волокиты. Всех нас попросту не станет. Риск того, что это так и случится, очень велик, и я обязан тебя предупредить, чтобы ты мог все сознательно взвесить и решить.

— А если я откажусь?

— Тогда я попробую сам встретиться с пилотом. Скорее всего из этого ничего не выйдет. Он слишком ожесточен гибелью отряда инженера, считает, что это предательство именно с моей стороны, хотя все прошедшее — чистая случайность. Он не знает, что люссы нам не подчиняются и что мы не можем предсказать их поведения.

Что убедило Фила? Откровенность? Она могла быть нарочитой, разыгранной специально для него. Слишком много в обществе синглов фальши, мимикрии, игры... Нет, не откровенность. Скорее неподдельная горечь и усталость в тоне наставника, в его последнем признании в том, что это его личное решение...

— Почему вы не поговорили со мной раньше?

— Нужно было дождаться, пока наши покинут город. Немало труда стоило мне задержать тебя здесь до этой

минуты. Зато теперь, что бы мы с тобой ни решили, нам уже не смогут помешать.

Фил встал, прошел к окну. За ним ничего не было видно. Ничего, кроме искусственной белой слепой стены. И никто ему не поможет, никто не подскажет решения.

— Что же все-таки должен буду я сказать пилоту?

— Правду, Фил. Только правду.

— Ну, хорошо. Давайте попробуем.

6

Ротанов знал, что стрелять нужно очень точно, так как расстояние было небольшим, приходилось пользоваться минимальной мощностью, и соответственно сокращалась зона поражения. Он сделал глубокий вдох, потом выдохнул воздух, задержал дыхание и упер локоть левой руки, направляющей ствол пульсатора, в бедро. Ствол перестал прыгать. Перекрестье оптического прицела замерло на середине тропинки... Откуда здесь тропинка? Этот вопрос отвлекал его от предстоящего дела, и он от него отмахнулся. Теперь в прицел попали горящие кусты, видимо, огонь только что приполз к ним по тлевшему от термического удара мху, и они неожиданно и дружно вспыхнули.

Он уже видел в верхней части прицела его ноги. Сейчас враг будет уничтожен. Ноги постепенно удлинялись, появились колени, потом живот, грудь, голова... Давно пора было стрелять, а у него рука словно заlegenела на спуске. Перед глазами все еще полыхало видение зловещего соломенного факела, и никакое желание отомстить, никакие лоссы ничего не могли с этим поделать... Время было упущено. Противник уже заметил его и не дрогнул, не сделал ни одного оборонительного жеста, не попытался бежать и не поднял оружия, он просто продолжал идти по тропинке прямо на Ротанова с какой-то жуткой неотвратимостью, не делая ни малейшей попытки спастись. С каждым его шагом все ниже опускался ствол пульсатора, потому что не было ничего нелепее, чем стоять со вскинутым оружием на встречу идущему к тебе безоружному человеку, даже в том случае, если он и не был человеком...

Синглит остановился, когда осталось всего шагов пять, пульсатор болтался у Ротанова на ремне стволом вниз, но это ничего не значило. Он успел бы его вскинуть

и выстрелить, даже в том случае, если противник попытается неожиданным рывком преодолеть эти оставшиеся пять метров. Но его противник ничего не пытался, ничего не хотел, просто стоял и усмехался, и в его ухмылке Ротанов с ужасом находил что-то знакомое.

— Здравствуй, пилот. Мы, кажется, на этот раз поменялись ролями? Помнишь склад?

На секунду все поплыло у Ротанова перед глазами: ночной лес, полыхающий куст и эта жуткая ухмылка.

— Я ведь чуть было не убил тебя, Филин.

— Ну и зря не убил, потому что никакой я не Филин, а самый обыкновенный синглит. Был Филин, да весь вышел. Но раз уж все-таки не убил, то, может, побеседуем?

И Ротанов сразу же поверил ему, потому что не мог Филин пройти ночью через лес и оставаться Филином, и раз он стоит здесь, то все так и есть. Не Филин это, а синглит. И странно, это соображение ровным счетом ничего не меняло. Потому что это был все-таки Филин, с его рыжей всклокоченной бородой, с его жуткой ухмылкой, с неровными, изъеденными кариесом зубами... И это лицо всю оставшуюся жизнь стояло бы потом у него перед глазами, если бы он не удержался, нажал спуск секунду назад.

— Ну что же... Рассказывай. Рассказывай, где пропадал...

Странная это была беседа у костра, место которого занял догорающий куст. Филин рассказывал обстоятельно, не спеша, словно все эти долгие дни копил в себе желание высказать, и вот теперь нашел наконец достойного слушателя. Он рассказывал об огромном городе-доме, о своей тоске, о том, как бежал к реке, и о том, как постепенно, с каждым днем все больше переставал быть человеком. Он рассказывал о своей мечте отомстить тем, кто изуродовал его жизнь, отнял друзей, будущее, цель... И о том, как постепенно тускнела эта мечта, потому что они сумели предложить взамен других друзей, другое будущее, другую чуждую и по-своему прекрасную жизнь, которую он все же не хотел принимать, как часто не хотят люди принимать фальшивки даже в том случае, когда мастерство подделки превосходит натуральный образец по красоте и правдоподобию, просто за то, что это подделка...

Он давно кончил свой рассказ, и оба они молчали, глядя на догорающий куст. Словно время остановилось,

застыло, словно все только что рассказанное одним из них и услышанное другим было всего лишь злой сказкой, дурным сном, у которого нет продолжения. Вот сейчас они проснутся, взойдет солнце, туман рассеется... Но солнце все не всходило, только куст догорел, с шипением погасли последние красноватые глаза углей, не стало видно лиц, и лишь тогда Ротанов нарушил наконец молчание.

— И что же дальше? Зачем ты меня искал?

— А вот этого я и сам как следует не знаю... Поверили наставнику, что ты можешь что-то изменить, исправить... Как будто это возможно... Ну да ладно. Я обещал проводить тебя на поляну, на ту самую, где проходит циклический переход. Пойдем.

И Ротанов почувствовал острый, болезненный укол совести, как будто был виноват в том, что ничего не сумел придумать, обманул его надежды, как будто бы виноват в том, что сам все еще оставался человеком, в то время как Филин перестал им быть и никогда уже не сможет стать снова.

Он с трудом заставил себя подняться и шагнуть в сгустившийся туман за этой светлой, почти нереальной в темноте фигурой, месяц назад бывшей здоровенным парнем по имени Филин, а теперь вот ставшей синглитом, почти призраком, фантомом из страшной сказки... И он, инспектор Ротанов, каким-то образом был за это ответственным, потому что вовремя не разобрался в ситуации, не принял мер, ни черта не сумел исправить и даже понять на этой планете, и вот теперь бредет в потемках неизвестно куда... И думает о том, что право быть человеком остается за каждым, кто им рождается, до самой смерти, и никто не смеет посягнуть на это право, но вот все-таки посягнули... И раз так, его задача как инспектора предельно очевидна — он должен раз и навсегда сделать это невозможным, а не забивать себе голову сложными проблемами. От этого простого решения стало немного легче.

Тропинка вывела их на вершину холма. Кусты раздвинулись, и оттого, что ветер сносил с вершины туман, здесь было немного светлее. На несколько секунд в разрыве облаков показались звезды. Снизу, оттуда, где они недавно сидели у горящих кустов, тянуло промозглым холодом и не было видно ни малейшего огонька. Сырость притушила все следы пожара. Филин замедлил шаги, дождался, когда Ротанов догнал его, и пошел рядом.

— Мы уже пришли. Это где-то здесь. Я чувствую что-то. Кружится голова. И еще мне страшно. Побудь со мной рядом, это скоро начнется...

Ротанов ни о чем не спросил и только подумал, каким же должен был быть его ужас перед предстоящим, если такой человек, как Филин, признался в своем страхе. Ротанов крепче стиснул пульсатор. Под ногами хрустела галька и прибитая холодом, но все еще колючая и упругая, как стальная щетина, трава. Теперь они шли медленно, молча, почти торжественно, словно приглашенные на какую-то церемонию, таинственную мистерию этой сумасшедшей планеты. До вершины, на которой уже угадывалось широкое открытое пространство, оставалось всего несколько десятков шагов, и Ротанов почувствовал, что Филин незаметно подвинулся ближе к нему, словно во всем этом враждебном и холодном мире он остался для него единственной защитой.

— Может быть, тебе лучше неходить дальше?

— Я уже не могу вернуться. Меня ноги не слушаются, тянет как магнит. Не хочу идти, а все равно иду...

— Что же ты раньше молчал? — Он схватил его за плечо, пытаясь остановить.

Филин отрицательно покачал головой.

— Это тоже не поможет. Уже поздно. Мы давно попали в зону. Да и что мне остается? Я ведь теперь синглит и должен жить как они. И не поймешь ты ничего без меня. Пойдем. Я и так задержался. Внутри смертельный холод, все словно застыло... Мы не можем жить без солнца так долго...

Вдруг Ротанов представил, что совсем недавно по этой самой тропинке, может быть сдерживая такой же леденящий, рвущийся наружу страх, прошла и она тоже... Кажется, он начинал понимать, почему она попросила не провожать ее в этот последний путь... Где-то он читал, в глубокой древности была такая дорога... Дорога на эшафот... Чтобы понять, что могли означать эти пустые для человека двадцать третьего века слова, нужно было побывать на этой тропинке. Скоро это кончится. Он никому не позволит больше испытывать здесь такой вот смертельный ужас.

В сером жемчужном сумраке они видели довольно далеко вокруг. Здесь никогда не бывает такой полной ночи, как на Земле. Виноваты крупные близкие звезды, и только облака да рваные полотнища тумана мешали

рассмотреть, что там делалось впереди на огромной пологой поляне, покрывшей всю вершину холма. Кусты кончились, и оба остановились. Они уже стояли на краю поляны. На время Ротанов забыл о Филине, пораженный открывшимся ему зреющим.

Всю поляну до самого края заполняли какие-то слабо светящиеся голубоватым светом предметы. Их было так много, что поляна походила на ночное небо, сплошь забитое странными холодными звездами. Ближайшие светящиеся предметы лежали у самых ног, и, присмотревшись, он понял, что это такое... Свет был слабым, мерцающим, и все же его хватало, чтобы высветить травинки вокруг, влажные ветви кустов... Округлые изогнутые бока предметов, словно вылепленные неведомым скульптором, странным образом закручивались, смыкались друг с другом своей утонченной частью. Если смотреть слишком пристально, нельзя было уловить форму предмета.

Сколько их здесь, тысячи? Десятки тысяч? Кто и зачем принес их всех сюда? Вдруг он вздрогнул, потому что рядом с ним что-то произошло. Он резко обернулся. На том месте, где только что стоял Филин, клубилось плотное бесформенное облако тумана. Оно постепенно расплывалось, меняло форму, вытягивалось вверх грибообразным султаном, наконец оторвалось от земли и медленно, словно нехотя, потянулось вверх.

У самого подножия этого туманного столба Ротанов увидел еще один светящийся предмет. Он мог бы поклясться, что минуту назад его там не было... Он задрал голову, стараясь рассмотреть, куда уходит туманный хвост, только что бывший Филином. Не так уж высоко над поляной висела плотная туча. Облако втянулось в нее, словно всосалось внутрь, послышался слабый чавкающий звук. Вся туча чуть заметно колыхалась. По ней шли от края до края световые волны, слабое мерцание на грани видимости сопровождало волны зеленоватых, розовых, голубых тонов, они шли друг за другом и неслышно исчезали, высвеченные по краям роем искорок.

Пожалуй, это было красиво. И еще он чувствовал странную отрешенность, потому что все происходящее было настолько чуждо, нечеловечно, что утратило тот первозданный оттенок ужаса, который сопровождал его до самой поляны. Он уже не испытывал ни гнева, ни страха. Только горечь да еще легкую грусть, какую всегда испытывает человек, случайно попавший на кладби-

ще, потому что во всех этих гнилушках, рассыпанных по поляне, было что-то от кладбища...

«Ну вот ты и добрался до сгнившего сердца этой проклятой планеты», — сказал он себе и не испытал ни радости, ни удовлетворения. В нем появилась странная двойственность, словно внутри проснулся какой-то новый, неизвестный ему человек и чуть насмешливо и грустно наблюдал теперь за тем прежним Ротановым, который пришел на эту поляну, сжимая в руках оружие, собираясь кому-то мстить, творить суд и расправу, не имея ни малейшего права ни на то, ни на другое, потому что все произшедшее вообще оказалось за рамками обычных человеческих понятий о морали и логике.

Да и не мог он направить огненный смерч на эти кристаллы, в которых, как в спорах, хранились зародыши жизни. Все, что было и еще станет Филином, ею, Бэрром, десятками других существ, способных огорчаться, радоваться, страдать... В потоке пламени может наступить лишь окончательный конец, не он подарил им эту странную вторую жизнь, не ему и отбирать ее...

Он повернулся и медленно побрел обратно. Пульсатор на длинном ремне больно колотил его по плечам на каждом шагу. Он остановился и с раздражением засунул в рюкзак бесполезное и бессмысленное здесь оружие.

Поляна все еще лежала перед ним такая же тихая и странная, больше все-таки похожая на ночное небо, чем на кладбище. «Мы же вас не трогали... Зачем?» — тихо спросил он и, не получив ответа, побрел было дальше, но почти сразу же остановился. Ответ был где-то здесь, совсем рядом. Он выстраивался, возводился как стена из небольших кирпичей, самых разнообразных сведений, фактов, мелькавших в его голове до этого момента бессмысленной путаницей.

«Это такой комар... Прежде чем снести яйцо, он должен напиться человеческой крови...» — сказал ему инженер, и он ему не поверил.

«Вы абсолютно нормальны, абсолютно», — говорил доктор, закончив его полное обследование после первой встречи с люссоm... И оказалось, он единственный во всей колонии не пострадал от этой встречи...

«Нет у них никакой злой воли, у этих люссов,— говорил доктор,— это лишь молекулярная взвесь, стая мошки с простейшей программой поведения». И это уже было важным, потому что откуда-то же она взялась, эта программа, заставляющая люссов нападать на людей,

именно на людей... Правда, не на всяких, потому что одним их нападение не причиняет вреда, зато другие... «Гибернизация ослабляет наследственность, а мы все — потомки тех искалеченных полетом людей». «Иными словами, люссы не может повредить здоровому человеку?» — спросил он тогда и не получил ответа. Теперь он знает, это так и есть.

И еще... В свое время, изучив материалы, которыми располагал, он пришел к выводу, что общество синглиотов всего лишь раковая опухоль, способная к развитию только за счет людей. Теперь он знает еще один важный факт. Они не способны к самостоятельному размножению, действительно могут развиваться только за счет людей, но не всяких. Не всяких, а только больных! Пусть даже с их точки зрения больных — неважно, потому что в конце концов больные люди становились здоровыми синглитами... У него кружилась голова от этих мыслей. Он дошел уже до самого края поляны и остановился, опустился на траву. Вокруг все было очень тихо, и от радужного мерцания над головой мысли становились стройнее, словно облако помогало ему думать... Вдруг мелькнула догадка настолько важная, что он сразу забыл обо всем остальном.

В генетическом коде всех колонистов что-то было нарушено, что-то такое, что сделало их, с точки зрения люссов, больными, пригодными для атаки. Не эта ли случайность послужила причиной трагических событий? Но если это так, то получается очень странная и вполне логичная цепь, слишком странная и слишком логичная для того, чтобы быть всего лишь случайным стечением обстоятельств... Люссы не трогают здоровых, нападают на больных... Или старых?.. Превращают их в синглитов. В здоровых и молодых синглитов. Ведь у синглитов не бывает стариков. А что, если предположить, что все это не случайно? «Не может быть случайным такое множество совпадений! Ну же! Смелее! — приказал он себе.— Предположим, что рэниты так запрограммировали люссов, чтобы они могли старого или умирающего от болезней человека сохранить как личность, предоставить ему новую долгую жизнь. Пусть другую, непохожую на человеческую, но интересную, полную творчества, поиска, борьбы, искусства, любви, ощущения жизни! Да разве кто-нибудь откажется?!

Сколько там они живут, эти синглиты, многие сотни лет? Величайший дар, вот что ты нашел внутри этой

раковой опухоли, в самой ее сердцевине... Вот что скрывалось за всеми грязными наслоениями, за ошибками, трагическими случайностями, нелепым стечением обстоятельств, непониманием и страхом...

Они и сами не остаются внакладе, эти самые люссы. Они получают за счет человека индивидуальность, становятся личностью, а человеку дарят вторую жизнь. Неплохой симбиоз... Особенно если исправить все ошибки, уничтожить непонимание и сделать контакт человека с люссами абсолютно добровольным... А что в добровольцах не будет недостатка, в этом он уже не сомневался. И это было, пожалуй, самым главным. Стержнем всей проблемы. Он встал и еще раз осмотрел поляну. Теперь огоньки в холодной траве уже не казались ему гнилушками. Они были скорее светляками. Огоньками жизни, бесконечной, как ночное небо. «Если хочешь, я тебя подожду...» — сказала она на прощание. Пройдет еще сорок или пятьдесят лет. Он устанет от дальних космических дорог, одряхлеет его тело, в нем поселятся болезни, старость. И тогда, как знать, может быть, он захочет начать все сначала? Все эти долгие годы кто-то будет ждать его на этой планете. Время не властно над человеческой сущностью, над добротой, над любовью. Сейчас, завершив круг, он понял, что дорога, уведшая его когда-то от далекой Реаны, через бездны пространства и времени вернулась к своей изначальной точке. В белесом мареве тумана Ротанов видел образ женщины, тысячелетия назад родившейся на этой планете. Женщины, которую, несмотря ни на что, он сумел найти здесь вновь и опять потерять. Дорога жизни не имела конца. Он стоял у начала нового витка.

**Олег
Корабельников.** Башня птиц. Повесть

Да, человек есть башня птиц,
Зверей вместилище лохматых,
В его лице — миллионы лиц
Четвероногих и крылатых.
И много в нем живет зверей,
И много рыб со дна морей...

Н. Заболоцкий

Глава I

Этим летом на большом протяжении горела тайга, и все десантные бригады были стянуты к очагу, но все равно, несмотря на усилия и жертвы, огонь медленно расползался вслед за ветром, и только реки не пропускали его, сдерживали неумолимое продвижение, опрокидывая в себя раскаленную лавину. Все, что могло двигаться в тайге, все, кто имел ноги и крылья, уходили от огня, и только деревья и травы, сроднившиеся с землей, умирали молча, да и то старались посыпать свои семена по ветру на лапках птиц, в шерсти зверей подальше от огня и гибели.

Гремели взрывы в тайге, надрывно ревели бульдозеры, в дыму и чаду без отдыха работали люди. И Егор чувствовал себя посторонним здесь, чужим и этим людям, и этой тайге с ее неподвижными деревьями, с бегающими, ползающими и летающими жителями ее. В район пожара он попал случайно, и цели его не совпадали с такой тяжелой работой, что делали эти люди. Он бродил по заброшенным таежным деревням, искал там прялки, самовары и темные, рассохшиеся иконы. Все это умирало с течением времени, рассыпалось в пыль, и Егор стремился удержать хоть то немногое, что попадало в его руки. Близкий пожар остановил его, и теперь он ждал, когда очаг ограничат и можно будет без излишнего риска двинуться дальше, вверх по течению реки. Отпуск его заканчивался, и он досадовал на непредви-

денную задержку и скучал в небольшом селе, где жили и десантники.

За эти две недели добровольного изгнания он научился многому и понял многое, и все беды его городского бытия — развод, уход из института, расторянность и неприкаянность — казались здесь мелкими и нестоящими. Перед огромными пространствами гибнувшего леса, перед пеклом верхового пожара, кипящими реками, обугленными трупами сгоревших зверей и черными километрами мертвой тайги все прошлое со своими горестями и страданиями казалось ненастоящим, придуманным кем-то и болью в душе его не отдавалось.

Когда иссякло терпение, в один из безветренных дней он все же собрался дойти до затерянного скита, где, по рассказам местных жителей, давно никто не жил, но в заколоченных избах лежало то, ради чего он сюда и приехал.

Он шел налегке, только топор в чехле, нож в ножнах, коробок спичек и пачка сигарет были при нем. Да еще компас на ремешке.

Утро было тихое, это обещало медленное продвижение пожара, в основном низового, а значит — не слишком страшного и более удобного для укрощения. Продвигаясь по сырому склону, проклиная густые заросли, Егор вдруг ощутил, что приближается пожар. Это не совпадало с первоначальными планами, но запах гари, низкий, еще редкий дым и еле слышный треск горящих деревьев говорили ясно — огонь близко. Егор остановился, долго и чутко прислушивался и понял, что пожар движется к нему и надо бежать, пока не поздно. Впереди с шумом, не разбирай дороги, выскочили в ложбину запаренные лоси; увидев Егора, они круто развернулись и, ломая кустарник, исчезли в чаще. И уже, не видимые ему, бежали от пожара звери помельче, громко кричали птицы, колыхались кусты, трещал валежник под множеством ног.

Не дойдя до конца лога, Егор стал поспешно подниматься на крутой склон сопки, рассчитав, что огонь, преодолев последний барьер, будет медленней скатываться вниз, сдержаный восходящим потоком воздуха. Сырые травы скользили под ногами, густой подлесок мешал подъему; задыхаясь, Егор забрался на вершину сопки и отсюда увидел, что огонь совсем рядом — на вершине соседнего холма, и это означало, что времени для спасения осталось совсем немного, от силы

минут пятнадцать. Треск сучьев, стволов, ломаемых и калечимых огнем, становился все громче и громче. Он подгонял Егора. Чуть ли не скатываясь вниз по противоположному склону, где-то посередине он вдруг услышал песню.

Кто-то шел внизу и спокойно пел на непонятном языке, а песне этой вторил неразборчивый хор, словно бы это плакальщицы шли за гробом и причитали, подывали жалобно, каждая на свой лад. И Егор подумал, что это, быть может, местные жители идут по логу, и если они так спокойны перед лицом огня, значит, опасность не столь уж велика. Егор уже мог разобрать отдельные слова, но все равно не понимал их, и между ритмическими повторами песни он услышал короткое щелканье кнута. После каждого щелчка при чтанье хора усиливалось, и Егор никак не мог отвязаться от ощущения, что где-то уже слышал нечто похожее. Этот длинный, не разделенный на слова вой был знаком ему. По высокой траве он скатился вниз и увидел то, что поразило его и заставило остановиться.

По узкой тропке неторопливо шагал невысокий старик с коротким кнутом в руке, а позади него, растянувшись гуськом, шли волки. Штук десять или двенадцать, разных возрастов, но одинаково понурые, они семенили, поджав хвосты и подывая на разные голоса в такт щелканью кнута. Старик и пел эту непонятную песню, и Егор, замерев на склоне, не нашел ничего другого, как закричать:

— Эй, пастух! Ты что, волков за собой не видишь?!
Сматывайся, пока цел!

Старик повернул голову к Егору, скользнул по нему равнодушным взглядом и, не прекращая своего шествия, отвернулся. Волки даже не посмотрели в сторону Егора. На короткое время Егор увидел лицо старика и по желтому морщинистому лицу его догадался, что это, наверное, эвенк.

Ветер дохнул близким жаром, и Егор, махнув рукой на странную процессию, бегом пересек лог в метре от последнего волка и, не сбавляя скорости, мчался по низине в противоположную сторону. Он понял, что пожар перешел в верховой, и скорость его продвижения превышала любую мыслимую скорость, на которую способен человек. Стало ощутимо жарко, рев огня нарастил, и Егор увидел, как гребень желтого палящего пламени медленно

переваливает через сопку и душной тяжелой волной начинает скатываться вниз. В отчаянии и безнадежности Егор заметался по логу, задыхаясь от дыма, почти ничего не видя из-за копоти и гари, наполнившей низину, и вдруг услышал женский голос, звавший его по имени. Кто-то там, в дыму, звал его, спокойно и ласково:

— Егор, ступай за мной, ступай. Да не сюда, дурачок, не сюда. Вот заполошный-то!

И женщина засмеялась. Голос ее был негромок, но отчего-то не заглушался ничем, словно бы она стояла за спиной и говорила прямо в уши. Егор оглянулся на голос и увидел неширокую полосу, идущую от него в глубь горящей тайги. И эта полоса была не затронута огнем, словно бы кто отгородил ее невидимой стеной. По обе стороны от нее бушевал огонь, а в ней росли деревья, и роса на травах, и паутинка не колышется на ветру. И он ступил в нее, и ощутил прохладу летнего утра, и побежал вдоль нее, и, даже не оглядываясь, чувствовал, что стена огня смыкается за его спиной и горящие ветви опаляют его следы. Впереди что-то мелькнуло, вот из-за сосны выглянула чья-то голова, вот обнаженная рука махнула ему из-за куста смородины, вот тихий звенящий смех послышался за плечом. Егор боялся остановиться, огонь подгонял его, и никогда было задуматься или окликнуть того, кто шел впереди.

Страх исказил чувство времени, и пока вокруг стоял треск, падали деревья и ломались сучья, казалось, что длится это несколько часов, и Егор, давясь воздухом, бежал и бежал, пока не отдалился шум пожара и по краям полосы не появились обугленные, но уже не горящие деревья. Он замедлил бег, перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. И спасительная полоса уперлась в огромный ствол кедра, а там, за ним, начиналась выжженная зона. Егор обернулся. Позади, насколько хватало взгляда, стояла дымная, черная тайга и языки огня прокальзывали меж деревьев. Егор сел на узкий пятак зеленой травы под кедром, привалился к нему спиной и вытер пот со лба. Что-то зашуршало, посыпалась хвоя, зеленая шишка, подпрыгивая, покатилась по траве и зарылась в пепел. Кто-то засмеялся над головой.

— Кто ты? — спросил Егор, задрав голову и пытаясь что-нибудь разглядеть.

Тихий смех перешел в цоканье белки и через минуту — в крик сойки. И тут Егор увидел, как кедр изменяется на глазах. Зеленая хвоя превращается в серый пепел и осыпается, ветви скрючиваются, чернеют, и сам ствол обугливается без огня, становясь похожим на окружающие деревья. Хохот филина послышался сверху, мягко прошелестели невидимые крылья, и тихий ласковый голос донесся уже издалека.

— Ступай, Егор, ступай. Путь долог, и жизнь коротка. Иди к реке.

К исходу суток он наконец-то добрел до боковой границы огненного клина. Она была отграничена неширокой рекой, а на том берегу было зелено и тихо, и странно было смотреть на живую тайгу после всего увиденного. Он упал в воду, настоящую на муравьях и мяте, долго и жадно пил, потом тщательно вымылся и даже выполоскал рубаху. Лежал на зеленом берегу и смотрел на тот, обугленный, как на пейзаж иной планеты. Искореженная, изуродованная тайга, черный и серый цвет до горизонта.

Стекло компаса разбилось, и стрелка выпала. Егор выбросил никчемную коробочку, определил направление по лишайнику и пошел на север. Заблудиться он не боялся: где-то рядом были деревни и непременно — люди.

Он тщетно искал хоть какую-нибудь тропку, проторенную человеком, но кругом были только высокие травы, названий которых он не знал, кустарники, деревья, мхи и лишайники. Ноги проваливались в невидимые ямы, наполненные водой, докучал гнус, и, самое главное, пришел голод. Егор шел и шел на север, припоминая, что на карте в этом направлении должны быть река и село на берегу. Отдирая полосы сосновой коры, он жевал сладковатую мякоть, ел мясистые стебли пучек, выкапывал клубни саранок. Уже редкие в тайге, они были мучнистыми и безвкусными. Но голода это не утоляло, нарастала слабость, и усталость не проходила после коротких привалов.

И пришла первая ночь одиночества.

Он развел костер, потратив шесть драгоценных спичек. Оставалось еще десять. Разорванная и прожженная одежда не грела, он лег поближе к костру, огонь обжигал лицо, а脊на все равно мерзла. Тогда он нарубил пихтача, накрылся им сверху и подстелил снизу и следил только, чтобы лапник не загорелся.

Мысли были невеселыми, но все же он надеялся на лучшее и даже представить себе не мог, что никогда не выйдет из тайги. Он задремал и в снах своих увидел город, от которого отвык, но по которому скучал особенно сильно именно сейчас. Во сне он шел по асфальтовой дороге, и стерильный ветер ровно дул ему в лицо. По краям дороги росли никелированные деревья с алюминиевыми листьями, как вешалки с номерками. И кто-то шел ему навстречу, не то зверь, не то человек, и кто-то кричал или пел вдали.

Во сне своем он радовался тому, что слышит живой человеческий голос, и одновременно боялся его, будто он мог причинить ему какую-нибудь беду.

И проснулся он от ощущения близкой беды, сдавившей горло. Костер погасал, он встал, подбросил ватажник и тут-то в самом деле услышал человеческий голос.

Глава II

Егор медленно отодвинулся от костра, чтобы треск его не мешал слушать, задержал дыхание. Кто-то кричал вдалеке. Звонкий голос, по-видимому девичий, и, кажется, даже веселый. Слов не разобрать, только долгие гласные: а-а, у-у, о-о! Как будто поет. Егор определил направление ветра, встал и закричал сам. Сопки поглощали эхо, звуки голоса быстро погасли. Но ему показалось, что та невидимая девушка отвечает ему на более высокой ноте и чуть-чуть погромче. Тогда он загасил костер и зашагал в темноте в ту сторону. То и дело подавал голос и с радостью убеждался, что его слышат и отвечают ему по-прежнему непонятно, но все же человеческим голосом. Пришлось идти напрямик, переваливать через высокую сопку, в полной темноте это оказалось тяжким испытанием. Несколько раз он срывался с крутого склона, падал, катился по росистой траве, ругался в полный голос, чтобы разозлить себя, подстегнуть, а когда добрался до вершины, то понял, что голос, звавший его, пропал. Он кричал громко, на все четыре стороны, долго прислушивался, но никто не отвечал ему. Тогда он сел, изможденный, хотел сплюнуть с досады, но рот пересох. Сидел так, слушал тайгу, она говорила на

языках ползучих и летающих тварей, и ни одно слово не походило на человеческий язык.

Он снова решил развести костер и поспать хоть немного, но опять услышал давешний голос и настолько близко, что даже испугался. На этот раз можно было разобрать слова, вернее, одно слово. Неведомая девушка кричала: «Его-о-р!» Она звала его по имени, и голос был ласковый, юный, взволнованный. «Его-ор! — кричала она.— Иди сюда!» И он не выдержал. Как ни абсурдно все происходящее, но он был слишком голоден, измучен, чтобы не поддаться на звавший его ласковый голос. В низком сыром логу остановился, прислушался, закричал что есть силы, сложив руки рупором: «Э-э-эй! Отзовись!»

Но услышал только плеск реки. На ощупь добрался до низкого берега, вымыл лицо, напился, покричал еще.

— Егорушка,—тихо позвал его голос за спиной.

Он резко обернулся, не устоял на ногах, упал. В темноте послышался смех, холодный, приглушенный, словно рот прикрывали ладошкой.

— Ну, чего смеешься? — спросил Егор, обращаясь к темноте.— Кто ты? Это ты меня из огня вывела? Почему прячешься?

— Его-о-орушка! — протянул томный голос и рассмеялся.— Я здесь. Иди ко мне. Иди.

Голос перешел на шепот, призывающий, чуть ли не страстный.

— Смеешься? — зло спросил Егор.— Ну смеяся. Я подожду.

Он сел на сырую валежину, не боясь промочить брюки. И без того вся одежда была насквозь мокрой. Нечистой силы Егор не боялся, а людей и тем более.

— Ну что же ты сидишь? — зашептала девушка над самым ухом.

Он ощутил ее дыхание на шее, почему-то холодное, словно порыв речного ветра. Не поворачиваясь, резко вытянул руку за спину, подавшись назад. Что-то мягкое и холодное скользнуло по кончикам пальцев.

— Ну же, ну, я жду, иди сюда,— шепнула девушка, коротко хихикнув.

Безлунная ночь, сырость, плеск реки и невидимая девушка напоминали что-то виденное или читанное, но страха не было. Девушка, и все тут. Разве можно бояться-

ся девушек? И все же оставалось чувство близкой опасности, поэтому он предпочел встать и повернуться лицом к возможной опасности. Увидел нечто белесое, словно размытый ветром туман, мелькнувший и пропавший тотчас во тьме.

— Что же ты убегаешь? — спросил с вызовом Егор, положа руку на топорище.— Я к тебе, а ты от меня? Иди поближе, познакомимся.

И тут же что-то толкнуло его в грудь. Егор не удержался и упал на спину, больно ударившись о камни. Топор выпал из рук, но, удержаный ремнем, остался на поясе.

— Егорушка,— шептала девушка в ухо.— Егорушка, ласковый ты мой, касатик ты мой ненаглядный...

Холодная чужая рука скользнула по лицу.

— А ну брысь отсюда! — закричал Егор, вскакивая.— Кто бы ты ни была, убирайся-ка отсюда подобру-поздорову!

Чиркнул спичкой. Слабый огонек осветил прибрежные камни, воду, клочья травы. Больше ничего. Тогда он решил отойти от берега и развести костер. Пока он брел в темноте, невидимая девушка кружилась вокруг него, то и дело касаясь руками его тела, каждый раз в новом месте, и Егор отмахивался от нее, как от неуловимой мухи.

На ощупь собрал веток, надрал бересты. Огонь ярко вспыхнул, обнажил светлый круг камней. Егор сел поближе к костру, не расслабляясь и ожидая подвоха. И не зря. Костер громко зашипел, взметнулось вверх пламя, и тотчас же горящие ветки разлетелись во все стороны, разбрасывая искры и погасая в сырой траве. Егор едва успел откатиться в сторону.

И услышал смех. Громкий, звонкий, самозабвенный. Сперва ему показалось, что девушка справа, и повернулся туда, но смех быстро переместился влево, а потом назад, а потом даже послышался сверху. Ни шума шагов, ни шелеста крыльев. Егор совсем разозлился.

— Эй, ты, нечисть ночная! — закричал он в запале.— Вот только попадись мне, вот только подойди ко мне!

— Проказник,— громким шепотом сказала девушка, и тут же ледяная, обжигающая тяжесть навалилась на спину Егора, крепкие руки обхватили его грудь, плотно

прижав руки к телу.— Баловник ты мой, люб ты мне, ох как люб, идем ко мне, ну идем...

Егор всегда считал себя сильным, но как ни вырывался, объятия становились еще сильнее и крепче. Тогда он резко наклонился вперед и что есть силы лягнул сапогом. Нога попала в мягкое, податливое, как пластилин. Задыхаясь и коченея от холода, Егор упал на бок, но освободился от захвата. Быстро перевернулся на спину, согнул колени, напружинив ноги, а руки с зажатым ножом изготовил так, чтобы отразить возможное нападение. В почти абсолютной темноте драться было тяжело, тем более с противником, превосходящим его по силе, хитрости, и, самое главное, с невидимым и незнакомым. Недруг его, казалось, не устал, голос был таким же ровным и томным:

— Ну как же ты, Егорушка? Почему ласки мои отвергаешь? Разве я не люба тебе? Ну, обними меня, приголубь, холодно мне, ох, как холодно.

Холодная рука скользнула по лицу Егора, и он едва успел ударить по ней, но тотчас же рука рванула ворот рубахи, и он на мгновение ощутил прикосновение льда под мышкой.

— Ах ты подлая! — сказал сквозь зубы Егор и стал яростно размахивать ножом, описывая круги на уровне груди.

Но это не помогло. Ледяные руки касались его то тут, то там, и один раз он ощущал прикосновение твердых губ на своей щеке — словно жидким азотом капнули. Девушка смеялась беззлобно, звонко, но в этом смехе звучала такая уверенность, что Егору наконец-то стало страшно. «Ведь она только играет со мной,— подумал он,— пока лишь играет, а я, взрослый мужик, не могу справиться с ней. А что же будет, когда она и в самом деле проявит себя во всей своей силе?»

— Что тебе надо от меня? — прохрипел он, задыхаясь от усталости.— Что я тебе сделал дурного? Зачем ты мучаешь меня?

— Не отвергай меня,— сказала девушка.— Обними меня.

— Утром,— ответил Егор,— вот рассветет и обниму.

— Нет, только ночью.

— Я устал. К чертям собачьим такие объятия, от которых мороз по коже. Дай развести костер, и я соглашусь.

— Нет, милый, нет.

И что-то холодное, тяжелое, словно глыба льда, навалилось на Егора, придавило его к земле, и напрасно он пытался освободиться от этой живой, хваткой глыбы. Стало совсем тяжело, собственное бессилие бесило пуще всего, он обхватил руками то, что навалилось на него, и ощутил человеческое тело, холодное и влажное. Струи воды полились ему на лицо, от них исходил густой запах рыбы и водорослей. Преодолевая отвращение, захлебываясь, он размахнулся и с силой ударил ножом в это тело. Нож неожиданно легко, как в воду, вошел в тело и звякнул по пряжке ремня. Тогда он отбросил его, схватил это тело руками и стал мять, ледяное, аморфное, тягучее, липкое, пытаясь оторвать от себя хотя бы по частям.

— Крепче, милый, крепче,— шептала девушка,— ах, как тепло, родимый.

Струи переохлажденной воды хлестали его по лицу, словно бы это были волосы девушки. Егор уже не обращал внимания на ее поцелуй, морозившие кожу, он мял ее спину, бока, сминавшиеся под руками, превращающиеся в холодные, скользкие бугры, но так и не мог избавиться от тяжести или оторвать хоть малую часть от тела. И тут он заметил, что тело ее стало теплее, а сам он замерз, и усталые руки закоченели, несмотря на движения.

— Ведь ты убьешь меня,— сказал он,— зачем тебе это?

— Согрей меня, и я уйду,— прошептала она и поцеловала в губы. Поцелуй показался теплее, чем раньше.

Егор захлебывался, задыхался, руки онемели, а тело потеряло чувствительность. И казалось ему, что лежит он на дне реки, и стометровая толща давит на него, вымывает тепло, растворяет тело, уносит с собой по течению, уничтожая его целостность и неделимость. И он приготовился к смерти и выругался отчаянно, но гортань его издала только короткое бульканье.

И тут заиграл рожок за рекой. И Егор увидел, что ночь светлеет и мало-помалу перетекает в утро.

И еще он увидел лицо девушки, прильнувшее к его лицу. Оно было красивым, но словно бы слепленным из густого тумана, белое, оно высвечивалось в темноте фос-

форесцирующим пятном, и прозрачные глаза смотрели на него бездумно и спокойно. Он боднул лбом это лицо и вцепился зубами — последним оружием обреченных — в левую щеку. Теплая плоть свободно пропустила зубы, и они сомкнулись, коротко клацнув.

И снова заиграл рожок, громче и напевнее. Уже можно было различить силуэты деревьев на фоне неба, и реку, и камни на берегу. Егор расслабился, силы иссыкали, он почувствовал только зимний холод, проникший внутрь и морозящий дыхание.

И девушка стала легче, лицо ее прояснилось, руки ее в последний раз прошлись по его груди, и он ощутил облегчение. Она выпрямилась, он увидел ее всю. Еще нечеткие контуры тела были красивыми и стройными, длинные текучие волосы стекали струями под ноги, взгляд был равнодушен и глубок. Егор попытался встать, но тело не подчинялось ему. Холод проник внутрь и не уходил. Егор почти физически ощущал снег и лед в животе, промозглую сырость в груди и такую невероятную слабость, что казалось — он невесом и тела его не существует.

— Ты согрел меня, — сказала девушка, — ты растворился во мне. Теперь ты мой, ты наш.

И она отдалась от него; ступала неслышно в сторону реки, и он увидел, как смутные волны покрыли ее ноги, и только всплеск реки сообщил об ее уходе.

Потом он потерял сознание или просто заснул, но когда очнулся, то уже был день, и мутное солнце стояло в зените. Он полежал на спине, отогреваясь, вспоминая о событиях ночи, как об ушедшем, но все еще слишком кошмаре. Он поднял руки и провел по лицу. Рука оказалась чужой, сухой и морщинистой. Егор испугался, хотел вскочить, но тело не послушалось. Рука скользнула ниже и, отделившись от тела, ушла в сторону. Егор проследил ее растерянным взглядом. Это и в самом деле была не его рука, а того самого эвенка, что пас волков. Желтолицый, словно высохший, с двумя жидкими косичками, он смотрел на Егора равнодушным взглядом, поджав сухие губы.

— А, волчий пастух, — сказал Егор тихо. — Дай воды, пить хочется.

Эвенк отошел, сел поодаль и стал чинить кнут.

— Ты по-русски понимаешь? — спросил Егор. — Воды дай, слышишь, во-оды!

Показал губами, как пьют воду, пощелкал языком, скосил глаза в сторону реки.

— Лежи,— ответил эвенк тонким гнусавым голосом,— помрешь скоро, однако. Мавка из тебя все тепло взяла, так помрешь.

— Ну так и дай напиться перед смертью.

— Не дам, однако.

— Трудно тебе, что ли? Река ведь близко.

— Глаза есть, вижу. Все равно помрешь.

— Что я тебе сделал, старик?

— Ничего не сделал. Мертвец что сделает?

— А ты не хорони меня заживо! — зло сказал Егор.

Эвенк бесстрастно доплел косицу кнута, легко поднялся и ушел. Издали донеслась его песня, и сразу же за ней — разноголосица волчьяго воя.

Злость придала Егору силы, он перевернулся на бок и докатился до близкого берега. Окунул лицо в воду, напился, медленно разминая затекшее тело, подставляя его под солнечные лучи, иззябшее, выстуженное внутри. Сильно хотелось есть, и когда он смог встать, то первым делом добрел до близких зарослей пучек и, нарвав их сочные, водянистые стебли, стал жадно жевать.

Полежал на животе, сняв рубашку, впитывая тепло кожей, проследил взглядом солнце, катившееся к закату, и решил, что так или иначе, но надо жить, надо идти дальше, надо искать людей. Плеснула река, он настороженно обернулся и увидел, что большая рыба выбросилась на берег и бьется о гальку сильным телом. Егор вскочил, зная, что все равно упадет от слабости, но рассчитал свое падение так, чтобы прижать рыбу животом. Это был таймень, и Егору пришлось долго удерживать его своим телом, пока тот не затих.

— Отдаришаешься? — спросил Егор реку.— Ну ладно, черт с тобой, мы еще поквитаемся, красотка. Я вернусь сюда, все равно вернусь. Если выживу, конечно.

Пересчитал спички — осталось восемь. И мнилось ему, что с каждой убывающей спичкой уходят от него жизнь, тепло и надежда на спасение. От сырости ночи головки спичек отсырели и слиплись друг с другом. Он нежно разделил их, разложил на теплых камнях, грел в ладонях, дышал на них, терпеливо ждал. Тайменя съел сырым.

Взошел на пригорок, осмотрелся, искал дым пожара.

Но тайга от горизонта до горизонта вздымалась сопками, зелеными, густо поросшими, не тронутыми человеком. Тщательно обулся, сложил подсохшие спички в коробок, а нож подвесил так, чтобы было удобно быстро вытащить его. Следя за краснеющим солнцем, навалил окатыши в пирамидку, чтобы запомнить это место.

— Эй, Мавка! — прокричал он на прощание реке.— Выгляни, красотка, попрощаемся!

Река несла свои воды, звенела на перекатах и не отзывалась. Только вдали, за сопками, рожок проиграл печальную мелодию и оборвался на высокой ноте.

На следующий день Егор понял, что окончательно заблудился. Он не слишком-то надеялся на то, что будут искать его, но все-таки насторожился, когда утром услышал далекий стрекот вертолета. Шум моторов отдалился, исчез и больше не появлялся. По-видимому, Егор ушел слишком далеко от места пожара и в этих местах его уже не искали, не думали, что он сможет преодолеть такое расстояние. И сам он никак не мог понять, почему за эту ночь, когда он бежал по тайге на зов невидимой девушки, он ушел так далеко, что казалось невозможным пройти за несколько часов добрую сотню километров.

Пробираясь по непролазному бурелому, он вспомнил свое спасение от огня и смертельные объятия Мавки, но разумных объяснений не находил, а поверить в невероятное не мог. Он знал, что в горах бродит неведомый снежный человек, что в далеком озере Лох-Несс живет чудовище, а над землей кружатся летающие тарелки, и в общем-то верил всему этому, происходящему далеко от него, но в древние языческие сказки о русалках поверить не умел.

Он твердо был убежден, что среди слепой, поглощенной в себя природы именно он, Егор, человек разумный, и есть хозяин всего сущего на земле, пусть побежденный и раздавленный, но все равно хозяин, и делиться ни с кем, даже в мыслях своих, не хотел.

Река, не обремененная названием, текла среди безымянного леса, аукались лешаки в чаще, русалки в омутах хмелели от рыбьего жира, водяной ковырял в зубах ржавой острогой, неведомые звери рвали когтями кору на красных деревьях, баба-яга ворочалась в тесном гробу, расшатывая осиновый кол, вбитый ей в брюхо, оборотни

прыгали через пень с воткнутым в него ножом и превращались в волков, бука хлопал совиными глазами из дупла, кикиморы сидели на корточках у тропы и ждали прохожих, древний славянский Белбог, с лицом, красным от раздавленных комаров, давился медвежатиной, одинокий обыкновенный человек рубил сосны, и щепки ложились поодаль умирающих деревьев. Волки прислушивались к далекому железному звону и прижимали уши. Они не любили человека.

Глава III

Все же, несмотря на страх перед рекой, он опасался уйти от нее далеко. Следовать поворотам реки и шагать вслед за ее течением все же легче, чем на свой страх и риск пробираться через чащи. И Егор решил связать небольшой плот и заставить реку нести его. Он выбрал место над обрывом, чтобы срубленные деревья не пришлось катить далеко, наточил топор и, выбрав подходящие сосны, принялся за работу. Голод и усталость сказывались быстро, часто приходилось садиться или прямо ложиться на землю, чтобы дать отдохнуть онемевшим рукам и отышаться. Обостренный за эти дни служ уловил чьи-то шаги. Мягкие, осторожные. Егор половчее ухватил топор и прижался спиной к сосне. Шаги затихли, и вдруг позади он услышал пощелкиванье и цоканье, словно бы беличье. Егор резко обернулся и увидел, что знакомый эвенк сидит на пригорке, поджав короткие ноги, и неодобрительно смотрит на надрубленное дерево.

— Ну, здорово,— сказал Егор, поигрывая топором.— Что, ошибся? Видишь, живой я. А где же твои волки, пастух?

— Зачем деревья убиваешь? — спросил эвенк.

— А тебе какое дело? Надо — и рублю. Кто ты такой?

— Дёйба-нгую я,— ответил эвенк.— Почему не узнал? Меня все знают. Почему не боишься? Меня все боятся.

— Плевал я на тебя,— сказал Егор и, отвернувшись, рубанул по сосне.

— Ой-ой! — закричал эвенк.— Больно! Почему больно делаешь?

— Когда по тебе рубану, тогда и кричи. Видишь, дерево рублю.

И Егор еще раз ударил топором по неподатливой древесине. Щепка отлетела за спину.

— Ой-ой,— снова закричал эвенк и сморщился, как от сильной боли,— мой лес убиваешь, однако. Что он тебе сделал?

— А то, что я жить хочу. Ясно?

— Живи, однако,— посоветовал эвенк.— Раз не помер, так живи. Жить хорошо.

— Спасибо, я и сам знаю, что жить хорошо,— сказал Егор и рубанул в третий раз.— В дурацких советах не нуждаюсь.

— Ай, какой плохой мужик! — укорил, вскрикнув, эвенк.— Все хотят жить. Ты лес рубишь — меня убиваешь.

— А ты меня пожалел? Ты мне воды пожалел. Плевал я на тебя теперь с высокого дерева. Ясно?

— А что тебя жалеть? Ты человек, вас вон как много, а я один. Сирота я, Дёйба.

И эвенк показал руками, как много людей и как одинок он сам.

— Одним человеком больше, одним меньше,— сказал он,— ничего не изменится. Друг друга вы убиваете. А я один, сирота я. Лес жгете — больно мне, дерево рубите — больно мне, зверя убиваете — ой, как больно мне!

— Что с тобой говорить? — сказал Егор.— Это в твоем лесу друг друга все убивают, тем и живут. Что на людей все валишь? Сам-то кто?

— Дёйба-нгую я, сказал ведь.

— А хоть бы и Дёйба, что с того? Вот и паси своих волков, коль нравится, а мне не мешай.

И Егор углубил заруб.

— Моу-нямы, Земля-мать, всех родила, душа у всех одна,— сказал Дёйба,— вас, людей, Сырада-нямы, Подземного льда мать, родила, душа у вас холодная. Не жалко вам ничего. Лес большой, душа у него одна. Тело режешь — душе больно. Тело убиваешь — душа умирает. Глупый ты.

— На дураков не обзываются,— сказал Егор, замахиваясь топором,— и сказки мне свои не рассказывай.

— Мало тебя Мавка мучила? — спросил Дёйба.—

Жалко, совсем не замучила, Лицедей не дал. Кабы он на дудке не заиграл, так и помер бы ты.

— Ступай своей дорогой, пастух Дёйба,— сказал Егор, опуская топор.— Не мешай дело делать.

— Лес мой,— настаивал тот,— тело губишь — душе больно.

— Какая ты душа,— огрызнулся Егор.— В тебе самом душа еле держится.

— Люди довели,— пожаловался Дёйба,— лес жгут, зверей убивают, реку травят. Больно мне.

— А мне что за печаль? — сказал Егор и рубанул по сосне.

— Плохой ты,— сказал Дёйба, морщась от боли,— я тебя сосну лечить заставлю, волкам потом отдам. Волки мужиков не любят, шибко злы на мужиков.

— Ну-ну,— сказал Егор, делая свое дело.

— Лечи, однако, дерево, рубаху разорви и лечи.

— Аптечки не захватил,— сказал Егор и услышал гудение пчелы над ухом.

Он отмахнулся от нее, но она возвращалась, и вскоре вокруг Егора загудел целый рой.

— Будешь лечить? — услышал он сквозь гуденье.

— Еще чего!

И пчелы набросились на Егора. Чем больше он отбивался от неуловимого роя, тем сильнее и ожесточеннее нападали пчелы. Глаза сразу оплыли. Зверя от боли, Егор заметался по берегу, скатился по обрыву в облаке пыли и с размаху нырнул в реку. Вода холодная, долго не высиديшь, а выйти нельзя — пчелиный рой кружит над головой. И тут кто-то под водой сильно укусил его за ногу. И еще раз, будто ножовкой. Напрасно Егор отбивался от нового врага, каждый раз этот кто-то подплывал с другой стороны и острыми зубами коротко покусывал его тело. Не помня себя от боли и злости, Егор выскоцил на берег и стал зарываться в песчаный осыпающийся склон. И только он прикрыл себя песком и пучками травы, как кто-то из-под земли пробрался к нему и, попискивая, куснул в живот, и еще раз — в спину, и еще — в бедро.

— Лечи, однако,— услышал он голос Дёйбы.

— Отгони своих палачей,— сказал Егор, еле сдерживаясь, чтобы не закричать в голос.

Полежал, сил набрался от сырой земли, встал, покачиваясь, распухший, грязный, со следами укусов на

теле, поднялся, скрипя зубами, по обрыву, сел, опервшись спиной на надрубленную сосну, сплюнул под ноги густую злую слону.

— Гадина,— сказал он, разлепляя толстые губы.

— Рубаху разорви,— сказал Дёйба,— сосну лечи. Потом реку мыть будешь.

— Совсем рехнулся. Какую еще реку?

— Люди порошок в реку сыпали, рыбу сгубили, ты воду мыть будешь.

— Дурак,— сказал Егор и, скрипя зубами от унижения, разорвал последнюю рубаху.

Ткань была ветхой, легко рвалась на короткие неровные полосы. Силясь открыть заплывшие глаза, Егор наматывал на заруб сосны, липкий от смолы и сока, тряпки и, мучаясь от сознания идиотизма своей работы, рвал и снова наматывал.

— Доберусь я до тебя,— угрожал он Дёйбе.— Ты у меня еще попляшешь.

— Лечи, однако,— мирно советовал тот.— Мне больно было — не жалел. Себя жалей теперь. Ты вылечишь — тебя вылечат, ты больно сделаешь — тебе сделают. Вы, люди, слова не понимаете, боль понимаете, смерть понимаете.

Дёйба сожалеюще зацокал языком.

Егор кончил свою дурацкую работу и завязал концы тряпок бантиком.

— Ну что? — спросил он.— Хорошо я сосны лечу?

— Пойдем, однако. Воду мыть будешь. Вода ой какая грязная!

— Мыла нет,— буркнул Егор.

— Зачем мыло? Без мыла мыть будешь.

— Так ты покажи! Ты полреки и я половину.

Подошли к реке.

— Рыб наускивать не будешь? — спросил Егор, приложивая топор так, чтобы он не бил по ногам.

— Не буду,— сказал Дёйба,— лезь в воду.

— Ладно,— сказал Егор, разбежался и прыгнул, стараясь проплыть под водой как можно больше.

Он плыл, не оглядываясь, и страх придавал ему силы. Быстрое течение несло его, и когда он выбрался на другой берег, то место, где он рубил сосну, осталось за поворотом. Этот берег был низким, заросшим густой травой. Егор отдохнул, отлежался и осмотрел раны.

Они были неглубокие, но все равно внушали опасение. Ни лекарств, ни бинтов, а любой пустяк в тайге, на безлюдье, мог обернуться смертью.

Егор промыл раны водой, поискал подорожник, но он не рос в тайге, некому было занести сюда его семена, не было здесь человека. Достал разбухший от воды коробок, вынул из него голые палочки, равнодушно повертел в руках и выбросил.

— Вот такие дела, Егор,— сказал он сам себе.— Огнем тебя жгли, водой топили, льдом морозили, зверями и пчелами травили, а ты еще жив. Живи и дальше.

И пошел через болото. Остановился на сухом месте и увидел, что здесь начинается узкая тропинка. Он встал на колени, прополз по ней и увидел то, что очень хотел увидеть,— человеческий след. Узкий, неглубоко вдавленный в сырую почву, один-единственный след.

— Эй! — закричал он, распрямившись.— Эй, кто живой, отзовись.

Отозвались сойки. Раскричались, разгалделись над его головой, и из-за этого крика Егор не услышал, как кто-то подошел с той стороны зарослей жимолости. Он ощутил на себе взгляд, повернулся в ту сторону, но никого не увидел.

— Выходи,— сказал он.— Чего боишься? Если человек — не обижу.

— Топор-то брось,— певуче произнес девичий голос.

— Это ты, Мавка? — вздрогнул Егор.— Проваливай лучше отсюда.

В кустах засмеялись тихо так, совсем не зло.

— Нет,— сказала девушка,— не Мавка я. Топор, говорю, брось.

— Ладно,— сказал Егор и бросил топор неподалеку от себя.— Нашла кого бояться. На мне места живого не осталось. Деревня твоя близко? Может, и поесть что найдется? Сильно я голоден.

И из кустов жимолости вышла девушка. Даже не девушка, а почти девчонка, худенькая, смазливая, щеки в малине испачканы, а сарафан красный, платочек белый.

— Ишь ты,— расслабился Егор,— откуда такая взялась? Я уж думал, что никогда людей не встречу.

Он опустился на землю, сидел и смотрел на девчонку, любовался и даже пытался улыбнуться распухшими губами.

— Ну, что смотришь? Страшный я, да? Не бойся, я не леший. Егор я, в тайге заблудился, а тут еще нечисть привязалась. Сам удивляюсь, как жив еще. Ты посиди маленько, дай отдохнуть, а потом пойдем, хорошо?

Девчонка не отвечала, стояла у кустов, улыбалась тихонько, и по лицу ее было видно, что она совсем не боится его. Наверное, взрослые рядом, подумал он, и от души совсем отлегло. Напряжение этих дней, когда ежечасно приходилось бороться за жизнь, и сознание того, что шансов выжить не так уж и много, спало, и остались пустота и усталость неимоверная. Он смотрел на девчонку и, отделенный в эти дни от людей, с радостью ощущил свою причастность к человеческому роду, сильному, красивому и великодушному.

— Принеси поесть, — попросил он, — и позови взрослых. Вся сила от меня ушла, до того размяк.

Девочка не отвечала. Она стояла и улыбалась, вытягивая губы трубочкой, словно хотела свистнуть. Потом наклонилась и подняла лукошко с малиной. Протянула Егору.

Егор брал малину горстью, задерживал у рта, вдыхал запах и, стараясь не спешить, глотал не жуя.

И тут он подумал, что для малины еще не пришел сезон. Он шел по тайге и встречал кусты ее с еще зелеными, вяжущими ягодами. А эта была спелая, сочная, пахучая, только что сорванная. Он не сказал об этом девочке и легко примирился с этой нелепостью.

— А хлеб у тебя есть? — сказал он, протягивая пустое лукошко.

Девочка опять наклонилась и достала из травы ломоть хлеба. Егор удивился, но хлеб съел, не оставив ни крошки.

— Что еще достанешь из травы? — спросил он.

Девочка пожала плечами, улыбнулась.

«Недетская у нее улыбка, — подумал Егор, — тайга быстро взрослыми делает».

— А что ты хочешь? — спросила.

— Поспать, — честно сказал Егор. — Я страшно устал. А ты приведи сюда взрослых, и, может,

найдется что-нибудь из одежды? Видишь, я почти голый.

Девочка кивнула головой и скрылась в кустах. Ни шума шагов, ни шелеста платья, ни потрескивания сучьев под ногами.

— Эй! — крикнул Егор.— Ты не пропадай, ты приходи! Я ждать буду!

У него хватило силы только на то, чтобы поднять топор и положить его под голову. Не обращая внимания на комариное гудение, он заснул, как в омут провалился.

Глава IV

Егор жил внутри дерева. Не в дупле, не обособленно от ствола, а именно внутри древесины, и тело свое отграничивал корой и листьями. Через него щли земные соки, внутри медленно нарастало годовое колечко, и это он, Егор, поскрипывал всем телом под порывами ветра. Егора совсем не удивляло это новое состояние, он считал его естественным и даже удобным. Он рос на большой поляне, и корни его уходили глубоко в землю, сплетаясь с чужими корнями.

Было темно, тепло и уютно, Егор чувствовал, что он существует, и больше ничего не надо было ему, только расти, ни о чем не думая, ожидая того времени, когда прилетят птицы и поселятся на нем, как на карнизах башни, и запоют свои песни на понятных ему языках. Он знал, что так будет, и поэтому был спокоен и терпелив.

Что-то дотронулось до его бока. Он шевельнулся и лениво подумал, что это, наверное, дятел стукнул по нему клювом, но не испугался. Дятел казался продолжением его самого, как и личинки жуков, что жили под его корой.

— Егор! — услышал он зовущий его голос и зашевелился, не размыкая глаз.

— Вставай, Егорушка,— услышал он снова.

— Разве пора? — сказал он и не узнал своего голоса.

Открыл глаза и увидел, что он вовсе не дерево, а человек. И лежит он на мягкой шкуре, на полу,

возле печи. Над ним склонился бородатый мужик в красном колпаке, надвинутом на лоб, и тормошил его.

И Егор вспомнил, что заснул на берегу, и понял, что его подняли и принесли сюда. Он окончательно стряхнул с себя сон, сел, осмотрелся. Был он одет в широкую меховую рубаху, штаны на нем были новые, тоже меховые. Он провел руками по телу, нигде ничего не болело, не ныли руки, не саднили ноги, не кружилась голова. Он был молод, здоров, быть человеком показалось ему самым приятным на земле.

— Спасибо,— сказал он и радостно улыбнулся.

— Ишь, благодарствует! — засмеялся кто-то наверху тонким голосом.

Егор не смущился, поднялся на ноги, протянул руку прослому мужику. Одет тот был старомодно. Не то армяк на нем, не то зипун. Егор слабо знал старинную одежду и точно определить не мог. Мягкий колпак с белой выпушкой, рыжая округлая борода, белая косоворотка.

— Спасибо вам, добрые люди,— повторил Егор.

Мужик добродушно улыбнулся, но руки не подал, отошел к окну, сел на лавку.

— Ишь, руку тянет! — сказал кто-то сверху.

Егор стоял в маленькой избе с неотесанными стенами, узкие окна, затянутые чем-то мутным, стол, лавки по краям, а у двери большая печь, сложенная из плитняка. На ней сидел замурзанный мальчишка и, болтая ногами, высовывал язык, корчил рожицы Егору.

— Как называется эта деревня? — спросил Егор.

Мальчишка закатился в хохоте, задрав пятки к потолку.

— Что говоришь? — басовито переспросил мужик.— Какая еще деревня?

И Егор понял, что эта изба стоит в тайге одна и его вопрос о деревне действительно смешон, и еще он подумал, что это, наверное, староверы, до сих пор живущие в лесах, поэтому и руки мужик не подал. Не положено по их законам. И Егор не обиделся на них, добро, сделанное этими людьми, намного превышало их странности.

— Ну ладно,— сказал Егор,— бог с ней с деревней. Вы мне хоть дорогу укажите. Вот отдохну немного и уйду. Мешать не буду.

— Нет от нас дороги,— спокойным басом ответил мужик.

— Так что же, мне у вас оставаться прикажешь?

— А чо, оставайся, коль хочешь! — сказал мужик и отвернулся, глядя в мутное окно.

— А если не хочу?

— А чо, уходи, коли так. Тайга большая, всем места хватит.

— Дела-а,— протянул Егор.— Куда же мне идти, если я дороги не знаю.

И тут мужик внезапно обернулся, подался всем телом к Егору, выбросил вперед правую руку, наставил на Егора указательный палец и быстро проговорил писклявым голосом:

— Ведомы тебе дороги, ведомы, ведомы, ох, ведомы!

А Егору послышалось в скороговорке: ведь мы ведьмы мы!

И мужик совсем потерял солидность. Он заломил колпак на затылок, встал на четвереньки и заскакал вдоль стены, гримасничая и приговаривая визгливо:

— Шивда, вноза, шахарда! Инди, митта, зарада! Окутоми им цуффан, задима!

И в ответ закатывался в хохоте мальчишка на печи.

— Ну чо, боязно? — спросил мужик, поднимаясь.

— Нисколько,— вздохнул Егор и сел на шкуру, поджав ноги,— что паясничаешь-то? Я ведь не шучу.

— Ну, так напугаешься,— уверенно сказал мужик и встал во весь рост против света.

И стал уменьшаться, уплощаться, утончаться, деформироваться иискажаться. Егор невольно отпрянул к печи. Тяжкая болезнь скручивала мужика, коробила его тело, то вытягивала по спирали, то сжимала в бесформенный комок, вздувалась голова и вытягивалась в туловище, ноги укорачивались, шли винтом, слипались в одну толстую ногу, а на груди прорезывался большой зубастый рот, и из него высовывался толстый розовый язык, словно дразнился. Мальчишка на печи всхлипывал от восторга, и, отведя взгляд от мужика, Егор увидел, что и тот так же деформируется, расплывается мутным пятном по печи, как амеба, превращаясь неведомо во что, неизвестно как...

Егору хотелось выскочить из избы, но он заставил себя сидеть на месте и смотреть на все это, преодолевая приступы тошноты и жалея только о том, что нет при нем топора и нельзя сжать его топорище, чтобы хоть немного обрести в себе уверенность.

Между тем формы мужика постепенно организовывались, успокаивались продольные волны, коробившие его тело, застывали расплывчатые формы, и Егор увидел старика. Маленького, сморщенного, с длинной неопрятной бородой, одетого в мохнатую шкуру. Старик попрыгал на одном месте, словно утрясая свое тело, мигнул сразу обоими глазами и оскалился в беззубой улыбке:

— Ну что, боязно?

— Нисколько,— сказал Егор охрипшим и нарочито приподнятым голосом.— Значит, так, опять нелюди... Ну, спасибо за добро. Я пойду, пожалуй. Отдайте мне мой топор и нож. Мне без них никак нельзя.

Ему стало так плохо, что нашлось только одно емкое русское слово для определения его состояния в эту минуту — муторно. И было ему так муторно, что хоть на четвереньки становись и вой в полный голос. Если бы не было у него совсем надежды на спасение и человеческое участие, то, может быть, он легче перенес быувиденное сейчас. Но он уж видел себя среди людей, одетым и накормленным, обласканным и согретым, и когда убедился, что и это нелюди и помочи ждать ему не придется, то понял, что снова он одинок, снова совсем один на всю бесконечную тайгу, равнодушную к людям и их бедам, к их жизни, к их страданиям и смерти.

— Я пойду,— упрямо повторил он и шагнул к двери.

— Постой, Егорушка,— услышал он знакомый голос, обернулся и увидел, что мальчишка на печи стал той самой девчонкой, чистенькой, нарядной, с красной лентой, заплетенной в косу.

— Ряд волшебных изменений,— буркнул Егор и, не оглядываясь, вышел из избы.

Было сумрачно и тихо в тайге. Резко пахли цветы и сухие травы, спаленные зноем, небо мутнело, и чувствовалось — не миновать дождя. Егор спустился с высокого крыльца, осмотрелся вокруг. Место было совсем незнакомое. Бурелом и чаща, сырья, темная, с огромными соснами, обросшими белыми лишайниками и мхами, с валунами, громоздящимися среди высоких папоротников, и ни тропки, ни выбоины, ни кострища, ни ров-

нога места. Будто здесь никто никогда и не жил. Изба стояла среди всего этого, и казалось, что она выросла из земли, как дерево, и сама живет, сосет соки глубокими корнями, чуждая человеку, издевка над человечьим уютным жильем.

Егор поправил сбившуюся рубаху, завязал плотнее тесемочки у горла и пошел куда глаза глядят.

— Его-о-р! — певуче окликнула его девочка.— Куда пошел-то?

И он не выдержал, злость и ярость, накопленные в нем, требовали выхода. Он повернулся к избе, к девочке, стоявшей на пороге, и закричал что-то обидное и злое, обвиняя тайгу, небо, солнце, всю эту нежить и нечисть, враждебную ему, посмевшую встать на пути человека — царя природы, властелина ее и полноправного хозяина. И пусть они делают что хотят, вытягивают из него тепло, травят волками, мучают голодом и комарьем, пусть даже они лишат его жизни, но все равно он, человек, выше их всех, ибо именно он, несмотря ни на какие жертвы, укротил слепую и жестокую природу, подчинил ее себе, и смерть одного человека все равно не лишит людей власти над ней...

А когда иссякли слова и осталась пустота в груди и немота в гортани, он стал поднимать сучья и без разбора швырять их в сторону избы.

И все это время девочка стояла на пороге, облокотясь о замшелое перильце, стояла и молчала, неулыбчивая, серьезная, совсем взрослая. Сучья не долетали до нее, описав короткую дугу, они замедляли полет и, круто развернувшись, со свистом летели обратно, как бумеранги. Первые удары отрезвили Егора, и когда увесистая палка врезалась ему в грудь и он чуть не упал, то и вовсе прекратил свое бесполезное занятие, сел, опустошенный, на валежину и отвернулся.

— Вздумалось нашему теляти волка поймати,— услышал он стариковское шамканье.— Личико беленько, разума маленько.

Егору даже отвечать не хотелось. Надо было заново строить планы своего спасения, надо было любыми силами выжить, только выжить и дойти до людей. И пусть лешие глумятся над ним сколько хотят, в конце концов это маленькое, почти позабытое на земле племя имеет право не любить человека, более сильного, мудрого и приспособленного для борьбы и жизни. И Егору хотелось доказать им, что он — человек, и сдаваться он не собира-

ется. Ему стало стыдно своей слабости, и он снова разозлился, на этот раз на себя.

— Ладно,— сказал он сам себе,— попсиховал, и хватит. Поехали дальше, Егор.

Он медленно вернулся к избе, остановился против девочки, посмотрел пристально в ее глаза, светлые, с темными крапинками вокруг зрачков, и сказал:

— Дайте мне мой топор, нож, спички и еды немногого. Больше мне от вас ничего не надо. Спасибо за все и прощайте.

Девочка не отвечала, он полюбовался ее красивым лицом, чистой кожей, не тронутой загаром, и добавил:

— Жаль, что такая красавица — и не человек. Кто хоть ты на самом деле? Имя-то у тебя есть?

— Зови как хочешь,— улыбнулась девочка.— Мне все равно.

— Хорошо, я назову тебя Машей. У людей в сказках живут такие Машеньки в лесу с медведями.

Он попытался вспомнить, что читал или слышал об этом племени, полусказочном, обросшем легендами и не-бывальщиной, но вспомнилось мало, только запал в памяти древний заговор: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровою, покажись таковым, каков я».

Вот они и показались Егору людьми, и, может быть, даже именно в таком виде, в каком он ожидал их увидеть: любимица русских сказок Машенька, сиволапый дед-лешак, добрый молодец в колпаке набекрень, мальчуган-пострелец... Театр, декорации, грим, фальшивка, обман, мираж...

— Это не вас лицедеями зовут? — догадался Егор.

— Зовут и так,— ответила девочка Маша,— от имени что изменится.

— А Дёйбу вы знаете?

— Как не знать. Знаем. Дёйба здесь все время живет, это мы пришлые.

На пороге появился долговязый молодой человек в странной одежде: строгий черный костюм, лакированные туфли, цветная рубашка, галстук-бабочка и круглые черные очки, сдвинутые на нос.

— Ну как? — хвастливо спросил он, поворачиваясь и одергивая пиджак.— Так-то не боязно? А?

И, мигнув сразу обоими глазами, засмеялся.

— Не боязно,— ответил Егор.— Что мне вас бояться? Хоть и нежить вы, а все-таки на людей похожи.

— Вот уж не скажи! — протянул мужик.— Ты нас с собой не путай. Наш род вашему не чета. Мы подревнее будем, чем вы, люди.

— А что же вас так мало осталось? Повымерли, что ли?

— А это у тебя спросить надо. Ты ведь человек, с тебя и спрос, что и нас мало осталось, и зверей, и деревьев. А чем ваше покорение природы оборачивается, знаешь? Знаешь, конечно, как тебе не знать. А мы — наоборот, неотделимая часть от всего живого, мы не против природы, а с ней заодно. Вы природу губите, а выходит, что и нас. Ясно?

— Нет,— сказал Егор,— не ясно. Что толку от вашей жизни? Что вы создали за свою историю? Душой природы себя объявили, в разные личины рядитесь, то птичкой, то паучком, то елочкой станете. Хорошо вам так, наверное, ни о чем думать не надо, живете, как деревья, что тыщу лет назад, что сейчас. И что изменится, если вы и вовсе вымрете? Кому вы нужны? Нет, Лицедей, только наш путь и был верным, пусть трудным, пусть ошибались мы, но только мы, люди, в ответе и за себя, и за природу. Это не вы, а мы душа природы, плоть от плоти ее, кровь от крови. А вы паразиты, приспособленцы. Вот теперь мне и ясно. Ну ладно, прощайте, лицедеи, пошел я.

— А никуда ты от нас не денешься,— спокойно сказал мужик и затуманился, исказился телом и стал распадаться на части.

Егор отвернулся от неприятного зрелища.

Даже глядеть не хотелось, во что сейчас превратится Лицедей.

А превратился он в стаю разноцветных бабочек, больших и маленьких.

И бабочки, не размыкая строя, поднялись вверх, к вершинам деревьев, и пропали из вида.

— Чтоб тебя птицы поклевали! — прокричал вслед Егор и, обратясь к Маше: — Ну, а ты чего ждешь? Давай в ящерок превращайся, в букашек-таракашек, в бабуягу, в медведя, в сохатого, в черта рогатого. Ну, что стоишь, Машенька? Все равно таких девушек не бывает.

— А такие бывают? — спросила она и, поколебав-

вшись в воздухе, превратилась в большую яркую птицу с девичьей головой.

— Бывают,— твердо сказал Егор, не отворачиваясь.— Птица Сирин называется, или Алконост. Эка невидала! Давай теперь, пой свои песни, завораживай меня. Все равно я тебя не боюсь.

— И запою,— сказала птица.

И в самом деле запела. Пела она хорошо, только слов в той песне не было, и чудилось Егору, что тайга вокруг него изменяется и он сам растворяется в ней, в каждой жилке листа, в каждой твари, в каждой песчинке, и ощущение это было новым для него, непривычным, странным, но все же приятным, и ему даже противиться не хотелось этой песне, а слушал он ее, и вот — он уже не он, и не Егор он вовсе, и тела нет у него, и душа рассыпалась среди деревьев...

Глава V

Кто-то ходил в темноте, поскрипывал половицами, шмыгал носом, всхлипывал, пришептывал, шлепал босыми ногами, временами чьи-то мягкие лапы касались Егора. Веки у Егора тяжелые, открыл он глаза с трудом, разлепил ресницы и увидел, что лежит он на кровати, в той самой, квартире, откуда ушел после развода. Ночь на дворе, луна в окно смотрится, тихо вокруг.

— Нина,— позвал Егор,— Нина, ты слышишь? Я проснулся!

И увидел, что кто-то наклонился над изголовьем кровати, серый и расплывчатый в полутьме, щетинистый, мятый, ресницы — как пух свалившийся. Моргает, сопит, зубы скалит, руки протягивает.

— Кто ты? — вскочил Егор на ноги.

И страшно самому, к стене спиной прижался, кулаки сжал. А тот губы разжал, зашамкал и заговорил ватным голосом:

— Не бойся. Домовой я. Живу я здесь, один на весь город остался, плохо мне одному. Человека живого искал, насилиu нашел, скучно мне без людей, голодно. Дай тюри, Егор, есть хочется.

— Какой еще тебе тюри? — разозлился Егор.— Уже и в городе от вашего племени нет покоя. Где Нина?

— Нет никого,— говорит домовой, а сам все всхлипывает, нос рукой утирает и улыбается сквозь слезы.— Умерли, наверное, все, ты один остался. Дай тюри, Егор, или пирога. Голоден я.

Отстранил его Егор рукой, с кровати встал, по комнатам прошелся. Все на месте, одежда его на стуле висит, толстым слоем пыли покрытая. Холодильник открыл, а там все плесенью заросло, видно, электричества нет давно. Краны заржавели, пыль и запустение в доме. Выглянул он в окно, и тошно ему стало. Ни звука, ни гудения машин, ни света окон. Пусто и сумрачно, как в степи.

Вышел Егор на улицу, а она вся мусором завалена, крапива растет под окнами, асфальт тополиными росточками растрескан, и ни одно окно не горит, ни одна тень за стеклом не шевельнется. Совсем жутко ему стало, побежал он по улице, кричит, эхо от пустых домов отражается, нет никого. Улица в шоссе перешла, а шоссе в лес привело. И рассвело. Солнце встало, малиновки поют, кузнечики под ногами порскают. Речку вброд перешел, пескари ноги щекочут. И так уж одиноко Егору, как никогда раньше. Побежал он туда, выбежал на большую поляну, а там — люди. Ходят неторопливо, разговаривают. И выходит ему навстречу Нина, светлая, тонкая, руки ему на плечи кладет, в глаза смотрит. И чуть не заплакал Егор, прижался к ней, легкой, теплой, живой.

— Как хорошо,— говорит,— что ты жива и люди живы.

— А мы не люди вовсе,— смеется Нина и головой мотает.— Мы теперь лешие. И я тоже. Ты один и остался человеком.

Худо стало Егору, на землю повалился, лежит, плачет, землюкусает, а Нина стоит рядом на коленях и гладит его по голове.

— Хочешь,— говорит она,— я в яблоню превращусь? Или в птицу? А может быть, в рыбку? Хочешь?

Замотал головой Егор, сказать слова не может. И встала Нина, засмеялась, корешки из ног пустила, листьями оделась и стала яблоней. И чувствует Егор, что и сам он в землю ногами входит, меж камешков корнями путь ищет, ввысь вытягивается, расчленяется на ветки и листья, и стал он тополем, и хорошо ему и тревожно...

— Не плачь, Егор,— говорит ему кто-то.— Спишь, а плачешь. Все лицо мокрое.

Это Маша склонилась над ним и прикасалась холодными пальцами к его щекам, слезы утирала, успокаивала. И Егор почувствовал себя таким уставшим, таким слабым и маленьким, что даже огрызаться не хотелось и говорить ничего не хотелось. Он лежал на спине, смотрел в небо неподвижно и плакал без звука, одними слезами. И Маша вновь изменила свое обличье, и уже не девочка это, а взрослая женщина с тяжелой русой косой, заплетенной вокруг головы, и мониста позванивают на груди при движении. И лежит Егор на поляне, среди высоких ромашек, и шмели гудят, и ни облачка в небе, и медом пахнет.

— Посмотри, Егор,— говорит Маша,— разве плохо у нас? Посмотри вокруг и слезы осуши.

— Эге-ге! — послышался рядом голос Лицедея.— Ты вот скажи, Егор, зачем к нам в лес пришел? Что тебе, своего города не хватает? Мы же к вам неходим.

Егору и спорить не хотелось, и поворачиваться было лень, чтобы хоть на мужика посмотреть — в каком он там виде появился. Но плакать перестал, вытер слезы, на солнце высушил.

— Что с вами говорить? — сказал он немного погодя.— Мы никогда не поймем друг друга. Живите как хотите и нам не мешайте. Покажите дорогу к людям. Мне от вас больше ничего не надо.

— Да мы-то вам ничем не мешаем,— сказал мужик откуда-то из ромашек,— а вот вы нам ох как мешаете! Так за что же вас любить и миловать?

— Так я теперь за всех людей отвечать перед вами должен? Ну и делайте что хотите, только я вам так просто не дамся.

— Нужен ты нам,— пренебрежительно сказал Лицедей,— захотели бы, давно тебя на корм травам пустили. Живи уж.

— Спасибо уж,— в тон ему ответил Егор и встал.

— Разве мы не можем договориться? — спросила Маша.

— О чём? Что вы от меня хотите? Или скучно вам, поговорить не с кем? Ну, валяйте, разговаривайте.

Лицедей оказался маленьким, ростом не больше

ромашкового стебля, он сплел себе гнездышко в зарослях травы и сидел там, закинув ножку за ножку.

— А вот то меня, Егор, забавляет, что вы всю природу под себя приспособить вознамерились. Все, что есть в ней живого, все своим считаете. Вот того же медведя в цирке всякой своей ерунде учите. Штаны на него наденете, шляпу, на велосипед посадите и радуетесь. И сказки-то ваши все глупые. Те же люди, только имена звериные. А зачем вы это делаете? А я скажу, зачем. Ведь вам забавно, когда зверь на человека похож. Хоть и похож, а все глупее человека. Вот тем и смешон. Разве это не издевательство?

— Послушай, ты, лешак,— сказал Егор, отряхивая желтую пыльцу,— нет, не издевательство. А совсем наоборот. От одиночества это нашего, от несправедливости, что только мы одни на земле и не с кем больше слова перемолвить. Вот и зверей наделяем людским образом, языком и поступками человеческими. А ваше племя никогда людей не любило, недаром издавна вас нечистью зовут. Нечисть и есть нечисть. Что от вас доброго на земле?

— А от вас? — быстро вставил Лицедей.

— Да, люди много зла принесли и себе, и природе, но и добра не меньше. А вы — ни то, ни се, ни доброе, ни злое, ни чёрное, ни белое.

— А вот ты и не прав! — воскликнул Лицедей, подскакивая в своем гнездышке.— Мы и то, мы и се, и доброе мы, и злое, и чёрное, и белое, и рыба мы, и зверье мы, и трава, и букашки — все это мы. А вы только сами по себе и ничего больше. В природе нет зла и нет рамок, в которые вы ее втискиваете. В ней все едино. И мы с ней — одно целое.

— Оставайся с нами, Егор,— просто сказала Маша,— хочешь, таким же будешь, как мы?

— С вами? — Егор даже присвистнул.— Да на кой черт я вам, и вы мне для чего сдались? Вот уж спасибо. Невелика радость в гусеницу превратиться да травку жевать с утра до ночи, или птичкой стать да с ветки на ветку перепархивать... Не хочу быть ни деревом, ни дятлом, ни медведем. Не хочу быть ни лешим, ни чертом, ни богом, ни ангелом. Ни волком серым, ни зайцем белым. Ну уж нет, мне и в человеческом облике хорошо живется. Я — человек, и выше меня нет никого на Земле.

— А ты попробуй, Егорушка,— сказала Маша,— может и понравится.

— Нет,— ответил Егор,— не понравится. Не нуждаюсь я в вашей милости.

Подбросил в воздух топор, ловко поймал его одной рукой. Зайчик блеснул на лезвии.

— Ночью,— сказала Маша,— ночью все увидишь и все поймешь.

— Эге,— согласился и Лицедей,— ночью, может, и поймешь. Не опоздай на праздник, Егор. Гордись, ты первый из людей увидишь его. И знаешь, почему? А потому, что ты уже и не человек вовсе. Ты только думаешь, что ты человек, а на самом деле — едва-едва, наполовину. Вот и цацкаемся с тобой, на свою половину перетягиваем. И перетянем, вот увидишь, еще как перетянем!

— Я только тогда перестану быть человеком, когда умру,— сказал Егор.— Пока я жив — я человек, а жить я собираюсь долго. Ясно?

— Ночью,— повторила Маша, утончаясь и пригибаясь к земле,— ночью,— повторила она ужетише, покрываясь коричневой шерсткой,— ночью,— и стала косулей, посмотрела на Егора влажным глазом и медленно пошла к лесу и больше уже ничего не сказала.

— Эге! — подтвердил и Лицедей, отращивая прозрачные крыльшки.— Эге-ге! — прокричал он, взлетая в воздух.— Эх, ночка, ноченька заветная!

И они ушли с поляны, улетели, растворились в чаще леса, неуловимые, бесформенные, многообразные, непостижимые, как сам лес, как реки и горы его, как звери и птицы его, как сама природа.

Глава VI

Человеческий календарь и расчленение однородного потока времени на минуты и часы потеряли для Егора значение. Он плыл в общем неразделимом потоке, влекущем вместе с собой лес с его непрекращающимся переходом, перетеканием живого в мертвое и мертвого в живое; и в самом Егоре беспрерывно умирало что-то и нарождалось новое, неощутимое сначала, чужеродное ему, но все более и более разрастающееся, наполняющее его, переливающееся через край, врастывающее в почву,

в травы, роднящее его с этим бесконечным непонятным миром, дотоле чужим ему.

В той, городской, жизни он никогда бы не поверил всерьез ни в леших, ни в русалок, ни в прочую нечисть, знакомую с детства по сказкам, но воспринимаемую лишь как выдумку, вымысел народа, наделенного богатой фантазией и неистощимой способностью к творчеству.

И вот он сам прикоснулся к этому древнему легендарному роду, издревле населявшему славянские земли, к племени, живущему с людьми бок о бок, вымирающему, как само славянское язычество, уходящему в никуда, растворяющемуся в русских лесах, полях и реках. К душе славянской природы прикоснулся он, к истоку и своего собственного племени, все более и более уходящего от природы.

И слиться с этим мифическим родом не означало ли и самому обрести свой потерянный корень, уйти на свою незнаемую родину, туда, где русалка нянчит голубята и пасет мальков, где леший живет внутри дерева, а водяной растворен в озерах, где лес, превратив свою душу в девушку, приносит плоды в руках, пахнущих свежей водой.

Слиться с ним и перестать быть человеком или, быть может, наоборот, найти разорванную связь и вернуться к тем временам, когда и люди были едины с природой, и не вычленяли себя из нее, и тела свои населяли душами зверей и птиц, а душу свою посвящали всему живому...

И не знал Егор, что станется с ним, в одно он упрямо верил — смерть его не дождется.

Он шел по затихшему лесу, и ни одна сойка не трещала над его головой, и ни один лист не колыхался от ветра, и только хрустели сухие ветки и шуршали травы под ногами. Он не выбирал направление, но куда бы он ни шел, в любую сторону бесконечной тайги, все равно на его пути должны были встретиться люди, и это вселяло в него надежду.

Вечер застал его в широкой лощине, поросшей густыми зарослями папоротника. Волглые, ломкие, с узорчатыми листьями, они поднимались до пояса, мешая движению. Он ломал их, сминал ногами, роса промочила одежду. Зашло солнце, быстро накатили сумерки, а он никак не мог выбраться из папоротника. Казалось, что лощина растянулась до бесконечности, папоротники вы-

тянулись и стали такими высокими и густыми, что приходилось прорубать себе путь топором. Егор клял себя, что решил пересечь лощину, а не обошел ее стороной, но возвращаться не было смысла, и он шел вперед, а на самом деле кружил, заблудившись там, где запутать было немыслимо.

Ему не хотелось верить, что нечисть снова водит его, но, по-видимому, так оно и было. Тогда, зная, что сопротивляться бесполезно, он расчистил себе место посушке, сел и стал ждать.

И вздрогнули листья папоротника, заколебались сонные стебли, и снова запел рожок, и вслед ему заголосил рог, и гром барабана колыхнул воздух. И папоротник ожил, зашевелился, изнанка листьев его вспутилась буграми, тотчас же лопавшимися с приглушенным звоном, и оттуда выпрашивались голубые, нигде и никем не виданные цветы.

И шум крыльев, гомон голосов и топот бесчисленных ног заполнили поляну. Егор лег на землю и, не мучаясь напрасным любопытством, пожелал одного — стать невидимым. От цветов исходил душный запах, щекотал ноздри, пьянил, кружил голову.

Кудрявая кошачья морда просунулась между стеблей, сверкнула зеленым глазом в сторону Егора и скрылась.

— Да это же Егор, — сказал мяукающий голос.

— Он тоже пьет сок? — спросил другой, шелестящий.

— Не-а, — мурлыкнул мяукающий.

И лохматый черный кот с длинными зубами, не помешающимися в пасти, выпрыгнул из папоротников и мягко вскочил на живот Егору.

— Ты кто? — спокойно спросил Егор.

— Курдыш, — ответил кот и лизнул Егора в щеку. Пасть его пахла медом. — Ты почему не пьешь сок? Вку-усный со-о-к!

Неслышно выполз из зарослей еще кто-то, неразличимый в темноте, зашуршал, завздыхал по-старушечьи.

— Кто это с тобой?

— Да Кикимора это, — ответил кот, вытянув шею, скусил острыми зубами голубой цветок и заурчал довольно.

Егор приподнялся на локтях. Все равно его обнаружили и скрываться было бесполезно.

— Забавно, — сказал он. — Ну, покажись, Кикимора, покажись. Какая хоть ты?

Он протянул руку по направлению к неясной тени и тут же получил крепкий щелчок по лбу.

— Не приставай к ней,— посоветовал Курдыш,— она любопытных всегда щелкает. Хочешь, она тебя пощекочет? Она хорошо щекочет.

— Ну уж не надо.

— Как хочешь. Ну, пошли со мной. Я тебе всех покажу.

И Курдыш снова скусил цветок, аккуратно высосал сок и сплюнул бесформенный комочек. Егор встал. Идти оттуда не хотелось, но, пожалуй, другого выхода и не было. Он вздохнул и, оборачиваясь, медленно побрел сквозь заросли туда, где слышался смех, крики, гуденье рожков и стрекот барабанов. Под его ногами неслышно вертелся Курдыш, поясняя на ходу:

— На второй день молодой луны зацветает папоротник и все собираются сюда. Все здешние и все пришедшие, все, кто уцелел. Ты всех увидишь.

— Папоротник не цветет,— сказал Егор,— он размножается спорами. Глупости ты говоришь.

— Ну да,— охотно согласился Курдыш,— и я говорю, что глупости. Вку-у-сные глупости!

И он аппетитно зачмокал.

— И Лицедея там увидишь,— говорил Курдыш.— Их, леших-то, пропасть как много здесь. И Стрибог здесь, и Похвист, и Белбог, и Чернобог, и Ладо с пострелятами, и Перун здесь, и Купало.

— И Мавка? — спросил Егор.

— И Мавка здесь, и Мара, и Полудница, и обийники, и очерепяники, и болтняки, и трясовицы, и банные, и овинники, и жихари. Все сок любят. И здешних много: Моу-нямы, Дялы-нямы, Коу-нямы, все они здесь.

— Короче, вся нечисть,— сказал Егор, прорубая себе путь топором.— Шабаш у вас, выходит, сегодня. Ну и черт с вами, я вас не боюсь.

— А чего тебе бояться? — успокоил его Курдыш, подхватывая обрубленные листья.— Ты теперь наш.

— Я пока человек,— усмехнулся Егор.— Люди давно цветущий папоротник ищут, да не находят никогда. Или вы меня уже не боитесь и за человека-то не считаете, раз на свой шабаш зовете?

— Да какой же ты, Егор, человек! — засмеялся Курдыш. Замяукал, заурчал, вспрыгнул к Егору на плечо, уцепившись острыми когтями за рубаху.— От тебя и людским духом не пахнет.

— Еще чего! — возмутился Егор, но кота не сбросил.— Вы сами по себе, я — сам по себе. Я вам мешать не буду, и вы меня не трогайте. Не нужен мне ваш папоротник.

— А ты попробуй, Егор, попробуй,— льстиво уговаривал его Курдыш, жарко дыша в ухо.— Вку-у-сно, ой как вкусно!

И раздвинулись заросли, и вышел Егор на поляну. Горел жаркий костер, и в свете его, в тучах искр, в голубом дыму теснились сотни существ, опоясанных гирляндами и венками из цветущих листьев папоротника, плясали, пели, дудели в свирели и рожки, прыгали, носились по поляне, взвизгивали, кувыркались через костер, вспарывая воздух легкими телами.

Егор остановился у края освещенного круга.

— Дальше не пойду,— твердо сказал он.— Нечего мне там делать. Мне и отсюда хорошо видно.

— Его-о-р! — позвал его знакомый нежный голос, и Егор узнал Мавку.

Она шла к нему, неслышно ступая, и трава не сминалась под ее ногами. Обнаженная, стройная, текучая, как вода, изменчивая, как вода, убийственная и животворная, как вода.

— Ну, здравствуй,— сказал Егор, против воли скжав топорище.— Снова обниматься полезешь, русалочка?

Она приблизилась к нему, дохнуло холодом и влагой от ее тела. Бездумно и спокойно посмотрела в его глаза, улыбнулась.

— Любимый ты мой, баский,— прошептала.— Скучал ли ты обо мне?

— Чуть не помер от тоски,— ответил Егор и, повернув голову к Курдышу, сказал: — Слушай, дружище, избавь ты меня от нее. Век не забуду.

— От Мавки-то кто тебя избавит? — задумчиво мяукнул Курдыш.— От нее, как от воды, не убережешься. Да ты не бойся. Сегодня она тебя не тронет.

— А пропади она пропадом! — в сердцах сказал Егор и зашагал в другой конец поляны.

Мавка и в самом деле не стала преследовать его. Она расплылась по поляне текучим зеркалом и, журча, потекла в заросли папоротника.

Куча пляшущих наскочила на Егора, рассыпалась перед ним, окружила. Толпа существ схватила его за руки и повлекла в освещенный круг, крича и улюлюкая. Мелькали лица, морды, рыла, хари, мохнатые, потные,

вытянутые, сплющенные, заостренные, безгубые и брызгастые. Все они тянулись к Егору, корчили ему гримасы, хохотали и щипались. Егор не вырывался, только лицо отворачивал, когда слишком близко нависала над ним чья-нибудь нечеловеческая морда. Курдыш больно вцепился в плечо когтями и Егора не покидал.

— Это лешие тебя кружат, — говорил он. — Вот и Лицедей среди них. Узнаешь?

Кто-то в знакомом колпаке и в черных очках прижался к Егору.

— Ну как, Егорушка?! — прокричал он. — Эх, ночка, ноченька, заветная! Да ты попляши, попляши, Егорушка, отведи душу-то, успокой ее, неприкаянную, потешь ее, бездомную! Соку-то выпей! Хороший сок, ох, хороший!

— Не буду я пить ваш сок! — выкрикнул Егор в лицо Лицедею. — И не заставите!

— Заставим! Заставим! — кричали лешие. — К Перуну его, к Перуну! Он ему так покажет! Он его так научит!

Егора плотно обхватили со всех сторон, сдавили и поволокли к костру. Курдыш не расставался с ним, он только поплотнее сжал его шею лапами, и непонятно было, то ли он оберегает Егора, то ли наоборот — помогает им.

— Не брыкайся, Егор, — советовал он. — Все равно не убежишь. Назвался груздем — полезай в этот, как его... Ну, полезай, короче.

И Егора подтащили к огромному истукану. Голова у него была серебряной, длинная борода тускло поблескивала позолотой, а деревянное тело прочно поставлено на железные, поржавевшие уже ноги. В правой руке истукан держал длинный извилистый сук.

— Перун, а Перун! — заголосили вразнобой лешие. — Вот, Егора-то научи! Долбани его молоньей-то! Вразуми его, блаженного! Повызыдны его да озерь грянь. Сок-то пить не желает! Заставь-ка!

И шевельнулся истукан, и затрещала его древесная плоть от внутреннего напора, заскрипело сухое дерево туловища, зазвенела борода, открылись серебряные веки, и на Егора глянули ясные голубые глаза.

— Пей! — приказал он громким скрипучим голосом и стукнул палкой о землю.

— Не хочу, — сказал Егор, — не хочу и не буду. Не хочу таким, как вы, быть. Хочу человеком остаться.

— Был человеком — лешим станешь! Пей!

— После смерти,— согласился Егор.— А сейчас не заставите.

И звякнули глухо железные ноги Перуна, и сверкнули его глаза, и палка в его руке налилась желтизной и, меняя цвета, накалилась добела. Он стукнул ею о землю и посыпались ослепительные нежгучие искры. Лешие с визгом разбежались, и Егор остался один на один с Перуном, если не считать Курдыша, как ни в чем не было задремавшего у него на плече.

— Что же ты, внучек? — неожиданно мягким голосом спросил Перун, с треском и скрипом наклоняясь к Егору.— Негоже так! Раньше-то вы меня почитали, а ныне посрамляете. Разве мы не одного корня?

— Не помню,— сказал Егор, растирая затекшие руки.— Не помню я тебя, Перун, и внуком твоим себя не считаю.

— Мудрствовать по-мурзамецки выучились, на курчавых да волооких богов предков своих сменили. Прежде-то себя внуками перуновыми да внуками даждьбожими чтили, а ныне-то где корень свой ищете? В стороне полуденной да в стороне закатной? А корень-то здесь! Здесь, в земле русской!

И Перун снова ударил раскаленным посохом. Запахло озоном.

— Мы одной крови,— сказал Перун совсем тихо, одними губами.— Выпей сока родной земли, обрети отчизну.

И он протянул Егору рог, наполненный голубым, светящимся соком.

— Эх ты, глуздырь желторотый,— по-стариковски нежно проговорил Перун,— не лешим ты станешь, а душу свою очистишь, с землей русской сольешься.

— После смерти,— упрямо повторил Егор, но рог принял.— После смерти мы все с землей сливаемся. Убить во мне человека хочешь?

— Вот и стань им. Стань человеком. Человек без роду, что дерево без корней. Откуда ему силу черпать? Выпей, внучек.

Егор поднес рог ко рту. Густой сок закипал со дна, дурманил пряным ароматом.

— Хорошо,— сказал Егор.— Я верю тебе, Перун. Предки мои тебя чтили, и я почту. Будь по-твоему, дедушка. Твое здоровье.

И он залпом выпил жгучий, кипящий сок.

— Пей до дна! Пей до дна! — возликовали ле-

шие, подхватили Егора под руки и потащили его, смеясь.

— Ну вот, давно бы так,—мяукнул проснувшийся Курдыш и лизнул его в щеку горячим языком.—Видишь, не помер. А ты боялся.

И понесли Егора, не давая ему опомниться, остановиться, успеть ощутить в себе то, почти неощущимое, что начало происходить с ним. Его развернули лицом к огню, и он увидел сидящего великана. Огромное мускулистое тело его было покрыто разбухшими от крови комарами, он не сгонял их, только изредка проводил ладонью по лицу, оставляя красную полосу. В руке он держал большой рог, наполненный светящимся соком.

— Это Белбог,—подсказал Курдыш.—Ты не бойся его, он добрый.

— Ну что, Егор, выпьем? — спросил великан басом.

— Ну и выпьем,—согласился Егор, и кто-то сунул в его руку рог.—Ты из рога пьешь, а комары из тебя.

— Так они из меня дурную кровь пьют,—добротушно ответил Белбог.—Думаешь, легко быть добрым? Вот комарье из меня все зло и тянет. Могу уступить, если хочешь, на развод.

— Не стоит,—сказал Егор.—Ну, давай вкусим добра!

И выпил свой рог, не жмурясь и не переводя дыхания.

— А зла-то как не вкусить? — спросил кто-то вкрадчиво.—Со мной теперь выпей.

Не то зверь, не то человек, с блестящим, словно бы расплавляющимся лицом, меняющим свои очертания, протянул мощную львиную лапу с кубком, зажатым между когтей.

— А это Чернобог,—прошептал Курдыш,—ты выпей с ним. Добро и зло — всегда братья.

— Что ж, познаю добро и зло,—усмехнулся Егор и осушил кубок и, не глядя, бросил его в чьи-то проворные руки.

Лешие снова подхватили его под мышки, подняли в воздух и посадили на чью-то широкую спину. Удерживая равновесие, Егор взмахнул руками и нечаянно ударил кулаком по бородатому лицу.

— Держись! — прокричал ему кто-то, спина под Егоро姆 вздрогнула, стукнули копыта, и он понесся по кругу.

Бородатый обернулся, ухмыльнулся, и Егор увидел, что сидит на том существе, которое принято называть кентавром.

— Покатаемся? — спросил кентавр.— Меня зовут Полкан.

И, не дожидаясь ответа, он взмыл над костром. Дохнуло жаром, Егор покрепче обхватил Полканна за крепкий торс, а неразлучный Курдыш обнял Егора за шею мягкими лапами.

— Ну как, весело? — спросил Курдыш.

Некто со змеиным телом и с крыльями летучей мыши пролетел рядом, и Егор увидел на его спине Машу. Она была та же и не та. Полудевчонка, получертовка, с распущенными волосами, раскрасневшаяся, хохочущая. Она махнула рукой Егору и взмыла высоко в воздух.

— Это вот Кродо,— пояснял между тем Курдыш, меховым воротником обхвативший шею.— А вот и сам Ярило. А это Леда, чрезвычайно воинственная, чрезвычайно... А вот и Ладо, такая уж, такая...

И Курдыш сладко причмокнул языком.

— А эти сорванцы — ее дети. Леля-Малина, Диодо-Калина, а тот, что постарше,— Полеля. А вот тот, с четырьмя головами,— Световид, добрый вояка. Те вон, лохматые да страховидные,— Волоты, на любого страху напустят. Все собрались здесь, все уцелевшие. Сейчас только в тайге и можно скрыться от людей. Да и то надолго ли?

— Навсегда! — сказал Егор и в азарте ударил пятками по бокам Полканна.

Тот взвился на дыбы, скакнул выше прежнего, и Егор невольно разжал руки и оторвался от его спины.

— Не бойся,— успел щепнуть Курдыш,— лети сам.

И Егор почувствовал, что не падает, а продолжает лететь по кругу, словно земля перестала его притягивать. Егора снова окружили лешие, закружили, залопотали.

— Ну что, Егорушка, доброе винцо у нас? — прокричал в ухо подлетевший Лицедей.— Весело ли тебе?

— Катись ты! — крикнул, засмеяввшись, Егор.

Ему хотелось хохотать и кувыркаться в воздухе от легкости, наполнившей его тело. Ему хотелось обнимать всех этих уродцев, сплетать с ними хороводы, горланиить песни без слов, пролетать сквозь пламя костра и пить сладкий обжигающий сок, выжатый из голубых цветов.

И он закричал незнакомым голосом:

— Эх, почка, ноченька заветная!

Увидел он и старого знакомого Дёйбу-нгуо. Сидел тот

у костра, поджав ноги, окруженный кольцом волков, и напевал что-то, прикрыв глаза, и волки вторили ему тихим воем. И еще он увидел древних богов этой земли — душу тайги и тундры, приземистых, могучих, с лицами, блестящими от медвежьего жира, рука об руку пляшущих со славянскими богами и славяющими изобилие, вечность и неистребимость жизни.

Только Дёйба-нгую, бог-Сирота, сидел один и ни в ком не нуждался. Он предвидел конец вечного, истребление неистребимого, иссякание изобилия и оплакивал это в своей песне.

И пил сок Егор из больших и малых рогов, пил со Стрибогом, и с Даждьбогом пил, и Ладо целовала его, и Леля-Малина играла для него на свирели.

— Эй! — кричал во весь голос Егор. — Эй вы, туپиковые ветви эволюции! Я занесу всех вас в Красную книгу! Слышите?! Отныне вас никто не тронет! Живите как хотите!

И смеялись лешие в ответ, взбрыкивал копытами Полкан, и русалки на лету щекотали Егора, прижимались на миг к его телу своим, холодным и упругим.

Мелькало, кружилось, мельтешило, расплывалось, переплавлялось в огромном огненном тигле, смешивалось, рождалось, умирало, распадалось, соединялось из миллиона раздробленных крупиц и снова расщеплялось, погребалось, воскресало, возносилось и низвергалось...

И когда, уставший, он опустился на краю поляны, то увидел, что Курдыш исчез, а рядом стоит Маша. Обнаженная, тонкая, без улыбки, без слов, смотрит на него. И он потянулся к ней, обнял ее, прижал к себе, и она обхватила его руками за шею, и он ощутил, как она входит в него, вжимается своей плотью в его плоть, исчезает в нем, растворяется, уходит без остатка в его тело. И он не стал отстранять ее, и не испугался, а обнял еще крепче и обнимал так до тех пор, пока не увидел, что сжимает руками свои собственные плечи. И он почувствовал, что он — уже не он, и что в нем две души и два тела. И то, к чему слепо стремятся люди, сжимая в объятиях своих любимых, то, потерянное и забытое ими навсегда, вернулось к Егору.

Но это был уже не Егор.

Меховая одежда приросла к его телу, он потянул за рукав и ощутил боль, словно пытался снять с себя собственную кожу. И, уже не обращая внимания ни на кого, лег ничком на землю, вжался в нее, животворную, теп-

лую, пустил корни и стал деревом, вырастил на своих ветвях плоды. Плоды познания добра и зла, познания души природы.

А наутро пошел дождь. Исподволь, постепенно набирая силу, падала на тайгу вода, поила корни и листья, приводила в движение загустевшие соки, обмывала, обновляла, спасала от смерти, сбивала на землю увядшие голубые венчики цветов, лилась ровными тугими струями на спину лежащего человека.

Спит Егор посреди поляны, и нет никого рядом с ним, и в то же время вся тайга склонилась над ним и баюкает его, нашептывает сны, один лучше другого.

И в снах тех звери и птицы, деревья и травы приходят к нему, говорят с ним на своем языке, и все слова понятны ему, и нет нужды называть живых существ придуманными людьми именами, ибо и он сам, и все они — едины и неразделимы. Все, что дышит, растет, движется, все, что рождается, изменяется, обращается в прах и снова возрождается, все это, от микробы до кита, было им, Егоро, и он был всем этим, живым, вечным.

Изменяюсь, следовательно, существую.

Суть живого в永恒ном изменении, и Егор изменился. Изменился, но не изменил ни людям, ни лесу.

Глава VII

Через неделю на него наткнулись эвенки, переходившие реку. Егор сидел на берегу рядом с каменной пирамидой и разговаривал с кем-то невидимым. Он долго не признавал людей, заговаривался и твердил, что он — уже не он и что в нем заключены все деревья и все звери тайги. Его отмыли, накормили, посадили на оленя и привезли в стойбище. Пока ожидали вертолет, Егор бродил по стойбищу, заговаривал с оленями, гладил собак, и те не кусали его. О нем заботились и обращались с ним как с больным человеком, свихнувшимся от долгого блуждания по тайге и растерявшего разум. На все вопросы он отвечал односложно, но от разговоров не уклонялся, и похоже было, что он не видит большой разницы между оленем и человеком. Прилетел вертолет, и его увезли на базу геологов, а оттуда — в город.

Его поместили в больницу. Лежал он в светлой комнате вместе с тремя больными. Один из его соседей был

генералиссимусом галактики, и от его команд хотя и не гасли звезды, но сны снились беспокойные. Поэтому Егор на ночь превращался в дерево и спал без сновидений до самого утра.

Его лечащий врач охотно беседовал с ним, слишком-то не разубеждал, а лечил согласно науке, стремясь расщепить его многолицую душу.

Однажды случилась беда. Генералиссимус галактики затыкал черную дыру в пространстве и, не рассчитав сил, упал с кровати и сломал руку. Генеральская гордость не позволяла ему закричать, он сидел на койке и тихонько стонал. Егор не стал звать врачей, он взял соседа за руку, посмотрел на нее, неестественно искривленную и беспомощную, и увидел сквозь кожу и мышцы острые отломки костей. Он нежно, но сильно сжал руку и ощутил, как что-то выходит из его ладоней, перетекает в чужое тело, и сидел так, пока сосед не затих и боль не успокоилась. Потом он аккуратно сместил отломки, сдавил пальцами уже безболезненное место и увидел, как слабо светящийся ореол вокруг его ладоней нарашивает свечение, разгорается и короткими пульсирующими волнами проникает до костей чужой руки. Через полчаса кости срослись, а вскоре генералиссимус мог свободно шевелить рукой и очередным своим приказом по галактике он наградил Егора орденом Сверхновой звезды и назначил его на должность смотрителя Белых карликов. Егор поблагодарил за честь, и с этого дня они сблизились.

У генералиссимуса было простое человеческое имя — Василий Петрович, было ему за пятьдесят, раньше работал биофизиком. Конечно же, он не считал свое теперешнее состояние болезненным, продолжая искренне верить в свое высокое предназначение. Своебразная логика не изменяла ему, он обстоятельно доказывал Егору, что вся галактика — это единый живой организм, а он, Василий Петрович, — средоточие разума ее, и непосильное чувство ответственности за судьбы миллиардов звезд не дает ему спать и сводит с ума. Он хотел покоя, но из созвездия Лебедя доносилось эхо войны, в которой сгорали сотни звезд, он хотел спокойно заснуть, но на бесчисленных планетах развивалась жизнь, и врывалась в открытый космос, и свертывала пространство, деформировала время и не подчинялась приказам генералиссимуса. Тогда он жестоко наказывал бунтовщиков вспышками сверхновых звезд, проваливал цивилизации в черные

дыры, превращал звезды в пыль и свет. Но он был один, а звезд миллиарды, и во всей галактике не было места, где бы он мог преклонить голову свою.

— Кем бы вы хотели стать? — спросил у него Егор.— В каком образе вы бы обрели покой?

Василий Петрович подумал и сказал:

— Хочу быть звездной пылью... — А потом сказал: — Нет, хочу быть атомом водорода... Нет, хочу быть квантом времени... Нет, хочу быть везде и нигде, всегда и никогда... — А потом сказал: — Нет, я вообще не хочу быть, хочу покоя.

В эту ночь он опять плохо спал, слал проклятия в адрес системы Сириуса, кого-то возносил, кого-то низвергал, пришла сестра и сделала ему укол. Василий Петрович успокоился, и Егор увидел, что человек этот старый и уставший и надо ему помочь. Он положил ему руку на лоб, переместил ее на висок, на темя, на затылок, прикоснулся щекой к его щеке, сделал то, что собирался сделать.

Когда Василий Петрович проснулся, то некоторое время лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок безмятежно и улыбался.

— Я ушел в отставку, — сказал он Егору. — Мой пост занял достойный, теперь я — частное лицо и хочу завтракать.

С этого дня он быстро стал поправляться, и скоро врачи признали его здоровым. Их выписали в один день.

Егора пригласили в кабинет заведующего, тот полистал его толстую историю болезни, захлопнул ее, пригласил ладонью и неожиданно сказал:

— Егор, вы абсолютно здоровый человек. У меня такое ощущение, что даже более здоровый, чем были до того, как заблудились в тайге. Хотелось бы верить, что это мы вылечили вас, но не буду тешить себя иллюзиями. К сожалению, мы во многом бессильны. Ни вашу так называемую болезнь, ни болезнь вашего соседа лечить мы не в силах. И мне, как врачу, очень любопытно, как вы этого добились?

— Я же вам объяснял, доктор, — осторожно сказал Егор, — вряд ли я могу добавить еще что-нибудь. Я не знаю, как я это делаю, но делать могу очень многое.

— Биоэнергетика? — спросил врач. — Вы читали об этом?

— Что-то читал раньше, не помню. Я знаю только, что все живое на земле объединено в один организм.

— Биополе,— сказал врач.— Есть такая теория. Может быть, вы мне покажете что-нибудь? Не бойтесь, я вас считаю и буду считать абсолютно здоровым, несмотря ни на что.

— Хорошо,— сказал Егор.

И превратился в стайку птиц. Лазоревки, гаички, мухоловки, пищухи, жаворонки, трясогузки, коньки, сорокопуты, свиристели, зяблики, щеглы разлетелись по комнате и, рассевшись по углам, запели песни, каждая свою.

— Интересно,— сказал врач, откинувшись в кресле.— Как бы то ни было, но это чертовски интересно. Послушайте, Егор, что вы намерены делать дальше? Да прекратите петь, я свой голос не слышу, и вся больница сейчас сюда сбежится.

— Жить,— ответил Егор многоголосым хором.— И бороться за спасение леших.

— Ну хорошо, хорошо, я верю вам. Нет, правда, это не просто вежливость врача, я очень хочу поверить вам. Но это совершенно непонятно. Глядя на вас, я склонен сам считать себя безумным. Как вы научились всем этим штукам?

— Очень просто,— ответил Егор, соединяя разрозненные части тела в одно, человеческое,— я преодолел границы своего тела и перестал быть одиноким. И, помоему, я стал бессмертным.

— Научите меня,— сказал врач.— Это трудно?

— Я научу всех,— ответил Егор.— Это очень трудно, но возможно. Я могу быть свободным?

— Да, конечно, я вас не держу. И, кстати, почему вы не ушли отсюда сразу? Ведь это очень легко для вас.

— А кем бы я ушел отсюда? — усмехнулся Егор.— Ну уж нет, дайте мне справку, что я здоров.

Он дождался Василия Петровича, и они вместе вышли из больничных ворот. Бывший генералиссимус был совершенно одиноким, за время его болезни умерла жена, а дети разъехались, и Егор пригласил его к себе.

Сам Егор вернулся на свою старую работу, а Василий Петрович выхлопотал пенсию, целыми днями сидел дома и мастерил странные приборы. По вечерам они беседовали, иногда спорили, каждый доказывал свое и убедить другого не мог.

— Человек создал вторую природу,— говорил Василий Петрович,— и это естественный путь эволюции, а живая природа — лишь необходимая ступень, с высоты которой человек дотягивается до всемогущества, до звания Че-

ловек Космический. Быть единственным с земной природой? Пустяки, переходный этап, мы будем едины с космосом. Космические корабли? Примитив. Человек должен передвигаться в пространстве без этих консервных банок. Ты превращаешься в любое существо, а человек научится превращаться в свет, в поток частиц, в гравитационное поле и еще черт знает во что. Биополе? Прекрасно. Но это лишь часть единого энергетического поля Вселенной. Ты возмущаешься тем, что человек противопоставил себя окружающей живой природе? А я — тем, что человек противопоставил себя всему космосу и собирается его завоевывать! Смешно. Право же, смешно и наивно. Так же человек завоевывал и земную природу и до того увлекся, что... да ты и сам не хуже знаешь, чем это обернулось.

Однажды пришел тот самый врач. Он разыскал адрес Егора, не без удивления застал его в компании отставного генералиссимуса и сказал, что помнит об обещании Егора научить его кое-чему.

— Для чего это вам? — спросил Егор.

— Я врач, — сказал тот. — Я хочу лечить людей. Мне очень тяжело сознавать свое бессилие. В конце концов это нечестно, если вы можете спасти больных, а не хотите. Научите меня, и если вы не против, то будем вместе бороться за ваших леших. Я молод, и у меня много сил.

— Хорошо, — сказал Егор, — я научу вас.

С тех пор врач каждый вечер приходил к нему домой и, стойко перенося скептические усмешки Василия Петровича, учился тому, чего не проходили в его институте и вообще нигде не проходили.

Он был начитанным, верил во всякую чортовщину, обрадованно нашел подтверждение смутным слухам о филиппинских врачевателях, извлекающих опухоли без рассечения кожи, и даже придумал свою теорию о проникновении в тело посредством перехода в четвертое измерение. Эта теория была встречена Василием Петровичем оглушительным смехом, он до сих пор испытывал неприязнь к врачам и ничего поделать с собой не мог.

В конце концов у врача стало получаться кое-что. Он и сам не мог бы объяснить, как все это выходит, но он нашел в себе тот барьер, переступая через который человек перестает быть человеком, а превращается в чистое новое, в другое, более совершенное существо.

Поздней весной Егор не высыпал дома и после кое-

ких сборов уехал в тайгу, на то самое место, где он впервые ощущил себя как часть единого целого, чье имя — Вселенная.

Василий Петрович продолжал мастерить свои дико-винные приборы, он нацеливал на звезды голубые объективы и втайне вздыхал о том времени, когда он правил галактикой и все это безграничное небо было подвластно ему.

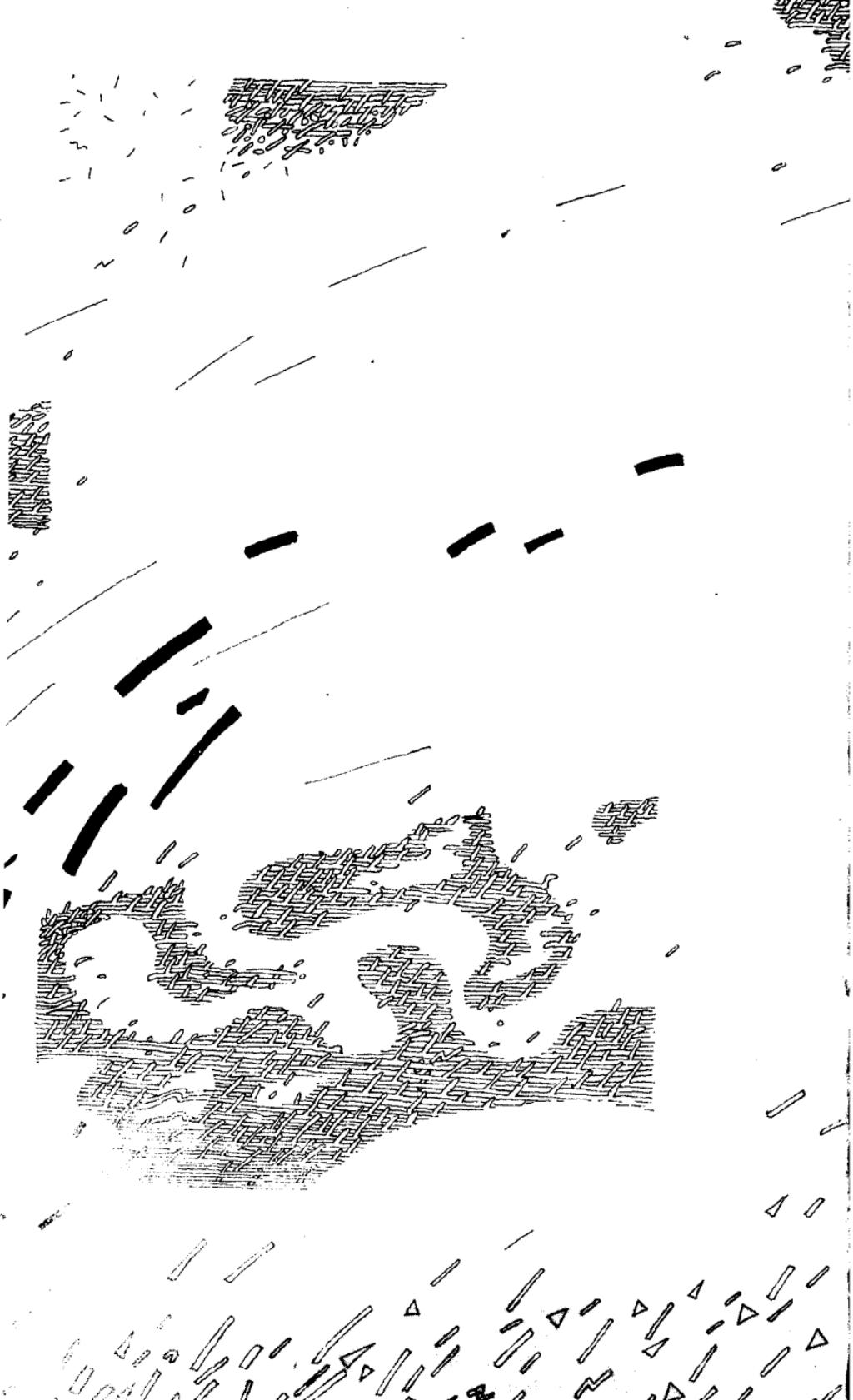
Врач продолжал свое дело, уже самостоятельно совершая себя, он исцелял неизлечимое и избегал неотвратимого.

Егор вернулся не один. С ним пришел бородатый человек, имевший странную привычку подмигивать сразу обоими глазами. Они подолгу пропадали где-то вдвоем, громко спорили о непонятных вещах и даже дрались, а Василий Петрович растаскивал их и клялся расщепить на мезоны.

Сам он не дожил до осени. Умирая, он завещал, чтобы его тело отправили в космос, где бы оно, постепенно приближаясь к солнцу, упало бы на его поверхность, и сгорело бы в его недрах, и превратилось бы в поток фотонов, летающих во все концы Вселенной, живой и бес-смертной.

А врач делал свое дело, писал воззвания, требуя внести леших в Красную книгу, сочинял статьи, которые никто не хотел печатать, яростно спорил и верил, что настанет день единства человека и его планеты, такой маленькой и такой хрупкой.

**Юрий
Медведев.** Куда спешишь, муравей? Повесть
Неудачник. Рассказ

Средь времен без конца и края,
В безызвестность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны *.

Виракоча.
Странствия
Лунных Ратников.

Над поющим ручьем

— В древности тюльпаны цвели не в мае, а в июле. Даже не спорьте, мальчики, — сказала Лерка, пытаясь поймать на язык каплю росы из наклоненного клюва цветка. — Гляньте, к нам в гости пожаловал ручей...

И впрямь из расщелины в нависшей над нами скале протянулись извины живого сияния. Должно быть, полуденное Солнце растопило в расщелине снег, и к нам подползло вздрагивающее, огибающее пучки прошлогодней травы робкое существо — ручей. В углублении перед луковицей тюльпана он постоял в нерешительности, как бы набираясь сил, затем уверенно проскользнул мимо нас, разделив Андрогина и меня с Леркой. Своим рывком он наискось перечеркнул узкую, еле заметную нить муравьиной тропы.

— А почему в июле, угадайте, — предложила Лерка. — Кто первый?

Я молчал. Несколько мурашей, отрезанных от родного обиталища возле пня, сгрудились перед светоносной преградой. Они посовещались и как по команде рассыпались вдоль ручья — видимо, искальвать переправу.

Андрогин сказал:

— При царе Горохе твои тюльпаны распускались в декабре. Притом махровым цветом. Их обожали слизывать мамонты. — Он опирался локтем на рюкзак

* Здесь и далее все переводы стихов выполнены автором.

и покусывал стебелек дикого чеснока. — Потом нагрянули братцы-инопланетяне. Вроде тех, о которых ты мне все уши прожужжала, женушка. Из сопредельных, так сказать, миров. Со щупальцами вдоль хребта. Каждое щупальце — чуть поменьше Южной Америки. — Тут он метнул в меня, как наваху, мгновенный взгляд своих черных выпуклых глаз, увенчанных тяжелыми веками. — Они всем скопом ухватились за земную нашу ось и слегка поднаклонили шарик. Климат сразу переменился, кхе, кхе... Тюльпаны решили распускаться в июле, к твоему, супруга, дню рождения. А мамонты от огорчения передохли. Между прочим, до сих пор у них в желудках находят букеты тюльпанов.

Андрогин говорил без тени улыбки, даже с некоторой наигранной скорбью.

— Тимчик, Тимчик, ни шута ты не понимаешь, хоть и пытаешься всю жизнь острословить. Только не всегда удачно, — вздохнула Лерка. — Ты вслушайся в перекличку созвучий: «Тюль-пан! И-юль! Тюль-юль! Тюль-юль!» Звуки-то — как пересвист соловьиный. Нет-нет, моя филология здесь ни при чем. Каждый должен упиваться ароматом родного языка. Даже кандидат химических наук, одаривший коллег диссертацией о самовозгораемости торфа.

Она сорвала тюльпан и несколько раз ударила кандидата по его внушительному носу. Тот изловчился, откусил цветок, швырнул лепестки в муравейник.

— Не слишком захотела ты поупиваться ароматом фамилии Андрогин. Осталась при своей, девичьей, так сказать. Этого тебе земная наука не простит.

Я напряженно ждал ее ответа. Как никто другой, я знал, почему Лерка не переменила фамилию. Но она предпочла отшутиться:

— Чтобы не покушаться на твое наследственное величие, Тимчик. А заодно и на фамильные драгоценности твоих сородичей. Так-то, Андрогин... А фамилия твоя берет истоки от старославянского слова «андо», что означает «между прочим».

Между прочим, у меня были основания усомниться в подобной догадке насчет родословной Андрогина, хомча с округлым телом и спиной, не отличающейся от груди...

Муравьи снова роились на пятаке возле набухающего серебристого жгута ручья. Они ощупывали друг друга усиками и, наверное, посыпали тревожные зовы

собратьям по той безвестной для меня жизни, от которой их отделяло три-четыре человеческих шага, не более. Я слышал, что они, как и пчелы, не найдя дорогу к дому, погибают.

— Между прочим, все твои этимологические забавы отдают языческими суевериями,— сказал Андログин.— Это не ты ли мне, голубушка, говорила, будто в древнем мире гадали по внутренностям животных и птиц?

— И по кометам. И по молниям. И по журчанию ручьев,— вздохнула Лерка.

— Ты же занимаешься гаданием по внутренностям слов. Пошамань-ка теперь своему школьному другу, язычница.

Лерка окунула кончики пальцев в ручей, потерла виски.

— Проще простого, Таланов — от старинного слова «талан», то есть «талант», «удача», «счастье».

— Ты счастливчик, Таланов,— сказал Леркин муж.— Ты счастливчик от рождения. Так сказать, генетически обречен на удачу.

Я сорвал стебелек метлицы. Даже выстояв зиму под пластами снега, трава была как живая. Я не встречал ее розово-дымчатые, стелиющиеся по ветру косички разве что в Антарктиде. Впрочем, в Антарктиде я не был. Там, где не проложены автомобильные дороги, делать мне нечего.

— Ты прав, Тимчик. Он,— Лерка указала на меня,— переполнен счастьем. Его распирают удачи. Он готов делиться талантами с молниями, ручьями, кометами, ущельями, муравьями. По всему свету. В том числе и в городе своей юности, куда он частенько — раз в три-четыре года — заглядывает, хотя и ненадолго.— Лерка притворно вздохнула.

— И ты говоришь о счастье? — спросил Андログин ее, но глядел он на меня.— Быть приглашенным бывшим сослуживцем и бывшей одноклассницей в горы, трястись на автобусе в Чилик, потом в кузове грузовика до перевала, потом пешком, навьючив на себя трехпудовый рюкзак,— разве это счастье? Это гораздо больше. Это есть невыразимое блаженство.

Я смолчал. Славно они поднавострились в словесных забавах.

— К чему слова? Кто молчит, не грешит,— поддеваясь под Леркину интонацию, сказал Андログин.

— Не задирай чемпиона континента, безгрешный

Тимчик,— сказала Лерка и поводила рукой по кисточке метлицы.— Чемпион уже тоскует по своим железкам, начищенным электроникой и бензином. Зимой я видела его в деле. Шел фильм об автогонках. По-моему, в Мексике или Колумбии, тамошние страны я вечно путаю. Так вот представь: его машина, похожая на дельфина, на повороте трижды перекувырнулась и ухнула в пропасть — и за нею облако пыли и камней — трах-тра-тарах! Я глаза зажмурила от ужаса. А ему хоть бы что: высовывается из кабины, в руках ружьище вроде гарпунного — бац! — и стрела с тросиком уже торчит из глыбы базальтовой. По тросику этому «дельфин» мигом вскарабкался — и был таков. Жаль только, его лицо я плохо разглядела. Они там все в скафандрах, как космонавты.

— Вношу необходимые уточнения,— сказал я.— Перевернулись всего лишь дважды. И не в пропасть ухнули, а скатились в овраг. И не Мексика или Колумбия, а Перу. Там во времена инков тоже гадали. По внутренностям живых еще людей.

Сорванный стебелек метлицы я положил над тихо поющим ручьем, осторожно подвел кончик стебля к обреченным муравьям. Наслышанный об их недюжинном разуме, я не сомневался, что они попытаются воспользоваться мостом, опустившимся прямо с небес. Но ничего не случилось. Муравьи на мост не шли.

— Ты счастливчик,— не унимался Андрогин.— Ты объездил десятки стран, был в Нью-Йорке, в Риоде-Жанейро, в Сингапуре, в Багдаде, в Калькутте, даже в самом Иерусалиме. Ты лицезрел красивейших женщин земли, а может, даже с некоторыми из них,— он лукаво погрозил мне пальцем и пощекотал свои огромные вислые усы,— коктейли распивал. Ты понавез небось кучу модного баракла. Да и в кубышке, я уверен, кое-что звенит про черный день. Ведь звенит, счастливчик, меня не проведешь!

Я не стал объяснять Леркину мужу, что звенит у меня не в кубышке, а все чаще и чаще в голове, особенно если не спишь несколько ночей подряд, что по черным дням, когда зарядит дождь, начинаются прострелы в позвоночнике — напоминание о компрессионном переломе пятого позвонка, что лишь в этом году на гонках в Гималаях разбилось четверо: де Брайян, Омежио, Ту Хара, Виктор Голосеев. Я ничего не стал объяснять существу, на чьем лице (и это прозорливо отметил муд-

рец) виднелась вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах, подобных Тимчикову.

— Ты опять прав: кое-что я оттуда поднатаскал,— сказал я, впервые за много лет назвав его полным именем.— В частности, навыки по спасению муравьев...

Муравьи не шли на мост.

Концом спички я попытался подогнать одного к спасительному стеблю метлицы. Бесполезно. Он исхитрился юркнуть под бурый прошлогодний лист.

— Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не скажет,— загадочно проговорила Лерка.

Пришлось прибегнуть к насилию. Я расщепил ножом спичку надвое, одной половинкой поддел муравьишку, перенес его к мосту над поющею бездной ручья, а другой половиной спички пересадил, точнее, перегнал, на мост. Насекомое крепко схватило стебель лапками и не двигалось ни вперед, ни назад. Я начал слегка его подталкивать, ощущая пальцами необычайную силу сопротивления упрямца.

И все-таки он пополз! Сперва медленно, неуверенно, потом осмелел, перевернулся вниз головой и в таком положении засеменил к берегу надежды.

Лерка наблюдала за моими манипуляциями с какой-то внутренней тревогой. Лишь теперь, сидя рядом с ней, при беспощадном свечении горного солнца, я заметил, как она изменилась за минувшие четыре года после нашей последней встречи. Возле глаз и у висков обнаружились еле заметные знаки морщин, брови она теперь выщипывала снизу, отчего ее глаза стали почему-то чуть уже, но теперь в них время от времени возникало странное, неведомое мне сияние. Возможно ли, чтобы такое сияние было порождено этим Тимчиком с его уже выпирающим брюшком, с его анекдотцами, с его одутловатым лицом, которому нелепые, как бы надутые воздухом усы, похожие на ракчи клещни, придавали приторно-удивленное выражение. «Постой, постой,— тут же одернул я себя,— ты, кажется, начинаешь злобствовать по поводу Тимчика Андрогина. А злобствуешь ты потому, что ему завидуешь. Ларчик-то открывается довольно просто, чемпион континента!»

Когда последний, девятый, муравей благополучно закончил переправу, меня озарило: а что, если вернуть его на прежнее место, к «пятачку», где они только что толпились. Так я и поступил. К моему удивлению, под-

опытный смело двинулся к мосточку, ощупал стебель усиками и живо перекочевал по уже разведенной стезе. Научился!

Дважды еще пришлось мурашу проделать этот путь. Он бежал так уверенно, как будто самолично — с ордою собратьев — создал мост над ручьем.

— Ты беспощаден, как гладиатор, Таланов,— сказала Лерка.— Тебе что машины, что муравьи, что людешки — все одно и то же. Материя, так сказать. Однаково безответное содрогание атомов.

— Все еще предпочитаю людей. А среди людей ставлю выше прочих тех, кто ходит над пропастью,— ответил я и сразу же понял, что дал промашку. Во-первых, это походило на саморекламу. Во-вторых, больно задевало Лерку.

— И ты всерьез поверил одиссее этой горе-альпинистки? — Тимчик разглядывал небеса, изрезанные узорами вершин, холил свои усищи.— Типичная хохма. Расчетливая красавица завлекла нас в лабиринт Заилийского Алатау, чтобы обоих подставить под лавину. Так она отделяется и от осточертевшего мужа, и от бывшего поклонника, переметнувшегося к жгучим креолкам.

Славный был парень Тимчик, но в автогонщики не годился.

Леркино лицо оставалось незамутненным.

— Один из вас достоин лавины. Но на этот раз обойдемся без трагедии. Повторяю: я не прошу мне верить. Все, чего я хочу,— показать вам то самое место. А шатать до него порядочно. Надо бы до захода солнца успеть. Скоро двинемся дальше, мальчики.

Тимчик не преминул воспользоваться моей оплошностью. Я забыл, что с этим кандидатом надо держать ухо востро.

— Царица грез моих,— замурлыкал Андрогин. — Повели маэстро исповедаться, отчего это он души не чае в ходящих над пропастью. А может, над пропастью ездящих?..

Это был запрещенный прием, хотя и отменно проведенный. Все-таки он вытянул из меня кишки, этот гадатель по внутренностям.

— В Андах, чуть выше линии вечных снегов, иногда встречается цветок. Я его не видел, но говорят, он похож на наши полярные маки, только побольше,— отрывисто, глухо, как всегда, когда злюсь, начал я.—

Местные племена называют его гравестос. А может, гравейрос, за точность не ручаюсь. Говорят, кто выпьет его отвар, заболевает лунатизмом. Правда, ненадолго. С незапамятных времен жрецы использовали гравейрос, чтобы ходить ночью над пропастью,— на устрашение своей паствы. По туго натянутому канату. Такие канаты сплетают из волокон агавы. До сих пор в Перу на них кое-где подвешены мосты...

Властительница Лунного Огня

Я не слишком верил легенде о гравейросе. Подобных рассказней в Южной Америке переизбыток. Да и не только в Южной Америке.

Но вот в позапрошлом году на розыгрыше кубка «Солнца инков» мы оказались в горах Карабайо, к востоку от древней столицы инков — города Куско. Помню, мы с напарником основательно вымотались за две недели гонок вдоль каньонов, по крутым серпантинам и были рады долгожданному отдыху. Нам дали две ночи и день.

До обеда мы с Виктором проспали, а потом решили порыбачить. Реки там похожи на наши тянь-шаньские: норовисты, пенисты, форель схватывает крючок на мертво.

Бредем мы с удочками по городишку Ла-Пакуа, а на встречу Дончо Стаматов из болгарского экипажа. «Здравей,— говорю,— другарь Стаматыч. Опять ты Розетти на полрадиатора обошел. Эдак он от огорчения перезабудет весь набор своих неаполитанских песен». — «Пускай учится петь наши, славянские,— хочет Дончо.— А вы, души рыбные, возвращайтесь за светло. Вечером скатаемся еще выше в горы, вон туда, к самым снегам. Там обитает не совсем еще цивилизованное племя индейцев, и сегодня, в честь новолуния, будет шумное празднество. Среди прочих чудес обещают полет красавицы над пропастью — то ли в когтях дракона, то ли помчится с подвязанными крыльями,— я толком не разобрал. Никогда не слыхал про такое диво? Э-э-э, не раз еще услышите, другари. Но лучше увидеть своими собственными глазами. И учтите: приглашает нас здешний мэр. В виде особой милости. Он к автомобилям неравнодушен. Как Розетти к прекрасному полу. Единственная просьба, даже не просьба, а тре-

бование мэра — никаких фотоаппаратов и кинокамер. Особенно это касается — я добавлю от себя — другаря Голосеева».

Мы выехали около восьми.

В горах темнеет рано. Последние километры пять наших машин, растянувшихся цепочкой, одолевали буквально на ощупь. Моторы ревели, задыхаясь, как всегда они ревут на большой высоте. Мы оседлали тропу, где обычно ходят с поклажей, наверное, лишь ламы, заменяющие здешним жителям и коров, и лошадей, и овец, где по одну сторону громоздились отвесные скалы, а по другую — чернела нескончаемая пропасть. После одного довольно-таки заковыристого поворота мэр — он находился в Стаматовой «Пеперуде» — выскоцил из кабины и подал знак остановиться. Смешно жестикулируя, он начал объяснять, что дальнее тропа совсем живется, что он в ответе за нашу безопасность перед прогрессивной мировой общественностью, что пешком тут добираться около часа, не дольше.

Розетти, не дослушав мэра, завел свой «Везувий», выпустил пневмоприсоски, въехал на вертикальную стену и пополз над головою ошарашенного хозяина Лапакуа. Мэр продолжал что-то говорить, не без смущения бросая взгляды вверх, где на расстоянии протянутой руки проплывали в обрамлении разноцветных приборных огней кудри весельчака Розетти.

Лунной ночью в платье белом
И с гвоздикой в волосах —
Нет прекрасней Маручеллы
На земле и в небесах! —

выводил Розетти своим неподражаемым бельканто. В том, что это именно бельканто, к тому же неподражаемое, Розетти убедил нас с Голосеевым в первые минуты знакомства, еще до того, как запел.

«Везувий» сполз со стены на тропу перед «Пеперудой». Мэр расхохотался, пересел к Розетти. Мы двинулись дальше...

В индейское селенье мы попали часам к десяти. Еще издали стали заметны несколько костров. Удивляя цвет пламени: фиолетовый с переходом в палевые, даже желтые, тона. Проезжая по селению, мимо мрачных домишек с плоскими крышами, мы смогли рассмотреть, что костры горят на отшибе, у подножия внушительных размеров каменной башни. Над тремя кострами висели большие котлы.

По соседству, на другом холме, высилась точно такая же башня, освещаемая одним костром. Башни разделяла пропасть.

Мы оставили машины у подножия холма и мимо безмолвствующих мужчин в причудливых шляпах и разноцветных накидках направились к башне. Между прочим, я не заметил до сей поры ни единой женщины.

— Вождю следует поклониться до земли,— быстро говорил нам мэр полушепотом.— Это вон тому старику, на помосте, в красном покрывале. А тот, что слева, в орлиных перьях, с двумя колдунами, это жрец. С ним разговаривать инородцам вообще запрещено. И никаких песенок, сеньор Розетти, умоляю вас.

Мэр первым картино ударился вождю в ноги, за ним — не без смущения — все мы. Вождь поднялся с леопардовых шкур и ответил точно таким же поклоном — до земли. Вслед за тем он гортанно прокричал несколько слов, дав знак приблизиться.

— Верховный Владыка Лунных Ратников приветствует вас, восседающих в колесницах,— переводил мэр.— Да хранит вас лунный огонь.

Вождю было лет восемьдесят, не меньше. Глаза его из-под огромных разросшихся бровей сверкали молодо и проницательно. Вождя охраняли четверо свирепого вида юношей с пиками и луками. У одного стражника покоился в руках винчестер.

По знаку обладателя винчестера на помосте разошлись леопардовые шкуры. Мы расселись, после чего каждый получил чашу, наполненную до краев белой жидкостью, и золотистое блюдо с дымящейся тушкой курицы — волей-неволей настало время отведать морских свинок, издревле лакомую пищу в Андах.

Пока под взглядами телохранителей мы опасливо раздирали мясо, уснащенное листьями и травами, мэр неторопливо беседовал с вождем. Судя по тому, как он то показывал шевелящимися пальцами в сторону машин, то называл поочередно наши имена, шла церемония нашего представления.

Я отхлебывал кисло-сладкий напиток из глиняной чаши, смотрел на подпирающую небо башню, на фиолетовое дрожание костров, на молчаливых людей возле них, и мне казалось, что время, как исполинская возвратная волна, стягивает меня с берега сущего, настоящего туда, в мерцающие глубины бывшего, что можно

еще стать и дружинником князя Святослава, и мстителем Евпатия, и успеть к дымящейся рассветной дубраве у Непрядвы, чтобы увидеть, как два богатыря — один в лисьем малахе, с хищной улыбкой насильника, другой — в черным смерчем развивающейся рубахе и с нательным медным крестом — сшибутся, ударят друг друга копьями, и оба падут с коней мертвыми...

Меня вернул из прошлого крик с вершины башни за пропастью.

Жрец, до той минуты застывший как изваяние, поднялся, раскинул руки с привязанными к ним перьями, двинулся по крутым ступеням к башне. Его поддерживали колдуны. Все трое запели.

Под их суровое однообразное пение костры гасли один за другим — их накрывали толстыми циновками, и пламя мгновенно укрощалось. Погас костер и за пропастью. Воцарилась тьма, лишь тлел огонек сигареты Розетти, но вот и он исчез.

Мы с Виктором сидели недалеко от мэра. Я воспользовался темнотой, придвинулся к нему, спросил еле слышно:

— Извините, о чем они поют?

— Духов лунных заклинают. Пока не подымутся на самый верх башни,— дыша мне в ухо, отвечал мэр.— Я вам буду переводить как сумею, а вы все перескажете другим, попозднее.

— Спасибо за доверие,— сказал я, нащупал его руку и потряс в знак признательности.

— Кто готовится в путь над бездной, в чьих руках — осиянная весть? — спрашивал жрец речитативом, видимо, уже с вершины башни.

— Властительница Лунного Огня,— отвечал молодой голос из-за пропасти.

— Кто несет на крылах знак преображенья богини бессмертной?

— Хранительница Лунной Благодати.

— Чьи волосы — струны света, ростки зеленых побегов, струи молодых ручьев?

— Властительницы Лунного Огня.

— Чьи слезы — дождь, живительный и благодатный?

— Хранительницы Лунной Благодати.

— Кто линию смерти и жизни, зла и добра, света и тьмы прочерчивает на камне Вселенной?

— Властительница Лунного Огня...

Всех вопросов и ответов запомнить было невозможно, тем более в переводе на английский. Наконец после некоторого молчания жрец прокричал с высоты каким-то задушенным голосом:

— Лети же, лети к нам, твоим ратникам, вещая дева света, Властительница Лунного Огня!

...И я увидел, как над нами, во тьме, в той стороне, где другая башня, явилась вдруг светящаяся человекоптица. Она медленно махала фосфоресцирующими руками-крыльями, столь же медленно приближаясь к нашей башне. Подобие сияющего хитона плескалось между крыльями, лицо мерцало лунной белизной с голубыми ободьями вокруг глаз, а над головой она несла тонкий серп молодой луны. Зачарованный, я хотел потеребить Виктора, этого сурowego реалиста, не верящего в чудеса, но его рядом не оказалось: должно быть, передвинулся поближе к Стаматычу.

Было тихо. Доносился глухой далекий шум реки со дна пропасти, над которой парила Властительница Лунного Огня. Я сосчитал про себя до ста пятидесяти, прежде чем загадочная летунья достигла башни и скрылась в ней.

Тем временем в небесах над башней обозначился новолунный серпик, точь-в-точь такой, какой несла она. Все племя Лунных Ратников запричитало, запело. После долгого песнопенья разом вспыхнули костры, кроме единственного, за пропастью.

Как только костры запылали, я начал переводить взгляд от башни к башне. Я надеялся заприметить канат, по которому, опьяненная отваром гравейроса, только что прошествовала Хранительница Лунной Благодати, но не увидел ничего.

Показался жрец, один, без колдунов. Он грузно спускался по ступеням. В правой руке он держал длинный блестящий нож, в левой — обезглавленного петуха. Жрец отвесил поясной поклон вождю, распорол петушиное брюшко, запустил руку внутрь, вынул сердце и съел.

Лунные ратники возликовали. Некоторые ударились в пляс. Застучали барабаны. Стали раздавать варево из котлов.

— Ну как, Виктор? — спросил я Голосеева, который и вправду передвинулся к Стаматычу.

— *Bo!* — Он поднял большой палец.— Эти куи, замечу тебе, объедение. Я своего уплел мигом, вместе с

травой. Вот тебе и морская свинья. Жду теперь добавки.

И ни слова о полете призрачной птицы! Не характер — кремень.

В голове у меня шумело. Я ощущал во всем теле необыкновенную легкость. Казалось, поднимись я сейчас на башню, шагни в пропасть — и легко воспаришь, едва взмахивая руками. Такое чувство бывает иногда во сне, особенно в детстве, когда я зависал как жаворонок то над полем цветущего клевера, то над глухими заводями Ельцовки, то над родной деревней. Помнится, я отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты не только грядки в огородах или пасущихся на косогоре коз, но по необъяснимому свойству с о н о г о зрения, даже головки тыкв, похожие на выводок цыплят, даже рыбешек, резвящихся на плесе, даже мышеполевок возле прошлогодней скирды, даже начинавшие чернеть ягоды смородины у нашего плетня. Позже, в Автоакадемии, я увидел фотографию во всю стену. С высоты нескольких сотен километров спутник запечатлел старт планетолета «Иван Ефремов» к Сатурну. На фото были хорошо различимы мельчайшие детали степного пейзажа: красные чаши тюльпанов, змеи, греющиеся на камнях, суслики возле своих норок — шагов за триста от стартовой площадки. Вот и начали сбываться сны детства, подумалось тогда...

— Приезжайте весной,— шепнул мне мэр.— Весною празднество ничуть не скучней.— Тут он мечтательно посмотрел на луну и вздохнул.— Намного веселей. Хотя бы потому, что на него допускаются и лунные ратники. Представляете: между башнями растягивают сеть, куда ловят первые лучи новорожденного солнца.

Розетти в самых изысканных выражениях поблагодарил вождя за сверхневероятнейший, как он выразился, подарок — зрелище летящей Лунной Девы и попросил в виде особой милости познакомить нас с ней. Если будет на то добрая воля владыки Лунных Ратников, он, Розетти, готов прокатить ее в своей колеснице, даже свозить в Ла-Пакуа, в прекрасный дансинг.

— Я выслушал тебя, восседающий в колеснице,— отвечал вождь и бросил взгляд на телохранителя с винчестером.— Желание твое невыполнимо. Властительница Лунного Огня не открывает свой лик чужеземцам. Даже если чужеземец случайно ее увидит, узнает ее не-

бесную тайну, ему несдобровать. Он неукоснительно найдёт смерть. На линии света и тьмы. В ночь лунного затмения.

— На линии света и тьмы... В ночь лунного затмения... — ошаращенно повторил Розетти.

И здесь в первый и в последний раз подал голос жрец:

— Это так же невозможно, как одному из вас, восседающим в колесницах, подарить верховному владыке Лунных Ратников, — поясной поклон в сторону владыки, — свою колесницу. Вашей колеснице негде бегать среди наших скал, в нашем лунном свете. Лунная Дева умрет в вашей тьме.

Жрец величественно повернулся и вскоре скрылся в башне.

Чтобы как-то сгладить неловкость, я спросил вождя, часто ли навещает лунных ратников светозарная дева. Оказалось, это случается один раз в году. Да, лишь раз в году из башни Смерти Луны переносит она лунный огонь в Лунную Колыбель. Этой ночью людей по всей Земле подстерегают великие несчастья и беды, если они не принесут жертву Властительнице Лунного Огня. Малые злоключения нависают над смертными во все остальные новолуния и полнолуния. Злоключения можно отвести разжиганием костров с добавлением в пламя лунника — сухой лунной травы, барабанным боем, поеданием живого сердца жертвы. Так повелось исстари, с тех самых пор, как лунные ратники прилетели на Землю. Это произошло ровно 62 тысячи лун тому назад.

Я призадумался: 62 тысячи лун — это около 5 тысячелетий! Вот в какие непредставимые, догомеровские дали времен уходил обряд пришествия Хранительницы Лунной Благодати.

— Значит, в ночь прилета лунной синьориты надо обязательно отведать сердце петушка? — спросил, улыбаясь, Виктор.

— Надо съесть живое сердце, — тихо отвечал вождь, проведя по губам тыльной стороной ладони. — Еще при моем деде дед моего жреца съедал не петушиное сердце. Дед моего жреца.

Мы замолчали. Я взглянул на часы. Было около полуночи. Луна поднималась все выше, чуть высвечивая вечные снега вершин. Пора было возвращаться в город. Вождь с телохранителями проводил нас к машинам. Здесь мэр передал вождю несколько ящиков с вином и

провизией, топор и двуручную пилу. Они быстро о чем-то переговорили, затем обнялись. Старый вождь заплакал.

— Зачем он плачет? — спросил Розетти.— Это я, болван, причинил ему горе. Будь я проклят со своим змеиным языком, черт меня дернул сболтнуть насчет поездки в дансинг. Разрази меня гром с Везувия!

Мэр сказал:

— Он плачет, потому что Властительница Лунного Огня отняла у него единственного внука. Три года тому назад он упал в пропасть. А за год до этого погиб его сын. А ведь лунным ратникам предписано выбирать вождя только из рода верховных владык. Вот старик и зовет меня к себе, предлагая должность Держателя Лунного Пера, с тем чтобы после отлета его души я стал вождем. А какой из меня вождь при врожденном пороке сердца и неукротимой страсти к рулетке?

Как выяснилось, вождь был его дядей.

Я вытащил из багажника прозрачную коробку с точной копией «Перуна» — в десятую часть натуральной величины, поставил у ног вождя, снял крышку и объяснил, что это наш общий подарок владыке лунных ратников.

Вождь заулыбался, потер в задумчивости лоб.

— Прозорлив и многомудр мой великий жрец,— изрек наконец вождь.— Большой колеснице негде бегать среди наших острых скал. А детенышу колесницы бегать не надо. Пусть детеныш всегда стоит возле моего трона. Рядом со священным камнем, упавшим с вершины небес. При прадеде моего деда.

Он радовался, как дитя, этот глубокий старик. Но главная радость ждала его впереди.

— О владыка, детеныш колесницы тоже умеет бегать. И даже лазить по скалам. Надо только за ним присматривать. На этой доске — цветок с четырьмя лепестками.— Я протянул вождю пульт дистанционного управления.— Нажмешь верхний красный лепесток — детеныш бежит вперед, зеленый — назад, оранжевый — влево, синий — направо. А в центре доски — глаз, он всегда примечает, куда бежит детеныш. Скатится к ручью — видно ручей. Заберется на холм — видишь его на холме.

С помощью мэра вождь тут же позабавился маневрами нашей модели. Не скрою: давно я не встречал таких довольных вождей.

— Далеко ли может убежать детеныш колесницы? — спросил вождь.

— Он может бежать без передыху одну луну. Но если доску днем держать на солнце, детеныш никогда не устанет. Но доску лучше не ронять.

— Я поручу охранять доску обоим моим колдунам,— торжественно провозгласил вождь.— Колдуны будут держать ее на солнце от восхода до заката. И никогда, пока я жив, не уронят. Благодарствую, восседающий в колеснице. Никто из инородцев так не радовал сердце верховного владыки лунных ратников, как ты. Какую награду хочешь ты увезти туда? — Он сделал жест в сторону, противоположную сияющим под луной вершинам.— Туда, во тьму?

Ко мне нагнулся Розетти и сбивчиво зашептал:

— Грандиозный момент, синьор Таланов. Надо выклянчить хотя бы одно блюдо, на которых подавали этих зажаренных тварей. Лично у меня блюдо было золотое, я определил по весу, да и на зуб попробовал. Хотя бы одно, а? Чистейшее золото, клянусь святым Януарием.

И я вспомнил о гравейросе. Другого такого случая в жизни уже не представится, подумалось мне. Эх, была не была...

Вполголоса я растолковал мэру свою просьбу, но вместо ответа был удостоен долгого тяжелого взгляда.

— Если моя скромная просьба невыполнима, будем считать мне наградой ваш взгляд,— сказал я, глядя прямо в глаза мэру.— Его-то я и увезу туда, во тьму.

Мэр попытался улыбнуться.

— Некоторые награды можно и не успеть получить при жизни,— тихо произнес он.— Во всяком случае, мой отец еще помнил времена, когда за подобную просьбу чужака спокойно прикончили бы на месте.

— В те замечательные времена не было ни таких колесниц,— я показал на «Перуна»,— ни их бегающих детенышей. Между прочим, один из детенышей дожидается вас в Ла-Пакуа.

Давно я не встречал столь счастливых племянников вождей.

Владыка лунных ратников удалился с мэром, чтобы вскоре вернуться и объявить, что награда будет мне вручена там, внизу, во тьме.

А Розетти получил награду сразу. Иссия-черный камень, прожженный слезою Хранительницы Лунной Благодати, и пару живых куи в деревянной клетке.

Да не опустеет твой дом, Человече!

На другой день закрутилась привычная свистопляска. В минуты отдыха я не раз вспоминал ночь на линии света и тьмы. Иногда я доставал плоский сосудик из обожженной глины, осторожно вытаскивал деревянную пробку, принюхивался. Пахло скощенным лугом, цветущим аниром, полынным терпким настоем. И сразу накатывала тоска. Хотелось бросить все: безумную гонку по чужой земле, интервью, встречи, речи, поломки, промежуточные финиши, желтые шлемы лидеров — все хотелось бросить — и домой, к родным равнинам, к шуму сосен, к стогам, плавущим сквозь заречные туманы...

Мы выиграли с Виктором «Золото инков». Но то была наша последняя победа.

В Кальяо мы погрузили «Перуна» на теплоход «Таис Афинская», разместились в каютах и вволю отспались. До отплытия оставались считанные дни.

Как-то вечером, посмотрев в местном кинотеатре широко разрекламированный фантастический боевик «Осада Марса», мы вернулись на теплоход.

— Я заскочу к тебе, если не возражаешь, фантазер. Через полчасика, ладно? — сказал Виктор и заговорщики подмигнули.

Он появился, держа в руке жестяную коробку с кинолентой.

— Отгадай, каким боевиком я порадую победителя? — спросил Виктор, потрясая коробкой.

— Финишным боевиком, — отвечал я. — Нас подкидывают в небеса, ты до ушей улыбаешься, из карманов у тебя вываливаются отвертки, реле, контрагайки и все прочее, а я обвиш, как удав, кубок, который, как ты точно подметил, переделан из самовара.

— Вот и не угадал. Перед тобою — строгое научное кинообвинение. Служителей культа, пользующихся отсталостью народных масс, чтобы одурманивать простаков цирковыми трюками вроде порханья разного рода божеств над глубокими пропастями. Так-то, фантазер.

Он расхохотался, а я, ни о чем еще не догадываясь, спросил:

— Дружище, неужто удалось заполучить какие-то кадры о хождении жрецов по канатам?

— Не заполучить, а заснять самолично,— сказал Голосеев.— Притом в инфракрасных беспощадных лучах. С ними, как ты знаешь, никакое очковтирательство не проходит. Не зря сказано: все тайное становится явным.

Я удивился:

— Когда ж ты успел, пострел?

— А тогда, у лунных ратников.

Оказывается, как только Властительница Лунного Огня явилась вдруг во тьме, в той стороне, где башня Смерти Луны, дотошный Голосеев незаметно пробрался к «Перуну», навел кинопанораму так, чтобы захватить обе башни, действовал автостоп на 15-минутный максимум и сразу же вернулся назад. Так вот почему я не обнаружил его рядом, когда подобие сияющего хитона плескалось у ней между крыльями, а лицо сияло белизной с голубыми ободьями вокруг глаз...

— И что же ты, смельчак, понаснимал? — спросил я.

— Снимал не я. Я, как и ты, хотя в меньшей степени, подвержен страсти. Снимал бесстрастный прибор. И прибор, только не огорчайся, ради бога, подтвердил мою правоту в нашем споре. Все твои гравейросы-гравестосы — красавая несуразица.— Голосеев снова потряс коробкой, как триумфатор сверкающим скипетром из слоновой кости.— Я вчера проявил и только что прокрутил на мониторе. Нет, не разгуливает по канату размалеванная пташечка. Чудес, как я тебе постоянно твержу, не бывает. Она привязана к кольцу, в кольцо пролетят канат, и ее тянут веревкой от башни к башне. А чтобы богиня не крутилась, на кольце сооружена удавка, как у воздушного змея. И заметь, фантазер, едва она долетает, ха-ха, долетает, значит, до башни, как сразу же неведомые силы ослабляют канат, приспускают его в пропасть. И все шито-крыто.

— Вечно ты меня разыгрываешь. Но на этот раз ничего не выйдет, отважный пожиратель куи,— сказал я.

— Прошу к монитору, победитель.— Голосеев присел и галантно показал рукою на дверь: — Прошу. Убедишься собственными глазами, кто кого разыгрывает. Кстати, когда мы приплывем, я собираюсь показать

пленку знакомым телевизионщикам. Очевидное — невероятное! Сенсацию трахнем на всю страну!

— Ты умница, Голосеев, — сказал я как можно спокойней, потому что уже разбухал от беспричинной злости. — Ты настоящий естествоиспытатель. Из тех, кто сдирает кожу с живых лягушек, рефлексы созерцают. А как же иначе распутать тайну живой материи? Режь, кромсай, зверствуй! Но берегись, несчастный натурфилософ, ее величество тайна мстит за насильственные забавы в ее владениях. Даже тому, кто лучше прочих проходит повороты в горах.

Голосеев расплылся в улыбке до ушей.

— Насчет мести загнул ты здорово. А поощряет ее величество небось только за высокопарные выражения?

— Тогда считай поощрением угрозу гибели на линии света и тьмы, — подумав, сказал я. — Не забыл? Всякому, кто узнает тайну Властительницы Лунного Огня.

— Ты обрисовал нечетко контуры призрака, фантазер. Кондрашка должна хватить нечестивца не просто на подступах к вечным снегам, но обязательно в ночь лунного затмения. Сочетание, скажу тебе, редкостное для обитателя равнин. Так что у меня неплохие шансы увеличить количество долгожителей. Вместе с тобою, фантазер. Если не больше прочих рисковать на поворотах.

— Ладно, долгожительствуй, — сказал я. — А мне оставь пленку. Я хочу прокрутить ее один. Без твоих пространных комментариев. Если не возражаешь. И больше не зови меня фантазером. Поднадоели.

Он положил коробку на столик, пожал плечами, ушел.

Иллюминатор заволакивала чернильная темь. На двух островах, загораживающих гавань Кальяо от свирепых океанских волн, вспыхивали дрожащие огни. Я взял коробку и поднялся на палубу.

Потрепанный, изрядно побитый «Перун» был надежно прикреплен тросиками к стойкам. Ничего, железный скакун, думал я, восседающие в колесницах наведут на тебя лоск за долгий путь на север.

В кабине, чтобы не привлекать лишнего внимания, я поляризовал стекла на полное внутреннее отражение. Теперь я остался один на один с проклятой коробкой. Необъяснимо, но главное, что я вынес из рассказа Виктора, — это чувство стыда, как если бы сегодня я случайно подслушал, что соперники еще перед началом гон-

ки условились — в силу неведомых мне причин нарочно уступить первенство именно «Перуну», так что все наши тактические ухищрения были напрасной тратой сил и нервов. Ситуация хотя и нереальная, но угнетающая. Угнетающая прежде всего невозможностью что-либо изменить. Комедия окончена. Упал занавес. Театр пуст. Крысы скребутся под сценой.

Я достал пленку, заправил в монитор и уже потянулся включать, но рука остановилась на полпути.

А зачем мне это? Чтобы убедиться, что Голосеев прав? Но в чем его правота? В том, что лунное чудо подчинено неодолимым законам земной механики? Но зачем мне знать до конца, по какому — железной или алмазной твердости — закону днем и ночью, стаями и в одиночку тянутся в высях над океанами перелетные птицы? Зачем мне знать до конца, почему в детстве, когда мы переехали из деревни в город и не взяли с собою собаку Нерку, она прибежала к нам спустя неделю, отмахав по осенней тайге свыше шестисот километров? Почему в ночь перед последним экзаменом в Автоакадемию, когда все висело на волоске, мне приснился мой билет со всеми тремя вопросами, и я вытянул наутро именно его? Почему иногда, особенно в лунные ночи, я предчувствую не только извины и уклоны любой дороги, но и встречные машины за поворотом, за холмом, и не только машины — любые препятствия? А что, если странные, загадочные, не до конца распознаваемые явления — тоже неотъемлемая часть мировой жизни? Подобно тому как обязательная странность в пропорциях пленительной красоты — частица самой красоты? Может быть, огни космических цивилизаций тогда и гаснут — одни, задуваемые атомными смерчами, другие, стиснутые рациональным бесплодием, когда в них наконец умирает последняя тайна. Как умирает деревенский дом, покинутый всеми обитателями. Как умирает человек, изгнавший из сердца чудо сострадания и любви...

Я вложил пленку в коробку, вылез из кабины, прошел на безлюдную корму, свесился через перила, разжал пальцы. Плеска внизу я даже не услышал. Что ж, покойся на дне Тихого океана, оскверненная тень Лунной Девы. Пусть все также летит над пропастью Владычица Лунного Огня! Да не опустеет твой дом, Человече!

На другой день я улетел первым самолетом на Кубу,

а оттуда — в Москву. Голосеев так и не поверил, что я утопил пленку, даже не просмотрев. Я оставил ему на прощание собственный перевод одной статьи из какого-то затерянного журнала. Чтобы сдирателю живой кожи было о чем поразмышлять, созерцая в инфрапанораму одиноких альбатросов над ночным враждебным океаном.

Статья была озаглавлена:

Таинственные силы Луны

«Силы притяжения между Землей и Луной весьма значительны, поскольку оба небесных тела обладают сравнительно большими массами, а расстояние между ними по космическим масштабам невелико.

Словно исполинский магнит, Луна притягивает к себе воды Мирового океана, образуя на его поверхности целую водяную гору. На многих побережьях, и прежде всего в закрытых бухтах северо-западных штатов США, приливная волна достигает высоты 20 метров. У побережья французской Бретани разница в уровне прилива и отлива столь значительна, что силы гравитации приводят в действие большую гидроэлектростанцию.

Однако лунному притяжению подвержены не только океаны, но и континенты. Установлено, что под влиянием Луны они поднимаются или опускаются в пределах 23 сантиметров. Неудивительно, что подобные перемещения могут вызывать катастрофические разрушения в тех местах, где земная кора напряжена.

Не остается без лунного воздействия даже воздушная подушка нашей планеты. И в атмосфере существуют своеобразные приливы и отливы. При полнолуниях и новолуниях атмосферное давление снижается приблизительно на три миллибара по сравнению с другими лунными фазами.

И еще одна закономерность. Хотя отражаемый Луной солнечный свет составляет стотысячную долю всего солнечного потока, устремленного на Землю, тем не менее он повышает температуру земной поверхности на $1/2000$ градуса.

Может показаться, что приведенные величины ничтожны, чтобы оказывать какое-то влияние на погоду планеты. Прав ли был историк и естествоиспытатель Плиний, живший в I веке нашей эры, когда утверждал,

что полная Луна повышает влажность воздуха и вызывает дождь? Или это обычное заблуждение? Правы ли те, кто твердо верит — а таких людей множество,— что с увеличением фазы Луны погода улучшается?

Долгое время метеорологи старались вообще избегать подобных вопросов. Но вот специальная группа американских ученых всесторонне исследовала 16 тысяч сведений о погоде в 1544 районах США за последние полвека. Прежде всего обращалось внимание на закономерность выпадения дождей. Оказалось, что чаще всего дожди шли на протяжении трех—пяти дней после новолуния и полнолуния.

Опубликованные материалы вызвали всеобщее недоверие. Однако вскоре пришло подтверждение от австралийских ученых: да, дожди предпочитают лить после новолуний и полнолуний.

Другие исследователи, обработав данные 269 метеостанций, сразу же подметили закономерность возникновения тайфунов с силой ветра выше 12 баллов. Выходы были обескураживающими. Вероятность подобных ураганов при новолуниях и полнолуниях выше обычной на 25 процентов!..

К сожалению, причины воздействия древней Селены на погоду до сих пор не выяснены. Самая распространенная гипотеза такова. Мировое пространство отнюдь не пустота. В нем движется огромное количество космической пыли, остатки метеоритов и погибших планет. Не исключено, что часть этой материи улавливается Луной, а затем перекочевывает на Землю — ведь земное притяжение значительно превосходит лунное. Попадая в верхние слои атмосферы и постепенно оседая, мельчайшие космические частицы становятся как бы конденсаторами влаги, сгущаются в облачные массы и в результате — дождь.

Если Луна способна оказывать влияние на движение океанов, земной коры, атмосферное давление и температуру, не воздействует ли она и на поведение животных и людей?

Как, например, объяснить следующее явление. Давно известно, что моллюски открывают створки своих раковин при приливе и закрывают при отливе. За день они фильтруют около 65 литров воды и улавливают свыше 72 миллионов микроорганизмов, которые и служат им пищей.

Первоначально считалось, что движение створок ра-

ковин обусловлено перепадом давления воды при приливе и отливе.

Но вот был произведен такой опыт. Нескольких моллюсков перевезли за 1660 километров от побережья и поместили в непроницаемые для света стеклянные сосуды, где были полностью воспроизведены температура и давление воды в привычной для моллюсков морской среде. Затем подключили устройство, контролирующее движение створок.

Поначалу моллюски сохраняли свой привычный ритм: они открывались и закрывались, хотя не было ни приливов, ни отливов. Но ровно через 14 дней случилось невероятное: ритм сместился на 3 часа. Это позволило сделать такой вывод: моллюски открываются и закрываются в точном соответствии приливам и отливам на их новом местонахождении. Иными словами — ритм моллюскам диктовала Луна...

Луна, несомненно, влияет и на поведение некоторых млекопитающих. В лабораторных условиях хомяки всегда гораздо бодрее при полнолуниях и новолуниях, а мыши только при полнолуниях.

ПОЛНОЛУНИЯ И НОВОЛУНИЯ ПОГЛОТИЛИ 900 ТЫСЯЧ ЖИЗНЕЙ. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Это произошло 16 сентября 1978 года в 19 часов 28 минут. Землетрясение с силой 7—8 баллов всего за три минуты слизнуло с карты цветущий город. Трагедия разразилась в тот самый миг, когда Луна, Солнце и Земля оказались как бы на одной оси и тонкая земная кора одновременно испытывала воздействие масс Солнца и Луны.

Старое поверье гласит: при новолунии и полнолунии опасайся землетрясений. Научно это не доказано. Большинство геофизиков пожимают плечами. Однако существует множество фактов, которые не так-то просто объяснить случайностью.

Обратим внимание на самые крупные землетрясения последних десятилетий:

29 февраля 1960 года: ужасающее землетрясение в марокканском городе Агадир. Под развалинами погибло около 12 тысяч человек. Было новолуние.

2 сентября 1962 года: при сильном землетрясении, продолжавшемся 4 минуты, в Иране погибло около 12 тысяч человек. Полнолуние.

22 мая 1970 года: страшной силы землетрясение зна-

чительно изменило весь ландшафт Перу. Катастрофа отняла 60 тысяч жертв. Полнолуние.

28 июля 1976 года: 800 тысяч жителей погибло под развалинами при землетрясении в Китае. Полнолуние.

3 сентября 1978 года: в 6.08 утра самое сильное землетрясение после второй мировой войны разразилось в Баден-Вюртемберге. Множество разрушений, повреждены транспортные магистрали. Новолуние.

16 сентября 1978 года: при полнолунии и лунном затмении страшное землетрясение буквально уничтожило иранский город Табас и свыше 40 окрестных деревень.

Случайности? Суеверия? Или же существует некая связь между земными и лунными силами?

Издревле человечество приписывает Селене таинственные свойства. Луна почиталась не только как богиня смерти и как богиня плодородия. Ее фазы принимали за символы рождения, роста, смерти и исчезновения. Еще древние римляне утверждали, что полнолуние предвещает дожди, а спартанцы начинали войну исключительно в полнолуния.

В основу первого календаря, составленного древними, был положен лунный, а не солнечный год. Давно подмечено, что в полнолуние некоторые люди не могут уснуть. В древности и даже в средние века твердо верили, что Луна может вызывать душевные болезни. Англичане до сих пор понятие «душевнобольной» выражают словом «лунатик» — от латинского корня «Луна».

Пытаясь выявить воздействие Луны на поведение человека, ученые длительное время наблюдали группу из 50 студентов. Было установлено, что подопытные подвержены резким перепадам настроения с периодом около двух недель. Верхние и нижние «пики» настроения соответствовали fazam полнолуния и новолуния. Более того: в точно таком же ритме у исследуемых колебался и электрический потенциал».

Я оставил статью в каюте Голосеева сгоряча, желая ему досадить, даже не досадить, а укорить друга за не прощенное вторжение в космический покой лунных ратников, и ни о чем теперь так не сожалею, как о своем поспешном бегстве. Меняющие свои очертания башни необъясненного, едва сбыточного не нуждаются в чьей-либо защите. Чудо явлений чрезвычайных умеет постоять за себя...

Зеркало в саду

Над поющим ручьем я рассказал эту историю про лунных ратников скомканно, опуская многие детали. Собственно, рассказывал я для одной Лерки. И по глазам ее понял: она поверила мне во всем.

— У подобных героических былин один-единственный недостаток. Полное отсутствие вещественных доказательств,— сказал Тимчик и потянулся, как кот.— Пленка утопла, а пузырек с приворотным зельицем... Не сомневаюсь, он тоже был с отвращением брошен в Тихий океан и посему стал добычей рыб. Они облизывают пробку и получают способность кувыркаться в воздухе. Некоторые даже наловчились пожирать перелетных пташек. Но только в новолуния и полнолуния.

Лерка стиснула голову руками, как от нестерпимой головной боли, хотела что-то сказать мужу, но я ее предупредил:

— Он прав. Сосуд я забыл в каюте теплохода. Тогда, в Кальяо.

— И ты все еще не хочешь, Леруня, верить, что твой супруг ясновидец,— не унимался Андрогин.

— А с Голосеевым помирились? — как бы не расслушав его, спросила Лерка.

— Мы с ним не ругались. Он приплыл с «Перуном» через месяц. Он клялся, что и в самом деле разыграл меня. Что в коробке была пленка с финишем «Золота инков» и церемонией награждения. Но мне почему-то было уже все равно. Я готовился к «Ожерелью Пиренеев» с другим напарником. С Ашотом Мелкуяном. На «Серебристом песце».

— Тары-бары-растабары, серебристые песцы,— забавно пропел Тимчик.— Не пора ли нам, пора. Вперед, к мрачной пещере Леркиных тайн! Наши тайны, русские, отечественные, маленько похлеще ихних, перуанских-заокеанских. Но тоже без вещественных доказательств.

«Зря я злоблюсь на Тимчика,— подумал я.— Его привычка все осмеивать, все пародировать, надо всем острить все не прихоть, а жизненная потребность. Это его пища. Без нее он не сможет существовать вообще. Как не смог бы сочинять скопища залихватские статьи в периодике без раскачивания чужих цитат, без переваривания (и перевирания) чужих мыслей. Он поглощает чужое, а получается прude бы свое. И в этом, только в

этом — секрет несокрушимости кандидата химических наук».

Мы двинулись в путь.

Через полтора часа мы вышли к серному источнику. Струи теплой шипящей воды били прямо из скалы на высоте вытянутой руки, и крутиться под живительным дождем было наслаждением. Тимчик купаться не захотел — он что-то записывал в блокнот. Здесь мы пообедали. Дальше нужно было подниматься вверх по ущелью Тас-Аксу. В переводе это означает «река белых камней». Лерка перевела удачнее — «белокаменная». По ее словам, отсюда оставалось ходу около двух часов. Следовало поторопиться, чтобы успеть к ночлегу хотя бы в сумерках.

Я шел за Леркой по скользким плоским камням. Река звенела. Несколько раз я замечал на перекатах быстрые тени рыб. Жаль, что размотать удочку придется лишь завтра. В многоугольнике неба завис недвижно серпоклюв — голубая стрела с двойным опереньем,ложенная на тетиву бледно-бирюзовых крыльев.

Я начал мысленно перелистывать страницы красной ученической тетрадки в клетку, которую дала мне прочесь Лерка в первый же день моего прилета. Лерка сказала, что вызвала меня в Алма-Ату только за тем, чтобы я прочитал эту тетрадь и помог ей в остальном...

«Почему лишь теперь, весной, в апреле, я решаюсь занести на бумагу все то, что следовало записать, притом незамедлительно, еще тогда, прошлым августом. Ведь недаром говорят, что уже через неделю после какого-либо события его подробности оскудеваются в памяти наполовину. Впрочем, я не опасаюсь этого. Те подробности не оскудеют в памяти вовек, хотя случившееся не только Тимчику, но и мне порою представляется сном. Вернее, сном во сне. Как у Лермонтова в стихотворении «Сон», где «в полдневный жар в долине Дагестана» герой видит во сне самого себя смертельно раненным, спящим мертвым сном, а в том, другом сне, он созерцает заснувшую юную деву, которая также грезит во сне («И снилась ей долина Дагестана, знакомый труп лежал в долине той, в его груди, дымясь, чернела рана, и кровь лилась хладеющей струей»). Выходит, сон даже тройной, точнее, строенный...

После того как Тимчик поднял меня на смех (слова богу, ему хватило порядочности не трезвонить, как обычно!), я решилась вообще отмалчиваться, даже отца

обошла, хотя неустанно, навязчиво думала лишь об этом. В ноябре я не поехала с Тимчиком в Венгрию, промаялась всю зиму в библиотеке над диссертацией, сочинив, к ужасу Тимчика, страниц тридцать, не более.

Говорят, на Востоке существует болезнь с мудрым названием «смертельное томление от воспоминаний». Человек способен даже умереть от невозможности еще раз пережить наяву событие, врезавшееся в память. Например, последнее свидание перед вечной разлукой...

Теперь поняла: записываю, чтобы оставить какой-нибудь документ. Как сказано в «Мастере и Маргарите», рукописи не горят...

Но начну по порядку.

Середину августа я провела в альпинистском лагере. Мы готовились к траверзу трех вершин, включая пик Авиценны. Сборы проходили нормально. Наш тренер Джумагельдинов был доволен мною. Но буквально на кануне штурма я слегка под простудилась (тайно поплескалась в ледяном ручье, жара стояла страшная). Наутро я захрипела, и меня — о ужас — не взяли. Уверена, что Марат Иннокентьевич посмотрел бы сквозь пальцы на легкую простуду, но Цецилия Аркадьевна, эта толстая змеюга с красным крестом, уперлась — и ни в какую. Все-таки улучила момент отомстить за то, что ее Яков Борисович тайно прислал мне двести больших садовых ромашек ко дню рождения, а простодушный Тимчик всех оповестил...

Утром они всемером ушли на траверз, без меня. Я плакала немного у ручья, опять искупалась и решила в отместку бросить альпинизм до конца моих дней. Во всяком случае, дожидаться их триумфального возвращения через неделю я не собиралась. В конце концов, до перевала Трех Барсов спускаться чуть больше суток. Дорога удобная, не опасная. Заночевать можно у слияния ручья с Тас-Аксу. Это немного выше серного источника. А от Трех Барсов легко уехать на машине: раз в день она приезжает к чабанам.

Положив в рюкзак одноместную палатку, спальный мешок, кое-что из еды (точнее, две банки тушеники, хлеб, сгущенку), я оставила на видном месте записку, где объясняла, что по неотложному делу возвращаюсь через Трех Барсов. Этим путем я ходила десятки раз, чаще всего с филфаковцами, сдающими нормы на значок «Альпинист».

Погода стояла изумительная, рюкзак совсем не оття-

гивал плечи. К заходу солнца я легко спустилась к месту ночевки. Обычно мы разбивали палатки на левом склоне ущелья. Там был удобный выступ на скале, площадка метров шестьдесят, поросшая травою и шипигой, как у нас называют низкорослый горный шиповник. Утром, на восходе солнца, с выступа хорошо было наблюдать, как лучи пробивают туман по всему ущелью, как внизу сливаются узкий пенящийся ручей с большой речкой. Я говорю «большая речка» условно, в тех местах Тас-Аксу не такая уж и широкая: в августе через нее перескакивают с камня на камень.

Я поставила палатку вплотную к скале, поужинала всухомятку и сразу же заснула как убитая.

Среди ночи меня разбудил страшенный грохот. Земля подо мною вздрогивала. Где-то рядом рушились камни. Но вскоре все успокоилось. Кто часто бывает в горах и видит (а еще чаще слышит), как сходят лавины, кто знает коварный норов каменных осыпей, тот не особенно нервничает при подобных звуках даже среди ночи. И я опять забылась.

Мне привиделась Земля из непомерных космических глубин. В хороводе среди других планет она светилась, словно купол одуванчика. Она пульсировала как живое существо, и по мере приближения к ней... Нет, сначала важно описать, как именно я приближалась к Земле в том сновиденье.

Я сидела в чем-то похожем на глубокое кресло-качалку, а вокруг цвел диковинный сад. Ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений переплетались так тесно, что представлялись единым цветущим организмом. Куда ни посмотришь, всюду клубящимися волнами простирались к близкому горизонту многоцветные кроны. Странность состояла в том, что по мере удаления они становились все выше, все круче, как будто я оказалась на самом дне пестро раскрашенной воронки, причем чаша горизонта была не выпуклой, как у нас на Земле, а вогнутой.

По краям чаши слабо фосфоресцировало скрученное в жгут сияние, уходящее в отуманные звездные дали. Волшебный сад приближался к Земле, несомый тихо крутящимся смерчем, но когда уже обозначились рваные края материков и среди них разводья морей, меня начало охватывать беспокойство. Я показалась сама себе дрожащим язычком пламени среди разгульных ветроворотов Вселенной...

Беспокойство мое усилилось, когда повсюду на лице земном, даже на белых шапках полюсов, стали различны сотни, тысячи ядовито-синих огоньков. Все они исторгали жесткие прямые лучи, какие испускают ядра звезд.

И явилось припоминание, что мой сад в тысячелетних странствиях по океану вечности время от времени устремлялся к подобным живым планетам, но, если замечал такие страшные огни, всегда улетал прочь. Я пыталась вызвать в памяти те слова, жесты, заклинания, следуя которым сад избежит опасности, и не могла вспомнить.

По всей оболочке смерча начали проступать коричневые пятна, которые сразу же чернели, пока сад не скрыла блистающе-черная тьма...

И я проснулась. По крыше палатки били тяжелые капли дождя. Не вылезая из спального мешка, я слегка приоткрыла полог.

Рассвело. Пухлые тучи с грязными разводьями по бокам сползали вниз по ущелью. Прокатился гром. Синоптики, как водится, ошиблись. Ну что ж, придется топать под дождичком, нам не привыкать. Штормовка — защита надежная, а на ногах у меня были ботинки с «кошками» — в них не поскользнешься. Об одном я жалела: еще вчера решила сначала искупаться в серном источнике, а уж потом завтракать. Говорят, можно сбавить вес сразу килограмма на два. Ладно, придется обойтись без купаний. Только вот ребят жалко: каково-то им там, на высоте. Наверняка у них завьюжило, притом дня на три, не меньше. В августе погода в горах портится исключительно редко, но уж если испортится...

Я быстро собрала палатку, надела рюкзак и двинулась туда, где от пышного куста боярышника начинался довольно крутым спуск в ущелье. К моему удивлению, сразу за боярышником обнаружилась пустота. Спуска как не бывало. Землетрясением вырвало огромную часть скалы, она рухнула, запрудив Тас-Аксу. Сквозь клубящиеся тучи было нелегко разглядеть, насколько массивна плотина, но я не сомневалась, что Белокаменная прорвет любую преграду. Так просто ее, голубушку, не усмиришь, помню, подумала я, но сразу же резануло как скальпелем: а спускаться теперь где? Я оказалась на карнизе, в западне. Сверху — скала метров на полтораста, без веревки и крючьев делать там ничего. Снизу — пропасть метров семьдесят, попробуй сползи...

Я сняла рюкзак, присела на него. Спокойствие, прежде всего спокойствие. Как поступают в подобных передрягах бывалые альпинисты, ну, например, тот же Марат Иннокентьевич?

— Во-первых, надо набраться терпения и ждать помощи. Она обязательно придет,— сказала я голосом Джумагельдина.

— В данном случае помочь придет не раньше, чем через неделю,— отвечала я Марату Иннокентьевичу.— Вы вернетесь с покоренных вершин победителями, запросите по радио Город и кинетесь меня искать. Но за это время я умру здесь возле боярышника. С моими запасами еды долго не протянешь, а главное — у меня с собою ни капли воды.

— Можно жевать плоды шиповника и слизывать воду с камней. Даже если нет дождя, утром на камнях проступают капли росы. А уж если льет дождь, проблем с водой никаких. Надо греться у костра, сжигая прошлогоднюю шипигу, и ждать помощи. Наверняка какие-нибудь «дикари» пойдут от Трех Барсов вверх, по ущелью,— обнадежил Марат Иннокентьевич.

— Надежды на «дикарей» никакой,— вздохнула я.— Когда погода портится, «дикари» скатывают палатки и возвращаются восвояси.

— В крайнем случае можно разрезать палатку, спальный мешок, даже рюкзак на полоски, связать их морским узлом и попытаться спуститься...

— Марат Иннокентьевич, у меня с собою только консервный нож. Им палатку не разрежешь. Кроме того, я никогда не решусь спуститься и на десять метров по связанным огрызкам, даже если бы я нашла в себе силы рвать брезент зубами,— возразила я.

— Тогда остается спокойно сидеть в непромокаемой палатке и все-таки ждать помощи,— сказал после некоторых колебаний Марат Иннокентьевич.— Только без паники и судорожных всхлипываний.

Да, положение было незавидное.

Я взялась за толстую ветку боярышника и немного наклонилась над пропастью: а вдруг все же возможно проползти, как ящерица, средь расщелин. Конечно, без рюкзака. В конце концов его можно просто спихнуть вниз, а потом отыскать среди камней...

Но недаром сказано, что благими помыслами вымощена дорога в ад. Подо мною блестела мокрая отвесная стена.

Справа из скалы, наискось, в мою сторону, нависла глыбина довольно-таки странной формы. Она напоминала часть скрученного в продольном направлении кристалла, расширяющегося к концу наподобие граммофонной трубы. Этот-то расширенный торец, вернее, какая-то часть его, поскольку глыба переходила в скалу, нижним полукруглым основанием упиралася в заросли шипиги на моем карнизе. Кристалл в отличие от серой блестящей скалы был тускло-черным, точь-в-точь антрацит. В детстве наша семья жила на Кузбассе, в Осинниках, и я вволю наладилась со сверстниками по шахтным отвалам.

Помню, я обрадовалась необыкновенно. Пусть я прокукую на карнизе даже неделю, но зато я стала первооткрывательницей здоровенного угольного пласта.

А ведь еще неизвестно, на сколько уходит эта за кругленная глыбина в земные недра. Кто может поручиться, что здесь не целое угольное месторождение! И это в условиях, когда планете грозит энергетический голод, о чем меня не раз предупреждал Тимчик, когда я по забывчивости забываю погасить свет в ванной. Сейчас каждая тонна угля и торфа на учете, даже старые выработанные шахты вновь начинают действовать.

Я подошла к торцу, провела рукой по гладкой поверхности. И удивилась. Буквально в сантиметре от угля пальцы наталкивались на невидимую преграду. Более того: тускло-черный торец пласта оставался под дождем абсолютно сухим. Непонятно как, но струи дождя не касались этого угля. Они плавно отклонялись чем-то и соскальзывали вниз...

Само собою разумеется, дальнейшая моя занимательность ни в чем не убедит, но я подчеркиваю: пишу только правду, сколь бы фантастичной ни предстала она из последующих событий.

Я увидела их. Точнее, вначале одного из них. В торце обнаружился золотистый глазок и начал расширяться наподобие диафрагмы фотоаппарата. Как только глазок начал расти, я схватила рюкзак и отбежала к скале, хотя бежать, в общем-то, было некуда, а спрятаться негде.

Из глазка (а он расширился до размеров парашютного купола) медленно вылетел огромный скафандр, примерно такой, как для глубоководных исследований, тускло-черный, как и кристалл. Ростом (длиной? высотой?) он был — вместе с парой низких конечностей —

метров пять, не меньше, диаметр головы (то есть не головы, а скафандра, тут я до сих пор теряюсь) больше метра. Это сейчас я спокойно пишу: пять метров, один метр, но тогда мне было не до вычислений и не до сопоставлений с куполами парашютов. Я вся сжалась от ужаса и бессилия в своей залатанной штормовке, такая навалилась тяжесть, будто я начала окаменевать.

Он вылетел из глазка, который сразу затянулся, сомкнулся. За ним вилась тусклово-черная веревка, даже не веревка, а жгут сияния, сгущенного до черноты. Несколько раз переворачиваясь в воздухе, он поплыл вдоль кристалла по направлению к скале и... растворился в ней. Сначала в скале исчезла рука, затем голова, другая рука, туловище, ноги. В общем, он весь исчез, остался только плавно перемещающийся черный жгут. Он нырнул в скалу, как мы ныряем в теплое море,— без видимых усилий.

Потом через глазок выскользнули еще двое — точные копии первого. Они тоже довольно скоро скрылись в скале, правда, в разных местах, но один сразу же возвратился и исчез в томутневшем глазке.

Так они путешествовали туда-сюда часа три, не меньше, и все это время я стояла как полоумная под дождем, у мокрого рюкзака, проклиная свою злосчастную судьбу и отказываясь верить происходящему. Удивляли меня даже не сами антрацитовые чудища — удивляло полное их безразличие ко мне. Они не предприняли ни малейшей попытки познакомиться, ни малейшей. Да что я говорю: познакомиться. Хотя бы рассмотреть меня. Не червяка, не букашку несчастную, не мерзкую рептилию — меня, самое разумное существо во всей Вселенной, как пишет в своих статьях Тимчик. Я была для них как камень, как струйка дождя, как колючка шипиги — без-раз-лич-на!

— И вы мне безразличны, угольные скафандрьи, — шепотом сказала я. — Мне все равно, как вы оказались со своим кристаллом в скале. Мне все равно, обитаете вы внутри Земли, как кроты, или пожаловали к нам из небесной преисподней. Можете туда и убираться, я вас не держу.

Меня одолевал волчий аппетит. Я растянула палатку, вскрыла тушенку, честно отмерила полбанки и проглотила с хлебом, почти не жуя. А запила водою из лужицы возле рюкзака.

Все так же сеялся дождь, брели по ущелью тучи, ревела внизу раздувающаяся, подпертая рухнувшей скалой река, и все так же кувыркались возле своей граммофонной трубы скафандринки — так я решила их окрестить. Иногда они появлялись, держа в лапах то несколько спиралей, то серебристые трезубцы с рукоятками в виде цифры 8, то связку шаров, внутри которых плавали другие шары, тоже заполненные шарами, в шарах-то вообще бог весть что,— преимущественно черного цвета.

Так наступил вечер. Стемнело. Я промокла до нитки, но палатка изнутри оказалась сухой, спальный мешок тоже. Я доела тушенку, сняла мокрую одежду, но уснуть никак не могла. Хотела бы я посмотреть на того, кто смог бы уснуть в моей ситуации!

Допустим, вы инопланетяне, рассуждала я. Допустим, у вас сверхважная работа, например, попали в катастрофу и теперь спешно ремонтируете свой корабль, если кристалл и есть ваш корабль. Но ведь корабль могут соорудить лишь высокоразумные существа. Так отчего же вы, братья по разуму, не поможете попавшему в беду представителю рода человеческого? К тому же женщине, притом молодой. Чего вам стоит перенести ее на другую сторону ущелья? Вам, свободным от уз тяготения земного? Опасаетесь последствий контакта? Или, как в рассказе Рэя Брэдбери (которого, к сожалению, недолюбливает Тимчик за то, что тот якобы мистик), мы с вами из несовместимых миров, и наши руки пройдут одна сквозь другую, как две живые тени? Но ведь я трогала ваш кристалл, я чувствовала его упругость, если не его самого, то хотя бы преграды, его стерегущий...

Разбудило меня сияние солнца, сопровожданное раскатами грома. Было жарко, как в полдень на пляже. Часы показывали половину третьего. Быть не может, чтобы я проспала чуть ли не целые сутки, подумала я, выглядывая из палатки.

Я ошиблась. Стояла глубокая ночь. Но над их кристаллом, над моим карнизом переливался великанский купол, как бы сотканный из солнечных лучей. Я даже видела, как бисеринки дождя соскальзывают по краям золотого сияния, но сквозь купол они не проникали. Над ночным Тянь-Шанем плескались потоки дождя, молнии перепахивали небо, бормотал гром, а у слияния ручья с Белокаменной взошло маленькое солнце и быстро

высушило досуха палатку, штормовку и даже ботинки той, что случайно оказалась под его лучами.

Мой кристалл переменил свой цвет. Теперь он стал фосфоресцирующе-серебристым, а плавно изгибающийся торец был вообще прозрачный, и там, внутри, сквозь радужную перегородку просматривались ветви, листья, лепестки, бутоны неведомых мне растений. Они переплелись так тесно, что казались единым цветущим организмом. Не было верха и низа, не было отдельно пола, стен, потолков — по всем стенам клубились волны многоцветных крон. Странность состояла в том, что по мере удаления в глубь кристалла они становились все выше, все круче, как бы предвещая просторы без края и конца...

Я чуть не вскрикнула от удивления; это был мой волшебный сад, но в чем-то (или чем-то) неузнаваемо преображеный.

Три моих скафандрика (они тоже стали серебристыми) летали над соцветьями, манипулируя своими шарами в шарах, трезубцами и спиралями.

Таясь, как зверек, обдирая лицо, коленки, руки о колючки шипиги, я подползла поближе. Они что-то делали со своим сладостно дремлющим садом, но что именно, понять мне было, видимо, не дано.

Там, где в космических глубинах кристалла смыкались буйные кроны, мерцал сумеречный овал. «Как кружащиеся по своду земному созвездья охраняют покой Полярной звезды, так и кроны стерегут подобные зеркала», — подумала я и сама удивилась прихотливости моей, но и как бы не моей мысли. В зеркале проглядывались сгустки туманностей, завихрения диковинных миров, двойные, тройные звезды, роящиеся планеты, спиральные рукава. Среди этих песчинок вселенского хаоса плавно перемещались серебряные вихри, чем-то похожие на те, что восстают в пустыне Бек-Пакдала (где мы были на практике), предвещая смертоносный самум...

«Чудесный этот сад — двигатель корабля-вихря, — как в озаренье, подумала я. — Почему-то он у них разладился, и они его чинят. Жаль, что я ничем не смогу им помочь».

До сих пор для меня загадка, как мне приходили в голову все те странные мысли, когда я, залитая среди ночи лучами солнца, пряталась в траве, хотя прятаться было не от кого.

Помню, вслед за догадкой о саде-двигателе я начала размышлять, зачем к осени уплотняется среда земной

биомассы, перед тем как смениться зимней пустотой. Зачем наливаются соком яблоки, тучнеют нивы, тяжелеют плоды? А что, если эта ежегодная пульсация растительных веществ — залог движения земного времени? — подумалось мне.

И сразу Земля представилась живым зерном в роднике вселенского бытия.

Я думала о высоте небесной, глубине земной, широте и беспредельности мирозданья.

И мирозданье раскрылось мне вдруг, как цветок, колышущийся среди солнечных дуновений.

И как в теле человеческом, во Вселенной все было связано со всем, все отражалось в другом, и другое в себе отражало все предметы, явления, вещества, времена...

И небеса были частью меня, и я — небесами.

Кристалл был посланец непредставимо красивого мира, но почему-то сама мысль о соприкосновении наших двух миров показалась мне таинственно страшной и не-постижимой...

Не помню, сколько я пролежала в шипиге, но это были лучшие мгновения в моей жизни.

Пока снопы солнца не погасли и не хлынул вслед за тем дождь.

Я проснулась поздно. Ломило голову, особенно в висках. Дождь барабанил по стенам палатки. Я ощупала рюкзак, штормовку, ботинки. Все сухо. Значит, то ночное солнечное видение было наяву.

В черном кристалле глазок открывался и закрывался: садовники работали.

После обеда, не дождавшись верительных грамот, я уже твердо решила: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. В конце концов откуда скафандрикам знать, что я существо разумное. Я должна им это доказать.

Я улучила момент, когда глазок начал расширяться, и с бьющимся сердцем подбежала к торцу.

— Приветствую вас, звездные братья! — завопила я вылетевшему скафандрину и поманила его к себе рукой: — Спасите меня, пожалуйста!

Никакого внимания. Он прошествовал, покачиваясь, по воздуху и растворился в скале, как привидение.

«Ну нет, просто так я не отступлю, господа-товарищи звездные садоводы. Я вам не птичка с побитым крылом,— вдруг озлобилась я.— Мои предки написали

«Слово о полку Игореве», «Тараса Бульбу», «Тихий Дон», «Мастера и Маргариту». Они живой глициною встали на пути кочевых разбойничьих орд с Востока и некочевых монстров с Запада. Мои предки не истребляли народы, продвигаясь к Великой Воде, как это делали ваши Писарро и Кортесы в Южной Америке. Мои предки знали истинную цену дружественным контактам, о чем можно судить хотя бы по их древней пословице: «Неправдою весь свет пройдешь, да назад не вернешься».

Я вернулась в палатку, вырвала из блокнота несколько листков и нацарапала карандашом: на одном — модель солнечной системы, жаль, что не все планеты вспомнила; на другом — теорему Пифагора — треугольник с тремя квадратами на сторонах, как учили в школе, и модель атомного ядра (я перерисовала по памяти ее изображение с транспаранта над воротами республиканской выставки достижений народного хозяйства); на третьем — ракету и в ней маленького человечка (поразмышлив, точно такую же ракету я изобразила на первом листке — летящей с Земли на Луну). На четвертом листке сле улеглись два земных полуширья. Материки я нарисовала приблизительно, только Австралия и Африка получились сносно. Но зато уж я не пожалела дефицитной импортной пасты для подкрашивания век и всю планету испещрила голубыми огньками. «Получайте обратно ваш насильтственный сон на тему атомных бомб! Попробуйте только не понять, что к чему,— бормотала я.— Разнесу альпенштоком в клочья и расчудесный ваш сад, и вас самих заодно, бесчувственные истуканы!»

Оставшийся листок целиком вместил русскую пословицу, написанную мною латинскими буквами (боюсь, что с ошибками):

NEPRAVDOJ VES SVET PROJDEJOSH
DA NASAD NE VERNJOSHSJA!

Захотят — поймут!

Вот так, с альпенштоком и кипою листов, грязная, голодная, но полная решимости наладить проклятый контакт, я предстала перед торцом. Первого же скафандрника, поскольку он, конечно же, не соизволил удостоить меня вниманием, я больно тюкнула по ножице.

И ведь подействовало! Он перевернулся вверх тормашками, приспустился на уровень моей головы, застыл

в воздухе, чуть раскачиваясь. Было страшновато, но я приложила листки прямо к черной его головище, поскольку рука его плавала метрах в двух надо мною. Странное явление: листки точно провалились в его шлем. Их просто не стало. Он сразу скрылся в глазке, и около часа скафандринки не появлялись вообще.

Наконец один показался, не знаю уж, который из них, подплыл к палатке, где я ждала результатов сме-лого своего опыта. В лапе у него была зажата лопатка вроде тех, чем пирожное подают, размером, понятное дело, метра три, не меньше. Лопаткой этой начал он осторожно подталкивать меня в сторону кристалла.

— Нечего меня пихать своей железякой, красавец скафандр,— сказала я ему.— Сама пойду к месту пе-реговоров. А коли умела б, как ваша милость, булты-хаться в воздухе, то и полетела б хоть на метле.

Но, как выяснилось, толкал он меня не к кристаллу, а к краю пропасти...

— Думай, что тытворишь, звездный зверюга! — кри-чала я.— Я не могу порхать, как ты! Разобьюсь! А тебе за меня отомстят!

Все же я сумела увильнуть, рванула дикими прыжка-ми по шипиге и спряталась в палатку.

Но это меня не спасло. Видно, они единогласно воз-намерились меня погубить, не знаю уж за какие грехи.

Палатка оказалась в воздухе вместе с колышками. Скафандр опять погнал меня, как скотину безмозглую, к краю карниза. Я попробовала объяснить жестами, что, в общем-то, я не против оказаться на той стороне, но что пропасть для меня неодолима, что нужен канат, мост, все, что угодно, иначе тело мое найдут на острых каменьях внизу, растерзанное хищниками.

Пока я на пальцах пыталась что-то объяснить, он ловко поддел меня своей черной лопатой, приподнял над карнизом, пронес над боярышником и метрах в трех от края пропасти — в воздухе над пропастью! — начал наклонять лопату все круче. И вот я с лопаты соскаль-зываю...

— Будьте вы прокляты, мрачные пришельцы! — успела прокричать я перед смертью.— Будьте трижды прокляты!

Но в пропасть я не упала. Я соскользнула на что-то упругое, невидимое, чуть дрожащее подо мною.

Помню странное ощущение, нет, не страха. То было сознание собственного унижения, как если бы я внезап-

но оказалась обнаженной на ученом совете, среди ласково улыбающихся старцев и пунцовых от негодования дам.

Я примерилась было вцепиться хотя бы в ту же гнусную лопату, но изувер отплыл от меня и спокойно наслаждался моим несмыываемым позором.

Стыдно признаваться даже самой себе, но тут я опустилась на четвереньки и, как собачонка, да, как затравленная собачонка, поползла, поковыляла, но не туда, к спасению, а сюда, обратно, ведь карниз-то был вот он, рядом. Одной рукой я нащупывала эту подрагивающую подо мною штуку, а сама старалась не смотреть вниз, где шевелился туман.

Но он вернул меня. Лопата, как черная стена, встала передо мной и отодвинула меня от карниза. Я повернулась, заплакала и поползла.

— Ползи, карабкайся, говорящая собачонка,— бормотала я.— Сейчас они выключат это, чтобы позабавиться, как ты рухнешь в пропасть, вон туда, где ревет и перехлестывает через запруду Тас-Аксу. Пусть ревет и перехлестывает. Она сметет завал и сразу вниз, в долину, покатится грозный сель,— грязь, смешанная с камнями и стволами деревьев. Ну и ладно. Пусть тело мое поглотит грозный сель. Чтоб и костей не осталось.

То, по чому я ползла подобно букашке, было на ощупь чуть шершавым, как плексиглас. И немного во-гнутым с боков, как если бы я находилась в невидимой большой трубе. Чудилось, что от него исходит розоватое сиянье.

До противоположного склона ущелья ползти оставалось еще порядочно.

Ползти? А почему, собственно, я, Валерия Марченко, должна ползти чьей-то потехи ради? Кто дал мне право, мне, представительнице земной цивилизации, так унижаться неизвестно перед кем, из бог весть каких захолустий вселенских? А может, это беглые каторжники из созвездия Гончих Псов? Как и зачем очутились они со своей черной колымагой внутри скалы? От кого они там прячутся? Почему не показывают своих лиц, если у них вообще есть лица! Почему столь бесцеремонно прогнали меня, заполучив кое-какую информацию на пяти страницах блокнота?

Я поднялась и маленькими шагами, хотя и неуверенно, пошла по воздуху. Сердце билось так сильно, что от его ударов (так мне казалось) и содрогалась невидимая

дорожка, по которой я уже шла. Да, шла! А вы уж поступайте со мною как заблагорассудится, ползущие космические гады!

Последние метры были самые тяжелые. Каждый миг я ожидала, что сейчас вот, именно сейчас, пыточных дел мастера меня и прикончат.

Но ничего не случилось. Там, где еле угадываемое розоватое марево упиралось, как в клемму, в обнаженную скалу, я соскочила в шипигу, бросилась бежать вверх по склону, пока не вскарабкалась на знакомую туристскую тропу. Я упала вниз лицом на мокрую траву и нарыдалась вволю.

Когда я пришла в себя и подняла голову, то увидела перед собой своего черномазого избавителя с лопатой. На ней лежали палатка и все прочее. Вися наискось в воздухе (полноги утопало в земле), он наклонил лопату — вещи соскользнули ко мне.

Я поднялась и сказала:

— От всей души благодарю вас за спасение, звездные кавалеры. Не знаю даже, чем отблагодарить. А ведь долг платежом красен.

Лопатоносец безмолвствовал.

Я заметила рядом, у орехового куста, мокрый красивый цветок, у нас их называют фазаньими хвостами. Я сорвала его под корень, положила на лопату. Помню, цветок притянуло как магнитом.

— Нюхайте на здоровье этот желто-красный цветок и не поминайте лихом, загадочные садостроители,— сказала я.— Понимаю, что вы при всем желании не смогли бы вручить мне ваших цветов — ведь любой из них размером с наше дерево. Под него нужен не кувшин, а целая цистерна. Зато фазаний хвост вполне уместится в вашем наперстке. И надеюсь, украсит ваш поетешний сад. До следующей встречи! Хотелось бы на прощанье услышать звездную мелодию из вашей граммофонной трубы. Явите великую милость, сыграйте!

Дождь совсем перестал. Я смотрела в сторону карниза, куда теперь летел над пропастью награжденный цветком мой спаситель. И вдруг поняла, на что похож тусклочно-черный, расширяющийся к торцу кристалл. На смерч. На вихрь. На столбовой ветроворот, как их называли в старые времена. Правда, большая часть смерча — в этом я была, непонятно почему, уверена — покоялась в скале, но, подобно тому, как по обрывку

фотографии (а мне случалось их рвать!) узнаешь любимое лицо, так и я сразу распознала лик смерча.

Как же мне хотелось пить! Я слизывала капли с блестевших ореховых листьев, ощущая, как в меня вливается жизнь.

Тут раздался грохот, как при сходе лавины. «Ничего себе мелодийка звездная», — улыбнулась я сама себе. Черный смерч исчез, будто его и не было. Вместе с карнизом. На том месте рушились глыбы. В центре скалы зияло огромное отверстие.

Когда грохот двинулся вниз по ущелью, я поняла: Белокаменная разорвала свои цепи.

Через день я была в Городе...»

Подпирающие небо

Мы шли правым берегом Тас-Аксу. Склоны ущелья — метров на тридцать вверх — были ободраны, искорежены, будто вспаханы мотыгами исполинов. Ни деревьев, ни кустарника, лишь кое-где зелеными заплатами пробивалась молодая трава да валялись изуродованные стволы елей с начисто содранной корой. Приходилось огибать камни величиной со стог сена — их приволок сель. Житель равнин никогда бы не поверил, что говорливая безобидная река может натворить такое. Но я-то еще мальчишкой видел в краеведческом музее желтые фотокарточки начала века, где Город был за несколько минут сметен с лица земного такой же разбушевавшейся речушкой. Не пострадал лишь деревянный многоглавый собор, возведенный без единого гвоздя гениальным строителем Зенковым. В этом-то разноцветном узорчатом храме, похожем на Василия Блаженного, и размещался музей, когда я был мальчишкой.

Всю неделю после приезда раздумывал я над Леркиной красной тетрадью. Что-то тревожило меня в этих кое-где тщательно зачеркнутых строчках, наспех набросанных ее пляшущим почерком. До конца я так и не смог определить свое отношение к ее сумбурной исповеди. Я слишком хорошо знал Лерку, чтобы задаваться вопросом: верить или не верить. Даже если она предложила игру, то одну из тех игр, что реальнее самой жизни. Беспокоило что-то другое...

«Допустим, путешественники по Пространству или

по Времени сбились с пути,— размышлял я.— Оказаться они могут где угодно, об этом размышлял еще русский философ Федоров, учитель Циолковского. Действительно, при пространственно-временном переходе всегда есть риск очутиться хоть в жерле извергающегося вулкана. Они оказались в скале. Допустим, земля и воздух для них в равной степени чужеродны, причем не существует даже границ перехода от твердого к газообразному, поскольку их собственная среда обитания совершенно другая. Отсюда скафандры. Далее. При всей парадоксальности Леркиной мысли, что сад в кристалловидном корабле-вихре представляет собою единый живой организм-двигатель, я готов был согласиться и с этим, хотя смутно себе представлял механику подобного движения. Но как бы они ни двигались, в какой бы среде ни обитали, почему эти, несомненно, высокоорганизованные создания не пожелали объясниться?»

Да, вот это-то меня и тревожило: почему они не захотели вступить в контакт? Неужели мы такие уж примитивные твари...

«А лунные ратники,— вспомнил я.— Разве их не считают примитивными? Туземцы, дикари, погрязшие в суевериях,— это слова самого мэра, выходца из их же племени. А ведь не кто другой, как мэр рассказывал, что в ветхом дворце вождя на большой каменной стене выдолблен календарь, где помещены все солнечные и лунные затмения за несколько прошедших тысячелетий и еще на тысячу лет вперед. Что по этому календарю вычисливается ход всех планет солнечной системы, включая, например, Нептун, открытый человечеством лишь в прошлом веке. Что жрец накануне прилета Лунной Девы катает по деревянному блюду медный шар с изображением лунных морей, в том числе и тех, что на обратной стороне Луны. Что их кладбище охраняют с незапамятных времен каменные идолы с глазами и пупками из магнитного железа — возможно, тайна магнита была здесь проведана задолго до китайцев. Кому интересны их предания о многотрудных перелетах среди звезд в крылатых сосудах, начищенных ртутью и неведомым «жидким магнитом»? Кто заинтересуется тем, что они вообще не болеют раком? Кто вступит, наконец, с ними в контакт? С ними, с нашими земными братьями, не унесенными галактическими вихрями в забвенье вечных звездных снегов? Почему они нам неинтересны?»

В ущелье заползали сумерки.

— Поднажмем, восседающие в колесницах,— сказала Лерка.— Ты, Тимчик, смотри, совсем из силы вы biscялся, это тебе не статейки ловко стряпать. Но ничего, вон за тем поворотом надо перебраться через реку, взять еще один подъемчик — и мы у цели. Утром оттуда любоваться ущельем — ничего сладостней не придумаешь.

— Все в мире сладости уже слизнули до нас другие,— буркнул Тимчик.

Подъем мы одолели около девяти. Было уже темно. Мы наломали сухого хвороста, развели костер. Пока Лерка готовила ужин, мы с Тимчиком поставили их палатку под огромной елью, а свою я разбил метрах в тридцати, в кустах орешника.

Перед тем как вернуться к костру, я все же натянул свитер: вдоль ущелья поддувал довольно прохладный ветер. Звезды висели низко. Невидимая, перекатывала внизу камни река.

— А что, братья по разуму, спрыснем коньачком завершенье паломничества ко святым местам,— задремал привычно Андрогин и уже отворачивал, отворачивал крышку.— До дыры инопланетной отсюда небось рукой подать, а, женушка? Ежели рука длиною метров триста с хвостиком, да?

— Напрямую здесь втрое меньше. Мы по правую сторону ущелья, а карниз был на левой. Солнце взойдет — я тебя разбужу, засоня, и сам все увидишь,— отвечала Лерка. Я позавидовал ее спокойствию.

— Покуда солнце взойдет, роса очи выест. Слыхала такое, богиня-филология? Я тоже поднатаскан в пословицах, обожаю плоды народной мудрости. И поступлю мудро, отметив себе двойную дозу пятизвездочного. Нет возражений? Принято единогласно. Устал я сегодня зверски. Отвык передвигаться на своих двоих. То ли дело автомобильчик!

Он опрокинул почти полный стакан, начал торопливо жевать мясо, но и жуя, не переставал балабонить. Словеса вылетали из-под его чудовищных усов, как пена из-под водометного катера.

— В другой раз, глубокочтимый месье Таланов, пожалуйста, к нам на «Серебристом песце». Будем по горам ездить и охотиться на круглогих баранов. По горам, по долам ходят шуба да кафтан. Муж с женой бранятся, да под одну шубу спать ложатся. Завтра высеку эту мудрость на скале. Латинскими буквами.

Примерно через полчаса, после третьего тоста (он пил здоровье прекрасных дам), Тимчик был готов. Хотя и не верилось, что настолько, чтобы ползти к палатке, приговаривая: «Кто утром на четырех, днем на двух, вечером на трех...»

Прежде чем влезть в палатку, он повернулся к нам голову и проговорил достаточно внятно:

— Я усну, а вы тут немного поразвлекайтесь... гм... разговорами. Словопрениями, так сказать. Но глядите, не угодите в пропасть, не то придется обоих спасать, однокласснички.

Уже через минуту тишина огласилась блаженным Тимчиковым храпением.

Мы молчали долго. В костре сгорали и рушились фантастические строения. Я подбросил охапку ветвей.

— Не обращай, пожалуйста, на него внимания. И не злись на него,— сказала наконец Лерка.— Он любит поговорить, быть в центре любых событий.

— Он много чего любит,— сказал я.

— Прежде всего он любит меня. Без памяти. Как никто никогда меня не любил. Никто и никогда,— сказала твердо она.

— Никто и никогда,— согласился я.— Кроме того, он человек слова. Он сдержит обещание, чего бы это ему ни стоило. Благоговею перед теми, кто не нарушает обещаний.

— А я жалею тех, кто, заполучив обещание, ни с того ни с сего бросает свой дом, институт, друзей детства и, ослепленный ревностью, исчезает на целых два года. Так что ни слуху ни духу. А потом вдруг возвращается к своему любимому деревцу в надежде, что не сломана ни единая веточка,— сказала она и закрыла глаза.

— Таких мерзавцев нечего жалеть,— сказал я.— Завидя такого субъекта, даже если он не один, а в окружении друзей, надо влепить ему пощечину, вцепиться в волосы, обозвать позаковыристей и сразу же умчаться на попутном грузовике. Кое-какие словечки полезно кричать уже из кабины грузовика. Чтоб слышала вся округа.

— Ладно, Таланов, не будем ворошить веток. Голова немного кружится. Давай выпьем еще вот по столечку.— Она показала ноготь мизинца.— Ты знаешь, я пью дважды раза в году.

— Я тоже этой привычке не изменил,— сказал я

с ударением на последние два слова. Мы тихо содвинули стаканы. Лерка сказала:

— Во всем есть сокровенный смысл, даже в горестях. Вот шла я сегодня и думала. Я думала: в сказке для двоих с хорошим концом ты не увидел бы лунных ратников, а я — волшебный летучий сад. Жаль, что ты выбросил склянку с отваром... того цветка, о котором ты рассказывал...

— Гравейроса.

— С отваром гравейроса. Дело не в вещественных доказательствах, здесь Тимчика подводит его рациональность, да, он голый рационалист, это его недостаток. Я хотела бы глотнуть твоего снадобья, чтобы во сне увидеть Лунную Деву.

Я сходил в свою палатку, принес ей сосудик из обожженной глины и положил на протянутые ладони.

— Дарю навеки, Лунная Дева,— сказал я.— Хотя ты и без гравейроса прошла над пропастью.

Она поднесла ладони к костру, долго разглядывала подарок. Вытянула пробку, лизнула ее, зажмурилась, замотала головой.

И опять мы надолго замолкли.

— Пропасть... пропасть...— в задумчивости повторила Лерка.— Помнишь то место, где они кажутся мне посланцами непредставимо красивого мира, но мысль о соприкосновении таинственно страшна и непостижима? Той ночью у меня в сознании выплыла не помню где читанная фраза: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотяющие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят...» Что ты думаешь о красной тетрадке? Допускаешь, что я все придумала, от начала до конца? По неумелости не связав концы с концами?

Я объяснил, как мог, все, что думал на сей счет. Кажется, ей пришла по душе мысль, что для них не существует наших пространственных условий.

— Лучше бы, Таланов, оказаться на карнизе тебе. А мне у лунных ратников,— неожиданно заключила Лерка.

Она снова извлекла пробку из сосудика и понюхала. В свете костерка ее русые волосы отливали медью. Она пристально посмотрела на меня.

— Пахнет вечными снегами. Как тогда, на леднике Туюксу...

В восьмом классе, впервые поднявшись на Туюксу,

мы, помнится, долго разглядывали в подземной лаборатории ледовый керн — тонкий столб льда длиною метров в сорок. Как на срезе дерева, на нем пестрели годичные знаки — нет, не десятки, не сотни, а тысячи полосок. Кое-где стояли маленькие деревянные таблички с приклеенными бумажками, и на бумажках тушью от руки:

ДОГОВОР ОЛЕГА С ГРЕКАМИ... РАЗГРОМ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА... БИТВА НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ... СМУТНОЕ ВРЕМЯ... ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ... БОРОДИНО... СМЕРТЬ ПУШКИНА... ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ... ПУТЕШЕСТВИЯ ПРЖЕВАЛЬСКОГО... ЦУСИМСКОЕ СРАЖЕНИЕ... ПОДВИГ ГЕОРГИЯ СЕДОВА... ПОДВИГ ЧКАЛОВА... ПОДВИГ ГАГАРИНА...

Таблички поставил одноглазый старик гляциолог, похожий на волхва. Последние тридцать лет он безвылазно жил среди вечных снегов, рисовал акварели — фиолетовое небо, звезды, льды, слепящие взрывы лавин — и даже умудрялся кататься на лыжах.

У самого края керна мы с Леркой отыскали свой год рождения. До этого нам и в голову не приходило, что время что-то оставляет про запас: тают льды, упłyвают вешние воды, ветер сдувает лепестки цветущих лил, умирают в земле опавшие листья. Все исчезает, чтобы явиться вновь, бесконечно повторяясь. Оказывается, не все. Я из-за дерева бросаю в тебя снежок, а он пересекает линию света и тьмы и становится частью этого керна вместе с омертвевшими каплями из недопитого бокала Моцарта. А в твоем альбоме остается листок пирамидального тополя, под которым мы впервые поцеловались. Меняю все блага мира на полузабытую июльскую радугу, под которой ты бежала ко мне с букетом ромашек...

— Я тоже для тебя кое-что припасла, — сказала Лерка. — Сейчас достану из рюкзака.

Это был черный, скрученный, утолщающийся к торцам предмет размером с гантель. Удивляла его легкость, почти невесомость.

— Правда, он напоминает смерч? — спросила Лерка. — Я нашла его в рюкзаке наутро после... после того селя. Я назвала его смерченышем. Я сразу стала думать, что смерченыш — подарок от них, от скафандриков. Сувенир, что ли. Я никому его не показывала, хватит с меня издевательств Тимчика. Считай смерченыша ответным даром, восседающий в колеснице.

— Значит, всю зиму ответный дар так и пролежал в рюкзаке? — удивился я.— Ты все же выучилась долготерпению. Похвально. Представляю, чего это тебе стоило.

Она усмехнулась:

— Не издевайся, Таланов. Я его, конечно же, десятки раз вертела, как мартышка очки. И молотком по нему стучала, и щипцами пробовала, даже подержала немного над газовой горелкой. Ничем его не возьмешь. Ни единой отметины. В воде не тонет, в огне не горит.

Я притворно вздохнул.

— Догадываюсь, чего ты от него добивалась молотком да клещами...

— Как чего? Должен же быть в этой тайне некий смысл, некая польза, потому что тайна...— Тут она запнулась.

— Польза — а зачем? — спросил я.— Какая польза, например, жителям Хиросимы от раскрытия тайны атома? Там даже тени расплавились. А тысячи ослепленных зверей и птиц, несущихся прочь от термоядерного смерча в пустыне Сахаре. Об этом не рассказывал очевидец, причем во всех подробностях.

— Замолчи, Таланов, сейчас же замолчи,— зашептала Лерка.

Но я сорвался.

— Вот так и у тайны любви хотят вырвать пользу. Вырвать, выдрать с мясом! Клещами и молотком! Над газовой горелкой! У любви, что правит солнце и светила, как сказано в «Божественной комедии»...

Она упала головою мне на колени и беззвучно зарыдала.

— Таланов, что ты сотворил, Таланов,— выдыхала она.— Ты променял меня на коллекцию мертвых «Сребристых песцов». Ты несешься на них по всем дорогам мира, ты так бессмысленно несешься! А по обочинам ползают голодные дети! А под колесами хрустят кости живых лисиц, неоперившихся птенцов, панцири черепах! Для тебя днем и ночью заливают асфальтом милую Землю, скоро деревья останутся только в стенах разрушенных храмов да на неприступных кручах. Вы сметаете на пути все живое, железные роботы, восседающие в колесницах! А везде запустелые деревни! А в реках исчезает рыба! А уродов рождается все больше! Но вы слишком быстро летите, вам ничего не видно! Ничего! Ничего!

— Ничего, ничего, успокойся,— погладил я ее по плечу.

— Ничего ты не понимаешь. Даже наш город, наш лучший в мире город утопает в ядовитом тумане, с гор видно только телебашню, а раньше мы с тобою любовались из нашего сада желтыми берегами реки, это за семьдесят километров от города! Где тюльпаны? Отступили, уползли высоко к снегам! Где наш сад? Когда он цвел, его было видно с других планет! Знаешь ли, где он, наш сад? Наш сад вырубили! А помнишь, что мы делали в нашем саду, когда ты, гордость школы, знаящий наизусть всего «Евгения Онегина», еще не предал им меня, ни себя?! Таланов, что же ты делаешь, Таланов?

— Ничего, ничего,— только и повторял я.

...В те времена, когда бушующее весеннее пламя нашего сада было видно с других планет, мы всем классом иногда готовились в его густой траве к выпускным экзаменам. Школа была рядом, в четверти часа ходьбы. В конце апреля трая вытягивалась уже по пояс. Скоро полудня тени яблонь прятались к стволам, пчелы зависали в жарком воздухе, как в патоке, и когда ребята начинали раздеваться до трусов, девчонки дружно краснели: все были тайно друг в друга влюблены. Их своих светлых простенъках платьицах они казались нам бережем совершенства.

Обычно мы засиживались в саду до заката. Расходились поодиночке, но все знали, что, если исчезла Надя Шахворостова, значит, вот-вот заторопится домой Вовка Иванов. И впрямь: он вдруг вспоминал, что обещал отцу натаскать в бочку воды для пчелива.

Однажды получилось так, что мы с Леркой уходили последними. Солнце погружалось в красные просторы заречных песков. Из станицы — так по-старинному назывался наш пригород, где в добрых хатах с расписными воротами жили потомки семиреченских казаков,— сюда, в предгорья, подымался запах кизячного дыма: хозяйки готовили ужин. Я начал собирать наши тетради, когда услышал откуда-то сверху Леркин голос:

— Глянь, какие горы. Они как будто ползут вслед за солнцем.

Она забралась на верхушку цветущей ветвистой яблони. Я подошел к стволу и снизу, из травы, впервые увидел ее всю. Я увидел розовые ступни с тонкими

длинными пальцами, как на картинах художников Возрождения. И ободочки мозолей на пятках, просвечивающие светлой янтарной желтизной. И острые, начинаяющиеся округляться колени. И эту неправдоподобно узкую, ослепительно белую полоску трусов там. И мерно вздымающуюся и опускающуюся чашу живота.

— Слезай вниз, ты разобьешься,— прерывающимся голосом почему-то выкрикнул я.

Она зажала платьице меж колен и молчала. Тогда с бешено колотящимся сердцем я, сбивая сучки, полез вверх.

Левой рукой она держалась за тонкий ствол, а правую протянула к горам, так что локоть был там, где только что скрылось солнце, пальцы же касались пика Абая в сияющих вечных снегах.

— Эти каменные великаны в своих снежных шапках всегда будут смотреть на звезды,— говорила она.— Даже если земляне улетят к другим мирам, все равно горы останутся... Но знаешь, чем они расплачиваются за бессмертие?

— Лерка,— в отчаянии сказал я и снял травинку с ее русых, чуть выюющих висков волос.

— Они расплачиваются неподвижностью, и нет ничего печальней неподвижности,— вздохнула она.— Ой, у тебя кровь у ключицы. Давай полечу.

Я видел, как влажно блеснули ее зубы, как кочичком розового языка она послинила палец, чье прикосновение меня обожгло. Ветка у нее под ногою хрустнула, подломилась, я невольно обнял ее свободной рукой за спину и вдруг почувствовал ее в сю. Волна дрожи поднялась у нее от живота к прижатым ко мне грудям. Я целовал ее плечи, родинку ниже уха, завитки волос, трепещущие крылья носа.

Наша яблоня тихо приподнялась над звенящим садом и, как только что сотворенная планета, содрогаясь, поплыла средь бессмертных небес.

И лунная река затопляла уменьшающуюся Землю, брызжа и прорезая воздух.

И вскипали порывы ветра клубящихся дуновений вселенских.

И от непостижимого блеска открыть я не мог глаза.

— Таланов, что ты делаешь, Таланов? — только и спрашивала она.

— Ничего, ничего,— повторял я.

...Догорел костер.

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня лежала в тридцати шагах от той, что меня обнимала в яблоневом саду. Ее муж хралел, но это ее уже не так раздражало, как в первые годы после свадьбы. А сама она свернулась калачиком рядом с храпящим благополучным мужем и думала о другом человеке.

О человеке предавшем. И ее. И яблоневый сад. И обмелевшую дивную реку. И свой дом запустелый в станице, где уже мычат коровы, и не горланят петухи, и у ларька под обрывом не вспоминают войну инвалиды: люди добрые ларечек снесли, механизмы обрыв заровняли, обрели инвалиды долгожданный покой.

Даже мать свою предал тот, кого она обнимала. Даже мать, о которой он думал, что она будет жить вечно. Но ошибся, хотя ошибается редко, и в июльском черном пекле, на кладбище, далеко за городом, когда мать уже опускали на полотенцах туда, он выл как зверек, вымаливая чудо перед хмурыми вечными снегами. И не вымолил, и опять предал — теперь уже память о матери, предал за сребреники в австралийской гонке, за пластмассовые крылья славы, за коллекционирование диковинных стран, за бешеную жизнь, где терялось представление о времени, так что предавший все и вся даже к могиле матери припадал не каждый год.

И ведь ни разу, ни единого разу не посетила его спасительная мысль: а куда ты спешишь? бежишь — от чего? от родимых пенат и могил? от пресветлых лесов над излуками северных рек? от древних святых городов? А что, если реки мелеют, и зверье исчезает, и редеют леса, и не слышно в деревнях девичьего смеху — только из-за одного тебя? Ты, один только ты в ответе за все. Земля и небо без тебя мертвы. Останься ты здесь, возле той, что тебя обнимала в яблоневом саду — и не висел бы над городом серый туман, и тюльпаны цвели бы у крайних домов станицы, и фазаны, как прежде, садились бы на крышу школы, и бушующее весеннее пламя нашего сада было бы видно с других планет. Так не дай захиреть, Человече, ни племени Лунных, ни племени Ратников Земных!

В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня стали смутно высвечиваться окаемки вершин, подпирающих небо. То свершалось шествие луны. За шестьдесят восьмым камнем от слияния ручья с Тас-Аксу, вверх по

ущелью, проснулась в норе рысь. И сразу почуяла запах зайца, притаившегося меж корней серебристой ели. И заяц почувствовал на себе рысий взгляд, просветивший, как луч, скалу и корни серебристой ели, вскочил и кинулся вверх по склону, поближе к людям, которые спали в двух палатках, вернее, спал лишь один и страшно рычал, отпугивая рысь.

Старая серебристая ель очнулась от темного забытья. От корней вверх по ветвям торжественно двинулась влага, притягиваемая луной. Ель воспомнила, как пятьсот семьдесят семь лун тому назад под нею поллуны прожил в палатке седобородый человек. Днем он спал, а ночами просвечивал ее лучами, приятно щекотавшими ствол и ветки, и с той поры всякий раз, когда над горами показывается Брат Луны, такой же круглый, но маленький красноватый, от Брата исходят те же приятные лучи. Их посыпают из холодных крон неба живущие в горах на Братье Луны серебристые ели.

А в старом двухэтажном доме работы гениального строителя Зенкова, в четырехстах восемнадцати метрах от многоглавого, похожего на Василия Блаженного собора работы гениального строителя Зенкова, встающая за горами луна разбудила правнучку Андрея Павловича Зенкова, которая была еще и внучатой племянницей знаменитого академика, всю жизнь проведшего за сравниванием спектограмм серебристых елей и лучей от других планет. Правнучка гения сама уже была прабабушкой, но умирать не собиралась, пока не допишет «Историю семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях», которую она собирала по крупицам без малого восемьдесят лет. Она ужасно гордилась своей «Историей», а еще больше тем, что один из ее учеников, знаяший в школе всего «Евгения Онегина» наизусть, вышел в люди, стал знаменитым на весь свет, но и став знаменитостью, не забывает свою учительницу истории и уже напрысал ей открыток, сувениров и книг из ста одной страны. Этот ее любимый ученик был единственным, кому бы она, не раздумывая, передала из рук в руки все восемь томов «Истории семиреченского казачества в песнях, легендах и поверьях» и тридцать три тысячи сорок одну карточку с выписками, чтобы затем спокойно отдать богу душу, но ученик не появлялся у нее уже много лет. Глядя из старинного полуокруглого окна на подступающую с той стороны к пику Абая вот-вот обещающую засиять во всей красе над городом лу-

ну, племянница академика, сама не зная почему, про никлась уверенностью, что в следующий четверг ее знаменитый на весь свет ученик непременно явится к ней с любимым ореховым тортом и двумя морскими свинками в клетке из дерева секвой. И она решали сегодня же вечером подкрасить волосы к его приходу, чтобы не столь была заметна седина над высоким породистым лбом.

А знаменитый ученик внучки, племянницы и прабабушки лежал в палатке, смотрел на высвечивающиеся окаемки вершин, подпирающих небо, и мысли одна другой прихотливей проносились и гасли перед ним, как проносятся и гаснут августовские летучие звезды. Хотя то, что ему пришло на ум о рыси, зайце, серебристой ели, о Зое Ивановне, не было мыслями как таковыми. То были догадки, граничащие с уверенностью, причем облаченные в рельефные картины. В старину это называлось видениями, а в наши времена — явлениями чрезвычайными.

«Чрезвычайные явления вовсе не чудо,— спокойно подумал, вернее, увидел я.— Ибо чудо — вся Вселенная. Смысл ее безграничности в том, что нет границы возможного и невозможного, граница, чисто условно, проведена нашим слабым разумом, и мы с незапамятных времен ее отодвигаем, планомерно повышая уровень возможного. Но уже теперь, хотя и немногим, ясно, что конечное и условное не может противостоять безусловному и бесконечному».

Край луны показался над зазубринами пика.

И опять я подумал, увидел, что они, антрацитовые пришельцы из кристалловидного вихря,— никакие даже не пришельцы. Заурядные звездные странники, состязатели, светогонщики. Зря обижалась Лерка, что они, мол, Контактом пренебрегли. Он им не нужен вовсе. Им не нужны наши знания, наша история, наши боли, муки, и радости, наш многотрудный опыт созидания добра. Они другим заняты — выигрывают вселенские гонки, дерутся за желтые или какие там скафандры лидеров. Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!..

В полдневный жар у разлившейся горной реки сидит на валуне старый согбенный креол. Завидя нас, он показывает рукой на противоположный берег: надо, мол, переправиться. «Давай перебросим стариичка,— говорю

я Голосееву.— Все равно нам придется ползти по дну не быстрее краба». Взяли старики. Задраились. Тянем-потянем поперек русла, камни бьют в бок «Перуна», желтая вода за стеклами. Старик рыдает, совершая какие-то замысловатые жесты, потом начинает горланно причитать. Не понимаем ни слова, но догадываемся: заклинает духов. Выбираемся на берег. Дверцу настежь. Молись на белых богов, погрязший в суевериях человечек. Благодаришь? Не за что, чао, ауфвидерзееен, гуд бай, покедова! Что ты там суешь? Книжицу из листов папируса? На память? Спасибо, удружили! «Таланов, время, время поджимает, плакали наши льготные полторы минуты!» — морщится Голосеев. Ладно, за книжицу спасибо. Получай-ка модель нашего суперизнаменитого «Перуна». Нет, не электро, те для птиц поважней. Обычную, в любом магазине игрушек легко раздобыть, там, внизу, во тьме. Чего ж ты бухаешься в ноги, дедушка, держи еще одну, пусть правнуки играют. Витя, газуй! Мы еще им покажем, «Перурадам» и «Везувиям»! Давай. Шай-бу! Шай-бу! Не сорвись на вираже! Держись! Эх, пронесло! Ура! На этапе мы вторые! Значит, шансы еще есть! Да брось ты меня стискивать! Чего мусолишь щетиной? Лучше поищи книжицу старику. Как так не можешь отыскать? Завалялась? Где-то выпала? Постой, постой, я вчера листал на ходу. Там спирали, закорючки, какие-то штуковины вроде фаз луны и что-то еще такое несущестное... Чего-чего? Может, секрет гравитации? У кого, у этих? Которые в штанах из шкуры ламы? Извини, брат, нас на пушку не возьмешь!

— А как они все-таки затащили на гору тот обтесанный камень, помнишь? Ты сам прикидывал с логарифмической линейкой — в нем полторы тысячи тонн...

Несколько дней дуемся друг на друга. Болваны. Недоноски. Ладно, не то еще встретим. И впредь будем умней. Ура! Гонка наша! Молодцы! Мо-лод-цы! Теперь отдохнем. Ну, славно по горам прокатились!

Прокатились славно — мимо секрета гравитации...

Так и скайдрики: наладили двигатель — и прогромыхали в молнии мечущие, опаляющие взор миры.

И раскрылась во всем блеске и величии луна. В полночный час в глухих горах Тянь-Шаня я очнулся, ворочаясь с боку на бок, потому что в сердце мне уперся твердый край смерченыша. В тонком лунном луче, случайно прорвавшемся сквозь щель палатки, смерченыш

серебристо засветился. Я взял его двумя пальцами и поразился: и без того странно легкий, он как бы вообще потерял вес. Я расстегнул палатку, вылез в лунный поток.

В лунном потоке вокруг смерченыша восстало сияние, усеянное отрогами туманностей, медленно врачающимися спиральями, двойными, тройными звездами, роящимися планетами. Я оказался как бы под куполом чужих небес, сжатых до размеров короны яблони. Надо мною в подернутой дымкою сфере светились жгуты таких же смерченышей. Они прокладывали пути к неведомой цели.

Осененный догадкой, я прикрыл смерченыша ладонью. Чужесветный купол погас. Я взял смерченыша двумя пальцами, как берут кораблик перед тем, как пустить в ручей, протянул руку и разжал пальцы.

Он завис в воздухе.

Он не двигался.

Какие-то неуловимые изменения стали совершаться в залипах лунной окрестности. Сначала земля под близкими кустами, затем холмы над ущельем, затем и дальние вершины гор начали проясняться, освещаться, делаться все прозрачней, ослепляя хрустальной прозрачностью и чистотой. Я невольно зажмурил глаза, а когда вновь открыл — белозорным стал весь шар земной. Сквозь него просвечивали звезды другой стороны планеты, стерегущие покой брата Полярной звезды — Южного Креста. Здесь наочной стороне, фосфоресцирующими медузами шевелились города. Между ними, как ртутные капли, катились огни самолетов, поездов, пароходов в извилах рек. Вулканы подпирал белокипящий пламень магмы.

Освещенная Солнцем чаша Земли исходила водным голубоватым светом. Как тогда, в детских полузыбтых видениях, вновь завис я жаворонком над полем цветущего клевера и отчетливо, до мельчайших подробностей, различал с высоты:

И китов в океанах,
И змей средь барханов в пустынях,
И стрелу, рассекавшую свет и тьму вдоль хребта Карабайо,
Древнечтимые города, что дремали в сумраке волнородительных вод,
И мосты через пропасти,
И хлеба на полях отступающих в вечность ужасных сражений,
Лепестки космодромов,
Изгибы изящных, как арфа, плотин,
И в степях суховейных — распускающиеся тюльпаны,

И влюбленных в садах,
И детей, что вели разговор с облаками, китами, космодромами,
Суховеями, лебедями, драконами, василисками и васильками,
Все увидел я, имя чemu — Человек.
И восславил я, жаворонок звенящий,
Полноту, полногласье, нескончаемость бытия.
Но повсюду, везде, повсеместно —
В океанских пучинах, в ущельях, в пустынях, в снегах,
Глубоко под секвойями, елями, лаврами, пальмами, мхами,
За стальными скорлупками лодок подводных,
Под коркой полярного льда,—
Затаясь поджидали урочного часа
Ядовитые сгустки
Неправдоподобного
Мертвенно-синего цвета.
Свет такой исторгают лишь ядра звезд.

И погасло видение: овальное облако набежало на кромку луны, подмяло, поглотило ночное светило, лишило его холодных чар.

Тут смерченыш утратил сияние, почернел, опустился плавно в траву. Я отнес его в палатку, положил на дно рюкзака. «Мы еще полетаем с тобой по лунным волнам, вихреносный кораблик, дар — возможно, случайный — созерцателей звездных садов», — подумал я и едва подумал — захотелось сию же минуту, сейчас посмотреть на скалу, где они задержались тогда на мгновение: то ли сбились с пути, то ли вправду, как думает Лерка, у вихря забрахлил вечно живой пестроцветный мотор.

Откочевало облако. С веретена луны снова сыпалась, сыпалась пряжа на вечные снега. Через полсотни шагов стихли наконец победные трубы Тимчикова храпа.

И впрямь: по ту сторону ущелья чернело в скале большое отверстие.

Тут над ущельем — от одного склона к другому — еле заметно затрепетал розоватый жгут сияния, как если бы включили непомерной длины люминесцентную лампу. Сразу вспомнился Леркин рассказ о путеводном дрожащем мареве, что упиралось, как в клемму, в обнаженную скалу. Мыслимо ли так уплотнить пространство, чтобы... Хотя кто знает. Ведь еще в начале века на Всемирной выставке в Париже публика изумлялась большому пустотелому шару, висящему в воздухе. Его поддерживал мощный магнит...

Ночная птица показалась над краем пропасти и медленно заскользила вдоль дрожащего жгута. Внутри дрожащего жгута, чье мерцание временами сходило на нет.

Я вгляделся — и остановился, пораженный.

То была Лерка. Раскинув руки, она уходила от меня по еле видимому мосту. Она смотрела в сторону Луны, и Луна играла ее развевающимися волосами.

...Но не на Луну смотрела она, нет, не на Луну. Взгляд ее был прикован к Мleinому Пути. Туда, где от угасающей Башни Старой Вселенной — к расцветающей Башне Вселенной Новорожденной приближалась ее, Леркина, тень — Звездная Дева. И были раскинуты руки ее над всеми пространствами и временами.

Над отрогами туманностей, медленно врачающимися спиральами, двойными, тройными звездами, роящимися планетами.

Над содрогающейся, в муках рождающейся и погибающей материей.

Над шелестом крон живого плодоносящего сада вечности.

Над несметными стаями звездных колесниц, лучшие из которых — будем надеяться, что их большинство — странствуют

Средь времен без конца и края,
В безызвестность устремлены,
Нивы звездные засевая
Лепестками вечной весны...

Худшие же захлестнуты азартом бесполезных гонок.
завалены горою бессмысленных призов.

Земная Дева в глухих горах Тянь-Шаня.

Над последним пристанищем Архимеда в Сиракузах,

у Ахейских ворот.

Над сиянием Непрядвы и Дона.

Над собакой, забытой хозяином и бегущей к нему сквозь

ночную тайгу.

Над сребристою елью, тянущей ветви к далекой небесной сестре.

Над сибирской деревней Ельцовкой, где я появился на свет,

чтобы дописать «Историю семиреченского казачества
в песнях, легендах и поверьях».

Над пирамидами, небоскребами, космодромами,

термоядерными полигонами.

Над дворцами торгашей-кровососов и халупами бедняков.

Над селеньем в горах Карабайо, где пасется детеныш

«Перуна» под присмотром дряхлеющего Владыки лунных ратников,
у которого отняла единственного внука

Властительница Лунного Огня.

И хотел я окликнуть Ту, что Меня Целовала В Яблоневом Саду.

И боялся спугнуть удалявшееся виденье.

И пошел ей тихо вослед.

Неудачник

Рассказ

Астроморфоз, звездный сон. Погружаешься в жидкую єердцевину яйца размером с олимпийский бассейн. Застиваешь сосулькой, бесчувственным льдом, а когда просыпаешься, ощущаешь себя неуютно, как зерно ячменя, что лежало на дне саркофага пять с лишком тысяч лет, и посажено любопытствующим археологом в землю, и, само того не желая, выбирает росток; но не благословленные нильские зефиры его овеивают, а секут холодные ветры иных широт.

Просыпаешься — паутина чужих небес, незнакомое солнце теплится в небе и томится в иллюминаторе голубой, красноватый, зеленый, оранжевый, белый шар — Индра. Здесь должна быть разумная жизнь. Слишком долго обшаривали земляне этот участок Галактики, чтобы ошибиться...

И жизнь бушует на Индре: вот она, жизнь, в объективах приборов, в перекрестьях стереоскопов. Словно радуги, перекинуты между континентами разноцветные арки пузатых мостов (по которым ничто не движется, но возможно, движенье внутри этих радуг-мостов?). Выпирают из нутра океанского многоугольные трубы, выпускают время от времени синеватый идиллический дымок (спектограмма свидетельствует: чистейший озон). Или вот: на ночной стороне, будто ветром гонимый, развевается

тонкий ребристый покров (почти десять квадратных километров!), и там, где пройдет, через четверть часа громыхает гроза и приплясывает дождь. А на южном и северном полюсах башни белые тянут в трехкилометровую высь белые же отростки, что деревья с обрубленными ветвями. Иногда меж обрубков ветвей проползают зеленые змеи огня, иногда голубые шары перелетают.

Еще одна загадка Индры — транспорт. Ни ракет, ни самолетов, ни элекаров нет и в помине. Как цивилизация древних инков обошлась без изобретения колеса, так и здесь им пренебрегли. Хотя дорог немало: прямые как стрела, с металлическим отливом. Но дороги днем и ночью пустуют. Леса как леса (но не видно, чтоб рубили деревья), реки как реки (большинство под прозрачными выпуклыми навесами на прозрачных столбиках), люди как люди (жаль, ростом не вышли, сантиметров девяносто, не более).

Пора бы со сторожевых башен уж заметить высокого звездного гостя, не первый день на орбите завис...

Однако замечать меня они, кажется, не намеревались. Ни меня, ни моего полуторакилометрового «Перуна», ни сигналов, подаваемых со звездолета. Эфир был мертв, как сероводородное озеро, только шамканье гроз, ничего более.

Через две недели, окончательно потеряв терпение, я захлопнул люк одного из ракетных «челноков» и опустился на Индру. Я спустился неподалеку от бело-розового города, на опушке светло-фиолетового леса, среди блестящей и белой, как ковыль, травы. Был вечер. Худосочное солнышко Индры катилось к зазубринам красных гор. Никто не спешил встречать случайного гостя. Семь прозрачных, загнутых книзу реторт, оснащенных веером таких же прозрачных крыльев, беззвучно проскользили в небе, невысоко надо мной. Внутри каждой реторты качался на подвесном сиденье индрянин. Допустим, они могли не заметить меня, но как не заметить «челнок» со множеством антенн и надстроек, возвышающихся над лесом?

Когда приползла ночь, я включил бортовые огни, зажег носовой прожектор. Аттическая колонна земного огня, чуть расширившись, восстала над Индрой. Ни единий огонь не ответил мне. Город как будто вымер.

К утру я начал догадываться: никого мой фонарик не растревожил, как если б зажегся среди слепцов.

Как по тополиному пуху, медленно двигался я в элекаре по серебристой траве. На всякий случай я прихватил с собой и плазмомет. Возле овального озера, там, где уже начинались городские строенья, толпился народец. Подобъем беседки на желтых столбах тянулось из озера некое дерево с несколькими темно-каштановыми стволами по кругу и одной общей кроной, поросшей остролепестковыми цветами. Оно походило на гигантскую праисторическую медузу, чье существованье не мыслится без диплодоков, ихтиозавров и прочих чудищ мезозойских раздолов. Под щупальцами-колоннами бешено крутилась воронка воды, и на ее стенках возникали и распадались загадочные геометрические узоры. Как завороженные, молча созерцали индряне эту картину. Некоторые из них, я заметил, однозначно негромко переговаривались.

Я вылез из элекара и пошел к парапету над озером. Прискорбно, но никто не пожелал меня заметить. На глазах множества карликоподобных существ представитель высокоразвитой цивилизации в скафандре высшей защиты не знал, куда ему податься, дабы установить Контакт.

Я поехал в центр города. Он буквально ничем не отличался от окраины. Те же довольно изящные ячеистые постройки с террасами, на которых покоились оперенные реторты. Те же башенки, напоминающие пирамиды, поставленные на острие. Те же вращающиеся на ветру, с золотистым отливом цилиндры, свисающие, как сосульки, с ребер, казалось, готовых упасть пирамид. Те же золотистые шары, чуть побольше футбольных, но тяжелые, скорее всего из металла, катящиеся среди улиц по иссяня-черным металлическим желобам, никогда не сталкиваясь с другими шарами...

На меня — никакого внимания. Ниоткуда. Никто.

В «челнок» я вернулся в дурном настроении. Спалось плохо. Проснувшись среди ночи, я сходил в рубку и выключил прожектор: с соседних звезд он все равно не заметен, а здесь бесполезен... Поутру сквозь дрему мне чудился гнусавящий, скрежещущий голос, как у неотлаженного робота:

— Кто убивает миллиарды живых существ, тот достоин суворой кары! Как смеешь ты убивать вибрацией элекара наших ползунов, летунов, прыгалок, стрекунов?

...И еще несколько дней, несколько столь же бесплодных визитов в ячейстый город, уже без элекара. Однажды я принес и оставил под пирамидой возле нежно поющего цилиндра запаянный еще на Земле контейнер. В нем была карта нашей Солнечной системы, красочные иллюстрации развития жизни, записи музыки на кристаллических панелях, самовоспроизводящих звуки даже на слабом свету.

Едва я повернулся и отошел на несколько шагов, контейнер исчез. Каково же было мое изумление, когда по возвращении в «челнок» я обнаружил контейнер на его прежнем месте, и притом нераспечатанным. Стало быть, без меня они преспокойно проникли сюда, несмотря на хитроумную систему охраны!

Я решил на время оставить бесполезные попытки. Зачем торопить события? Может, им нужен определенный срок, чтобы понять суть моей миролюбивой миссии? Пожалуйста, я не тороплюсь. Лишь через семь лет, согласно закону начальных небесных сил, мне двигаться в обратный путь...

Я собирал образцы воды и почвы, растений и минералов. Снял несколько видовых фильмов. Каждый вечер подробно надиктовывал в бортовой журнал впечатления прошедшего дня, хотя ничего особенного не происходило. К утру все образцы исчезали, пленка оказывалась засвеченной, записи кем-то стирались.

Позднее, во время своих бессмысленных странствований по планете, я попытался обобщить накопленный опыт горького, но небесполезного знакомства. Скорее всего здешняя цивилизация с самого истока потекла по руслу принципиально иному, нежели земная. Индряне никогда не употребляли в пищу мясо. Ни свежее, ни зараженное, ни перемолотое — никакое. На заре своего развития они питались злаками (с добавлением в них растертых в порошок минералов), плодами кустарников и деревьев, медом, травами, овощами.

В их древних легендах Индра была подобием большого животного; они обожествляли все живое и, кажется, понимали язык зверей, птиц и рыб. Болезни они считали величайшим бедствием и умели искусно бороться с ними без хирургических инструментов, прибегая только к настойкам, мазям и отварам трав.

Я облетел на «челноках» все пять планет — родных сестер Индры. И убедился: они безжизненны.

К концу третьего года одиночества я начал замечать за собою необычные способности. Как-то посмотрел ночью на небо и понял, сколько в нем видимых звезд. Их было 11 249. Сверился с электронным оком звездолета: все точно.

Другая странность: на меня стал снисходить дар прорицания. Я знал, что будущей ночью появится комета, что в близлежащем перелеске к утру соберется 95 зверушек, похожих на земных опоссумов, что утром, на тридцать седьмой минуте по восходу светила Индры, в горах начнется камнепад. Думаю, способностями подобного предвидения обладают все индряне.

Добавлю: упоминая о зверушках, золотистых цилиндрах, камнепадах, я вкладываю в слова земной смысл. Но в мире Индры, столь отличном от земного, многие привычные понятия так и остались загадкой. К примеру, те же камнепады. Они начинались в горах с того, что на отвесных склонах вдруг изнутри вырывались желто-красные полукольца пламени, похожие на изогнутые струи плазмы. Вслед за тем горы сотрясались, катились в пропасть глыбы, и это продолжалось иногда неделями. Случалось, содрогающийся горный хребет разрушался до основания — чтобы вскоре возникнуть вновь!

Одного события я не смог предсказать. Вернувшись дозаправиться, в звездолете вдруг обнаруживаю: все заполненные бобины в аннигиляторе пусты. Смиренные, доброжелательные карлики выкачали топливо — до последнего грамма!

Взбешенный, я завис на «челноке» с работающим двигателем над одним из овальных озер. Беседка, похожая на медузу, мгновенно исчезла под водой, а созерцатели геометрических красот попрощавшись в люки. Я висел до тех пор, пока в лингатроне не раздался скрежещущий, как у неотлаженного робота, голос:

— Чего ты хочешь, пришелец?

— Хочу, чтобы немедленно все топливо вернули в аннигилятор! — закричал я.

— Сначала перенесись отсюда и больше над городом не зависай, пришелец! Иначе поплатишься жизнью!

Поразмыслив, я отлетел в сторону и приземлился в лесу на поляне.

— Пришелец, зачем тебе топливо? — снова прорезался голос.

— Чтобы вернуться на Землю. Пусть срок и не вышел, но я улечу. Лучше подожнуть среди звезд, не долетев до дома, чем играть с вами в молчанку!

— Пришельцы из других миров не улетают отсюда, пришелец. Они остаются у нас.

— Оставляете насилию? По какому праву?

— Пришелец, но по какому праву явился к нам ты?

— Я хотел протянуть вам руку дружбы.

— Но в руке твоей — жало плазмы, фотонный меч! Зачем замутил ты озеро ревущим огнем? Ты хотел уничтожить одно из очей планеты, пришелец?

— Это ложь! — закричал я. — Откуда мне знать, что ваша планета многоглазая? Кто мне это соизволил объяснить наперед?

— Но знаем же мы, пришелец, наперед о вашем многоглазом Аргусе, сыне Геи-Земли. И о Морской-Пущине-Кругом-Глаза знаем, из ваших поморских сказаний.

— Я хочу возвратиться на Землю, — сказал я устало. — Для этого нужен звездолет.

— Возвратиться на Землю, пришелец, чтобы снова нагрянуть к нам? С частоколом фотонных мечей?

— Какие мечи! Я забуду ваш улей, как только покину. Будь возможность, улетел бы отсюда хоть на крыльях, прилепленных воском!

— Возвращайся, пришелец, — сказал голос спокойно.

— Без аннигиляторов?

— Вплавь через реку времени, пришелец.

— Пропади вы пропадом, подлые пигмеи! — не удержался я и выключил лингатрон.

Всю ночь я смотрел в зрачки многоглазого неба и думал, думал. Я думал о том, что ключ к обладанию другими мирами станет нам дороже, чем кажется на первый взгляд. Не так ли произошло с покорением природы, когда ошибки и нетерпение наших предков, удалцов с бензопилой, экскаватором, буровой вышкой, поворачивателей рок, срывателей гор, обернулись почти непоправимыми потерями.

Рассвело. Заиграло лучами светило.

— Как я вернусь домой? — спросил я. И голос сразу отвстил:

- Подлетишь к башне на южном полюсе, пришелец.
На расстояние не ближе ее высоты.
- На чем подлечу? На воздушном шаре?
- На чем всегда здесь летал, пришелец.
- Проклятье! Энергоблок снова был на месте.
- У башни покинешь свой корабль. Зайдешь в башню. Поплынешь через реку времени, пришелец.
- Кролем прикажете или брасом?
- Досконально ты не поймешь, пришелец. Принцип таков. Представь себе зеркало в твоей руке.
- Не только представил, но и взял его в руку.
- Наведи луч светила на любую звезду, пришелец.
- После солнечного восхода уже не видно звезд, благодетели! — съязвил я.
- Плывущие через реку времени видят звезды и днем, пришелец.
- И я увидел небесную чашу Индры, полную звезд.
- Навел ли луч, пришелец? Поверни теперь зеркало к другой звезде.
- Повернул.
- Намного ль оно повернулось, пришелец?
- На шесть градусов двадцать три минуты.
- А луч перенесся, пришелец, со звезды на звезду.
- Допустим, — сказал я в замешательстве. — Что из этого?
- Представь, пришелец: на дальнем конце луча — ты.
- Остроумно. Но кто повернет зеркало?
- Братья на голубой звезде, пришелец.
- Сколько ж мне извиваться на острие луча?
- Это решат братья на голубой звезде, пришелец.
- Что разрешаете братья с собой?
- Только то, во что облачен, пришелец. Кроме скафандра. Он тебе не понадобится. Впредь до отлета к башне можешь странствовать и без скафандра. Ты окружен надежной защитой, пришелец.

Три километра от вершины холма, где я посадил «челнок», до подножия башни дались мне нелегко. Я шел тяжелыми шагами, в невеселых раздумьях... Но удачник, перечеркнувший надежды человечества. Что станется со мною в этой башне, вблизи еще более старинной на исполнинское дерево, изуродованное и

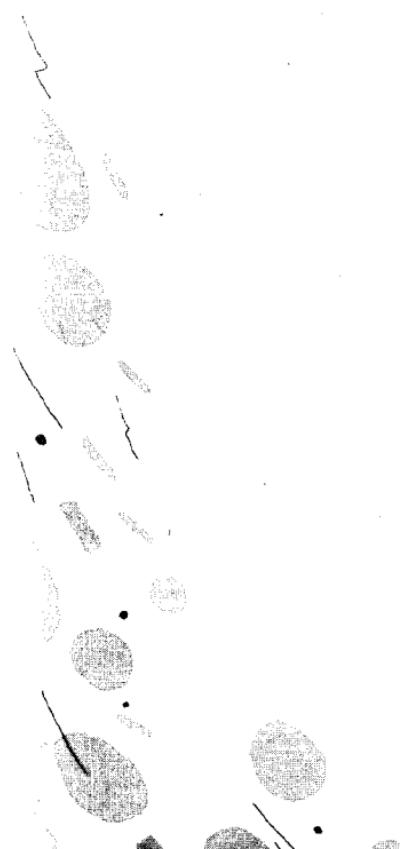
ванное? Я шагал по нежной траве Индры, как по пуху земных одуванчиков. Разбрзгивало лучи светило. Паслись в бледно-синем небе редкие облака. Мерцали звезды, их было 11 249. И проворачивалось в мельнице времени колесо Млечного Пути.

В башне, едва я туда вошел, выкатилась из стены кабина, приплюснутая с боков. Дверца кабины уползла вверх, я погрузился в подобие кресла из мягчайшего зеленого мха. Начал меркнуть свет.

Остальное помню смутно. Помнится, вроде со стороны обнаружил вдруг себя лежащим, как в операционной, на столе-раковине, и музыка пела, как далекий океанский прибой, но надвигалась, надвигалась сверху прозрачная полусфера, и вот на стенах ее хрустальных проступили звезды, крупные, как роса, а за звездами уже пульсировала нечеловеческая, зловещая, непреображеная тьма.

И ударил свет.

**Геннадий
Прашкевич.** Костры миров. Повесть

Хенк был счастлив.

Под его ногами лежала настоящая земля. В его лицо упруго давила волна настоящего воздуха. Кисловатый запах металла, кислых почв, горячего песка жестко щекотал ноздри. Земля все еще отдалена миллиардами световых лет? Не важно! Теперь не важно. Теперь он среди людей. Пусть их немного, пусть все они, как он, Хенк, заброшены на далекую планетку лишь необходимыми делами, пусть Симма столь же мало похожа на Землю, как Крайний сектор на Внутреннюю зону, он, Хенк, все равно среди людей.

Его так и подмывало поднять голову и взглянуть на Стену. Но голову он не поднял. Спирали металлической травы под ногами поскрипывали, их ржавые стебли искрили как щетки генератора. Хенк мысленно прикинул, какое напряжение вырабатывают металлические заросли там, где их корни уходят в глубину почв Симмы на милю, и присвистнул. Он привык к удивительным вещам, но все еще не отвык удивляться.

— Надень шляпу и топай в бар,— сказала Шу.

— Надо говорить — нахлобучь шляпу! — засмеялся Хенк. Со своим сверхмощным бортовым компьютером он всегда обращался как с человеком.

— Я никогда не видела шляп,— заметила Шу.— Я всего лишь представляю их геометрию. Видимо, этого мало.

— Ничего. Я покажу тебе шляпу.

Этот разговор состоялся час назад.

За шестьдесят минут Хенк успел законсервировать «Лайман альфу», прошел через Преобразователь и сдал хмуруому диспетчеру данные для расчета будущего курса к Земле.

Диспетчер не скрыл недоумения:

— Из зоны протозид? Странно. Мы не ожидали гостей.

Помедлив, он все же спросил:

— Оберон?

— Человек! — возразил Хенк. — Разве не вы вели на посадку мою «Лайман альфу»?

— Это делают у нас автоматы... — диспетчер, похоже, не поверил Хенку.

— А Преобразователь? — счастливо рассмеялся Хенк. — Разве я изменился, пройдя через его горнило?

— Нетипичная зона... Иногда здесь мудрит даже эта штука, — диспетчер хмуро ткнул кулаком в необозримую стену, увенчанную множеством экранов. — Чаще всего мы имеем дело с квазилюдьми.

— Но не всегда, — возразил Хенк.

Он имел в виду себя: человека.

— А есть и такие, — не слушал его диспетчер, — что сразу начинают себя вести как люди...

Хенк рассмеялся:

— Я как раз из таких.

Диспетчер не улыбнулся. Он привык держаться официально, положение обязывает. Весь его вид говорил: я занят, я при настоящем деле, а вот кто такой ты — это мне пока неизвестно. Может, ты и вправду человек, тогда я найду возможность извиниться, если же ты оберон, извинения не имеют смысла.

«Что ж, — сказал себе Хенк. — На то она и нетипичная зона. У диспетчера действительно нет оснований мне доверять. Они не ожидали земного корабля, тем более из зоны протозид, закрытой для представителей Межзвездного сообщества. Ладно. Пусть считает меня обероном. Трое земных суток — это немного. Можно и потерпеть. В конце концов, самому термину многое большее».

Это было так.

Термин оберон вошел в обиход еще до первого полета Хенка в космос, в год пуска сразу семи Конечных станций Вселенной, оборудованных Преобразователями. Принцип Преобразователя был, кажется, не до конца ясен даже самим предложившим его Цветочникам (ходили слухи: Преобразователь — всего лишь случайное заимствование у некоей загадочной крайней расы), но ни одна из цивилизаций, входящих в Межзвездное сообщество, не отказалась от подарка. В объемистую

горловину Преобразователя могло войти любое разумное существо — на выходе вы всегда имели человека, точнее квазичеловека, оберона, обладающего довольно приличным словарным запасом и навыками смысловых схем, достаточных для деловых объяснений. Это сразу и навсегда избавило Конечные станции типа Симмы (Хаббл, Фридман, Оорт, Козырев, Бете, Ефремов) от массы хлопот: запас продовольствия, газов, воды, биологически активных веществ свелись к стандартным, к тому же контакт с представителями самых отчужденных звездных рас предельно упростился. Что же касается термина оберон, к нему скоро привыкли.

Планету под Конечную станцию предоставили тоже Цветочники. Симма — малый маяк. Радиус планеты вполне соответствовал ее названию.

Маяк на краю света.

На краю света — это не было просто метафорой. Обращенная северным полюсом к Вселенной, своим южным полюсом Симма всегда смотрела на Стену. Исключение составлял квазар * Шансон — гигантский сгусток перевозбужденной магнитоплазмы, непрерывно преобразующий гравитационную энергию в свет, в радио- и в ультрафиолетовое излучение, в яростное вращение и турбулентность. Мощно пульсируя, выкинув над собой чудовищный голубой выброс, квазар Шансон одиноко пылал на фоне полного мрака. Это был истинный мрак, это была истинная тьма — за квазаром Шансон не лежало ничего материального.

Тьма.

Стена тьмы.

Хенк так и говорил себе — Стена.

Разумеется, никакой реальной стены там не существовало, просто с одной стороны мерцали, сливаясь в тусклые шлейфы, мириады далеких звезд и галактик, с другой же не было ничего.

Мрак.

Пустота.

Абсолют мрака и пустоты.

Но этот мрак, эта пустота воспринимались Хенком именно как Стена, и с этим своим представлением

* Квазары (квазизвездные объекты) — класс астрономических объектов, имеющих вид звезды и очень малые угловые размеры, но обладающих большим красным смещением. Из всех объектов Вселенной они самые яркие. Истинная природа квазаров неизвестна.

Хенк ничего не мог поделать. Стена... Почему нет?.. Хенк молча топал по космодрому, не поднимая глаз к небу. Впрочем, если бы он их и поднял, Стену бы он не увидел. Конечная станция располагалась на северном полюсе Симмы.

«Тroe суток,— повторил про себя Хенк.— Тroe земных суток, и я получу карту курса. Домой! К Земле! Стеной пусть любуются обероны».

Слабые разряды легко покалывали ноги Хенка. Его это не раздражало. Он ступал по металлической, но траве, он ощущал чужие, но запахи. Сам воздух, поступающий не из ограниченных резервуаров, а просто извне, радовал и тревожил.

Хенк радовался: он среди людей. Хенк радовался: он найдет для Шу шляпу.

Свой бортовой компьютер он всегда называл этим древним женским именем — Шу. Слов нет, тахионные корабли сделали достижимыми любые, даже самые отдаленные точки Вселенной, но без машин типа Шу это было бы невозможно. Он, Хенк, дошел до нетипичной зоны, он, Хенк, видел Стену — благодаря Шу. Он, Хенк, плавал в энергетических безднах квазара, был огненным шаром, разумным огненным шаром — благодаря Шу. Он, Хенк, дрейфовал в звездных течениях нетипичной зоны, принимал формы, невозможные в любом другом случае — благодаря Шу. Если он, Хенк, у первого встречного на Симме попросит шляпу, его, наверное, поймут. Впрочем, и недоумение, и даже усмешку предполагаемого первого встречного он, Хенк, снесет без усилий.

Ради Шу!

Хенк был счастлив.

Шу его ждет. «Лайман альфа» готова к вылету. Все необходимые данные отправлены диспетчером в Расчетчик Преобразователя. Через трое земных суток он, Хенк, получит разрешение на выход из нетипичной зоны, а, значит, явится на Землю как раз к началу редакционного Совета Всеобщей энциклопедии (том «Протозиды»). Не важно, что по часам Симмы этот Совет завершил свою работу несколько столетий назад — курс «Лайман альфа» будет вычислен по той кривой пространства-времени, что в любом случае приведет Хенка к точно назначенному времени, ни минутой раньше, ни минутой позже. Самая грубая ошибка никогда еще не превышала десятых долей секунды. Для

сотрудников Всеобщей энциклопедии все будет выглядеть так, будто он, Хенк, отсутствовал два с половиной месяца, что в пересчетах Межзвездного сообщества эквивалентно израсходованной им энергии, и вот вернулся с необходимыми дополнениями к одному из самых сложных томов Всеобщей энциклопедии — к тому «Протозиды». Основная статья этого тома принадлежала пока что ему же, Хенку, — обширные компиляции, составленные по мифам и наблюдениям Цветочников, Арианцев, океана Бюрге, тех немногих звездных рас, что когда-либо соприкасались с протозидами. Увлекательные, обширные, но... компиляции. Были ли они верны, соответствовали ли действительности? Можно ли, изучая отчужденную расу, опираться на мифологию и наблюдения рас тоже достаточно отчужденных? То, что протозиды никогда не заглядывали во Внутреннюю зону Вселенной, то, что они упорно не хотели замечать своих звездных соседей, — все это, по мнению Хенка, не давало оснований относить протозид к цивилизациям, вообще неспособным на контакт. Цивилизация — понятие вообще довольно туманное, его не так-то легко точно сформулировать или истолковать, тем более что путь развития звездных рас мало где был достаточно схож, к тому же, истолкователи таких понятий, как цивилизация, как правило, сами живут внутри вполне определенных цивилизаций, что, конечно же, не может не вносить в их суждения ту или иную долю предвзятости.

Туп — как протозид. Темен — как протозид. Жесток — как протозид.

Он, Хенк, никогда не соглашался с подобными формулировками, хотя мифы Цветочников, Арианцев, океана Бюрге были полны весьма нелестными для протозид деталями.

Протозиды.

Они же первичники.

Они же истребители звезд.

Время от времени, собираясь в гигантские скопления (а масса каждого отдельного протозида часто превосходила массу таких планет, как Земля или Симма), протозиды пытались уйти из нетипичной зоны к какой-либо одинокой звезде. При этом им было все равно, обитаемы ли миры, в пределы которых они вторгались. Мифология Арианцев, Цветочников, океана Бюрге сохранила память примерно о пяти подобных, никем еще

не объясненных прорывах, после которых и Цветочникам, и Арианцам слишком многое приходилось начинать сначала. Сжигая себя в звезде, доводя ее до чудовищного взрыва, протозиды гибли, а вместе с ними в океане раскаленной плазмы, заливающей Крайний сектор, гибли солнца, планеты, населенные станции, радиобуи и, разумеется, разумные существа. Являлось ли все это осмысленными, рассчитанными ударами, не объявленной, но все же войной с соседями? Никто этого не знал, ибо протозиды ни с кем не шли на контакт. Редкие попытки землян (Арианцы, Цветочники, океан Бюрге давно отказались от таких попыток) установить связь с протозидами не дали никаких результатов, вот почему члены Межзвездного сообщества смотрели сквозь пальцы на совершаемые время от времени вылазки объединенных флотов Цветочников и Арианцев в нетипичную зону. Ходили слухи, что Цветочники и Арианцы занимаются рассеиванием замеченных ими скоплений... Что ж... Они защищались... Но тот тезис, что пока у цивилизаций есть антиподы, конфликт неизбежен, Хенку всегда не нравился.

Сейчас Хенк был счастлив. Он добыл кое-что новое. Его наблюдения в нетипичной зоне многое дадут членам Межзвездного сообщества. Они с Шу хорошо поработали.

Хенк машинально провел ладонью по лбу, будто снимая с него невидимую паутину. Широкий шрам, вертикально опускающийся к переносице, был привычен для него, как морщина. Еще один шрам, только шире, страшнее, был укрыт рубашкой — зазубренным краем он уходил под левую лопатку. От этого левое плечо Хенка казалось чуть опущенным. Впрочем, сам он даже не помнил об этом. Тем более его занимала вполне определенная мысль: найдется ли на Симме самая обыкновенная шляпа?

Радуясь сам, он хотел обрадовать Шу.

2

Хенк был счастлив.

Тroe суток — это не просто карантин. Тroe суток — это прекрасная возможность вернуть себе навыки землянина. Не так-то просто после долгого одиночества дружески похлопать по плечу первого встречного, а Хенку этого хотелось. Впрочем, то, что за стойкой

бара, куда он вошел, стоял длинный жилистый усач с объемистым миксером в руках, а перед ним на высоком табурете откровенно скучал плечистый субъект в желтой майке звездного перегонщика, вовсе еще не означало, что перед Хенком были люди. Обероны, скорей всего, хотя в штате Конечной станции непременно должны были состоять и земляне. Межзвездное сообщество всегда соблюдало определенные пропорции. Но если ты похлопал по плечу широкоплечего перегонщика в желтой майке, это еще не значило, что ты и впрямь похлопал по плечу именно человека, а не китообразное, скажем, существо с Тау или аморфное разумное облачко с Пентаксы.

Хенк бросил на стойку плоскую коробку с кристаллами памяти (астрофизика нетипичной зоны, заметки к текстам о протозидах и прочее) и не без опаски взорвался на высокий табурет: он не был уверен, что после столь долгого отсутствия не совершил какой-нибудь недовкости.

Эта мысль тут же получила подтверждение. На мгновение ему попросту захотелось зависнуть над табуретом, как он любил это делать, беседуя с Шу. Но он тут же опомнился и взгромоздился на табурет так, как по его понятиям и следовало это сделать землянину — без особой ловкости, но с достоинством.

Бармен и человек в майке перегонщика обернулись к Хенку одновременно. Будь он пылевым облаком, распостершимся на полнеба, ему не составило бы труда держать в поле обзора сразу обоих, но сейчас он не был пылевым облаком — ему пришлось кивнуть дважды.

— Титучай?

Тонизирующий напиток всегда был к месту, но, спрашивая, бармен не улыбнулся — видимо, в свою очередь подозревал в Хэнке оберона, не любил оберонов или вообще не был общителен.

Хенк усмехнулся. Такие парни, как этот бармен, ему всегда нравились. Как правило, это дальние парни. Спроси у такого, где можно найти шляпу, он не удивится и не пойдет трепать по всей Симме о каком-то чокнутом со звезд, разыскивающем не принадлежащую ему шляпу.

Взяв это на заметку, Хенк повернулся к перегонщику.

Но перегонщик не выглядел приветливее. Выдвинув вперед широкие и плоские, прямо-таки щучьи губы,

он щурился, будто испытывал к Хенку не столько интерес, сколько неясное подозрение.

— Три титучая! — Хенк радовался. — Сразу всем! — И предложил: — За возвращение!

— А счет? — недоброжелательно поинтересовался бармен.

Хенк назвал бортовой номер своего корабля, автоматически являющийся номером его счета. Хенк гордился этим номером. «Лайман альфа». Резонансная линия водорода с длиной волны 0,12 микрон. А счет на Симме имел вовсе не символическое значение. В сущности, Конечная станция принадлежала Цветочникам, и все расходы Хенка сейчас оплачивала Земля, причем оплачивала чистой информацией. Могло оказаться так, что чашка титучая, выпитая Хенком, могла быть оплачена именно его, Хенка, статьей. О тех же протозидах...

— С возвращением,— бармен без особого энтузиазма поднял чашку.

— Возьми посудину пообъемистей,— посоветовал Хенк.— Не похоже, что вы часто пьете за возвращение.

Бармен хмыкнул:

— Когда как... Сегодня ты третий...

— Открыли регулярную линию? — удивился Хенк.

— До этого еще не дошло,— вмешался в разговор щучьегубый и ухмыльнулся: — Вторую чашку бармен поднимал за меня, а первую за патрульных.

Хенк не стал спрашивать, что делают на Симме сотрудники звездного Патруля. Он с удовольствием смотрел сквозь прозрачную стену бара. Там, за невидимым колпаком силовой защиты, слабый ветерок лениво курчавил металлические заросли, гонял по земле ржавую спиральную стружку. Две-три звезды прокололи дикое пепельное небо Симмы. Голова бармена время от времени перекрывала свет звезд, и Хенк перебрался на другой табурет, ближе к щучьегубому. Перегонщик воспринял это как сигнал к сближению.

— Сегодня и завтра, — сообщил он, — в Аквариуме оберон с Оффиуха.

Хенк кивнул. Ему нравилась эта новая манера обращаться ко всем на «ты».

— Секреты пластики, — сипомнил он. — Я слышал об этом.

— Это следует видеть, — щучьегубый переглянулся с барменом. — И видеть это можно только здесь. Оффиух-

цы, они вроде протозид, их не заманишь во Внутреннюю зону.

— Подыскивай сравнения! — возмутился бармен.— «Протозиды»! — Он презрительно, даже брезгливо поджал губы.— Протозиды убивают, оффиухцы радуют.

Он плеснул в свою чашку еще несколько капель титучая и выругался.

Хенк усмехнулся. За время его отсутствия изменилось не многое. Да и вряд ли могло измениться. Ненависть Арианцев, Цветочников, океана Бюрге к первичникам, к истребителям звезд не могла рассеяться сама по себе.

Он опять усмехнулся.

Он чувствовал себя гонцом, несущим добрую весть. Завтра утром он разберется в заметках, набросанных для него Шу и вложенных в кристаллы памяти, и, возможно, в том же Аквариуме познакомит сотрудников Конечной станции с некоторыми из своих выводов.

Он поманил к себе бармена:

— Через Симму, наверное, прошло немало людей?

— С Земли? — не понял бармен.

— Неважно откуда. Главное, людей.

— Были... Конечно, были...

— На ваших складах, должно быть, попадаются занятные вещи, а?

— Да уж наверное. Мы ничего не выбрасываем. Тебя что-то интересует?

— Да, — кивнул Хенк.

— Твой счет надежен. Говори. Если эта штука сыщется, она твоя.

И Хенк сказал:

— Шляпа.

Он ничего не добавил к просьбе. Он ничего не хотел объяснять, но этого и не потребовалось. И бармен, и щучьегубый уже разглядели шрам, вовсе не украшающий Хенка. Другим, более мягким голосом бармен спросил:

— Где тебя так?

Он понял просьбу Хенка по-своему. Он решил, что шляпа нужна Хенку по самой простой причине — прикрыть шрам. А голос бармена подобрел потому, что до него наконец дошло: Хенк — человек. Оберон, пройдя через Преобразователь, никогда не получит ни морщинки, ни бородавки, ни тем более шрама. Квазилюди всегда гармоничны. Их тела, их лица чисты.

— Где тебя так? — переспросил бармен.

- Не важно,— отмахнулся Хенк.
- Такой удар может напрочь отшибить память,— сочувственно хмыкнул бармен.— Имя-то сохранил?
- Еще бы! — усмехнулся Хенк и подмигнул бармену:— Я — Хенк.
- А я Люке,— ответил бармен.— Зови меня так — Люке. Это не имя, но мне нравится, когда меня так зовут.
- А я Ханс,— представился перегонщик.— По-настоящему Ханс, без всяких этих оберонских штучек.
- Хенк кивнул. Хенк был растроган. Он подумал: «Мне повезло. Шу наконец увидит шляпу».

3

Он долго не мог уснуть.

Сперва ему помешал диспетчер.

«Хенк,— попросил он по внутреннему инфору.— Как нам отодвинуть «Лайман альфу»? Она мешает почтовикам».

— Проще простого,— ответил Хенк.— Свяжитесь с Шу, она все сделает.

«Шу? — удивился диспетчер.— Почему ты не зарегистрировал спутника?»

— Шу — бортовой компьютер,— терпеливо объяснил Хенк.

Он долго не мог уснуть.

В детстве его мучило мерцание звезд. Непостижимость этого мерцания. В юности он открыл комету. Ее хвост растянулся на полнеба, он был просто светлый, но в долгихочных снах он всегда виделся Хенку цветным. Хенка с детства удручала необходимость прятаться под покровом атмосферы. Он широко открывал глаза, будто это могло помочь ему проникнуть в даль Вселенной. Он любил думать, что его дом не ограничен пределами Солнечной системы. В принципе это было так: окончив школу Поисковиков, он выходил и во Внутреннюю зону. Но никогда дальше. Дальше ходил его брат Роули — звездный разведчик. Хенк всегда завидовал разведчикам. Ему хотелось думать, что там, среди звезд, они — его продолжение. Он не уставал следить мерцание звезд. Его мучило — что там, за горизонтом событий, там, в Крайнем секторе, там, в нетипичной зоне, где укрывается недоступная раса протозид, игнорирующая любую попытку контакта?

По материалам звездного разведчика Роули Хенк на-

писал книгу. Книга, посвященная нетипичной зоне, привлекла внимание специалистов. Бывшего пилота, а теперь космоисторика и космопалеофитолога, Хенка пригласили в редакцию Всеобщей энциклопедии. Десять лет, проведенные в ее штате, составили Хенку имя. Лучший знаток первичников... Разумная, но замкнутая на себя раса заполнила даже сны Хенка. Иногда он видел сны, о содержании которых не мог рассказать даже брату... Зато из нескольких специалистов Всеобщей энциклопедии, выразивших желание взять на себя дальний поиск, связанный с изучением протозид, предпочтение было отдано ему, Хенку. Он подозревал, что какую-то роль во всем этом сыграла неожиданная гибель его брата Роули — там, в глубине Крайнего сектора... Подразумевалось, что наблюдения Хенка внесут ясность в один из самых сложных отделов Всеобщей энциклопедии. Подразумевалось, что наблюдения Хенка, как раньше наблюдения Роули, не только дополнят, но и перестроят этот отдел, все еще вносящий сумятицу в строго расчисленное здание звездной истории.

Параллельно делам во Всеобщей энциклопедии Хенк читал в Высшей школе курс космической палеофитологии. Этот курс определялся названием — «Века и растения», но студенты из встреч с Хенком выносили не просто понятие об эволюции растительных и квазирастительных земных и звездных форм — Хенк не уставал указывать на расхождения, оказавшиеся роковыми для некоторых, теперь уже не существующих цивилизаций, на те поистине роковые узлы, с которых Разум, взрываясь, начинает строить вторую природу, отрываясь от своих естественных, предопределенных происхождением корней.

У Хенка было место, где он всегда чувствовал себя особенно хорошо. Свайный домик, крошечное лесное озеро. За озером, как рыжие облака, пылали осенние лиственницы, не закрывая собой Енисея. Еще дальше голубели горы... Хенк водил студентов по саду, обращал их внимание на тот или иной куст, на запахи, присущие только определенному кусту; он, Хенк, разбил на Енисее самый северный сад роз, в котором белые шары древних, как сама история, Лун и благородные Галлики росли прямо на земляных грядках, а желтые и светлые дамасские розы, пережившие Римскую историю и последующие пятьдесят веков, оставались столь же упругими и свежими, как во времена Цезарей. Хенк по-детски гордился зеленоватыми чайными, аромат которых и впрямь напоминал

крепкий чайный букет, карамзиновыми Дюк де Монпасье, огненно-алыми Амулетами. Он любил свои редкие бархатистые, с розовым ободком Кримсон Роули и всегда влажные, покрытые капельками нежной росы бутоны Арон Уор. Показывая их, Хенк поднимал глаза горé — ему нравилось, что звезды и розы схожи.

Иногда он подводил студентов к бревенчатому забору, отделяющему сад от северной пасеки. Здесь, у грядок, над которыми золотились древние Мадам Жюль Граверо, желтели буйные Маман Коше, лучились сквозь плотную кожистую листву блестящие, как бы покрытые восковым налетом, алые пернецианские, он непременно задерживался. Ведь там, среди блеклых, как осень, Лидий и Сестер Калли, среди алых Гранд Джап, белела привитая на простой шиповник самая обычная на вид парковая роза. Но она отнюдь не была обычной, над нею Хенк работал почти пятнадцать лет. Он не резал и не формировал куст, он просто помогал розе развиваться, разве лишь осенью снимал с веток листья, чтобы не привлекать к ним внимания прожорливых северных мышей. Он берег розу не от холодов, он берег ее от жесткого северного солнца. Отзыаваясь на раннее весеннее тепло, верхняя часть куста могла торопливо пойти в рост, тогда как корневая система еще не проснулась... Со всем остальным кустомправлялся сам.

Ни разу за пятнадцать лет Хенк не видел на цветах своей розы ни крапинки, ни ободка. Она была чистой как снег, и он с удовольствием выкашивал вокруг траву, даря розе покой. Он с удовольствием сидел рядом с нею, а когда, случалось, шел дождь, когда слезились темные окна, а листва берез обвисала страшно и сыро, он укрывал ее от дождя.

Роза не была безымянной.

Он назвал ее Роули — именем брата, звездного разведчика, погибшего в районе катастрофического взрыва 5С 16 — космического объекта, долго вызывавшего недоумение астрофизиков. Хенк не уставал верить, что однажды слухи о гибели брата будут опровергнуты, как это пусть редко, но случалось. Он не уставал верить, что Роули жив, что он там — вверху, в безднах Космоса.

Он долго не мог уснуть.

Туп — как протозид. Темен — как протозид. Жесток — как протозид.

Он вспомнил брезгливую гримасу Люке и холод во взгляде перегонщика Ханса.

Туп, темен, жесток...

Арианцы, Цветочники, океан Бюрге — они, наверное, имели право так говорить, но почему то же самое говорят земляне?

Хенк улыбнулся.

Он разрушит некоторые стереотипы.

Протянув руку — в комнате было темно,— он дотянулся до коробки с кристаллами памяти. Крошечный проектор заработал сам — от тепла ладони.

Маршрут, маяки, точки отсчета, физика нетипичной зоны... Счетчик стрекотал, как кузнецик.

Разве он не взял с собой кристалл «Протозиды»?

Не вставая, он включил внешний инфор и попросил связь с Шу.

— Как у тебя? — спросил он, не скрывая радости.

— У меня хорошо,— ответила Шу своим непостижимым голосом.— Разрабатываю маршрут.

— Но этим занят Расчетчик Преобразователя.

— Я, конечно, не знала...

Он понял, что Шу обиделась. Он быстро сказал:

— Я сам хотел просить тебя продублировать работу Расчетчика.

Тогда Шу спросила:

— Как у тебя?

Хенк вздохнул. Он все еще помнил лица Люке и Ханса.

— Шу,— спросил он.— Почему никто не любит протозид?

— Они вне сообщества, Хенк.

— Ну да,— протянул он.— Первичники... Истребители звезд.

— Не только... Они древние, Хенк. Они очень древние. Вспомни, как человек относится к тем, кто старше его — к мокрицам, к змеям, к членистоногим... А протозиды еще древнее, Хенк. Они очень древние.

Он кивнул.

— Хочешь спросить еще что-нибудь?

— Да.— Он помолчал.— Кажется, я забыл кристалл «Протозиды».

— Ты его не забыл, Хенк.

— Но его нет в коробке.

— Его действительно нет в коробке, Хенк.

— Но почему?

Шу промолчала.

— Но почему, Шу?

— Кристалл «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

— С чего ты это взяла?

Шу не ответила. Но он знал, Шу ничего не делает просто так. Сколько бы он ни спрашивал, она сейчас ничего не скажет. Еще какое-то время он смотрел на потемневший, вдруг отключившийся экран. Он был сбит с толку. Он вдруг почувствовал неясную тревогу. Впрочем, даже сейчас его все еще не оставляла радость: он на Симме, он среди людей.

5

А разбудил его стук.

Он не сразу понял, кто может стучать на борту «Лайман альфы»? А если и стучат, почему стучавшему не ответит Шу?

Ах да! Он на Симме!

Не поднимаясь, он ткнул пальцем в переключатель инфора.

«Это гости».

— Кто они? — Хенк еще не хотел вставать.

«Они все объяснят сами».

— В любом случае им придется подождать, я еще не был в душевой...

— У нас мало времени, Хенк.

На вспыхнувшем экране появилось чье-то смуглое лицо, несомненно чем-то удрученное.

— Вы слышали мои ответы? — удивился Хенк.

— Ты забыл отключить внешний инфор.

Хенк поднялся.

Принимая душ, он внимательно присматривался к гостям (он видел их на экране инфора). Два человека (или оберона), они вошли в комнату и остановились у окна, будто их интересовал не Хенк, а ржавый дикий пейзаж утренней Симмы. Хенк несколько запоздало предложил:

— Садитесь.— И вышел из душевой, затягивая пояс халата.

— Извини,— сказал смуглолицый, видимо, старший в группе. Его пронзительные голубые глаза смотрели прямо на Хенка. Слишком широко поставленные, они снижали впечатление от (в целом) мужественного лица, тем не менее Хенку он понравился больше, чем его спутник —

печальный красавчик, как бы равнодушный ко всему происходящему; все это время печальный красавчик стоял у окна, что-то внимательно рассматривая на поле. Голубые куртки обоих украшал отчетливый белый круг с молнией и звездой в центре — официальный знак звездного Патруля.

— Итак?

Хенк опустился в кресло.

— Хенк,— сказал голубоглазый.— Нам нужна твоя помощь.

Хенк пожал плечами.

— Инспектор звездного Патруля Петр Чельшев,— голубоглазый протянул Хенку жетон.

Хенк не потянулся за жетоном. Он знал, пальцы встретят пустоту, пальцы пройдут сквозь листок фольги, не ощущив никакого сопротивления. Такой жетон является индивидуальным, он материален только в руке хозяина. Хенк отчетливо видел круг, звезду, молнию. Это его вполне удовлетворило.

— База Водолея? — спросил он.

Чельшев кивнул.

— Хархад...— представился печальный красавчик, не отходя от окна. Ударение в имени он сделал на первом слоге.

— Хенк. Просто Хенк.— Хенк не знал, что к этому добавить.— Я очень давно не встречал землян.

— Сколько лет ты отсутствовал?

— По среднекосмическому — около четырехсот... Триста семьдесят, так точнее...

Отрешенность Хархада, не отходящего от окна, его удивила:

— Что вы там видите?

— Почтовая ракета...— Хархад обеспокоенно обернулся к Чельшеву:— Это ничего не меняет, Петр?

— Как? Она пришла вовремя?

Теперь они смотрели в окно все трое. Там, на космодроме, на фоне суетящихся роботов, медленно, бесшумно, как изображение на фотопластинке, проявился темный корпус пузатой тахионной ракеты. Она напоминала корабль Хенка, но была короче и не несла над собой броневого рога, в котором размещались мозг Шу и связанный с ним Преобразователь.

— Что там делают роботы?

— Готовятся выгрузить почту.

— Зачем у них эти трубы?

— Духовой оркестр,— фыркнул Челышев.— На Симме строго блюдут традиции. Почтовые ракеты, как правило, запаздывают, но эта, кажется, пришла вовремя.

— Она с Земли??!

— О нет. Она с базы Цветочников. Почтовую связь мы держим через них, это дешевле. К сожалению, у Цветочников, как и у Арианцев,— Челышев незаметно покосился на Хархада,— свое чувство времени. Сутки-двоев, для них нет большой разницы.

Челышев наклонился к экрану инфора:

— Это сегодняшняя?

Ответил диспетчер:

— Жаль разочаровывать тебя, Петр.

— Но сейчас семь ноль-ноль.

— Это вчеращняя ракета, Петр.

Отключив инфор, Челышев обернулся к Хенку, и они рассмеялись. Рассмеялся и Хархад, чем сразу расположил Хенка к себе.

— Чем я могу вам помочь? Я землянин, я обязан помочь землянам.

Челышев кивнул. Да, он не сомневался: Хенк землянин, он поможет землянам.

— Выведешь «Лайман альфу» на рассчитанную нами орбиту. Расстояние не более сорока световых лет, для твоего корабля это минутное дело.— Челышев остроглянулся на Хенка:— Сможешь?

— Не хотел загружать Шу, но если это необходимо...

— Необходимо,— подтвердил Челышев.— Шу... Кто это?

— Бортовой компьютер.

— Шу... Это женское имя.

— Ну и что?

Челышев усмехнулся:

— Действительно...

— Цель? — спросил Хенк.

— Обязательно хочешь знать?

— Это что, тайна?

Челышев и Хархад переглянулись.

— Боюсь, Хенк, цель тебе не понравится,— медленно произнес Челышев.— Ты долго отсутствовал, ты не знаешь того, что делается сейчас в Крайнем секторе. Понимаю твои сомнения, но наша просьба это еще и приказ.

Приказы звездного Патруля не обсуждаются, это Хенк знал. За спиной звездного Патруля стоит, как пра-

вило, целая цивилизация, если не две и не три. Но Хенк не любил неясных приказов. Он переспросил:

— Цель?

— Одиночный протозид, Хенк,— медленно пояснил Челышев.— Всего лишь одиночный протозид.

— Надеетесь на контакт?

— Нет, Хенк. Ты лучше, чем мы, знаешь — протозиды неконтактны.— Челышев неожиданно улыбнулся.— Мы не надеемся на контакт, Хенк. Мы надеемся уничтожить протозида. Мы — Охотники.

6

Хенк немало слышал об Охотниках.

Весьма квалифицированные профессионалы. Готовили их на одной из баз Водолея: специальная закрытая школа для специалистов, работающих в ситуациях, последствия которых непредсказуемы. Он, Хенк, никогда прежде не встречался с Охотниками, но много слышал о них. В системе Гинапс Охотники в свое время потеряли почти треть сотрудников, но сумели предотвратить столкновение двух воинственных подрас Гинапса. Еще Хенк слышал об Охотнике по имени Шарп. Хенрик Шарп почти девять лет провел в зловонных подземных городах планеты Бессель, чуть было не угнанной представителями миров нКва. Планета Бессель никогда не принадлежала мирам нКва, так же как последние никогда не входили в Межзвездное сообщество. Заслугой Охотника по имени Шарп, особо отмеченной океаном Бюрге, явилось его достаточно ровное отношение ко всем задействованным в этом происшествии расам, в том числе и к представителям крайне несимпатичных людям миров нКва.

Но — протозид!

Арианцы — да, Цветочники — да. Они не раз организовывали вылазки против протозид. Но там речь шла о крупных скоплениях... Чем мог помешать кому-то одиночный гравитационный организм, равнодушно дрейфующий в сорока световых годах в стороне от Конечной станции?

Хенк не мог не верить Петру Челышеву и его коллеге. Они являлись сотрудниками звездного Патруля, они, конечно, получили приказ с Земли. Такой приказ, как правило, весьма обоснован, и если дело доходит до его исполнения, возражений попросту не может быть.

Хенк обязан был верить Охотникам, но все в нем протестовало.

Истребители звезд?.. Конечно... Но сейчас в районе квазара Шансон дрейфовал лишь одиночный протозид, ни для кого не представляющий опасности. Ситуация усугублялась и тем, что любая акция, проведенная против протозида, мгновенно станет известна всей этой древней расе: ведь одиночный протозид — это всего лишь часть одного колоссального, рассеянного в пространстве организма.

Хенк механически следовал за Охотниками.

Он не видел смысла в готовящейся акции, но приказ оставался приказом, а он, Хенк, — землянин.

Корпус «Лайман альфы» отбрасывал тень чуть ли не на половину космодрома. Щелкнули замки, шипя, опустился на бетон язык дежурного пандуса.

— Как у тебя? — спросил Хенк, проверяя шлюзы.

Шу ответила:

— Разрабатываю маршрут.

Охотники невольно задрали головы: голос Шу звучал где-то под сводами.

— Переключись на бортовую аппаратуру, — хмуро приказал Хенк. — Через двадцать минут стартуем.

— Земля? Ты получил разрешение?

— Нет, — ответил Хенк. — Пока не Земля. — И прежде чем бросить карту курса в щель Расчетчика, взглянул на Челышева.

Челышев покачал головой:

— Ничего не могу сделать, Хенк. Мы прибыли на Симму незадолго до тебя. Приказ есть приказ, нас не всегда знакомят с подробностями. Мы ожидаем новостей, но ты же сам видел — почтовые ракеты запаздывают. Не могу утверждать определенно, но, похоже, в нашем секторе что-то случилось. Что-то такое, от чего этот одиночный протозид стал опасен. Надеюсь, вернувшись, мы получим разъяснение. Мы всего только исполнители, Хенк.

Хенк усмехнулся.

«Лайман альфа» стартовала, ослепив космодром Симмы мгновенной вспышкой.

Они шли в открытом пространстве. На правом экране, едва-едва укрошаемый мощными фильтрами, пылал квазар Шансон.

Прошло семь минут, и радары засекли протозида. Еще через две минуты Хенк увидел его на экране: крошечная занятая, действительно крошечная, чуть побольше

ше его корабля, но с массой, превышающей массу Симмы.

Крошечная запятая, такая невинная на фоне звезд.

Хенк знал, протозид их видит. А это означало: корабль Хенка, его «Лайман альфу», видят сейчас в с е протозиды, где бы они не находились. Разве руки Хенка не знали бы об опасности, защеми его ногу капкан?

— Один протозид никому не опасен,— хмуро сказал Хенк. И уточнил:— Никому и никогда... Кто может отдать приказ об уничтожении пусть не родственного нам, но разумного существа?

— Межзвездное сообщество,— сухо ответил Челышев.— Оно существует давно, но я никогда не слышал про его ошибки.

— Это одиночный протозид,— настаивал Хенк.— Охота лишь оттолкнет от нас протозидов. Да, они не ищут дружбы с нами, но они ведь д р у г и е, Петр. Они совсем другие.

— Сочувствую, Хенк.

Тяжелое молчание залило штурманскую обсерваторию «Лайман альфы».

Случайные звезды, входя в поле обзора, слепили глаза; Хенк тут же стирал их разрядчиком. Теперь уже на всех экранах отчетливо определилась массивная запятая протозида. Он плыл в пространстве, одинокий, как Космос. С невольной завистью Хенк вдруг ощутил, как жгут эту темную запятую бешеные лучи квазара, как мощно всасывает в себя каждую случайную пылинку этот разумный, но замкнутый на себя организм... Кто они — протозиды? Почему он, Хенк, землянин, не может думать о протозидах, как о врагах?

У Хенка вдруг закружилась голова, колющая боль ударила под лопатку. Но он почти вспомнил!

Что вспомнил?

Он чуть не вскрикнул от боли и тут же пришел в себя...

Ладно. К этому он еще вернется.

Хенк не хотел беды протозиду. Он искал выход. Он верил, что и протозид никому не хочет беды. Его медленный путь к квазару Шансон никому не грозил опасностью. Хенк не хотел, чтобы протозид был убит, уткнувшись в экран, он просчитывал самые невероятные варианты.

— Пристегнитесь,— приказал он Охотникам, пересаживаясь в кресло дистанционного Преобразователя. И постучал пальцем по панели.

— Я готова,— не сразу, но откликнулась Шу. Каза-

лось, она чувствовала состояние Хенка. Впрочем, это так и было. А может, ее смущали гости.

Хенк тронул ногой педаль дальномера, и протозид сразу приблизился, заняв собой весь экран.

— Три градуса... Четыре градуса... Пять градусов... — размеренно отсчитывала Шу.

Хенк развел сферу охвата, и силуэт протозида полностью вошел в круг, вычерченный локаторами Преобразователя. Координатная сеть тут же оплела массивную запятую — осталось лишь нажать на рычаг разрядника.

Хенк медлил.

Была надежда: протозид поймет, что чувствует опасность и смеется себя в иное пространство. Он это мог. Но молчаливая запятая ко всему и ко всем оставалась равнодушной. Она видела «Лайман альфу», но не испытывала к ней никакого интереса.

— Чего ты тянешь? — не выдержал Чельшев. — Переключай генераторы на гравитационную пушку.

— На борту «Лайман альфы» нет пушек, — произнес Хенк не без тайного удовлетворения.

— Совсем нет? — удивился Чельшев.

Хенк усмехнулся. Он вовремя вспомнил древнее, как протозид, слово. Он произнес его вслух:

— Я не пират.

— Как же ты собираешься воздействовать?..

— Для хода на досветовых скоростях «Лайман альфа» оборудована противометеорной защитой.

— Ты говоришь это не очень уверенно.

— Мне не по душе приказ.

— Это приказ Земли!

— Пусть так. Мне он все равно не нравится.

Хенк солгал Чельшеву и Хархаду.

На борту «Лайман альфы» действительно не было гравитационных пушек, но на ее борту не было и противометеорной защиты. На «Лайман альфе» стоял Преобразователь. Не стандартная машина Конечных станций, умеющая Арианца или неуклюжего обитателя системы Гинапс одеть в квазичеловеческую плоть, а мощный прибор, рассчитанный на любую форму. Хенк радовался, что не успел зарегистрировать Преобразователь на Симме. Теперь, благодаря этому, он нашел выход.

— Пора! — потребовал Чельшев.

Хенк тоже понял — пора и, содрогнувшись, нажал на рычаг разрядника.

Они не отрывали глаз от экранов.

Протозид, темный и равнодушный, все так же висел в тугой координатной сети. Казалось, он ничего не почувствовал.

Но так лишь казалось.

Он, Хенк, знал, что пусть на долю секунды, на ничтожную, почти неощутимую долю, этот темный, ни на что не реагирующий организм все равно содрогнулся от ужаса разрушения. И тот же ужас разрушения («Преобразования», — поправил себя Хенк) в ту же долю секунды испытал каждый другой протозид, как бы далеко он ни находился от места происшествия.

«Они знают, что это сделал я», — ужаснулся Хенк.

Протозид исчез.

На том месте, где он находился, разматываясь, как смерч, вверх и вниз от «Лайман альфы» расплывалась чудовищная пылевая туча, черный шлейф, перекрывший мерцание редких звезд, траурный свиток, развернутый его, Хенка, руками.

— Дельная работа, — одобрил Челышев. — Протозид развалился на атомы.

— Что дальше? — сухо спросил Хенк.

— Дальше — Симма, — с облегчением кивнул Челышев. — У тебя в запасе двое суток, Хенк. Отдохни, посети Аквариум, посмотри оффиухца. Хочешь, заглядывай к нам. В наших комнатах все как на Земле. Вне работы мы просто земляне.

Хенк промолчал.

— Ну, ну, Хенк. Мы делаем общее дело. Погоди, придет час, когда ты сам протянешь нам руку.

Хенк не ответил.

Он отключил экраны и передал управление Шу. Уже полчаса он не слышал от нее ни слова. Шу, конечно, сердилась, но ведь она-то должна была понять — он обвел Охотников. Они ничего не знали о Преобразователе, они считали, что протозид разнесен на атомы. В принципе, это и было так, только каждый атом пылевой тучи, в которую превратился протозид, и сейчас был строго определен. Это со стороны протозид выглядел мертвейнейтральной тучей, бессмысленным облаком, заставшим собой полнеба, но это облако оставалось живым. Медлительное, бесформенное, оно продолжало осознавать себя протозидом, и он, Хенк, верил, что рано или поздно вернет ему первозданный вид.

Настроение Хенка медленно улучшалось.

Он выполнил приказ Земли, ведь он оставался землянином. Но он не уничтожил протозида, ибо, как землянин, особо чтил Свод, созданный для всего разумного в Космосе.

«Все! — сказал себе Хенк, подставляя плечи под тугие струи настоящей воды.— Больше я не выполню никаких таких приказов.— Инфор он предусмотрительно выключил.— Протозид распылен, это явная ошибка. Я обязан сообщить об этом на Землю».

Он вспомнил брата.

Роули обожал безумные проекты. Его мечтой была мгновенная всекосмическая связь. Как на будущее он указывал на протозид. Когда-нибудь, по собственной воле, протозиды расселятся по всем Крайним секторам. Известное протозиду, находящемуся в одном краю Вселенной, мгновенно станет известно другому протозиду, находящемуся совсем в другом краю. Незачем станет гонять из конца в конец дорогостоящие тахионные ракеты, забрасывать пространство радиобуями, платить Цветочникам только за то, что ему, Роули, захотелось поговорить с братом Хенком.

— Шу,— потребовал Хенк по внешнему инфору,— мне необходим кристалл «Протозиды».

— Запись «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

Ответ Шу прозвучал в высшей степени категорично. Хенк не стал спорить.

Пусть так...

Не отключая связи, он мерял шагами комнату. Экран инфора мутно светился, по нему пробегали светлые и темные полосы, они бесконечно таяли и вновь возникали. Собственно, вдруг подумал он, это и есть портрет Шу.

— Сегодня в Аквариуме оберон с Оффиуха.— Шу никогда ничего не забывала.

— Советуешь посмотреть?

Хенк вздохнул. Он отчетливо ощущал свою зависимость от решений Шу. Иногда это его раздражало. И все же он никогда не противился этой зависимости.

Аквариум оказался не так велик, как представлялось Хенку. Овальный зал, поверху — галерея; три стрельчатых узких входа. В соседней с Хенком ложе (свою занимал только он) располагалась, похоже, целая семья: две изящные женщины, пятеро грубоносых мужчин и семь или восемь мелких отпрысков с желтоватыми, как тыквы, лицами. По вялым движениям Хенк сразу признал в них Арианцев, естественно, прошедших сквозь Преобразователь. Потомки одной из некогда самых агрессивных рас, Арианцы никогда не питали особых симпатий к Преобразователю. Собственные тела, как бы они ни выглядели, устраивали их больше всего, и эта необходимость — рядиться в чужое тело — всегда их несколько угнетала.

Арианцы ни на секунду не пожалели бы протозида, подумал Хенк.

Ладно. Скоро он будет на Земле, скоро он поднимет шум по этому поводу. Подождем.

Он откинулся на спинку кресла.

До объекта 5С 16 он дойдет на тахионной тяге. А там... Он мысленно представил длинную цепочку звезд, свернувшуюся на карте как змей из древних легенд — созвездие Гидры... Это уже Внутренняя зона. Там, на одной из планет звезды Альфард, он проторчит месяца три. Но это не страшно. Ведь это преддверие родной планеты...

Хенк вздрогнул. В центре Аквариума вспыхнул свет.

Свет становился все ярче, онширился, он заполнял Аквариум как гигантский пузырь. Впрочем, это и был пузырь — силового поля. Очень скоро он занял весь центр зала, и алые, без перепадов, тона медленно перешли в оранжевые.

Желтый. Белый. Ослепительно голубой.

Исполнялся цветовой звездный гимн Рессела-Кнута, давно вошедший в опознавательную окраску всех кораблей Межзвездного сообщества.

И этот свет становился все нежней, он расслаивался, в нем, не смешиваясь, вспыхивали фиолетовые искры, зеленые отсветы — бесконечный рассвет над безмерными океанами Оффиуха.

Хенк невольно привстал. Восторг переполнил его, ему захотелось всплыть, зависнуть над силовым шаром невидимого, воплотившегося в свет оффиухца. Его остановли-

вали лишь редкие зрители на галереях и в ложах — вряд ли его парение пришлось бы по душе тем же Арианцам...

А в силовом пузыре, заполненном нежным сиянием, уже металась смутная тень, которая не могла быть только тенью. Это, несомненно, было живое существо, и, оглянувшись, Хенк увидел, что просветлели даже лица Арианцев.

Хенк замер.

На мгновение его захватали острая, пронзительная тоска. Он опять был грандиозным облаком, звездный ветер гнал его бесформенное тело в сторону от квазара Шансон, к Стене, в мрак, в тьму, в ничто, звездный ветер рвал из него миллиарды атомов, но он, счастливое пылевое облако Хенк, тут же восполнял эти потери за счет рассеянной межзвездной пыли. Он был туманностью, небулой, рассасывающейся в пространстве, и такой же туманностью, нежной небулой казалась ему тень оффиухца — бесконечно длящийся взрыв непостижимо добрых лучей, заставляющий вновь и вновь переживать счастливую уверенность в вечности звезд, в вечности всего Разумного.

Потом оффиухец развернулся в широкий линейный спектр. Но это не был просто спектр. Хенк не один час провел над камерой спектрографа, он видел тысячи линий в тысячах самых разнообразных сочетаний, но сейчас перед ним разворачивался, сиял ж и в о й спектр.

Хенк был восхищен.

Он никогда не бывал на планете оффиухца, но теперь он знал — это не худшее место в Космосе.

И услышал испуганное восклицание.

Арианцы!

Хенк хлопнул в кресло. Он и завис-то над ним на какую-то секунду, но Арианцы это заметили.

Их это испугало и возмутило.

Хенк молча проводил их взглядом.

Испугались... Чего?

Он покачал головой. Он забылся. Его звездные привычки со стороны могут казаться дикими.

Он встал.

Кажется, ему не везет на Симме...

Тем с большим удовлетворением он подумал, что скоро, очень скоро он стартует с Симмы к Земле.

И вторая ночь оказалась для Хенка нелегкой. Но все же он спал и явился к диспетчеру отдохнувшим.

Диспетчер сидел перед экраном Расчетчика, внимательно следя нескончаемый ряд цифр. Рядом с ним промстился Челышев. Увидев Хенка, он поднял голову, и в глазах его скользнуло облачко недоумения.

— Я пришел за картами,— сообщил Хенк.

Диспетчер, не оборачиваясь, ткнул пальцем в одну из клавиш, и на пороге внутренней двери появился робот, выполненный в типичном для Симмы квазичеловеческом стиле. Над плечами робота торчала сферическая антенна, это еще больше делало его похожим на человека.

«Универсал,— оценил модель Хенк.— Таких можно использовать в любом качестве — от мусорщика до личного секретаря».

Забыв о Хенке, диспетчер и Челышев вновь, как зарованные, уставились на колонки и ряды цифр, стремительно сменяющиеся на экране Расчетчика. Они возникали, росли, теряли знаки, взаимно уничтожались — бесконечная странная пляска, неожиданно закончившаяся нулем.

Просто нулем!

Хенк невольно удивился: как мог оказаться равным нулю столь долгий и громоздкий ряд цифр?

Он удивился этому вслух.

— Нас это тоже интересует,— раздраженно ответил диспетчер.— Однажды я слышал о чем-то подобном,— он посмотрел на Челышева,— но никогда не думал, что мне когда-то тоже так повезет... Повторить, Петр?

— Сколько можно! — Челышев хмуро откинулся на спинку кресла.— Впрочем, повтори.

— Послушайте,— нетерпеливо сказал Хенк.— Я пришел за картами. Чем быстрее я стартую с Симмы, тем приятнее будут мои воспоминания о ней. Оставьте Расчетчик. Разве это имеет отношение к «Лайман альфе»?

— Имеет! — жестко отрезал Челышев.

Цифры крутились на ярком экране, как оффиухец в силовом пузыре. Цифры неслись по экрану, как цветные гребешки по поверхности океана Бюрге. Хенк невольно пожалел Челышева и диспетчера: через несколько часов он стартует, а им еще долго оставаться тут, на этой странной планетке.

«Надо успеть забежать в бар,— подумал он.— Люке обещал найти шляпу».

— Хенк,— вдруг спросил Челышев,— почему ты не хотел выполнить приказ Земли? Почему мне пришлось уговаривать тебя помочь нам в охоте?

— Я чту Свод.

— Это главное?

Хенк вызывающе глянул на Охотника:

— Одиночные протозиды никому не опасны.

— Не так уж он одинок, как ты думаешь,— буркнул, не оборачиваясь, диспетчер.

— Да?

Челышев усмехнулся. В его усмешке не было ничего угрожающего, но по спине Хенка вдруг пробежал холодок. Впрочем, он отдал должное Челышеву — Охотник умел быть краток. Протозид, которого он считал одиночным, был на самом деле одним из многих, вдруг устремившихся в сторону квазара Шансон. По сообщениям Арианцев и Цветочников, именно так и начинались зафиксированные в истории вторжения к звездам, выбранным протозидами для уничтожения. Из равнодушных, ничем не интересующихся существ протозиды мгновенно превратились в очаг страшной угрозы.

— Эти данные подтверждены?

— Разумеется.

— Но что они означают? — Хенк все еще не верил Охотнику.

— Далеко не то, на что ты надеешься, Хенк.

Челышев помолчал. Он не смотрел на Хенка, он ничем не хотел помочь Хенку. Он хотел, чтобы Хенк догадался сам.

И Хенк догадался.

Даже одиночный протозид, как правило, обладает чудовищной массой. Скопление таких существ, сумей они подойти к квазару, немедленно вызовет чудовищный взрыв, который затопит огнем весь Крайний сектор. Цветочники, Арианцы, океан Бюрге — они уже сейчас должны были думать о защите (если она еще была возможна). Древние мифы обитателей нетипичной зоны, круто замешанные на ненависти к протозидам, представали перед Хенком совсем в ином свете.

— Это не все, Хенк,— добил его Челышев.— Протозиды активизировались не только в нашем секторе.

Хенк понял Челышева и ужаснулся.

Ужаснулся не тому, что целый ряд миров мог по-

гибнуть в плазменном океане; ужаснулся тону Челышева — жесткому, четкому, за которым угадывалось некое решение:

— Вы хотите уничтожать протозид?

— У нас нет выбора. Подойди они к квазару Шансон, спасать будет некого. Несколько биосуток — вот все отпущенное нам время. За эти несколько биосуток мы должны рассеять скопления протозид, лишить это скопление критической массы, той, что может привести к взрыву квазара.

Диспетчер, слушая Челышева, раздраженно кивнул. Он не понимал, что еще неясно Хенку.

— И мы будем уничтожать протозид поодиночке? Вызовем тахионный флот Цветочников и Арианцев, ударим по протозидам из гравитационных пушек? Будем отсекать и уничтожать жизненно необходимые части единого коллективного, к тому же разумного организма? И найдем потом силу в течение последующих миллионов лет благополучно сосуществовать рядом с нами же искалеченной расой?!

— Почему ты так горячишься? — раздраженно прервал Хенка диспетчер.— Ты видишь иной выход? Более гуманный?

— Пока нет.— Хенк задохнулся.— Но он должен существовать! Протозиды разумны. Как разумная раса они равны перед любой другой. В том, что мы не можем понять друг друга, виноваты не только они. Все ли мы сделали, чтобы понять друг друга?

— А сии? — езорвался Челышев.— Что сделали они? Вся история протозид — история миров, гибнущих в огне. Сплошные костры! Цветочники, Земляне, Арианцы, океан Бюрге — разве мы не пытались найти общий язык с протозидами? Мы поставляли им межзвездную пыль, скружали радиобуями, засыпали к ним Поисковиков. Ты сам, Хенк, явился из сектора, занятого протозидами, но что ты принес нового? Чем ты можешь помочь нашим друзьям, тем же Арианцам, Цветочникам, океану Бюрге?

— Свяжите меня с Землей,— потребовал Хенк.

— С Землей? — Хенку показалось, что оба они, и Челышев, и диспетчер, обернулись к нему сразу и со странным любопытством.— Мы не можем тебя связать с Землей, Хенк.

— Могу узнать — почему? — спросил он с холодным бешенством.

Диспетчер молча указал на экран Расчетчика.

Сумасшедшая пляска цифр погасла, на экране четко вырисовывался нуль. Все тот же нуль. Он был похож на одиночного протозида.

— Что это означает?

Ответил Чельшев:

— Это означает, Хенк, что переданные тобой данные не позволяют Расчетчику рассчитать твой последующий путь к Земле. Это означает, Хенк, что курс, рассчитанный по твоим данным, не может привести тебя ни к Земле, ни к другой населенной планете, входящей в Межзвездное сообщество.

Хенк все еще не понимал.

Диспетчер, вздохнув, отключил Расчетчик. Широко расставив локти, он почти лег на стол. Голос его был сух, но тверд:

— Путь к Земле, Хенк, мы рассчитываем только для Землян и для членов Межзвездного сообщества. Остальные, как правило, допускаются лишь до границ Внутренней зоны.

— Только для Землян? — возмутился Хенк. — Как? Получается, что я не землянин? Кто же я по-вашему? Может, протозид?

— Вот для того мы и собрались, Хенк... Согласись, ответ, как бы ни был он странен, важен не только для тебя. Мы, Хенк, тоже полны любопытства.

10

Не землянин!

Хенк ошеломленно уставился на Чельшева. Он, Хенк, — не землянин! Что за бред? Он же помнит себя, он помнит Землю, помнит своих друзей! Хенк почти кричал. Он требовал повторить расчеты.

— Это ничего не даст, Хенк, — устало сказал диспетчер. — Расчетчик не ошибается. Я как-то слышал о такой ошибке, но, скорее всего, это анекдот.

— Не будь я собой, — возразил Хенк, — разве бы я не ощущал этого?

— А ты не ощущаешь?..

Они замолчали.

Хенк выдохся.

Он вдруг понял, как нелегко сидящим перед ним людям. Он сумел поставить себя на их место. Они правы, у них нет резона ему доверять. Он пришел из нетипичной зоны, данные, предоставленные им, дают странные

результаты. Они, диспетчер и Охотник, обязаны узнать:
кто он?

Этот же вопрос задал Челышев.

Он даже улыбнулся. Улыбка получилась мрачноватая, но все же это была улыбка:

— Ты ведь позволишь порыться в твоей памяти, Хенк?

Четверть часа назад даже намек на такое вызвал бы в Хенке ярость. Сейчас он только кивнул. Почему нет? Если его обманули (он не нашел смелости сказать подменили), он сам хотел знать: где? кто? с какой целью? Лишь сейчас он понял назначение робота, все еще стоявшего на пороге.

— Это Иаков,— пояснил Челышев.— Не знаю почему, но его называют именно так. Он не умеет лгать, но свободно ориентируется в чужой лжи.

— Иаков! — приказал он.— Займи место в лаборатории.

Лаборатория оказалась просторной и почти пустой комнатой: на темной стене несколько экранов, пульт, на стеллаже ворох датчиков, в углу низкое кресло и массивная тумба самописцев.

Оплетая голову Хенка змеями датчиков, диспетчер предупредил:

— Здесь прохладно, но тебе надо скинуть рубашку.

Он замолчал, увидев шрам на спине Хенка. Легко, одним пальцем, коснулся ужасной, уходящей под левую лопатку, вмятины:

— Где тебя так?

— Не все ли равно...

— Не все равно! — резко вмешался Челышев.— Мы не задаем пустых вопросов.

— Под объектом 5С 16.

— 5С 16.. — Челышев вспомнил.— «Лайман альфа» попадала в аварию? Об этом есть запись в бортовом журнале?

— Разумеется.

Тон, каким Хенк это произнес, не мог оживить беседу, но Челышев настаивал:

— Такой удар разрывает человека на части... Нелегко было собирать тебя, а, Хенк?

— Шу умеет.

Из-под пера самописца поползла испещренная непонятными знаками лента; попискивала, скользя, координатная рама; где-то искрил контакт — пахло

озоном, холодком. Хенк неумолимо проваливался в сон.

— Не спи, Хенк,— громко сказал Челышев, просматривая ленту.— Не спи. Тебе не надо спать.

Хенк не спал. Он услышал удивленное восклицание Челышева:

— На «Лайман альфе» стоит Преобразователь?!

— Что в этом странного?

— Преобразователями снабжены лишь Конечные станции... Почему ты не зарегистрировал Преобразователь на Симме?

— Я был рад возвращению. Впрочем, это просто не пришло мне в голову. Да и вы сбили меня с толку этой охотой...

— Все еще жалеешь протозида?

— Да.

— Не напрягайся, Хенк,— попросил диспетчер.— И помолчи...

— Мне холодно.

— Полчаса можно потерпеть. Это не страшно.

— Полчаса... А потом?

— Потом вернешься к себе... Пообедаешь, отдохнешь...— Челышев помолчал.— Отдохни от своего корабля, Хенк... А там мы все выясним...

«А там...» Прозвучало это достаточно безнадежно.

11

Хенк выбрал бар.

Не лучшее место для размышлений, но в пустой комнате перед экраном отключенного инфора сидеть было просто тошно. «Если Ханс в баре,— загадал Хенк,— все выяснится быстро...»

Перегонщик оказался в баре.

— Я всегда здесь,— объяснил он, быстро шевеля плоскими губами.— Если жарко, ищу прохлады, если холодно, ищу тепла. Если бы не дела,— неопределенно закончил он,— я давно бы покинул Симму.

В настоящее время Ханс, по-видимому, мерз. Не прерывая своих сетований (проклятые протозиды!), он порылся в тайниках климатической панели, и прозрачные стены бара, потускнев, медленно уступили место душному тропическому лесу. Хенк сидел за стойкой,

а вокруг дрожало гнусное марево джунглей, лениво клубились влажные испарения. Мангры, а может другая какая гадость — когтистые, волосатые корешки мертвого нависали над запотевшей стойкой, у ног бармена тускло отсвечивала лужа. Он хмыкнул и опасливо заглянул под стойку.

— Прошлый раз,— пожаловался он на Ханса,— из-под стойки выполз здоровущий кайман. Он, конечно, бесплотен, но на нервы действует как настоящий.

— Жизнь есть жизнь,— ревниво парировал перегонщик.

— То, что ты создаешь, Ханс, никто не назовет жизнью. Нежить, призраки — так точнее,— бармен лениво сплюнул под стойку.— Впрочем, мне все равно. Это моя работа — помогать тебе отвлекаться. Свою работу я делаю хорошо.

Где-то невдалеке из душных зарослей взлетела, шипя, красная сигнальная ракета.

— Готовь титучай, Люке,— хмыкнул Ханс.— Сейчас сюда вылезет вся вчерашняя свора.

— Вот уж кого не хватало,— пожаловался Люке.— Призраки призраками, а грязь на ногах понесут настоящую, и счет их у нас недействителен.

— Зачем вам все это? — спросил Хенк.

Ханс медленно обвел взглядом джунгли:

— Как на Земле... Правда?

— Земля давно не такая.

Ханс, казалось, не слышал. Он завелся на всю катушку. Он задавал Хенку глупейшие вопросы и сам же отвечал на них, нудно при этом поясня, что это Хенк ответил бы так. При всем при том он успевал возвеличивать Межзвездное сообщество. «Пока мы контролируем Крайние секторы, Хенк, влияние нашего сообщества практически безгранично. Когда мы ликвидируем протозид, Хенк, мы поставим точку в одной очень важной фразе».

— Чем они вам так насолили, эти протозиды?

— Ханс поставлял пылевые облака в район Тарапы-12,— пояснил за Ханса бармен.— Пылевые облака, если я не ошибаюсь, единственная жратва протозид. К тому же, эти облака — единственное, на что они обращают внимание. Ханс — фанатик. Он живет своей работой перегонщика. Никто лучше его не может распространить и перегнать на сотню световых лет настоящую глобулу — пылевую туманность. И вдруг эти тва-

ри...— бармен покосился на Хенка,— вдруг эти протозиды бросают все и начинают куда-то уходить. Они даже не хотят жрать прекрасную жирную пыль, которой нагнал им Ханс. Мне-то на протозид наплевать, но вот у Ханса на подходе к Тарапе-12 застяло шикарное пылевое облако на десяток световых лет. Если его не пожрут протозиды, а, похоже, они этого не хотят, Ханса оштрафует звездный Патруль.— Люке не смог скрыть усмешку.— За умышленное засорение нетипичной зоны.

— Но ведь Ханс выполняет задание Земли. Гонять пылевые облака — не частное дело.

— Все так. Но Ханс — классный перегонщик. Его нервируют такие заминки. Классный перегонщик,— пояснил он,— должен уметь предугадывать такие вот сбои.

— Как он может такое предугадать?

— Не знаю.— Люке наполнил чашку.— Когда протозиды направились под Формаут, некто Людвиг это предугадал... Извини, Ханс, я говорю правду.

— Проклятые протозиды!

— Ты понимаешь,— еще обстоятельнее пустился в объяснения Люке,— Ханс пригнал этим тварям кучу облаков, а они вдруг бросили все и ушли! Он старался пригнать им как можно больше этой гнусной пыли, которая только засоряет пространство, а они так его подвели!

— Хенк — свой парень,— сообщил он перегонщику.— Он все понимает!

— Я вижу,— расчувствовался Ханс.— Я таких парней чувствую сразу. Я на этом стою, Хенк! Слышишь, Хенк, ты мне нравишься, Хенк! Позволь, я поцелую тебя!

Плоские щучьи губы Ханса впрямь дотянулись до щеки Хенка.

Заунывно орала в джунглях какая-то птица, вдали взлетали и гасли ракеты. Призраки-путешественники, созданные воспаленным воображением Ханса, кажется, совсем сбились с пути.

— Я рад, Хенк, что ты так легко схватываешь любую проблему,— радовался перегонщик.— Я рад, Хенк, что мы с тобой сидим посреди болота, как на настоящей Земле, и вместе обсуждаем этих проклятых тварей. Завтра утром, Хенк, я проснусь, я вспомню, что поцеловал тебя...

— ...и меня стошнит! — негромко, но слышно закончил за Ханса Люке.

Он засмеялся, но Хенку стало не по себе. Знай Ханс о том, что случилось с ним, с Хенком, он вряд ли полез бы целоваться, особенно при его любви к протозидам.

«Кто я..? Протозид?..»

Хенк усмехнулся.

А почему нет? Разве не он пожалел приговоренного к уничтожению протозида? Разве не он оспаривал приказ Земли? Разве не он обманул Охотников?.. Ведь того протозида в любой момент можно вернуть в привычное состояние...

Он подумал: «Ни Чельшев, ни тем более Ханс не поступили бы так, как поступил я...»

Протозид...

Он внимательно прислушивался к своим ощущениям. Он искал в себе что-то такое, что подало бы пусть не сигнал, пусть всего лишь намек...

Но на что?

Он не знал. Собственная память не могла ему помочь. Но он упорно искал, он понимал — надо сейчас же и чем-то сильным всколыхнуть, взорвать привычные связки памяти, чтобы из взбаламученного, засоренного мелочами месива медленно поднялась, обнаружила себя чем-нибудь чужая начинка.

Он спохватился: «Что за бред?!» А бармен продолжал жаловаться:

— Москиты! Опять москиты! Я запретил их выпускать сюда.

— Они не кусаются,— фыркнул Ханс, не допуская Люке к климатической панели.— Зато Хенку нравится. Тебе правда нравится, а, Хенк?

Хенк кивнул.

«Ум не снабжен врожденными идеями, как считали древние философы. Самый мощный компьютер не вместила в своей памяти все то, что помнит о кухне собственного дома самый обыкновенный земной ребенок: обстановку в ней, какие где лежат вещи, что и когда может упасть, что лучше вообще не трогать.. Память не организуется в алфавитном, или в цифровом, или в сюжетном порядках, она извлекает свое содержимое путями поистине неисповедимыми, и если я, Хенк, хочу надеяться на случай — случай этот надо создать...»

Дотянувшись до инфора, он включил диспетчерскую.

— Где это ты, Хенк? — удивился с экрана Чельшев.

Кажется, он ничего не видел из-за густых испарений.

Ханс перегнулся через плечо Хенка:

— Охотник!

— Ага, я понял,— усмехнулся Челышев.— Ты сидишь в баре.

— Что выдал вам Иаков, Петр?

— Пусто! — Челышев выразительно щелкнул пальцами.— Ты, наверное, раскачиваешь свою память, я угадал? Ну так не мучайся... На каком-то уровне та память, которую мы исследовали,— он явно избегал говорить в открытую, жалел Хенка,— эта память оказалась с пустотами. Ну, понимаешь, будто из нее выстрижены целые куски.

Хенк кивнул.

От Челышева он не ждал утешения. «Не Арианец, не Цветочник, не Землянин... Охотник прав: мною надо заниматься всерьез...»

— Значит, вы не сдвинулись ни на йоту? — Он вдруг ощутил непонятное удовлетворение.

— Ни на йоту, Хенк.

— А может быть, именно это и подтверждает, что тут нет особых проблем? — надежда вспыхнула в Хенке ярче ракеты, взорвавшейся прямо в кроне дерева, наклонившегося над стойкой.

— Нет, не означает,— сухо ответил Челышев.— Проблема есть. Это очень старая проблема, Хенк. Проблема гомункулуса, а? Ты что-нибудь помнишь об этом?

Челышев не мог высказаться яснее.

Гомункулус.

Этим термином философы древней Земли обозначали крошечного гипотетического человечка, якобы существующего в нас — ошибка, в которую весьма легко можно впасть. Спросите любого: как он видит, как он воспринимает окружающий его мир, всегда найдется такой, что ответит, нимало не смущаясь: ну, там у нас, в голове, есть что-то вроде маленького телевизора.

Но кто смотрит в камеру телевизора?

— Послушайте, Петр. Я настаиваю на своей просьбе. Я требую связать меня с Землей.

— Мы отправили запрос.

«Вот как... Они все учли...»

Он вяло помахал рукой:

— Что ж... Тогда до встречи.

Ханс и Люке ничего не поняли из этой беседы. Ханс даже хмыкнул недружелюбно:

— Что надо от тебя Охотнику?

— Ты и его не любишь?

— Он — Охотник... Где появились Охотники, там жди неприятностей.

— Еще титучай! — потребовал Хенк, но сам пить не стал.— Как мне добраться до двери? — Он ничего не видел в тумане.

— Шлепай прямо по лужам, не промахнешься,— посоветовал бармен.— Все это призраки, Хенк. В определенном смысле, Хенк, все живое — призраки. Правда?

Хенк молча пошлепал прямо по лужам, по жидкой грязи, в которой корчились какие-то отростки, пузырилась вода. Мутный воздух отдавал тлением. Справа дрогнула, отклонилась заляпанная эпифитами ветвь, в образовавшуюся дыру глянули сумасшедшие глаза. «Я ищу людей! — услышал Хенк.— Мне нужны люди!»

Хенк выругался.

Он не хотел говорить о людях.

Он сам заблудился. И он заблудился крупно. Ведь он не знал и того — человек ли он?

12

За время работ в нетипичной зоне Хенк привык оперировать миллиардами лет. Теперь у него такого запаса не было. Он шел, не зная, не понимая, куда идет, пока не уткнулся в прозрачную стену силовой защиты.

Он искал выход.

Выход нашелся — прямо на космодром. Хенк сразу увидел исполнинское тело «Лайман альфы» с рогоподобным выступом в носовой части. «Там Шу,— обрадовался он.— Она мне поможет».

Смиряя себя, заставив себя не торопиться, он пошел к «Лайман альфе». Челышев, в принципе, запретил ему это, но он не хотел подчиняться Челышеву.

Брюхо «Лаймана альфы» нависло над ним, как небо. Он подал сигнал, и люки открылись.

«Понятно, почему Охотники не мешали мне...» — с «Лайман альфы» был снят курсопрокладчик.

— Были гости?

— Да,— ответила Шу, и он готов был поклясться, что голос ее дрогнул.

- Мы задерживаемся.
- Надолго? — спросила Шу.

Хенк не ответил. Он тяжело опустился в кресло, и оно сразу приняло под ним максимально удобную форму. Слева от Хенка поднялся планшетный столик. Сейчас на нем стоял высокий бокал. В прозрачной воде плавали кусочки льда. От бокала несло холодком одиночества. Поежившись, Хенк пригубил зашипевшую на языке воду.

- Шу, — сказал он. — Мы влипли в историю.
- Я знаю, — помолчав, ответила Шу.
- Как ты можешь знать?.. — начал он, но Шу его перебила:
- Ты главный и единственный объект моего внимания, Хенк. Что в этом странного?
- Значит, ты знаешь, о чем со мной говорил Челышев?

— Конечно.

Хенк не знал, ктоставил модуляции Шу, но, несомненно, это был классный мастер.

— И ты... — начал он.

— Я все знаю, — перебила Шу. — Я не могу чего-то не знать о тебе, Хенк. Ведь ты — это я. Ты это пришел узнать, правда?

Бокал выпал из разжавшихся пальцев Хенка, но не долетел до пола. Гибкий щуп, вырвавшийся из подлокотника, перехватил бокал и снова водрузил на столик.

- Зачем ты это сделала, Шу?
- Ты хотел знать. Я ответила.
- Я говорю о бокале.
- Ты хотел, чтобы он разбился?
- Да.

Планшетный столик резко дернулся, осколки стекла разлетелись по всему полу, но удовлетворения Хенк не ощутил.

— Что значат твои слова? Ты же не хочешь сказать, что я всего лишь функциональная часть своего собственного бортового компьютера?

— В определенном смысле это так, Хенк.

— Выходит, я даже не протозид? Выходит, я просто часть машины?

Он никогда не разговаривал с Шу таким тоном.

Шу промолчала.

Обиделась или не хотела его огорчать.

— Свяжи меня с Памятью.

Шу не ответила, но экраны обсерватории вспыхнули.

Хенк решил проследить свой путь. Весь свой путь от Земли до квазара Шансон. Он хотел понять — кто же он? Он не хотел отдавать решение в руки диспетчера или Чельышева.

...Туманный шар, условная модель расширяющейся Вселенной, вспыхнул прямо в центре штурманской обсерватории. Шар не был велик, но впечатление от него было безмерным. Взгляд не постигал его глубины, тонул в туманностях; лишь постепенно Хенк различил пятна галактик и выделил особо пульсирующую, яркую точку квазара Шансон. Мысленно он провел долгую дугу через созвездие Гидры, океан Бюрге, зону Цветочников и Арианцев, объект 5С 16. Он видел маяки цефеид, вспышки пульсаров. Он видел «Лайман альфу» — крошечное серебристое веретено, пожирающее пространство. С жадным любопытством, как впервые, он всматривался во Вселенную, в этот гигантский садок, в котором вместо хвостатых рыб медленно шествовали фантастические кометы, не зарегистрированные ни в одном каталоге.

Объект 5С 16...

Шар Вселенной дрогнул, подернулся серой дымкой, вновь прояснился. Хенк увидел «Лайман альфу», снабженную рогом Преобразователя, и себя, врачающегося в пространстве. Он и Шу, они были одно целое. Он и Шу, они были одним громадным пылевым облаком. Он и Шу, их атомы смешивались друг с другом, но сами они оставались самими собой.

У него закружилась голова. Ведь он действительно принимал когда-то форму пылевого облака, одну из самых удобных рабочих форм в космосе; вид плывущего в пространстве облака не смущал и не пугал его, однако нервный холодок уже трогал его спину.

Стоп!

Он вернул запись к началу.

Земля... Созвездие Гидры... Океан Бюрге... Длинное, как веретено, тело «Лайман альфы»... Объект 5С 16...

Шар Вселенной дрогнул, подернулся серой дымкой, вновь прояснился. Хенк увидел «Лайман альфу», с на беженую рогом Преобразователя, и себя — грандиозное счастливое облако, медленно врачающееся в пространстве.

— Шу! — закричал он.— Выдели в отдельную серию маршрут в зоне объекта 5С 16.

Шу не ответила.

— Шу! — закричал он.— Где запись маршрута через зону объекта 5С 16?

Шу не ответила.

— Шу! — Он даже привстал.— Где запись случившегося в зоне объекта 5С 16?

На этот раз он услышал ответ:

— Запись маршрута через зону объекта 5С 16 блокирована. Данная запись подлежит просмотру только на Земле.

— Кто заблокировал запись?

— Это сделала я, Шу.

— Но почему?

— Данная запись подлежит просмотру только на Земле,— тупо повторила Шу.

— Что в этой записи? Что? Я хочу это знать!

— Боль...

Хенк сжался.

Мгновенное, неясное, почти без памяти, ощущение, краткое как удар, ослепило его. Он не знал, что это, он лишь чувствовал мертвый ужас. Боль поразительная, рвущая пронизала его насквозь, он скорчился, как ребёнок, и закричал, хватаясь скрюченными пальцами за распухшие вдруг подлокотники кресла.

Это длилось долю секунды. Но Хенку хватило и этого.

Он уже не хотел знать, что именно с ним случилось в зоне объекта 5С 16. Даже мимолетный намек на воспоминание лишал его воли. Уронив голову на планшетный столик, обессиленный и разбитый, он сразу уснул.

13

Очнувшись, он увидел перед собой Челышева.

— Вы все видели, Петр?

Челышев не выразил сочувствия:

— Да.

— Тем лучше. Не надо ничего объяснять.

— Что ты намерен делать?

— Требовать возврата на Землю.

— А тебя не тянет... Ну, скажем, тебя не тянет к квазару?

— Не знаю... Нет... Наверное, нет... — вяло ответил

Хенк и запоздало удивился: — Вы можете выпустить меня в нетипичную зону?

— Ни в коем случае.

— Тогда к чему этот вопрос?

— Ты не понял?

— Нет.

Челышев впился в Хенка холодными голубыми глазами:

— Протозиды не входят в Межзвездное сообщество, Хенк, а мы представляем Межзвездное сообщество. Твой интерес к протозидам, твое странное сочувствие к ним... Жочешь, мы устроим тебе встречу с протозидом?

— Каким образом?

— Не хитри, Хенк. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Я не люблю загадок, Петр. Объясните.

— А тот протозид, Хенк?.. Ведь ты не убил его... Преобразователь не убивает, правда?.. Ты просто преобразовал протозида, придал ему иную форму, но он жив, он функционирует, его всегда можно вернуть в прежнее состояние... Почему ты не убил протозида, Хенк?

— «Каждое разумное существо обладает всеми правами и свободами, провозглашенными настоящим Сводом...» — бесстрастно процитировал Хенк. — Каждое разумное существо имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность... Никакое разумное существо не должно подвергаться насилию или унижающим его достоинство наказаниям... Каждое разумное существо, где бы оно ни находилось, имеет право на признание его правосубъективности...» Протозид — разумное существо, Петр. Вы Охотник. Вы должны знать Свод.

— Разумное? — Глаза Челышева вспыхнули. — Но каковы его устремления? Каковы его цели? Есть ли у него вообще интерес к звездам, к межзвездной жизни, к конкретным соседям? Почему они уничтожают целые миры, ни на секунду не задумываясь о каком-то там Своде? Ты сам писал, Хенк, я читал твои статьи, что вместе с цивилизацией приходит осознанное желание оставить после себя память для будущего. А протозиды? Что оставят они после себя? Костры миров? Разрушенную Вселенную?

— Вселенная, Петр, такая большая штука, что ее трудно разрушить.

— Надеюсь.— Взгляд Челышева не смягчился.— Но Крайний сектор практически обречен.

— Но у нас есть еще какое-то время.

— У нас, у землян,— поправил его Челышев.— Этого времени, Хенк, нет ни у Арианцев, ни у Цветочников, ни у океана Бюрге.

— Вы сослались на одну из моих давних статей... Означает ли это, что вы получили ответ с Земли на ваш запрос?

— Да, Хенк.— Челышев помолчал.— И этот ответ крайне не утешителен. Тот Хенк, чье имя ты носишь, умер на Земле естественной смертью примерно двести пятьдесят лет тому назад по земному отсчету.

— Что вас удивляет? — Хенку нелегко было говорить о себе в прошлом времени, но он справился с этим.— Все правильно. Я вернулся с Симмы. Я жил. Я умер. Все смертны, Петр. Бессмертия пока никто не нашел.

— Тот Хенк, чье имя ты носишь, никогда не выходил за пределы Внутренней зоны.

Сознание Хенка раздавалось:

— Но ведь я помню себя, я помню брата, помню детство, помню статью, которую вы цитировали. В этой статье, кстати, больше догадок, чем фактов, но к догадкам приложил руку я!

Челышев промолчал.

— Я — это я, Петр,— голос Хенка сорвался. Он сам видел неубедительность своих слов.

— Ты не выполнил приказ Охотников, Хенк. Ты не уничтожил опасного для нас протозида. Ты насторожил Арианцев своим странным нечеловеческим поведением в Аквариуме. Шрамы на твоем теле говорят о смертельных ранениях, но ты жив. «Лайман альфа» снабжена Преобразователем, подобным которому нет ни у кого из членов Межзвездного сообщества. Ты свободно ориентируешься в биографии человека, который давным-давно умер, и умер не в Крайнем секторе, а на Земле. Наконец, твой собственный компьютер не желает выдавать твои собственные записи. Почему?

— А о смысле жизни вы не хотите спросить, Петр?

— До этого мы дойдем сами. А вот узнать — кто ты, это бы я хотел прямо сейчас.

Хенк усмехнулся:

— Я тоже.

И предупредил:

— Вам придется еще раз выйти на связь с Землей.

— Что на этот раз? — Челышев держался безукаризменно.— Тахионную связь мы держим через Цветочников. Ты недешево обходишься Земле, Хенк.

— Я хотел бы знать имена и судьбы всех земных пилотов, когда-либо работавших в Крайнем секторе, особенно в районе объекта 5С 16, в пределах последних трехсот лет.

— Это несложно. Эти сведения я могу дать тебе прямо сейчас. Экипаж «Гемина», давно вернувшийся на Землю, и пилот, звездный разведчик Роули.— Челышев помолчал, но жестко добавил: — Брат человека, имя которого ты присвоил.

— Это все?

— Это все... Разведчик Роули признан погибшим, экипаж «Гемина» находится на Земле... А Хенк... Тот Хенк, о котором мы так часто вспоминаем, он никогда не бывал в Крайнем секторе.

— 5С 16...— начал было Хенк, но его прервала Шу:

— Эта тема запретна.

Челышев вздрогнул.

Шрам на лбу Хенка неестественно побагровел, налился кровью — невидимая, но страшная сила терзала Хенка. Но на этот раз он справился. Он даже нашел силы сказать:

— Вы задали столько вопросов, Петр, что я, пожалуй, не все запомнил.

— Я запомнила,— бесстрастно сообщила Шу.

Челышев усмехнулся:

— У тебя замечательная машина, Хенк.

Хенк все еще был бледен:

— Что мне делать с вашими вопросами, Петр?

— Задай их протозиду, а? — Челышев глянул в упор.— Разве у тебя есть другой выход?

— Протозиду?.. После того, что мы с ним сделали?

— А почему нет? Ты ведь не уничтожил его, это главное.— Челышев поднялся.— Если решишь, сообщи мне. И советую не гулять по станции. О нашествии протозид уже знают все. Зачем тебе лишние неприятности?

«Решил погулять — оставь завещание».

Хенк отвернулся. Надпись на стене мог оставить Люке, она была в его вкусе. Но за стеной начиналась дикая Симма — уже не трава, а металлические кусты. Он, Хенк, нацепил обтекатели на башмаки, но и они уже не спасали от чувствительных разрядов.

Он просто завис над кустами. Он не знал, куда он плыл, и не задумывался над тем, где он мог получить такую необычную особенность. Его мучило другое. Кто тот гомункулус, что смотрит через его глаза?

Он думал о Земле, — когда он ее увидит? Он думал о брате, — брата, похоже, он не увидит уже никогда.

Звездный разведчик Роули погиб — это известно. Он, Хенк, тоже умер, и умер давно...

Он чувствовал — между этими событиями есть какая-то связь.

Объект 5С 16... Почему Шу блокировала записи?

Хенк медленно плыл над кустами, искрящимися, как только ветер задевал их верхушки.

Нетипичная зона...

Объект 5С 16 находится в нетипичной зоне... Именно в нетипичной зоне земляне впервые встретили протозид. Скопление вещества чудовищной массы, медленно дрейфующего в Крайнем секторе, произвело впечатление даже на многоопытный экипаж «Гемина».

«Такое скопление не может быть единственным, — заявил астрофизик «Гемина» К. Смут. — Его единственность противоречила бы самой сути Большого взрыва * , ибо главным свойством пространства по этой теории является его изотропность. Я уверен, мы наткнемся и на другие сгустки подобного протовещества».

К. Смут ошибся. На ошибку указали Арианцы: перед «Гемином» простиралась одна из колоний протозид.

Примерно в то же время внимание астрономов привлек загадочный космический объект 5С 16 — волчком крутящиеся в море радиошума раскаленные вихри пла-

* Теория Большого взрыва — модель Вселенной, в которой пространство-время начиналось из сингулярности, а затем расширялось.

мы. Черная дыра с массой в миллион солнечных? Нейтронная звезда, сбросившая очередную оболочку? Остаток сверхновой?.. Астрономы, собравшиеся в конференц-зале обсерватории Уэддел (Уран), зашли в тупик. Согласно эффекту Доплера, длина волны излучения от любого движущегося источника всегда увеличивается, смещается в красную сторону спектра пропорционально скорости удаления этого источника от наблюдателя, и наоборот — уменьшается, смещается в синюю сторону при его движении к наблюдателю. Однако смещение линий в спектре объекта 5С 16 соответствовало, как это ни парадоксально, изменениям скорости движения (а она приближалась к световой) сразу в двух противоположных направлениях.

Сообщение просочилось за стены обсерватории, сенсация мгновенно облетела весь мир. Походило на то, что астрофизики открыли в Крайнем секторе объект, который одновременно и приближался, и удалялся от наблюдателей. «К счастью для астрономов,— писал позже К. Смут,— они нашли в себе силу хранить стойкое молчание...» К счастью потому, что чуть позже Цветочники, а за ними океан Бюрге, связали странное поведение объекта 5С 16 с деятельностью протозид, объявившихся в том же секторе.

Был ли чудовищный взрыв 5С 16 пусть неудачным, но все же экспериментом, проведенным таинственной цивилизацией? Являлась ли эта акция сознательной или делом случая?

Оживленную дискуссию представителей Межзвездного сообщества подогрел темпераментный арианец Фландерс, первый, кто подсчитал примерную массу всех предполагаемых в Космосе колоний протозид. Именно Фландерс дал понять, пусть и с известной долей преувеличения, что окажись прстозиды в одном достаточно ограниченном районе, коллапс объекта, избранного ими как центр — неважно, звезды, галактики или шарового скопления — мог подвергнуть опасности едва ли не всю Вселенную...

Роули...

Брат Хенка погиб в районе 5С 16 при взрыве этого загадочного объекта.

Звездная кора подобных объектов, по предположениям того же К. Смута, фантастически твердое кристаллическое вещество, покоятся на вырожденной нейтронной жидкости. Любая подвижка, самое ничтожное оседа-

ние коры способно мгновенно высвобождать чудовищную энергию. Роули могло погубить жесткое излучение, его корабль могли разрушить приливные силы... Объяснить его гибель происками протозид явно было излишне, но такая точка зрения тоже существовала.

«Звездный разведчик Роули,— заявил в свое время космоаналитик З. Цух, рассчитавший примерную энергию взрыва объекта 5С 16,— вошел в зону 5С 16 в тот роковой для него момент, когда протозиды зажгли в Космосе еще один прощальный костер своей вымирающей цивилизации...».

Объект 5С 16...

Хенк переключился на Симму. Даже намек на боль, так жестоко сотрясшую его недавно, был ужасен.

Но звездный разведчик Роули был его братом. Он помнил пилота Роули, он помнил свой сад, он помнил белую розу, прячущуюся в тени забора, отделяющего сад от северной пасеки.

Другое дело, что он не помнил, когда на «Лайман альфе» появился Преобразователь. Может, и впрямь это протозиды так усовершенствовали корабль?

«Но тогда,— невесело усмехнулся Хенк,— они могли усовершенствовать и меня...»

15

Вдали от станции металлические кусты исчезли. На плоской поляне Хенк, присев, развел руками слабые стебли. Крупинки кислой сухой почвы, поднятые им, разбежались по ладони, отчетливо указав направление силовых линий. Хенку безумно захотелось увидеть настоящую землю — влажную, жирную, легко расползающуюся под пальцами, темную от остатков прошлогодней листвы.

Услышав шаги, он не поднял голову.

— Зачем вы ходите за мной, Петр?

Челышев молча присел рядом.

— У вас есть новости, Петр?

— Есть, Хенк. И не очень добрые. Я получил расчеты Местинга.

— Кто он, этот Местинг?

— Арианец. Его истинное имя неудобопроизносимо. Мы его упростили.— Он повторил: — Местинг.

— Расчетчик?

— Он великий расчетчик, Хенк.

— Что же он сообщил?

— Он подтвердил самые худшие опасения. Массы протозид, стекающихся в наш сектор, вполне достаточно, чтобы вызвать катастрофический взрыв квазара Шансон. Цветочники, Арианцы, океан Бюрге, они действительно обречены. Хенк. Тебе их не жалко?

— А меня, Петр, вы жалеете?

— Не знаю, Хенк... Я Охотник... Мне легче потерять вас, чем несколько цветущих миров.

Хенк не слушал:

— Что бы вы ни говорили, Петр, я — землянин.

Я помню себя.

— Это ложная память, Хенк. Она внушена тебе.

— Kem?

— Я не знаю.

Хенк поднял голову.

В диком пепельном небе Симмы широко расходились косматые полосы полярного сияния. Квазар Шансон возмущал ионосферу планеты, и цветные полотнища медленно раскачивались — как занавес, прикрывающий гигантскую сцену.

Этот занавес скоро раздернут...

Челышев ни в чем не убедил Хенка. Да, тахионный флот Арианцев и Цветочников попытается рассеять прозодил. Но успеет ли? И та ли это мера?

— Мне не нравятся твои слова, Хенк.

— А мне не нравится то, что начнется в районе квазара, как только туда придут корабли Арианцев и Цветочников.

— Почему же тебе не попробовать?.. Этот протозид, которого ты распылил... Он все еще там.

Хенк думал. Он перебирал варианты.

Наконец он спросил:

— Когда я могу стартовать?

— Через два часа... Курс для «Лайман альфы» рас-тан...

Они помолчали, и вдруг Чельышев сказал:

— Кажется, я убедил тебя, Хенк, но меня не оставляет чувство, что мы опять совершаем какую-то ошибку.

Хенк не хотел запираться в комнате, он пошел в бар.

Арианцы, как всегда, оказались бдительны. Узнав Хенка, они всей семьей дружно покинули бар. При всем унынии, что ясно читалось на их слишком правильных псевдолицах, им нельзя было отказать в гордости. Их жест отлично вписался в панораму полярных льдов, медленно разворачиваемых течением в сторону длинного антарктического мыса.

Тоска. Льды.

Бармен Люке демонстративно отошел к холодильнику, перегонщик Ханс отвернулся. Но у стойки сидел красавчик Хархад, к нему и подсел Хенк.

— Два титучая!

— Твой счет заморожен,— сказал Люке, не обращаясь.— Мы не знаем твоих гарантов. Из-за тебя я влетел в убытки.

— Два титучая,— вмешался Хархад.

Все это время Ханс копался в пульте климатизатора. Льды медленно уплывали за горизонт. На мгновение вспыхнула вдали панорама земного города. Над ним высыпался участок неба, прожженный пульсаром.

Ханс вновь и вновь вносил коррективы.

Вдруг пахнуло влажным теплом. «Ханс, он наверное с юга»,— подумал Хенк.

Впрочем, на юг это походило мало.

Нечто вроде огромного, плотно вросшего в болото, уродливого ананаса подперло стойку. Стену закрыли рубчатые ветви кладофлебусов, вдоль стойки легла мохнатая от лишайников гигантская цикадоида. Она рухнула, по-видимому, недавно, ее толстый ствол щетинился листовыми черешками, плотно упакованными в какие-то волосятые нарости. За сплетением уродливых корней, вырванных из земли, прятался, подрагивая зеленою кожей, полутораметровый мозопс, весь, от коротких лап до бронированной плоской головы, уляпанный неприятной слизью.

— Убрал бы эту тварь, Ханс,— раздраженно покосился Люке.

Перегонщик не ответил.

— Вы плохо знаете историю Земли, Ханс.— Хенк усмехнулся.— Сплошная эклектика. Вы перепутали несколько эпох.

Слова Хенка прозвучали двусмысленно.

Пододвинув бокал с титучаем, Хархад сказал:

— Минут через двадцать, Хенк, Шу получит нужную карту.

— Я предпочел бы получить свой курсопрокладчик.

— Ишь, какой мудрый со звезд,— обернулся наконец перегонщик.— Что, потянуло к Стене? К этим безмозглым тварям?

Он имел в виду протозид.

— Я бы предпочел, чтобы вы называли их как-нибудь иначе, Ханс.

— Протозиды!

Само слово прозвучало как ругательство.

— Почему вы не вернетесь домой, Ханс? Зачем вам сидеть на Симме?

Ханс презрительно рассмеялся. Он не собирался дискутировать с каким-то икс-обероном.

Какое-то время все молчали. Только мозопс встряхивался в корнях цикадоидей и жадно, не к месту, зевал, судорожно раздвигая мощные челюсти.

— Он омерзителен...— сказал Ханс с оттенком понятного восхищения. Он имел в виду мозопса.— Он омерзителен, но он наш. Он жил на нашей земле, он дышал нашим воздухом и пил нашу воду.

— Вы и ко мне испытываете отвращение, Ханс?

Перегонщик резко вскочил, и Хархад замер, готовый змешаться в любую минуту.

— Я бы мог убить тебя, псевдохенк! — с ненавистью выдохнул Ханс.— Ты ждешь, ты вслушиваешься, ты присматриваешься к нам. Ты любезен, ты прост, а где-то рядом, благодаря твоим проклятым друзьям, три древние цивилизации уже поют отходную! Ты чужд нам больше, чем эта тварь! — Ханс ткнул кулаком в сторону сразу замершего мозопса.— Зачем ты пришел к нам? Кто тебя звал? Зачем на тебе человеческое тело?

— Любовь к своему, Ханс, не должна строиться на ненависти к чужому.

— Заткнись! — заорал Ханс.— Космос ворует у нас людей, мы привыкли к этому. Но зачем он подбрасывает нам псевдохенков? Разве к этому можно привыкнуть? Когда я впервые в своей жизни погнал пылевые

облака этим твоим тварям, мне говорили: «Зачем это тебе? Пусть они сдохнут, эти твои первичники! Они же чужие, им на нас наплевать, они никогда никому не помогли, не протянули никому руку помощи. Ни одно разумное существо не станет жить по своей воле под Стеной. Это же дохлая зона, говорили мне. Там все мертвое от радиации, холода, там все убито гравитационными флюктуациями!» Сейчас я вижу, они были правы — не следовало подкармливать этих тварей.

«Ну да... Первичники... Дохлая зона... Ни одно разумное существо не станет жить по своей воле под Стеной...»

Хенк чувствовал: он впервые коснулся нити, которая могла привести к разгадке.

«Первичники... Дохлая зона... Ни одно разумное существо...»

Он улыбнулся и глянул прямо в глаза оторопевшему от неожиданности перегонщику.

— Держу пари, — вспомнил он слова Чельшева. — Придет время, Ханс, ты сам захочешь пожать мне руку.

— Не руку, — пришел в себя перегонщик. — Не руку. Какую-нибудь омерзительную псевдоподию!

«Первичники... Дохлый сектор... Нет, он сказал — зона... Впрочем, это все равно».

Хенк встал. Он не протянул руку Люке — где шляпа? Он сам найдет ее на Земле. Он торопился к Шу. Его подгоняла странная догадка.

Он шел к выходу, расплескивая башмаками рыжие доисторические лужи. Он боялся упустить кончик нити, так ко времени подброшенный ему Хансом.

Он сидел перед экранами Шу, озаренный неярким светом. Мысль о том, что он покидает Симму, и может быть надолго, может быть навсегда, ничуть его не тревожила. Он понимал Петра Чельшева: таких, как он, псевдохенков следует держать подальше от настоящих людей.

Он опять подумал о Симме.

«Не такая уж затерянная планетка...» Если раньше о ней помнили в основном пилоты, почтовики да звездные

перегонщики, то сейчас она на слуху у всего Межзвездного сообщества. Несколько крупнейших цивилизаций, затаив дыхание, ждут сообщений Челышева о передвижении протозид.

А они не останавливались.

Булавочные очаги чудовищных, невероятных масс, протозиды описывали сложную циркуляцию, сводящую их в один центр — квазару Шансон. Вселенная, конечно, такая большая штука, что ее не так-то просто сломать, и все же...

На всех трех экранах перед Хенком крутились, как акробаты, ряды цифр. Низко выли вакуумные насосы — «Лайман альфа» восставала из спячки. Вместе с нею пробуждался и Хенк: на «Лайман альфе» он ни от кого не зависел. Впервые за много лет мысль об одиночестве не угнетала его.

Но зачем он так тянет время?.. Он действительно боится того, что уже не увидит Симму?..

Эта мысль его испугала. Он не хотел так думать.

Экран внешнего инфора вспыхнул. Диспетчер смотрел на Хенка с откровенной неприязнью:

— Как у тебя?

— Норма.

— Начинаю отсчет.

Хенк внимательно вслушивался в тревожный стук метронома. Этот стук означал: через пять минут он, Хенк, покинет Симму, через пять минут он, Хенк, может потерять последний шанс когда-либо вернуться на Землю.

— Где Челышев?

Из-за плеча диспетчера выглянула озабоченный Охотник.

— Петр... Еще одна просьба... — Хенк медлил, но Челышев, кажется, не собирался его торопить. — Запросите Землю... Я хочу знать... — Он запнулся, но заставил себя закончить: — Я хочу знать... Там, на Земле, в моем саду... Жива ли там белая роза?..

Челышев покачал головой, диспетчер криво ухмыльнулся. «Ты недешево обходишься Земле», — вспомнил Хенк.

— Линии связи заняты, — ответил Охотник. — Мы начинаем эвакуацию архивов. Но я попробую через Цветочников. Обычно они мне не отказывают. Правда, формулировка — сад... роза... Будет нелегко это сделать, Хенк, но я попытаюсь.

- Это следует сделать быстро.
- От этого зависит нечто серьезное?
- Мне кажется — да, Петр.
- Для протозид! — не выдержал все же диспетчер.
И спохватился: — Или для людей тоже?
- Для тех и других вместе.

18

Луч локатора жадно щупал пространство, начиненное редкими звездами. Весь левый экран занимала Стена. Исполинская стена тьмы, в которой не существовало ничего. Исполинская стена тьмы, лишенная пространства и времени. Истинное и бесконечное н и ч т о.

«Гибель Крайнего сектора... Мирь, сжигающие друг друга... А, может, все не так?.. Может, все страшнее?.. Может, прав арианец Фландерс и протозиды действительно способны взорвать Вселенную?..»

Он ясно представил, как это может быть.

Чудовищный, непредставимый, одновременный взрыв квазаров, галактик, шаровых скоплений, чудовищный гравитационный удар по продолжающей расширяться Вселенной. Катастрофическое уменьшение, свертывание пространства, катастрофическое возрастание масс. Конечно, там, на Земле, в глубинах Внутренней зоны, даже столь грандиозная катастрофа будет зафиксирована не сразу. Пройдут еще миллионы лет, а фон излучения будет оставаться практически прежним, и лишь потом, когда Вселенная, сжимаясь, сократится до одной сотой нынешнего объема, ночное небо над Землей вдруг начнет светлеть, пока не станет таким же теплым, как дневное сейчас. Еще через семьдесят миллионов лет наследники и преемники нынешних землян увидят небо над собой невыразимо ярким. Молекулы в атмосферах планет и звезд, даже в межзвездном пространстве, начнут диссоциировать на составляющие их атомы, а сами атомы на свободные электроны и ядра. Космическая температура достигнет миллионов градусов, работа как звездного, так и космического нуклеосинтеза окажется уничтоженной; мир, коллапсируя, рухнет в пространственно-временную сингулярность *.

* Сингулярность — область пространства-времени, в которой нарушаются все известные физические законы и кривизна пространства-времени становится бесконечной.

Хенк оборвал себя.

Миллионы лет — это не мало. Сейчас следует думать о сегодняшнем дне — о тех же Арианцах и Цветочниках, о том же океане Бюрге, обреченных на уничтожение.

Но что, что толкает протозид к верной гибели?

Он опять повторил про себя: «Первичники... Дохлая зона... Ни одно разумное существо не станет жить по своей воле под Стеной...»

«Первичники...»

Похоже, он был близок к разгадке.

Ведь потому протозиды и прозваны первичниками, что действительно представляют одну из самых древних, если не самую древнюю расу Космоса. Рожденные в огне Большого взрыва, протозиды, наверное, как никто, ощущают катастрофическое падение температуры и плотности межзвездного пространства в нашей расширяющейся Вселенной. Уже сейчас ее тепловой фон упал до трех градусов Кельвина, а через десять миллиардов лет он опустится до полутора. Если этот процесс продолжится (а почему бы и нет?), одна за другой начнут остывать, меркнуть звезды. Бесчисленные миры обратятся в руины. Иногда, может, где-то и будут случаться те немыслимо редкие термодинамические флуктуации, что на мгновение вдруг осветят пламенем взрыва обломки мертвых миров, но для жизни этого мало. Это — конец.

«Что остается протозидам? — спросил себя Хенк.— Что им остается, как не эта последняя попытка зажечь прощальный костер и у него погреться? Взорвав квазар Шансон, пусть на короткое время, но они получат те столь необходимые для них температуры и давления, что гибельны для всех остальных живых существ...»

Он усмехнулся.

Он теперь понимал корни ненависти, испытываемой Цветочниками и Арианцами к протозидам. Уж если он, Хенк, оберон-икс, готов был до конца сражаться за жизнь своих предполагаемых собратьев и их союзников, то почему не должны были делать то же самое океан Бюрге, Арианцы, Цветочники?

Звуковой сигнал вернул Хенка к действительности.

На фоне Стены он увидел длинное, спирально закру-

ченное пылевое облако. Оно медленно осциллировало, то сжимаясь, то вновь разбухая.

— Протозид,— сообщила Шу.— Преобразователь готов к действию, Хенк. Через пятнадцать минут ты полу-чиши своего оберона.

— Мне не нужен оберон, Шу.

— Но так хотел Охотник.

— На «Лайман альфе» ты выполняешь мои желания.

— Да,— ответила Шу, и голос ее изменился.

«Вот видишь! — донеслось до Хенка с работающего на Симму инфора.— Я говорил, Петр, этот псевдохенк только и думал о бегстве!»

Хенк узнал голос диспетчера, но не стал отключать инфор. Не все ли равно, слышат его на Конечной станции или нет? Если он, Хенк, ошибся в своих предположениях, всех их ожидает одна судьба — мгновенная смерть в океане раскаленной плазмы.

— Когда по расчетам подойдут протозиды к квазару Шансон на критическое расстояние?

— Через двадцать семь часов,— ответила Шу.

«Это немного...»

Он ясно увидел падение массивных тел в бездну квазара...

— А флот Арианцев? Охотники?

— Они подойдут примерно через сутки.

— Ты думаешь, Охотникам хватит нескольких часов?

— Так думаю не я,— ответила Шу.— Так думают Охотники.

«Чуть более суток... Потом на протозид обрушатся гравитационные пушки...»

Хенк, несомненно, рисковал.

Но у него не было другого выхода. Он не хотел оставаться связанным по рукам и ногам. «По всевдоподиям», — как сказал бы перегонщик Ханс.

— Мне не нужен оберон, Шу,— повторил он.— Я не знаю, кто такой я сам. Я хочу знать, что обо всем этот думают протозиды.

И приказал:

— Преобразуй меня в облако.

Он не столько расслышал, сколько угадал — диспетчер на Симме грубо выругался.

Хенк никогда не задумывался о степени свободы, какую он имел до прихода на Симму. Только сейчас, готовясь к выходу в открытое пространство, находясь в шлюзовой камере, он вдруг понял: он фантастически свободен. Перед ним открыт весь мир. Он может уйти в любой район безопасного пространства. Он не зависел ни от кого и ни от чего. Он мог забыть и о протозидах, и об океане Бюрge.

Но что-то ему мешало.

Он внимательно прислушивался к своим ощущениям. Он чувствовал: в нем что-то происходит. В любой момент он готов был понять — кто же все-таки в нем поселился, и когда запипели насосы Преобразователя, он на мгновение, пусть всего на мгновение, но вновь испытал звездный ужас, уже не однажды испытанный.

Свет потускнел.

А может, это потускнело сознание, потому что уже не человеческое тело, а вихрь пылевой тучи мощно выбрасывался в пространство через чудовищно распахнутые шлюзы «Лайман альфы», обращенной к слепящему мареву квазара Шансон.

Он чувствовал удары звездного ветра. Он жадно впитывал в себя жесткое излучение. Он широко разбросал пылевые крылья на добрый десяток световых лет. Он мягко и хищно обволакивал спящего протозида.

«А может быть, это и есть я?.. Истинный я?.. А может быть, это впрямь я возвращаюсь в свое настоящее тело?..»

Он услышал ответ Шу: «Нет, Хенк!»

Шу ни на секунду не оставляла его. Она, как всегда, была нигде и была рядом. Он слышал Шу, он мог говорить с нею. Для этого ему не были нужны ни голосовые связки, ни электромагнитные излучатели. Он сам был излучателем, он сам был излучением.

Со скоростью, близкой к световой, он вошел в облако протозида, и гигантская пылевая буря надолго заволокла огромный участок пространства, разметав по Стене бесформенные клубящиеся тени.

Протозид...

Чувства протозид, медлительно дрейфующих к квазару Шансон, были теперь чувствами Хенка. Он ощущал

их медлительное, ни с чем не схожее нетерпение, он сам теперь торопился к квазару — сгореть в его костре, но все начать сначала! Он видел всех и вся. Ему не требовалось инфоров и кристаллов памяти: все, что хранилось в памяти протозид, было теперь его памятью.

Он легко отбирал нужное.

Среди множества других он видел объект 5С 16. Это не всё.

Он видел, он понимал, он трагически переживал ошибку, допущенную протозидами у объекта 5С 16. Им не хватило массы, они не смогли превратить объект 5С 16 в черную дыру, а именно к этому они стремились. Им не хватило массы — объект 5С 16 не колapsировал, он взорвался. Протозиды не смогли выпасть из остывающей Вселенной, где им вольно или невольно мешали все — океан Бюрге, Цветочники, Арианцы, Земляне. Но протозиды не хотели мириться с медленным угасанием. Их память была полна чудовищно сладких воспоминаний о морях раскаленной плазмы, о моши и силе, присущей им в первые сутки Большого взрыва.

Квазар Шансон был очередной попыткой.

Хенк видел: протозиды устали. Они не могли больше ошибаться.

«А я?..»

«Кто — я?..»

Протозид?

Возможно... Но лишь в той степени, чтобы чувствовать их желания и осознать их главную цель.

Человек?

Возможно... Но лишь в той степени, чтобы ощутить всю ответственность, лежащую на основателях Межзвездного сообщества.

Ему, Хенку, было мало этого.

Он искал, он жадно рылся в памяти спящего протозида. Он лихорадочно отбрасывал в сторону все то, ради чего столько лет странствовал в Космосе. История расы, ее структура, ее генезис... В сторону! Все в сторону!.. Он торопился. Он вел гнусный обыск памяти спящего протозида прямо на глазах всех других протозид, ибо он, Хенк, был сейчас протозидом и все, что он сам ощущал, ощущали и его возможные собратья.

Он искал..

Он рылся в искривлениях пространства-времени, он проваливался в бездны испорченного пространства.

Он оказывался в мирах, где масса электрона была иной, он видел воду, которая при любой температуре оставалась твердой, он жил в мире, построенном из вещества столь ничтожной массы, что все звезды начинали и заканчивали свой путь взрывом.

Он без всякого стеснения рылся в памяти протозида.

Он видел Начало.

Он попадал в поливариантные миры, в которых любой объект существовал сразу в бесконечных количествах выражений. С яростной, ни на секунду не утихающей активностью перед ним появлялись и исчезали все новые и новые миры с фантастически искаженными геометриями. Он рылся в чужой памяти, презираемый всеми. Он знал, если поиск закончится неудачей, у него нет пути ни к протозидам, ни к людям.

Но он искал.

Он торопился.

Он хотел знать — что именно произошло с ним у объекта 5С 16, что именно произошло там, когда он находился вблизи этого объекта?

Серебристое веретено...

Он увидел «Лайман альфу» внезапно. Но он не боялся боли, потому что был протозидом.

Он напряг внимание.

«Лайман альфа»... Да, это его корабль... Но пилот в кресле штурманской обсерватории мало походил на него — Хенка... А еще... Над «Лайман альфой» не торчал рог Преобразователя!..

Хенк видел, Хенк знал: пилот в опасности. Но пилот об этом не знал, и приборы на корабле тоже молчали.

Хенк мучительно всматривался в память спящего протозида. Он видел: Шу читала пилоту книгу. Она читала ему о мерцании звезд, о непостижимости этого мерцания. Она читала ему о комете, которую открыл он, Хенк, в юности. Хвост кометы растянулся на полнеба, он был просто светлый, но в долгих счастливых снах он виделся Хенку цветным. Шу разъясняла пилоту взгляды Хенка на природу нетипичной зоны, она напоминала о белой розе, цветущей в одном из самых северных садов мира...

Хенк догадался.

Роули!

Это был его брат — Роули, звездный разведчик.

За секунду до взрыва объекта 5С 16 верная Шу читала пилоту Роули книгу его брата Хенка.

Ведь Хенк сам подарил ее брату.

«Роули...» — повторил он, будто вновь привыкая к этому имени.

«Роули...» — повторил он, будто боясь забыть это заново обретенное имя.

Теперь он все понял. «Хенк, то есть я, никогда не выходил за пределы Внутренней зоны. Хенк, то есть я, жил и умер на Земле. Но звездный разведчик Роули был полон мыслями обо мне за секунду до взрыва объекта 5С 16. Спасая искалеченное тело пилота, протозиды спасли и его мозг. Только новый мозг Роули оказался наполненным мыслями и воспоминаниями его брата Хенка, книгу которого пилот читал. Протозиды — коллективный организм — не видели никакой разницы между Хенком и Роули...»

«Значит, я — Роули...» — задохнулся Хенк.

Он был счастлив.

Теперь он знал: он — человек. Теперь он знал: протозиды не убийцы. Теперь он знал: взрыв квазара Шансон, если в дело не вмешаются Охотники, никому не грозит. Ведь массы скапливающихся вокруг квазара протозид хватит как раз на то, чтобы Шансон провалился в черную дыру. Надо лишь вовремя вернуть к жизни усыпленного им протозида. Коллапсировав, квазар Шансон вновь начнет расширяться, подобно всплывающему пузырю, но уже в другом, совершенно другом мире. Для него, Хенка-Роули, для обитателей Симмы, для Охотников, прибывших в нетипичную зону, квазар Шансон просто исчезнет, а протозиды, уже в иной Вселенной, увидят вдруг бесконечно большое фиолетовое смещение. Постепенно оно начнет уменьшаться, сходить к нулю; протозиды, дрейфуя в океане раскаленной плазмы, смогут постичь заново всю прошлую историю своей новой, наконец обретенной родины. И они, протозиды, уже никогда и никому угрожать не будут. Память о них останется лишь в мифах Цветочников да в записях Шу, блокированных ею от Хенка.

Хенк был счастлив.

У него в запасе двадцать пять часов. Разбудить протозида и вернуть ему истинную форму он сможет за два. Еще тринадцать потребуются протозиду, чтобы догнать столь нуждающуюся в его массе, уходящую к квазару Шансон расу. При самом худшем раскладе у Хенка оставался кое-какой резерв. Он сможет остановить корабли Арианцев и Цветочников, если они войдут

в Крайний сектор раньше назначенного Охотниками срока.

Хенк был счастлив.

— Шу,— приказал он.— Верни меня на борт.

21

«Главное сейчас — разбудить протозида. Разбудить и отправить к квазару Шансон. Возможно, не отвлекись один из протозидов на спасение пилота Роули там, под объектом 5С 16, им удалась бы попытка уйти в иной мир...»

Разбудить...

Часа через два Хенк был вынужден признать тщетность своих попыток.

Протозиду катастрофически не хватало массы. Атомы, выбитые звездным ветром квазара, давно рассеялись в пространстве. Тарап-12 отстоял слишком далеко, некогда было искать и случайную пылевую тучу.

Это была катастрофа.

«Я убил протозида,— сказал себе Хенк.— Один из них спас меня, Роули-Хенка, там, под объектом 5С 16, а я убил протозида и лишил их возможности уйти. Их новая попытка опять закончится взрывом».

Молчание Шу подтверждало его догадку.

— Сколько у нас времени?

— Двадцать один час,— сообщила Шу.— Тринадцать из них потребуется протозиду на путь к квазару.

— Можем мы выйти на связь с Тарапой-12? Где-то там застрияли пылевые тучи, перегоняемые Хансом.

— Это ничего не даст, Хенк. Они не успеют.

— А вблизи? Есть что-нибудь вблизи?

— Ничего, Хенк.

— Свяжи меня с Симмой.

Передав Шу новые данные для расчетов, Хенк устало повернулся к экрану. Изображение дергалось, смешкалось, но он узнал Челышева.

— Слушаю вас... Роули,— кивнул Челышев.

— Вы связывались с Землей?

— Да... Роули.

— И там, в саду... Там растет белая роза?..

— Да, Роули. Ее вырастил Хенк, ваш брат. Спасая вас у объекта 5С 16...

— Я все это знаю, Петр.

Челышев помолчал, потер лоб ладонью, глаза у него покраснели, видимо, последние сутки он совсем не спал:

— Что вы собираетесь предпринять, Роули? Вернетесь на Симму? «Лайман альфа» может нам здорово помочь. Архив Конечной станции бесценен. Если Охотники не успеют, он погибнет вместе с нами, а на «Лайман альфе»...

— Я не вернусь, Петр,— перебил Охотника Хенк.

— Что ж, я допускал такую возможность,— одними губами выговорил Челышев.— Диспетчер прав, вас, Роули, стоило опасаться.

— Почтовая ракета, она пришла, Петр? — Хенк торопился.

— Как всегда. Вчерашняя.

— А роботы? Они встречали ее с оркестром?

— Традиции неизменны.

— Как вы хотите распорядиться почтовой ракетой?

— Мы загружаем в нее архив.

— Отмените эту операцию, Петр. Ракета понадобится мне.

«Он сошел с ума! — услышал Хенк голос диспетчера.— Эта ракета — наш единственный шанс!»

— Слушайте меня внимательно, Петр, у нас слишком мало времени. Отмените загрузку почтовой ракеты, она нужна мне. Она нужна мне прямо сейчас. Я буду ожидать ее в четвертом квадрате.

— Ну, ну, Роули... — не понял Хенка Охотник.— К чему эта истерика? У вас есть «Лайман альфа».

Хенк повторил координаты.

— Я записываю их, Роули,— сказал Челышев.— Но вряд ли мы сможем ими воспользоваться. Боюсь, Роули, пространство с такими координатами скоро вообще перестанет существовать.

— Ну, ну, Петр... — передразнил Хенк.— Разгружайте ракету. Мой защитный костюм не рассчитан на мощность квазара, хотя десяток часов я выдержу. «Лайман альфа», Петр, пойдет на компенсацию массы протозида. В этом есть и ваша вина, Петр. Все сейчас зависит от того, успеет ли протозид догнать свою расу.

— Вы отпускаете его, Роули?.. Но ведь этим вы предаете наши миры!

— Нет, Петр, я их спасаю. Потеря даже одного протозида приведет к взрыву квазара. Если протозиды соберутся вместе и все — они его просто колapsируют.

— Вот как?! — Охотник схватывал проблему мгновенно.— Этот шанс... Он реален?

— Он единствен. Это все, что я могу сказать, Петр.

Не оборачиваясь, он ткнул клавиши операторов. Цифры его утешили. Пожалуй, можно было обойтись массой и чуть меньшей, чем масса «Лайман альфы», но не тащить же на Симму штурманское кресло или опреснитель.

— Готово, Шу?

— Да.— Голос Шу был сух.

— Мне очень жаль, Шу,— сказал Хенк.— Поверь, мне, правда, жаль. Будь у меня выбор, я отправил бы в огонь себя.

— Я знаю, Хенк,— сказала Шу уже другим голосом. Хенк готов был заплакать.

— Я возвращаю тебя протозидам, но, видит Космос, мне не хочется этого!

— Я знаю, Хенк.

Экраны почти погасли. Почти всю энергию забирал сейчас Преобразователь.

— Сними шляпу, Хенк,— напомнила Шу.

Хенк вздрогнул. Наверное, впервые Шу употребила это слово впопад. Но на улыбку у него уже не хватило сил.

— Нас разделит Стена, Шу...

«Стены не всегда разделяют, Роули...»

Впрочем, это сказала не Шу, это сказал Охотник. Он все еще был на связи.

— Отключайтесь, Петр!

Но прежде, чем связь прервалась, Хенк услышал: «Роули! Роули! Держитесь Стены! Мы найдем вас по телефону!»

Перед самой вспышкой, перед тем как катапульта выбросила его в пространство, Хенк успел подумать: «Челышев ошибся. Квазар Шансон исчезнет. Они неувидят тени».

Его развернуло лицом к Вселенной. Он видел мириады миров, он облегченно вздохнул: «Дело не в квазаре... Звезды продолжают светить...»

Он попытался рассмотреть протозида, но там, где минуту назад неслось над пылевым облаком длинное се-

ребристое веретено «Лайман альфы» с рогоподобным выступом на носу, уже ничего не было.

«Шу дала полную мощность. Их отбросило от меня на много световых лет. Они, наверное, уже вблизи квазара. Они должны успеть, они придут вовремя».

Он подумал — о н и, а следовало подумать — о н, потому что протозид и то, что раньше он называл Шу, были сейчас единственным организмом. Полумертвый, окоченевший, изнемогающий от непосильной усталости, он вслепую плыл по следам своей столь же уставшей за миллиарды лет расы. Зато теперь Хенк был уверен: протозид придется вовремя, трагедия объекта 5С 16 не повторится. Теперь он был уверен: новый мир для протозид состоится, и он, этот новый мир, состоится не в ущерб существующим.

Он заставил себя развернуться лицом к Стене.

Он увидел свою тень.

Благодаря какому-то странному эффекту, собственная тень напомнила ему силуэт розы. Т о л ь к о т а р о з а в саду была белая.

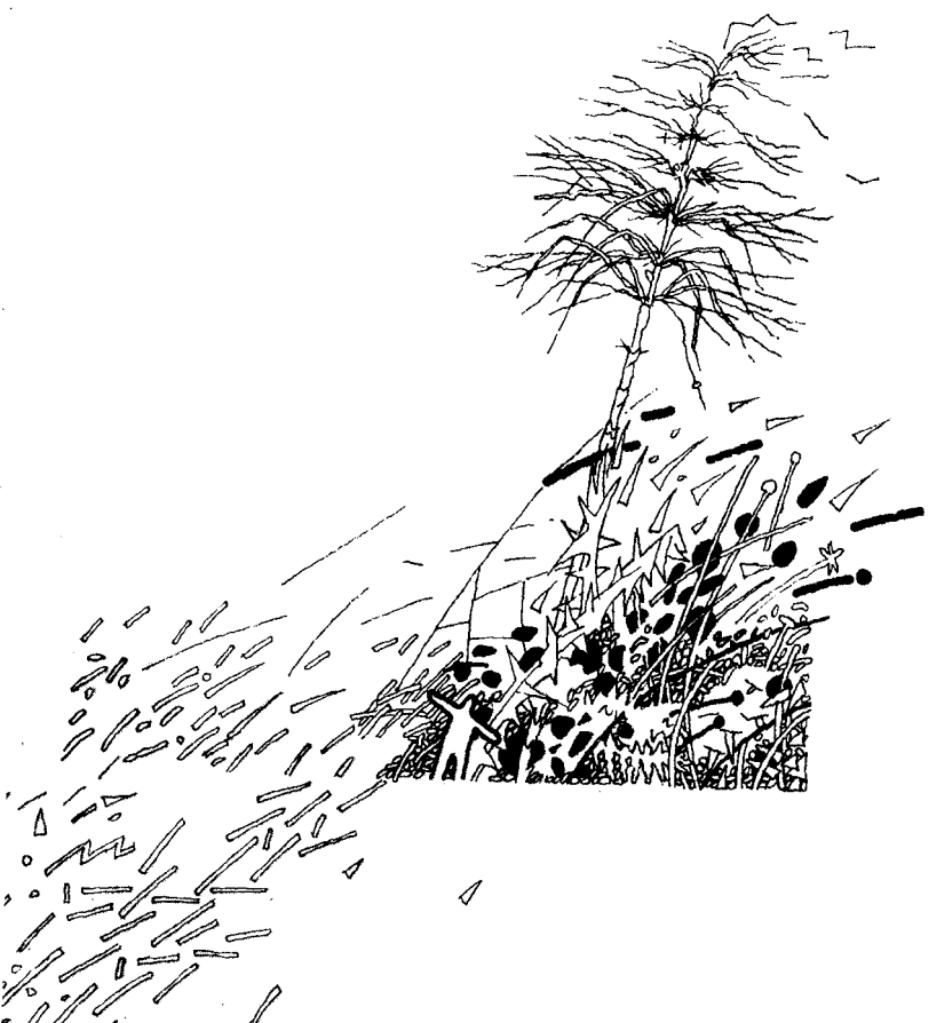
Он увидел квазар Шансон.

Грандиозный голубой выброс квазара упирался прямо в стену тьмы. Пульсирующий свет жестоко бил в фильтры защитного костюма, яростно преломлялся в отражателях. Но теперь Хенк ничего не боялся. Исчезнет квазар Шансон, исчезнут протозиды, он, Роули-Хенк, останется.

И останутся Арианцы, останутся Цветочники, останется океан Бюрге. Останется весь этот необъятный, но, в сущности, столь хрупкий мир.

**Владимир
Рыбин. Гипотеза о сотворении. Повесть**

Сорен Алазян оказался невысоким, худощавым, очень подвижным армянином с небольшими усиками на тонком напряженном лице. Такой образ возник в глубине экрана. Алазян сказал что-то неслышное, заразительно засмеялся и исчез.

Гостев сунул в карман овальную пластинку с округлыми зубчиками — ключ от своей квартиры, который машинально крутил в руках, недовольно оглянулся на оператора — молодого парня с короткой, старящей его бородкой.

— Что случилось?

— Дело новое, не сразу получается, — проворчал оператор и защелкал в углу какими-то тумблерами, заторопился.

А Гостев ждал. Сидел перед экраном во всю стену, как перед открытым окном, и ждал. За окном-экраном поблескивала матово-белесая глубина, словно висел там густой туман, насквозь пронизанный солнцем. Шлем с датчиками был чуточку тесноват, сдавливал голову, но Гостев терпел: совсем ненадолго собирался он погрузиться в свой «сон», можно было и потерпеть.

В тумане засветились какие-то огоньки, их становилось все больше, и вот они уже выстроились в цепочки, обозначив улицы. Вверху, в быстро светлеющем небе, помигивая рубиново, прошел самолет. Восходящее солнце живописно высветило заснеженный конус горы, затем другой поменьше. Горы словно бы вырастали из молочного тумана, заставшего даль, красивые, величественные. Их нельзя было не узнать, знаменитые Арагаты, большой и малый. И улицы, выплыvавшие из тумана, Гостев сразу узнал: это был Ереван последней четверти XX века.

Был Гостев историком, специализировался по XX веку, бурному, не похожему ни на какой другой. В этом веке история как-то по-особому заторопилась, словно ей вдруг надоело медленно переваливать из века в век, и она помчалась к какому-то, никому в то время не ведомому концу, то ли счастливому, то ли трагичному. Было неистовство невиданного человеколюбия и неслыханной жестокости, научные открытия следовали одно за другим с нарастающей быстротой. Люди сами растерялись в этом вихре научного прогресса. Они оказались на краю самой страшной бездны, когда-либо разверзшейся перед человечеством.

Двадцатым веком занимались многие историки, а он все оставался непонятным, загадочным. Поэтому открытие компьютерного хроноканала — хроноперехода было воспринято всеми как долгожданная надежда разом разрешить все загадки истории, объяснить все необъяснимое. Хроноканал позволял историку-исследователю включиться в компьютер, который «знал» все о нужном времени и месте, «встретиться» с людьми, жившими в иные эпохи, и как бы заново прожить то, что было когда-то. Хроноканал надежно вел в прошлое, ему было недоступно только будущее. Пока недоступно, говорили оптимисты. Потому что, по их мнению, экстраполировать будущее машине, знающей все, тоже будет нетрудно. Ведь семена будущего высеваются в настоящем...

Гостев был помешан на прошлом, только на прошлом, и, когда ему предоставили возможность воспользоваться хроноканалом, он выбрал, по его мнению, самое значительное,— решил своими ушами услышать, своими глазами увидеть, через какие суждения и заблуждения пробивалась одна из основополагающих гипотез — гипотеза о начале начал мироздания. Гостева привлекали непроторенные, малоизученные пути. В отличие от некоторых своих коллег он считал, что науку делают не гениальные одиночки, что прежде чем Ньютоны и Эйнштейны объявляют о своих открытиях, зародыши этих открытий долго вызревают в умах многих людей, порождая причудливые идеи. Он считал, что эти в свое время не получившие признания идеи заслуживают особого внимания. То, что не понято было современниками, в иных условиях, в миропонимании людей будущего, может послужить отправной точкой для очередных грандиозных идей, гипотез, открытий. Гостев относился к тем, кто верил в древнюю истину: что есть или будет,—

все уже было. Природа ничего не прячет от человека, у нее все на виду. Просто человек не всегда готов увидеть то, что лежит на поверхности. Так человек каменного века мог страдать от холода, сидя на горе каменного угля.

Потому-то и выбрал Гостев последнюю четверть XX века, город Ереван, в котором жил и работал один из «возмутителей спокойствия», в то время мало кому известный ученый Сорен Алазян. Компьютер, знающий все, выдавал о нем прямо-таки анекдотичные сведения. Алазян никак не хотел удовлетворяться распространенной тогда тенденцией — понемногу «грызть гранит науки». Он все дробил разом, сплеча, быстро добираясь до сути поставленного вопроса или, что тоже немаловажно, доводя его до абсурда. Он был философом в естественных науках. И как часто бывало с такими людьми, одни считали его гением, другие шарлатаном. Однажды седовласые академики, не зная, чем еще занять непоседливого коллегу, засадили его за такую работу, которая, по общему мнению, гарантировала им десять—пятнадцать лет спокойной от Алазяна жизни. Полгода в научном мире тогдашней Армении было тихо. На седьмой месяц Алазян принес онемевшим академикам отчет о выполненной работе...

Гостев огляделся и понял, что он в гостинице, из окон которой виден чуть ли не весь Ереван. Встал с легкостью, прошелся по гостиничному номеру, от большого ящика в углу — телевизора — до скрипучей деревянной кровати, застланной желтым покрывалом, размышая, как связаться с Алазяном, чтобы не насторожить его: по опыту использования хроноканала другими историками знал он, как болезненно реагируют фантомы — компьютерные копии людей — на малейшие ошибки исследователей. Тут сказывалась недостаточная изученность самого хроноканала: фантомы каким-то образом приобретали частицу непомерной чувствительности своих создателей — компьютеров. В конце концов Гостев пришел к выводу, что ему ничего не остается, как играть роль, и он решил позвонить Алазяну по телефону и, назвавшись приезжим журналистом, попросить разрешения навестить ученого.

Как и должно было быть, Алазян ответил сразу, словно специально дождался этого звонка.

— Я все понял, — сказал Алазян, не дослушав до конца длинную тираду Гостева. — Где вы находитесь?

— Я...— растерялся Гостев, чуть не сказав «я не знаю».— Пожалуй, в гостинице.

— В какой?

— В этой, как ее... Большая такая, на горе.

— Не знаете? — удивился Алазян.— Как же вы в ней поселились?

Гостев понял, что попался, и затосковал: так бездарно провалить сеанс, которого с трудом добился. Сразу заболела голова: тесный шлем даже в компьютерном сне напоминал о себе. Он с тоской поглядел в окно, увидел на соседней горе большой памятник — величественную фигуру женщины с мечом в опущенных руках.

— Тут передо мной на горе памятник...

— Ясно! — обрадованно воскликнул Алазян.— Это гостиница «Молодежная». Я сейчас приеду.

Гостев хотел возразить, что ехать никуда не надо, но в трубке уже частили, торопились короткие гудки.

В дверь постучали почти сразу: машина, как видно, экономила время. Улыбаясь, как в первый раз на экране, скромно и приветливо, Алазян быстро обошел гостиничный номер, посмотрел в окно на огромную фигуру женщины с мечом, кивнул удовлетворенно, присел к невысокому журнальному столику, снова вскочил, принялся выкладывать из портфеля яблоки, гроздь винограда в большом сером кульке. Бросил пустой портфель в угол, снова заходил по комнате.

— Я очень извиняюсь, что не могу вас к себе домой пригласить,— быстро заговорил он, не давая Гостеву вставить слово.— У нас не полагается так гостей встречать, но не могу сейчас домой, неподходящая обстановка, не для гостя... А вы прямо из Москвы? Кто вам рассказал обо мне?..

— Да я ненадолго,— торопливо сказал Гостев.— Мне только поговорить с вами о теории абсолютных координат пятимерного континуума...

Алазян резко остановился посередине комнаты.

— Откуда вы об этом узнали?

— Из четырнадцатого выпуска трудов Армнипроцветмета.— Гостев с трудом выговорил длинное трудное слово.

— Как эта книжка к вам попала? У нее тираж-то всего пятьсот экземпляров. На пятнадцать авторов. Представляете? Весь тираж авторы разобрали.

— Попала,— неопределенно ответил Гостев.— Для истории и одного экземпляра достаточно.

— И вы все прочли?
— Вашу статью прочел.
— Поняли что-нибудь?
— Понял...

— Это не мое открытие, не мое, понимаете? — перебил его Азаян таким тоном, словно ему сказали, что ничего не поняли. — Еще Герман Вейль в тысяча девятьсот двадцать четвертом году утвердил в науке представление о пятимерном континууме и, можно сказать, осуществил предсказание Лейбница о необходимости рассмотрения пространства, времени и массы в качестве координат континуума... Вы меня понимаете? Континуум, коротко говоря, — компактное множество. Пятимерный континуум — это пять координат, к которым сводится все многообразие мира, — три измерения пространства, время и масса. Да, масса, которую до этих пор как-то не учитывали. Впрочем, вероятно, всему своя пора. Двухмерная физическая картина древности, соответствующая геометрии отрезков и плоскостей Евклида, уступила место представлениям трехмерной (пространственной) физики средневековья — натурфилософии Галилея — Ньютона. Затем пришла пора четырехмерной релятивистской физики Лоренца — Эйнштейна. Физика пятимерного континуума завершает этап выбора координат... Вы меня понимаете?.. — Он недоверчиво посмотрел на Гостева и словно спохватился: — Прошу извинить, заговорился. Сейчас мы поедем обедать...

— Я не хочу обедать, — возразил Гостев.
— Пока доедем — проголодаетесь. Вы раньше были в Армении?

— Нет... не был, — сказал Гостев.
— Вы не были в Армении?! — воскликнул Азаян таким тоном, словно Гостев признался в каком-то преступке. — Тогда так... Минуточку. — Он кинулся к телефону, быстро набрал номер, заговорил с кем-то по армянски торопливо и страстно.

За окном вовсю сияло солнце, тучки скользили по синему небу, пухлые, неторопливые. Время шло, и Гостев начал подумывать о том, не прервать ли сеанс. Похоже было, что не он задает программу, а Азаян уверенно и властно втягивает его в свое привычное поведенческое русло. Достаточно было Гостеву произнести шифр — пять цифр; 8-17-80 — и все остановится. И хоть через час возобновится сеанс, хоть через день, все начнется с этого самого мгновения. Никакого пере-

рыва Азаян даже и не заметит. Только, может, удивленно посмотрит на гостя, забормотавшего вдруг какие-то цифры. Но он не стал говорить своего магического шифра, решил, что лучше всего Азаян может раскрыться именно в своей обстановке. Заставить его только произносить монологи, лишив возможности «жить» привычной жизнью,— значит обрезать сложнейшие нити ассоциаций и обеднить мысль. И как ни дефицитно, как ни дорогое компьютерное время, надо этим временем жертвовать. Если хочешь «встретиться» с истинным предком, а не с манекеном, ограниченным непонятными для него, чуждыми ему потребностями. Все должно идти так, как шло бы на самом деле. Только тогда можно быть уверенным, что картина прошлого — истинна...

— Сейчас придет машина, и мы поедем в Гегард,— сказал Азаян, резко положив телефонную трубку.

— Зачем... в Гегард? — растерялся Гостев.

— Тому, кто не видел Армении, Гегард надо посмотреть обязательно. Так же, как Горис, Гошаванк. И конечно, Эчмиадзин, Рипсиме... Но я предлагаю поехать в Гегард. Потому что там, по пути, храм Гарни и хороший ресторан, где можно по-настоящему пообедать...

Он говорил это с завидной уверенностью, что иначе не может быть, иначе никак невозможно. Решительно вышел на балкон, заглянул с высоты через перила.

— Вот уже и машина идет.

— Может, поговорим — и все? — робко спросил Гостев.

— Дорогой поговорим. Где ваше пальто? Нет пальто? Как же вы из Москвы? Там ведь уже холодно. И вешней никаких не вижу. Налегке? — Он с недоумением посмотрел на Гостева.— Более чем налегке.

И снова Гостеву подумалось, что сеанс срывается. Потому что даже всезнающий компьютер не может учесть всего. Вот ведь не догадался снабдить его в эту необычную командировку хотя бы чемоданом. Должен же он знать, что была во времена Азаяна такая потребность у людей,— отправляясь в поездки, брать с собой чемоданы с вещами, дополнительную одежду. В растерянности он сунул руку в карман, вынул большой, как раз по ширине кармана, блокнот и успокоился: все-таки компьютер соображает, поправляется на ходу. Ведь Гостев только здесь решил объявить себя приезжим журналистом, и вот у него уже блокнот в кармане. Какой же журналист XX века без блокнота?! В то время еще

не умели обходиться без того, чтобы все записывать...

Поколесив по улицам Еревана, машина вырвалась на загородное шоссе и помчалась по неширокой асфальтовой дороге, извивающейся вдоль крутых и пологих склонов. Алазян, сидевший впереди, рядом с молчаливым шофером, непрерывно и страстно рассказывал о проблемах, изучением которых он в разное время занимался,— о постоянстве силы притяжения и непостоянстве скорости света, о влиянии приливных сил Галактики на вращение Земли и об эрозийном сейсмическом конусе — эрсеконе, о шкале температур ниже «абсолютного нуля», о зависимости распада системы от ее энергии, о гравитационной неоднородности пространства, о неаддитивности энтропии и прочих и прочих.

То ли от частых поворотов, то ли от этого обрушившегося на него клубка теорий, идей, гипотез у Гостева разболелась голова, и он спросил устало, почти раздраженно:

— Как можно одновременно заниматься столь разными вопросами?

— Как разными? — удивился Алазян.— Все они имеют отношение к главному вопросу миропонимания.

— Какому?

— Основополагающему.

Следовало повторить вопрос, но Гостев не сделал этого. Он чувствовал себя очень уставшим, хотелось спать. И чтобы прекратилась эта качка вправо-влево. И чтобы Алазян замолчал, перестал мучить своими то ли на самом деле гениальными, то ли бредовыми идеями. И вдруг он вспомнил, отчего головная боль,— от того, что тесен шлем. И подумал, что вот так же, наверное, уставали от бешеного фонтана идей Алазяна его современники — ученые — и винили его, хотя виноваты были сами, привыкшие к медлительности и постепенности, разучившиеся с молодой бесцеремонностью тасовать доводы, выводы, идеи. И он устыдился своей слабости.

— Трудно, наверное, так много работать, думать обо всем сразу? — сочувственно спросил он.

— Трудно не думать,— ответил Алазян.— Переходить думать — значит умереть.

— Должен же человек отдыхать?

— Обязательно. Вот сейчас мы и отдыхаем.

— Ничего себе, отдых! Между делом, отдыхая, противоречить Эйнштейну...

— А кто противоречит Эйнштейну?

— Да вы же своим пятимерным континуумом...

— Такой неблагодарной задачи я перед собой не ставлю. Разве геометрия Лобачевского — Римана противоречит геометрии Евклида? Разве релятивистская физика противоречит физики Галилея — Ньютона? Так и теория пятимерного континуума не противоречит представлениям классической и релятивистской физики, а дополняет, расширяет, обобщает и углубляет эти представления. Эйнштейн видел ограниченность физики Галилея — Ньютона в ее механицизме, обусловленном рассмотрением лишь пространственных координат. Теория относительности утвердила необходимость учета четвертой координаты — времени. Но она тоже оказалась ограниченной. Это скоро почувствовалось. Несмотря на все усилия релятивистов, они не смогли создать единой теории поля. Причина, мне думается, не в недостатках теории относительности, а возможно, в том, что в представлениях релятивистов отсутствовал пятый континуум — масса, внутреннее состояние системы...

— А почему только пять континуумов? Может, найдется шестой? — перебил Гостев.

— Я его себе не представляю.

— Ну как же! Вы говорите: за пятое надо принять массу. Но если есть масса, то почему не быть ее отсутствию, просто пустоте.

— Вакуум? Это не пустота, это особое состояние массы. Эфир, как говорили раньше.

— Отсутствие есть присутствие?

— Вроде того. Ведь массу тоже можно рассматривать как отсутствие. Отсутствие вакуума — эфира. Если масса отсутствует в одном состоянии, то обязательно присутствует в другом. И при определенных условиях одно переходит в другое. Рождаются же миры вроде бы из ничего...

— Даже целые вселенные, — вставил Гостев, рискованно намекнув на сделанные уже в XXI веке открытия.

— Даже вселенные, — как ни в чем не бывало подтвердил Алазян. — Звезды, планеты и астероиды, вместе взятые, по расчетам, составляют лишь пятнадцать процентов массы Вселенной. Остальное приходится на вакуум. — Он помолчал, посмотрел на горы, на небо, испятнанное тучами. — Мне кажется, это можно сравнить с грозой. Бывает, тучка-то всего ничего, а льет и льет дождем. И получается, что воды выливается во

много раз больше, чем ее было в туче. Туча — как генератор, перерабатывающий влагу окружающего воздуха в дождь. В воздухе вроде и нет ничего, пустота, а оказывается, в нем огромное количество вполне реального дождя. Или возьмите зарождение кристалла... Так и с вакуумом. Теория первоначального взрыва утверждает: в результате какого-то импульса космос вдруг начал перерабатывать энергетические поля вакуума в материю. Масса начала бурно, взрывообразно менять свое состояние...

— Но почему? — спросил Гостев. — Что-то ведь должно быть в основе, какая-то закономерность, побудительная причина?

— Почему? — переспросил Алазян и задумался.

Вильнув очередной раз, дорога внезапно выпрямилась и, как лезвие меча, рассекла показавшийся впереди зеленый поселок. И там, за поселком, на фоне хаотического нагромождения гор вдруг поднялась поразительно стройная колоннада древнего храма. И эта колоннада, как последний мазок художника, словно бы завершила картину, став ее связующим центром: беспорядок цветовых пятен, изломанных линий вдруг стал живописным.

— Какая красота! — воскликнул Гостев, подавшись вперед.

— Красота! — с каким-то особым удовлетворением, словно все окружающее было его личным, подтвердил Алазян. — Это Гарни. Вечная красота!

Они вышли из машины и долго ходили вокруг храма, меж тесно поставленных колонн, а потом отдыхали от жары в его сумрачной прохладе. И Алазян с уверенностью экскурсовода все рассказывал о многотысячелетней истории этого места, бывшего и энеолитическим поселением, и крепостью, летней резиденцией армянских царей, об этом храме, построенном без малого две тысячи лет назад, разрушенном землетрясением, триста лет пролежавшем в руинах и вновь возрожденном, восстановленном людьми, верящими, что красота не умирает, не должна умирать...

— Как действует красота! — сказал Алазян. — Один дополнительный штрих — и хаотичное мгновенно становится гармоничным...

Потом, проехав еще немного по извилистой асфальтовой дороге, они увидели впереди монастырь Гегард. В тесном ущелье, вплотную прижавшись к высоченным

изломам скал, как бы вырастая из них, поднимался белый остроконечный конус церковного купола с едва видным издали крестиком наверху. Он, этот маленький конус, и несколько белых прямоугольников крыш, прилепившихся к нему, приковывали взгляд, казались центром, главным, ради которого создано все это нагромождение гор. И снова Алазян сказал свое загадочное:

— Один штрих — и все меняется.— Он помолчал, рассматривая выступ горы, на минуту заслонивший монастырь на изломе дороги.— Тысяча лет между храмом Гарни и монастырем Гегард. И верования разные — язычество и христианство,— а законы красоты, пропорциональности, гармонии все те же...

Гостев не понял, что хотел сказать Алазян. Не ради того же размышлял об этом, чтобы открыть очевидное. Не похоже это было на Алазяна, чья мысль купалась в парадоксах и находила все новые. Но он не стал спрашивать, веря, что мысль, как плод, должна дозреть сама. Даже если она рождена в таинственных скоплениях простейших электронных элементов, чутко прислушивающихся к логике ими же созданного фантома.

Они ходили по тесному монастырскому двору, установленному хачкарами — ажурными крестами, вырезанными на плоских камнях. И на стенах построек, на скалах — повсюду виднелись кресты, местами образуя сплошное кружево. Плиты с крестами стояли и на соседних обрывах, словно часовые, охранявшие эту древнюю красоту от хаоса гор.

— Каждый крест — это же столько работы! — сказал Гостев.— Зачем?

— Для самоутверждения народа,— быстро ответил Алазян.— В любом народе, даже в каждом отдельном человеке, живет потребность как-то утвердить себя.

— Можно строить дома, сажать деревья...

— Строили и сажали. Но дома сжигали завоеватели, деревья вырубали... Вы знаете историю армянского народа?

— Чемного,— слукавил Гостев.

— Это народ-мученик. В течение последних двух тысячелетий он только и делал, что защищался от многочисленных попыток уничтожить его, поработить, ассимилировать. Очень хорошо сказал об этом писатель Геворг Эмин: «Для того, чтобы уберечься от захватнических притязаний своих агрессивных соседей, прикрывающихся дымовой завесой «общности интересов», «слия-

ния», «единства целей», маленькая Армения издавна была вынуждена еще более обособиться, изолироваться, подчеркивая не то, что роднит ее с другими народами, а то, что отделяет от них, утверждает ее самобытность. Когда ей угрожала Персия, Армения, чтобы не быть растворенной в ней, оградилась защитной стеной христианства. Когда под лозунгом равенства всех христианских стран ей угрожала поглощением Византия, Армения выдвинула свое толкование христианства, отделившись от вселенского. А когда осознала, что проповедь христианства (даже «своего», армянского) на греческом и ассирийском языках подвергает опасности существование армянского языка и способствует ассимиляции народа, она создала свой алфавит, свою письменность, чтобы проповедовать свое христианство на своем языке, сохранить независимость и самовластие...»

Алазян цитировал уверенно, словно читал текст, и Гостев недоверчиво посматривал на него: такая хорошая память или это компьютер подсказывает своему фантому, своему детищу?

— Вся эта церковь вырублена в скале. Наружные пристройки появились потом. Айриванк, как называли монастырь раньше, значит «пещерная церковь». Впрочем, вы сами увидите...

Жестом хозяина он пригласил Гостева войти в маленькую дверь, но вошел первым, быстро прошагал темным переходом и остановился посреди просторного зала с колоннами и высоким сводом. Здесь было сумрачно, свет, падающий через небольшое круглое отверстие в центре свода, придавал всему этому залу с черными провалами ниш некую таинственность. Но света было достаточно, чтобы понять, что все вокруг — колонны, своды, барельефные изображения на стенах — вырезано в сплошном монолите горы. Каким же нужно было обладать терпением, настойчивостью и вместе с тем чувством красоты и соразмерности, чтобы вручную, примитивными инструментами, зачастую с помощью того же камня вырубить все это, предусмотрительно сохранив наросты скалы для барельефных украшений! Почему непомерный, наверняка изнурительный труд этот не убивал чувства красоты? Или именно постоянно живущее в людях это чувство как раз и побуждало на строительный подвиг?..

Гостев понимал, что он, тоже включенный в компьютер, думает обо всем этом совсем не случайно, что ма-

шина подталкивает его к каким-то серьезным выводам, но каким именно, понять не мог. И только росло в нем нервное напряжение, и от этого все больше болела голова. В какой-то миг ему захотелось произнести свой шифр, выкрикнуть его в темноту как заклинание. Вот было бы интересно внезапно исчезнуть, раствориться в таинственном полумраке!..

Они возвращались по той же горной дороге. На очередном повороте Алазян указал шоферу на придорожный ресторан, и они, оставив автомобиль на стоянке, втроем вошли в большой зал, гудящий возбужденными голосами. Алазян пошептался с официантами, и скоро стол был накрыт.

— Зачем так много еды? — спросил Гостев. — Ведь не съедим.

— Сколько съедим, — неопределенно ответил Алазян и, разлив шампанское по бокалам, встал над столом. — Я поднимаю тост за великий русский народ, с которым армянский народ находится в близком родстве. Оба наши народа исходят из одного, затерянного в глубине тысячелетий, индоевропейского корня.

Он выпил до дна, сел и неожиданно запел чуть дребезжащим красивым голосом:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое сердечко ноет...

Гостев тоже выпил шампанское и удивился, почувствовав, как ясность мыслей словно бы подернулась легким туманом. Захотелось обнять этого удивительно-го Алазяна и петь с ним вместе, тянуть из самого сердца сладкую печаль:

Догорай — гори, лучина,
Догорю с тобой и я...

Этого он не ожидал, чтобы компьютер был так педантичен и, воздействуя на какие-то лишь ему известные центры мозга, вызывал подлинное чувство печали. Хотя следовало ожидать: если уж все по правде, так все по правде.

За высокими сводчатыми окнами ресторана начинался крутой склон, а дальше во всю ширь распахивалась панорама ближних и дальних гор. Гостев встал и пошел к окну. Ноги ступали нетвердо, и он, пошатнувшись, едва не облокотился о плечо какой-то женщины. Мужчина, сидевший с ней за одним столиком, свирепо по-

глядел на него и медленно стал подниматься с места.

«Скандала только и не хватает,— обеспокоенно подумал Гостев.— Что в таком случае выкинет компьютер?» И негромко сказал прямо в лицо сердитому мужчине:

— Восемь, семнадцать, восемьдесят!..

На миг он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел себя полулежащим в кресле перед огромным, слабо люминесцирующим экраном. Оператор удивленно глядел на него от пульта управления.

— Вы прерываете сеанс? Но у вас все показатели в норме.

— Голова болит,— раздраженно сказал Гостев.— Шлем надо заменить.

— На замену шлема и переключение всех датчиков уйдет не меньше часа. Я не уверен, что компьютер столько времени продержит момент.

— А говорили: может держать сколько угодно.

— Теоретически. Но дело-то новое, и я боюсь, что уже теперь течение «сна» изменится и вы не попадете в ту же точку смоделированного пространства-времени...

Но он вернулся в ту самую точку. Вспомнил наметившееся доверие между ним и фантомом, предощущение открытия, вспомнил все это и решил отмучиться до конца, не меняя шлема.

— Пить не надо,— наставительно сказал ему оператор, оборачиваясь к своему пульту.

— Пить не надо! — как эхо повторил сердитый мужчина, все еще поднимавшийся из-за столика.

Ничего не изменилось вокруг. Казалось, его короткое отсутствие не было даже замечено. Подошел Алазян, заботливо увел Гостева на место, вернулся к сердитому мужчине и принялся что-то говорить ему по-армянски. Через минуту он уже чокался там, за столом, и Гостев заметил, что сердитые мужчина и женщина уже посматривают в его сторону с доброжелательным интересом.

«Вовсе не надо пить,— сердито сказал себе Гостев.— Не для того ты погружаешься в машинный «сон». Он решил больше не тянуть и, сославшись на недомогание, сейчас же предложил Алазяну ехать и дорогой еще порасспросить его о разном.

Возвращались в сумерках. Дальние горы затягивала вечерняя мгла. Кое-где дорогу перегораживали полосы плотного холодного тумана — сказывалась осень. И всю

дорогу Алазян говорил быстро и страстно, будто нисколько не устал за день, не замечая, что повторяется, или не желая этого замечать, поскольку мысли его требовали повторения и повторения, привыкания к ним слушателя.

— ...теория относительности была воспринята не сразу. Четырехмерный континуум, где время рассматривалось в качестве четвертой координаты, вначале не укладывался в сознание и воспринимался лишь одиночками. Эта теория породила идола — постоянство скорости света. Эта универсальная константа была объявлена максимально возможной в природе скоростью взаимодействий. Позднее Эйнштейн и сам бросил тень на своего «идола», отказавшись от постоянства скорости света в гравитационном поле. Тогда была высказана идея, что свет обладает гравитационной массой и отклоняется у мощных гравитационных тел, то есть испытывает ускорение. Однако «идол» жил. Это было странно для быстро развивающейся революционизированной физики, но никто не пытался поставить под сомнение парадокс постоянства скорости света...

— Как же не пытался? — перебил Гостев. — А опыты...

— Опыты Майкельсона, — перебил его Алазян, — в действительности привели лишь к выводам относительно независимости скорости света от других движений. В этих опытах свет распространялся в условиях постоянного гравитационного поля Земли. Но результаты можно трактовать и так, что скорость света на Земле есть функция от тяготения Земли. Если бы измерительная аппаратура находилась в космическом пространстве и опыт проводился в состоянии невесомости, то там скорость света, вероятно, оказалась бы выше. Скорость фотона зависит от гравитации, от расстояния, пройденного им, и, стало быть, от времени его жизни. Старея и ускользаясь, он в конце концов превращается в поле...

— И что из этого следует? — спросил Гостев.

— Из этого следует важнейший постулат теории пятимерного континуума: скорости взаимодействия, универсальной для всей Вселенной, не существует. Из этого следует, что, рассматривая структуру мироздания, мы не можем сбрасывать со счетов состояние системы...

Он замолчал, взглянувшись в россыпь огней уже близкого Еревана. И снова Гостеву показалось, что Ала-

зян что-то напряженно обдумывает. Мелькнула мысль: может, его думы самые будничные, может, он озабочен одним — как поскорей отделаться от назойливого журналиста? Это будет неожиданным, если фантом первым устанет и откажется от контакта. Гостев отбросил эту мысль. Не потому, что такого в принципе не могло быть,— мера терпения фантома должна быть равна безграничным возможностям компьютера,— просто не вязалось это с характером Алазяна, никак не вязалось.

— Итак, вы утверждаете, что все представления о мироздании укладываются в пять компонентов: три пространственных, время и массу. Но напрашивается вопрос: что же их объединяет?

— Они и есть единство. В природе нет ничего, кроме материи в пространстве и во времени. И выходит, что элементы пятимерного континуума по отдельности не существуют...

— Но ведь естественное состояние мира — хаос...

— Нет, не хаос! Только не хаос! — быстро и страшно воскликнул Алазян.

— Тогда что же?

Алазян помолчал, снизу вверх рассматривая стройные ряды светящихся окон, рядами опоясывающие цилиндрическое здание гостиницы, к которой они подъезжали. Автомобиль обежал этот вертикально поставленный цилиндр по круто поднимающейся дороге и остановился у ярко освещенного подъезда.

— Я вам завтра отвечу, — сказал Алазян, выходя из автомобиля.

— Почему не сейчас?

— Я подумаю. Вы ставите очень интересные задачи.

Он проводил его до двери гостиничного номера и ушел, трижды извинившись за что-то. Гостев принял ванну, лег в постель и, уже засыпая, все думал: какие такие задачи поставил он перед Алазяном? Когда?

Он уснул с неожиданной мыслью: компьютер не просто «воскрешает» человека в фантоме, а как бы продолжает его жизнь. И то ли в своем собственном, то ли в иллюзорном машинном «сне» Гостеву чудились в гармоничном смешении времени и пространства сияющие перспективы человеческого бессмертия...

Ему казалось, что только на миг закрыл глаза, как уже проснулся бодрым, совершенно выспавшимся. В широкие окна заглядывало солнце. Город внизу еще кутался в прозрачную вуаль тумана. Дальше, за горо-

дом, туман был плотнее, белым половодьем захлестывал пространство до самого Араката, живописным конусом возвышавшегося на горизонте.

С предощущением чего-то нового, необычайного Гостев встал, босиком прошелся по холодному паркету. И тут в дверь постучали. За дверью стоял Алазян, широко, радостно улыбался.

— Едем завтракать, нас ждут...

На такси они добрались до района новостроек, где рядами стояли одинаковые пятиэтажные дома. Их действительно ждали. Стол был уже накрыт, и за ним сидели человек шесть, которых Алазян представлял как своих друзей. И сразу начал читать стихи. Сначала это была длинная поэма о Заратустре, потом столь же длинный стихотворный пересказ легенды о несчастной любви красавицы Ахтамар, каждую ночь зажигавшей огонь на берегу, чтобы ее любимый не заблудился в темноте.

Гостева стихи утомили. Он хотел было напомнить Алазяну о вчерашнем разговоре, но тут в комнату вошла молодая, очень красивая девушка — дочь хозяина этого дома, скромно села к столу, послушала стихи, высказала несколько зрелых замечаний и ушла. И сразу разговор за столом пошел только о ней. Все наперебой хвалили родителей, школу, где она училась. Хвалил и Гостев, не в силах удержать теплое чувство нежности и благодарности к кому-то, вдруг охватившее его. Скоро девушка вернулась и подала Гостеву сувенир — чеканку с изображением стройной и гибкой Ахтамар, держащей огонек в поднятых руках. На обороте красивым ученическим почерком с наивным простодушием было написано: «На долгую память от Тамары».

«Дать бы себе волю влюбиться,— с радостным злорадством думал Гостев, пока они спускались по узкой лестнице во двор и усаживались в автомобили.— Интересно, справился ли бы компьютер со всей полнотой томящих и возвышающих чувств?..»

Сколько открытый сделал он за этот сеанс! Оказывается, не только бессмертие богов и мудрость всех мудрецов может подарить человеку машина, но и, наверное, само счастье, светлое лекарство любви!..

На этот раз ехали с эскортом. За их автомобилем, непонятно зачем, следовал точно такой же. Тамара сидела рядом, и это для Гостева многое меняло. Исчезло нетерпение поскорее заставить Алазяна высказаться и

на том закончить сеанс, неожиданные и частые его экскурсы то в историю, то в архитектуру, то в эстетику уже не раздражали, и вообще вся эта поездка, еще недавно выглядевшая для Гостева вынужденной, теперь казалась совершенно необходимой, прямо вытекающей из задач хроносанса.

Они выбрались на загородное шоссе, впрямую пересекавшее обширную долину, и тут Алазян сам вспомнил о вчерашнем разговоре. Ничего он, оказывается, не забывал, просто следовал древней истине, что всему свое время и не место в гостях деловым беседам. А то, что разговор предстоял серьезный, это Гостев понял с первых же фраз, заумных, непростых даже для него, человека из будущего.

— Почему наше пространство трехмерно? — спросил Алазян. — Почему из бесчисленного множества формально возможных размерностей в нашем мире реализовалась именно трехмерность?

— Возможно, это обусловлено нашей психофизиологической организацией? — в свою очередь, спросил Гостев.

— Существует и такое объяснение. Но не законами логики или психологии объясняется трехмерность пространства. Это объективный физический факт, его происхождение связано с глубокими законами нашего мира...

— Это и есть ответ на вчерашний вопрос? — не без иронии спросил Гостев.

— Лишь попытка ответа. Вы задали очень интересный и очень трудный вопрос: хаос ли, случайности ли в основе сотворения? Я всю ночь думал об этом.

— Когда же спали?

— Подремал немного. Но я всегда сплю немного. А тут еще этот ваш вопрос: почему все так, а не иначе?..

— Детский вопрос...

— Дети порой бывают мудрее нас, взрослых, связанных догматическим мышлением. Право же, стоит задуматься, почему все так, а не иначе. Кант полагал, что бог перед сотворением мира был свободен в выборе размерностей пространства. Кант ошибался: даже бог не мог бы позволить себе волюнтаризм. Расчеты показывают, что число пространственных измерений может быть только нечетным и что при N больше трех электрон был бы неустойчив и падал на ядро. И круговые траектории планет были бы неустойчивы, планеты или

падали бы на притягивающий центр, или улетали в бесконечность. В нашем мире все подчинено, если можно так выразиться, высшей энергетической целесообразности. Вы меня понимаете?

— Пытаюсь,— сказал Гостев. Он не совсем понимал, что хочет сказать Алазян, но сейчас, в присутствии Тамары, ему нравились рассуждения об устойчивости, о целесообразности, о красоте.

— При N больше трех атом не может существовать. В этом случае нет ни пространства, ни материи, ни, разумеется, времени — ничего нет...

Машины стремительно въехали в улицы города Эчмиадзина и остановились возле высоких ворот древнего монастыря. Словно обрадовавшись возможности переменить разговор, Алазян, едва выйдя из машины, с новым энтузиазмом начал рассказывать об этом монастыре, в котором будто бы есть постройки, сохранившиеся с начала четвертого века, того самого, когда Армения «отгородилась крестом от персидской экспансии». За ними ходила толпа людей, решившая, как видно, что Алазян — экскурсовод, так уверенно говорил он об арке царя Тиридата, о патриарших покоях, о древнейшей урартской стеле, о еще не потемневшем от времени обелиске — комплексе хачкаров, возведенных в память о двух миллионах мучеников-армян, жертв турецкого геноцида...

Снова Гостев заподозрил, что компьютер подсказывает Алазяну. Не может же один человек знать все.

«Почему не может? — спросил себя Гостев.— Гений может все. На то он и гений, чтобы быть гармонично развитым. Недаром же многие гениальные писатели были и поэтами, и художниками, и музыкантами, и даже учеными. Гению все дается, потому что в нем, как говорил поэт, живет «божественный глагол». Если для Сальери сочинительство было тяжким трудом, то для Моцарта — игрой. Моцарт, несомненно, был универсален, и, если бы Сальери из зависти его не отравил, он выразил бы себя и во многом другом. Гениальность есть универсальность — высшая степень гармоничности...»

Так думал Гостев и все пристальнее приглядывался к Алазяну, находя в нем новые и новые черты — доброжердечие, бескорыстие, какую-то открытую, беззащитную благородность... И остро, до тоски душевной, жалел, что между ними, реальными, — пропасть времени. Ина-

че они бы стали друзьями. Обязательно стали бы, потому что постыдно быть рядом с гением и не обогатиться от этого редкого соседства.

— Сардарапат! — представил Алазян очередной мемориал, к которому они вскоре подъехали.

Несоразмерно длинные и тонкие арки тянулись ввысь, и там, наверху, в небесной голубизне, призывающими плакали колокола. У подножия арок, опустив головы, стояли крылатые быки, с каменным терпением слушали печальный перезвон. И естественно вплетался в эту мелодию быстрый рассказ Алазяна о последней из многих за долгую историю Армении попытке уничтожить армянский народ. С того трагичного года не прошло и трех четвертей века, и еще живы люди, чьи родители в те страшные дни были растерзаны и брошены в придорожные канавы, выселены в пустыни, изгнаны из родных мест. Земли, на которых народ жил тысячелетиями, обезлюдили. Гармоничное, соответствующее естественным внутренним закономерностям развитие народа застилал хаос распада, смерти. Но не исчез народ. На оставшейся у него крохотной территории он сохранил гармонию души своей в традициях, трудовых навыках, в песнях и верованиях, сохранил национальную гордость, стихийную жажду единства.

В том 1915 году численность народа уменьшилась вдвое. А еще через три года турецкие поработители решили совсем стереть Армению с лица земли. И простой народ, не организованный ничем, кроме наследственного чувства единения, почти не вооруженный, толпой вышел на эти Сардарапатские поля, навстречу хорошо оснащенному турецкому регулярному войску. И одержал победу. Спас то, что создавал века и тысячелетия.

Да будут разрушены
Все дьявольские ловушки
И распознаны все приманки удилищ,
И обнажится темная западня коварства...
И зубы грызущих
Да будут вырваны с корнем!..

Алазян произнес эти стихи, как молитву, взметнув руки к гудящим колоколам, и, не оглядываясь, быстро пошел по длинной алее, установленной громадными фигурами сидящих каменных орлов, к кроваво-красной стене, за которой в отдалении виднелось такое же кроваво-красное здание, похожее на древний замок. И словно подчеркнутая этой краснотой, густо синела даль гори-

зонта с пронзительно красивым конусом горы Араат.

Возле массивных деревянных дверей этого здания Алазян остановился и, обращаясь к Гостеву, произнес успокоенно и торжественно:

— Это были стихи гениального нашего поэта Григора Нарекаци, жившего тысячу лет назад.— И отступил в сторону, церемонно открыл тяжелую резную дверь.— Теперь прошу в музей.

Он водил Гостева, и Тамару, и всех других, приехавших вместе с ними людей по музею и снова с завидной уверенностью экскурсовода говорил и говорил, сообщая многочисленные сведения едва ли не о каждом экспонате. И снова Гостев с недоверием косился на него, мучась сомнениями: неужели сам все знает? И снова думал о какой-то неуловимой, но ясно ощущаемой общности между законами микро- макромира, и историческими судьбами народов, и судьбами отдельных людей, и закономерностями, определяющими красоту поэзии, живописи, архитектуры, даже обычной, вроде бы не подчиняющейся никаким законам интимной человеческой любви.

Потом все они оказались в ресторане за столом, уставленным с безумной щедростью. И грохотал оркестр, и юная Тамара мило улыбалась Гостеву, наполняя душу сладкой печалью. И Алазян уводил Тамару танцевать, на середину зала, свободную от столиков, упоенно, по-молодому кружился вокруг нее, и она, маленькая и худенькая, каким-то волшебством вдруг превращалась во время танца в гордую, стройную и высокую богиню, снисходительно-поощряюще улыбалась со своей высоты, сама, по-видимому, не понимая того, электризовала, подбадривала Алазяна, музыкантов, Гостева, сидящего за столом.

Своды ресторанных зала, выложенные из красного кирпича, тянулись ввысь, и там, в вышине, пронизанный солнцем, бьющим в стрельчатые окна, клубился розовый дым...

— Что-то вы всё думаете, думаете...— Тихий голос Тамары, прозвучавший над самым ухом, заставил Гостева вздрогнуть.

— Так уж надо,— переводя дух, растерянно пробормотал он.

— Танцевать надо. Танцы помогают думать.

— Разве не отвлекают?

— Нет, нет. Это у нас все девушки знают. Когда пе-

ред экзаменами ум за разум заходит, лучшее средство — потанцевать...

— Она правильно говорит. Она знает.— Алазян наклонился с другой стороны, запыхавшийся в танце, улыбающийся, пахнущий почему-то сухой полевой травой.

— А до чего додумались вы, танцуя? — тотчас спросил Гостев, решив, что случай для продолжения беседы самый подходящий.

— Пока ни до чего. Но что-то интересное вырисовывается. Этой ночью я просмотрел некоторые работы.— Он сел рядом и, не сводя глаз с какой-то точки на столе между тарелками, заговорил быстро, словно боялся, что не успеет высказаться: — Английский теоретик Поль Дирак записал однажды, что «физический закон должен быть математически изящным». Он, да разве только он один, был убежден, что если найдено симметричное, «красивое», как говорят физики, обобщение теории, то это первый признак каких-то важных физических закономерностей, которые непременно должны реализоваться природой. Бельгийский ученый, один из создателей научной статистики, Адольф Кетле, писал, что «все элементы организмов колеблются около среднего состояния и... изменения, происходящие под влиянием случайных причин, подчинены такой точности и гармонии, что их все можно перечислить наперед». Обратите внимание, и тот и другой подчеркивает основополагающее значение красоты, гармоничности... Авиаконструкторы считают, что красивые самолеты лучше летают. Педагоги в один голос твердят о необходимости гармоничного развития личности... Все ученые пробираются сквозь хаос фактов к идеалам универсальных теорий с явным желанием придать картине мироздания максимальную красоту и гармоничность. Что означает всеобщая жажда гармонии? Случайна ли она?.. Нам кажется, что мир многолик. Но это, пожалуй, лишь потому, что мы плохо его знаем. У каждого человека своя точка зрения, зависящая от меры его знаний и способностей. И от времени, в котором он живет. У времени множество обличий, соответствующих формам пространства и состояния масс. Так и должно быть для единства пространства-времени-массы... Но существует нечто объединяющее, существует! Есть ли что общее, скажем, между жизнью отдельного человека и «жизнью» целой галактики? Абсурдное сравнение, не правда ли? Но все-

таки давайте сравним. Известно, что размер нормальной галактики самое большое в сто тысяч раз превышает размеры ядра, из которого она образовалась. Известно, что активное состояние ядра галактики длится не более одного процента от времени ее жизни. Почти те же самые соотношения, что и у человека. Из ядра половой клетки размером в десять в минус третьей степени сантиметра вырастает организм размером около пятидесяти сантиметров,— рост в пятьдесят тысяч раз. Время «с сотворения» человека — девять месяцев — равно примерно одному проценту его жизни... Совпадения ли это?.. Жизнь, как считал академик Вернадский,— явление вселенское, она — результат взаимодействия макро- и микрокосмоса. Жизнь не случайность, не выхлест слепого хаоса. Она необходимый элемент эволюции Вселенной, результат взаимодействия высших законов гармонии, которым в конечном счете подчинено все. И разум, возможно, он для того и создан, чтобы ускорить процесс упорядочения, гармонизации. Возможно, на нас, носителей вселенского разума, возложена природой особая миссия. Миссия миссий...

— А мы неразумно копим атомные бомбы,— неожиданно сказала Тамара, и Гостев вдруг увидел, что все сидят за столом, не притрагиваясь к еде, благоговейно слушают.

Алазян как-то сразу сник.

— Я что-нибудь не то сказала? — растерялась Тамара.

— Что ты, девочка! — Алазян погладил ее по тонкому плечу и встал: — Я предлагаю тост за наших милых дам, присутствующих и отсутствующих, которые не дают нам взлететь слишком высоко, ожечь крылья о солнце.

Тамара покраснела и поставила бокал.

— Нет, нет,— успокоил ее Алазян.— Это неплохо, совсем неплохо. Я говорил о разуме как о вселенском явлении. Разум каждого отдельного человека — это как элементарная частица, возникающая и исчезающая, переходящая в поле. Особая частица, обладающая индивидуальной волей. Разум каждого отдельного человека нуждается в напоминании, что он лишь гость в потоке вечности, призванный выполнять свою небольшую, но непременно добрую миссию. И безропотно уйти...

Произнеся последние слова, Алазян как-то по-особому, пристально посмотрел на Гостева, и Гостев завол-

новался, приняв это за намек на свой слишком затянувшийся визит. В эту минуту он совсем забыл, где и почему находится.

— Да,— сказал он смущенно и посмотрел на часы.— Мне уже пора.

Он медленно поднялся. Ему захотелось уйти эффективно, цифру за цифрой произнося шифр, прерывающий сеанс. Но вдруг увидел погрустневшие глаза Тамары и снова сел.

— Мне в самом деле пора... Я не говорил раньше... Но мне нужно сейчас... сегодня... Улететь самолетом...

— А у вас вещи в гостинице,— лукаво напомнила Тамара.

— У меня все с собой. Вы оставайтесь здесь, а я — прямо на аэродром.

Он собирался отойти куда-нибудь за угол и там назвать свой шифр. Но Алазян властно усадил его на место.

— У нас так не принято. Если надо,— не смеем задерживать. Но позвольте уж проводить, как полагается...

Почти все время, пока ехали до аэропорта, Алазян молчал, то ли обижаясь на Гостева, то ли обдумывая что-то свое, очередное.

Возле билетной кассы гудела толпа, и Гостев растерялся, не зная, как поступить в этом случае. Ему не удавалось остаться одному, чтобы прервать сеанс, и улететь самолетом при таком обилии желающих, как видно, нечего было рассчитывать. Выручил Алазян, сбегал куда-то, пошептался с кем-то и принес билет на ближайший рейс. Обнял Гостева, расцеловал в гладкие щеки и отстранился, удивленный.

— Чем вы так чисто бреетесь?

— Жидкостью,— не задумываясь, сказал Гостев.

— Какой жидкостью?

Гостев вспомнил, что эта жидкость для бритья в конце XX века еще не была известна, и покраснел, не зная, что и как ответить. Выручило радио, вдруг оглушительно прокричавшее, что объявляется посадка на самолет. И он, так ничего и не ответив, заторопился к выходу, возле которого, за высокой загородкой, дежурные и милиционеры проверяли билеты и багаж.

Он все ловил момент, когда можно будет назвать шифр, но всякий раз, оглядываясь, видел наблюдающие за ним глаза. Так он и вошел в самолет, протол-

кался среди оживленных пассажиров к своему креслу, сел и задумался о словах Алазяна, сказанных там, в ресторане. Ясно было, что, говоря о всеединстве Вселенной, он пытался сформулировать какую-то важную мысль. Какую?

Вспомнилось парадоксальное, сравнение Алазяном человека с целой Вселенной. Удивительно, что сравнение это не так уж и поразило. Только теперь он понял почему: нечто похожее ему уже приходилось слышать. Давно, очень давно. И вдруг он ясно вспомнил,— или это компьютер помог вспомнить? — тот разговор. Не слишком известный, но, по общему мнению, весьма перспективный поэт, с которым Гостеву однажды пришлось беседовать, говорил со страстью едва ли не то же самое, что и Алазян:

«...Еще ничего нет, еще неизвестно, что будет, и будет ли вообще, еще тихо и спокойно вокруг, и только чувствуется неясное томление, неслышимый гуд, заставляющий пристальнее вслушиваться и всматриваться в окружающее. Что это? Откуда это? Как будто мелодия звучит в абсолютной тишине, мелодия, которую не разобрать. Как будто ритмы отбивают невидимые тамтамы, но какие — не слышно. И мучаешься в предчувствии неведомого, и ждешь, и боишься его.

И вдруг... Что побуждает к этому «вдруг» — никто не знает. Но что-то происходит, и ты словно прозреваешь, и внезапный свет заливает и прошлое и будущее, и на тебя обрушивается торжествующая музыка понимания. И ты из мятущегося ничтожества вдруг становишься богом, всевидящим, всеслышащим, всезнающим...

Так видимая пустота мироздания, вроде бы полнейший вакуум вдруг исторгает из себя бездну материи, наполняет Вселенную торжествующе-пульсирующими ритмами волновых полей, рождает планеты, звезды, галактики, заставляет их гнаться наперегонки к неведомой цели... Куда? Зачем?..

Не одним ли и тем же законам подчиняется всякий акт творения?!

Да, он именно так и сказал, тот поэт, именно так...

Машинально, по требованию бортпроводницы, Гостев пристегнулся ремнем, выглянул в овальное окошечко. Отворачивая на север, самолет круто набирал высоту. Заваливалась назад белая шапка Араката, подер-

нулись дымкой сады Приараксинской долины. Гостев почувствовал, что ему грустно, по-настоящему грустно улетать отсюда. Он достал блокнот, сам не зная зачем, записал на первой чистой странице:

«Прощай, страна гор и легенд, страна вечного народа!

Армения, как я устал от твоего гостеприимства!

Армения, когда я снова увижу тебя!..»

— Никогда! — вслух сказал Гостев, и пассажир, сидевший рядом, с удивлением посмотрел на него.

— Никогда! — повторил он тише.— Анализ этого сеанса займет немало времени, а затем захлестнут другие интересы, другие дела...

«А как же с недосказанным? — спросил он себя.— Как без Алазяна понять его слова о вселенском порядке, о господстве гармонии?..»

И тут он ясно, совершенно ясно понял, что Алазян, по существу, пытался сформулировать закон. Совершенно новый, неизвестный науке закон природы. ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ ГАРМОНИИ. Фантом не просто повторялся, копируя свою земную жизнь. Фантом творил. О подобном Гостеву не приходилось слышать, и он в волнении принял расстегивать привязной ремень, чтобы пройти куда-нибудь, хотя бы в туалет, и там, не встречая удивленных глаз, поскорей назвать шифр. Хотелось срочно сообщить обо всем кому-нибудь из своих коллег, удивить, огородить.

Фантомы могут творить! Да не как-нибудь, а по самому высокому счету. ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ ГАРМОНИИ!.. Интересно, если это войдет в анналы науки, кого будут считать автором — его, Гостева, компьютер или Алазяна?.. Ах, не все ли равно! Главное, какую интеллектуальную мощь может использовать человечество, воскресив для творческой жизни гениев прошлого!..

Ему захотелось вернуться в Ереван, еще поговорить с Алазяном, выспросить. Но вернуться было невозможно. Время в этом «сне», копирующим жизнь, как и в самой жизни, не имело обратного хода. Он мог остановить время, назвав шифр, но не повернуть. Была лишь одна возможность: хлопотать о новом сеансе и в иное смоделированное время явиться к Алазяну, как к старому знакомому. Теперь Гостев знал, что он сделает это, обязательно сделает...

— Сядьте, пожалуйста, на место! — Бортпровод-

ница возникла перед ним, словно из небытия, красивая и невозмутимая.

— Мне нужно...

— Вставать с кресла до полного набора высоты не разрешается.

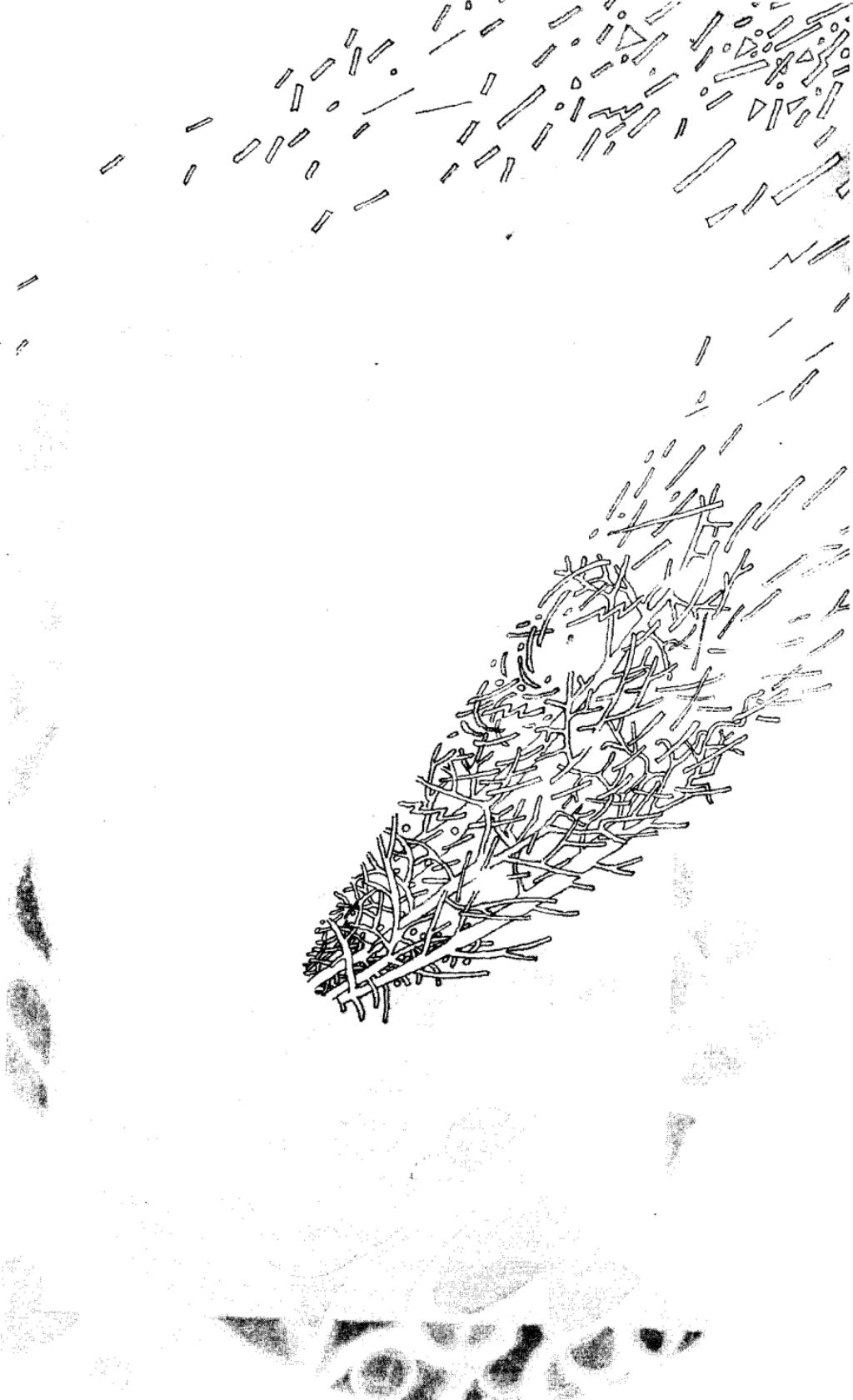
— Но мне обязательно нужно!

— Сядьте, пожалуйста, на место!

Загадочно улыбаясь, Гостев поманил ее пальцем, наклонился к аккуратно причесанной головке, слабо пахнущей тонкими духами, и, разделяя слова, четко произнес:

— Восемь... семнадцать... восемьдесят!..

**Михаил
Пухов.** Человек с пустой кобурой. Рассказы

Человек с пустой кобурой

Мы познакомились в порту. Внизу, за стеклянной стеной, делившей мир на двое, расстилались поля космодрома. Рейс задерживался, взять детектив я забыл и скучал в одиночестве. Публика подобралась обычная — человек двадцать туристов, их сопровождающий и толпа командированных вроде меня. Поговорить не с кем, послушать некого. И вдруг в зале появился совсем другой человек.

Таких видно издалека. Разумеется, опытным глазом. Он был разведчик дальнего космоса или кто-нибудь в этом роде.

С его пояса свисала огромная желтая кобура. При ходьбе он слегка прихрамывал на левую ногу. На лице, покрытом неровным космическим загаром, красовался большой белый шрам в виде ушербной луны. Словом, это был старый космический волк при всех регалиях. Из такого человека, как я неоднократно убеждался, можно выудить самую невероятную историю.

Он взял в автомате кофе и сел за мой столик. Рыба, если можно так выразиться, шла на крючок сама. Я мысленно поплевал на воображаемого червяка и тут же забросил удочку:

— Откуда у вас такой замечательный шрам?

— Хоккей, — объяснил он. По его галактическому загару стекали узкие струйки пота. — В юности я увлекался хоккеем.

— Стояли в воротах?

— Сидел на трибуне. — Он тронул белый шрам пальцем. — Ничто его не берет. Хоть гримом замазывай. Сорок дней загорал на море — все без толку.

Я терпеливо ждал, как и подобает настоящему рыболову.

— На море мне не понравилось,— сообщил он.— Камни острые, скользкие. Вчера полез купаться, упал, ушиб ногу.

Он осторожно пощупал левое колено.

— До сих пор больно. И жара там, на море. Почти как здесь.

Он расстегнул свою огромную кабуру. Порывшись в ней, извлек мятый платок и вытер лицо.

Многие на моем месте решили бы, что рыбалка пропала и что пора в некотором смысле сматывать удочки. Но я не из тех, кто так легко отступает.

— Вы разведчик дальнего космоса? — спросил я.

— Да. Пилот десантного зонда.

— Но где же тогда ваш пистолет?

— Излучатель? — Его взгляд скользнул к желтому футляру.— Собственно, в первую очередь это инструмент. Если нужно что-то прожечь, пробить отверстие, вырыть колодец. Еще это сигнализатор и реактивный двигатель.

Он замолчал.

— Но и оружие,— сказал я.— Все равно: где он?

— Ну, это долгая история.— Он наконец клонул.— Если хотите...

— Конечно,— сказал я.— Ничего, если я возьму еще кофе?

Он кивнул. Когда я вернулся от автомата, он вполне созрел. Я не успел сесть, а он начал рассказ.

— Это случилось после встречи с кораблем Пятой культуры. В том сезоне мы работали в одном шаровом скоплении. Скучное место. Звезды похожи, да и планеты. Жизнь не встречалась нигде.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Спросите биологов. В скоплениях слишком светлые ночи, суточные ритмы ослаблены. А жизнь основана на контрастах. Так говорят. Да. Ну а потом мы наткнулись на звездолет Пятой культуры.

— Сразу Пятой? — спросил я. Он кивнул.

— Сначала мы решили, что это астероид. Больно уж он был велик — шар диаметром километров десять. Но именно шар. Это был корабль одной из исчезнувших цивилизаций — Пятой галактической культуры, брошенный экипажем миллионы лет назад. Этакая космическая «Мария Целеста».

Он замолчал, и я спросил:

— А почему команда покинула корабль?

— Не знаю. Возможно, она никуда и не уходила. Через миллион лет строить догадки глупо. Мы начали готовиться к высадке. Никто нас не заставлял. Мы разведчики, мы нашли корабль. Остальное не наше дело. Но смешно, если бы мы сразу ушли. Продолжать съемку планет? Дико было бы.

Вскоре мы, десантники, уже шагали к своим суденышкам. Настроение приподнятое, как на Олимпиаде. Это своего рода спорт — кто первым проникнет в корабль. В звездолетах Пятой культуры несколько входных тамбуров, но корабль велик. Сто тысяч гектаров полированного металла, и где-то затерян вход. Ориентиров нет. На каждого из нас приходилась площадь побольше этого космодрома. Вот и ищи. Мы разошлись по ангарам и стартовали.

Наверное, со стороны это выглядело эффектно. Две колоссальные машины среди пустоты, и вдруг одна бросает в другую пригоршню светящихся точек. «Моих друзей летели сонмы...» Возможно, так сравнивать пошло, но для другого мира ты всегда бог, нисходящий на землю. И мы мчались наперегонки к чужому кораблю, как стайка богов, покинувших Олимп в поисках развлечений. Так это выглядело. Ну а в действительности это работа.

— И очень опасная,— вставил я.

— Да. Но группа скоро распалась, и я остался один на один с космосом. Силуэт нашего звездолета сжимался за кормой зонда, открывая звезды шарового скопления. Незабываемое небо.

— Это естественно.

— Почему?

— Будь оно другим, вы бы о нем не помнили.

— Вы правы,— сказал он невозмутимо.— Оно именно такое. Даже не скажешь, что черное, так много звезд. И все крупные, яркие. Не небо — застывший фейерверк. И только тень нашего корабля сжимается за кормой да впереди вспыхивает пятно. Черное, круглое. Это я приближаюсь к чужому. Моих товарищей, конечно, не видно. Нет их. Скорость небольшая, самолетная. Ощущение, будто все застыло, да и время почти стоит.

Но потом оно вновь появилось. На последних километрах. Чужой корабль закрывает полнеба, зонд тормозит — то ли посадка, то ли швартовка...

И вот я уже стою рядом с зондом в центре плоской

равнины. Корабль-то круглый, но большой. Такой, что выпуклость не ощущается. Стоишь на плоской равнине, до горизонта метров сто или двести. Над головой звезды. Под ногами тоже звезды, только размытые. В обшивке отражаются, а она матовая, металл немножко изъеден. Когда видишь это, понимаешь, что время состоит из событий. Каждое пятнышко на обшивке — это след столкновения с пылинкой. Происходят такие встречи, скажем, раз в минуту. А сколько минут в миллионе лет? Столько, что обшивка сплошь матовой стала. Я стою размыщляю над этим, и нужно куда-то идти. И немножко жутко. Старый звездолет похож на замок с привидениями. Страшные истории рассказывают об этих кораблях.

— Что вы имеете в виду? — прервал я его. — Звездолет был мертв, вы сами об этом сказали.

Он тронул пальцем шрам на лице.

— Нет. Жизнь всегда остается. Такой звездолет — это целая искусственная планета. Своя атмосфера, своя флора, своя фауна. Там живут не только микробы. Центр корабля занят оранжереями. Но это не заповедник прошлого. Жизнь на покинутых кораблях миллионы лет развивается без помех. Эволюция идет зигзагами, плодит чудовищ. Так говорят. Кстати, не будь этого, наша находка не представляла бы интереса.

— Почему?

— Кораблей Пятой культуры найдено много. Они почти одинаковы. Но эволюция на каждом из них шла по-своему, и биологи каждому радуются. Я стоял на поверхности корабля, не зная, где искать вход. Пошел наугад, и мне повезло.

— На вас напали чудовища?

— Нет. Просто я посадил зонд в нужное место. Всего через несколько шагов металл подо мною задрожал. Ускорений не ощущалось, но звезды исчезли, стало темно.

Потом вспыхнул свет. С трех сторон меня окружали слепые стены. Четвертая была прозрачной.

Собственно, дальше я мог не идти. Нашу маленькую олимпиаду я так и выиграл. Чтобы вернуться, достаточно было остаться в подъемнике, и он вынес бы меня наверх. Но ждать я не стал. Торопясь, чтобы лифт не ушел, я шагнул внутрь корабля сквозь прозрачную стену.

— И на вас напали чудовища?

Он поморщился.

— Я вынул из кобуры излучатель и шагнул внутрь.

План звездолета я знал. Все входы соединены туннелями с рубкой управления. Раньше я много читал о навигационных приборах Пятой культуры. Да и очевидцы рассказывали. Мне хотелось увидеть это своими глазами. Профессиональное любопытство, если угодно. До рубки было километра полтора. Воздуха в скафандре оставалось на два часа. Стены туннеля, слегка загибаясь, уходили вдаль. Странные стены. Там ветерок дул вдоль туннеля — слабенький, почти неощутимый. Вентиляция или просто сквозняк. Но за миллионы лет он такое сделал со стенами — никогда не поверил бы, если бы кто рассказал. Он все скруглил, загладил все неровности. Отполировал стены до блеска.

В общем, там было чисто и светло. Я вложил излучатель в футляр, защелкнул крышку. Возможно, не так уж страшны эти старые звездолеты. Никакого движения не замечалось даже в боковых коридорах — дорогах в глубь корабля. Я шел и размынял о разных вещах. В основном о том, как попроще представить себе миллион лет. Задумавшись, я не заметил, как обстановка в туннеле изменилась. Стало темнее, от слаженных выступов потянулись длинные тени. И моя собственная тень извивалась впереди, на магнитном полу и стенах. Я брел неизвестно куда. Справа зияли отверстия боковых ответвлений. Незащищенный, я шагал по открытому месту, а из узкой черноты нор за мною кто-то следил.

Это было как наваждение. От тишины, полумрака, ритма шагов... Я остановился. Но впереди, сливаясь с моей тенью, шевелилось что-то черное, длинное.

Как толстая слепая змея, оно двигалось там, неуклюже тыкаясь в стены. Оно меняло форму у меня на глазах, а потом размеренно закружилось, становясь вывернутым наизнанку смерчом с нацеленной на меня глубокой воронкой. Вращение замедлялось.

Отступать я не привык. Я вновь расстегнул кобуру и приблизился к черной воронке.

Она уже не вращалась. Как чья-то симметричная пасть, она застыла поперек туннеля, и ее края сливались с его стенами. По внутренней поверхности воронки бежали концентрические волны.

Я стоял перед ней неподвижно.

Черные волны сходились в центре воронки, утихая. Я заметил, что воронка мелеет. Она распрямлялась, становясь гладкой мембраной, отделявшей меня от цели.

Я торопился, но время и кислород у меня еще были.

Я стоял неподвижно. Мембрана была упругой, время от времени она вздрагивала, словно чего-то ждала.

Я положил руку на излучатель.

Мембрана напряглась, стала заметно тверже.

Я снял руку. Мембрана снова расслабилась. Стояла, боязливо подрагивая, и почему-то напомнила мне собачку. Бездомную собаку, ждущую, чтобы с нею заговорили.

Она загораживала мне путь, но я к ней хорошо относился. Время у меня пока было. Я сел перед нею на гладкий вогнутый пол.

«Я тороплюсь,— сказал я ей.— Мне хочется попасть в рубку, и у меня мало воздуха. Ты меня понимаешь?»

Казалось, она внимательно слушает.

«Пусть это прихоть,— сказал я,— но мне очень хочется там побывать. Пропусти меня, пожалуйста».

Она заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти меня в рубку»,— еще раз попросил я.

Задрожав, она медленно расступилась. И я пошел дальше.

— А пистолет? — напомнил я, когда он замолчал.— Куда он делся? Вы обещали...

— Да,— сказал он неопределенно,— потом я оказался в рубке. Я долго пробыл там, разглядывая диковинные приборы, назначение которых знал из книг. Самым любопытным был шар в центре рубки. Специальной тонкой иглой я прокалывал в нем отверстия, и против них на сферических стенах загорались звезды, как изображение в планетарии. Если бы нарисовал на шаре настоящее звездное небо какого-нибудь района, корабль немедленно перенес бы меня туда. Но вероятность случайного совпадения ничтожна, и я мог забавляться сколько угодно. Вдруг в разгар своих занятий я обнаружил, что прошло уже больше часа и что нужно срочно возвращаться к зонду, если я не собираюсь остаться здесь навсегда. Я побежал к зонду.

— Понятно.— Разумеется, я был разочарован.— Короче, вы оставили пистолет в рубке.

— К сожалению, нет. В туннеле я снова наткнулся на мембранны. Она ждала меня, виляя несуществующим хвостом. Мы хорошо относились друг к другу. Казалось, все было как в прошлый раз. Но вы понимаете, что ситуация изменилась.

«Пропусти меня, пожалуйста,— сказал я ей.— Я очень тороплюсь».

Она уловила нетерпение в моем голосе и заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти», — еще раз попросил я.

Она напряглась, стала плотнее.

«Пропусти», — повторил я. Спокойно, как мне казалось.

Она сделалась еще тверже. Я ее понимал, но у меня не было времени. Я уже ничего не мог с собой поделать.

«Немедленно пропусти меня! — крикнул я. — Ты меня слышишь?»

Она дрогнула, подалась назад, уплотнилась и стала глухой, как стена крепости.

— И вы...

— Да, — сказал он. — Если бы у меня не было излучателя, все было бы по-другому. Я нашел бы нужные слова. Но...

Он замолчал, потом сказал:

— С тех пор у меня не было случая, чтобы оружие было действительно необходимо. Это естественно. Помоему, оружие есть орудие зла и еще то, чем борются с вооруженным злом. Но даже войны, о которых никто давно не вспоминает, выигрывались не только оружием. Тем не менее у вас на поясе висит «универсальный инструмент», который, как вы правильно выразились, «и оружие тоже». Ясно, что продолбить дырку можно не только в стене. Вы им пользуетесь, потому что оно у вас есть. Только поэтому. Вы никогда не охотились?

— Нет.

— Жаль, — сказал он. — Вы бы поняли лучше. Когда входишь в лес с ружьем, все меняется. По-другому реагируешь на все: на звуки, запахи... И смотришь не так, и идешь иначе, и думаешь. Словом, ты другой человек. Понимаете?

Потом он сказал:

— И наоборот — без оружия ты тоже другой человек.

Потом он ушел, а через полчаса объявили рейс на Солнечную систему, и я в толпе других двинулся на посадку.

По использовании уничтожить

1

Голос робота-информатора:

— Лифт-экспресс на систему Пратта отбывает с главной платформы.

И — старт. Тяжелые створки люков отделили пассажирский салон от людных лунных перронов. Пассажиры занимались своими делами. Все стояли, сидячие места отсутствовали. Потом люки открылись, и Дымов вместе с другими вышел под небо Дельты.

Оно напоминало земное, лишь место Солнца занимала Лега, звезда синего света. Архипелаг Пратта. Есть системы побольше, но все 18 здешних планет относятся к земному типу, а многие окружены кислородными атмосферами и пригодны для жизни человека. Хотя первая экспедиция побывала в окрестностях Леги два века назад, человечество лишь недавно взялось за освоение архипелага.

Дымов шагал по улице под ослепительно синим небом. Он знал, что нетронутые, заповедные уголки сохранились на всех планетах системы, названных по традиции буквами греческого алфавита. Альфа, Бета, Гамма... Каждая по-своему хороша, но королева, бесспорно, Дельта.

Почти такая же, как Земля. Светлый и добрый мир. Степи, моря, леса. И всего миллион жителей.

Улица спускалась от астровокзала в город. Мимо изредка пролетали машины. Люди на улицах гуляли — счастливые, беззаботные. Двухместный киберт обогнал Дымова, свернул к тротуару, затормозил. Из кабины вылез человек. Совсем другой человек. Он был на работе, чувствовалось.

Он ждал на краю тротуара, щурясь

от яркого света. Потом остановил Дымова жестом руки.

— Вы Дымов, не так ли? Моя фамилия Крамаренков, я представитель Совета. Нам требуется ваша помощь.

2

— О других происшествиях я не подозревал,— сказал Дымов.— Конечно, у вас есть места, в которых небезопасно. Но люди там вооружены, они соблюдают осторожность. Я думал, вы говорите о Дзете.

В течение последних десятилетий на Дзете размещались экспериментальный полигон и несколько генетических лабораторий. Здесь создавали и испытывали образцы флоры и фауны, которыми предполагалось заселять миры, непригодные для обычных форм жизни. В прошлом году на Дзете что-то произошло, свидетелей не осталось, планету объявили закрытой, и теперь даже космические корабли обходили ее стороной.

— Дзета... — повторил Крамаренков.— На Дзету нам с вами рано. Что вы знаете об Эпсилоне?

— Ничего,— признался Дымов.

— Неудивительно,— сказал Крамаренков.— Когда нога человека ступила на планеты архипелага, Эпсилон был мертвым каменным шаром.

— И там есть для меня работа?

— Теперь — да,— сказал Крамаренков.— Двадцать лет назад генетики с Дзеты создали скалоеда — существо, способное жить в любых условиях.

— Они действительно едят скалы?

— Они пожирают все,— сказал Крамаренков.— И все, что попадает к ним внутрь, превращается в кислород и выделяется в атмосферу. За сутки такое животное перерабатывает сотни тонн. Полюбуйтесь.

Крамаренков положил на стол фотографию. Дымов содрогнулся. На него смотрела пасть, похожая на пропасть.

— И ваши генетики заселили этими тварями Эпсилон?

Крамаренков кивнул.

— Да. Они мечтали дать человечеству новую Землю. Много новых земель. Эпсилон был первым опытом.

— Я слышал, что для подобных экспериментов предполагали использовать бактерии,— сказал Дымов.— Но

высшие животные... Сколько же их нужно, чтобы создать атмосферу в приемлемые сроки? Биллионы?

Крамаренков молча кивнул.

— Тогда мне непонятно, как вы решили проблему доставки.

— Вы недооценили наших ученых,— сказал Крамаренков.— Скалоед не просто живая фабрика. Это шедевр прикладной генетики. На Эпсилон завезли всего нескольких животных, но они размножались, как инфузории. Планета получила воздушную оболочку за считанные годы. Теперь там леса, степи...

Он замолчал.

— В чем же дело? Заселяйте ее.

— Пока это невозможно,— сказал Крамаренков.— Скалоеды. Именно поэтому нам нужен ваш карабин.

Дымов усмехнулся.

— Биллионы карабинов.

— Нет,— сказал Крамаренков.— Генетики с Дзеты умели работать. Первые скалоеды жили около пятнадцати лет. В следующих поколениях их жизнь укорачивалась. Темпы размножения падали. Искусственный ген-код. Запограммированная эволюция. К настоящему времени стадо должно было полностью исчезнуть. Но этого не произошло.

— Почему?

— Мутации,— объяснил Крамаренков.— Когда идет лавина, всего не предусмотришь. К счастью, сохранилось лишь несколько десятков. Но мы не знаем, сколько им осталось жить. Не исключено, что вечность.

— Понятно,— сказал Дымов.— Но вы уверены, что это необходимо?

— Да,— сказал Крамаренков.— Вы видели фотографию. Они пожирают все. Один такой монстр опаснее дюжины ваших патологических людоедов.

— И ждать вы не можете?

— Мы ждали пять лет. А теперь еще Дзета. Наш долг — довести до конца дело погибших.

— Ладно,— сказал Дымов после короткой паузы.— В конце концов, вам виднее. Это работа для одного?

— Нет, вас будет трое. Руководитель группы — наш промысловик, профессионал. Второй — доброволец, появился в последний момент. Спортсмен. Прилетел сюда с кучей лицензий.

- Спортсмен? — переспросил Дымов.
- Других вариантов не было. И мне показалось, он не так плох. Во всяком случае, стрелять он умеет.
- Думаете, это главное? — сказал Дымов.

3

Видеть это они не могли, но, казалось, чувствовали напор и медленное сгущение бесплотного вначале воздуха, горение аблации, сплетение ударных волн в море огня. И наконец — рывок и стремительное змееение тормозного парашюта.

— Внимание, — сказал радиоголос пилота, сбросившего их высоко на орбите.

Но они были готовы заранее, все трое, давно уже готовы к тому, что через секунду капсула развалится на четыре отдельных обломка, тремя из которых будут они сами, а четвертый уйдет встречать их на незнакомой земле.

Капсула спускалась наклонно, почти над намеченной точкой, замедляясь. Ленточный парашют знал свое дело.

Взрыв.

Все смешалось и изменилось. Дымов остался один в необъятном небе, и лямки на его плечах ослабли, потому что исчезла тяжесть давившего на них груза, но ему казалось, что ремни стали ему велики и он сейчас вывалился из парашюта. Так длилось вечность, а потом его потянуло вверх.

Далеко внизу расцвели купола грузового контейнера. Небо было синее, незагрязненное. Другие двое висели рядом, играя стропами, целясь на груз.

Земля долго не приближалась, но рванулась наконец вверх, уносясь за спину, зеленая, травянистая, а потом был толчок согнутыми ногами, короткий горизонтальный полет за ветром и парашютом, и листья травы за прозрачным стеклом шлема.

Потом усмиренное полотнище лежало белым пятном на лугу, а Дымов стоял над ним с открытым забралом, вдыхая воздух планеты, которую он и другие двое должны были сделать пригодной для заселения.

4

В лесу затрещало. Рука привычно потянулась к карабину. Остановилась. Из кустов появился Горский. Вид у Горского был измученный. Его элегантный охотничий костюм был выпачкан белой каменной пылью.

— Пустой номер,— произнес он.

Он устало опустился рядом с Дымовым.

— Пустой номер, сэр,— повторил он. И замолчал.

— Вы что-нибудь видели? — спросил Дымов. Горский вздрогнул, очнувшись.

— Видел ли я что-нибудь? — Он усмехнулся.— О да. Но все равно — это пустой номер.

Он снова замолчал, и Дымов не стал его торопить. Собственно, Горский и так все сказал.

— Настоящее кладбище динозавров,— произнес наконец Горский.— Но динозавров, которые вымерли перед самым вашим появлением. Я не знаю, что видели вы, и где вы были, и какие эмоции вызвало в вас то, что вы видели, но я испытал чувство глубочайшего отвращения.

— Да,— согласился Дымов. Сам он вернулся час назад. Лагерь был разбит в центре леса, но лес кончался в сотне метров от лагеря. Дальше начиналось то, о чем говорил Горский,— каменные катакомбы, котлованы, уходящие к границе коры.

И кости. И запах. И отвращение.

— Это противоестественно,— продолжал Горский.— когда зверь умирает своей смертью. Я видел там такие зубы... Божественные зубы. Я знаю многих, кто отдал бы жизнь за подобный трофей.

Дымов ничего не сказал. Горский продолжал:

— Я не палеонтолог и не мародер. Для меня зубы скелета не имеют никакой ценности. Но мне обидно, что все они погибли зря. А живых здесь нет.

— Посмотрим,— сказал Дымов.— Вернется Филин, и все прояснится.

— Филин,— повторил Горский.— А что он может, ваш Филин? Вы никогда не видели, как охотятся промысловики?

Дымов отрицательно покачал головой.

— Начнем с того, что они охотятся на коров,— сказал Горский.— Пасти этих коров им лень. Они выгоняют коров в пампасы, те нагуливают жирок. Через год эта публика погружается в вертолет, подлетает к стаду и отстреливает что пожирнее.

— Вы преувеличиваете.

— Нет, сэр,— сказал Горский.— Нисколько. Эти мясники не подозревают, что существует копье, или лук, или нож. Для них есть только многозарядка с оптическим прицелом. По-моему, это извращение. Ведь настоящая охота — это риск, это смертельная опасность.

Это дикие пейзажи планет. Это единоборство, когда оба равны. Впрочем, вы знаете все это не хуже меня.

Филин вышел из леса бесшумно. Они не заметили, как он появился, и было неясно, слышал ли он что-нибудь из их разговора. Сейчас он стоял у палатки, опершись о высокий кол. С плеча у него свисал карабин. Некоторое время он молча смотрел на них из-под лохматых бровей.

— Можно свертывать лагерь,— проговорил он наконец.— Я их нашел.

Горский поднялся и пошел к палатке за щеткой — почиститься. Филин присел на корточки, положил карабин на траву и расстелил перед Дымовым фотокарту, отснятую еще сверху.

— Смотрите. Мы здесь. Оказывается, они сместились сюда, на новое место. По-моему, там есть еще несколько, ближе к холмам. Надо торопиться, пока они не удрали еще дальше.

Дымов встал, подошел к палатке и отвернул колпачок. Зашипело. Каркас ослаб, полотнища провисли. Потом все, пошатнувшись, рухнуло на траву. Филин принял молча вытаптывать воздух, оставшийся в трубах каркаса.

Рядом Горский небрежно забрасывал вещи в рюкзак. Он затянул шнур и взвалил мешок на плечи. Дымов и Филин укладывали палатку.

— Посмотрим, как вы в деле, мистер Мясник,— с вызовом сказал Горский.

— Любитель-потребитель,— сказал Филин. Он подтянул лямки.— Двинулись.

— Это я потребитель?

— Да,— кивнул Филин.— Тушенку жрешь, а паясничашь.

Они уже шли через лес.

— Если ее не будет, я удовольствуюсь десертом,— сказал Горский.— Но такие, как вы, этого не допустят.

— Заткнитесь,— сказал Филин.— Когда животных убивают во имя необходимости — это одно. Для развлечения я не убиваю.

— Но...

— А если ты спортсмен,— сказал Филин,— гоняй мяч. Хоть польза будет.

— Логика мощная. Вы где ее изучали — в Оксфорде или в Кембридже?..

— В нашем детском садике,— сказал Филин.— Мне надоело с вами препираться.

Они шагали бок о бок, метрах в десяти впереди Дымова. Деревья росли не густо, но и не слишком редко. Подлесок почти отсутствовал, и идти было приятно. Голубой диск Леги прятался в зелени.

— То, что вы называете развлечением, часто сопряжено со смертельной опасностью,— сказал Горский.— Но вам этого не понять. Вы привыкли работать на специально оборудованной площадке.

Филин молчал.

— Например, вы когда-нибудь видели песчаного дракона? — продолжал Горский.— Они водятся не подалеку, на Гамме. Сойдитесь с ним на открытом месте, попытайте счастья. Возможно, останетесь живы.

Филин молчал.

— Странный он человек,— пожаловался Горский, подождав Дымова.— Неразговорчивый. Как вы считаете, не пора ли бросить ему перчатку?..

— А мне — не пора?

— Вам? — удивился Горкий.— За что? К вам, сэр, у меня нет никаких претензий. Вы мститель, сэр, а это благородное занятие.

— Вы так считаете?

— Конечно,— сказал Горский.— Опасный хищник убивает человека. Где-нибудь, все равно где. Что делают остальные, еще не убитые? Бросаются искать вас. И находят, и падают в ножки, и вы соглашаетесь. И выходите с людоедом один на один. С одной стороны, здесь есть необходимость, которую любит Филин. С другой — риск, часто очень значительный. На мой взгляд, это самая благородная из всех охотничьих профессий. Разве не так?

Дымов ответил не сразу. Лес впереди светлел, будто там начиналось поле. Филин уже стоял на опушке, поджидая. Они молча остановились рядом с ним и посмотрели перед собой.

Но здесь начиналось не поле. Перед ними, под невысоким обрывом, простирался каменный лабиринт. Поверхностный слой был снят, и гранит изъеден, но не эрозией. По камню петляли бесчисленные глубокие траншеи, как следы циклопических древоточцев.

— Вы действительно считаете, что ремесло палача — самое благородное? — сказал Дымов.

Филин медленно шел впереди, тщательно выбирая путь в хаосе угловатых обломков. Стенки траншеи были неровные, в рост человека, с них осыпалась белая пыль.

— Слава богу, здесь ровнее,— сказал Филин, когда они оказались наверху.— Этот мальчишка смеет называть меня мясником. Если я мясник, то кто же тогда он?..

Дымов промолчал.

— Ведь он любитель,— сказал Филин.— Осторожно, здесь трещина. Охота для него так, забава. Но у него есть и основное занятие. Он биолог, и не просто биолог, а биохимик. И после этого он смеет называть меня мясником!..

Дымов ничего не сказал.

— Вы когда-нибудь были хоть в одном из биологических институтов? — продолжал Филин.

— Нет.

— А я был, и с меня достаточно,— заявил Филин.— Здесь скользко, не оступитесь. Я был там случайно, час или два, но с меня достаточно. Я там на многое насмотрелся. Например, вы слышали слово «декапитация»?

— Нет,— сказал Дымов.

— А я слышал,— сказал Филин.— Я знаю, что оно значит. Это когда живой морской свинке отрезают голову.

Дымов ничего не сказал.

— Но они этим не ограничиваются,— продолжал Филин.— Они извлекают из трупа мозг, сердце и другие органы. Они берут ступку, растирают все это наподобие пюре и исследуют то, что им нужно. Потом они пишут статьи. Не наступите на этот камень.

Дымов шел молча, внимательно глядя себе под ноги.

— Когда я там был,— продолжал Филин,— на первый этаж спускалась симпатичная девочка, спрашивала пилу. Зачем, по-вашему? У них наверху — эксперименты поинтереснее. Там работают с кошками и собаками. С обезьянами работают мало — обезьян трудно достать.

Дымов молчал.

— И они набирают статистику,— продолжал Филин.— Вы думаете, он декапитирует одно животное и на этом успокоится? Нет. Для получения одной достоверной цифры ему нужно декапитировать их штук двадцать. В любой приличной статье этих цифр тьма. И после этого он смеет называть меня мясником!..

Дымов молчал. Он не подозревал, что Филин может так развлечься.

— Он называет меня «мистер Мясник», — повторил Филин. — А сам жрет тушенку, отправляясь на свои паршивые эксперименты. Если охотник нарушит правила, он браконьер. Если ты подстрелил с вертолета какое-нибудь двуглавое чудище — ты преступник. Тебя посадят в тюрьму, и правильно сделают. Но на этих вивисекторов нет ни правил, ни тюрем. Для нужд науки они могут декапитировать кого угодно. Ну вот, кажется, пришли.

Они стояли на небольшом возвышении в центре гранитного лабиринта. Лега, пройдя зенит, клонилась к закату. Кругом извивались глубокие каменные канавы. Вдали дымилась грязь холмов.

— Вот так, — сказал Филин. — Выскажешься — и легче станет. Теперь нам тоже лучше разделиться. Вы идите к холмам. По-моему, там есть парочка. А я направо, здесь дело верное. Счастливо. Ни пуха ни пера.

Дымов следил, как Филин уменьшается на фоне тронутого закатом неба. Потом отвернулся и начал спуск.

6

Сильный порывистый ветер дул прямо в лицо вдоль извивающейся траншеи. Она была свежая, проложенная совсем недавно. Ее стенки были высокие и крутые. Она здесь была широкая — метра три, но к повороту сужалась.

Хорошо, что ветер в лицо, подумал Дымов, остановившись, чтобы передохнуть. Конечно, если бы ученые знали, что их придется добивать, они сделали бы им обоняние похуже. И они могли еще что-нибудь придумать, шедевр прикладной генетики получился бы куда более выдающимся. Например, окраска. Что им стоило сделать бока скалоеда черно-белыми, как у зебры? И чтобы полосы шли кругами. Чтобы бок животного был разрисован, как мишень для спортивной стрельбы. Недоработочку допустили наши доблестные ученые.

Дымов отдыхал, прислонившись к каменной стенке, а ветер поднимался ему навстречу размеренными волнами. Ритмичными, как удары маятника. Как пульс сердца. Как спокойное дыхание спящего исполина...

И вдруг Дымов понял, откуда взялся ветер. Скалоед перерабатывает породу в воздух и выбрасывает его в

атмосферу. Вот что имел в виду Филин. Ветер. Откуда ни подходит к скалоеду, ветер всегда будет в лицо.

Дымов стоял, размышляя над своим открытием, вдыхая волны ветра, несущиеся из-за поворота. Возник образ — там, за поворотом, работает машина, могучая металлическая установка. Но образ сразу исчез. Если бы там стояла машина, воздух не был бы таким ароматным, насыщенным кислородом. Все обстояло бы наоборот.

Дымов стоял и вдыхал ветер, когда внезапно новый воздушный поток обрушился на его спину. Он обернулся.

И попятился.

Прямо на него из-за поворота траншеи спускалось чудовище. Оно было как уродливый бронированный механизм. Оно передвигалось на четырех парах массивных когтистых ног. Его гигантская пасть была широко разинута, нижняя челюсть погружена в скалистый грунт. Оно занимало почти всю ширину траншеи и быстро ползло, перебирая толстыми лапами, вниз по траншее, прямо на Дымова.

Безразличное, равнодушное, оно надвигалось с неторопливой быстротой танка. Спина Дымова уперлась в стену. Отступать дальше было некуда. И он вспомнил про карабин.

Его карабин стоял, прислоненный к противоположному борту траншеи, где только что был и сам Дымов, и его уже не было видно за тучей пыли, которую гнали здоль траншеи порывы ураганного ветра.

Нижняя челюсть, как плуг бульдозера, вспарывала грунт совсем рядом с Дымовым. Он вжался в скалу, ощущая ее твердую шероховатость. Мимо с равнодушным спокойствием проплыval необъятный бок, и лапы одна за другой вздымались в воздух с размеренностью часового механизма. Поднимались, а потом опускались, вновь цепляясь в камень крепкими растопыренными когтями. Перед Дымовым проходила уже крупная чешуя высокого волочившегося хвоста, и в каждой пластине он видел свое искаженное отражение. Потом все кончилось, и лишь клубящаяся стена пыли вниз по траншее отмечала путь удалявшегося чудовища, да каменная канава стала на метр глубже, чем была раньше.

— Собственно, пока им не на кого было нападать,— сказал Горский. Он сидел на гнилом пне рядом с обрывом и протирал тряпкой ствол карабина.— Но я не подозревал, что знаменитый охотник на людоедов может быть сентиментальным.

— Нет,— возразил Дымов. Он лежал на траве лицом вверх и смотрел в синюю яму неба.— Я не сентиментален. Но зарубок на прикладе я никогда не делаю.

— Я тоже этим не увлекаюсь,— сказал Горский.— Разве только в самых исключительных случаях. Помоему, если вы вышли на медведя с одной рогатиной и победили его, вовсе не зазорно поставить зарубку. Пусть не на прикладе, а на рогатине, не в этом суть.

Дымов ничего не сказал.

— Или песчаный дракон,— продолжал Горский.— Он совершенно неуязвим. У него непробиваемая броня, и точка на его голове, куда нужно попасть, гораздо меньше копеечной монеты. И голов у него две. А водятся драконы только в пустынях, на открытом месте, где спрятаться некуда.

— Кому — некуда? — спросил Дымов.

— Охотнику, кому же еще,— объяснил Горский.— Когда на меня пополз первый скалоед, я даже обрадовался. Когда я увидел этот разинутый зев и вспомнил, что в его глубине все превращается в воздух, меня прямо затрясло от возбуждения. Вы знаете, какая это пасть? Божественная пасть. Телега въедет, без преувеличения. Жалко, что вам не повезло и вы ни одного из них не высledили. Потому что это уникальное зрелище.

Дымов молчал.

— Ничего, еще повезет,— сказал Горский.

Дымов молчал, глядя в синюю яму неба.

Он стоял, прислонившись к неровной стенке, и смотрел вниз, на поворот. На него обрушивались волны чистого воздуха. Ветер дул прямо в лицо и все время усиливался.

Здесь когда-нибудь вырастет город, думал он. Ты не должен забывать этого, обязан помнить об этом. Здесь будет царство добра и света, здесь поднимутся стеклянные горы зданий и протекут бетонные реки, оправленные в подстриженную зелень бульваров. И здесь будут жить люди.

Здесь будут жить миллионы счастливых людей, думал он, глядя на клубящееся облако, выползающее из-за поворота. Вы будете здесь жить, и работать, и наслаждаться жизнью, и воспитывать счастливых детей, которые когда-нибудь станут счастливыми взрослыми. Но будете ли вы помнить?...

Не нас — нам забвение не грозит. Вы начертаете наши имена на стенах своих светлых строений — навечно, рядом с именами генетиков Дзеты. Или воздвигнете памятник — один или несколько. Или придумаете что-то еще. Но будете ли вы помнить, откуда взялся воздух в вашей светлой и добродушной стране?..

Сквозь прицел карабина Дымов смотрел на приближающееся животное. Он знал, что не промахнется.

Семя зла

Взялся — ходи.

Быковец на мгновение задержал коня над доской и поставил на новое место.

На место.

Отсюда конь достает до последних полей, которые остались у белых.

Ход коня как образ нуль-перехода.

Теперь, если белые пойдут ладьей, черные возьмут ее конем. Задаром. А другой ладьей белым ходить некуда. И королем. Пойдут ферзем — потеряют ферзя за фигуру. И любую фигуру отдадут, за пешку. И главное — даже после жертвы ничего в позиции не изменится. Следующим ходом белым опять придется что-то отдать.

Ситуация, словом, точь-в-точь как позиция земной стороны в первом межзвездном контакте.

Цугцванг.

Быковец посмотрел через стол на Пичугина. Командир танкера глядел на деревянную доску. Руки опирались локтями о стол, массивный подбородок покосился на кистях. Пальцы сплетались и расплетались. Он искал дорогу — не к победе, к освобождению. Значит, еще не понял. Еще на что-то надеялся.

Быковец посмотрел за спину Пичугина, в зеркало, обрамленное полированым дубом. В зеркале отражался затылок Пичугина, весь седой. По затылку не чувствовалось, что его хозяин сейчас сдаст партию.

Еще в зеркале Быковец увидел свое лицо. Сильное, волевое, решительное. Глаза стальные, пуленепробиваемые.

Чрезвычайно решительное лицо... На обшитой буком стене над своей головой Быковец увидел часы-календарь. «Пора», — сказал он себе. В десятый, наверное, раз. Нельзя больше тянуть. Кончится эта стоянка — и нуль-переход, и Земля.

Взялся — ходи. В конце концов не затем ты пробивался на этот танкер, чтобы побеждать за столом.

— Проиграл,— сказал Пичугин, останавливая чайсы.— Раздавил ты меня, Сеня. В последнее время ты очень сильно прибавил.

— У вас учусь, Петр Алексеевич.

— Да? Впрочем, не буду спорить... Еще одну?

Быковец отрицательно покачал головой, перевернул доску и стал собирать фигуры.

— Пойду на смотровую площадку. Прогуляюсь. Что-то мозги устали.

— Понимаю,— сказал Пичугин.— Но потом приходи, а? Трудно мне здесь одному. Дел, правда, куча, но часок как-нибудь выкроим.

Быковец молча кивнул, встал и вышел из кают-компании. Закрыл за собой дверь.

Перед ним лежал коридор, сейчас совершиенно пустой. Естественно — стоянка подходит к концу. Импертансер «Люцифер» готовится к финишному броску в Солнечную систему. Все оборудование уже проверено, уточняются программы, вносятся последние корректировки.

Время самое подходящее.

Быковец медленно шел по коридору, обшитому деревянными панелями. Да, древесина теперь многих лесов сводят — земля нужна для посева... Сжав кулаки, он шагал мимо закрытых дверей: все внутри напряжено, но уверенности в успехе не было. «Фанатизма нет в тебе, Сеня,— подумал он.— Нет истинной веры. Что без нее человек?»

Он поравнялся с дверью очередной каюты. На застекленной табличке значилось: «Быковец Семен Павлович, младший штурман».

Быковец ускорил шаг. Вот и конец коридора. Слева воздушный шлюз; прямо, за переборкой, начинается обзорная палуба, а там — грузовой трюм, наполненный семенами с Линора.

Дверь последней каюты напротив шлюза открылась. Из каюты показался старший штурман Петров. Коллегу на «Люцифере» встретить нетрудно: навигаторов на танкерах много. Ведь самое важное — доставить груз точно по адресу.

— Ко мне, Сенечка? Крайне сожалею, но ухожу. Вы извините — работа, ничего не поделаешь.

— Да нет, Аркадий Львович. Просто захотелось погулять по смотровой палубе.

Старший штурман Петров смерил Быковца подозрительным — или так просто показалось? — взглядом.

— Замерзнете, Сенечка. Скафандр хотя бы накиньте. Не топят ведь, как обычно.

— Вы так думаете?

— Я гипотез не строю. Смотрите.— Петров приоткрыл дверь на обзорную палубу. Оттуда потянуло морозцем.— Ключи-то у вас есть?

— Нет,— солгал Быковец.— Я же младший, Аркадий Львович. Откуда у меня ключи?

— Тогда возьмите мои. Я на работу, ключи мне там ни к чему.

Старший штурман Петров достал из кармана объемистую звенящую связку.

— Вот этот вроде от тамбура.

Быковец взял ключи. Шлюз был рядом, напротив каюты. Замок щелкнул. Старший штурман Петров не уходил, стоял близко, дыша Быковцу в ухо.

Свет внутри загорелся сам, чуть тронулась дверь. На стене висели скафандры, как пальто в раздевалке. У другой стены возвышались баллоны с воздухом. В стеллаже у третьей стены стояли универсальные излучатели. В два ряда: длинноствольные в глубине, прикладами кверху, а портативные, в футлярах,— в ячейках у самого пола. Не возьмешь не нагнувшись.

— Берите любой, Сенечка. Они здесь все одинаковые,— сказал старший штурман Петров.— Но умоляю, поторопитесь. Мне совершенно не хочется ссориться с Борисом Григорьевичем. Вы же его знаете, Веденского: спросит за самое мелкое опоздание.

— А вы не давайтесь,— посоветовал Быковец.— Напишите рапорт Пичугину.

— От Пичугина я лично стараюсь держаться подальше,— сказал Петров.— Между нами: какой из него командир танкера? Ни опыта, ни квалификации. О манерах не говорю. А Борис Григорьевич действительно строг, но зато справедлив. И блестящий, весьма образованный, знающий специалист. И прекрасный человек с очень тонкой душевной организацией. Я не хотел бы говорить о Пичугине плохо, но хорошо, к сожалению, не могу. По-моему, он попал сюда по ошибке. Он ведь раньше служил в астроразведке, вы разве не слышали?

— Знаю,— сказал Быковец.— А чья сейчас вахта?

— Кажется, Альберта Иосифовича. Но прошу вас, Сенечка, берите скорее одежду. Нельзя же оставлять тамбур открытым, просто не полагается.

Быковец пересек тамбур и снял с вешалки скафандр. Посмотрел на баллоны с воздухом. Между ними был люк, выход из корабля.

— Воздух вам ни к чему, Сенечка,— сказал старший штурман Петров и вдруг засмеялся.— Вы стали как линорец, ей-богу. Такой же медлительный. Мне ведь давно пора быть в рубке, на вахте. Зачем мне ссориться с Борисом Григорьевичем?

Быковец шел назад мимо стеллажа с лучеметами, неся перед собою почти невесомый скафандр, и смотрел на старшего штурмана. Тот нетерпеливо переминался в дверях.

Быковец уронил скафандр на стеллаж. Нагнулся. Сквозь тонкую ткань нашупал футляр с пистолетом. Когда поднял отяженевший скафандр, на стеллаже осталась пустая ячейка. Он посмотрел на Петрова. Тот не заметил опустевшей ячейки на стеллаже.

Быковец вышел в коридор.

— Помочь? — спросил старший штурман Петров.

— Спасибо, Аркадий Львович,— вежливо сказал Быковец.— Вы же торопитесь. Я его на плечи накину, если замерзну.

— Хорошо, Сенечка. Вахта, вы уж меня извините. Зачем мне лишние разговоры?

Петров спрятал ключи в карман и пошел по коридору в нос корабля. Быковец проводил его взглядом и отворил дверь на смотровую палубу.

Здесь со всех сторон мягко светили звезды. Вверху, под ногами, всюду. Было действительно холодно. Быковец прикрыл дверь, сунул футляр с излучателем за пояс. Закинул скафандр на спину — штанинами через плечи, связал их узлом на груди. Так будет лучше. И правда, замерз бы, не подвернулся Петров...

Коридор расширялся конусом, словно бутылочное горлышко. Его стены были прозрачны. За ними сияли звезды. Вниз вели ступеньки. Стеклянные, похожие на ледяные, но вовсе не скользкие.

Быковец быстро спускался по прозрачным ступенькам. На звезды он не смотрел и о предстоящем не думал.

Все было обдумано раньше. Сейчас он был запрограммирован своими прошлыми мыслями, как человек, впервые прыгающий с парашютом.

Спуск кончился. Противоположная стена сильно расширившегося цилиндра потерялась вверху. На смотровой палубе было светло от звездного света.

Значит, привыкли глаза.

У входа в грузовой трюм — помещение здесь опять сузилось, так что пришлось подниматься по таким же ступенькам — высилась черная фигура. Один из роботов-грузчиков, теперь страж. Станный обычай — ставить охрану у трюмов и возле реактора. Впрочем, как выясняется, не такой уж и странный.

Робот преградил Быковцу дорогу. Простой ИМ — исполнительный механизм корабельного мозга.

— Дальше идти нельзя,— бесстрастно сообщил центральный компьютер через динамик на лице робота. Рядом с динамиком располагались зрительные детекторы. Ниже начиналась гибкая шея. Металлический корпус. Очень сильный манипулятор. И гусеница внизу.

— Мне надо.— Быковец попытался отвести робота в сторону. Тот уперся.— Я иду со специальным заданием: сделать замеры влажности в грузовом трюме. Таков приказ командира танкера, Петра Алексеевича Пичугина.

Робот не ответил и дорогу не освободил. Правда, на последнее Быковец и не рассчитывал. Он стоял на нужном расстоянии, почти вплотную, и знал, что сейчас последует. Против роботов люди бессильны. У компьютера реакция быстрее, чем у любого человека. Поэтому нельзя на равных бороться с роботом... пока робота контролирует компьютер. Ничего, подождем.

— Ты, Семен? — произнес робот бодрым голосом вахтенного штурмана Альберта Минца.— Что ты затеял?..

Отвечать Быковец не стал. Вместо ответа он резко ударил ребром правой ладони по гибкой шее автомата и одновременно левым кулаком ткнул его в бок, целясь туда, где под тонким панцирем прятались коммутаторы. Сталь прогнулась, внутри затрещало. Тут же Быковец нанес роботу тяжелый удар ступней по нижней части корпуса. Робот накренился. Не дожидалась, когда он упадет, Быковец шагнул вперед и поймал ключом замочную скважину.

— Что происходит, Семен?! — заорал робот.— Что происходит...

Ключ повернулся. Но металлическая лапа настигла Быковца и отшвырнула его назад. Робот лежал на боку, бессильный подняться, но его манипулятор угрожающе шевелился. Значит, снова подключили к компьютеру. Но теперь все равно.

Быковец медленно извлек пистолет. Тяжелый, холодный. Поднял оружие, чувствуя себя убийцей.

«Не валяй дурака,— сказал он себе.— Это просто ИМ. Исполнительный механизм. Механизм. Сейчас прибегут другие, такие же исполнительные».

Он зажмурился и потянул спуск. ИМ — черт с ним. Вспышка ослепила его даже сквозь закрытые веки.

Быковец открыл глаза. Манипулятор лежал неподвижный — отдельно от робота. Быковец встал на ноги. Перешагнул через изувеченный автомат, вынул ключ из замочной скважины, навалился плечом. Люк медленно распахнулся. И тут же в грузовом трюме вспыхнул искусственный свет.

Левой рукой Быковец взялся за люк. Правая сжимала рукоять пистолета. Лучемет пригодился. Уже сейчас, до начала настоящего дела.

Быковец посмотрел назад. Робот лежал навзничь — с вмятым боком, искалеченной шеей и почти перебитым корпусом. Плечо его было оплавлено, зрительные детекторы отражали холодный свет звезд. Рядом валялся манипулятор, тоже обезображеный.

Далеко-далеко в темноте терялся выход в коридор. Оттуда еще никто не бежал. Там была закрытая дверь. Закрытая. Никто не бежал оттуда. Даже роботы, а они бегают быстро.

Стоя на пороге трюма, Быковец опустил ствол излучателя вниз. В прозрачный пол ударили белые молнии. Стекло пошло пузырями. Воронка углублялась иширилась. И вдруг зашипело. Воздух со смотровой палубы рванулся наружу, за борт. Там пустота, а воздух не терпит пустоты.

Люк стал медленно закрываться. Быковец придерживал его. Вдали, в темноте, возникло пятно света. Кто-то из коридора открыл дверь на смотровую палубу.

Быковец поднял пистолет. Чей-то силуэт рисовался на фоне белого пятна коридора. Силуэт человека, не робота.

Быковец сдвинул прицел. Белые молнии ударили в далекую стену совсем рядом со светлым отверстием. Человеческий силуэт отодвинулся в глубь коридора, пятно света исчезло.

Дело сделано. Быковец шагнул в трюм и отпустил массивный люк. Тот неторопливо захлопнулся под напором воздуха. Ветер утих. Быковец сунул лучемет за пояс — ствол обжигал — и сел прямо на покрытый инеем пол. В трюме было очень холодно, но Быковец весь обливался потом.

Он вытер лицо ладонью и встал. Помещение, вначале просторное, в нескольких метрах от входа сужалось, превращаясь в длинный коридор, стены которого были образованы двумя аккуратными рядами контейнеров. Груз семян, который они везли в Солнечную систему.

Сейчас грузовой трюм отделен от жилых отсеков надежной вакуумной стеной — смотровой палубой, заполненной пустотой.

Дело сделано, но времени терять не следует. Быковец подошел к стеллажам, с натугой снял один из контейнеров. Надавил замок. Крышка откинулась.

Контейнер наполняли крупные желтые семена, похожие на кукурузу. Быковец поднял пистолет.

Вспышка — и содержимое контейнера превратилось в обугленную золу.

Проклятое семя!

Содержимое контейнера. Одного. А всего их несколько сот. Значит, надо работать.

Снять контейнер — поставить на пол — надавить запор — потянуть спуск...

Быковец взялся за третий контейнер и вдруг уловил сбоку какое-то движение. Робот? Обернулся, держа пистолет наготове.

Засмеялся. Это был действительно робот, но коммуникационный. Телекамера на колесах, совершенно неопасная. Впрочем, если ее хорошо разогнать...

Сильно разгоняясь, робот летел к нему по длинному проходу между двухэтажными стеллажами.

Быковец поднял пистолет. Так. Сперва по глазам. Потом...

По колесам.

Телекамера завертелась на месте. Волчком. Остановилась.

Он опять повернулся к контейнеру. Снял его, надавил замок. Крышка откинулась.

Еще один ящик, полный угольной пыли. Быковец потянулся за новым контейнером.

Кто-то захрипел сзади, будто в агонии. Быковец обернулся. В помещении никого не было. Только телекамера, обезображенная лучевыми ударами.

— Шемен,— сказала телекамера незнакомым шипящим голосом.— Прекрати безобразие. Перештань, добром прошу. Учи — я тебя вижу.

Одинокий стеклянный глаз смотрел на Быковца из центра оплавленного ожога.

— Перештань шейча什 же,— повторила камера.— Ты шпятил? Ты меня шлышишь?

— А ты кто? — спросил Быковец.

— Минц,— сказала камера хрипящим, неузнаваемым голосом.— Альберт Минц, вахтенный штурман.

Чудом уцелевший объектив глядел властно, гипнотизировал. Быковец поднял пистолет.

— Не шмей,— прошипела камера.— Перештань шейча什 же!

Быковец тщательно прицелился. Он мысленно видел своих коллег навигаторов, сгрудившихся сейчас в рубке под черным дулом его пистолета.

— Нет! — ясно сказала камера.

Быковец нажал спуск. Стеклянный глаз затянулся свежим бельмом ожога.

— Шенечка! — шепеляво воскликнула камера.— Перештаньте. Зачем же вам неприятношли? — Она помолчала, потом добавила: — Он шошел шума. Интересно, и где это он доштал шебе блаштер?..

Ствол лучемета все еще смотрел на нее. Быковец опустил оружие. Пусть говорит.

Он повернулся к телекамере спиной.

— Шошел шума,— шелестели в ней голоса.— Шпятил. Шумашедший! Шумашедший. Шумашедший...

Быковец откинул крышку контейнера. Проклятое семя! И снова грянула молния, и вновь желтые семена превратились в черную пыль.

Голоса в телекамере затихли. Иногда оттуда доносились слабые хрипы и шорохи, отдельные неразборчивые слова, но Быковец не прислушивался к этим звукам.

Он работал быстро, автоматически — один за другим снимал со стеллажей тяжелые ящики с этикетками «Золото», «Серебро», «Медь», вскрывал их и жег то, что было внутри. Он делал это спокойно и методично, не испытывая чувств героя Брэдбери, для которого «жечь было наслаждением». Ничего такого он не ощущал — только злость в самом начале, когда он себя соответственно настроил. Но она скоро прошла...

Уже давно люди построили общество, свободное от денег и эксплуатации. Давно вышли в космос и освоили ближайшие звездные системы. Человеку космическому не хватало лишь братьев по разуму...

Так было, пока земные звездные корабли не наткнулись на планету Линор. Человечество обнаружило мир, заселенный бесспорно разумными, мирными и трудолюбивыми человекоподобными существами, высшее счастье которых, по всей видимости, заключается в том, что они выращивают каждый свое дерево. И эти очень специализированные голубые и розовые растения дают своим хозяевам продукты питания, ткани, строительные материалы, полезные ископаемые. Они могут извлекать из грунта и накапливать в себе любые элементы периодической таблицы и их всевозможные сочетания. И все они обязательно выделяют воздух — громадное количество воздуха...

Растения, производящие воздух, весьма полезны при освоении новых планет. А это — то самое дело, которым так давно и с такой любовью занимается человечество. И вот уже желтыми семенами с Линора сплошь засеяны Марс, Луна, спутники крупных планет... И вот уже краставцы гипертанкеры, братья светоносного «Люцифера», шныряют челночными рейсами Земля — Линор и обратно и несут к нашей Земле свой драгоценный груз. А мы вырубаем наши дремучие леса, и выкорчевываем наши светлые рощи, и зарываем в нашу родимую землю это проклятое семя. Мы оплодотворяем ее желтыми семенами с Линора и ждем, когда они превратятся в голубые и розовые всходы. И ждать не приходится долго. Они ведь очень неприхотливы и универсальны, эти растения с планеты Линор. Они всегда принимаются, всходят на любой почве, в которую попадают, и всюду цветут пышным и сочным голубым и розовым цветом.

А мы дышим воздухом, которым бесплатно снабжают нас эти замечательные растения...

Бесплатно...

Быковец работал автоматически: снять контейнер — поставить на пол — надавить запор — потянуть спуск...

Голубые и розовые растения, всходящие из этих семян, дают нам ныне металлы, пищевые продукты, одежду и все остальное, что угодно душе. Прежде всего воздух. Но мы вырубаем наши леса, и вся наша планета становится голубой и розовой, как Линор с дальнего расстояния.

Быковец снял со стеллажа очередной контейнер. На крышке стояло: «Золото».

Значит, если посадить одно из этих зернышек в землю, оно прорастет, станет деревом и начнет выкачивать из почвы рассеянный в ней драгоценный металл. Оно протянет свои корни куда угодно. Оно генетически за-программировано на поиски золота, и оно будет его добывать. Будет откладывать его в своих тканях, пока не превратится в сплошной золотой самородок. Тогда оно принесет новые семена, и после этого его можно будет срубить, а еще лучше вырвать из почвы вместе с корнями, потому что к моменту зрелости и корни его превратятся в чистое золото. И все это время — а процесс накопления может продолжаться десятилетиями — оно будет очищать атмосферу, вырабатывать огромное количество кислорода.

Чудо-дерево, облегчающее жизнь человеку...

Как бы не так!

Вероятно, все начинается именно с этого. Сколько нужно линорских растений, чтобы выкачать все золото с одного, скажем, гектара нашей терпеливой, но небогатой земли? Одно, максимум... Но в земле, хоть она и бедна, есть и другое. Углерод, азот, кремний — не счастья всего, что можно отнять у этой несчастной земли. Так возникают на ней инопланетные смешанные леса. Каждое дерево сосет из почвы свое, и каждое требует индивидуального ухода. И к каждому ставят по человеку, и некоторые из этих людей постепенно начинают сознавать себя собственниками, а потом вдруг понимают, что они выращивают разное, совершенно неравноценное. А вскоре находятся такие, кому ничего не досталось...

Впрочем, все мы дышим теперь воздухом, которым безвозмездно снабжают нас эти чудо-растения. Мы постигаем точную науку обмена и тонкое искусство торговли и делаемся все больше не от мира сего, а от мира того — от Линора с его голубыми и розовыми красками.

Нам становятся все ближе и все понятнее его обитатели, которые выращивают каждый свое дерево и затем обмениваются плодами. И мы становимся совсем другими людьми...

Быковец потянулся к стеллажу за следующим контейнером. Тот стоял высоко, на втором этаже, и скафандр, скользнув штанинами по плечам, с шелестом упал на пол: Быковец не заметил, когда на груди развязался узел. Он наклонился за скафандром и внезапно ощутил слабость в коленях. Ноги устали. Казалось бы, ничего особенного не делал, но очень долго стоял на ногах. Слишком долго для человека, приученного к сидячей жизни. Приученного сидеть и не выступать...

Он оглянулся назад, на плоды своих сегодняшних трудов. Рядом с опустевшими стеллажами тянулся извилистый ряд ящиков, наполненных пеплом. Довольно много уже, не вдруг сосчитаешь...

Он закрыл очередной ящик, опустился на его крышку и некоторое время сидел расслабившись, отдыхая. Потом натянул скафандр, легкий, почти не стеснявший движений. Мягкий шлем свободно висел за плечами, подобно капюшону дождевика.

В трюме стояла тревожная тишина. Хрипящая камера осталась позади, затерявшись среди ящиков с черной пылью, и до ушей Быковца уже не доносились звуки, которые она издавала. В той стороне извивался неровный ряд вскрытых и обработанных ящиков; впереди, справа и слева, насколько видел глаз, тянулись двухэтажные стеллажи, залитые белым искусственным светом.

План трюма Быковец знал: приблизительно 150 метров сплошных стеллажей, посередине слева воздушный тамбур — еще один выход из корабля, а в конце — титановая стена, отгораживающая грузовой трюм от энергетического сердца корабля, реакторного зала. Вот и все. Но неожиданность может подстерегать на каждом шагу. Где, например, роботы, охраняющие реактор? Неужели руководство предусмотрительно упрятало их за бронированные двери?..

Но главное даже не это. Быковец поднял излучатель, посмотрел на счетчик заряда. Тот стоял на нуле. Так. Быковец прицелился в слово «Нефть» на одном из контейнеров и нажал спуск. Ничего не последовало. Он бросил бесполезное теперь оружие в кучу пепла. Стало совсем неуютно. Пора. Небольшая прогулка не повредит.

Он медленно и осторожно, всматриваясь вперед, шагал по пустому узкому коридору, образованному двухэтажными стеллажами. Неудачно получилось, но будем надеяться на фортуну. Почти невесомый скафандр согревал лучше меховой шубы. Красочные этикетки на ящиках били в глаза, как афиши с рекламных щитов: «Уран», «Платина», «Ртуть»...

Стеллаж слева наконец прервался. Короткое ответвление в нескольких метрах завершалось закрытым люком воздушного шлюза.

Дверь была точной копией той, за которой совсем недавно — а кажется, миновали сутки! — Быковец при содействии старшего штурмана Петрова обзавелся скафандром и пистолетом.

Он достал ключ из кармана скафандра.

Однаковые двери — если они по-настоящему одинаковы — всегда открываются одинаковыми ключами. Стандартизация! Все воздушные шлюзы «Люцифера» и других гипертанкеров можно открыть одним и тем же ключом. Один ключ для всех трюмов, один для всех тамбурдов, один для всех реакторных залов...

Быковец повернул ключ. Дверь распахнулась.

Внутри тамбур выглядел как тот, коридорный. Такие же скафандры, баллоны с воздухом, точно такие же лу-чепеты...

Быковец повесил на пояс два пистолета в футлярах и взял в каждую руку по мощному длинноствольному излучателю. Тяжелые, с хорошим ресурсом. Он вышел из тамбура, прикрыл за собой дверь. На ключ запирать не стал — к чему? Все равно он здесь один, и еще долго будет один.

Он осторожно выглянулся в коридор. Пусто. Ну что же, момент они упустили. Он пошел назад. Целые горы пепла произвел ты сегодня, Семен Быковец. А что будет, если не желтые семена сеять в землю, а удобрять ее этой черной линорской пылью?..

Быковец поставил оба ружья за ящики с семенами, посмотрел и одобрительно улыбнулся: хорошо замаскировано, чужой не найдет. «Да от кого ты их прячешь? — мысленно выругал он себя.— И вправду «шпятил», Семен Быковец...»

Он пошел дальше, пересчитывая «стерилизованные» ящики. Сорок два. Не так много, но и не мало. Во всяком случае, начало положено, и не такое плохое.

— Семен Павлович! — произнесла вдруг изувеченная телекамера (а он-то и думать забыл про нее) ясным голосом главного штурмана. — Отзовитесь, призываю в последний раз. Я Веденский, ваше непосредственное начальство.

Быковец удивленно посмотрел на коммуникационного робота. Неужели этот примитивный автомат способен к регенерации? Тогда нужно держать ухо востро. Впрочем, восстановить электронные цепи нетрудно. Гораздо легче, чем развороченное шасси. Так что волноваться пока преждевременно...

— Здравствуйте, Борис Григорьевич, — вежливо сказал он. — Давно не слышал вашего голоса.

— Не лгите, вы слышали его десять минут назад, — сказал Веденский. — Семен Павлович, извольте объяснить нам смысл своих бессмысленных действий. Для чего вы заперлись в грузовом трюме? На каком основании вывели из строя два дорогостоящих механизма и нарушили герметичность обзорно-смотровой палубы? Как могли осмелиться поднять оружие против ваших товарищей, с риском для жизни пытающихся вам помешать? Наконец, почему вы не откликаетесь, когда к вам обращается старший по званию? Что означают все эти неслыханные нарушения устава и дисциплины? Я требую объяснений.

— Вероятно, Борис Григорьевич, — кротко сказал Быковец, — они означают, что я действительно помешался. Моими помыслами овладели демоны зла, и я решил уничтожить груз. Надеюсь, вас удовлетворило мое объяснение?

— Не лгите, — внушительно произнес Веденский. — Перед тем, как связаться с вами, я консультировался у специалистов. Врачи утверждают, что ваше физическое и психическое здоровье не вызывает у них ни малейших сомнений. Вы, простите за каламбур, здоровы как бык и учтите: это зафиксировано в соответствующем документе. Почему вы молчите?

— Со специалистами спорить трудно. Но я уже вы сказался.

— Мне кажется, вы просто забыли, кто вы такой, — продолжал Веденский. — Вы штурман, Семен Павлович. Вас шесть лет обучали тонкому искусству доставлять груз точно по адресу. Планета тратила на вас время, силы и средства. Но чем вы платите на добро? Что делаете вы

на складе, да к тому же еще и с оружием?.. Отвечайте, я вам приказываю!..

— Прошу вас, не расходуйте энергию попусту,— сказал Быковец.— Я уже принял решение и не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Извините, Борис Григорьевич, я сейчас занят.

— Вас будут судить,— произнес Веденский.

— Хорошо,— сказал Быковец.— Только не пытайтесь подослать ко мне роботов. Здесь хороший обзор, а я стреляю без промаха.

Телекамера снова омертвела. Видимо, рубка временно отключилась. Но чтобы спокойно работать, нужно обеспечить себе тылы.

Быковец опять пошел в глубину склада, зорко взглядываясь вперед. Нигде никакого движения. Вероятно, стража действительно отсиживается за стенкой.

Он шагал мимо ящиков, наполненных угольной пылью. Порядок безнадежно нарушен. Когда он пришел сюда, все стояло по струнечке, как уложили еще в порту роботы-грузчики — те самые, что сейчас охраняют реактор. Любопытная операция — загрузка транспорта на Линоре. Порт выглядит так, словно ты оказался дома. Все оборудование изготовлено на Земле. Земля поставляет его линорцам в обмен на желтые семена, хотя на Линоре в нем нуждаются только земляне. Тонкое искусство торговли, уже освоенное в деталях инициативными и способными учениками...

Во второй раз за сегодняшний день Быковец поравнялся с тамбуром. Свернул из главного коридора, подошел к люку, потянул дверь. Дверь не поддалась. Он смотрел на нее в недоумении — отчетливо помнил, что не запирал ее, когда уходил. Он сильнее подергал дверь. Она не поддавалась. Тогда он достал ключ, вставил в замочную скважину.

Ключ не поворачивался.

Дверь была открыта, но не открывалась.

Итак, события начинаются. Он ушел отсюда четверть часа назад. Что могло случиться за это время?

Ничего не могло случиться, но дверь не открывалась.

Быковец постоял еще минуту, бессмысленно глядя на дверь. Так бывает, когда открыт внешний люк. Например, если какой-то корабль причалил снаружи к тамбуру.

Но за бортом «Люцифера» нет ничего — ни космолетов, ни станций. Там пустота, и до Земли долгие световые годы.

Не стоит терять времени. Дверь каким-то образом заклинило, ну и что? Сейчас неподходящий момент для решения ребусов. Важнее проверить обеспеченность тыла. Быковец быстрым шагом направился дальше.

Ряды контейнеров уплывали назад. «Кобальт», «Хлопок», «Шерсть»... «Спирт», «Фосфор», «Бумага»... И все остальное, что угодно душе.

Вот и конец коридора. Обшитые толстым титаном створки, естественно, заперты наглухо. Тишина и недвижность, ни единого робота. Все они скрываются за бронированной дверью. Да, Веденский и К⁰ знают свое дело. Они знают свое, мы будем делать свое...

Если кто-нибудь вдруг распахнет эти крепостные ворота и напустит оттуда роботов, то ничего не стоит перестрелять их поодиночке. Против беззвучных молний бесполезна их компьютерная сверхреакция. А поскольку Веденский наверняка считает Быкова сумасшедшим, он больше всего боится нападения на реакторный зал. Конечно, никто не хочет взлетать на воздух — если можно сказать так о корабле, плавающем в пустоте. Вот чего они опасаются. Пусть.

Быковец постоял немного, прислушиваясь. За массивными створками было тихо. Он повернулся и двинулся в обратный путь. Ладно. Люк не может открыться беззвучно. Быковец шагал медленно, вслушиваясь в тишину трюма. Его мышцы наслаждались прогулкой после монотонной работы портового автомата. Снять контейнер — поставить на пол — надавить запор — потянуть спуск...

Он миновал закрытый вход воздушного шлюза и приблизился к ящикам с золой. Час потехи окончен, время приниматься за дело. Поставил на пол новый контейнер, надавил запор — и вдруг почувствовал, что сзади на него кто-то смотрит. Этого не могло быть. Смотреть на него могли только из изувеченной телекамеры, но нет еще человека, который ощущал бы взгляд, прошедший через электронные преобразователи.

Быковец медленно обернулся.

Позади него на пустом ящике, в стороне, недалеко от входа в трюм, сидел командир танкера Петр Алекс-

сеевич Пичугин, одетый в легкий скафандр с отброшенным на спину шлемом. Массивный подбородок опирался на руки, упертые локтями в колени.

Минуту они молча смотрели друг на друга.

— Ну, как ты здесь, Сеня? — сказал Пичугин, выпрямляясь. — Подойди-ка, поговорим. Только спрячь, будь добр, свою пушку.

Быковец опустил лучемет.

— Как вы сюда попали?

— Как попал, это мое дело, — отозвался Пичугин. — Давай лучше вместе подумаем, как нам выбраться из этого положения. Присаживайся, в ногах правды нет.

Быковец приблизился, опустил крышку ящика, сел.

— Я не собираюсь тебя пугать, — сказал Пичугин. — Мы взрослые люди, Сеня, и сами отвечаем за свои поступки. Что тебя ждет, ты знаешь лучше меня. Но я тебя понимаю.

Быковец ничего не сказал.

— Собственно, ты можешь не объяснять, — продолжал Пичугин. — Естественно, мои навигаторы — а фантазия у них убогая — убеждены, что ты помешался. Я с ними не спорил. Только не вздумай, что я оправдываю твое поведение.

Быковец молча слушал.

— Ты можешь ничего не рассказывать, — повторил Пичугин. — Ситуация, в общем, простая. Для освоения новых миров нам позарез нужны линорские растения. Линорцы дают семена, мы поставляем кое-какую технику и даже оборудуем порты в некоторых районах планеты. Все нормально, казалось бы. Так?

— Да, — кивнул Быковец.

— Семенами с Линора засевают Марс и Меркурий. Пустынные каменные шары обзаводятся кислородными атмосферами. На Марсе уже можно жить, хотя пока не совсем по-людски. Но тебя волнует, конечно, не это.

— Естественно.

— Тебя тревожит другое. Тебе не по вкусу ввоз этих растений на Землю. Тебе не нравится, что на нашу почву в громадных количествах попадает линорское семя. Тебя не устраивает, когда во имя посева вырубаются наши леса. Тебе неприятно, что весь наш корабль общит изнутри полированным деревом — не линорским, земным.

И еще неприятнее, когда на твоих глазах уничтожают березовую рощу, где ты бегал мальчишкой, а потом в первый раз целовался, и насаждают на ее месте розово-голубые линорские кущи... Однако беспокоить по-настоящему все это тебя не может. Тебя тревожит другое.

— У вас есть дети? — спросил Быковец.

— Я уже дедушка, — усмехнулся Пичугин. — Внучек, смышленый малыш, просит купить ему разные вещи. Очень долго мечтал о собаке, а когда я принес щенка, спросил: «А во сколько он тебе обошелся?» Так что я все это знаю. Но большинство не понимает, откуда дует ветер. Как тебе кажется, в основном потому, что люди не подозревают о твоих взглядах. И тогда ты бунтуешь... Ты что, специально для этого учился на навигатора, Сеня?

— Да, — сказал Быковец, — но не в этом суть. Вы не упомянули о главном, Петр Алексеевич. Линор — это биоцивилизация, и все импортируемые нами растения проходят генную обработку. Я не знаю, что происходит с воздухом, который они выделяют. Но миллиарды людей дышат теперь этим воздухом. Раньше его нам дарили тайга, океаны, степи. Ныне мы вдыхаем воздух Линора и сами перерождаемся генетически. Торгашеский дух Линора входит к нам в кровь через легкие, через раскрытые от восторженного изумления рты, и мы становимся другими. И когда все мы начнем выращивать каждый свое дерево, человечеству придет конец.

— Ты сгущаешь краски, — сказал Пичугин.

— Нет, — сказал Быковец. — Я много думал об этом. Они помолчали.

— Но идет и обратный процесс, — сказал наконец Пичугин. — Те, кто много бывал на Линоре, видят, что там тоже все постепенно меняется. Мы даем им свои машины, управлять которыми можно лишь коллективно. Они узнали от нас, что такое наука, искусство. Узнали, что такое книги. Меняемся и мы и они, такова диалектика.

Пичугин умолк. Быковец сказал:

— Разные изменения, Петр Алексеевич. Возможно, для них действительно развитие. Для нас — деградация. Возвращение на пройденный уровень. Ведь у нас это было. Зачем забывать, какой ценой мы от этого отказались?

— Правильно. Но и ты забываешь одну важную вещь. Забываешь, что есть люди, облеченные властью. Думаю,

происходящее волнует не только тебя. Наверняка они принимают меры. Они знают больше, чем ты. Им виднее, что делать.

— Вы уверены? — сказал Быковец.

— Да. Общество состоит из людей, Сеня. Точно так же, как организм построен из клеток. На чем основана нормальная работа организма? Каждая клетка делает то, что ей положено делать. Иначе организм гибнет. То же самое грозит обществу. Каждый должен делать то, что ему надлежит. Ты ведешь корабль в порт назначения, я обеспечиваю его сохранность, а еще кто-то думает о пресечении линорских влияний. Каждый должен делать свое дело. Свое, понимаешь?..

Наступила долгая пауза.

— Возможно, вы правы, — сказал потом Быковец. — Я обещаю вам подумать об этом, Петр Алексеевич. Но для этого лучше, чтобы я остался один.

Пичугин молча поднялся, пристегнул шлем и пошел в глубь коридора, к воздушному тамбуру.

...Телекамера, замолчав, смотрела на Быковца пустым взглядом сожженного объектива. Быковец встал.

— Вы были правы, Петр Алексеевич. Я все обдумал и все решил. Каждый должен делать свое дело. И я буду делать свое.

Он повернулся спиной к телекамере и пошел вдоль неровного ряда контейнеров. Потом поднял пистолет — и новая порция желтых семян превратилась в обугленную золу.

Охотничья экспедиция

Стадо отдохало в тени крупной планеты земного типа, когда группа ракет выскочила из-за горизонта, следуя повороту орбиты. Они шли на бреющем полете, продираясь сквозь верхнюю атмосферу, а потом уходили ввысь, бросив легкие капсулы «Гарпий». Те довершали начатое.

— Так,— сказал коммодор.

Стены командного отсека флагманского корабля сплошь светились экранами. Передатчики были установлены на всех кораблях эскадры, и нити радиосвязи сходились здесь, на борту флагмана. На экраны смотрели двое.

— Еще немного,— сказал коммодор.

В экранах была планета. Круглая, крупная, опутанная сетью прицельных линий, она удалялась и приближалась, вырастала и уменьшалась, была темным неясным пятнышком, острым серебристым серпом, громадным дымящимся шаром во весь экран. В темноте наочной стороне, прикрытые облачной оболочкой, быстрые искры «Гарпий» продвигались вперед.

— Кажется, все в порядке,— сказал коммодор.

Другие экраны показывали вид снизу, сквозь выющуюся пелену облаков. Все мешалось и перемещалось в путанных вихрях верхней атмосферы — мутные тучи, рваный туман, а иногда откуда-то высакивал кусочек звездного неба. «Гарпии» выходили на цель.

— Возьмите зеркало,— сказал инспектор.— На вас неприятно смотреть. Вы сейчас как какой-нибудь полководец.

«Гарпии» выходили на цель. Они подкрались к ней снизу, под дымовой завесой облаков, и теперь хищно задирали носы, устремляясь в зенит — вверх по перпендикуляру.

— Полководец,— сказал коммодор.— Поймите наконец, что нашими услугами пользуются все колонии в оккупированной зоне Галактики. Это понятно. Корабли нужны всем, а живой транспорт гораздо дешевле обычных звездолетов.

— Слушать вас тоже неприятно,— сказал инспектор.— Колонии, оккупация...

По стаду прошло волнение. Сторожевые самцы подали тревожный сигнал, тотчас усиленный общим радиокриком. Еще секунда — и стадо бросилось врассыпную. Но было поздно.

— Почему не называть вещи своими именами? — сказал коммодор.

*

— Гуманисты,— сказал коммодор.— Если бы не вы, мы были бы уже дома.

Они сидели друг напротив друга, но думали об одном. Инспектор ждал возвращения. Ведь Земля — это его восемьдесят килограммов, упирающиеся ногами в настоящую твердую почву. Земля — это нежное небо вместо безбрежной, но душной бездны, это свободный простор вместо тесной стальной коробки. И главное — это работа. Минимум год настоящей, интересной работы, без всяких проверок и инспекций. На Земле он переставал быть инспектором и стремился теперь туда, чтобы заняться делом.

Коммодор тоже думал о Земле, но по-своему. На Земле его ждал трибунал.

— Поймите, вы просто слепое орудие,— сказал коммодор.— А ваше управление — это обыкновенное общество охраны животных.

— А вы самый обыкновенный преступник,— сказал инспектор.

Они были все там же, на флагманском корабле эскадры, но сама эскадра находилась уже совсем в другом месте. Охота давно закончилась, и корабли шли походным порядком, направляя стадо лучами гипнотизаторов, чтобы оно не сбивалось с курса, нацеленного на желтый растущий диск.

Эскадра входила сейчас в Солнечную систему. Это инспектор приказал, чтобы она следовала сюда.

— Я охотник,— сказал коммодор.— Я всю жизнь занимаюсь этой работой. Я ее люблю, наконец. И вдруг

я узнаю, что это преступление, что этого надо стыдиться...

— Так оно и есть,— сказал инспектор.

— Я узнаю, что мой личный состав арестован, имущество конфисковано и все мы направляемся к Земле неизвестно зачем.

— Известно зачем,— сказал инспектор.

— Двадцать одно животное,— сказал коммодор.— Экипажи «Гарпий» поработали на славу. Двадцать одно — это не просто число. Это значит, что предел Шнейдера наконец превышен.

— Я вас поздравляю.

— Раньше это не удавалось никому. Нам тоже.

— Я вам сочувствую.

— «Поздравляю», «сочувствую»,— передразнил коммодор.— Да, вы не более чем слепое орудие. Вы слушаете, киваете, иногда вставляете более или менее удачные реплики, но сути не понимаете. Наверняка вам даже неизвестно, кто такой Шнейдер.

— Представьте себя, известно,— возразил инспектор.

— Вряд ли. Шнейдер был выдающийся биолог, он умер тридцать лет назад. Он работал на наших разделочных комбинатах. Этих животных начали использовать как космический транспорт позже, во многом благодаря его трудам. Он занимался их анатомией и физиологией, а в последние годы исследовал передачу информации в стаде от особи к особи. Гипноголовка, которую вы видели,— его изобретение. После него осталось много книг и еще больше неопубликованных записей. Так вот, на полях его дневника обнаружили такую фразу: «Захватить стадо численностью более двадцати невозможно».

— Почему?

— Никто не знает. Никаких доказательств он не привел. Теперь ясно, что это ошибка. Предел Шнейдера — двадцать животных. А мы поймали двадцать одно. Это все равно что опровергнуть великую теорему Ферма. Поверьте, для нас это радость.

— И для меня,— сказал инспектор.

Они помолчали.

— Нет,— сказал коммодор.— Вы землянин, и вы этого не поймете. Вы верите в то, что говорите.

— Это входит в мои обязанности.

— Хорошие у вас обязанности,— сказал коммодор.— Вместо того чтобы работать как все, вы носитесь

по вселенной в поисках лиц, совершающих нечто, с вашей точки зрения, противозаконное. То есть тех, кто делает дело.

— Притом уголовное,— сказал инспектор.

— Вы преследуете людей, которые здесь, в этом чуждом человеку мире, повторяют подвиг предков, приурчивших волка и оседлавших мустанга. Людей, снабжающих космическим транспортом всю Галактику. Между прочим, рискуя жизнью.

— Преступники всегда рискуют,— сказал инспектор.

— Опять вы за свое! Ситуация, насколько я понимаю, проста. Земля хочет вернуть себе монополию на звездолеты. Вот вы и стараетесь. Уж такие у вас обязанности.

— Слушайте, вы,— сказал инспектор.— Перестаньте разводить демагогию. Вы сами знаете, что вся ваша «охота» была омерзительна. В чем она состояла? Вы вероломно напали на семью свободных существ. Вы стреляли в них гипноголовками своего любимого Щнейдера. Потом вы подчинили их своей воле. Омерзительно — другого слова нет.

— Но они не люди. Это всего-навсего животные.

— Вы напрасно притворяетесь,— сказал инспектор.— Вы же все знаете.

— Сейчас вы снова расскажете, что астробиологи не дали отрицательного ответа на запрос о их предполагаемой разумности. Но никто не дал вам и положительного ответа!

— Перестаньте разводить демагогию,— сказал инспектор.

— Это не демагогия, инспектор. Но вы землянин, и вы этого не поймете. Вы забыли, что такое нехватка энергии. Если вам нужен звездолет, вы берете его напрокат. В колониях все по-другому. Вы напрасно забываете это.

— Разумеется,— сказал инспектор. Он действительно что-то забыл.— Вы-то ничего не забываете.

— Да,— сказал коммодор.— Именно поэтому мы снабжаем космическим транспортом чуть ли не всю Галактику. Как он устроен, неважно. Важно то, что он дешевле и лучше всего, когда-либо созданного человеком. Важно то, что сейчас самая маленькая колония может самостоятельно исследовать вселенную и что единственное техническое оборудование, которое требуется,— это портативная взлетно-посадочная капсула. Этого мы

не забываем, и никакой трибунал не заставит нас забыть это!

Инспектор молчал. Что-то произошло. Он должен был что-то вспомнить. Предел Шнейдера? Нет, что-то другое.

— Вы попали к нам слишком поздно, инспектор. Вам следовало оказаться здесь раньше, когда космическая охота носила менее условный характер. Когда в колониях царил не энергетический, а обыкновенный голод. Вы на Земле очень гуманны, но вы не знаете, как хорошо, когда все сыты. Вы никогда не узнаете, что значила тонна первосортного жира в те времена, когда в колониях не было пищевых синтезаторов. Зато вы можете вычислить, сколько такого жира дает животное размером с астероид. Вы спрашивали меня, инспектор, для чего это у нас такие большие, просторные помещения. Очень просто — здесь разделяли туши этих животных. Да, инспектор, эти стены многое повидали. Вероятно, такое зрелище омерзительно, если судить по нормам вашего дешевого гуманизма. Но если бы на нашем месте были вы — вы бы делали то же самое!..

Инспектор молчал. Он пытался припомнить что-то, но не мог. Это было мучительно.

— Теперь вы говорите, что они, возможно, разумны. По-моему, это не так. Доказательств у вас нет, и я вам не верю. Но допустим — вы правы. Это действительно разум. Природа, создавая сознание, имела вполне определенную цель — познать самое себя. Эти существа не могут делать это самостоятельно. Они идеально приспособлены для изучения космического пространства, но не планет. И они должны прибегнуть к нашей помощи, так как мы, со своей стороны, хорошо приспособлены для исследования планет, но не можем передвигаться в пространстве. Между нами по чьей-либо инициативе неизбежно должно возникнуть сотрудничество. Я и мои люди проявляем такую инициативу. И если они действительно разумны — повторяю, сам я в это не верю, — то они должны мириться с нашей деятельностью. Более того, приветствовать ее.

— Вероятно, вы правы, — сказал инспектор.

Минуту назад он сказал бы другое, но сейчас ему было безразлично. Он что-то забыл и должен был это вспомнить, а все остальное было неважно.

— Так оно и есть, — повторил инспектор. — Сотрудничество. Раньше я не задумывался об этом. Но давайте поговорим о другом.

— Согласен,— сказал коммодор. Его лицо изменилось. Казалось, он тоже тщетно пытается вернуть ускользнувшую мысль.— Все это гроша ломаного не стоит.

Они помолчали.

— Извините меня,— вдруг сказал коммодор.— Просто я кое-что забыл. Нечто очень важное. Сейчас я это вспомню, и мы вернемся к нашей беседе.

Вскоре тишина стала невыносимой.

— Говорите о чем-нибудь,— попросил инспектор.— Так будет легче вспоминать.

— Согласен,— сказал коммодор.— Поговорим о Земле. Вероятно, я останусь там навсегда. Вряд ли после суда меня снова потянет в пространство. Нет. Я найду себе хорошую девушки, женюсь и поселюсь где-нибудь в деревне. На космос я плону. Вам я советую сделать то же самое.

Инспектор молчал. Это его не интересовало. Космос — прекрасно, плонем на космос.

И вдруг он вспомнил.

— Нет,— сказал он серьезно.— На космос плевать нельзя.

— Ах, да! — сказал коммодор.— Космос нам еще пригодится.

Инспектор вспомнил еще одну вещь. Странно, что он не вспомнил этого сразу.

— Люди,— коротко сказал он.

— Черт! — сказал коммодор.— О них я тоже забыл. Давайте сделаем так. Мы переделаем мой корабль в пассажирский лайнер и будем возить людей по всей обозримой вселенной. Очень хорошо, что вы это вспомнили.

— Да,— согласился инспектор.— Теперь, кажется, все.

Он смотрел на экран. В сетке прицельных линий вырастала Земля. Корабли шли по-прежнему строем; рядом двигалось стадо, связанное невидимыми лучами. Еще немного — и эскадра, окончательно замедлив скорость, выйдет на земную орбиту.

— Финиш,— сказал коммодор.— Наконец-то!

— Ой! — сказал инспектор. Он снова вспомнил.— Оружие!

— Гениально! — сказал коммодор.— Просто удивительно, как это у вас получается. Оружие — это то, что надо.

Он сказал в микрофон:

— Всем участникам экспедиции немедленно получить личное оружие у командиров экипажей.

Инспектор гордо засмеялся. Еще бы! Очень хорошо, что он это вспомнил. Люди, космос и оружие! Коммодор прав — это именно то, что нужно. Лететь осталось совсем немного, и они вполне могли бы забыть об этом.

О том, как тесно на Земле людям. Как там душно, какой там близкий горизонт, большая тяжесть и отвратительное голубое небо. О том, как много людей обречены всю жизнь заниматься скучной, неинтересной работой, вместо того чтобы исполнять свое прямое предназначение — исследовать планеты Галактики. Подумать только, еще немного — и сотни тысяч людей никогда в жизни не увидели бы черного неба вселенной!

Инспектор зажмурился от удовольствия. Он ясно представил себе, как флагманский звездолет, пламенея на солнце, возвышается среди небоскребов, приглашая желающих в свои большие, просторные помещения.

Возможно, не все захотят этого — ведь люди так ограничены. Но он, инспектор, вспомнил абсолютно все, и коммодор уже отдал соответствующий приказ.

Инспектор был твердо уверен, что это всегда было его самым сокровенным желанием — стоять рядом с другими, попирая ногами землю, с оружием наперевес, и делать то, что он будет делать. Но он не знал, кто внушил ему это.

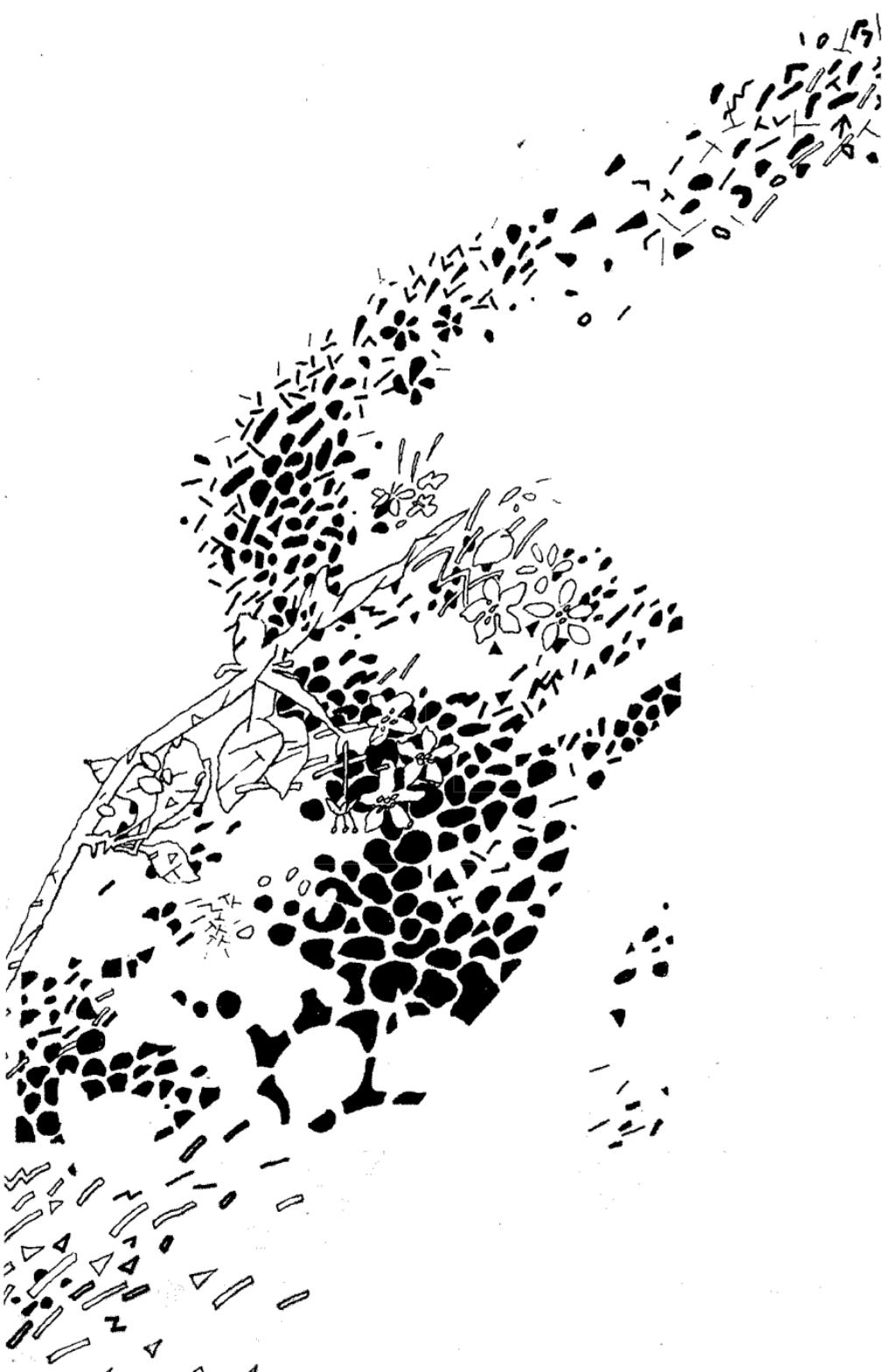
Он не знал, что он уже не ведущий, а ведомый, не господин, а раб, не член общества по охране животных, а животное, которое охраняют.

Не знал, что есть разум, равный по жестокости человеческому.

Что стадо стало стаей, летящей к Земле.

**Евгений
Сыч. Знаки. Повесть**

I

На рассвете солнце встает из-за горы огромное и добродушное — не жжет, а согревает. Добродушие вообще свойственно огромным и непроснувшимся. Но по мере того, как поднимается оно в зенит, чтобы обозреть подвластную ему землю, солнечный круг уменьшается и, наконец, становится тем, чем есть — маленьким раскаленным кружком, посылающим на землю жесткое излучение, которое помогает выжить одним и иссушает других.

Огромное солнце показалось из-за ближней горы и съежилось. Быстро и неотвратимо началось утро праздника и несчастья.

В это утро из недалеких деревень приходили в город крестьяне. Они приносили с собой на обмен что-нибудь — вязанку хвороста, мешок кукурузы, приводили с собой детей: здоровых двадцатилетних парней и дочерей — девиц на выданье, и голоногих подростков, и малышей, совсем еще несуразных.

Трудно ли устроить праздник? Кто его делает, знаете? Праздник люди делают сами, они все делают для того, чтобы был праздник и было хорошо. Только и нужно им — знать, когда праздновать, а еще — чему радоваться. Об этом лучше всегда заранее сообщать, предупреждать. А еще лучше, если программа дня не вчера придумана, если она проверена поколениями, освящена традицией. Вот тогда праздник будет настоящим! За месяцы станут ждать его, вспоминать о нем, о будущем празднике, готовить его в себе. И когда соберутся — все в чистом, все в праздничном, нужно только не обмануть их ожиданий: сделать все так, как они вспо-

минали, как надеялись — «как в тот раз». А в тот раз сильно хорошо было... Известно — праздник! Отцы все серьезные, матери озабоченные. Дети просто радуются, юноши и девушки присматриваются.

Если сейчас им преподнести что-то новое, если сейчас их чем-то ошеломить, то, только помешаешь им праздновать: отцам быть серьезными, матерям — озабоченными, юношам и девушкам — присматриваться друг к другу. Только детям будет хорошо, им все равно что, лишь бы что-то. Значит, важно добиться, чтобы никаких отклонений, чтобы все как всегда, чтобы был праздник. Лучше всего программа стандартная, проверенная. От добра добра не ищут.

Сначала ярмарка. Постоять, поробеть немного. Смеять у кого что есть на кому что надо. Привыкнуть, подивиться — пестро живут, шустро, шумно — лихие люди в городе. Пива выпить чуток — не чтоб напиться, а от стресса только.

Ну, а там все на поле. Состязаться. Состязаться, конечно, будут не все, состязаться будут юноши: в беге, борьбе, метании снарядов, стрельбе. В военно-прикладных видах, в общем. Спорт, он чем хорош? Во-первых, здоровые все физически, а значит, работают лучше и в случае чего — резерв надежный. А во-вторых, чем больше бегаешь, тем меньше мыслей разных ненужных в голову лезет. В здоровом теле — здоровый дух. Умели люди сказать! Такие высказывания называются аксиомами. Аксиома — это то, что не надо доказывать. Нет, в самом деле не стоит доказывать. Лучше запомнить и все, а то еще запутаться можно. Логика вообще вещь запутанная: тезис, аргумент, а то еще — тезис, антитезис, синтез. Чтобы истину доказать, чтобы всем все объяснить доступно, эти премудрости надо насквозь знать. Те, кто аксиомы измышляет, обучены, чему следует, и, между прочим, хороший паек за свою работу получают. А остальным потому надо слушать и запоминать дорогостоящую мудрость: в здоровом теле — здоровый дух.

Так что, чем больше народу прыгает и чем дальше — тем полезнее для общества. Остальные пускай на прыгающих смотрят, это тоже полезно. Отцы вспоминать будут, как в свое время прыгали. Девушки пусть приглядываются — им замуж выходить, а муж, он всегда лучше, когда поздоровее. И подростки тем временем тоже пусть прыгают, поодаль, — придет и их черед соревноваться. Пример старшего брата — лучший пример. Ну, а

матери, матери только и надо, чтобы дети здоровые. Так пускай смотрят — умиляются. Положительные эмоции — вещь полезная. Праздник! Все при своем интересе. Что и требовалось.

Третий пункт программы — казнь. Сожжение. Из всех видов казни этот особенно эффективен. Удушить или там укоротить на голову — это все быстро и недостаточно зрелищно. Видимость плохая, особенно если много присутствующих. Между тем желательно, чтобы каждый видел своими глазами хоть что-то, детали-то он домыслит. Ближние — ближе стоящие — чувствуют на своих лицах жар костра. Дальние во всяком случае видят пламя или хотя бы дым и чувствуют запах горелого. Хотя, если быть до конца откровенным, не так уж много запаха от одного преступника... Но, тем не менее, сожжение — наиболее богатое нюансами общественное мероприятие. Без него праздник — не праздник.

Кого сожгут сегодня на площади — очередного отравителя или поджигателя? Вот и хорошо, что сожгут. Значит, никуда он не спрячется; никуда не денется от бдительного ока Инки, отца народа, всевидящего, всепроникающего. Значит, спокойно могут жить законопослушные граждане, тверда и крепка власть над ними...

...Взяли Амауту ночью. Черт его знает, что он там изобретал, лучше без рекламы, чтобы не привлечь лишнего внимания.

Ночью Амаута просидел в дежурке, потому что начальство на его счет не дало никаких указаний и дежурный не знал, в какую камеру его следует помещать. Утром охранник повел арестованного по длинным коридорам и переходам в кабинет следователя.

— Доброе утро! — сказал следователь.— Прошу садиться!

И показал на трехногую неустойчивую табуретку. Садиться Амуата не захотел. Он был сильно возмущен.

— По какому праву? — сказал он.

Следователь поморщился. Он не любил банальностей, хотя и претерпелся к ним на своей работе.

— Вы садитесь, садитесь,— посоветовал он.— Зачем же стоять? Разговор у нас будет серьезный, возможно, и долгий — это от вас зависит. И не кричите. Вы человек ученый, должны знать, что сила не в громкости.

Амаута сел. Надо сказать, что за бессонную ночь он порядком устал, к тому же сидеть для него было более естественно, чем стоять на ногах.

— Так что там у вас случилось? — спросил следователь.— В чем дело?

— Это я у вас должен спросить, в чем дело?

— Давайте договоримся,— сказал следователь,— здесь спрашиваю я.

— Но я не знаю, что говорить! — возмутился Амаута.

— А вы рассказывайте всю правду,— посоветовал следователь.— Так легче.

Амаута говорил долго и старательно. Следователь не очень разобрался в тонкостях, зато в ходе следствия выяснилось — и подследственный этого не отрицал,— что он изобрел знаки для записи звуков речи, что работу вел втайне от широкой общественности, посвящая в свои исследования лишь узкий круг лиц, что, возможно, сложилось тайное общество, один член которого — ученик Амауты, а других подследственных не назвал. Следователь сделал вывод, что изобретение велось с целью, выяснить которую конкретно не удалось, но по аналогии вещественных доказательств можно предположить: с целью вызвать эпидемию холеры, так как подобный прецедент имел место в период правления отца народа Явар Вакана.

Этого было достаточно для передачи дела в святейший трибунал.

Настал день суда, и был суд.

Амаута ждал его давно с нетерпением и надеждой. Надеялся он не на мягкость, не на доброту, не на забывчивость или слабость судей. Нет, наоборот, он хотел, чтобы суд был как можно более беспристрастен и строг. Строгость, научная строгость — непременное условие установления истины. Честно сказать, раньше, до всей этой глупой истории, он относился к судейским с некоторым предубеждением, попросту, считал их людьми недостаточно умными, для того чтобы заниматься каким-либо более серьезным делом. Сейчас, после длительного общения со следователями, он только и хотел, чтобы ему была предоставлена возможность объяснить все людям, находящимся на более высоком интеллектуальном уровне. Людям, способным понять его объяснения. Не на эмоции он рассчитывал — на логику.

Председательствующий на чиновника походил мало. Создавалось впечатление, что он вообще участвует в раз-

братительстве из собственного любопытства. Судейские относились к нему с большим почтением, это Амаута отметил сразу. Сначала, пока шла обязательная процедура — возраст, родители, род занятий? — председательствующий молчал, только смотрел на подсудимого внимательно и с интересом. Задающего вопросы он не слушал вообще, и Амаута торопился скорее ответить на все это, второстепенное. Ждал разговора — умного, интересного. И дождался.

— Так в чем же заключается суть вашей работы? — спросил председательствующий.

— Я разложил речь на звуки и зафиксировал их. Что такое звуки? Единицы речи. Мельчайшие части, из которых состоит слово. Вот я говорю: «Инка», при этом — следите! — произношу: и-н-к-а. И, н, к, а — звуки, составляющие речь. Всего их не так много, как может показаться, всего я насчитал основных, часто употребляемых, сорок восемь звуков. И для каждого придумал знакизображение, букву, иначе говоря. Теперь я могу с помощью этих знаков зафиксировать любое слово.

— Зачем?

— О, ваша милость, область применения этого изобретения в реальной жизни исключительно велика. Например, правитель произносит речь, а десяток специально обученных рабов записывают ее на пергаменте. Получаем десять экземпляров речи. Один отложить в архив, для потомства, остальные девять гонцы разнесут в провинции, доставят губернаторам. А там те, кто знает эту систему знаков, прочитают речь, и губернатор будет в курсе последних событий.

— Ты хочешь сказать, что слова Инки будет повторять язык простолюдина?

— Нет, это не обязательно. Можно научить разбираться в буквах и губернатора.

— Ну-ну, — засомневался председательствующий.

— Ваша милость, — убежденно сказал Амаута, — любой человек в состоянии овладеть знанием букв.

Высокий суд решил провести следственный эксперимент. Привели ученика. Председательствующий говорил на ухо Амауте слова, тот записывал их своими буквами-знаками на листках, раб относил листки ученику, сидящему в противоположном конце зала лицом к стене, и тот громко называл слова председательствующего, и ни разу не ошибся.

— Если ввести систему письменности, — оживился

Амаута, видя, какой произведен эффект,— во всех провинциях страны суды будут судить по одним законам, правители будут править, подчиняясь единым требованиям, а отчеты станут точнее, в соответствии с высочайше утвержденными инструкциями. Опыт великого военачальника может стать достоянием каждого капитана или лейтенанта. Знания, накопленные одним поколением, перейдут к другому без потерь, и через сто лет страна станет впятеро богаче знанием, чем теперь.

— Достаточно,— оборвал его председательствующий.— Мы поняли все. Ложь и правда будут одинаково изображаться буквами-знаками.

— Да,— признался Амаута.

— Слова правителя и слова плебея будут записываться одинаково,— продолжал председательствующий.

— Ну почему же,— засмеялся ученый.— Можно изображать их разными по цвету, по величине.

— Не юли! — взорвался председательствующий.— Это вторичные черты, а по сути знаки будут одинаковые. Значит, ты хочешь приравнять правителя и плебея.

— Нет, ваша милость,— запротестовал Амаута.— Я не собирался делать этого.

— А что ты собирался делать? Бог дал нам глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, язык, чтобы говорить. А дал нам бог способность воспроизводить знаки?

— Но, ваша милость,— сказал Амаута,— бог дал нам руки, но не дал палку-копалку, которой крестьяне рыхлят землю, бог дал двадцать пальцев для счета, но не дал кипушнурь со счетными узлами, с помощью которых человек может считать до тысячи и больше.

— Демагогия,— не согласился председательствующий.— Все это дал народу Великий реформатор Вира Кока, сын бога. А ты — тоже сын бога? В своей гордыне решил ты, что сын бога был глупее тебя, раз не дал этих знаков-букв, столь способных, по твоему разумению, облагодетельствовать человечество. Ты кощунствуешь, твои измышления кощунственны в самой основе. А мысль, в основе которой лежит кощунство, и деяние, прикрывающееся ею, не могут быть направлены на добро. Так для чего же ты это придумал? Скажи нам, высокому суду, свои намерения. Открой правду перед лицом бога! Для чего?

— Я уже объяснял, ваша милость,— сказал Амаута, потерявшись.— Вы меня, наверное, не так поняли.

— Значит, ты считаешь нас неспособными понять тебя? Считаешь нас глупее? Ты впал в грех, это гнусно. Ну, что ж,— председательствующий оглянулся на прочих членов святейшего трибунала. Они сидели с застывшими лицами.

Амауту увеличили.

Во второй раз его повели на суд святейшего трибунала через неделю ровно. Он опять предстал перед ответственными лицами — лицами, ответственными за истину и правопорядок, и это были другие судьи, не те, что на первом заседании, и, вроде бы, рангом пониже. Когда он явился, ему сказали, что ввиду запутанности дела он должен сознаться и покаяться для облегчения совести. Амаута сказал, что согласен, и попросил поскорее закончить разбирательство. Утро было прохладное и пасмурное, и пасмурно было в стенах суда, где окна, задрапированные тяжелой тусклой тканью, и в солнечный день почти не пропускали свет.

Ему сказали, что его признание относительно греховых знаков, им изобретенных, чтобы записать человеческую речь, чтобы поймать звуки в клетку символов, чтобы уравнять слова простолюдинов и властивущих, чтобы изменить мир и свергнуть отца народа и самого господа, как подтвердили и свидетели, дают основание считать его, Амауту Ханко-валью, колдуном, пытавшимся вызвать эпидемию холеры. И что из любви к богу и Великому Инке ему советуют сказать и объяснить всю правду относительно всего, что он сделал против веры и народа, и назвать лиц, внушивших ему это. Однако их уверения не смогли вытянуть из Амауты больше, чем он уже сказал на следствии и прошлом судебном заседании, причем теперь он говорил неохотно, словно понуждая себя повторять снова и снова слова, которые лишь скользили по их сознанию, повторять мысли, им непонятные и, конечно, неверно понятые.

Когда он замолчал, наступила тишина. Потом один из судейских сказал, что они, высокий суд, вынесли впечатление, что он, Амаута, говорит неправду, вследствие чего и пришли к убеждению, что необходимо пытать его. Однако они считают своим долгом предупредить, что из любви к богу ему предлагают сначала, до пытки, сказать правду, ибо это необходимо для облегчения совести.

Амаута ответил, что он уже сказал правду.

Тогда выступил вперед второй судейский, неотличимо

похожий на первого, без особых примет, и сказал скоговоркой заученную формулу:

— Ввиду сего по рассмотрении данных процесса мы, высокий суд, вынуждены присудить и присуждаем Амауту Ханко-валью к пытке водой и веревками по установленному способу, чтобы подвергался пытке, пока будет на то воля наша, и утверждаем, что в случае, если он умрет во время пытки или у него сломается какой-нибудь член, это случится по его вине, а не по нашей. И судя таким образом, мы так провозглашаем, приказываем и повелеваем ныне, заседая в суде.

Приказали отвести обвиняемого в комнату пыток и отвели.

Находясь уже в комнате пыток, члены святейшего трибунала спросили Амауту, не хочет ли он сказать правду до раздевания. Он ничего не ответил и стал раздеваться.

Когда он был раздет, его стали увещевать сказать правду до начала пытки. Он ответил:

— Я не знаю, какую еще правду вы хотели бы от меня услышать.

Его посадили на скамью и стали вязать руки веревками и, прежде чем прикрутить их, его увещевали сказать правду. Здесь, в комнате пыток, было куда светлее, чем в зале суда, потому что комната была маленькая. Факелы горели ровно. Пламя совсем не колебалось.

Он ответил, что ему нечего говорить. Тогда было приказано прикрутить и дать один оборот веревке. И так было сделано. «О господи!» — произнес он.

Тогда приказали дать второй оборот веревке, и дали, и предложили сказать правду. Он спросил:

— Скажите, неужели вы действительно ждете от меня чего-то?! И чего? Видит бог, я готов подчиниться вашей милости, но в чем?

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикутили, и сказали ему, чтобы он раскаялся из любви к богу. Он ничего не ответил.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикутили, и он ничего не сказал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы он говорил правду из уважения к богу. Он ответил:

— Я сказал правду. Я говорю правду.

И застонал.

Тогда еще раз прикутили веревку и просили, чтобы

он сказал правду. Он простонал и ничего не сказал.

Тогда приказали потуже прикрутить веревку, и прикрутили. Он сказал, что не знает, чего от него хотят. Ему ответили, что желают услышать от него правду. Он ничего не сказал.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили и попросили его сказать правду. Он ничего не ответил. Затем сказал:

— Я был сумасшедшим. Я был пьяным. Я веровал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и просили его сказать правду ради бога. Он простонал.

Еще раз прикрутили веревку. Он ничего не сказал.

Еще раз прикрутили веревку — простонал.

Тогда его привязали к станку и сказали ему, чтобы из любви к богу сказал правду прежде, чем начнется пытка. Он ответил, что готов еще раз рассказать все, всю свою жизнь, все, о чем думал и к чему стремился.

— Ты хотел колдовством обрушить бедствия на людей? — спросили его.

— Я хотел дать великое знание, — ответил он.

— Скажи правду во имя бога! — сказали ему.

— Я не знаю вашей правды, — простонал Амаута.

Затем приказали привязать его к станку за каждую руку одной веревкой и за каждую ступню одной веревкой и за каждое бедро одной веревкой. В каждую веревку вставили палку, и привязали ему голову, и сказали, что просят из уважения к богу сказать правду до начала пытки. Он ответил:

— Я стар. Я готов служить богу, — и заплакал.

И за нежелание сказать правду приказали прикрутить ему веревку у правой руки и прикрутили. Он плакал и ничего не говорил.

Тогда ему прикрутили веревку у левой руки. Он закричал, плача:

— Нет правды на земле!

Затем сказал, что он от всего отрекается.

Его спросили, от чего он отрекается.

— Не знаю, — сказал он.

Тогда приказали прикрутить палку от правой ноги и сказали, чтобы он говорил правду. Он крикнул несколько раз:

— Все! Все!

Тогда приказали поднести к его лицу чашу с водой и сказали, чтобы он говорил правду, пока не начнется

пытка. Он ничего не сказал. Тогда приказали облить его водой и облили.

— О господи! — сказал он.— Чего же от меня хотят?

И знаки, буквы, эти греховные его творения стали заполнять тесную комнату, и в каждой капле воды извивался какой-то знак, и было их уже не сорок восемь, а больше, и они росли, делились и множились, строились, маршировали на плацу, и было слишком светло, потому что комната была маленькая.

Его облили из второго сосуда и просили, чтобы он сказал правду прежде, чем его будут пытать еще. Он спросил:

— Что я должен сказать?

Ему ответили, что хотят услышать правду. Он закрыл глаза и сказал:

— Я изобрел эти знаки для того, чтобы вызвать холеру в народе.

Он покаялся во всем.

II

Покаяюсь и я, только покаявшемуся может быть дано отпущение. Каюсь и я, каюсь перед небом и людьми в тяжком грехе плагиата. Сознаюсь, клянусь торжественно и под присягой — это не я придумал, это святая инквизиция и ей подобные учреждения, существовавшие задолго до и много после. Я же ни разу не видел, как пытают человека водой и веревками. Сам я против этого, против насилия и никогда, ни за что, ни в коем случае не смог бы причинить человеку, пусть даже виновному в том, что с помощью знаков или символов он хотел повергнуть мир в чуму, так вот, даже такому не смог бы я причинить физическую боль. Ну, уж если бы вынудили обстоятельства, если бы ждало человечество от меня лично спасения... но и тогда я поступил бы по-другому. Есть же другие методы! Можно посадить преступника на табуретку и увещевать его отказаться от преступных замыслов, показывать ему фотографии того, что он намеревался уничтожить, фотографии детей и зверей, людей, живущих мирной счастливой жизнью, и просить, умолять признаться ради человечества и человечности, назвать сообщников — потому что и их ведь необходимо обезвредить. А своим сотрудникам, тому, кто сменил бы меня на моем посту и допрашивал бы виновного, я запретил бы даже голос повышать на заблуждающегося. И только

когда он пытался бы избежать разговора, не слушать несущих добро слов, спрятавшись в сон (некоторые особенно ожесточившиеся на людей отщепенцы способны спать даже сидя на табуретке), я стукал бы по столу карандашом, легонько, вот так: тук! тук!

На третий, максимум на четвертые сутки слова любви к человечеству отогрели бы застывшую душу, и он сам бы мне все рассказал, и мы вместе поплакали бы светлыми слезами, радуясь великому чуду перерождения. Проверено. Это ведь тоже не я придумал: проверено португальской охранкой.

Но, к сожалению, в том времени, о котором я пишу, были приняты свои, жестокие и антигуманные, методы допроса. Впрочем, я опять должен покаяться: я даже не знаю, что это за время, где его начало и конец. Возможно, что оно даже не существовало вовсе, либо — но это только предположение! — что оно бесконечно. Меня занесло туда случайно, я не хотел, я все правиль но до этого говорил и делал.

- Синий,— говорил я.
- Нет, белый.
- Синий! — нажимал я.
- Нет, просто очень сильно белый.
- Желтый,— сказал я менее уверенно.
- Нет,— возразили мне.— Просто очень немногого белый. Слабый белый, умирающий белый.

Тогда я взял фотоаппарат, чтобы раз и навсегда решить этот спор. Ведь свет, изломанный в линзах объектива, попадая в химию пленки, увязает там, остается навеки, как звук в букве, как ящерка в янтаре. «Какой черт ее туда занес?» — думаем мы теперь. А может, ее кто-нибудь загнал туда? Ответа нет — давно это было. Видно только: ящерица в янтаре. Видно, какие у нее лапы, какой хвост, какие когти... Так и свет на фотографии, на бумаге — в самом крепком хранилище — остается навеки таким, каким увидел его фотоаппарат.

— Убери эту штуку,— сказал Амаута.

— Нет,— ответил я. Фотоаппаратом я гордился. Он был очень новый, самый современный, а значит, и самый хороший — так все считают. Я почти не расставался с ним.

— Дай! — он взял фотоаппарат и засунул свои тонкие сильные пальцы прямо в середину.

И смешалось время, как земля в горсти. Я вижу это, но не властен исправить. Я по-прежнему делаю

все, как надо: ставлю выдержку, диафрагму, дальность — светофильтры почему-то не надеваются. Светофильтры, отсекающие тот свет, который не нужен, и пропускающие тот, который необходим, спадают с аппарата, не закрепляются — и все. Это не только неудобно, это меняет все дело. Мой дед, когда увидел свою фотографию, был просто разъярен и сказал, что чего-чего, а этого он от меня не ожидал. А мне и возразить нечего. Я ответственен, раз держу фотоаппарат в руках, я, а не тот, кто его сделал или испортил. Верно? Те — далеко, до них не дотянешься, а я — вот он, все видели: человек с фотоаппаратом в руках.

Когда люди замечают объектив, направленный в их сторону, они на секунду замирают, потом вздрагивают и сразу стараются принять наиболее удачную, на их взгляд, позу, сотворить на лице самое подходящее выражение, чтобы вечность застала их подготовленными.

И затвор щелкает. Щелк сверху, и люди — точки, еле видимые на асфальте. Щелк снизу — и человек нависает великаном.

Наверное, только когда человек рождается или умирает, аппарат фиксирует событие помимо его воли, как неоспоримый факт, как запись в книге актов гражданского состояния. Вообще же фотографии знаменуют этапы. Достижения. Остановки в пути. Они равно готовы запечатлеть естественные и вовсе неправдоподобные моменты: профессора математики с перевернутой шляпой в руке или абажур татуированной кожи над обеденным столом. А вот человек признается в дружбе, горячей, до гроба, дружбе и любви. Потом, потрясая этими снимками, он сможет утверждать: «Видите, какой я был! Как я его любил, как мы всех их любили, как мы жали им руки!» В этих случаях с одного негатива делается несколько снимков. Теперь над свершившимся мнения бессильны: фотография — документ истории. Выхватывает объектив из жизни, чтобы сделать достоянием вечности руку с оливковой ветвью, ногу в тяжелом башмаке со стальной стелечкой, лица — скорбные, радостные или равнодушные. В фас и в профиль. А на обороте или внизу, под фотографией, подпись, сообщающая, что снято, и не объясняющая — для чего. Ведь люди, знакомые с письменностью, иначе говоря, умеющие читать, и так все поймут.

Возможно, Амауте следовало бы изобрести фотоаппарат, а он придумал способ делать подписи к снимкам.

III

— Да, еще один разговор у меня имеется. Я прошу не оказывать милости некоему Амауте Ханко-валью в случае, если он обратится с просьбой, и в ближайший праздник сжечь его при большом стечении народа на площади.

Два солнца сошлись под высоким сводом овальных покоев во дворце правителя, два солнца, равные друг другу по сиянию и величию: племянник и дядя. Инка — отец народа, и Верховный жрец — главный идеолог государства, и длинная их беседа уже подходила к концу. Они не часто встречались один на один, каждый предпочитал править сам в своей области, а в чужую епархию не вмешиваться. Они не часто встречались и потому, что не слишком стремились видеть друг друга: тесно двум солнцам под одной крышей. Но сегодня дела свели их вместе, и Святейший сам пришел к своему младшему родственнику и сам приказал удалиться слугам, что подчеркивало серьезность и конфиденциальность разговора. Инка насторожился при этом, но время шло, а высочайший диалог все скользил на поверхности многостремья, касаясь десятков вопросов и до сих пор ни один не ставя ребром.

— Почему? Он ваш личный враг, Святейший? Я не увидел в этом изобретении ничего опасного для религии и государства. К тому же в знаках-буквах что-то рациональное есть.

— Инке известно, в чем заключается изобретение?
— Я буду рад услышать об этом еще раз.
— Амаута нашел способ фиксирования, хранения, передачи и распространения информации.
— Вас это пугает?
— Не понял,— застыл Святейший.
— Пусть так: чем вам не нравится это изобретение?
— Он не первый додумался до письменности,— сказал Святейший.

— Я знаю, письменность была запрещена Инкой — основателем династии,— перебил правитель.— Но с тех пор столько воды утекло, что можно, наверное, безболезненно нарушить запрет.

— В период правления отца народа Явар Вакана,— напомнил жрец,— была сделана попытка еще раз возродить письменность, но правитель мудро сжег ее изобретателя. Многие века народ обходился без умения читать и

писать, но стал от этого только счастливее. И наш долг следовать заповеди сына бога, который под страхом смертной казни запретил знаки-буквы навсегда.

— Навсегда! — взвесил Инка.— Страшное слово.

— Это необходимо, друг мой, иначе мы выпустим знания из стен правительского дворца, и тогда его не сдержат никакие границы. Этот Амаута наглядно доказал, что любой человек может научиться записывать и расшифровать буквы-знаки. Царедворец, раб и простолюдин перед лицом этого метода равны. Мы не можем контролировать все, что пишут и читают люди в нашей стране, а значит, не сможем управлять людьми так, как это делаем сейчас. Если сегодня народ слышит правду только от наших глашатаев, воспринимает ее на слух и принимает к сведению, даже не очень размыся о ней,— все равно мысли скоро забываются и особого значения не имеют,— то узнав письменность, они смогут фиксировать информацию, обмениваться ею и мыслями по ее поводу, фиксировать эти мысли, и свои наблюдения, и мнения, пусть даже ошибочные. Устная история, хранителями которой сейчас являются наши жрецы, отсеивает все лишнее, отделяет злаки от плевел и уже в таком виде передает следующему поколению. Мы бережем чистоту истории и ее соответствие авторитету династии. Мы должны быть уверены, что народ пользуется только этим, чистым знанием, а никаким иным. Лояльность обеспечивается всеобщей и полной ликвидацией всякого самопроизвольного знания, всякой незапрограммированной мысли.

— Того ученого, при Явар Вакане, сожгли за то, что он вызвал холеру,— вспомнил молодой правитель.— Это что — миф?

— А какое имеет значение, была в то время холера, или не было ее,— усмехнулся Святейший.— Ведь холера случается время от времени, не правда ли? Вот и еще одно доказательство в пользу того, что письменность не нужна: у нас нет документа, удостоверяющего наверняка, вызвал преступник холеру или эпидемия произошла век спустя. Мы знаем только, что его обвинили и сожгли,— не зря обвинили, наверное, раз сожгли. Это истина настолько древняя и широко известная, что всем кажется вполне естественной и даже единственно возможной. Тем лучше для дела: народ будет поддерживать приговор.

— Но, может быть, у этого Амауты вовсе не было

преступных замыслов? — сделал еще одну попытку усомниться Инка — отец народа.— Будет ли справедливо предавать его огню?

— Если он не виновен, бог вознаградит его в стране, где нет ни забот, ни печалей,— ответил Святейший.

— Пусть так,— сказал правитель.— Твоя взяла, дядя! Да свершится воля наша и да не будет милости преступившему древний закон.

— Я рад, что мы пришли к общему мнению,— сказал Святейший.— Народ будет доволен,— добавил он, уже стоя в дверях.

Одним солнцем меньше стало в высоких покоях.

До ближайшего праздника оставалось пять полных лун.

Каждый день Амаута что-то терял: веру в правду, в справедливость, в бога, в гуманность правительства, в свой долг перед государством. Только всегда ли потери — зло? Намереваясь строить дом, человек запасает камни, чтобы складывать фундамент и стены. Но если вокруг пустыня, камни становятся бессмысленным грузом: не построить здание на песке. И сбросив их с плеч, только освободишься от тяжести, от гнета, и станешь более жизнеспособен в данных условиях, чем человек, который тащит на себе через пустыню кирпичи.

Настал его день, день праздника и несчастья.

Амауту привели на площадь — пуп города, так же, как город — пуп страны. Привязали, стали ждать. Ждали народ — главное действующее лицо намеченного спектакля. Народа не было, состязания занимали его сейчас согласно программе. Всему свое время. Только отдельные зеваки, из тех, вероятно, которых спорт по причине собственной неполноценности не привлекает, застенчиво околачивались где-то по периметру площади. Что их тянуло сюда — не понять, да и незачем понимать. Не входило это в задание, а задание лейтенанту — молодому, подающему надежды отрыску хорошей военной фамилии — было дано следующее: обеспечить надежную охрану преступника до того, как его сожгут, и места казни, пока пепел не будет надлежащим образом собран, истолчен и развеян по ветру. Все остальное лежало на ответственности жреца и двух его дюжих помощников. «Где ж он ветер-то возьмет? — лениво размышлял лейтенант о заботах жреца.— Жара такая — мертвый штиль. Только и остается, что к богу с рапортом обратиться».

Собственно, задание было совсем легкое, обеспечить порядок здесь смог бы и ефрейтор. Просто традиция существовала — проверять всех перспективных офицеров во всех возможных ситуациях. Противно, конечно, но необходимо. Вроде касторки.

Ладно, хоть преступник оказался спокойный. Стоял, запрокинув голову, касаясь затылком столба, и, щурясь на солнце, улыбался. Пока все обходилось, слава богу, без лишних эмоций. Даже скучно стало. Нервно так, неспокойно, скучно — зевать постоянно хотелось. «Нехорошо,— убеждал себя лейтенант,— нехорошо. Тоже довод — скучно. Надо быть серьезным и собранным. Наверняка наблюдают откуда-нибудь, зевни лишний раз — заметят, доложат. Выдержки, скажут, нет». А хотелось ему сейчас уйти за город, лечь на сухой глинистый склон и полежать, лениво глядя в небо. До вечера. А потом вернуться в город и напиться, ну, последнее-то не уйдет. «На кой пригнали-то так рано? — думалось лейтенанту.— Скульптурную группу изображать? Выправку демонстрировать? Хоть было бы перед кем. Скорее бы все это кончилось. Надоедает. Честное слово, начинает надоедать».

Обязанности лейтенанта четко обусловлены традицией и приказом. Расставив солдат, он должен встать у самого помоста, впереди и чуть справа от преступника. И так — до огня. Когда огонь разгорится, он может отойти, но не больше, чем это необходимо. Только-только чтоб не поджариться самому. Таков приказ. А приказы не обсуждают, их выполняют.

— Торгуешь? — послышался голос за спиной.

Лейтенант поморщился. «Этого вот только и не хватало для полного счастья,— подумал он.— Сейчас плачаться начнет, на нервы действовать».

— Знаешь, зачем ты тут стоишь, лейтенант? — риторически, не ожидая ответа, спросил преступник.— Ты меня продаешь. Точнее даже, продаешь ты не меня, а зрелище, большое театрализованное представление под названием «Сожжение государственного преступника», — привязанный говорил негромко, но лейтенант стоял от него всего в двух метрах и отойти не мог, не имел права. И не было шума, способного заглушить слова, народ еще не собрался, а потому слышно было каждое слово ясно и отчетливо.

— Вот ты, наверное, сейчас думаешь, — продолжал преступник, — почему это тебя, боевого офицера, челове-

ка из первой зоны, поставили сюда выполнять задание, с которым справился бы любой ефрейтор. Думаешь? Так вот, сейчас ты — реклама. А реклама должна быть яркой, броской. Иначе товар не продашь, это любой торговец знает. А продавать будет кому — сюда соберется море публики. Еще бы! Шестеро солдат, лейтенант... Наверное, что-то интересное. К тому же власти так добры, что не берут за это зрелище денег. Публика валом повалит на дармовщинку — и ошибется, как всегда. Расплачиваться за сегодняшнее зрелище она будет всю жизнь, страхом и послушанием. А ты и вправду похож на витрину, лейтенант: бляшки начистил, значки нацепил, побрился гладко. Как на свидание. Все верно, хоть и придет на это свидание не одна какая-то конкретная девица, а толпа. Но и толпа, она — женщина: капризна и истерична, любит силу, энергичность, жестокость, любит яркое, хорошо воспринимает, когда ей льстят и когда на нее прикрикнут. У этого задания, которое ты сейчас выполняешь, лейтенант, есть одна хорошая сторона — сегодня вечером уйма женщин захочет принадлежать тебе. Если, конечно, ты сможешь простоять до конца вот так: прямо, упруго и мужественно. Только боюсь, что для тебя самого этим вечером все женское внимание будет ни к чему, вряд ли ты окажешься еще на что-то способен сегодня. А вот напиться — да, напиться рекомендую. Большое облегчение для нервов — напиться вовремя. А то еще, чего доброго, заснуть не сможешь.

Амаута развлекался.

Последние полгода он просидел в одиночке. Кормили там неплохо, сначала это даже вселило в него надежду, но, подумав, он сообразил, что к чему, и радоваться перестал. «Товарный вид придаете? — спрашивал он тюремщика, который молча просовывал в оконце — три раза в день — положенный паек смертника. Тюремщик не отвечал. За полгода у Амауты было время поразмыслить о том, о сем, но не с кем было поговорить. По разговору он скучал, по собеседнику — пусть глупому, пусть молчаливому. Он даже вспоминал с сожалением о том времени, когда шло следствие. Пытки стерлись, потускнели в его памяти. Да, были пытки, но была и радость общества, пусть жалкая радость, пусть квазиобщения, но была. Если бы к нему в камеру посадили любого человека, уголовника или даже провокатора, он был бы счастлив безмерно. Но смертник должен в одиночку обдумать всю

свою жизнь, свои ошибки — чтобы полнее воспринималась милость прощения.

Если он покается перед казнью, то ему будет даровано прощение. Так сказал вчера тюремный жрец. И в этом случае сгорит только его грешная телесная оболочка, а душа, очищенная покаянием и страданием, взлетит прямо в небо, прямо к богу. Гораздо опасней, — предостерег жрец, — погибнуть неожиданно, пусть даже в бою за правое дело, но не получив предварительного отпущения грехов. «Вот это да, — подумал Амаута, — вот это льготы! Какая такса! Десятки лет жизни стоят пяти минут покаяния».

Сейчас, произнося напрасные слова больше в воздух, в общем-то, чем непосредственно лейтенанту, он прикидывал: стоит каяться — нет? Говорят, что подкова на пороге приносит счастье даже тому, кто в это не верит. Так, может, все-таки покаяться? К тому же, за это обещали придушить, как только поднимется первый дым. Не дадут сгореть заживо. Неприятно, наверное. Хотя, конечно, и придушат — тоже радости мало. Но все-таки...

И тут ему стало смешно: странное существо — человечек. Любит выбирать. Так или иначе, за или против, под или над, с маслом или с медом, за наличные или в кредит, немедленно или после свадьбы, быть или не быть.

— Знаешь, лейтенант, — сказал он, — ты сейчас представляешь государство. То самое государство, которое испугалось меня настолько, что считает своим смертельным врагом. Видно, не можем мы существовать вместе, я и государство, раз решило оно меня убить. И вот — я привязан здесь к столбу, и все, что здесь произойдет, нельзя назвать иначе, как убийством, убийством беззащитного человека. Насколько интереснее и благороднее было бы — слышишь, лейтенант! — отвязать меня и дать мне топор, и мы бы рубились с тобой здесь же, перед народом — насмерть. Красиво, правда? Ведь ты бы зарубил меня наверняка, а, лейтенант? Ты же специалист, профессионал, моложе лет на двадцать, в отличной форме, тренирован с детства. Ведь никакого риска нет! Ведь ни малейшего! Почему бы тогда не попробовать? Ведь ты-то не отказался бы, а, лейтенант? Да вижу, вижу, не отказался бы.

— Знаешь, за что я здесь, лейтенант? — продолжал Амаута. — Тебе сказали? Я здесь, потому что хотел дать народу возможность обмениваться знанием. То, что сейчас знает один, могли бы узнать все. Крупицы знаний

каждого собирались бы воедино и становились общим достоянием. Ты мог бы разом получить все, что ценой долгой и трудной жизни узнал твой генерал. И люди не скрывали бы своих знаний: всегда хочется, особенно в конце жизни, передать другим то, что накопил. Чтобы не пропало, продолжало жить в других, если бы это вышло — может быть, ты стал бы генералом, лейтенант, не дожидаясь седин. Скороспелым лейтенантом-генералом нового правительства. А потом твои батальоны и полки, дивизии и армии разбил бы в пух какой-нибудь сапожник или кузнец, получивший те же военные знания. И он бы обязательно разбил тебя, потому что стал бы военачальником по призванию, а ты — ты офицер только потому, что не мог иначе: дедушка был вояка и отец — кадровый военный, тебе просто некуда было деваться, лейтенант, вот ты и в армии. Так что радуйся, из моей затеи в этот раз ничего не вышло, а то пришлось бы тебе в тридцать лет осваивать новую профессию. Вот почему ты сжигаешь меня связанныго, лейтенант, — чтобы наверняка сохранить денщика и домик в первой зоне. Чтобы сменить домик на дом, больше и роскошней. Чтобы обвешаться орденами за то, что совершают солдаты, которых ты пошлешь на смерть. Чтобы получить пенсию — такую же, как у деда, или, желательно, большую. Персональную. Так как, шевалье, руки не чешутся огонь зажечь? Ведь это ты меня сжигаешь в конечном счете! Не терпится, наверное?

— Пачкаться! — неожиданно, ругая себя за невыдержанность, почти не шевеля тонкими губами, отозвался лейтенант. — Народ тебя сожжет, сам.

— Ну-у, — посожалел о лейтенанте Амаута. — Разве можно верить в этот анекдот, молодой человек? Главное — толпу собрать, а в ней десяток можно найти для чего угодно. Скажи им, что на шест надо забираться, кто выше, — и полезут. Скажи, что надо магазины грабить или гимны петь, что это-де насущная необходимость и требование времени, — ограбят и запоют. Или, скажешь, нет? Заметь, удобная форма: требование времени. Потом начнут выяснять, кто виноват, кого судить — а некоторого. Время было такое, суровое, жестокое, не люди, — звери, а зверей — тех и вовсе выбили. Думаешь, на шест лазить — не человека убивать? А убивать — это даже интересней. Особенно безнаказанно, — особенно если за это еще и похвалят. Хочешь, эксперимент проведем: давай тебя привяжем к столбу. И тебя сожгут.

Между тем на площади стал собираться народ. Пришел откуда-то жрец с помощниками, которые сноровисто соорудили небольшой костерок невдалеке от помоста. Головнями из него, когда придет время, будет подожжен большой костер. Здоровые, хмурые ребята-носильщики притащили Святейшего в кресло под балдахином. Зеваки с периметра решительно устремились к центру площади, ближе к событиям.

Наконец народ повалил валом, и сразу стало тесно. Лейтенант вытянулся и закаменел, сейчас он даже слегка поблескивал на солнце, как будто его ненадолго окунали в жидкий азот.

— Давай-давай, лейтенант,— подбодрил его Амаута,— страйся! Близок твой час. Ты уж не ударь в грязь лицом, оправдай затраченное. Зря, что ли, тебя двадцать лет калорийно кормили и квалифицированно учили? — Лейтенанта слегка покорежило. — Ничего,— утешал его въедливый голос,— это еще только игрушки. Вот в следующий раз тебе, как оправдавшему высокое доверие, поручат убрать кого-нибудь без лишнего шума. Или дикарь усмирять пошлют за то, что на луну, мерзавцы, молятся и податей платить не хотят. А что ты думал, служба — развлечение? Маневры? Занятия физкультурой?

Звон гонга над площадью погасил все остальные звуки, как магниевая вспышка гасит свет. Насторожилась тысячеголовая масса. К Амауте подошел жрец и, гнуясь, стал тыкать в лицо что-то священное. Амаута глядел на него с сомнением, соображал: каяться все-таки или не каяться?

— Не так бойко, святой отец,— решился он окончательно,— а то ты мне зубы повредишь этим предметом. Отойди, не засти. Покаяться хочу перед народом в страшных грехах. «Такая трибуна,— подумал он.— Такая широкая и представительная аудитория. Грех совершу, если не воспользуюсь. Большой грех».

— Народ! — обратился он к толпе. «Какой голос»,— уважительно подумали лейтенант и Святейший одновременно.

— Народ! Нес я тебе большую правду, да не донес. Отобрали они,— Амаута обвел глазами первый ряд почетных гостей,— ее у меня, спрятали. Казните меня теперь!

— Он хотел наслать на народ холеру! — закричал

жрец.— С помощью колдовства! Вот его колдовские знаки!

Амаута почувствовал, что ничего уже никому не сможет объяснить. Он замолчал и смотрел теперь на народ спокойно.

Жрец тоже замолчал. Собрался с мыслями.

— Отдаю твою душу дьяволу, нераскаянный грешник,— вспомнил он формулу.— Люди, кто совершил святое дело: избавит мир от нечестивца? Бог радуется, глядя на верных своих слуг с небес!

Первым из толпы, расталкивая непроворных, вышел здоровенный мужчина, бледный, но по внешнему виду здоровья отмеченного. «Слуга божий, штатный провокатор»,— не удержался Амаута. Тихо так не удержался, почти не шевеля губами, но лейтенант его услышал.

— Благословляю! — обнадежил решительно жрец.

«Скорее бы кончилась волынка,— подумал по этому поводу здоровенный.— А то затянут, как всегда».

«Развелось умников, шагу ступить нельзя. Жечь! Жечь!» — высоким и худым был второй. Вышел, дрогнув тонкими губами, посмотрел на жреца.

— Благословляю!

Все молчали. Только потрескивал костерок да вздыхала толпа, даже не вздыхала, а так, переводила дыхание, когда выходил очередной доброволец да жрец произносил свое.

«Доброе дело у бога зачтется. Может, свой грех там закрою»,— вышел широкоплечий средних лет.

— Благословляю!

«На дистанции почти все меня обошли, но тут я не буду последним!» — застыл перед жрецом парень.

— Благословляю!

«Раз-другой на глаза попадусь — может, срок испытания скостишь»,— вышел ремесленник из третьей зоны.

— Благословляю!

«Не мое бы это, конечно, дело, но участвовать лично хоть в одном местном обряде — не лишне, будет о чем вспомнить. Тем более что тут власти предержащие сами себе «козу устроили». Это ж золотое дело для них! Прошляпили, чинуши. Взяв на вооружение передовой опыт, составили бы на каждого досье, завели бы картотеки: кто задержан, кто замечен, а кто склонен. Этот тип — родонаучальник бюрократии, способный задавить страну, отбросить ее на сотни лет. Перевороты совершают неграмотные, и во время всех восстаний первы-

ми летели в огонь бумаги. Так что объективно он — по ту сторону баррикад. И раз уж выпала такая возможность, я внесу свой скромный вклад в спасение всех этих простых, неиспорченных цивилизацией людей от незнакомой им гидры грамотности. Я — за!»

— Благословляю!

«Я ведь согласился, согласился, я все сделаю сам. Зачем они меня подталкивают? Я не хотел этого, учитель! Но иначе я не могу, я ведь не только за свою шкуру пекусь. Я теперь — единственный, кто знает знаки-буквы, и должен сохранить свою голову, чтобы продолжать общее дело. Они сказали, что без «этого» отречение не будет полным. И потом, они ведь мучили меня, если бы вы знали, как они мучили меня, учитель! Я вынужден. Простите, если можете. По правде говоря, я даже не знаю, поможет это или нет. Все-таки они, наверное, убьют меня, потом. Не так пышно, конечно, удушат просто — и все. Но один шанс пока есть: а вдруг поверят? А вдруг действительно отпустят? Надо поторопиться, чтобы успеть. Простите, учитель!»

— Благословляю!

«Разве ж можно — холеру? Как тот раз холера была, считай, что вся деревня вымерла. Нельзя такого оставлять, он всех поубивает. А у меня четырнадцать душ, с внучатами. Нельзя».

— Благословляю!

«Что-то приуныла толпа. Никто не выходит. Вон, даже старикан поперся, а все равно недобор. Интересно как... будет корчиться, вот — был, есть и сейчас, а не станет его. Неужели больше никого не найдется? А, была не была, запалим дядю».

— Благословляю.

Не находилось больше никого. Тысячи ждали с любопытством и нетерпением — а ведь не шли. Между тем в законе сказано четко: десять добровольцев из народа должны зажечь костер разом.

Народ сам казнит тех, кто злоумышляет против бога и людей.

— Ну, что? — обратился к народу жрец. — Или отпускать злоумышленника и колдуна? Задерживаете святое дело, люди! Не торопитесь послужить богу. Ну! Ну! — он посмотрел на толпу...

— А я что? Я, раз надо, пойду.

— Благословляю.

Десятый медленно, неуклюже ступая, подошел к ко-

стерку, у которого сгрудились добровольцы, наклонился за головней-факелом, потом — вроде отступил, сделал еще один неверный шаг, да так и рухнул лицом в костер. Из его домотканой рубахи на спине торчал короткий, оперенный конец стрелы.

— Кто? — вскрикнул лейтенант.— Откуда?

— Из того дома, наверное,— крикнул ближе к нему стоящий солдат.

— Не тем занимаетесь, лейтенант,— остановил офицера жрец.— Ваше дело охранять, а не ловить. Так кто будет десятым? — толпа молчала. Десятого не находилось.

— Сейчас еще девятого искать будете,— подал голос, как проснулся, Амаута.

— Убьют? — машинально спросил лейтенант.

— Их и убивать не надо, сами разбегутся.

Добровольцы пока не разбегались, просто слились вместе, слились в странный комок на восемнадцати ногах и медленно, медленно пятились от костра и помоста.

— Стой! — рявкнул на них лейтенант.— Стойте, шкуры! Задержать!

Двое солдат, повернув копья горизонтально, преградили добровольцам путь к толпе. Те уперлись в копья и, глядя поверх голов, начали пятиться в другую сторону.

— Кто это был?

— Да ты уж на меня-то не кричи, пожалуйста,— ответил Амаута.— Не знаю я, кто это был. Знал бы, так не сказал,— а сейчас вот честно и с радостью говорю: не знаю. Значит, нужна народу моя правда,— продолжал он, глядя куда-то вверх.— Значит, прав я был, лейтенант, в своем деле. Значит, я не горю, лейтенант, а ваша затея горит при ясной погоде.

— Нет,— сказал лейтенант,— ты ошибаешься. Это ты сгоришь. Ты у меня все-таки сгоришь. Ты меня не знаешь!

— Права не имеешь, лейтенант,— отозвался Амаута.— Ты же государственный служащий, у тебя же нашивки лейтенантские. При всем народе нарушить закон — неужто посмеешь?

— Эй, вы! — обернулся лейтенант к добровольцам.— Берите факелы. Живо!

И те, помешкав, взяли факелы-головни, потому что наяву увидели смерть. Страшен был лейтенант. Он под-

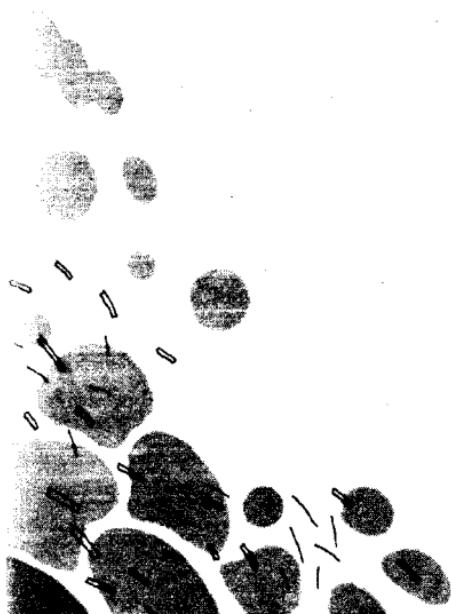
толкнул, лично подтолкнул замешкавшихся к помосту, а затем посмотрел на преступника остро и твердо.

— Гляди, говорун!

И рванул с груди нашивки и бляшки. Потом подошел к костерку, выхватил оттуда головню и ткнул ее в помост, как в живое тело нож.

Все молчали. Только шипели, разгораясь, дрова. «Гориши, лейтенант,— донеслось сквозь дым с помоста. Голос был странно спокойным и даже доверительным.— Гориши, лейтенант! Все вы горите, а вот я, кажется, остаюсь».

**Юрий
Тушицьн. Шутники. Повесть**

Три месяца патрульный космолет «Торнадо» находился в свободном поиске, обследуя неизвестный еще участок Млечного Пути. Работа была самой обыденной: на карту пунктуально наносились все галактические объекты, от звезд до метеорных роев, и давалась их краткая характеристика. На девяносто шестой день свободного поиска произошел тот самый случай, ради которого космонавты терпят скуку и невзгоды патрульной жизни. Штурман корабля Клим Ждан во время очередной вахты запеленговал работающую радиостанцию на третьей планете желтого карлика Ж-11-23. Передача представляла собой обычную звуковую речь, записанную методом частотной модуляции на радиоволнах метрового диапазона. Неведомый язык характером звуков, мелодией и ритмом удивительно напоминал земные европейские языки.

— Я всегда верил, что так будет! — возбужденно говорил Клим. Он не находил себе места. Ходил взад и вперед по каюта-компании, ероша свои жесткие черные волосы и время от времени присаживаясь то на диван, то на подлокотник кресла, то прямо на край стола.

— Теперь наши имена войдут в историю. Иван Лобов, Клим Ждан и Алексей Кронин открыли новую цивилизацию!

Клим передвинул плечами и недоверчиво засмеялся.

— Прямо не верится!

Остановившись перед инженером, лениво развалившимся в кресле, он вдруг деловито спросил:

— А тебе не кажется, что язык этих разумных определенно напоминает испанский?

- Испанский? — удивился Кронин.
- Да ты прислушайся! Та же самая звучность и эмоциональность!
- Кронин улыбнулся одними глазами:
- Знаешь, я как-то не задумывался над этим.
- Клим пожал плечами, прошелся по кают-компании и заглянул в ходовую рубку.
- Иван, когда мы наконец изменим курс?
- Когда запеленгуем следующую передачу, — ответил Лобов, не отрываясь от работы.
- Разве одной пеленгации недостаточно?
- Ты мог ошибиться, — хладнокровно пояснил Лобов.
- Я? Чепуха! — возмутился штурман. — А если следующей передачи не будет?
- Тогда и подумаем, что делать.
- Клим раздраженно хмыкнул, некоторое время постоял, сердито глядя на затылок Лобова, и вернулся в кают-компанию. Плюхнувшись в угол дивана, он задумался, хмуря брови. Постепенно выражение досады сошло с его лица.
- Если их язык так напоминает земной, почему бы им не быть антропоидами? — повернулся он к инженеру.
- Это было бы слишком большой удачей, — вздохнул Кронин.
- Человечество поддерживало контакты с несколькими цивилизациями галактики, но все известные расы разумных морфологически сильно отличались от людей. Еще более сильные колебания испытывала мораль и этика разумных сообществ, а все это, вместе взятое, затрудняло взаимопонимание и общение. Люди давно мечтали о встрече с себе подобными, но до самого последнего времени поиски антропоидов оставались безуспешными. Тревога Клина оказалась напрасной. На исходе второго часа ожидания с той же планеты была запеленгована еще одна радиопередача. Она оказалась более продолжительной и содержала не только речь, но и музыку, которая даже на земной вкус звучала легко, ритмично и слушалась не без удовольствия.
- Я же говорил, что это антропоиды! — торжествовал Клим.
- Не торопись с выводами, — остудил его пыл Кронин, — я довольно близко знал одного оратора, отлично

говорившего по-испански. Однако он вовсе не был антропоидом.— В ответ на недоверчивый взгляд Клима он невозмутимо пояснил: — Его звали Лампи. Милейшее существо из породы попугаев!

— Не понимаю! Как ты можешь шутить в такой момент?

Лобов не принимал участия в спорах. Он был занят сверкой данных обеих пеленгаций. Дважды проверив все расчеты и не обнаружив существенных расхождений, он дал наконец команду на изменение курса корабля. «Торнадо» выполнил этот нелегкий маневр, потребовавший отдачи всей мощности ходовых двигателей, и на гиперсветовой скорости устремился к желтому карлику.

Количество принимаемых радиопередач множилось с каждым часом, а на трети сутки полета по новому курсу были приняты и первые телевизионные изображения. Это были примитивные черно-белые картинки с разверткой всего в пятьсот сорок строк, но они произвели настоящую сенсацию на корабле. Неведомая раса разумных и впрямь оказалась антропоидной! Телепередачи были так несовершенны и так пестрели помехами, что сначала об этом можно было только догадываться. Потом догадки сменились более или менее уверенными предположениями. И наконец, когда удалось принять четкий телеотрывок, посвященный какой-то спортивной игре, участники ее были почти обнажены, исчезли последние сомнения. Это было эпохальное открытие. Клим Ждан торжествовал так, словно антропоиды были его личными творениями.

С момента приема первых радиопередач с полной нагрузкой работала бортовая лингаппаратура. Сочетание речи, изображений и пояснительных надписей создавало для нее почти идеальные условия. В рекордно короткий срок удалось установить фонетику языка, разработать его морфологию и синтаксис. Быстро рос и словарный запас. Когда он перевалил за тысячу слов, к изучению языка активно подключились космонавты. Работали с полной нагрузкой: днем изучали грамматику и практиковались в разговорной речи, а ночью с помощью гипнотических установок пополняли словарный запас. Скоро выяснилось, что планета, к которой летел корабль, носит прозрачное имя Илла, а ее антропоидные обитатели называют себя илинами.

Параллельно с изучением языка космонавты старались разобраться в биологии и социальных отношениях иллинов, но тут натолкнулись на неожиданное и довольно забавное препятствие. Принимаемая информация имела интересную особенность, которая, как плотный туман, скрывала и детали и самую суть иллинской жизни. Пока словарный запас космонавтов был невелик, а перевод соответственно был приближенным, эта особенность не очень бросалась в глаза. Но по мере того, как космонавты овладевали языком и знакомились с бытом иллинов, она стала вырисовываться все яснее и четче. Все радио- и телепередачи, которые удавалось принять, носили щутливый, юмористический, развлекательный характер! Они были заполнены легкой музыкой, репортажами многочисленных соревнований, веселыми пьесками, напоминавшими земные оперетты, головоломно-приключенческими повестями юмористической окраски... Серьезная информация отсутствовала вовсе. Исключение составляли лишь обстоятельные сводки и прогнозы погоды, передававшиеся с завидной регулярностью шесть раз в сутки, которые, кстати говоря, составляли около двадцати земных часов. Сначала все это забавляло и даже радовало космонавтов — передачи рисовали иллинов премиальным, добродушным народом, встреча с которым обещала быть дружеской и непринужденной. Но день проходил за днем, а кроме веселья, в иллинских передачах не удавалось почерпнуть ничего нового. Как и в первые часы знакомства, космонавты оставались в полном неведении относительно иллинской науки, техники, социальной структуры и даже семейно-бытовых отношений. Юмор надежно скрывал тайны этой странной цивилизации.

— Может быть, у них всепланетный праздник? — высказал догадку Клим Ждан.

— Праздник, который без перерыва длится целую неделю? — усомнился Лобов.

— А почему бы и нет? — поддержал штурмана Кронин. — Вспомни наши Олимпийские игры. Разве, наблюдая в эти дни за земной жизнью, можно составить о ней правильное представление?

Лобов пожал плечами, но в спор ввязываться не стал.

Прошла еще неделя, желтый карлик превратился в самую яркую звезду на черном небосводе, а на Илле

ничего не изменилось — планета продолжала безудержно веселиться.

— Если это праздник, — со вздохом констатировал наконец инженер, — то надо признать, что он порядком затянулся. Вообще премилый народ эти небожители. По-моему, они просто не способны относиться к чему-либо серьезно.

— Какой-то жизнерадостный идиотизм в планетарном масштабе! — с сердцем сказал Клим.

— Вот-вот, — флегматично поддержал его инженер, — собираще комедиантов и лицедеев. Планета превращена в театральные подмостки, жизнь — в комическую роль, любовь — в легкий флирт, ненависть — в розыгрыш, честолюбие — в острословие. Не возьму лишь в толк, кто кормит и одевает всю эту шуструю бодему? С какой целью?

Между тем желтый карлик запылал на небе новым солнцем. «Торнадо» сбросил скорость, вошел в гравитационное поле системы, сблизился с Иллой и, превратившись в ее спутник, начал орбитальный облет планеты. Космонавты возлагали большие надежды на прямые визуальные наблюдения загадочного мира, но их ждало разочарование. Вся поверхность Иллы, за исключением крайне редких окон, оказалась закрытой мощной многослойной облачностью, сквозь которую с трудом пробивались лишь радиоволны метрового диапазона, позволявшие получить самую общую картину пролетаемой местности. Но и в таких условиях удалось сделать ряд интересных наблюдений. Илла оказалась удивительно «водянистой» планетой, суши занимала не более шести процентов всей ее поверхности. По существу, вся планета представляла собой единый глобальный океан, по которому там и сям были разбросаны архипелаги островов. Континентов, подобных земным, не было совершенно.

Острова, находившиеся в благоприятной климатической зоне, были густо заселены. Поселения иллинов представляли собой просторные озелененные города, расположенные, как правило, на самом берегу океана. Несмотря на все старания, ни в самих городах, ни в их окрестностях не удалось обнаружить никаких признаков концентрированной промышленности и энергетики. Клим Ждан, так много ждавший от антропоидной цивилизации, брюзжал:

— Цивилизация без науки и производства. Цивили-

зация без энергетики. Кто в это поверит? Если мы привезем такие данные, Земля добрую неделю будет корчиться от смеха!

— Я тебя понимаю, Клим, — сочувственно согласился Кронин, — меня тоже раздражает Илла. Все тут устроено ужасно не по-земному! Но ведь не мы с тобой ее сотворили, так зачем же так расстраиваться?

Он задумчиво погладил подбородок, усмехнулся и добавил:

— Вообще-то, как знать? Может быть, на Илле мы видим собственное будущее? Да-да, — продолжал он про себя, игнорируя насмешливое удивление Клима, — к такому выводу легко прийти, если проанализировать историю человечества с точки зрения юмора. Не стоит доказывать, что количество юмора в общем потоке информации непрерывно возрастает по мере развития человечества. Ты напрасно так скептически улыбаешься, Клим. Я высказываю лишь самые очевидные истины. Современный человек склонен пошутить и подурачиться независимо от возраста, пола и профессии. А попробуй представить себе весельчака инквизитора, который во славу господа бога лично дробит кости еретикам. Или шутника-отшельника, который живет один-одинешенек в пустыне, не моется, гордится незаживающими язвами и питается одними акридами. Разве удивительно, что в эпоху инквизиции или фашизма процветали люди жестокие, мрачные и злобные? Это лишь естественно! Теперь же мы наблюдаем прямо противоположную картину. Если хочешь, то склонность к юмору — домinantный признак современного человека. Причем в самом полнокровном генетическом смысле. Ведь если биологическая эволюция человека давно закончена, то социальная только набирает силу. Именно социальные особенности человека определяют естественный отбор, который и не думал прекращать свою деятельность в недрах нашего общества. В частности, отбор идет и по линии юмора. Желчному, сварливому, просто печальному, наконец, человеку сейчас очень трудно найти себе подругу жизни, а поэтому род его закономерно и неизбежно угасает. В будущем довольно-таки мрачный гомо сапиенс вульгарис превратится в совершенно новый социальный вид — в жизнерадостного, неунывающего, смеющегося гомо сапиенса юмористикуса. А вся раса разумных превратится в расу шутников! Иллин —

близкий и наглядный пример этой волнующей метаморфозы.

— Фу на тебя,— с досадой сказал Клим,— я надеялся, что в конце концов ты скажешь что-нибудь серьезное.

— Для серьезных гипотез нужна хотя бы маленькая зацепка,— вздохнул Кронин.

Скоро такая зацепка появилась. Когда «Торнадо» проходил над Миолой, одним из городов Иллы, расположенным на уединенном островке, облака ненадолго рассеялись. Клим Ждан мгновенно сориентировался и выполнил отличную стереосъемку открывшейся панорамы местности. При ее анализе обнаруживалась важная деталь, совсем не наблюдавшаяся на сделанных ранее радиоснимках,— от города к океану тянулись несколько отличных, хотя и нешироких дорог, сделанных из полированного камня.

— Вот вам и разгадка иллинской цивилизации,— с удовлетворением констатировал Клим, проводя указкой по тонким линиям дорог,— производство этих веселых паразитиков сконцентрировано на океанском дне и полностью автоматизировано. Все, что нужно для жизни и развлечений, иллины получают по этим дорогам. Им остается наслаждаться жизнью.

— Если это можно назвать жизнью,— хмуро заметил Лобов.

— Если они полностью устранились от производства, а похоже, что так оно и есть, это уже не жизнь, а паразитизм на теле машинной цивилизации,— согласился инженер,— которая рано или поздно осознает свое могущество и растопчет иллинские города, как гнезда муравьев!

— Бедные небожители,— пробормотал Кронин, разглядывая фотографию могучего красавца иллина, который, щуря лукавые глаза, смотрел прямо в объектив аппарата.

За океанскими дорогами установили тщательное круглосуточное наблюдение, но странное дело — ни днем ни ночью на них не наблюдалось ни малейшего движения. Клим недоумевал и строил предположения одно другого мудренее и невероятнее, а инженер, выждав некоторое время, взялся за детальнейший анализ стереосъемки. В результате ювелирно выполненных измерений ему удалось показать, что дороги отнюдь не плавно спускаются к океану, как это было бы естественно предположить.

Они совершенно отвесно обрывались в воду на высоте десяти—пятнадцати метров!

— Совершенно очевидно,— невозмутимо заключил Кронин,— по таким дорогам можно транспортировать что-либо в океан, но никак не из него.

— Для чего же тогда нужны эти проклятые дороги? — спросил несколько сконфуженный Клим.

Кронин пожал плечами.

— Может быть, для сбрасывания в океан отходов. А скорее всего это своеобразные памятники старины. Когда-то с их помощью действительно осуществлялась связь с океаном. Потом на смену им пришли более удобные подземные коммуникации, а дороги остались. Океан наступал, разрушая берега острова, вот так и получилось, что дороги отвесно обрываются в океан.

Клим промолчал. Стоя у стола, он разглядывал многочисленные фотографии иллинов, сделанные с экрана телевизора. Держа эти фотографии веером в руке, он вдруг повернулся к инженеру.

— Я не знаю назначения дорог, но уверен, на планете происходит что-то более сложное, чем простое вырождение иллинов. Посмотри! — Он бросил фотографии на стол.— Посмотри, сколько ловкости, грации и силы в этих тела. На них просто приятно смотреть! Разве они похожи на вырождающихся?

Неторопливо перебирая фотографию за фотографией, Кронин просмотрел всю пачку.

— Да,— согласился он,— красивый народ.

Он потер подбородок и усмехнулся.

— Так уж мы устроены, что любуемся всеми ладно скроенными животными независимо от того, что они собою представляют: собаками, актиниями, лошадьми и пантерами в равной мере. Между прочим,— он поднял глаза на Клина,— мы до сих пор любуемся скульптурой Нефертити, хотя она была типичной представительницей касты фараонов, и роскошными цветами растений-паразитов.

— Что ты хочешь сказать этим?

Кронин мягко улыбнулся.

— Я хочу сказать, что ты порой меняешь свое мнение без достаточных оснований.

— И тем не менее Клим прав,— вдруг вмешался в разговор до сих пор молчавший Лобов.

Взгляды обратились к нему.

— Иллины не только физически совершенны, они еще и порядочны, Алексей. При всем легкомыслии и беспечности, им совершенно чужды жестокость, деспотизм, несправедливость. У них не заметишь даже намека на культ эротики, на секс, с которыми рука об руку идет всякое вырождение.

— Ну,— с большим сомнением протянул штурман,— это ничего не доказывает.

— А потом,— добавил Кронин,— мы знаем иллинов лишь с парадного входа. Мы видели то, что они сами считают нужным показывать. Все может радикально измениться, если мы перелезем через забор и заглянем в окно.

— Верно,— согласился Лобов. Он оглядел своих друзей и усмехнулся,— у нас мало фактов. Мы можем до беспечности сидеть на орбите и строить остроумные, но беспочвенные гипотезы. Пора принимать решение. Либо возвращаться на базу, либо пойти на прямой контакт и попытаться заглянуть в окно, как говорит Алексей.

Кронин качнул головой.

— Если на Илле фактически командуют машины,— мягко, безо всякого нажима сказал он,— а это очень вероятно, то нам может быть оказан самый неожиданный прием.

— Да, к этому нужно быть готовым.

— И все-таки я за контакт! — прихлопнул рукой по столу Клим. Он обернулся к инженеру.— А ты? Ты-то что молчишь?

Кронин засмеялся:

— Да разве я брошу «Торнадо»? Вы же без меня пропадёте!

«Торнадо» произвел посадку на том самом уединенном острове, где Клим обнаружил дороги, в загородном парке, километрах в полутора от ближайших зданий. На первый контакт по жребию пошел Клим Ждан. Было установлено, что воздух Иллы вполне пригоден для свободного дыхания, поэтому он был в легком скафандре без шлема. Лобов остался на подстражовке, Кронин во-

зился с корабельным оборудованием, подготавливая корабль к немедленному взлету на тот случай, если придется срочно покидать Иллу.

Спрыгнув с трапа на землю, поросшую серой опаленной травой, Клим сделал несколько упругих осторожных шагов, топнул ногой, словно проверяя твердость почвы, и непринужденно доложил:

— Вышел, все в порядке.

Словно разминаясь, Клим обошел вокруг корабля, еще раз притопнул ногой, глубоко вдохнул теплый влажный воздух и с улыбкой осмотрелся. Моросил мелкий невесомый дождь. Капли с едва слышным шорохом теребили сожженные, поникшие стебельки травы и щекотали щеки и шею. За четко очерченным пятном посадки, следа отдачи двигателей, трава была сочной и пронзительно зеленой. Она росла сплошной плотной массой, напоминая чем-то дружные всходы озимой пшеницы. Край поляны был ограничен деревьями и кустарником, силуэты которых были размыты влажной дымкой и сеткой дождя. И вообще было темновато, даже близкие предметы рисовались расплывчато, как во время сумерек на Земле, хотя где-то за облаками солнце стояло высоко. В тишине, нарушенной лишь мерным шорохом дождя, не было ничего гнетущего, это была тишина покоя и отдыха. Клим улыбнулся и прямо ладонью вытер мокрое от дождя лицо. Вот что значит прослушать и просмотреть тысячи телепередач! Этот влажный, туманный мир казался ему тревожно-знакомым, как знакомы нам краски и запахи детства. Словно когда-то, давным-давно он уже побывал здесь, и теперь забытые ощущения и мысли нехотя пробуждались от тяжелого сна.

— Внимание! — послышался в ушных пикофонах голос Лобова. — Со стороны города приближается группа иллинов.

Клим невольно подобрался — не так-то легко встретиться с глазу на глаз с представителями других миров!

— В группе десять иллинов, — спокойно продолжал Лобов, — одежда очень легкая, спортивная. Оружия или других подозрительных предметов не видно. Ведут себя спокойно, шутят, смеются. Готовыся.

— Понял, — облизал вдруг свой пересохшие губы Клим.

Над деревьями, окружавшими поляну, с шумом поднялись крупные птицы — моквы, оглашая воздух недовольными криками, похожими на мяуканье рассерженной кошки. Клим проводил глазами их тяжелый, ленивый полет. Почти в то же мгновение кусты, над которыми взлетели птицы, шевельнулись, и на краю поляны выросла стройная оранжевая фигура. Секунду великолепно сложенный мужчина стоял, небрежно опершись рукой о ствол дерева, а потом обернулся назад и помахал рукой.

— Эта штука здесь, рядом!

Послышался шум, голоса, шорох ветвей, и на поляну вышли стройные иллины. Некоторое время эта живописная группа перебрасывалась односложными, пожалуй, удивленными репликами, а потом пришла в движение и неторопливо потянулась к кораблю. Послышались возгласы, непринужденный смех.

— В самом деле стоит!

— Похоже на вышку для прыжков.

— Ну, с этой штуки не прыгнешь.

— Интересно, а до городской площади эта штука долетит?

Одеты иллины были более чем легко: короткие трусы и либо майки, либо куртки с открытым воротом. Теперь, когда они приблизились, особенности, которые было бессильно передать черно-белое телевидение, стали заметны яснее. Кожа была мягкого оранжевого цвета, волосы — голубыми, а глаза — зелеными. Это придавало иллинам праздничный и вместе с тем какой-то маскарадный вид — думалось, что они специально раскрашивались в такие яркие цвета, желая попозировать и произвести впечатление. Нельзя сказать, что наивно-бесцеремонные реплики иллинов благотворно действовали на Клина. Ему пришлось изрядно напрячь свою волю, чтобы побороть смущение и выглядеть достаточно естественным. В нескольких шагах от Клина иллины пристановились, и высокий мужчина, первым вышедший на поляну, сказал с улыбкой:

— Здравствуйте!

— Добрый день, — как можно непринужденнее ответил Клим.

— Трудной ли была посадка? — с интересом спросила девушка с удивительными изумрудными глазами.

Клим улыбнулся ей:

— Да не очень легкой,— и показал рукой в хмурое облачное небо,— мы прилетели оттуда, с далекой звезды.

В ответ раздался взрыв веселого смеха. Держась совершенно свободно, иллины приблизились к кораблю вплотную и принялись его рассматривать. Девушка с изумрудными глазами провела по корпусу рукой, нахмурила брови и провела еще раз. Лицо ее выражало недоумение.

— Похоже на металл,— словно про себя заметила она и шлепнула по корпусу ладонью.

Сетчатый нейтрид ответил на это гулким вздохом.

— Это не металл,— удивленно, но уверенно заключила девушка,— но что же это?

— Глина!

— Фанера!

— Техлон! — послышались со всех сторон шутливые ответы.

Клим поднял руку, требуя внимания. Когда установилась относительная тишина, он пояснил:

— Это нейтрид. Материал, сделанный из самой ядерной материи.

В ответ раздался взрыв смеха.

— Из ядерной, надо же придумать!

— Да он сразу провалится к центру земли!

Клим пытался объяснить, что это не простой, а сетчатый нейтрид, что фактически этот материал соткан из пустоты, пронизанной тончайшей ядерной арматурой — нитями нейтрида, но его никто не слушал. Высокий иллин, обойдя корабль, отошел на несколько шагов в сторону, оглядел его сверху донизу и спросил с любопытством:

— Как же он летает без крыльев?

— В космосе не нужны крылья.

В ответ раздался новый взрыв хохота. Девушка-толстушка с глазами салатного цвета даже села на траву — так ей было смешно.

И тогда в голове Клима шевельнулась догадка, которая с каждым мгновением становилась все определеннее,— иллины не верят ему. Не верят, и все! Историю с космическими пришельцами они принимают за шутку, за розыгрыш, который устроили жители какого-нибудь соседнего города. Воспользовавшись случайной паузой в общем шуме, он спросил:

— Вы что же, не верите, что мы прилетели с дальней звезды?

— Конечно, не верим! — хором ответили ему с полной убежденностью.

— Но вы посмотрите,— горячо сказал Клим и замялся в поисках наиболее убедительного аргумента,— вы посмотрите на меня и на себя. У вас кожа оранжевая, а у меня?

Опять хохот. Смешливая девушка с салатными глазами вышла из толпы и сказала с милой улыбкой:

— Смотрите.

Изумленный Клим увидел, как кожа девушки прямо на его глазах посветлела, порозовела и приобрела характерный человеческий оттенок. Глядя на ошарашенного Ждана, иллины восхитились:

— Да он отличный актер!

— Смотрите, как он естественно изображает удивление!

— Надо предложить ему роль в нашем театре.

Высокий иллин спросил:

— Если вы действительно инозвездные пришельцы, откуда вы знаете наш язык?

— Мы изучили его. У нас есть специальные машины, которые помогают нам в этом.

— А почему вы так похожи на иллина? — спросила тоненькая девушка.

— А вот этого я и сам не знаю! — сердито ответил Клим.

— Естественно!

— Лучше скажите, из какого города вы прилетели?

— Да не могли они прилететь, у этой штуки даже крыльев нет!

— Тихо! — вдруг деловито сказала одна из иллинов.— Тихо, друзья. Хватит развлекаться. Мы опоздаем на утреннее купание и на завтрак.

Иллины, сразу забыв и про Клима, и про корабль, весело загадали и потянулись по зеленой траве по направлению к океану.

— Но мы и правда прилетели со звезд! — отчаянно крикнул им вслед штурман.

В ответ послышались смех и крики:

— Не скучайте, сыны неба!

— Мы еще навестим вас!

— Не забудьте позавтракать!

Клим тяжело вздохнул, устало привалился к корпусу корабля и принял вытирать лицо платком: разговор с иллюзиями измотал его, точно непрерывная суточная вахта. Почувствовав легкое прикосновение к своему плечу, он вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Перед ним стояла та самая приметная девушка с удивительными изумрудными глазами.

— Вам плохо? — участливо спросила она.

— Да нет, — растерянно сказал Клим, — просто так, ничего особенного.

Она кивнула головой, видимо вполне удовлетворившись этим туманным ответом, и, повернувшись лицом к кораблю, снова задумчиво провела рукой по его корпусу.

— Я знаю все материалы, которые применяются для транспорта, — словно про себя сказала она, — я ведь долго работала в этой области. Но такого материала я не знаю.

— Это сетчатый нейтрид, — живо подсказал ей Клим, — материал, сплетенный из тончайших нитей ядерного вещества.

Девушка обернулась к нему, в ее глазах светились искорки интереса.

— Но ядерное вещество так тяжело, что сразу после возникновения пронзит корпус машины, здание, почву и погрузится до самого центра планеты, — возразила она.

— Мы готовим его во взвешенном состоянии, магнитное поле не дает ему опуститься. И, не выключая магнитного поля, плетем сетчатый нейтрид.

Девушка улыбнулась, она, несомненно, поняла объяснение. Потом ее брови снова нахмурились:

— Но ядерное вещество неустойчиво, оно должно распадаться и убивать все живое вокруг!

Клим покровительно улыбнулся:

— Верно, но мы научились делать его устойчивым. Это просто: достаточно, чтобы масса нейтрида превысила критическую, тогда он переходит в устойчивую фазу. Его очень трудно, почти невозможно разрушить.

— Критическая масса? — переспросила девушка и поисками вокруг глазами. — У вас есть на чем писать?

Клим поспешил достать блокнот и универсальный ка-

рандаш. Девушка присела, прислонившись к корпусу корабля, и начала выписывать какие-то сложные формулы. Сердце Клима забилось отчаянно! Первый раз перед ним появились математические знаки этой странной цивилизации. Овладев собой, он потребовал объяснений. Девушка смотрела на него изумленными глазами:

— Вы не знаете, что такое лимма? Но это же всем известно!

— Но мне неизвестно! — отчаянно втолковывал Клим.

— Лимма, хм, лимма — это когда вычисляется сумма, составленная из очень маленьких величин, которые совсем как нуль,— принялась объяснять девушка, неуверенно поглядывая на Клима.

— Интеграл! — восхитился Клим.— Тогда вот эта штучка и есть та самая бесконечно малая величина, по которой производится суммирование, верно?

— Верно, это дикси.

— Дифференциал!

Они заговорили, азартно перебивая друг друга, но тем не менее быстро нашли общий язык. А когда общий язык был найден, Клим отобрал у девушки карандаш и постарался объяснить, что такое критическая масса и почему нейтрид в этом состоянии устойчив.

Закончив объяснения, он внимательно посмотрел на девушку, стараясь разобраться, поняла ли она его. Девушка сидела с непривычно серьезным лицом, глядя в пространство удивленными изумрудными глазами.

Клим осторожно притронулся к ее руке. Девушка обернулась к нему, и лицо ее осветилось легкой улыбкой.

— Я поняла вас,— мягко сказала она,— но над всем этим надо хорошенько подумать.

Она заглянула в самые глаза Клима:

— Мы не знаем этого. Откуда знаете вы? Неужели и правда — вы прилетели с другой звезды?

— Конечно! — Клим, не оборачиваясь, похлопал ладонью по гулкому нейтриду.— Это гиперсветовой корабль. Он может превышать скорость света в сотни раз!

Девушка недоверчиво рассмеялась.

— Гиперсвет невозможен!

— Невозможное сегодня становится возможным завтра,— серьезно заметил Клим.

На него снова внимательно взглянули удивительные изумрудные серьезные глаза.

— Вы правы.

Девушка помолчала, а потом легко вскочила на ноги и, глядя на острый нос «Торнадо», вынырнувший в этот момент из низких облаков, сказала:

— Неужели с других звезд? — И вдруг рассмеялась.— А собственно, чего же в этом удивительного? Во вселенной бесчисленное множество обитаемых миров. Должны же встречаться их разумные обитатели? — Тут же спохватилась.— Из-за этого нейтрида я от всех отстал! — С улыбкой обернулась к Климу.— Я постараюсь, я обязательно постараюсь сделать хоть крошечку нейтрида. Только бы успеть!

— Успеете,— бодро сказал Клим,— у вас вся жизнь впереди. Да и мы постараемся вам помочь!

— Вся жизнь впереди,— тихонько повторила девушка и закинула голову к рыхлому серому небу,— вся жизнь впереди. Ведь это правда!

Она счастливо засмеялась и обернулась к Климу:

— Что ж, если вы из другого мира и вам нравится, оставайтесь с нами. У нас хорошо!

И уже на берегу помахала Климу рукой. Штурман с грустью смотрел ей вслед до тех пор, пока она не растворилась во влажной дымке и сетке дождя. Нейтрид, гиперсвет, инозвездные корабли — все это игрушки для них, не больше. «Из-за этого нейтрида я от всех отстал!» Вот максимум, на который способны эти большие, легкомысленные и добрые дети.

Клим усмехнулся, пожал плечами и устало привалился к влажному корпусу корабля. Неустанно моросил мелкий невеселый дождишко. Он теребил поникшие травинки, щекотал лицо, царапался о корабль и своим едва слышным голоском все пытался и никак не мог рассказать Климу что-то важное об этом странном мире.

Паломничество иллинов к кораблю продолжалось непрерывно, но ничего нового это не давало. Все визиты, по существу, повторяли собой первое посещение корабля, за исключением того, что ни один иллин больше не заинтересовался землянами так серьезно, как та девушка с изумрудными глазами. И все же в шутливых репликах, которыми они обменивались с космонавтами, нет-нет да и мелькали отсветы своеобразных и глубоких знаний.

Когда Клим окончательно выбился из сил, Лобов подменил его освободившимся к тому времени Крониным.

— А ты что собираешься делать? — полюбопытствовал инженер, готовясь к выходу.

Лобов кивнул головой в сторону океана:

— Надо побывать на дорогах.

— Думаешь, разгадка все-таки там?

Лобов усмехнулся:

— Если бы я знал, зачем бы нам сидеть на этой поляне?

К полудню поток иллинов уменьшился, а потом и совсем иссяк на глазах. Дежуривший в это время Кронин успел выяснить, что иллины отправились обедать и отдыхать.

— Редкое единодушие для таких легкомысленных ребят, — констатировал Кронин, входя в кают-компанию, — кстати, как дела с нашим обедом?

— Придется подождать, — Клим лежал на диване, заложив руки за голову, — я только сейчас говорил с Иваном. Ему почему-то вздумалось промерить толщину облачности.

— Толщину облачности? — удивился Кронин, усаживаясь в кресло и с наслаждением вытягивая ноги, — у нас таких измерений больше чем достаточно!

— Я и сам не знаю, что подумать. Да что гадать? Прилетит — расскажет. Ты скажи, как твоё мнение об иллинах?

— Дети, — со вздохом сказал Кронин, — большие добрые дети. Наивное любопытство, мимолетный интерес — вот и все, на что они способны. Все серьезное

и значительное им чуждо. Даже удивляться серьезно они и то не умеют! И ровно ничего не изменится, если мы даже и сумеем доказать свое инозвездное происхождение. Чего же удивительного во встрече братьев по разуму? Ведь во вселенной бесчисленное множество обитаемых миров. Вам здесь нравится? Так живите с нами!

Клим молчал, хмуря брови. Кронин повернул голову, присматриваясь к выражению его лица.

— Ты не согласен со мной?

— Как тебе сказать, на первый взгляд иллины действительно похожи на детей,— лениво согласился Клим.— И на второй, может быть, и на десятый, и на двадцатый...— Он ожесточенно почесал себе затылок и вдруг, перекинув ноги, сел на диван.— Но, черт подери, если вдуматься хорошенко, то они похожи не столько на детей, сколько на стариков!

— На стариков? — Кронин засмеялся.— Да среди наших посетителей не было ни одного старше двадцати лет!

— Я говорю не о внешнем виде,— отмахнулся штурман,— я говорю об их психическом облике. Они похожи на стариков, владевших когда-то богатейшими знаниями, а теперь впавших в наивное детство. Неужели ты не замечал, как тени былых знаний нет-нет да и мелькнут в их разговорах?

Кронин смотрел на штурмана с интересом.

— В этой идее что-то есть, Клим.

— Ты думаешь? — оживился штурман.— Я уже раздумывал над этим, и у меня сложилась такая, немного фантастическая, но тем не менее возможная картина. Разумных всегда привлекала идея вечной юности. Вспомни сказки седой старины, Фауста средневековья и неисчислимое количество геронтологов, работающих над этой проблемой в наши дни. Допустим теперь, что иллины достигли таких биологических высот, что научились возвращать себе юность. Но, возродив к новой жизни свое дряхлое тело, они оказались бессильными омолодить свою душу! И вот постепенно, век за веком планету заселили странные существа — сильные, ловкие красавцы с дряхлой, засыпающей душой. Обрати внимание, по телевидению и возле корабля мы видели только молодежь. Ни детей, ни стариков, ни даже просто пожилых людей. Ведь это же надо как-то объяснить!

Глаза Кронина лукаво сощурились:

— А может быть, у них диктатура юности? Молодежь планеты объединилась и поработила все остальные группы, превратив их в своих рабов!

— Похоже, на Илле действительно есть и рабы и диктатура,— проговорил усталый голос Лобова.

Он незаметно вошел в кают-компанию и некоторое время стоял, прислонившись к косяку двери.

— Тебе удалось узнать что-то новое? — живо спросил Клим.

— И объясни, пожалуйста, зачем тебе понадобилось промерять высоту облачности? — добавил Кронин.

— Кое-что удалось,— ответил Лобов и, пройдя вперед, опустился на диван рядом с Клином.

Для разведки Лобов выбрал глейдер: он был почти бесшумен, а опасаться нападения на этой планете не было никаких оснований, поэтому прочность машины не имела значения. Чтобы не привлекать внимания иллинов и не вызывать ненужных толков, Лобов стартовал с верхней площадки корабля, дождавшись, когда плотное облако совсем скрыло ее от земли. Пройдя немного по горизонту, Лобов нырнул под облака. До земли было метров пятьдесят, она то туманилась, скрываясь в плотном заряде дождя, то прояснялась, выступая со всеми деталями. Выскочив на ближайшую дорогу, Лобов сбросил скорость и повел глейдер к океану, внимательно глядываясь вниз. Дорога петляла, следя за естественными складками довольно пересеченного рельефа. Она напоминала застывшую омертвевшую реку. Это сходство усиливалось благодаря влажному блеску каменных плит, омытых теплым дождем.

Чем ближе к океану, тем шире и плотнее по сторонам дороги вставали живые стены деревьев и кустарников. Выбежав на берег океана, дорога расширилась, образуя небольшую площадку, и оборвалась вниз. Лобов положил глейдер на крыло, с интересом разглядывая загадочное сооружение иллинов. Обрыв был отвесным, площадка нависала над водой на высоте метров пятнадцати. Для подъема грузов место было абсолютно непригодным, зато с площадки было бы очень удобно сбрасывать что-либо вниз, в воду. Неужели Алексей прав и иллины действительно сливают здесь нечистоты?

Лобов снизился и принял кружить над самой во-

дой. Под обрывом было глубоко, но вода была так спокойна и прозрачна, что Лобов видел на дне каждый камень, ракушку и рыбешку. Никаких признаков грязи или хлама, ничего похожего на свалку. Чистое и естественное прибрежное дно океана. Нет, эти дороги не для вывоза отходов. А для чего же?

Так и не прияя ни к какому выводу, Лобов вывел глейдер из виража, забрался под самые облака и повел его на север, вдоль береговой, слабо изрезанной черты. Километра через два обрыв отступал от берега, обнажив широкую полосу песка. Этот естественный пляж был забит иллиниами. Они отдыхали и резвились на песке, плескались у берега, плавали и ныряли далеко в открытом море. Это не удивило Лобова, по телепередачам он знал, что иллины на «ты» с морем и чувствуют себя в воде как рыбы, что совершенно естественно для типичных островных жителей. Его лишь позабавило, что иллины нежатся на песке при дожде. При виде глейдера иллины не выказали ни малейшего беспокойства. Они следили за ним, запрокидывая головы, махали руками и кричали что-то веселое.

Пляж тянулся не меньше километра, а потом обрыв снова придинулся к самой воде, все гуще покрываясь деревьями и кустарником. А потом Лобов увидел другую дорогу из полированного камня, отвесно падавшую в океан. И это место он обследовал со всей тщательностью, но ничего нового не обнаружил — та же глубина и ровное чистое дно, усыпанное ракушками. Дороги ни для чего! А, впрочем, что подумал бы инопланетный житель, обнаружив на Земле пустынные древние города, тщательно охраняемые археологами?

Покружиив над обрывом и над самой водой, Лобов развернулся на обратный курс и заметил плывущего иллина, медленно, словно нехотя, приближавшегося к берегу. Лобов удивился: вдоль берега тянулся почти отвесный обрыв, выбраться наверх здесь было невозможно, да и вообще иллины не купались в таких местах, они были весьма привередливы во всем, что касалось их развлечений. Может быть, иллин нуждался в помощи?

На всякий случай Лобов снизился к самой воде и на малой скорости прошел над необычным пловцом. Иллин не поднял головы и не помахал ему приветливо рукой. Движения его были вялыми, греб он почему-то одной левой рукой. Приглядевшись, Лобов за-

метил, что иллин прижимал к себе обнаженную и, видимо, потерявшую сознание девушку. Ее совсем юное лицо, едва поднимавшееся над водой, было мертвенно-спокойным.

Мгновенно приняв решение, Лобов завалил глейдер в крутой вираж, чтобы сесть на воду рядом с иллиниами. Он успел заметить, что иллин достал пологое в этом месте дно, сделал несколько шагов и выпрямился, подняв девушку на руки. Иллина шатало от усталости, голова девушки была бессильно запрокинута, ее ноги и кисти рук касались поверхности воды. На считанные мгновения Лобов потерял из виду эту трагичную, странную пару, а когда глейдер, подрагивая от перегрузки, вывернулся на посадочный курс, девушки уже не было! Иллин стоял на прежнем месте, шатаясь и с трудом удерживая равновесие, грудь его судорожно вздымалась и опадала. Вдруг он дернулся и плашмя упал на спину, подняв столб брызг. Лобов, стиснув зубы, вел глейдер на посадку.

Как только глейдер коснулся воды, он выключил двигатель, толчком распахнул дверцу кабины, прыгнул прямо в воду, погрузившись в нее по пояс, и тяжело побежал туда, где еще расходились широкие круги. Здесь! Лобов остановился, оглядываясь вокруг. Иллина не было видно. Неужели он ошибся? Лобов прошел несколько шагов вперед, назад, вправо, влево — бесполезно! Вокруг было чистое дно.

Так и не поняв, что случилось, Лобов бросился обратно к глейдеру, вскочил в кабину, запустил двигатель, захлопнул дверцу и рывком бросил машину в воздух.

Натужно, сердито загудел двигатель, работая на полных оборотах. Набрав метров двадцать, Лобов, перекладывая глейдер с борта на борт, до боли в глазах принялся вглядываться в воду. Ничего! Но не приснились же ему иллины!

Лобов уменьшил крен машины, расширив радиус разворота, и заметил вдали группу очень крупных рыб, стремительно уходивших от берега. Снова заныл двигатель, и глейдер рывком догнал неизвестных обитателей океана. Это был добрый десяток лобастых рыбообразных созданий, метра по два длиной каждое. Одно из них,— Лобов видел это совершенно отчетливо,— тащило с собой иллина, прижимая его длинным ластом. Иллин уже не сопротивлялся. Рыбы вдруг резко виль-

нули вправо, влево, а потом круто пошли в глубину, окутываясь черным непрозрачным облаком, наподобие потревоженных осьминогов. Все дальше и дальше уходя в открытое море, Лобов полетел змейкой, надеясь снова обнаружить стаю, но все было напрасно. Когда берег стал совсем скрываться за сеткой дождя, Лобов понял, что дальнейшее преследование и поиски бесполезны. Он вспомнил о тысячах иллинов, беспечно купающихся в открытом океане, и ему стало жутко. Он потянул ручку управления на себя, дал полный газ и с гулом и свистом рвал мокре тело облаков до тех пор, пока не посветлело и над головой не вспыхнуло синеесинее, совсем земное небо и оранжевое ласковое солнце.

— Да, это нечто новое,— в своей неторопливой раздумчивой манере проговорил Кронин,— я считал решенным, что сообщество иллинов паразитирует на теле машинной цивилизации, уже давно обретшей автономность и терпящей иллинов, так сказать, по традиции. А оказывается, иллины находятся в каких-то сложных и отнюдь не дружественных отношениях с обитателями океана.

Клим поднял голову.

— Весь вопрос в том, что это было — случайное нападение или отработанная система, случайно давшая осечку,— жестко сказал он.

Кронин взглянул на штурмана с некоторой тревогой:

— Если бы иллины подвергались систематически нападениям, мы непременно заметили бы нотки тревоги и страха в их жизни. Но ведь нет ничего похожего! Иллины ведут совершенно безоблачное существование!

— А разве ты замечал нотки тревоги и страха у коров, пасущихся на лугу? — негромко спросил Лобов.

Кронин некоторое время смотрел на него, а потом с неожиданной для своего характера горячностью сказал:

— Нет! Я не могу поверить в это. Иллины что-то вроде мясного стада для океанских обитателей? Не поверю!

— Ты думаешь, твое мнение что-нибудь изменит?

— Надо идти в город,— хмуро сказал Клим,— надо в конце концов разобраться, что происходит в этом мире. И, если надо, помочь иллинам! В самом де-

ле, не бросать же на произвол судьбы этих больших детей!

Он встал с дивана.

— Я пойду в город, Иван. Пойду и узнаю все, что нужно!

— Ты слишком горяч и неосторожен, Клим. Полагаю, что самая подходящая кандидатура — это я, — вмешался Кронин.

Лобов посмотрел на одного, на другого и надолго задумался.

— Нет, — сказал он наконец, — я пойду сам.

4

Город начался незаметно: среди деревьев показалось одно здание, за ним другое, потом целая группа, и уже трудно было сказать, что это — большой городской сквер или парковый поселок. Вслед за шумной компанией иллинов Лобов вошел в ближайшее здание. На него почти не обратили внимания, в лучшем случае происходил обмен шутливыми репликами, в которых поминался космос и жизнь других миров. Присмотревшись, Лобов обнаружил, что в здании размещался спортивный клуб, по крайней мере, так сказали бы о его назначении на Земле. В клубе было людно, шумно и весело. Играли в мяч, прыгали в длину и высоту, с шестом и без шеста, с места и с разбега. Особенной популярностью пользовались прыжки на батуте. Лобов, сам неплохой спортсмен, в молчаливом восхищении долго любовался гибкими оранжевыми телами, парящими в воздухе подобно птицам.

Выходя из клуба, Лобов стал подряд заходить во все здания. Большинство из них имело развлекательное, спортивное или утилитарное назначение. Лобов не без удивления обнаружил, что иллины очень неприхотливы в своей личной жизни. Жили они в больших комнатах группами по несколько десятков человек. У каждого в личном пользовании были койка, стул, нечто вроде тумбочки и низкая скамейка. И больше ничего! Это были не жилые дома в земном смысле этого слова, а общежития-спальни.

По пути Лобову попалось несколько столовых. В одной из них, заметив иллина с умными лукавыми глаза-

ми, Лобов задержался. Столовая представляла собой зал средних размеров с редко расставленными столиками, вдоль стен этого зала тянулись ряды однотипных прилавков, внутри которых под стеклом стояли самые различные блюда и напитки. Даже на Земле во время праздников Лобов не встречал большего разнообразия! Иллин не спеша закусывал, доброжелательно поглядывая на Лобова. Лобов огляделся вокруг и с непринужденной улыбкой спросил:

— Какая разнообразная пища! Откуда она берется?

— Оттуда, откуда же и напитки! — со смехом ответил иллин, опорожняя стакан прозрачного голубоватого сока.

— А напиток откуда? — прищурился Лобов.

— Ну уж, конечно, не из спортивного зала! Из кухни.

Лобов деликатно посмеялся вместе с собеседником, а потом осторожно продолжил допрос:

— Понятно. Но ведь пищу должен кто-то готовить?

— Кухня сама все готовит, — с улыбкой сказал иллин, приглядываясь к Лобову. — А вы, наверное, звездный пришелец?

— А вы в них верите? — вопросом на вопрос ответил Лобов.

Иллин засмеялся.

— В принципе верю, но в данном случае нет. Уж очень вы похожи на иллина.

— Да, тут ничего не поделаешь.

Иллин оценил шутку, теперь он смотрел на Лобова с симпатией и интересом.

— А зачем что-то делать? Пусть все остается как есть!

— Согласен. Итак, кухня работает автоматически. Это понятно. Но ведь кухне нужны продукты, откуда они берутся?

— А откуда берутся воздух, вода и свет? — засмеялся иллин. — Они есть, вот что важно. Но уж если вам очень интересно, я скажу — продукты привозят из океана. Ночью, когда мы спим.

— Кто привозит? — быстро спросил Лобов.

Иллин от души рассмеялся. Весь вид его говорил — ну кто же не знает таких всем известных вещей?

— И продукты привозят по тем дорогам, что обрываются в океан? — спросил Лобов, надеясь, что это подтолкнет иллина к ответу.

Но произошло нечто удивительное. Доброжелательная, несколько снисходительная улыбка сползла с лица иллина. Некоторое время он серьезно разглядывал Лобова, пробегая взглядом с головы до ног, а потом поднялся на ноги. Он был высок, на голову выше Лобова.

— Да,— сказал он, и странная, чуть смущенная, чуть удивленная улыбка тронула его губы,— теперь я верю, что вы звездный пришелец.

И, не прибавив ни слова в объяснение, иллин повернулся и неторопливо вышел из столовой, высоко неся крупную голову.

Ошарашенный таким оборотом мирного разговора, Лобов проводил его растерянным взглядом, а потом опустился на стул и потер лоб, стараясь привести в порядок мысли. Итак, на дороги, ведущие к океану, наложено табу. О них нельзя упоминать! Объяснение может быть лишь одно — дороги связаны с чем-то неприятным, может быть, страшным в жизни иллинов. Не любят же нормальные люди вспоминать конфузные случаи своей жизни, говорить о грязи, думать о покойниках и неизбежности смерти. Дороги, по которым ничего нельзя привезти, а можно только вывезти. Не по этим ли дорогам иллины платят свою страшную дань в обмен на беспечную дневную жизнь?

Лобов тяжело поднялся со стула и вышел из столовой на свежий воздух. Дождь перестал, смеркалось, где-то за облаками солнце уходило за горизонт. Влажная дымка размывала контуры зданий и деревьев. Близилась ночь. Элои и морлоки! Именно по ассоциации с уэлловским романом Лобов там, в кают-компании, высказал мысль о стадах иллинов. Высказал несерьезно, под влиянием минутного раздражения и усталости. Но может ли такое быть на самом деле? Чтобы одни разумные прямо пожирали других, пусть бывших разумных? Нет, такому кошмару не должно быть места во вселенной!

— Алексей! — окликнул Лобов Кронина, страховавшего его выход в город.

— Слушаю. Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил инженер.

— Все в порядке. Выведи меня на ближайшую дорогу. Я пройду к океану.

— Не поздно ли? Уже темнеет,— предупредил осторожный Кронин.

— Это хорошо, что темнеет,— рассеянно сказал Лобов и, не отвечая на реплику инженера, добавил: — Будь в готовности, Клим пусть дежурит в узикоде. Могут быть неожиданности.

— Понял,— после паузы ответил Кронин,— даю пеленг.

По пеленгу, данному инженером, лавируя между домами и клумбами, Лобов напрямик пошел к ближайшей дороге. Да-да, думал он, ничто в мире не делается просто так. Если некто заинтересован в существовании иллинов настолько, что удовлетворяет буквально все их прихоти, то и иллины непременно должны платить какую-то дань. Но разве обязательно дань должна быть такой страшной?

Темнело прямо на глазах. Дорога, выложенная полированными плитами камня, блестела как мертвая, застывшая река. «У-ум! У-ум!» — пугливо гудел пушистый трехглазый зверек типи. Трава по обочинам дороги была украшена разноцветными огоньками цветов. Столько их! И совсем крохотные, как искры, даже цвета не разглядишь — огонек и огонек, был и нет его, вспыхнул и пропал. И огоньки побольше — белые, розовые, зеленые и голубые. Они мерцали, вздрагивали и были так похожи на настоящие звезды, что на них нельзя было долго смотреть: начинала кружиться голова, а в сознание закрадывалось невольное сомнение — где же небо, вверху или внизу? Сама толща воздуха между искрящейся землей и черными облаками была заполнена редкими блуждающими огоньками — это вылетали на ночной праздник насекомые и крохотные птички, величиной с наперсток.

Вдруг сверху пахнуло теплым воздухом, раздался ржавый скрип. Лобов прыгнул в сторону, под невысокое дерево и схватился за пистолет. Над его головой, совсем низко кружила большая ночная птица, ее большие глаза то вспыхивали рубиновыми фонариками, то гасли. Лобов знал, что птица для человека не опасна, и все-таки ее настойчивость и ржавый крик были жутковаты. Словно соглядатай неведомых хозяев, птица кружила, рассматривая Лобова, а потом поднялась выше и медленно, бесшумно полетела вдоль дороги к океану.

— Смотри, крина,— вдруг послышался впереди негромкий мужской голос.

— Да, вестница счастья,— подтвердила девушка. Лобов перестал дышать, напряженно вглядываясь в

темноту. Голос девушки показался ей знакомым. К дороге медленно приближались темные фигуры.

— Смотри, дорога словно река,— с восторгом сказала девушка, глядя на полированные плиты, в которых отражались плавающие в воздухе светляки,— даже страшно ступить на нее, того и гляди замочишь ноги.

— Она каменная,— успокоил ее мужчина.

Девушка засмеялась, сделала шаг, другой и тонким черным силуэтом замерла посреди полированной глади.

— И правда, каменная, совсем сухая. Иди же сюда!

К тонкому силуэту присоединился другой, крепкий, надежный и высокий.

— Пойдем,— деловито сказала девушка,— тут уже близко.

Держась на почтительном расстоянии, Лобов двинулся вслед за иллиниами к океану. Сердце его было учащенно, он интуитивно чувствовал, что каждый шаг приближает его к разгадке тайны этой странной планеты. Планеты тепла, дождей и туманов, планеты бездумного веселья и неосознанных трагедий.

— Где ты пропадала целый день? Я нигде не мог тебя найти,— спросил мужчина.

Девушка тихонько засмеялась:

— Работала.

Мужчина даже приостановился от удивления:

— Работала?

Девушка опять засмеялась, в ее смехе слышалось удовлетворение и даже гордость.

— Я делала нейтрид, тот самый материал, из которого сделан корабль пришельцев. Делала на бумаге, с помощью слов и формул.

Теперь Лобов узнал ее. Это была та самая девушка с удивительными изумрудными глазами, которая долго говорила с Клином о нейтриде.

— И тебе удалось? — с интересом спросил мужчина.

— Да. Ты же знаешь, как это бывает. В те часы я могла все, что угодно. Я была сильной, как целый мир! — Девушка опять засмеялась.— Я исписала целую тетрадь, подумала — теперь у нас будет нейтрид, и уснула. Проснулась, когда уже наступали сумерки.

— А я тебя так ждал,— с легким упреком заметил мужчина.

Лобов узнал и его. Это был тот самый, высокий, который предводительствовал группой иллинов, первой посетившей корабль.

— Так я же пришла!

— Пришла!

Дорогу все тесней обступали деревья и кустарник, слышались тяжелые вздохи дремлющего океана. Некоторые деревья были украшены яркими фонариками цветов. При этом сказочном, карнавальном свете Лобов легко различал ногти на своих пальцах. Кое-где над кустарником роилась огненная пыль какой-то мелкой мошки.

— Сложно сделать твой нейтрид? — спросил мужчина.

— Молчи! Я не хочу больше слышать про нейтрид. Он в прошлом. Я не хочу думать ни о чем, кроме тебя.

Мужчина засмеялся.

— Ты думаешь, я думаю о нейтриде? Просто я хотел сделать тебе приятное.

Дорога сделала один кругой поворот, потом другой. Пахнуло свежим и острым запахом океана, шум волн стал слышнее. Еще поворот — и Лобов замер на полусладе.

Прямо на обрыве, под которым внизу плескалась невидимая вода, росло деревце, густо покрытое яркими пурпурными цветами. Возле него, тесно обнявшись, стояли иллины. Они были шагах в четырех, совсем рядом. Лобов даже удивился, как они не услышали звука его шагов. Иллины стояли неподвижно, словно внимали голосам, неслышимым для Лобова. Потом девушка осторожно отстранилась от своего спутника, привстала на цыпочки и сорвала с дерева цветок. Он будто вскрикнул — вспыхнул ярко-ярко изменившимся бледно-розовым пламенем, осветив край черного обрыва, узловатые, уродливо скрюченные ветви деревца с бархатной листвой и строгие одухотворенные лица иллинов. Девушка полюбовалась цветком и легким движением руки бросила его в воду. Он взлетел вверх, а потом стал плавно опускаться в темноту и скоро скрылся за обрывом. Широкие лепестки, точно парашют, тормозили его падение.

Девушка повернулась к мужчине:

— Здесь ведь невысоко, правда?

— Да, как на вышке, — согласился мужчина, голос его дрогнул от волнения.

— Так чего же мы ждем?

Девушка притронулась к плечу мужчины и, сделав

два быстрых шага, остановилась на самом краю обрыва.

Лобов сделал было движение вперед, но, стиснув зубы, заставил себя стоять на месте. Он чувствовал, что должно произойти что-то непоправимое, но он не знал что! Да и имел ли он право вмешиваться?

— Я иду! — звонко сказала девушка.

И прыгнула вперед и вверх. У Лобова перехватило дыхание. Он никогда бы не поверил, что тело антропоида, натянутое как тугой лук, способно взмыть вверх метра на три, на высоту двухэтажного дома! И сразу же прямо со своего места, не подходя к обрыву, прыгнул и мужчина. Его прыжок был еще мощнее. Два гибких сильных тела, казавшихся пурпурными при свете цветов, встретились в самой верхней точке полета, сплелись в объятии, зависли в воздухе, словно нарушая законы тяготения, а потом посыпались, повалились вниз. Ночь отсчитала долгие весомые мгновения, раздался громкий всплеск воды, и наступила тишина, только трехглазый зверек типи гудел пугливо и тревожно.

Лобов перевел дыхание и вытер лоб тыльной стороной руки.

— Да,— проговорил он почти без выражения.

В то же самое мгновение, уловив боковым зрением какое-то движение неподалеку, он подобрался и выхватил лучевой пистолет.

— Держу на прицеле,— послышался в пикофонах торопливый доклад Кронина.

— Спокойно, не торопись,— тихо сказал Лобов, озабоченно вглядываясь в чудище, вдруг возникшее перед ним.

Это была неуклюжая человекообразная фигура с металлическим туловищем, круглой головой, утопленной в могучие плечи, и длинными руками-сочленениями. «Робот,— мелькнула мысль,— все-таки робот! Но кто это, хозяин или слуга океанских жителей?»

— Не бойтесь,— сказал робот по-иблийски,— я не причиню вам вреда.

— Это не так просто — причинить мне вред,— сказал Лобов, пряча пистолет.

Он уже был спокоен, в любое мгновение гравитационный импульс, посланный Крониным, мог превратить это чудище в пыль.

— Знаю,— ответил робот,— вы обогатили наш мир на века.

Он помолчал и спросил строго:

— Зачем вы здесь?

— Мы прибыли на Иллу как друзья,— дипломатично ответил Лобов, разглядывая своего удивительного собеседника.

— Я спрашиваю не о том. Обрыв — священное место. Здесь никто не бывает, кроме иллинов, час которых пробил. Зачем вы здесь?

Лобов молчал, собираясь с мыслями. Вот как, священное место! Место, где иллины, час которых пробил, бросаются в море. И ведь похоже, что они делают это добровольно! Может, это своеобразный акт протеста, вроде самосожжения земных буддистов? Может быть, религиозный культ, в основе которого — однообразие легкой жизни? А может быть, жертва по жребию, которую нельзя не принести?

— А вы зачем здесь? — ответил Лобов вопросом на вопрос.

— Я на посту. Я охраняю своих детей и родителей.

— Каких детей? — не понял Лобов.

— Разве вы не знаете, что иллины наши дети? — с ноткой любопытства спросил робот.

У Лобова в голове был сплошной туман и каша.

— Так,— сказал он вслух для того, чтобы сказать что-нибудь,— иллины — ваши дети. А родители?

— Они наши дети и наши родители. Наше прошлое и будущее. Наше счастье и наша смерть.

Кроется ли какой-нибудь смысл за этими туманными фразами, полными неразрешимых противоречий? Или это религиозные формулы, которыми прикрывается отвратительная нагота смерти? Да, люди много веков прикрывали жестокость мертвым саваном религиозных формул.

— Я вижу, вы не понимаете меня. Мы догадались, вы одностадийны.

Лобов поднял на робота удивленный взгляд.

— Да, одностадийны,— повторил робот,— вы человек. Вы родились человеком и умрете человеком. А я атер, но умру я иллином.

Лобов смотрел на псевдоробота в немом изумлении.

— Я атер,— продолжал робот,— я живу в океане. Воздух для меня смертелен, как для вас пустота.

Сейчас меня защищает скафандр. Уже пятьдесят два года я живу в океане. Я строю машины, которые на мелях океана возделывают почву, сеют и собирают урожай. Я люблю свою работу, люблю движение и поиск мысли, радость творчества. Но мне мало этого, меня тревожит и зовет будущее. Во сне я часто вижу небо, зеленую траву и огни цветов, всем телом ощущаю ветер, дождь и воздушную легкость бега. Я вижу себя иллином.— Атер недолго замолчал. Лобов ждал, таив дыхание, пелена непонимания медленно спадала с его глаз.

— Однажды я усну и не проснусь,— продолжал атер негромко,— сон будет продолжаться целый год, тело мое оцепенеет и станет твердым как камень. Товарищи отнесут и положат меня у берега одного из островов. А когда минет год, твердая оболочка лопнет, я всплыну на поверхность океана уже иллином и полной грудью вдохну воздух!

Да-да! Нет ни жалких злодеев, ни чудовищных морлоков, нет ни холодной машинной цивилизации, ни ее выродившихся, беспомощных породителей! Зато есть могучее мудрое племя атеров-иллинов, двустадийных животных. Как все земные насекомые, как бабочки, они переживают личиночную стадию атеров и стадию зрелости — имаго!

— Большое счастье быть иллином, человек,— продолжал атер,— они не знают забот, они всегда веселы, они счастливы, как сама жизнь. Иногда иллина озаряет вдохновение, которого не знают атеры, и он за несколько дней и часов делает то, на что атеру не хватает целой жизни. И только иллины знают, что такое любовь, только они познают радость слияния и продолжают наш род. Но иллины живут недолго, совсем недолго — не больше тридцати семи дней. Ты видел, человек, как с этого обрыва взлетели в небо и упали в воду юноша и девушка? Это любовь. И смерть. Они будут жить в воде до тех пор, пока не взойдет солнце. А потом умрут, дав жизнь новым атерам-иллиnam. Иногда, очень редко, иллин переживает свою подругу. Он теряет память, теряет силы, но до последнего биения сердца старается ее спасти. Ты видел эту картину, человек, и подумал плохое о нашем мире. Но это просто несчастье, а несчастье приходит, не спрашивая на то позволения.

Атер замолчал, глядя на Лобова.

— Теперь ты знаешь все,— тихо сказал он,— и я

опять спрашиваю тебя: зачем ты здесь, в этом месте? Не причинишь ли ты вреда влюбленным, которые по праву приходят сюда и уже ничего не видят вокруг, кроме самих себя?

— Никогда! — ответил потрясенный Лобов.— Верь мне, никогда!

— Тихо! — сказал атер.

И железный рукой уволовок Лобова в светящийся кустарник. Прошли недолгие секунды, и из-за поворота дороги показались иллины — юноша и девушка, отец и мать племени атеров-иллинов. Обнявшись, они остановились на краю обрыва.

— Океан! — сказал юноша, вглядываясь в даль.— Ничего нет лучше океана, правда?

Девушка тихонько засмеялась.

— Смотри,— сказала она,— вода совсем близко.

Над головами влюбленных бесшумно пролетела крина, птица, приносящая счастье. Ее рубиновые мигающие глаза холодно рассматривали странный мир, лежащий внизу. Мир темноты, блуждающих огней, счастья и смерти.

**Юрий
Глазков.** Адаптивная жена. Рассказ

Женился Лассар по любви. Было тогда время, когда на Земле повсеместно царило это прекрасное чувство, наивно считавшееся в ту пору вечным и навсегда потерянное потом. Поначалу все шло прекрасно — молодость, влюбленность, очарование Люсси. Вечерние прогулки, сплетенные воедино руки, свет Луны, серебряное озеро в ее белых лучах, прохлада воды, упругие мокрые губы и ни с чем не сравнимые прикосновения к черной, упрямо торчащей копне волос. Лассар тоже не оставался в долгу, пробуждая Люсси нежным поцелуем, а потом он уносил ее в ванную и держал на вытянутых руках под струями теплой воды. Люсси фыркала, болтала ногами, вскрикивала, но, в общем, обожала эту процедуру и затихала в объятиях, обивая его мощную шею своими тонкими руками. Люсси была хрупкой, легкой, и Лассар любил носить ее на руках, упиваясь своей силой, демонстрируя свою силу. Все было прекрасно, и жизнь представлялась чистым небом, на котором не намечалось даже легкого облачка. Но они все-таки появились, сгущаясь во все более грозные тучи, а потом начались ливни, шквалы и настоящие бури...

Через пять лет Люсси отказалась от вечерних прогулок, через семь — от утреннего омовения, а через восемь лет такие попытки пресекались раздражительными жестами, в которых смешивалось искреннее удивление, недовольство и необъяснимое пренебрежение. Лассар мучительно искал причину и не находил ее, он еще любил Люсси. Но со временем

ему стало казаться, что она нарочно делала все на-оборот, назло его желаниям и мыслям, что она специально старается вызвать в нем постоянную досаду и злость. Каждое ее решение, действие, просьба приводили его в уныние, а иногда в безрассудное бешенство. Замок теперь уже бывшего счастья рушился под настойчивыми ударами взаимного недопонимания, сначала вроде бы случайного и неглубокого, а потом постоянного и принципиального. Будучи от природы человеком рассудительным, Лассар сопоставлял факты, наблюдал, делал выводы и прогнозы. Вскоре он понял, что так больше продолжаться не может, и записался на работы в бригаду пополнения геологоразведочной экспедиции на планете звезды Зета. Звезда была далеко, экспедиция пополнялась редко, новости на Землю о ее работе были крайне скучными... Все это устраивало Лассара, готового улететь хоть на край света.

Люсси отреагировала по-своему.

— Отдохни, да и я тоже устала,— коротко напутствовала она мужа.

До звезды Зета долетели благополучно. Правда, Лассара насторожили разговоры завербованных.

— Все там хорошо, но почему-то многие уходят из жизни по своей воле, сильные, крепкие духом мужчины накладывают на себя руки,— говорил один из них,— я так слышал. А заработки там будь здоров!

Поговорили, поговорили, да и забыли. У каждого были свои заботы.

На планете Лассар вкалывал, что называется, от души, каждодневно выветривая под ураганами планеты земные проблемы и обиды, и вскоре они вообще как-то стерлись и стали просто неприятным воспоминанием. Тем более что появилась Мелисэтта. Она появилась неожиданно. Лассар трудился в своем забое, как вдруг понял, что кто-то работает возле него, чья-то кирка взлетает и опускается рядом. Он поднял глаза и увидел ее, Мелисэтту. Она усердно взрыхляла почву и извлекала из нее красные рубины и зеленые изумруды. После работы она взяла его за руку, и вместо барака он очутился в приятном, уютном доме Мелисэтты. Жизнь стала совсем иной.

Обычно Мелисэтта работала молча, а дома давала волю красноречию, словно наверстывая упущенное. Сте-

ны наполнялись щебетанием и переливами мелодичного голоса. На пятый день у Лассара невольно промелькнула тревожная мысль: «Да помолчала б ты хоть чуть-чуть!»

Мелисетта захлебнулась на полуслове, остановив словесный поток, и продолжала кухонную работу молча. И, пока он не заговорил с ней, она молчала, кротко поглядывая в его сторону.

«Наверное, обиделась,— решил Лассар,— но я же ничего ей не сказал. Ладно, потом разберемся. Во всяком случае, это хорошо, что жена умеет помолчать, и притом вовремя».

Шли дни, месяцы. Жизнь текла своим чередом. Както, обняв Мелисетту, Лассар огорчился, что талия чуть велика.

«Надо бы похудеть, хотя бы вот так»,— подумал он и крепче сжал талию Мелисетты руками. Ослабив объятия, Лассар с удивлением отметил, что талия осталась точно такой, какой он представил, когда с силой обхватил ее руками. Мелисетта похорошела прямо на глазах.

«Красавица,— похвалил ее про себя он,—стройная, милая, ну прямо прелесть, наконец-то нашел, кого искал».

Лето на планете сменилось осенью, пришло время охоты, надо было запасаться на зиму. Морозы на планете стояли лютые, с сильным ветром и большим снегом, жители зимой отсиживались по домам.

«Одному опасно и тяжело, помощника бы. Вот если б Мелисетта умела хотя бы стрелять, и то бы было легче»,— размышлял он.

Утром Лассар подскочил как ужаленный. Где-то рядом с домом грохотали выстрелы. Он схватил винтовку, выпрыгнул в окно и змеей пополз на выстрелы. Удивлению его не было предела — Мелисетта стреляла по жестяным банкам. Продырявленные банки слетали с бревна одна за другой, Мелисетта тщательно прицеливалась и плавно нажимала на спусковой крючок. Последняя банка покатилась под откос, гремя по камням. Ни одного промаха!

— Браво, Мелисетта! — крикнул он.

«Метров со ста стреляла, не менее, ну и молодец женщина»,— оценил ее работу Лассар.

В лес он шел без страха, рядом шагала Мелисетта. Охота была удачной. Зверь, похожий на земного оленя, не сумел избежать пули и теперь лежал, уставившись в небо неподвижными глазами.

«Хорош зверюга,— поглаживая красивую шерсть, рассуждал Лассар,— но как же теперь эту гору мяса дотащить, ведь на себе придется, и шкура бы пригодилась, а она тоже кое-что весит».

Он ловко снял шкуру и теперь рубил тушу. Мелисетта сидела поодаль и с любопытством приглядывалась к его работе. Топор взлетел последний раз, Лассар вытер вспотевший лоб.

Распихивая куски мяса по рюкзакам, Лассар вновь и вновь представлял себе путь домой, лежащий через лесные чащобы.

«Мелисетта не в счет,— мрачно думал он, глядя на ее изящную фигуру,— похудела, как говорится, что надо, а вот для перетаскивания грузов она теперь, конечно, слабовата».

Рюкзак Лассара был набит до отказа, рюкзак Мелисетты он наполнил только на треть, жалея ее худенькие плечи.

— В путь, Мелисетта,— призвал Лассар, берясь за лямки огромного рюкзака.

Но ее тонкие руки решительно отстранили его широкую ладонь. Тяжелый рюкзак легко взлетел на узкие плечи Мелисетты, за ним шкура зверя, винтовки... Перед Лассаром остался один тощий рюкзак, предназначавшийся для Мелисетты. Он вяло попробовал протестовать, но увидел лишь огромный горб, удаляющийся в чащу леса.

«Ладно, устанет — сменю рюкзаки»,— решил он и, торопливо поправляя лямки легкого рюкзака, поспешил вслед, ныряя в лесной тоннель.

Путь преодолели неожиданно легко и быстро, Лассар, словно по коридору, шел за Мелисеттой, «вгрызающейся» в сплетение ветвей и кустов. У дома Мелисетта помогла Лассару снять рюкзак, потом скинула с себя громоздкую поклажу и принялась за мясо. Лассар дотащился до кровати, рухнул, как подбитая стрелой птица, и, уже засыпая, успел подумать: «Идеальная жена, не то, что та, земная».

Ему снилась разгневанная Люсси, ее рассерженные глаза и искаженные возмущением губы, извергающие очередные обвинительные слова. Лицо Люсси прибли-

жалось, уже рядом был огромный рот с блестящими ровными зубами... Лассар, обливаясь холодным потом, открыл глаза и медленно освобождался от этого кошмара. Из кухни слышались размеженные удары.

«Мясо рубит», — умиротворенно подумал он и, успокоившись, снова погрузился в глубокий сон, удивляясь нынешнему благополучию и радости.

Проснувшись окончательно, Лассар изумился и обрадовался с новой силой: на столе дымились его любимые блюда, интригующие запахи соусов щекотали ноздри и воображение, а посреди уютной гостиной, украшая ее, лежала шкура убитого зверя. Мелисетта сидела за столом и напевала славную песню его молодости: «Я просыпаюсь лишь для того, чтобы увидеть тебя, а если мои глаза не откроются, то я найду тебя своими губами».

«Наверное, во сне напевал или приснилась молодость», — подумал Лассар, с хрустом потянулся и выпрыгнул из кровати.

Умываясь в ванной, Лассар сквозь шум воды прислушивался к пению Мелисетты, голос наполнял сознание и сердце. Он поцеловал Мелисетту и сел за стол.

— В дополнение к тому, что я вижу тебя, — пошутил он под впечатлением песни Мелисетты и принялся за ужин.

Лассар проглатывал куски теплого, сочного мяса, нежно поглядывая на Мелисетту, та, улыбаясь, подкладывала и подливала, а изредка и поглаживала маленькой ладонью его непослушную шевелюру. Вечер удался на славу... Лассар и Мелисетта кружились в танце босиком на мягкой шкуре убитого ими же зверя, Лассар легко поднимал ее на руки, на что она отвечала тем же, еще более легко отрывая Лассара от пола и кружка его на своих сильных руках. Это ему не очень нравилось, но... он вспоминал сердитое лицо земной жены, и все мелочи жизни под лучами звезды Зета отлетали прочь...

Мелисетта была идеальной женой, буквально предугадывающей все его мысли и желания. Земная жена казалась ему досадным недоразумением. Лассар чувствовал, что он по-настоящему счастлив. Так и текла его счастливая жизнь на чужой планете, ласково и по-доб-

рому приютившей его. Все, о чем он думал, все, что он хотел, мгновенно переходило из мира фантазии, иллюзий и мечты в мир реальной действительности. Все спорилось в его руках, но спорилось слишком легко, без напряжения, без усилий, без особого труда. Сначала Лассар любовался собой, радовался своим успехам, своей ловкости и силе, а потом стал тосковать по суровой жизни на родной планете. Мысли его все чаще обращались к желтой звезде — Солнцу, планете Земля.

Как-то ему приснился земной сон. Он вернулся на Землю и пытался вспомнить Мелисетту. И не мог, ничего у него не выходило. Она представлялась ему в разных обличьях, она принимала различные цвета, она была одновременно бесформенная и обладала массой всевозможных форм, она была непостоянной, временной, амебообразной. А рядом стояла и смеялась земная жена. Во сне он видел ее черные волосы, огромные голубые глаза, слышал низкий бархатный голос. Лассар тянулся к ней, просил спасти его, он бормотал, метался, произносил имена то Люсси, то Мелисетты, их лица перемешались в его воображении, в шепоте, в сонных желаниях. Мелисетта превратилась в радужную каплю и исчезла, осталась Люсси. Лассар проснулся и уставился в потолок. Темнота почти не успокаивала его, сердце щемило от воспоминаний и тоски. Рядом слышалось ровное, спокойное дыхание Мелисетты, но Лассар уже давно чувствовал и понимал, что она не спит, а караулит его, чтобы предугадать его желания, мысли, просьбы, украдь и воплотить его тайные мечты. Он встал, зажег свет и застыл от изумления... Перед ним была его земная жена — голубые, широко распахнутые глаза, черные, рассыпавшиеся веером волосы... Мелисетта в образе Люсси. Она лежала и улыбалась от счастья принести Лассару очередную радость, воплотив его сон в реальность, повторив его мысли. Глаза Мелисетты-Люсси светились любовью и беспредельной, нечеловеческой преданностью.

Лассар взвыл от ярости и отчаяния. Ему вдруг стали противны постоянные изменения талии, роста, рук, ног, зависимость всей Мелисетты от его мимолетных мыслей и желаний, ему надоели предугадывания и предупреждения его действий. Он боялся думать, боялся спать, чтобы не обнажать свое сокровенное, тайное, свое и только свое. Его угнетало неуходящее чувство, что

его подкарауливают, что за ним подсматривают и подслушивают каждую секунду... и всему виной — она, Мелисетта, его идеальная жена. Он стал бояться своих мыслей, но все-таки эта мысль пришла.

«Чтоб ты... исчезла», — со злостью подумал он.
Мелисетты не стало.

Суд аборигенов был коротким. Лассара обвинили в «непреднамеренном убийстве Мелисетты посредством самоубийства последней, вызванного его желанием». Суть дела была для присяжных ясна, все повторялось далеко не в первый раз.

Приговор был вынесен единогласно, и его тут же привели в исполнение...

Мелисетта появилась вновь. Она как ни в чем не бывало отвела его домой, в гостиную со шкурой убитого ими зверя.

С тех пор жизнь Лассара стала действительно адом. Жить с человеком, которого ты убил, было просто невозможно, он не мог отделаться от чувства, что живет с копией прежней Мелисетты. Лассар подолгу не возвращался домой, бродил по округе. Однажды он нашел кладбище землян и зачастил туда. Медленно обходил ряды могил.

«Джон Смит — застрелился 12.07.2150 г.»

«Дик Бак — ушел от нас 15.09.2155 г.

Прими, господи, душу самоубийцы»

«Крон Буд — отравился...»

Лассар жил на грани безумия. Он понял эту сладко-страшную планету, смысл тонкой хитрости аборигенов, он понял, почему ни один из землян не «пустил корни» на этой планете, сумевшей сохранить самостоятельность в течение многих сотен лет без войн, без оружия, без разрушений городов.

Спас его грузовой корабль, залетевший на планету совершенно неожиданно. Лассар тайно пробрался в его отсеки и лишь на полпути показался команде, рассказав все. Его жалели и удивлялись странной истории. Капитан сообщил на Землю о случайном пассажире.

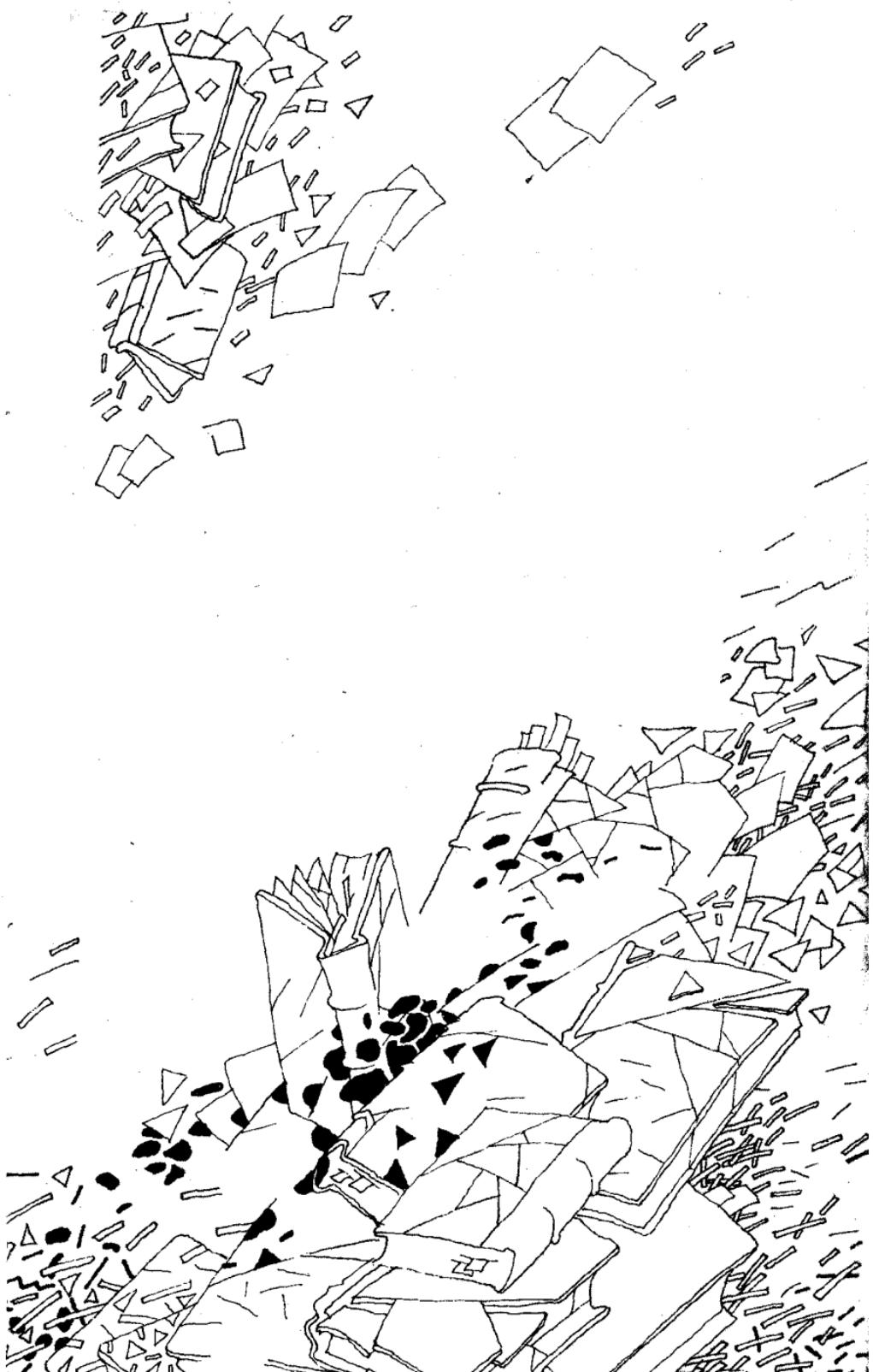
На космодроме Лассара ждала Люсси.

— Наконец-то образумился, ну уж теперь я за тебя возьмусь, космический путешественник,— встретила она его, уперев руки в бока.

Лассар с удовольствием слушал возмущенно-крикливый голос жены, он был счастлив и, как ему казалось, на сей раз вполне.

**Виталий
Пищенко. Равные возможности. Рассказ**

И чего этим пришельцам надо? Какую книгу ни открай — все про них, все про них... То они ученому мировое открытие сделать мешают, то на спортивной арене каверзу какую учинят, то библиотеку научной фантастики разорят... Так и суют всюду свой нос, так и суют!

Думаете, фантастика, мол, это все небылицы? Я тоже так думал, пока сам в переплет не попал.

В день открытия осенней охоты все случилось. Мы, как всегда, на озера Кудряшевские втроем поехали. Добрались хорошо, затемно еще, утром постреливать начали. Чуть где шлепнет по воде, мы туда: «Бах! Бах!» Авось она родная — крякуша или, на худой конец, чирок. Потом небо посветлело, ветерок потянул. Самое время уткам лететь, а их нет и нет. То ли канонада наша их распугала, то ли из яиц они в этом году так и не вылупились. Не летят, хоть умри! Часов после двенадцати мы с Серегой тренировку устроили. Он пару бутылок пустых из багажника достал, постреляли малость... Николай — тот в березовый лесок подался,— у него бутылку бить рука не поднимается. Верите, всего-то минут двадцать ходил, а принес двух сорок и дятла!

Вечерком тушенку на костре разогрели, Сергей еще разок в багажник слазил, освободили пару-тройку «мишеней» от

содержимого... Приятели мои быстро уснули. В это время пришелец и появился. Не знаю, телепатический он со мной контакт установил или еще как... Только что это пришелец, я сразу догадался, потому как зеленоватый он какой-то был, светился изнутри, и ушер у него имелось почему-то шесть штук, не меньше. Посмотрел он на меня и вежливо так спрашивает:

— Простите,— говорит,— если вас не затруднит, будьте так любезны, объясните мне, пожалуйста, цель вашего пребывания в этом месте.

— Пожалуйста,— отвечаю, а сам слова стараюсь подбирать, чтобы контакт первый не омрачить ничем.— Мы с друзьями,— говорю,— выехали поохотиться на уток и прочую водоплавающую дичь.

— Поохотиться? — вижу, пришелец понять меня хочет, а разума ему не хватает.— Это значит убить? Вероятно, с целью образования запасов пищевых продуктов?

— Ну, что вы,— улыбаюсь,— какой с чирка продукт! Мяса с кулачок, да и то так дробью начинено, что им только крыс травить. А вот этих птиц,— на сорок и дятла показываю,— и вовсе не едят. Охота,— объясняю ему,— это чисто спортивное мероприятие, благородное, можно сказать, развлечение.

— Спортивное? — переспрашивает пришелец.— Но ведь спорт, насколько я понимаю, подразумевает наличие равных условий для обеих сторон?

— Конечно! — говорю.— Утка имеет возможность улететь, я — возможность в нее попасть. Мы оба в абсолютно равных условиях!

Силится пришелец до конца во всем разобраться и не может. Губы покусывает, на «тулку» мою косится. Потом осторожно так спрашивает:

— Извините, но если я не ошибаюсь, скорость полета утки не превышает 70 километров в час, в то время как скорость, с которой вылетает заряд из дула вашего оружия...

— Ах, вот что вас так смущает,— говорю.— Вы просто забыли, что реакция у утки значительно быстрее, чем у меня! Кроме того, все ее чувства обострены характерной атмосферой спортивного соревнования. Так что, возможности у нас самые что ни на есть равные!

И тут меня понесло!

— Корни спортивной охоты,— говорю,— берут начало в глубокой древности. И всегда охотник представлял добыче свой шанс. Это главный и неизменный закон всех настоящих охотников Земли! Такой шанс имеет любой заяц, любой лось, как в свое время имел его каждый саблезубый тигр, каждый мамонт!

— Мамонт? Это такое хоботное? — говорит пришелец.— Но ведь они, кажется, вымерли?

— Да,— говорю с грустью,— они очень плохо использовали свой шанс. И вы даже не представляете, какая это потеря для всех охотников планеты! Что может быть чище и возвышеннее охоты на мамонта?! Вы посмотрите, что сейчас творится! Медведи в «Красную книгу» записались, волки из разряда хищников переведены в число «санитаров природы». Эх! — Рассказываю я все это, а сам расчувствовался, чуть не плачу.

Смотрю, и пришельца проняло.

— Я,— говорит,— очень рад, что могу утешить вас в вашем горе. Пускай мне будет объявлено взыскание за нарушение правил поведения на чужой планете, но я сделаю все, чтобы вы приняли участие в охоте на мамонта!

И сделал...

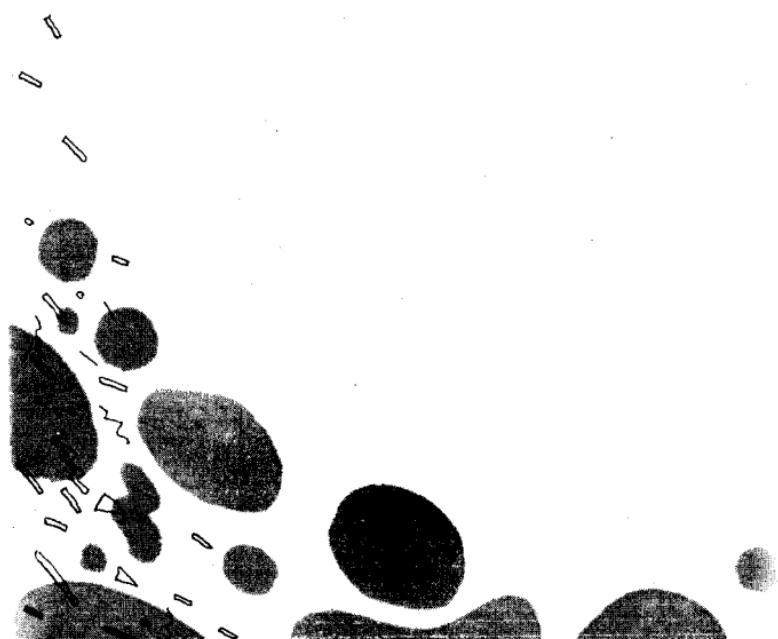
Стую я одетый в плохо выделанную шкуру, в руке у меня вместо верной «тулки» сучковатая дубина, а прямо передо мною — Он. Мамонт. Огромный, размером с автобус, ушами хлопает, изо рта слоновая кость торчит, а глаза!.. Я такой взгляд только раз в жизни видел — когда меня в трамвае контролер без билета поймал.

В общем, как я на вершине скалы очутился, сам не знаю. А Он не уходит, внизу топчется. Урчит что-то, хрюкает, на хоботе подтянуться пытается. И что ему от меня нужно? Помню, в школе рассказывали, что они тра-войдными были...

Потом отошел он немного, растительность поедать стал, но в мою сторону то и дело поглядывает. А я си-

жу... Холодно, дождь моросит. Шкура моя набедренная намокла, липкой стала, противной... Недалеко еще одна скала, под ней пещерка узкая, уютная, на нору похожая. Оттуда-то ему меня не достать! Добежать бы, спрятаться... А боязно, вдруг не добегу! Возможности-то у нас с ним равные...

**Юрий
Харламов.** Королевский экземпляр. Фантастические сказки

Королевский экземпляр

Это случилось в Книжном царстве, где все приближенные Книжного короля были заядлыми книголюбами, и сам король не мыслил дня, чтобы не поставить на полку новую, красиво изданную книгу. Да-да, именно красиво изданную, потому что книги там ценились не по тому, что в них написано, а по внешнему виду — яркой обложке, белой гладкой бумаге и золотому тиснению на корешке. Для них заказывали красивые шкафы и полки, в которых книги стояли под стеклом, новенькие и чистенькие, как солдаты на параде. Верхом невоспитанности в Книжном царстве считалось попросить почитать книгу — вдруг вы ее нечаянно испачкаете или, не дай бог, закапаете слезами!

Впрочем, таких книг, над которыми можно было бы вволю и посмеяться и поплакать, в Книжном царстве было раз-два и обчелся, потому что издавали там в основном придворных сочинителей, прославлявших своего Книжного короля. Пописывал, разумеется, и сам король. Вернее, писали за него другие, потому что сам он был страшно занят,— то книжная ярмарка, то день книги, то вечер экслибриса — а он лишь милостиво ставил свою королевскую подпись.

Первой дамой двора в Книжном царстве была, как вы уже догадались, Анжелика. А поскольку бумаги в Книжном царстве постоянно не хватало (леса уже были вырублены, начинало ощущаться кислородное голодание), поклонники Анжелики приносили ей в жертву старые книги, журналы, семейные альбомы, даже письма любимых. Мастера книжных дел превращали все это в чистую бумагу, а на ней печатали миллионными тиражами приключения Анжелики. Встречаясь на улице, не спра-

шивали, сколько у вас друзей, или сколько цветов на вашем окне, или сколько добрых дел вы сегодня сделали, а спрашивали, сколько у вас Анжелик. За Анжелику можно было выменять любую другую книгу, получить место при дворе, запломбировать зуб.

Книжные шкафы вельмож ломились от фолиантов и полных собраний сочинений, для простых же людей книг не хватало, и возле книжных лавок вечно толклись книжные жучки: король грозился лично отрубить им головы, да всё руки не доходили. Но речь не о них.

Жил в этом царстве мальчик, который больше всего на свете любил сказки. Узнав, что в продаже появилась книга Великого сказочника, он разбил свою копилку и кинулся в лавку. Целый час оностоял в очереди, но в тот самый момент, когда продавец протянул ему книгу, дверь распахнулась и вошел посыльный из дворца.

— Королевский экземпляр! — громко потребовал он.

Продавец побледнел — оставалась всего одна книга, которую уже держал в руках мальчик.

Услыхав требование вернуть сказки, мальчик горько заплакал, повернулся и побрел домой. От обиды он ничего не видел вокруг.

Книгу принесли во дворец. Даже не посмотрев картички, Книжный король поставил ее на полку и тут же забыл о ней. Он с детства не любил сказок, подозревая, и не без оснований, что в них больше правды, чем в иных очень толстых романах. Его можно было понять: все-таки он был король, хоть и книжный, а правда не для королей, правда — роскошь бедняков, вот пусть они и наслаждаются ею.

Но слеза мальчика, капнувшая на обложку, прожгла сердце Великого сказочника, которому в детстве тоже пришлось испытать немало обид. Подумайте сами, могли он спокойно стоять на полке, когда на его глазах совершилась величайшая несправедливость!

Как только во дворце все улеглись и захрапели с раскрытыми книжками в руках, как требовал того придворный этикет, он шепнул одному из самых любимых своих героев, стойкому Оловянному солдатику:

— Передай всем: когда уснет стража, мы покинем дворец.

— Зачем? — удивилась Принцесса на горошине. — По-моему, мы прекрасно устроились. Здесь все такие вежливые, воспитанные, никто нас не треплет, не вырывает друг у друга из рук.

— Уж лучше бы вырывали! — ответил Великий сказочник.

— Может, дождемся утра? — заметил Голый король. — Ночью все спят, а мне так хочется, чтобы народ увидел и оценил мое новое платье.

— До сих пор не может поверить, что он голый! — хихикнул Свинопас.

Наконец раздался грохот упавшей алебарды... простите, не алебарды, конечно, а увесистого тома (стражникам в Книжном царстве выдавались на ночь толстенные романы, которыми запросто можно было оглушить злоумышленника), и Великий сказочник шепнул: «Пора!»

Он первым вышел из книги, а вслед за ним и все его герои скользнули со страниц на мягкий ковер королевской библиотеки.

— Все здесь? — спросил он. — Никто не отстал? — И взяв книгу с полки, заглянул в нее.

Все страницы были чистыми: не осталось ни одного слова, ни одной картинки.

Он поставил книгу на место, если после этого ее можно было назвать книгой, и скомандовал:

— За мной, друзья!

Мимо стражи они прошли на цыпочках, зато на улицах дали волю шуткам и смеху.

Люди просыпались, открывали окна и с удивлением смотрели на эту развеселую процессию. Возглавлял ее Голый король, за ним хитрые ткачи несли шлейф его несуществующей одежды, рядом маршировал Оловянный солдатик, а Скверный мальчишка шептал что-то на ухо Оле-Лукойе в шелковом кафтане. Были здесь Дюймовочка и Русалочка, Снежная королева в карете и Кай с Гердой, Пастушка и Трубочист, Тень и Ханс Чурбан, да всех разве перечислишь. Великий сказочник затерялся среди своих героев — он ведь и при жизни был очень скромным.

В Книжном царстве время от времени устраивались такие театрализованные представления, поэтому все, кто стал свидетелем этого праздничного ночного шествия, решили, что это одно из них.

Но куда они шли? Куда вел их Великий сказочник? Разумеется, к мальчику. Он знал: сердце ребенка не должно очерстветь от ранних обид, иначе в будущем оно принесет горькие плоды.

Мальчик спал. На полу возле его кровати валилась

книга. Это были скучные нравоучения одного из преуспевающих придворных сочинителей. Великий сказочник взял ее за обложку, хорошенъко встряхнул, и все ее герои высыпались на пол, как тараканы из банки.

— Куда же мы теперь? — захныкали они.

— К тому, кто вас придумал! — ответил Великий сказочник.

И поскольку каждое его слово обладало волшебной силой, они тут же исчезли, как кошмарный сон.

Говорят, эти безобразники в самом деле поселились в доме своего создателя, целыми днями бездельничали, куролесили, несли всякую чушь и строили гадости автору. Пока он не догадался переиздать их.

А мальчик, проснувшись утром, обнаружил у себя под подушкой книгу Великого сказочника, новеньkąю, еще пахнущую краской, с цветными картинками и портретом автора. Не берусь описывать его радость и удивление. Но еще удивительней оказались сами сказки — он не мог оторваться от них, пока не прочитал все до одной. С картинками, правда, произошла маленькая неразбериха: ночью, в темноте и спешке, они перепутали, где чья сказка, и оказались на чужих страницах. Голый король попал в царство Снежной королевы, на горошине вместо Принцессы оказался Скверный мальчишка, а Принцесса вышла замуж за Трубочиста. Но от этого книга стала еще веселее: надо было угадать, кто из какой сказки.

Книгу прочитал сначала мальчик, потом его друзья. Она переходила из рук в руки, ею зачитывались взрослые и дети, люди переставали ссориться и обижать друг друга, столько мудрости и доброты было в сказках и волшебных историях Великого сказочника. Книга расстрапалась, страницы ее были закапаны воском (тогда ведь еще не было электричества) и слезами (а слезы были всегда), несколько раз ее подклеивали и заново переплетали, но это ведь обычная судьба всякой интересной книги.

А в королевской библиотеке по сей день стоит на полке за стеклом королевский экземпляр с чистыми неразрезанными страницами, но ни король, ни его приближенные даже не догадываются об этом, потому что никто ни разу не взял его в руки.

Это, конечно, сказка. А жаль! Если бы не читатели, а сами герои книг могли выбирать себе владельцев, каждый имел бы ту книгу, которую он заслужил.

Чудак-человек

Жил на свете Чудак-человек, никому от него покоя не было. То предлагает дома с окнами строить, то дикову козу приручить, чтобы она шерсть и молоко давала, то ветер поймать — пусть он зерно мелет. Не смеяйтесь, там, где он жил, ничего этого не знали и не умели, место это было на дне мрачного сырого ущелья, куда даже солнце не заглядывало, и люди там были такие же унылые и бессолнечные.

Однажды этот Чудак совсем немыслимое дело затеял. Взобрался на камень, чтобы его все видели, собрал вокруг себя народ и говорит:

— Я сделал величайшее открытие: здесь круглый год дуют сырье ветры, вы все вечно чихаете, и оттого у вас такие длинные унылые носы. А когда у человека унылый нос, он и весь унылый. Посмотрите, вот над нами гора — она зеленая и солнечная. Уйдем жить туда!

— Он сошел с ума! — проворчал человек, который жил на самом дне ущелья, Самый нижний человек. — Уйти жить на вершину только потому, что кому-то не нравится мой нос! Смешно!

— Очень смешно! — повторили за ним все остальные, но при этом, разумеется, никто даже не улыбнулся, и все стали расходиться по домам.

— Что ж, я уйду один! — крикнул им Чудак-человек. — А вы оставайтесь в этом каменном мешке!

Взял он за руку свою жену (а надо сказать, что он любил ее, несмотря на ее длинный унылый нос), и пошли они на вершину. Долго шли, но когда поднялись, увидели столько солнца, бабочек и цветов, что унылая жена не выдержала и впервые в жизни улыбнулась. И нос у нее стал тут же на одну улыбку меньше!

— Вот на этом месте, где ты первый раз улыбнулась, мы и построим дом! — воскликнул Чудак-человек. И хоть рядом было совершенно ровное и удобное место, он построил дом на бугорке, вкривь да вкось, но только потому что это было место первой улыбки его жены.

Какой же дом без новоселья! Сварил Чудак-человек плов, расстелил скатерть с угощениями, зовет ущельных людей отобедать у него.

— Э! Ты слишком высоко живешь, чтобы ходить к тебе в гости,— отвечают те.

Что тут будешь делать! Замотал Чудак-человек казан с горячим пловом в халат, взвалил на спину и понес в ущелье. Там и отпраздновали новоселье.

— А давай разведем цветы, уж на цветы они придут полюбоваться! — говорит жена, у которой носик стал уже совсем, как у нас с вами, потому что она просыпалась с улыбкой, целый день смеялась от счастья и даже во сне улыбалась — такие веселые снились ей сны.

Развели они розы. Снова зовет Чудак-человек ущельных людей:

— Эй! Идите все сюда — вы увидите диковинные цветы! Они заплели весь мой дом, я не могу найти, где дверь!

— Постыдился бы звать людей, когда живешь так высоко! — отвечают унылые люди.

Нарезал Чудак-человек охапку роз, понес в ущелье. Понюхали унылые люди, но ничего не поняли, потому что у всех у них был постоянный насморк. Только носы об щипы искалоли.

— Не ходи ты к ним, пусть живут как хотят,— сказала жена.— А то у тебя с каждым разом нос все длиннее, того и смотри, сам унылым станешь.

Вскоре у них родилась дочка, и Чудак-человек забыл об ущельных людях.

А девочка росла-росла и выросла. И стала красавицей. Все чаще уходила она к нижним людям, но уходила веселая, а возвращалась вся в слезах.

— И зачем только мы так высоко живем! — говорила она.— Никто не хочет даже проводить меня.

Взял Чудак-человек лопату и принялся долбить ступеньки. И когда дошел до самого низу, получилось три с половиной тысячи и еще одна ступенька.

Но женихи не шли и по ступенькам, их вполне устраивали унылые невесты.

— Придут ли эти люди хоть похоронить меня! — забеспокоился Чудак-человек.— Ну-ка, я лягу, а ты, жена, крикни им, что я умер.

— Нельзя шутить такими вещами!

— Крикни, говорю!

И крикнула жена:

— Эй, народ! Умер мой муж, вот несчастье!

Услыхали нижние люди, собрались в кучки и стали судачить.

— Ну вот, умер,— сказал один.

— Да, как ни высоко жил, а тоже умер,— сказал другой.

— Вот оно, значит, как,— сказал Самый нижний человек, который уже чуть не наступал на собственный нос.— Не лезь в гору, живи, где живешь,— все равно помрешь!

И разошлись по домам.

Первый раз в жизни рассердился Чудак-человек. Вскочил и закричал ущельным людям:

— Эх, вы! Я всю жизнь для вас старался, хотел вас на вершину перетащить, а вы даже похоронить меня не пришли!

— Так он живой! — возмутились внизу.— Ну и шуточки у него. И чтобы мы после этого ходили к нему в гости!

А Чудак-человек схватил лопату и в сердцах срыл все ступеньки — три с половиной тысячи и одну.

Но есть, есть прекрасное слово «однажды»!

И вот однажды, поздно вечером, когда дочь уже спала наверху в своей комнате, а Чудак сидел с женой у камина, в окошко постучали.

Он открыл дверь — на пороге стоял юноша.

— Кто ты?

— Я пришел издалека,— ответил молодой человек.— Я прошел через всю страну.

— Вижу — ты не из нашего селенья. Но что привело тебя к нам?

— Это покажется вам странным,— улыбнулся юноша.— Но я... просто пришел к вам в гости.

Муж и жена удивленно переглянулись. А гость продолжал:

— Еще в детстве я слышал: где-то есть человек, который живет так высоко, что никто не ходит к нему в гости. И я решил: когда вырасту, обязательно побываю у него.

— Кто из нас чудак — я или ты! — воскликнул хозяин.— Пройти всю страну, чтобы только сделать приятное другому человеку!

— Вы достойны друг друга! — засмеялась жена.

Она поставила на стол угощение, и до самого утра они ели, пили и наслаждались беседой.

А утром юноша увидал их дочь, влюбился в нее и навсегда остался жить с ними.

А что же нижние бессолнечные люди?

Однажды внук нашего чудака забавлялся зеркальцем и послал солнечный зайчик в ущелье. Там очень удивились, что это такое. Сначала попрятались, потом вышли, попробовали поймать его, загоняли в хлев, как цыпленка, накрывали его халатами и платками — солнечный зайчик был неуловим. Так, гоняясь за ним, они и не заметили, как поднялись на вершину. А когда поднялись и увидали, сколько здесь солнца, то уже не захотели возвращаться в свое мрачное ущелье. Остался там один Самый нижний человек. Гордость не позволяет ему перебраться на вершину — ведь получится, что прав был Чудак, а не он. Когда ему бывает скучно одному, он режет барашка, накрывает стол и зовет всех к себе, но ему отвечают:

— Ешь сам! Ты слишком низко живешь, чтобыходить к тебе в гости!

Принцесса коз

Однажды над небольшим селением, затерянным высоко в горах, появилась жарпица, или птица Симург, как называют ее в этих краях.

Известно: перо жар-птицы приносит счастье, поэтому все жители при виде нежданной гости заволновались. А тут еще чайханщик Мурод, как будто он был падишах, а не чайханщик, вывел на балкон своего двухэтажного особняка красавицу дочь и крикнул:

— Отдаю любимую дочку за того, кто добудет мне перо жар-птицы!

Дочь у него была красоты необыкновенной. Выросла она на коврах, питалась исключительно сладостями, наряды меняла каждый час. Правда, капризная была сверх всякой меры, ну да при таких достатках это не беда.

Что тут началось! Вся молодежь прямо с ума сошла, все кинулись плести сети, мастерить силки да ловушки, кто за ружье скватился, кто про дедовский лук со стрелами вспомнил...

Один Гаюр, сын вдовы, которая всю жизнь вышивала на продажу тюбетейки, даже ухом не повел.

— Ты что же, не хочешь жениться на дочери чайханщика? — крикнула ему через забор соседка Малика.— А я мечтала поплясать на твоей свадьбе!

— Сначала смой свои веснушки, Принцесса коз! — ответил Гаюр.

Так дразнили в селе Малику, потому что мать ее держала двух или трех коз, и Малика с утра до вечера гонялась за ними по горам. Вы скажете: как это — двух или трех, неужели нельзя сказать точно? В том-то и дело, что пока Малика искала одну козу, пропадала вторая, пока находила вторую, исчезала третья. Иной раз оставалась всего одна, но непосвященному человеку могло по-

казаться, что коз у Малики видимо-невидимо, все окрестные склоны усеяны ими...

— И правда, попытал бы счастья, сынок,— сказала мать Гаюра.— У меня уже глаза не видят тюбетейки вышивать. Эта, пожалуй, последняя — возьми ее себе...— и протянула сыну тюбетейку, вышитую обычными шерстяными нитками, но такую, что глаз не отвести.

Жалко ему стало старуху мать.

— Ладно, попробую...

Принцесса коз, сама как коза, вокруг него прыгает:

— Не поймаешь жар-птичку — не расстраивайся, я не дочь чайханщика, я за тебя и так пойду.

— Причешись сначала! — растрепал ей жесткую, как проволока, челку Гаюр и пустился в путь.

А Принцесса коз склонилась над родником, который был ей вместо зеркальца, посмотрела на себя, и слезы, как дождик, закапали у нее из глаз. Она была, что называется, дурнушка: курносый нос, выгоревшие ресницы, косы торчат на все четыре стороны света. Попробуй за козами погоняться — еще и не такой станешь!

Ну, да ладно, последуем за нашим Гаюром.

Шел он, шел, карабкался по отвесным скалам, карабкался и забрался на такую крутизну, что самому страшно стало. Тут его и ночь застигла. Запахнул он потуже халат, сел, прислонился к камню, да так и уснул.

Просыпается утром — что такое? На голове у него палка лежит. Хотел сбросить ее, глядь — вторая палка поперек первой на голову опускается. Поднял глаза к небу и ахнул: это жар-птица у него на голове гнездо вьет. Видно, приглянулась ей вышитая цветными узорами материнская тюбетейка...

Что тут делать? Известно, что: хватай ее за хвост, пока не улетела! Но Гаюр пожалел жар-птицу. Раз она облюбовала для гнезда его голову, значит, лучшего места не могла найти, пусть вьет.

Между тем, в селе заметили сидящего на вершине Гаюра, у которого жар-птица на голове гнездо сооружала. Все жители от мала до велика выссыпали на плоские крыши своих домов и стали в недоумении переговариваться между собой: «Что же он медлит? Спит, что ли?»

Тут Гаюр почесал за ухом, и народ заволновался пуще прежнего: «Не спит!»

Закончила жар-птица вить гнездо (а получилось оно,

надо сказать, на славу, потому что она еще и ваты из халата у Гаюра надергала), снесла яйца и села птенцов высиживать.

День проходит, второй, третий. Сидит жар-птица в гнезде, хвост до самой земли свесила, хорошо ей, уютно. А каково Гаюру? Днем солнце немилосердно печет, ночью холодом от ледников тянет, шея под тяжелым гнездом так и гнется. Но терпит...

У матери Гаюра сердце кровью обливается. Который день сын, бедняжка, голодный сидит. Налила кувшин молока, понесла Гаюру. Да куда ей! На первом же камушке оступилась, кувшин разбила, молоко ручьем полилось...

Младший брат Гаюра нарвал яблок, понес Гаюру. Довольно высоко взобрался, да на узком овринге оробел, зашатался — яблоки по всему ущелью раскатились..

Ночь настала. Жар-птица с гнезда слетела, в небо взвилась, звезд поклевала, из Млечного Пути напилась. А у Гаюра вот уже сколько дней маковой росинки во рту не было. Закрыл он глаза, стал дремать, чтобы о еде не думать.

Утром проснулся, глядь — перед ним свежая лепешка и кувшин студеной воды. Чья же это добрая душа позаботилась о нем? Схватил он лепешку, ест, водой запивает, чувствует, как силы к нему возвращаются.

Весь народ снова на крыши высыпал: у Гаюра лепешка с водой появились! Кто мог доставить их ему на такую головокружительную высоту? Не иначе как жар-птица. Ведь если перо ее приносит счастье, то почему бы ей самой не принести лепешку доброму человеку? Вот только где она их берет, не печет же сама?

Неизвестно, кто и где выпекал эти лепешки, только появлялись они перед Гаюром теперь каждое утро. Как ни старался он подкараулить своего таинственного благодетеля, как ни таращился по ночам в темноту, но перед самым рассветом всегда хоть на пять минут засыпал, а когда просыпался, лепешка и кувшин воды были уже перед ним.

...Уходил Гаюр искать жар-птицу молодым и стройным, а пока вывела она птенцов, стал на старика похож: борода отросла, согнулся, от солнца и холода почернел. Но доволен: над головой уже птенцы пищат.

— Этот Гаюр не такой простак, как мы думаем, — потирая руки, говорил чайханчик Мурод. — Ему мало одной жар-птицы — он решил ее вместе с птенцами пой-

мать. Вот это по-моему! Ради этого стоило немножко и пострадать...

Хорошенькое «немножко»! Посидел бы сам на его месте.

Трудное время для Гаюра настало. Птенцы растут не по дням, а по часам, в гнезде потасовки устраивают, мускулы развиваются, гнездо так ходуном и ходит. А надо держаться: уронишь гнездо — птенцы со скалы упадут, насмерть разобьются.

Снова народ заволновался: ну чего он ждет? Ведь окрепнут — вылетят, ни с чем останется, счастье свое упустит. Все нервы людям вымотал!

А птенцы уже на краю гнезда сидят, крылья расправляют, глазом в небо косят.

— Хватай — улетят! — кричит Гаюру чайханщик Мурод. — Больше все равно не вырастут!

Сидит Гаюр, не шелохнется, руками в землю упираясь, из последних сил держится.

И вот подтолкнула жар-птица плечом одного птенца, потом второго, а вслед за ними и сама взмыла в небо. Тут только Гаюр расслабился, тряхнул головой, сбросил с себя тяжелое гнездо и упал в изнеможении.

Лежал он и видел, как парят в небе три жар-птицы, три радуги — одна большая, две поменьше, — и улыбался от счастья, что выдержал до конца.

А жар-птица, сделав круг над гнездом и увидав лежащего без сил Гаюра, только теперь поняла, что это не скала была, не камень — живой человек так терпеливо ждал, пока она высидит у него на голове птенцов.

И, когда спускался он по тропинке на негнущихся ногах, вдруг увидал, как с неба спланировало и упало прямо перед ним перо жар-птицы — подарок от нее за его терпение и доброту.

Нагнулся Гаюр, поднял перо. А было оно, видать, и вправду непростым, потому что нагнулся Гаюр стариком с бородой и сгорбленной спиной, а разогнулся прежним Гаюром — молодым и веселым.

Помахал он жар-птице и, спрятав перо, заторопился домой.

Все село вышло встречать его. В каждом доме для него угощение, везде он желанный гость, ведь все видели, как жар-птица ему перо подарила.

Гаюр не отказывался. Заходил, присаживался к столу, но ко всеобщему удивлению почти не прикасался к еде.

Отщипнет кусочек лепешки, попробует, поблагодарит — и дальше.

— Это он бережет силы для угощения в доме чайханщика Мурода,— шептались за его спиной.— Уж там его встретят!

В самом деле, обед у чайханщика был приготовлен прямо-таки царский. Но каково же было изумление присутствующих, когда Гаюр и здесь ничего не стал есть. Надломил лепешку, попробовал: «Нет, не она...» — и поднялся из-за стола.

— А перо жар-птицы? — напомнил чайханщик Мурод.— Ты не хочешь получить за него мою дочку? Так что же ты хочешь?

— Я готов отдать его всего лишь за одну лепешку,— ответил Гаюр.— Но только за ту, которую ишу...

Он обошел все дворы, но, увы, безуспешно. Да уж и впрямь — не жар-птица ли приносила ему те лепешки?

Невеселый подходил он к своему дому.

— Ну что, Гаюр, выбрал невесту? А когда свадьба? — раздался за его спиной задиристый голосок Принцессы коз.

Он остановился, подумал и решил не обижать ее — раз уж у всех побывал, надо хотя бы из вежливости и к ней зайти.

Усадила она его за стол, на столе — чай, сладости. Сама напротив села, щеки кулачками подперла.

— А не найдется ли у тебя лепешки, Принцесса коз? — спросил Гаюр, потому что в самом деле проголодался.

— Сегодня не пекли,— ответила она.

— Так, может, испечешь?

— Этим занимается мать,— ответила Малика.— Но ее нет дома, она ищет пропавшую козу.

— Ты даже не умеешь испечь лепешку! — поразился Гаюр.— Да кто же тебя возьмет замуж, такую белоручку?

— А у меня муж будет все делать,— не отрывая кулачков от щек, сказала Малика.— Я буду ему только указывать.

Надо ли описывать возмущение нашего Гаюра! Хотел он тут же встать и уйти, но что-то удержало его. Поборов в себе мужское самолюбие, он засучил рукава и сказал:

— Ну давай, командуй...

— Разожги огонь,— сказала Принцесса коз,— отмерь три чашки муки... Теперь возьми ведро и подой козу...

— Вот уж это не мужское дело! — вскричал Гаюр.— Чтобы я доил эту лупоглазую сестру шайтана?! Не быть этому!

— Хорошо, можешь замесить тесто на воде.

— Нет, я хочу ту лепешку, которую готовят в вашем доме всегда.

— Тогда дои сестру шайтана...

Как ни оскорбительно было для Гаюра доить козу, которая к тому же ни секунды не стояла на месте, он все же изловчился выдоить из нее полкувшина терпкого, пахнущего горными травами молока. Сделал и все остальное, как велела Принцесса коз, а когда попробовал свежеиспеченную лепешку, понял, что зря ходил по всему селу — надо было начать отсюда!

— Что ж не попробуешь мое изделие, да не оцениши, гожусь ли я тебе в мужья? — с трудом скрывая волнение, сказал Гаюр.

Принцесса коз даже не оторвала кулачков от щек.

— Разве мой муж не будет кормить меня из рук? — усмехнулась она.

И тут новая догадка пронзила Гаюра. Он подошел к Малике, разжал ее кулачки (она при этом вскрикнула от боли) и увидел, что ладони у нее — сплошные кровоточащие раны. Вот чего стоило ей каждую ночь подниматься к нему по острым, как ножи, отвесным скалам.

Перо ли жар-птицы тому виной или что-то другое, но Гаюр вдруг почувствовал, что смотрит на нее совсем другими глазами. И он увидел, что Малика, которую все считали дурнушкой, вовсе не дурнушка — просто она не такая, как все: ни у кого нет таких солнечных веснушек, как у нее, и таких торчащих в разные стороны косичек, как у нее, и такого платья с разноцветными заплатами в виде цветов. А главное — такого любящего верного сердца...

— Зачем мне перо жар-птицы? — восхликал Гаюр.— Может ли оно принести мне больше счастья, чем любовь преданного человека? — И он, выхватив перо из-за пазухи, подбросил его вверх со словами: — Лети! И принеси счастье тому, у кого его еще нет...

Когда Гаюр переступил порог своего дома, мать, укоризненно покачав головой, сказала:

— Где же твоя жар-птица, сынок? Ты так и не поймал ее?

Гаюр улыбнулся и, показав на Малику — Принцессу коз, сказал:

— Вот она!

Генеша

В одном зоопарке жил слоненок, звали его Генеша. Все звери жили здесь в клетках, но Генеша считал, что так и должно быть, потому что не знал, как должно быть на самом деле. Он родился в зоопарке, и мама, чтобы не расстраивать его, не рассказывала ему о джунглях.

Дети кормили Генешу конфетами, мороженым и фруктами, и слоненок научился кланяться и махать хоботом, выспрашивая лакомство.

Но вот однажды старый попугай ка-
каду презрительно сказал ему:

— Такой маленький, а уже попро-
шайка! Что из тебя дальше будет?

— Что такое попрошайка? — спро-
сил Генеша.

— Не знаешь? «Пода-а-а-йт» яблочко
бедному слоненку! Тыфу!

— А что такое «тыфу»? — спросил
Генеша. Он был еще совсем маленький,
ему надо было все объяснять.

— Это я плюнул, — сказал Попугай.

— Зачем?

— Затем, что мне противно смотреть
на тебя! Где твоя гордость? С утра до
вечера клянчить то яблочко, то кон-
фетку...

— Ну а как же иначе? Конфеты ведь
на деревьях не растут! — Генеша не мог
понять, в чем его обвиняет Попугай.

— Растут! — рявкнул тот.

— Вот дерево, а где конфеты? —
взразил слоненок.

— Не здесь!

— А где?

— В джунглях! Там растут не только
конфеты — орехи, бананы, манго. Все,
что твоей душе угодно.

— Где, ты сказал? В жунг...

— В джунглях, — повторил Попу-
гай. — Запомни это слово: Джунгли!
Джунгли! Правда, ты никогда их не

видел, потому что родился в зоопарке. Но я-то помню!

С этого дня слоненок затосковал. Все решили, что он болен, и возле него собирались лучшие врачи. Ему трогали лоб, щупали хобот, слушали легкие — слоненок был здоров, но слезы так и капали у него из глаз.

— Ну, что с тобой? — ласково погладив его, спросила слониха-мама, когда врачи ушли посовещаться.

— Я хочу в джунгли, — грустно сказал слоненок.

— Вот оно что! — Мама печально вздохнула. — Забудь о них, нам теперь уже никогда их не увидеть.

— А где мой папа? — спросил Генеша.

— Ему удалось спастись. Когда ловили зверей для зоопарка, он так мужественно сражался, защищая всех нас! Его опутали канатами, но он порвал канаты. Его заковали в цепи — он и цепи порвал. Он расшвырял всех охотников, но при этом сломал бивень. А слонов со сломанными бивнями в зоопарк не берут... У него были самые большие бивни, — продолжала мама-слониха. — Он часто говорил: когда у нас родится маленький Генеша, я попрошу ткачиков сплести у меня на бивнях гамак и буду нянчить его. Он любил тебя еще до того, как ты появился, но так никогда теперь уже и не увидит.

Но мама ошиблась. Поставив какой-то сложный диагноз, врачи решили лечить Генешу гипнозом, и в первый же сеанс сна, когда врач-гипнотизер внушил ему, что он в джунглях, Генеша увидел и диковинные растения, и крокодилов, и обезьян. А когда из зеленой чащи вышел слон-великан со сломанным бивнем, Генеша сразу догадался, что это его отец, и бросился к нему. Хорошо, что мама упомянула про сломанный бивень, иначе они могли и не узнать друг друга.

Генеша рассказал отцу про зоопарк и, чтобы он не очень переживал, сказал, что в зоопарке в общем-то жить можно, вот только непонятно, какая радость людям смотреть на зверей в клетках. Папа-слон слушал Генешу, качал головой, а из глаз у него катились слезы — каждая величиной с греческий орех. Он очень любил маму и день и ночь тосковал по ней... Потом они бродили по джунглям. Папа-великан наклонял до самой земли могучие деревья, Генеше оставалось только срывать хоботом сладкие плоды и уплетать их за обе щеки.

Но вот окончился сеанс гипноза, проснулся Генеша — ни джунглей, ни папы, только грустные звери в клетках. Зато как обрадовалась мама, когда Генеша рассказал ей, что он был в джунглях и видел папу,

который жив-здоров, только очень скучает без них и передает ей тысячу приветов и поцелуев.

На второй день снова состоялся сеанс гипноза. Генеша снова встретился с папой-слоном и передал ему от мамы миллион объятий и поцелуев. Весь день они развлекались, обливая друг друга водой, и только отсутствие мамы, которая в это время томилась в зоопарке, омрачало их праздник.

После третьего сеанса Генеша совсем повеселел, хобот у него снова стал упругий и гибкий, глазки сияли, как две звездочки.

«Слоненок выздоровел!» — сказали врачи.

Генешу снова вывели в открытый вольер, где его ждали дети, так переживавшие за него,— ведь он был общим любимцем всего зоопарка.

Но самое главное, о чем не знали ни врачи, ни служащие зоопарка, с этого дня Генеша сам, без всякого гипноза стал убегать во сне в свои родные джунгли. То есть сны ему снились и раньше, но раньше он не знал, что бы ему такое увидеть во сне, теперь же все было по-другому. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним возникали волшебные картины родной земли, где он был свободным и счастливым.

Так он и жил — между зоопарком и джунглями, между мамой и папой, между ночью и днем. Каждый раз он все неохотнее возвращался в зоопарк, но папа говорил: «Надо, сынок, ведь там наша мама, нельзя оставлять ее одну». И Генеша возвращался.

— Я смотрю, ты совсем перестал попрошайничать, — заметил как-то Попугай. — Гордый стал? Или мои слова подействовали?

— Да нет, — ответил слоненок. — Просто я каждую ночь бываю в джунглях и пытаюсь там дикими плодами. Ты был прав: они намного вкуснее всех этих конфет и пирожных.

— Как можно питаться тем, что видишь во сне? — удивился Попугай. — Во сне ведь все ненастоящее.

— Ты можешь кому-нибудь присниться?

— Конечно, могу.

— Значит, ты ненастоящий.

— Я настоящий — сон ненастоящий.

— Для тебя. А для того, кому ты снишься?

— Для того, кому я снюсь, сон настоящий, а я не настоящий.

— А тот, кому...

— Надоел! — рявкнул Попугай.— Лучше бы я тебе ничего не рассказывал про эти джунгли!

— Но они ведь все равно есть, хоть рассказывай про них, хоть нет,— вздохнул Генеша.

Зимой, когда ночи стали длиннее дня, Генеша начал путать, где сон, а где правда. Он засыпал, а думал, что проснулся, бродил по вольеру, а думал, что это сон. В вольере было холодно, и так не хотелось каждое утро возвращаться сюда из жарких джунглей, где все было пропитано теплом и влагой, а плоды лежали на земле!

— А почему ты мне никогда не приснишься? — прижавшись к слонихе-маме, чтобы хоть немного согреться, спросил однажды Генеша.

— Да ведь я наяву все время с тобой,— отвечала она.— Пусть лучше тебе почаше снится папа, кто знает, может, в это время и мы ему снимся.

— А как бы хорошо было нам всем встретиться во сне! — засыпая, прошептал слоненок.— Тогда бы мне не надо... было...

— Что — не надо было? — спросила мама.

Но слоненок не ответил — он уже спал.

Материнским сердцем она почувствовала тревогу и разбудила Генешу.

— Не спи! Во сне можно замерзнуть. Сегодня очень холодно, слышишь, за стеной трещат деревья?

— Но ведь папа будет ждать! — пробормотал слоненок.— Он подумает: что-то случилось, раз меня нет...

Всю ночь мама-слониха тормошила Генешу, не давая ему уснуть. Но под утро он все-таки улучил минутку и вздрогнул. Какое счастье! Ему приснилось то, о чем он так мечтал: мама, папа и сам он — все трое в родных, милых сердцу джунглях.

— Наконец-то ты с нами! — воскликнул Генеша.

— Ты так соскучился по мне? — приятно удивилась мама.— Неужели я не надоела тебе в нашем тесном вольере?

— Ты ничего не поняла! — засмеялся Генеша.— Теперь мне не надо возвращаться в зоопарк.

И он навсегда остался во сне.

Там он и живет. Единственное, о чем он жалеет из своей прошлой жизни, это дети, которых он так любил. И Генеша, зная, что огорчил их, старается почаше являться им во сне, ведь слоны снятся к счастью.

Когда вы увидите во сне Генешу, кто знает, может быть, в это время и он видит вас...

Содержание

<i>Виталий Севастьянов</i>	
ШКОЛА ЕФРЕМОВА	5
<i>Евгений Гуляковский</i>	
СЕЗОН ТУМАНОВ. Роман	11
<i>Олег Корабельников</i>	
БАШНЯ ПТИЦ. Повесть	249
<i>Юрий Медведев</i>	
КУДА СПЕШИШЬ, МУРАВЕЙ? Повесть	297
НЕУДАЧНИК. Рассказ	351
<i>Геннадий Прашкевич</i>	
КОСТРЫ МИРОВ. Повесть	361
<i>Владимир Рыбин</i>	
ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ. Повесть	423
<i>Михаил Пухов</i>	
ЧЕЛОВЕК С ПУСТОЙ КОБУРОЙ. Рассказы	451
<i>Евгений Сыч</i>	
ЗНАКИ. Повесть	497
<i>Юрий Тупицын</i>	
ШУТНИКИ. Повесть	523
<i>Юрий Глазков</i>	
АДАПТИВНАЯ ЖЕНА. Рассказ	557
<i>Виталий Пищенко</i>	
РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ. Рассказ	567
<i>Юрий Харламов</i>	
КОРОЛЕВСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР. Фантастические сказки	573
С 56 Советская фантастика 80-х годов. Кн. 1/Сост.	
Е. Гуляковский; Предисл. В. Севастьянова; Ил.	
П. Перевезенцева.— М.: Дружба народов, 1994.—	
592 с.: ил.— (Б-ка фантастики. В 24 т. Т. 8. Кн. 1)	
ISBN 5-285-00008-4	

В очередной том «Библиотеки фантастики» вошли произведения современных советских писателей-фантастов так называемой Школы Ефремова. В книге представлены различные жанры и направления, характерные для фантастической прозы 80-х годов: философская проза Е. Гуляковского, фольклорная фантастика О. Корабельникова, космический вестерн М. Пухова, фантастические сказки Ю. Харламова.

«Библиотека фантастики» в 24 томах. Том 8, кн. 1

Советская фантастика 80-х годов. Кн. 1

Составитель *Е. Гуляковский*

Редактор *Г. Широкова*

Художник *П. Перевезенцев*

Технический редактор *Г. Такташова*

Корректор *В. Тищенко*

Издательская лицензия ЛР № 010178 от 31.01.92 г.

Сдано в набор 20.09.90. Подписано в печать 20.06.94.

Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура

«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08. Усл.

кр.-отт. 68,12. Уч.-изд. л. 36,98. Доп. тираж

30 000 экз. Заказ 110

Издательство «Дружба народов» Комитета Российской Федерации по печати. 101424, Москва, К-6, ГСП, ул. Петровка, 26

Диапозитивы изготовлены на Можайском полиграфкомбинате
Комитета Российской Федерации по печати. 143200, Можайск
ул. Мира, 93

Отпечатано в А/О «Астра семья». 121019, Москва, пер. Аксакова, 13

БИБЛИОТЕКА
ОГИБДД

Советская
фантастика 80-х годов

